

НОВАЯ ИСТОРИЯ стран Европы и Америки Начало 1870-х годов - 1918 г.

Под редакцией
И. В. Григорьевой

Допущено
Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»

Издательство
Московского университета
2001

УДК 93/99
ББК 63.3
Н73

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ**

Рецензенты:

кафедра истории и политики стран Европы
и Америки МГИМО(У) МИД России;
доктор исторических наук, профессор З.П. Яхимович

**Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х
H73 годов — 1918 г.: Учебник / Под ред. И.В. Григорьевой. —
М.: Изд-во МГУ, 2001. — 720 с.**

ISBN 5—211—02587—3

В учебнике освещается история наиболее крупных стран Европы, США и Латинской Америки от начала 70-х годов XIX в. до окончания Первой мировой войны, а также общие проблемы: история международных отношений, международного рабочего и социалистического движения, мировая война 1914—1918 гг., развитие культуры. Насыщенность фактическим материалом сочетается с проблемным подходом к характеристике особенностей данного исторического периода и типологических различий внутри рассматриваемой группы стран.

Для студентов исторических факультетов.

**УДК 93/99
ББК 63.3**

ISBN 5—211—02587—3

**© Издательство Московского
университета, 2001 г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Университетский учебник, охватывающий данный период новой истории стран Европы и Америки, в последний раз издавался в 1973 г. (Новая история. 1870—1918 / Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова). Истекшее с тех пор время принесло кардинальные изменения в жизни страны, отразившиеся в исторической науке поисками новых методологических ориентиров, острыми спорами по многим коренным проблемам, пересмотром ранее считавшихся общепринятыми трактовок (подчас -- с заменой их на прямо противоположные).

Дискуссионным стал, в частности, вопрос о периодизации истории Нового времени. Высказывались разные точки зрения насчет как хронологических рамок этой эпохи в целом (особенно исходного рубежа, отделяющего Новое время от Средневековья), так и традиционного для советской историографии разделения новой истории на два периода. Предложения отказаться от принятой хронологии так называемого II периода новой истории мотивировались главным образом тем, что таким образом реальный исторический процесс схематизировался в духе навязанных КПСС идеологических штампов. Представляется, однако, что сколько-нибудь убедительных аргументов в обосновании иных хронологических рамок этого периода пока не выдвинуто.

Уже давно никто не настаивает на том, чтобы вести отсчет «II периода» новой истории от Парижской Коммуны 1871 г. и считать его завершением Октябрьскую революцию 1917 г. в России. Но то время, когда произошли оба эти события, было действительно переломным во многих отношениях. К началу 70-х

годов завершилась эпоха буржуазных революций в странах Запада, закончилось объединение Германии и Италии; франко-прусская война повлекла за собой глубокие изменения в системе международных отношений в Европе. С другой стороны, кардинальные исторические сдвиги произошли под воздействием мировой войны 1914—1918 гг., признаваемой практически всеми как рубеж между Новым и Новейшим временем. В настоящем учебнике, таким образом, рассматривается (как и в учебнике 1973 г.) история стран Европы и Америки за период от начала 70-х годов XIX в. до окончания Первой мировой войны.

Этот период имеет свою специфику, существенно отличающую его от предшествующего. Череда буржуазных революций сменяется в странах Запада эволюционным развитием в рамках упрочившегося конституционно-парламентского строя. Вместо прежних аморфных и неустойчивых политических группировок складываются более или менее организационно оформленные политические партии различной ориентации. Характер экономического развития определяется уже утвердившимся в основных странах господством капиталистических отношений. С известным разбросом во времени в этих странах совершается переход от доиндустриального к индустриальному обществу. Свободная конкуренция производителей на рынке, достигнув предельного развития в последней трети XIX в., начинает уступать место соглашениям между сильнейшими из них, что ведет к образованию гигантских корпораций, борющихся за монопольное господство в своей сфере деятельности. Возникают новые социальные проблемы, классовые столкновения становятся более острыми и упорными, а с другой стороны, предпринимаются первые шаги по пути реформ, направленных на смягчение социальных противоречий.

В построении учебника сохранено методически оправдавшее себя сочетание глав, посвященных отдельным странам (но только наиболее крупным), и глав, в которых рассматриваются общеисторические проблемы (развитие международных отношений, международного рабочего движения, история культуры). Излагаемый материал разделен — как это делалось в

университетском учебнике и раньше — на две части, охватывающие соответственно последнюю треть XIX и начало XX в. (включая мировую войну). С целью усилить проблемный характер изложения обеим частям предпосланы специальные вводные разделы.

В учебной литературе советского времени Новая история 1870—1918 гг. интерпретировалась по схеме, построенной на ленинской теории империализма — как переходный к империализму период и начало эпохи империализма как таковой. Связанный с этой теорией прогноз Ленина относительно дальнейшего хода общественного развития (империализм — последняя стадия капитализма, канун социалистической революции) оказался неверным. Но отсюда еще не следует, что его концепция империализма вообще не заслуживает рассмотрения в университетском историческом курсе и не имеет никакого реального содержания. Многое из того, что констатировал в своем анализе империализма Ленин, признавалось не им одним или же основывалось на специальных исследованиях других авторов. Так, происшедший к началу XX в. сдвиг от господства свободной конкуренции к господству монополий был очевиден для современников — при всех расхождениях в оценках этого явления и его последствий. Поэтому в учебнике не используются понятия «империализм», «эпоха империализма» в том основополагающем значении, какое придавалось им раньше, но есть характеристика капитализма начала XX в. как капитализма монополистического — с рассмотрением его особенностей в специальной главе. Мы сочли уместным сохранить и производную от понятия «империализм» терминологию там, где речь идет о международных отношениях и внешнеполитических акциях основных капиталистических стран в это время («империалистическая колониальная политика», «империалистические войны» и т.д.).

В главах учебника нашли отражение определенные различия авторских подходов. Редколлегия не могла не считаться с ними и не задавалась целью привести весь материал «к общему знаменателю». Но в процессе работы ее участники старались максимально сблизить свои точки зрения и найти приемлемый для всех тон изложения.

Учебник подготовлен кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В его написании участвовали: к.и.н. В.Н. Горохов, д.и.н. И.В. Григорьева, д.и.н. И.П. Дементьев, к.и.н. Н.В. Кирсанова, д.и.н. Э.Э. Литаврина, д.и.н. Н.М. Мещерякова, д.и.н. А.Н. Патрушев, к.и.н. С.А. Соловьев, д.и.н. А.И. Строганов, к.и.н. В.И. Терехов, д.и.н. Е.Ф. Язьков.

Членами авторского коллектива также являются: д.и.н. Р.Я. Евзеров (Институт сравнительной политологии РАН), д.и.н. Т.М. Исламов (Институт славяноведения РАН), д.и.н. А.В. Ревякин (МГИМО МИД РФ), к.и.н. Н.Ф. Ушкевич (Пермский государственный университет).

Составление хронологии и библиографии, организационная работа выполнены к.и.н. Е.П. Наумовой.

Авторский коллектив выражает благодарность всем коллегам, оказавшим помощь в ходе подготовки учебника.

Раздел I

**ЕВРОПА И АМЕРИКА
в последней
трети XIX в.**

Введение

Исторические итоги эпохи буржуазных революций в странах Западной Европы и в США. К началу 70-х годов XIX в. закончился период, ознаменованный в истории стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки (обычно объединяемых понятием «Запад») целой серией буржуазных революций. Эти революции были частью длительного процесса становления буржуазных общественных отношений и ускорили его завершение, устранив коренные основы «старого порядка».

Вызревавший в недрах западноевропейского общества капиталистический уклад в результате революций или последовавших за ними преобразований избавился от пут цеховой регламентации, от помех, стеснявших развитие торговли, получил правовые гарантии свободы предпринимательской деятельности и неприкосновенности частной собственности. В США, где в колониальный период не было феодализма, важнейшей предпосылкой свободного и беспрепятственного развития капиталистических отношений стало завоевание государственной независимости, а затем — ликвидация системы плантационного рабства на Юге. В Германии и Италии образование единых государств создало необходимые политические условия для формирования общенационального рынка.

Процесс буржуазного общественного переустройства в странах Запада осуществлялся не только в весьма различных исторических формах, но и с неодинаковой глубиной и последовательностью. Это относилось, в частности, к сфере поземельных отношений. В Испании, Южной Италии, остальской Германии к началу 70-х годов XIX в. в большей или меньшей степени еще сохранились унаследованные от феодального прошлого аграрные порядки. Они не были затронуты происшедшими в этих странах революциями, а реформы, закрепившие эволюционный «прусский» путь перехода к капиталистическим отношениям в немецкой деревне, к тому времени еще не принесли своих главных результатов. Феодальные пережитки тормозили развитие экономики на новой, буржуазной основе. Впрочем, и во Франции, где буржуазный строй одержал решающую победу над феодализмом благодаря революции, экономический рост после революционных

потрясений и наполеоновских войн был довольно медленным. Но так или иначе капитализм стал господствующей в хозяйственной жизни системой отношений. Это послужит предпосылкой значительного экономического рывка, который произойдет в Западной Европе и США в последней трети XIX в.

В государственно-правовой сфере главным историческим результатом эпохи буржуазных революций явилось утверждение в странах Запада конституционно-парламентского строя и основных гражданских свобод. Раньше других стран в этом направлении двинулась Англия, где соответствующие политические и правовые институты складывались постепенно и закреплялись законами разного времени, не сведенными в единый конституционный документ, а также традицией. Важнейшие принципы правового государства были провозглашены в конце XVIII в. американской и французской революциями и нашли широкий отклик. Но условия для их практической реализации тогда еще не созрели, они намного опередили свое время. Первые политические формы, в которых их пытались воплотить, по большей части оказались неустойчивыми и недолговечными (исключение — США, где и поныне продолжает действовать политическая система, в основных своих чертах оформленная Конституцией 1787 г.). Наиболее яркий пример тому — сложный, зигзагообразный путь политического развития Франции в 1789—1870 гг.: за этот период, вместивший четыре буржуазных революции, здесь сменились на престоле три династии, монархия приобретала то более или менее конституционные формы (в 1791—1792 годах, после реставрации Бурбонов, при Орлеанах), то цезаристский характер (империя двух Бонапартов), возникли и пали две республики и лишь третья, провозглашенная в ходе покончившей с бонапартистским режимом революции 1870 г., просуществует семь десятилетий и закрепит победу республиканского строя.

Тем не менее к концу эпохи буржуазных революций в странах Запада уже не осталось абсолютных монархий, повсеместно существовали конституции, в которых был зафиксирован принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, функционировали представительные органы, имевшие по крайней мере одну выборную палату, входило в практику признание ответственности правительства перед парламентом. В большинстве действовавших к началу 70-х годов конституций содержались положения о равенстве граждан перед законом, о свободе слова, печати, собраний.

Это были важные демократические завоевания. Парламентские системы последней трети XIX в. по большей части, однако, опирались на сравнительно узкую избирательную базу. Избира-

тельного права для женщин тогда не существовало вообще. Для мужчин оно было к началу этого периода или стало до конца столетия всеобщим в Германии, Франции, Швейцарии, Испании, Бельгии, Норвегии. Парламентские реформы, расширившие круг избирателей, но сохранившие в силе сам принцип его ограничения имущественным цензом, прошли в Англии (1867 и 1884 гг.), Италии (1882), Нидерландах (1896). В итоге число лиц, имевших право голоса, по отношению ко всему населению старше 20 лет в странах со всеобщим избирательным правом составляло (с отклонениями в обе стороны) около 40%, а там, где его не было, колебалось в пределах от 10,6% (Австрия — 1873 г.) до 29,3% (Англия — 1885 г.).

Избирательные кампании и деятельность парламентов способствовали становлению в основных странах Запада более или менее оформленных политических партий и выработке определенного механизма взаимоотношений между ними. В Англии и США еще раньше сложилась система двух партий, из которых правящей становилась та, которая побеждала на выборах (парламентских — в Англии, президентских — в США). Но составные элементы этих систем не оставались неизменными, они трансформировались или замещались другими. Парламентская реформа 1867 г. в Англии побудила и тори, и вигов приступить в целях завоевания новых избирателей к созданию местных ассоциаций, клубов и других постоянно действующих форм объединения своих приверженцев. Менялась не только организационная структура этих партий; вместо их исторических, не отражавших характера политических платформ названий окончательно вошли в обиход наименования «консервативная партия» и «либеральная партия», впервые появившиеся еще в связи с парламентской реформой 1832 г. В США Гражданская война и Реконструкция закрепили смену системы «демократы — виги» новым вариантом двухпартийной системы, сложившимся на основе политического размежевания в ходе второй американской революции: партия вигов исчезла, демократическая партия претерпела глубокую реорганизацию, а ведущая роль перешла к возникшей в 1850-е годы республиканской партии. Для Германии после объединения и Франции при Третьей республике характерна множественность представленных в парламентах партий, что побуждало их так или иначе блокироваться между собой (ни одна из них сама по себе не имела большинства в депутатском корпусе). При этом немецкие партии выступали с определенными программами, собирали свои съезды и т.д., тогда как во Франции даже в начале XX в. партии в большинстве случаев существовали только как парламентские группы и точное их число вообще не было известно.

Политические партии того времени более или менее открыто направляли свою деятельность в интересах определенных классов и слоев общества. Повсюду в Европе, где существовали консерваторы, они были по преимуществу партией крупных землевладельцев, так же как либералы — партией буржуазной, хотя и те и другие, разумеется, распространяли свое влияние на более широкие слои населения. Различные и достаточно пестрые политические силы ориентировались на городскую мелкую буржуазию и крестьянство. Новым явлением в политической жизни последних десятилетий XIX в. стало формирование в странах Запада социал-демократических рабочих партий.

Ремесленники, городской предпролетариат, первые поколения собственно пролетариев активно участвовали в буржуазных революциях, но слитно с общедемократическим движением, не выделяясь внутри него ни организационно, ни политически. Однако накопление исторического опыта — особенно в ходе европейских революций 1848—1849 гг. — подготовило отделение рабочего движения от мелкобуржуазной демократии. Важную роль в этом процессе сыграла деятельность основанного в 1864 г. Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). С другой стороны, в 1871 г. во Франции произошла революция иного, чем предшествовавшие, социального содержания, которая передала — хотя и на короткий срок — политическую власть в Париже в руки рабочих (Парижская Коммуна). Все это прокладывало путь идее организации пролетариата для самостоятельного политического действия — в партию, отличную и независимую от партий имущих классов. На протяжении 70—90-х годов такие партии были созданы практически во всех странах Западной Европы и в США и кос-где (особенно в Германии) начали приобретать значительное влияние. Участвуя в избирательных кампаниях, проводя своих депутатов в парламенты, они учились использованию парламентской демократии в интересах рабочего класса и активно выступали за ее дальнейшее расширение.

Особенности развития стран с незаконченными процессами буржуазных преобразований. Наряду с группой стран, основательно продвинувшихся к началу 70-х годов XIX в. по пути буржуазного развития, и в Европе и в Западном полушарии существовали обширные зоны, где это развитие наталкивалось на серьезные препятствия или лишь начиналось.

В Центральной и Восточной Европе и на Балканах для многих народов еще не был решен кардинальный исторический вопрос обретения национальной государственности. Часть из них проживала в границах даже не одного, а нескольких чужеземных образований (поляки — в России, Австро-Венгрии и Германии). Другие (чехи, словаки, словенцы, хорваты) были расселены

целиком в пределах двуединой монархии Габсбургов, но из ее славянских земель только Хорватия пользовалась определенной автономией. Значительная часть Балканского полуострова (Босния и Герцеговина, Албания, Македония, Фракия, Болгария) оставалась еще под турецким владычеством. Сербия и Румыния уже добились автономии, но до 1878 г. не имели полного суверенитета, сохранив вассальную зависимость от Османской империи. Греция с 1830 г. была независимым государством, но около половины всех этнических греков жило вне ее.

Содержанием национальных движений, развертывавшихся в этой части Европы, была борьба за государственную самостоятельность или широкую автономию, за воссоединение территорий с населением одной этнической принадлежности, за права национальных языков и возрождение национальной культуры. Эти цели отвечали патриотическим устремлениям значительных общественных слоев, во главе которых обычно выступала национальная буржуазия (в конечном счете речь шла о создании более благоприятных условий для ее хозяйственной деятельности, которые позволили бы ей упрочить свои позиции). Там же, где существовали наиболее тяжелые формы национального гнета (например, в европейских владениях Турции), как правило, сохранялись отсталые, полуфеодальные общественные отношения.

Все это значительно отличало данный европейский регион от Запада, где в ходе всего цикла буржуазных революций проблемы аналогичного характера были к тому времени в основном уже решены. То, что эти проблемы встанут здесь позднее, чем в ушедших вперед странах, и при существенно иной общей ситуации в мире, в немалой степени повлияет на способы и результаты их решения.

Особенности иного рода были присущи странам Латинской Америки, где буржуазные революции начались в форме борьбы за освобождение от колониального владычества Испании (для Бразилии — Португалии). Почти все они, за исключением Кубы, еще в первые десятилетия XIX в. завоевали политическую независимость. Однако ни в процессе становления независимых государств, ни в последующие полвека здесь не были сколько-нибудь существенно преобразованы сложившиеся в колониальный период социальные отношения. Произошедшее в ходе освободительных войн перераспределение земельной собственности частично изменило состав слоя крупных землевладельцев, но не поколебало их господствующих позиций в обществе. Большие земельные богатства и ряд феодальных привилегий сохранила католическая церковь. Крестьянская собственность на землю даже там, где предпринимались реформы с целью ее насаждения, быстро поглоща-

лась латифундиями. В большинстве латиноамериканских государств вплоть до 1850-х годов продолжало существовать рабство. Аграрная экономика при растущей ориентации на экспорт базировалась по преимуществу на докапиталистических способах ведения хозяйства. Промышленность развивалась медленно и в значительной мере (особенно в добывающих отраслях) контролировалась иностранным капиталом.

Национальная буржуазия была заинтересована в ликвидации отсталых общественных структур, но не располагала необходимыми для этого силой, влиянием, доступом к рычагам политической власти. Введенные после завоевания независимости конституции латиноамериканских стран, как правило, следовали образцу Конституции США, но в отличие от нее оказались очень хрупкими и недолговечными: заимствованные у северного соседа политические институты не приживались в иной, не адекватной им исторической среде. Из всех этих стран за первые полвека самостоятельного государственного существования изначально принятая конституция сохранилась только в Уругвае, в остальных же была частично или полностью пересмотрена, а кое-где сменилась несколько раз. Типичными приметами политической жизни стали военные перевороты, чередование конституционных правительств с диктаторскими режимами, гражданские войны. Через крайнюю политическую нестабильность проявлялся болезненный, противоречивый характер тех социальных процессов, которые сопровождали подключение латиноамериканского общества к мировому капиталистическому развитию.

Капитализм последней трети XIX в.: общая характеристика. Применительно к XIX в. и, в частности, к последним его десятилетиям понятие «капитализм» вошло в употребление прежде всего в контексте марксистской теории общественного развития, но было воспринято не только ее приверженцами. В начале 900-х годов им широко оперировали социологи и историки различных направлений — В. Зомбарт, М. Вебер, Н.И. Кареев и др. Лишь с середины XX в., когда стало очевидным, что общество в странах Запада по многим параметрам изменилось по сравнению с традиционным, «классическим» капитализмом, стали выдвигаться такие концепции, которые отбрасывали это понятие вместе с марксовской идеей смены общественно-экономических формаций и предлагали в качестве ключевых иные категории — экономический рост, модернизацию и т.д.

Теория экономического роста получила распространение в особенности после публикации в 1960 г. работы американца У. Ростоу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест», позднее многократно переизданной. Он рассматривал экономический рост как свойство общества, вышедшего из «донью-

тоновской», аграрной стадии и вставшего на путь промышленного развития. Стадии экономического роста он считал повсюду однотипными, но датировал для разных стран различным временем. В конце XIX — начале XX в. основные страны Запада, согласно его схеме, переживали стадию перехода к технологической зрелости, или стадию индустриального общества. Сходным образом трактуется этот период и с позиций теории модернизации, разработанной А. Гершенкроном, Б. Муром, С. Хантингтоном и другими американскими авторами. Познавательная ценность понятия «капитализм» взята ими (например, А. Гершенкроном) под сомнение, модернизация же представляется как происходящий в Новое и Новейшее время в универсальном масштабе процесс подтягивания отсталых стран (аграрного, традиционного общества) к уровню передового Запада (для конца XIX и первой половины XX в. — общества индустриального) путем усвоения выработанных этим последним моделей экономического развития, научно-технических достижений, норм социального поведения, политических институтов и т.д. В отличие от названных выше авторов французский социолог Р. Арон настаивал на существовании различных типов индустриального общества и считал капитализм образца XIX в. одним из таких типов — исторически первым, но не единственным.

В современной отечественной литературе идут споры о том, пригоден ли формационный подход К. Маркса как общая теория исторического процесса. При этом, однако, практически не отвергается применимость данного подхода в более узких границах истории Нового времени, т.е. возможность интерпретировать ее через историю возникновения и развития капиталистической формации. Поставлен вопрос о выявлении в процессе развития капитализма таких различий в сроках, темпах, формах, которые не относятся к чисто страновой специфике, но характеризуют определенные типы («эшелоны») этого развития.

Типология, предложенная авторами «эшелонной» концепции развития капитализма (И.К. Пантин, В.Г. Хорос, Е.Г. Плимак), выглядит следующим образом. I эшелон образуют те страны, где становление капиталистических отношений началось раньше всего и происходило органически, на основе накапливавшихся веками экономических, социальных, политических, культурных предпосылок. Это страны Западной Европы, а также США, где развитие капитализма отпочковалось от того же ствола. Для стран II эшелона характерен гораздо более поздний старт и соответственно — «догоняющий» тип капиталистического развития. Здесь оно, как правило, форсировалось активным вмешательством государства, протекало в вынужденно сжатые исторические сроки и существенно осложнялось слабостью естественно сформировавшейся исход-

ной базы. Подобным путем утверждался капитализм в России, Турции, Японии, балканских странах и т.д. К III эшелону относятся страны, в которых капитализм стал развиваться не только с еще большим историческим запозданием и проистекающими отсюда трудностями, но и в значительной мере под воздействием извне, приобретая в той или иной степени зависимый характер. Так было в странах Латинской Америки, в большинстве азиатских и африканских стран.

Намеченные этой схемой варианты вполне отчетливо обозначились именно в последние десятилетия XIX в., когда развитие капитализма пошло вширь, охватив страны II и частично III эшелонов. Разумеется, типологические особенности каждого из трех вариантов почти нигде не существовали в чистом виде. Речь идет лишь о преобладавших в развитии тех или иных стран тенденциях, которые нередко сочетались с какими-то чертами другой модели.

С учетом сказанного капитализм последней трети XIX в. может рассматриваться как господствовавшая в мировом масштабе социально-экономическая система, а громадная часть мира с преобладанием докапиталистических отношений — как свособразная периферия этой системы, так или иначе связанная с движением, «заданным» наиболее развитыми странами.

Для этих стран 1870—1900 гг. явились периодом значительного экономического прогресса. К началу или в пределах этого периода в континентальных странах Западной Европы и в США завершился промышленный переворот. Удельный вес промышленности в их экономике неуклонно возрастал, хотя и неодинаковыми темпами. Бурно развивалась научно-техническая мысль, достижения которой внедрялись в промышленное производство, содействовали качественному обновлению средств транспорта и связи и т.д.

По темпам роста промышленности впереди других стран шли США и Германия, представлявшие, однако, два разных типа индустриального развития. В США оно стимулировалось прежде всего тем, что емкий внутренний рынок предъявлял спрос на массовую стандартизованную продукцию. Повышение эффективности производства достигалось здесь за счет не столько относительного расширения затрат на его материально-техническую базу, сколько усовершенствований в технологии и организации труда (уже в 60-е годы в США был впервые применен конвейер, действующий по принципу расчленения производственного процесса на множество простейших детальных операций). В Германии же быстрее всего развивались отрасли тяжелой промышленности, связанные с потребностями государства (по преимуществу военными). Государство выступало главным заказчиком их про-

дукции и активно поощряло крупные вложения в эти отрасли капитала немецких банков. Их динамичному развитию способствовало и использование мощного научного потенциала: промышленные корпорации создавали собственные исследовательские лаборатории, привлекали к сотрудничеству университетских ученых и т.д.

Создававшаяся заново американская и немецкая промышленность оснащалась по последнему слову техники и была свободна от затрат на переоборудование старых предприятий. Это давало США и Германии важные преимущества по сравнению прежде всего с Англией, где техническая база промышленности была заложена давно и нуждалась в серьезном обновлении. В последней трети XIX в. Англия стала проигрывать им в темпах промышленного развития и к началу нового столетия утратила первенство в этой области в пользу США: ее доля в мировом промышленном производстве сократилась с 32% в 1870 г. до 18% в 1900 г., тогда как доля США за то же время возросла с 23 до 31%. Германия по доле в мировом промышленном производстве еще отставала от Англии (в 1900 г. — 16%), но в масштабе Европы обогнала ее.

Франция среди промышленно развитых стран занимала и в 1870, и в 1900 гг. четвертое место, но шла с большим отрывом от Англии, США и Германии. В традиционных, специфических для нее отраслях промышленности сильные позиции сохраняло мелкое производство. Будучи достаточно конкурентоспособным, оно не испытывало особой потребности в технических новшествах. Ввиду его значительного удельного веса это придавало черты известного консерватизма всей французской промышленности, росшей сравнительно медленно. В результате доля Франции в мировом промышленном производстве на протяжении 1870—1900 гг. уменьшилась с 10 до 7%. К ней стала вплотную подходить страна II эшелона — Россия, дававшая в 1870 г. 4%, а в 1900 г. — 6% мировой промышленной продукции.

Германия и США опережали Англию и Францию также и по темпам роста внешнеторговых оборотов. Для Англии это означало утрату ее бывшего монопольного положения на мировом рынке, хотя в 1900 г. она еще сохранила за собой относительно наибольшую долю мирового торгового оборота (19%). Структура экспорта выходивших на мировой рынок «молодых» стран была к началу XX в. различной. США вывозили тогда главным образом сельскохозяйственные продукты и сырье (продукция промышленности почти целиком поглощалась внутренним рынком). Германия уже стала широко экспортировать и промышленные изделия. Фабричные товары с маркой «Сделано в Германии» начинали конкурировать с английскими даже в самой Англии.

Новые предприятия в 70—90-е годы создавались обычно в форме акционерных обществ. Она была известна давно, но в это время получила небывало широкое распространение, т.к. позволяла слить воедино и использовать для крупномасштабных инвестиций множество небольших капиталов. Создание новых акционерных компаний облегчалось и стимулировалось принятыми в 60—70-е годы в Англии, Франции, Германии, США законами, которые отменили ранее обязательную для этого предварительную санкцию государственных органов.

В последнюю треть XIX в. капитализм вступил при полном господстве и максимальном развитии свободной конкуренции, которая действовала как механизм жесткого отбора наиболее жизнеспособных хозяйственных единиц. Тогда это были, как правило, более крупные предприятия, обладавшие лучшей техникой и технологическими преимуществами. Они же легче переносили удары мировых промышленных кризисов, отмечавшихся на протяжении 70—90-х годов трижды. Постепенно в отдельных отраслях выделялись ведущие компании, пытавшиеся вместо конкуренции друг с другом договориться об известном регулировании либо производства, либо сбыта своей продукции. Эта тенденция была наиболее заметна опять-таки в США и Германии — особенно с конца 80-х годов. В США она выросла из потребности централизовать в масштабах целой отрасли управление работавшим на массовый рынок производством и выражалась в создании трестов. Тресты объединяли компании, формально остававшиеся самостоятельными, и претендовали на монопольное господство в соответствующей отрасли, но обычно не могли удержать его надолго. В Германии наиболее распространенной формой начинающегося процесса монополизации стало образование картелей (картельное соглашение касалось условий сбыта и предполагало взаимный отказ его участников от конкуренции на рынке). Часть картелей быстро распадалась, но за счет возникновения новых общее их число постепенно увеличивалось.

Капитализм все шире подчинял себе также и сферу сельскохозяйственного производства. Этот процесс протекал в многообразных формах. На типологические различия между странами I, II и III эшелонов накладывались национально-исторические особенности отдельных стран, а подчас еще и специфика, свойственная разным регионам внутри одной и той же страны.

В большинстве европейских стран I эшелона ведущим в аграрной экономике уже стал в это время капиталистический тип хозяйства, т.е. производство, рассчитанное на рынок и основанное на применении наемного труда. В Англии, где традиционное крестьянство исчезло значительно раньше, господствовала систе-

ма крупных фермерских хозяйств на земле, арендуемой у лендлордов. Во Франции капиталистическое предпринимательство в земледелии начало теснить крестьянскую парцеллу примерно с середины XIX в., а к 80-м годам располагало почти $\frac{2}{3}$ земли против $\frac{1}{3}$, оставшейся в руках крестьян. В Германии на последнюю треть века пришелся завершающий этап перестройки на капиталистических началах хозяйства крупных аграриев (прежде всего юнкеров остэльбской Пруссии), сохранивших за собой львиную долю земельных богатств и тем самым командные позиции в деревне. По пути, сходному с «прусским», эволюционировало сельское хозяйство Австро-Венгрии (его основой были втягивавшиеся в капиталистический оборот поместья венгерских земельных магнатов). В Италии после национального объединения развитие аграрного капитализма ускорилося, но в более или менее чистых формах, напоминавших английские, происходило лишь на Севере, тогда как Юг с его латифундиями демонстрировал как бы крайне консервативный вариант «прусского» типа.

Совершенно иным путем развивался капитализм в сельском хозяйстве США, где после Гражданской войны и Реконструкции любой желавший стать фермером мог за уплату лишь регистрационного сбора получить надел из фонда свободных земель на Западе, переходивший через пять лет в его полную собственность. Подавляющее большинство осваивавших Запад фермеров вело хозяйство на собственной, а не арендованной земле. Фермерская собственность на землю утверждалась без каких-либо юридических помех в виде традиционных поземельных отношений: помещичьего землевладения в США — в отличие от Европы — не было, коренное же индейское население не знало частной собственности и поэтому вообще не принималось в расчет как субъект права, а просто оттеснялось со своих исконных территорий. Размеры ферм в США были намного крупнее по сравнению с крестьянскими хозяйствами Европы (к началу XX в. свыше 70% ферм имели от 8 до 70 га земли, тогда как, например, в Германии более половины всех деревенских хозяйств располагали наделом до 2 га). Тем не менее и в США фермерское хозяйство подобного типа утвердилось не на всей национальной территории, а лишь на Западе и на Севере. На Юге же после отмены рабства сохранилось крупное плантаторское землевладение, а преобладающим способом ведения плантационного хозяйства стала мелкая, зачастую кабальная аренда.

Капиталистическое развитие деревни в странах II эшелона было ускорено преобразованиями сверху типа отмены крепостного права в России (1861) или «революции Мэйдзи» в Японии (1867—

1868). Но в нем, безусловно, преобладали черты «прусского» пути, т.к. подобные реформы ликвидировали старые поземельные порядки на условиях, выгодных для помещичьего класса и исподволь тяжелых для большинства крестьян.

В относившихся к III эшелону странах Латинской Америки социальные отношения в деревне по-прежнему сохраняли преимущественно докапиталистический характер, но сельскохозяйственное производство все более интенсивно вовлекалось в мировой товарооборот. Традиционная индейская община разрушалась. На землях, отнятых у индейцев, создавались плантации, которые наряду с помещичьими латифундиями поставляли на мировой рынок кофе, каучук, хлопок, бананы и т.д. Приобретая специфическую агроэкспортную направленность, экономика латиноамериканского региона становилась частью системы мирохозяйственных связей капитализма.

Свое место в этой системе занимали и находившиеся на положении колоний или полукolonий страны Азии и Африки, на собственной почве которых (в отличие от Латинской Америки) развитие капитализма в конце XIX в. практически еще не началось. Они служили преимущественно резервуаром сырья для обрабатывающей промышленности стран-метрополий, откуда, в свою очередь, в них ввозились вытеснявшие продукцию местного ремесла или домашних промыслов товары фабричного производства. Сфера колониального господства стран Запада в 70—90-е годы значительно расширилась. Их борьба за новые колонии была тесно связана с тем, что в темпах промышленного развития стали лидировать «молодые» страны, и с общим обострением конкуренции на мировом рынке. Страны, проигрывавшие в этом состязании, проявляли наибольшую активность на поприще колониальной политики, стремясь обеспечить себе застрахованный от конкурентов рынок сбыта фабричных изделий и возможности более выгодного вложения избыточного капитала (в развитие средств сообщения, добывающей промышленности и т.д.).

Итак, в последней трети XIX в. капитализм распространился далеко за пределы своего первоначального арсала — Западной Европы и Северной Америки. Его проникновение в другие регионы сопровождалось ломкой (подчас крайне болезненной) традиционного жизненного уклада населения. В то же время старые формы жизни не исчезли, а причудливо переплетались с новыми. Патриархальная экономика вступала во взаимодействие с капиталистическим рынком. Преодолению хозяйственной замкнутости обширных территорий способствовало интенсивное строительство железных дорог, мировая протяженность которых выросла за 1870—1900 гг. примерно вчетверо, а трансокеанские морские перевозки приблизили друг к другу целые континенты. Экономи-

ческое развитие отдельных стран и регионов стало более взаимозависимым, чем прежде. Спрос на внешних рынках на определенные виды их продукции стимулировал хозяйственную специализацию, разделение труда между ними, их включение в охватывающие весь земной шар рыночные связи. Под знаком капиталистических отношений складывалось, таким образом, своеобразное, внутренне противоречивое, но тем не менее реальное единство мира: образовалась функционирующая как единое целое система мирового хозяйства.

Социальные проблемы в странах Запада к концу XIX в. Характерные для последних десятилетий XIX в. сдвиги в экономическом развитии европейских стран и США имели многообразные социальные и демографические последствия. Одним из них стал процесс урбанизации, т.е. перемещения значительных контингентов сельского населения в промышленные города и фабричные поселки городского типа. Миграция в города была наиболее значительным, но не единственным проявлением возросшей подвижности населения, чему способствовали факторы разного порядка: усиление товарности экономики, развитие транспортных средств, кризис традиционного мелкокрестьянского хозяйства. Развивалась и эмиграция, т.е. исход «избыточного» населения из зон особенно острого социального неблагополучия за пределы собственной страны. В частности, начиная с 80-х годов нарастал поток эмигрантов из стран Восточной Европы и Средиземноморья в США.

Одной из важных характеристик демографической ситуации в обществе является динамика рождаемости и смертности. В первом десятилетии XX в. по пяти странам Западной Европы (Германия, Англия, Франция, Испания, Италия) оба эти показателя (в расчете в среднем за год на 1000 жителей) снизились в сравнении с 1861—1871 годами. Однако соотношение рождаемости и смертности улучшилось везде, кроме Франции, где относительный прирост общей численности населения за этот период (10%) был гораздо ниже, чем в других странах (Англия — свыше 56%, Италия — свыше 30%).

Существенные изменения происходили в социальной структуре ведущих стран. Внутри класса буржуазии все более значительную роль играли «капитаны промышленности», чьи интересы не всегда совпадали с интересами более старых и менее динамичных слоев этого класса (торговая, ростовщическая, землевладельческая буржуазия). В условиях повышенного спроса на ряд интеллектуальных профессий (юристы, инженеры, учителя, врачи), расширения и усложнения управленческих функций в государственном аппарате, акционерных компаниях, банках и т.д. происходил рост численности и удельного веса интеллигенции, чинов-

ников, служащих. Завершение промышленного переворота сопровождалось пролетаризацией множества ремесленников и владельцев мелких мастерских. Повсюду, где развивалась крупная промышленность, отмечался рост численности и удельного веса фабрично-заводских рабочих. Крестьянство расслаивалось, зажиточная его часть превращалась в капиталистических фермеров, беднейшая же пополняла ряды наемных рабочих в сельском хозяйстве и промышленности. Мелкие и средние крестьяне-собственники в континентальной Западной Европе испытывали жестокие удары начавшегося с середины 70-х годов и затянувшегося до конца века аграрного кризиса, который был вызван выбросом на мировой рынок массы дешевого заокеанского хлеба. Они отнюдь не исчезли, кое-где (например, в Италии) их численность на протяжении 80—90-х годов даже значительно увеличилась, но в то же самое время во Франции — классической стране парцеллярного землевладения — возобладала обратная тенденция: с начала 80-х годов число мелких и средних крестьянских хозяйств стало неуклонно сокращаться. Часть лишившихся своей собственности крестьян или ремесленников далеко не сразу приспособилась к новым экономическим отношениям или вообще не находила себе места в них, превращаясь в пауперов (маргиналов) — людей, вытесненных «на обочину» общества и не имеющих какого-либо постоянного источника средств к существованию.

Все это порождало глубокие социальные противоречия и открытые конфликты специфически классового характера. Рабочий класс заявлял о своих интересах все более частыми стачками с требованием улучшения условий труда. Среднегодовое число таких стачек в первой половине 90-х годов составило во Франции около 500 (рост за два десятилетия примерно в 6 раз), в США — около 2000 (рост за десятилетие примерно в 4 раза). В странах Южной Европы (Испания, Италия) сохранялась постоянная социальная напряженность в деревне, подчас выливавшаяся в бурные вспышки крестьянского недовольства: нападения на помещичьи амбары, антиналоговые выступления, погромы сельских муниципалитетов, попытки захвата пустующих земель латифундистов и т.д.

Свидетельством остроты социальных проблем в странах Запада стало пристальное внимание к ним со стороны верхних слоев общества и правительственных кругов. Предпринимались масштабные обследования условий жизни трудящегося населения (парламентская сельскохозяйственная анкета в Италии, социологическое изучение положения рабочих Лондона по инициативе судовладельца Ч. Буса), появилась обильная литература, предлагавшая различные рецепты смягчения имущественных контрастов и пути к достижению сотрудничества классов. В эти поиски

активно включилась католическая церковь: энциклика папы Льва XIII «*Rerum novarum*» (1891) осудила неограниченную капиталистическую эксплуатацию неимущих и признала справедливым их стремление улучшить (без классовой борьбы) свое положение. Тем же целям отвечали и социальные реформы, которые стали проводиться государственной властью.

Одним из важнейших направлений таких реформ было признание в законодательном порядке права наемных рабочих на определенную степень социальной защищенности. Государство обязывало работодателей к выплатам в фонды социального страхования рабочих, а иногда и участвовало в их создании. Раньше и больше, чем в других странах, в этом отношении было сделано начиная с 80-х годов в Германии. К 1900 г. страхованием на случай производственных травм здесь был охвачен 71% всех рабочих (в Англии — 39%, во Франции — 10%), системой пособий по болезни — 32%, пенсионным обеспечением по старости (за счет предпринимателей, государства и взносов самих рабочих) — 53%.

Повсюду в Западной Европе вводился или расширялся общедоступный минимум образования в системе государственных школ. Это отвечало и диктуемой техническим прогрессом потребности в более высокой общеобразовательной подготовке работников. Реформами разных лет в Германии было закреплено обязательное 8-летнее обучение, во Франции — 7-летнее, в Англии — 6-летнее, в Италии — 2—4-летнее. Результатом было повсеместное значительное сокращение числа неграмотных (а значит, и лиц, лишавшихся по избирательным законам некоторых стран права голоса).

В тот период, в отличие от последующего, социальное реформаторство ни в одной стране (за исключением, может быть, Англии) еще не стало осознанным стратегическим выбором в правительственной политике. Речь шла, скорее, об эмпирическом использовании подобных мер в сочетании с другими, подчас весьма жесткими — вроде исключительного закона против социалистов в Германии с ее передовым социальным законодательством. В основном позднее появятся и концепции, теоретически обосновывающие роль государства как регулятора социальных отношений в интересах гармоничного развития общества. И все же именно с последних десятилетий XIX в. в наиболее развитых странах начинается устойчивый рост государственных расходов на социальные нужды (социальное страхование и обеспечение, здравоохранение, жилищное строительство, образование, науку). Он предвещает тенденцию, которая в дальнейшем на длительное время возобладает в западном обществе и принесет свои плоды, к значительному расширению функций государства в социальной сфере.

Государство и гражданское общество. Под гражданским обществом обычно понимают тот достигнутый в Новое время уровень социальной организации, на котором реализуются права человека как личности и его частные по отношению к государству интересы. В структуру гражданского общества входят разнообразные институты негосударственного характера, самостоятельно регулирующие свою внутреннюю жизнь: профессиональные и корпоративные объединения, политические партии, церковь и т.д. Включенные в гражданское общество индивиды уже не распылены, не бессильны против возможных посягательств на их права и интересы со стороны государства. В странах Европы и в США формирование гражданского общества и упорядочение его взаимоотношений с государством было составной частью процесса становления и развития демократии.

Еще в эпоху буржуазных революций в основных странах Запада были провозглашены и законодательно закреплены в качестве неотчуждаемых прав человека неприкосновенность личности, жилища, собственности, право на свободное выражение мыслей и мнений. В большинстве действовавших к концу XIX в. конституций признавалась терпимость государства к различным религиозным конфессиям и право граждан исповедовать без какой-либо дискриминации любую религию. При отправлении правосудия повсеместно в Европе и в США утвердились такие важные гарантии прав личности, как презумпция невиновности и право подсудимого на защиту.

Пойдя достаточно далеко в обеспечении прав личности, государство действовало в соответствии с потребностями общества, где господствовала свободная конкуренция и питаемый ею дух индивидуализма. Значительно медленнее и с большими трудностями укоренялось признание со стороны государства законности тех или иных коллективных интересов и прав защищающих их ассоциаций.

В ряде стран (Австрия, Швейцария, Бельгия, Нидерланды) свобода объединения граждан в союзы признавалась конституциями. Но так было не везде. Право союзов (в отличие от других гражданских прав) не было зафиксировано ни в Билле о правах, ни в последующих поправках к американской конституции. В конституциях Германской империи (1871) и Третьей республики во Франции (1875) вообще не содержалось перечня прав граждан. В Германии право союзов до 1908 г., когда был принят соответствующий общеимперский закон, регулировалось законодательством отдельных входивших в империю государств, а во Франции было официально признано лишь законом 1901 г. об ассоциациях.

Раньше всего свои объединения по профессиям стали создавать наемные рабочие, и долгое время их существование запрещалось. В Англии в 1799 г. был принят направленный против профессиональных союзов закон о рабочих коалициях, просуществовавший до 1824 г. Но, став после его отмены легальными организациями, английские профсоюзы лишь в 70-е годы добились признания в качестве юридических лиц, в частности, гарантий неприкосновенности своего имущества и денежных фондов (тогда же рабочий был признан юридически равноправной предпринимателю стороной при заключении договора о найме). Во Франции закон Ле Шапелье (1791), запрещавший собрания и союзы лиц одной и той же профессии, был в основной своей части отменен в 1864 г., а окончательно в 1884 г. В большинстве других стран Западной Европы законодательное признание прав профсоюзов также приходится на последнюю треть XIX в. В США это произошло еще позднее (вплоть до 1914 г. профсоюзы считались одной из запрещенных законом 1890 г. форм «сговора», стесняющего производственную и торговую деятельность).

В последние десятилетия XIX в. начали создавать свои организации предприниматели, зачастую — в ответ на возникновение профсоюзов и для более эффективного противостояния им, но также и с целью влиять в желательном для себя направлении на экономическую и социальную политику государства. В Англии в 1873 г. возникла уже первая национальная федерация предпринимательских союзов, а в 1898 г. — новый координационный центр под названием Парламентский союз предпринимателей. В Германии в 70-е годы было создано 77 различных предпринимательских объединений (экономических союзов и союзов работодателей), а в 90-е годы — уже 325. В 1876 г. возник объединивший по преимуществу крупных предпринимателей Центральный союз немецких промышленников, который зарекомендовал себя как резкой враждебностью профсоюзам, так и упорным сопротивлением правительственным социальным реформам. Жесткая линия в отношении профсоюзов была характерна и для промышленников США, создавших свою Национальную ассоциацию в 1895 г. и настаивавших на исключительном праве работодателей определять условия труда.

Хотя отношения между рабочими и предпринимателями, а также их организациями выливались тогда прежде всего в острые столкновения и противоборство, в конце XIX в. начали входить в жизнь и методы предотвращения или урегулирования трудовых конфликтов. Государство либо узаконивало уже сложившийся механизм подобного рода, предоставляя ему в дальнейшем двигаться своим ходом (признание в 70-е годы практики коллективных договоров профсоюзов с предпринимателями в Англии), либо

само подключалось к его действию в качестве посредника (участие представителей государства в примирительной процедуре, введенной в 1891 г. в Германии).

После Гражданской войны в США начали организовываться в защиту своих экономических интересов фермеры. Возникавшие фермерские клубы ставили своей целью борьбу за снижение налогов и железнодорожных тарифов. В дальнейшем из них выросли более крупные фермерские объединения, действовавшие (под разными названиями) в отдельных штатах. Предпринимались и попытки конституировать фермерское движение в самостоятельную партию — не только в местном, но и в общенациональном масштабе.

Среди лиц свободных профессий наиболее давние традиции самоуправленияющейся корпоративной организации имели адвокаты, по крайней мере в некоторых странах (например, во Франции). Там, где их не существовало раньше, такие организации стали возникать во второй половине XIX в. Они определяли, кто может быть допущен к адвокатской практике, следили за соблюдением профессиональной этики и т.д.

Одно из первых обществ для защиты прав и материальных интересов журналистов было основано в Англии; к началу XX в. оно насчитывало 3000 членов. Британская медицинская ассоциация существует с 1832 г., аналогичная ассоциация в США — с 1847 г. Начиная с конца 50-х годов до конца XIX в. в США создали свои общенациональные объединения фармацевты, архитекторы, инженеры различных специальностей, ученые-экономисты и т.д.

Из существовавших к концу XIX в. институтов гражданского общества активнее всего взаимодействовали с государством политические партии. Это взаимодействие осуществлялось преимущественно через их участие в парламентах и влияние в рамках парламентских систем на состав и политику правительств. На те или иные партии подчас ориентировались и ассоциации, сложившиеся на почве экономических интересов, рассчитывая с их помощью добиться от государства законов в поддержку своих требований.

Церковь функционирует как институт гражданского общества постольку, поскольку она имеет свою собственную сферу деятельности (удовлетворение духовных потребностей приверженцев данной конфессии, различного рода благотворительные начинания и т.д.) и в этой сфере, а также в своей внутренней организации свободна от государственной опеки, а с другой стороны — не нуждается в государственном подкреплении своего духовного авторитета. В последней трети XIX в. к этому статусу в наибольшей степени приближалось положение различных церквей в США. В

Европе дело обстояло по-иному. Англиканская церковь в Англии еще со времен Реформации подчинялась королю и имела государственный характер. Лютеранство в Дании и Норвегии, православие в освободившихся от турецкого владычества балканских странах официально признавались государственной или господствующей религией. Очень непросто складывались в ряде европейских стран отношения между государством и католической церковью.

В развитии этих отношений последние десятилетия XIX в. были переломным, переходным периодом, когда римско-католическая церковь еще не отказалась от поддержки сил, олицетворявших феодальное прошлое, а обновленное в буржуазно-либеральном духе государство лишь нащупывало свой способ сосуществования с ней. Католицизм весьма часто становился тогда выражением политической оппозиции исходившим от государства преобразованиям и вообще новым веяниям. Папа Пий IX, в 1870 г. лишившийся светской власти над Римом и оставшийся лишь духовным главой католиков, еще до этого обнародовал обширный перечень осуждаемых церковью «современных заблуждений», отнеся к их числу свободу совести и слова, светскую науку, принципы народовластия, социалистические идеи, гражданский брак, контроль светской власти над распоряжениями церкви и даже самую мысль о возможности и необходимости примирения церкви с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией. Со своей стороны государство, в принципе не вмешиваясь во внутрицерковные дела католиков, считало необходимым поставить преграды клерикализму, т.е. вмешательству церкви в политику, и ввести ее деятельность в определенные, не всегда принимаемые церковью законодательные рамки. Интересы государства и церкви (католической прежде всего, но также и других конфессий) наиболее остро сталкивались в области школьного дела — в таких вопросах, как права конфессиональных школ, обучение религии в государственных школах и т.д. Школьные реформы, о которых шла речь выше, были направлены на обеспечение не только обязательности начального образования, но и светского характера общедоступной школы.

В целом к концу XIX в. в странах Запада уже сложились основы гражданского общества в современном понимании. Однако некоторые его институты (различного рода «группы интересов») лишь возникали. Другие в своей деятельности слишком зависели от государства или, наоборот, иной раз покушались на его прерогативы. Взаимоотношения между гражданским обществом и государством еще не стали тогда вполне отлаженной системой — такая система только начинала вырабатываться.

Идейно-культурная атмосфера конца XIX в. Переходный характер исторической полосы, наступившей по завершении в Западной Европе и в США эпохи буржуазных революций и во многом

предваряющей новый, XX век, находил отражение и в духовной жизни того времени.

В западноевропейских странах силы феодальной реакции, потерпев поражение, были оттеснены с исторической авансцены. Идеи возврата в той или иной форме к старым порядкам в 70-е годы еще напоминали о себе пропагандой в пользу реставрации монархии во Франции или светской власти папы римского, но уже не находили значительной поддержки.

В условиях, когда победа капиталистических отношений принесла осязаемые плоды в сфере экономики и повсюду в Европе упрочился конституционно-парламентский строй, ставшая правящим классом буржуазия была заинтересована в том, чтобы эти благоприятные для нее тенденции закрепились и получили дальнейшее развитие. В теоретической форме подобные стремления наиболее адекватно выражала либеральная идеология. Либерализм конца XIX в. отводил первостепенное значение правам личности и гражданским свободам, предполагал последовательное осуществление принципов парламентаризма и демократизацию действовавших избирательных систем, отстаивал светский характер государства, реформы как способ проведения необходимых общественных преобразований, свободу хозяйственной деятельности от государственного вмешательства.

Другим влиятельным в правящем лагере идейно-политическим направлением был консерватизм. Если либерализм отвечал прежде всего устремлениям буржуазии, то консервативная идеология в большей мере питалась настроениями вовлеченных в буржуазное развитие, но внутренне чуждых его духу землевладельческих кругов. В своей системе ценностей консерватизм выдвигал на первый план не гражданские свободы и политические права, а сильную правительственную власть, порядок, авторитет традиции, приверженность религии.

Исторический опыт XIX в. и особенно второй его половины способствовал привлечению общественного внимания к национальным проблемам. Комплекс идей, возникших и получивших распространение в связи с национальными движениями, был сложным и неоднозначным, а некоторые из них претерпели к концу века примечательную эволюцию.

Последовательные приверженцы либеральных принципов ставили право народов на свободное национальное развитие в один ряд с правами человека и гражданина. Сочувствие борьбе за независимость стран Латинской Америки, национальным движениям в революциях 1848—1849 гг., польскому восстанию 1863 г., походам Гарибальди под знаменем объединения Италии и т.д. было характерно для демократической общественности. В то же время на этом сочувствии нередко играли в собственных целях правительства, становясь в позу покровителей национальных дви-

жений «в чужом доме» при дипломатических или военных конфликтах. Так было, например, при режиме Второй империи во Франции, так будет и позднее в борьбе великих европейских держав за влияние на Балканах или США — за последние испанские колонии.

Развернувшейся в конце XIX в. бурной колониальной экспансии ведущих стран сопутствовало возникновение разнообразных концепций, так или иначе оправдывавших ее. Те, кто их исповедовал, превратили национальную идею, в прошлом толковавшуюся преимущественно в духе равенства прав народов, в идею превосходства собственного народа над другими, являющуюся основой национализма и шовинизма. Пропаганда экспансии подкреплялась геополитическими, историческими, откровенно расистскими аргументами, рассуждениями о «цивилизаторской миссии» Запада по отношению к отсталому, варварскому Востоку, о «бремени белого человека» и т.д. Идеи подобного рода излагались в специальных ученых трудах и публицистических сочинениях, звучали в лекциях университетских профессоров, обсуждались на страницах газет, находили отражение в литературе — не только развлекательно-приключенческой («колонийальный роман»), но и высокого художественного уровня.

При всех различиях между названными выше идейными течениями общим для них было то, что они не ставили под сомнение основы утвердившегося в странах Запада капиталистического строя. Принципиально иным было отношение к этому строю общественной мысли социалистического направления.

В русле критики капитализма сложились различные социалистические школы первой половины XIX в., предлагавшие более или менее детально разработанные проекты нового общественного строя, который должен прийти ему на смену (утопический социализм). В 40-е годы заложили основу своей теории К. Маркс (1818—1883) и Ф. Энгельс (1820—1895). В отличие от утопистов они стремились не конструировать умозрительно план будущей общественной организации, а выявить в существующем обществе реальную силу, которая по своему положению в системе производства заинтересована в социалистическом переустройстве и может совершить его. Такую силу они увидели в пролетариате.

В последние десятилетия XIX в. марксизм стал наиболее влиятельным социалистическим течением и был положен созданными в ряде стран социал-демократическими партиями в основу их программных принципов. Деятельность этих партий способствовала тому, что некоторые марксистские положения усваивались хотя бы в элементарной форме участвовавшими в социалистическом движении рабочими и становились частью их культурного багажа. Определенные идеи марксизма (экономическая теория

Маркса, материалистическое понимание истории) получили известность и в академической среде, где они находили не только активных критиков, но и сторонников.

XIX век был ознаменован крупнейшими научными открытиями, прежде всего в различных областях естествознания, бурным техническим прогрессом, развитием невиданных ранее средств сообщения и связи. Все это оказало глубокое воздействие на сознание людей того времени. К концу столетия их умственный горизонт неслыханно раздвинулся по сравнению с прошлым. Этому способствовали новые информационные возможности, более широкий доступ к образованию, обогащение представлений о жизни и мире благодаря возросшей интенсивности передвижений.

Естественные науки с их экспериментальными методами стали как бы воплощением науки как таковой, эталоном научного подхода. Их завоевания существенным образом отразились на развитии философии и на господствовавших мировоззренческих представлениях. Умозрительные философские построения утрачивали былой престиж в пользу концепций, в том или ином виде отстаивавших обоснование философии данными науки. Не случайно одним из наиболее влиятельных философских течений последней трети XIX в. стал позитивизм, само свое название получивший от установки на примат положительного (позитивного), добытого опытным путем знания. Ища опоры в науке, а не в каких-либо априорных, некритически принимаемых на веру постулатах, философская мысль конца XIX в. тем самым утверждала новый подход к религиозной догматике.

Под влиянием успехов естественных наук произошли определенные изменения в профиле высшего и среднего образования. Дисциплины естественнонаучного цикла заняли важное место в университетском преподавании, вводились — хотя и при сопротивлении консервативно настроенных педагогов — в курс гимназий и других средних школ.

В последние десятилетия XIX в. к среднему и высшему образованию впервые стали приобщаться женщины. С 80-х годов во Франции, а затем и в других странах стали создаваться государственные, имевшие светский характер женские средние школы. Женщины-студентки все чаще приходили и в университетские аудитории. В США в 1882 г. была основана общенациональная ассоциация женщин, окончивших университеты.

Общее количество высших учебных заведений возросло. В Англии на базе университетских колледжей в конце XIX в. открылось около десятка новых университетов. В Германии основывались технические университеты, становившиеся важными центрами прикладных исследований.

Гораздо более регулярными и тесными, чем прежде, стали контакты между учеными разных стран. Начали входить в практику международные научные конгрессы, в том числе специалистов в области наук об обществе, например, статистики (9 конгрессов за период с 1853 по 1875 г.), социологии и др.

Значительные перемены происходили на уровне массовой культуры и массового сознания. Развивавшийся процесс урбанизации нес с собой разрушение традиционной деревенской культуры и одновременно возникновение новых потребностей как материального, так и духовного характера. Горожане легче, чем сельские жители, осваивались со всевозможными бытовыми новшествами и новыми формами общения, среди них быстрее распространялась грамотность и другие начатки образования. Печатное слово обретало массового читателя, о чем свидетельствовало увеличение тиража газет (например, в США с 1870 по 1900 г. более чем в 5 раз), развитие — особенно в Англии, США, Германии — сети общедоступных библиотек. Даже люди, не получившие сколько-нибудь систематического образования, проявляли живой интерес к достижениям науки и стремление пополнить свои знания. Отсюда — широкое распространение различных культурно-просветительных начинаний, таких как публичные лекции, курсы и школы для взрослых, так называемые народные университеты и т.д. В атмосфере поражающих воображение успехов науки и техники, а также общего наступления на клерикализм сознание обычного, рядового человека стало более свободным по отношению к религии.

XIX век заканчивался без исторических потрясений такого масштаба, какими в странах Запада ознаменовался его канун или его начало. Многие на его исходе питало у современников оптимистическую веру в устойчивое и всестороннее поступательное развитие общества, в будущий расцвет цивилизации, в безграничные возможности человеческого разума. В то же время прогресс передовых капиталистических стран Запада оплачивался дорогой социальной ценой и в самих этих странах, и в еще большей мере — в тех частях мира, которые становились их колониями или объектом финансовой эксплуатации. Не случайно общественная мысль в странах II и III эшелонов капиталистического развития постоянно в той или иной форме возвращалась к вопросу о том, является ли капитализм безусловным благом и нельзя ли вообще миновать его. В свою очередь борьба великих держав за колонии и сферы влияния приобрела в конце XIX в. такой размах, что именно это явление («империализм») зачастую выходило на первый план в прогнозах политиков и ученых относительно наступающего нового столетия.

Глава I

ФРАНЦИЯ в последней трети XIX в.

Причины и начало франко-прусской войны. Германский вопрос занимал центральное место во внешней политике Второй империи. Ее целью было обеспечить гегемонию Франции в Центральной Европе. Поддерживая в начале 60-х годов Пруссию в борьбе против Австрии, Наполеон III стремился ослабить обе державы и в перспективе добиться территориального расширения Франции на восток.

Для Наполеона III явилось неприятной неожиданностью значительное усиление Пруссии в результате победы над Австрией в 1866 г. и образование под ее руководством Северогерманского союза. Он попытался компенсировать эту неудачу своей внешней политики присоединением к Франции Великого герцогства Люксембургского, являвшегося с 1815 г. членом Германского союза и с 1842 г. — Таможенного союза. Однако Пруссия воспротивилась его намерению, что привело к резкому ухудшению франко-прусских отношений. Тогда Наполеон III предпринял попытку сближения с Австрией. Он выдвинул план образования Южногерманского союза во главе с Австрией и передачи Франции левого берега Рейна. Этот план не был осуществлен, поскольку Австрия с ним не согласилась. Тем не менее действия Наполеона III не оставляли сомнений в его решимости помешать вступлению в Северогерманский союз государств, расположенных южнее реки Майн, таких как Баден, Бавария, Вюртемберг и др., во всяком случае без соответствующей территориальной компенсации Франции.

Предвидя возможность войны, Франция и Пруссия активно к ней готовились. Во Франции на вооружение армии была принята новейшая винтовка Шасспё, которая по своим техническим характеристикам значительно превосходила оружие прусской армии. Кроме того, французы реконструировали пограничные крепости Бельфор и Мец. Серьезным упущением был низкий уровень подготовки французских резервистов. Напротив, именно наличие хорошо обученного и вооруженного резерва составляло одно из важных преимуществ прусской армии.

Ни французский император, ни прусский король Вильгельм I не торопили события, оба не были уверены в прочности своего

тыла. Вильгельм отдавал себе отчет в том, что объединительная политика Пруссии наталкивалась на серьезное сопротивление в Южной Германии, исторически тяготевшей к Австрии. Поэтому он был готов довольствоваться малым, лишь бы не подвергать себя риску большой войны с непредсказуемыми последствиями. Еще менее уютно чувствовал себя Наполеон III. Столкнувшись с энергичной оппозицией внутри страны, он был вынужден провести глубокие реформы, по существу изменившие государственный строй Второй империи. Возникнув после поражения революции 1848 г. как авторитарный, диктаторский режим, она в конце 60-х годов превратилась в конституционную монархию с парламентаризмом, ответственным министерством, всеобщим (для мужчин) избирательным правом и широкими политическими свободами. Сомнения в прочности своей власти оставили императора лишь после того, как в ходе плебисцита 8 мая 1870 г. избиратели большинством в 7,3 млн голосов против 1,5 млн одобрили проводимую им политику реформ.

В этих условиях ответственность за развязывание войны фактически взял на себя прусский канцлер Отто фон Бисмарк. Он был убежден в ее неизбежности и необходимости, но предпочитал, чтобы Пруссия выглядела обороняющейся стороной. Поэтому он старался спровоцировать Францию на объявление войны. Для этого он воспользовался разногласиями, которые возникли между обоими государствами по второстепенному вопросу — из-за кандидатуры на замещение испанского трона, ставшего вакантным в результате революции 1868 г. Он оказал поддержку кандидатуре принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена, родственника прусского короля, против которой категорически возражало французское правительство. Тем не менее вопреки позиции Франции Леопольд 2 июля 1870 г. официально заявил о согласии занять испанский трон.

Французское правительство восприняло это заявление как откровенно враждебный акт со стороны Пруссии. 5 июля министр иностранных дел герцог де Грамон потребовал, чтобы Леопольд снял свою кандидатуру. Напряжение в отношениях между обеими странами достигло критической точки. Однако Вильгельм (находившийся в курортном местечке Эмсе) был склонен урегулировать этот спор миром: 12 июля он сделал устное заявление об отказе от поддержки кандидатуры Леопольда. Теперь уже инициатива перешла к французскому правительству. По его поручению посол Бенедетти явился 13 июля к королю с требованием письменно подтвердить обязательство Пруссии никогда впредь не поддерживать кандидатуру немецкого принца на испанский трон. Вильгельм нашел это требование чрезмерным и отклонил его. Телеграммой он известил Бисмарка о содержании своих перегово-

ров с французским послом. Бисмарк, слегка подсократив, опубликовал этот документ, призванный произвести «впечатление красной тряпки на галльского быка». В историю он вошел под названием «эмской депеши».

Если на французское правительство «эмская депеша» и произвела впечатление, то только потому, что оно уже сделало свой выбор. 15 июля по его просьбе Законодательный корпус проголосовал за военные кредиты. В ответ 16 июля Вильгельм подписал приказ о мобилизации прусской армии. Наконец 19 июля Франция объявила Пруссии войну. Бисмарк добился своего: он сумел заманить Наполеона III в ловушку и побудить его принять решение, благодаря которому Франция перед всем миром и в особенности перед германскими государствами предстала в роли агрессора.

Правительство национальной обороны. Война, на которую правящие круги решились с легким сердцем, обернулась для империи катастрофой. Первые же серьезные бои на границе в начале августа закончились поражением французской армии, вынужденной отступить вглубь страны. Войска были разделены на две группы. Одна из них, под командованием маршала Базена, была в середине августа окружена в крепости Мец, другая, под командованием маршала Мак-Магона, была отеснена к городу Седан, где 2 сентября сдалась на милость победителя. Вместе с войсками Мак-Магона в плену оказался и Наполеон III.

Когда в Париже было получено известие о пленении императора, на улицах стали собираться толпы горожан. Они требовали провозглашения республики. 4 сентября демонстранты, возмущенные инертностью властей, ворвались в зал заседаний Законодательного корпуса. Не добившись от депутатов решения этого вопроса, они направились на Гревскую площадь. Здесь в городской ратуше и было сформировано новое правительство национальной обороны. Вечером того же дня оно объявило о роспуске Законодательного корпуса и о предстоящих выборах в Учредительное собрание. В тронном зале Тюильрийского дворца Франция была провозглашена республикой.

Новое правительство состояло главным образом из депутатов-парижан, видных деятелей республиканской оппозиции. Возглавлял его орлеанист — военный губернатор Парижа генерал Трошю. Он был известен как храбрый, прямодушный солдат, в свое время высказавшийся против восстановления империи. Правительство заявляло, что будет продолжать войну за освобождение национальной территории. Однако оно не располагало для этого достаточными силами. Старой императорской армии фактически не существовало. Внутренние районы страны, включая Париж, были беззащитны перед наступающими немецкими вой-

сками. 16 сентября они появились в окрестностях столицы и спустя три дня полностью ее блокировали.

Продолжать войну в этих условиях правительство могло, только призвав всех граждан к отпору захватчикам, как это было в 1792—1793 гг. Собственно, на этом и настаивали революционные партии — неоякобинцы, бланкисты, а также левые республиканцы, такие как Леон Гамбетта, занимавший в правительстве национальной обороны пост министра внутренних дел. Однако подобная перспектива не устраивала более умеренную часть республиканцев главным образом из-за угрозы ее перерастания в гражданскую войну (что и произошло в 1792—1793 гг.). Большинство из них вскоре признало необходимость заключить с Пруссией мир, если его условия не будут чрезмерно унижительными.

18 сентября министр иностранных дел правительства национальной обороны Жюль Фавр встретился с Бисмарком в замке Ферьер, превращенном в резиденцию прусского канцлера. Он произнес высокопарную речь, пересыпанную словами «честь», «патриотизм» и т.п., суть которой, однако, заключалась в том, что Франция просит перемирия. На следующий день Бисмарк изложил свои условия: отказ Франции от Эльзаса, сдача крепостей Страсбург и Туль, оккупация немецкими войсками одного из парижских фортов — Мон-Валерьяна.

Признать столь тяжкие условия перемирия значило дискредитировать республику, обмануть возлагавшиеся на нее надежды, тем более что Наполеон III, оставаясь в плену, отказывался вести переговоры о мире. Силой обстоятельств республиканское правительство было обречено продолжать войну, в успешный исход которой многие его члены не верили.

Министры разделились на две группы: большинство осталось в Париже, а особая «правительственная делегация» отправилась в Тур (впоследствии она переехала в Бордо). Ее фактически возглавлял Гамбетта, выбравшийся из осажденной столицы на воздушном шаре. Его основной заботой было формирование новой регулярной армии, которая к концу 1870 г. была развернута к северу, югу и востоку от Парижа. Однако все ее попытки прорваться к столице успеха не имели. Капитуляция Меца 27 октября и сдача противнику Орлеана 4 декабря довершили военное поражение Франции.

В критическом положении оказался Париж. Его гарнизон насчитывал до полумиллиона солдат, большей частью национальных гвардейцев (они были призваны на военную службу еще последним правительством империи). Поэтому немецкое командование отказалось от штурма города и попыталось длительной осадой вынудить его защитников к сдаче. Несмотря на карточное распределение, запасы продовольствия и топлива быстро подо-

шли к концу. Население миллионного города жестоко страдало от голода и холода. Зимой паек сократился до 300 граммов малосъедобного хлеба на человека в день. На дрова были распилены деревья парижских бульваров. Тем временем немцы окружили Париж плотным кольцом укреплений, довели численность осаждавших войск до четверти миллиона и подтянули осадную артиллерию, освободившуюся после сдачи французских крепостей Мец, Туль и Страсбург. 27 декабря начался систематический обстрел французской столицы.

Правительство решило, что медлить с заключением перемирия нельзя. В ходе переговоров, которые еще 4 ноября провел с Бисмарком в Версале специально уполномоченный на то орлеанист Адольф Тьер, выяснилось, что Пруссия выдвигает еще более жесткие требования. Тем не менее 23 января 1871 г. Жюль Фавр отправился в Версаль (где только что было провозглашено создание Германской империи) и спустя пять дней подписал перемирие. По его условиям Париж фактически капитулировал: форты со всем вооружением и боеприпасами были сданы немцам, а гарнизон хотя и оставлен в городе, но на положении военнопленных. Для ведения переговоров о мире Франция должна была провести выборы в Национальное собрание и сформировать «законное» правительство.

Подписание перемирия было встречено с осуждением революционными и левореспубликанскими группировками; Гамбетта в знак протеста ушел в отставку с министерского поста. Однако на выборах, которые состоялись 8 февраля 1871 г., победили сторонники мира с Германией. Большей частью это были монархисты и умеренные республиканцы. Ввиду важности вопроса о мире они отложили на будущее свои разногласия относительно формы правления и заключили компромисс, поделив поровну высшие государственные должности. Председателем Национального собрания, которое открылось в Бордо 12 февраля, был избран республиканец Жюль Гревй, а главой исполнительной власти Французской республики, как официально именовалось государство, — А. Тьер. Кабинет министров, который он же и возглавил, также был составлен из монархистов и умеренных республиканцев.

26 февраля Тьер подписал в Версале предварительный (предварительный) мирный договор. Франция теряла по этому договору Эльзас и Лотарингию, а также обязывалась уплатить Германии контрибуцию в размере 5 млрд франков. Вплоть до уплаты контрибуции немецкие войска должны были оставаться во Франции. 1 марта Национальное собрание после коротких, но бурных дебатов одобрило договор большинством в 546 голосов, 107 депутатов голосовали против и 23 воздержались. Безуспешно против

условий договора возражал ряд депутатов, главным образом от Парижа и оккупированных департаментов, в том числе Эдгар Кине, Луи Блан и Виктор Гюго. 10 мая во Франкфурте-на-Майне договор был подписан окончательно.

Коммуна. 18 марта 1871 г. мир во Франции нарушили залпы новой войны — гражданской. Ее причины были многообразны. Безусловно, она была выражением глубоких противоречий и тенденций общественного развития Франции, но в то же время во многом объяснялась неблагоприятным стечением обстоятельств.

Франко-прусской войне предшествовали годы небывалого в истории Франции экономического подъема и процветания, у которых, однако, была и теневая сторона. Развертывание промышленной революции и высокие темпы индустриализации сопровождались ухудшением социального положения значительного слоя мелких собственников города и деревни. Им пришлось расстаться с привычными занятиями, которые обеспечивали не только пропитание, но и общественное положение, уверенность в завтрашнем дне, и заняться поисками новых. Далеко не всегда эти поиски давали результат. Особенно незавидной, однако, была судьба тех, кто пополнял ряды рабочих фабрик и заводов. Условия труда там были тяжелые, а заработная плата низкой. Это объяснялось общим снижением стоимости рабочей силы в первые десятилетия промышленной революции, которое сопровождалось широким применением на фабриках неквалифицированного и низкооплачиваемого труда женщин и детей. Конкурируя с ними за рабочие места, работники-мужчины еще больше теряли в заработной плате. Их квалификация и опыт, приобретенные за долгие годы работы в ремесленной мастерской, резко обесценились в условиях машинного производства. Все это способствовало росту недовольства в низах общества.

Война и оккупация, связанная с ними дезорганизация экономической жизни легли дополнительным бременем забот и несчастий на плечи беднейших слоев населения. Особенно тяжелым было их положение в осажденном Париже, где из-за отсутствия сырья, топлива и товаров закрылись предприятия, нечем было торговать в магазинах и лавках. Тысячи семей лишились обычных источников дохода и были вынуждены жить на скромное вознаграждение, которое получали их кормильцы за службу в национальной гвардии, — 1,5 франка в день. Чтобы как-то поддержать их, правительство во время осады запретило взимание платы за наем помещений и взыскание по долговым обязательствам. Но этих мер было явно недостаточно в городе, где на фоне недоедания и обнищания большинства населения особенно бросалась в глаза сытость богатых классов, которым «черный рынок» и связи обеспечивали относительное благополучие.

Но все эти тяготы, вполне объяснимые условиями войны, вряд ли подтолкнули бы парижан к массовым антиправительственным выступлениям, если бы ими, по крайней мере их организованным революционным меньшинством, не владела эйфория свободы и обновления. Стой же легкостью, с какой была свергнута империя, они пытались устранить и новое республиканское правительство всякий раз, когда оно давало им повод усомниться в чистоте своих патриотических и республиканских убеждений. Впервые это случилось 31 октября, после того, как пришло известие о сдаче Меца. Солдаты национальной гвардии захватили ратушу и несколько часов удерживали в ней министров в качестве пленников. Это повторилось 22 января 1871 г., когда была предпринята еще одна попытка взять ратушу штурмом, отбитая верными правительству войсками. Наконец, в третий раз, уже с гораздо более серьезными последствиями, это произошло 18 марта.

Национальное собрание и правительство Тьера фактически спровоцировали парижан на выступление. После снятия блокады была прекращена выплата вознаграждений солдатам национальной гвардии. Национальное собрание отвергло предложение об отсрочке выплаты задолженности по квартирной плате и приняло закон о немедленном взыскании всех коммерческих долгов. В считанные дни к оплате было предъявлено 150 тыс. долговых обязательств. Эти события взбудоражили город, экономика которого еще не оправилась от последствий блокады. Задело гордость парижан и решение Национального собрания избрать местом своего пребывания Версаль. Они усмотрели в этом недоверие к столице, проголосовавшей на выборах 8 февраля в основном за республиканцев, и завуалированное стремление к реставрации монархии.

Особое беспокойство властей вызывала национальная гвардия Парижа. Весьма поредевшая после снятия блокады, она все же представляла серьезную военную силу, с которой не могло не считаться правительство. На ее вооружении находилось 227 артиллерийских орудий, из которых около 200 были отлиты на деньги, собранные по подписке самими парижанами. В десятках тысяч национальных гвардейцев, еще не остывших от напряжения многомесячной осады, взвинченных революционной агитацией и озлобленных против «реакционеров» и «предателей», власти усматривали угрозу не только своему авторитету, но и общественному порядку. Прибыв в Париж 15 марта, Тьер решил любой ценой овладеть артиллерией национальной гвардии.

Парижане были готовы отстаивать то, что считали своим законным правом. Большую популярность среди них приобрел лозунг децентрализации власти. Сего осуществлением республи-

канцы, в частности, связывали надежды на ограничение власти правительства, наполовину состоящего из монархистов. На страже прав и интересов парижан стояла национальная гвардия. После того, как вследствие выступлений 31 октября и 22 января были запрещены революционные организации и арестованы их вожди, такие как О. Бланки, национальная гвардия являлась самой организованной политической силой Парижа. В феврале возникла Республиканская федерация национальной гвардии, которую возглавил центральный комитет. Фактически он руководил революционным движением в столице.

На рассвете 18 марта правительственные войска попытались захватить артиллерию национальной гвардии, сосредоточенную на Монмартрском холме. Попытка закончилась неудачей, и солдаты без боя отступили. Но командовавшие ими генералы Леконт и Тома были схвачены национальными гвардейцами и расстреляны. Это послужило сигналом к эвакуации правительственных учреждений в Версаль, вслед за ними покинули столицу многие представители богатых классов. Париж оказался во власти национальной гвардии. Ее центральный комитет занялся подготовкой выборов в коммуну, как по традиции называлось городское самоуправление Парижа.

Выборы состоялись 26 марта. В них участвовала почти половина зарегистрированных избирателей — 229 тыс. из 485 тыс. Членами Коммуны были избраны 86 человек. Среди них встречались известные люди, например, ветераны революционного движения Шарль Делеклюз и Феликс Пиа, художник Гюстав Курбе. Имена же большинства ничего не говорили широкой общественности. Среди членов Коммуны были служащие, врачи, журналисты, адвокаты, рабочие. Их политические симпатии разделились примерно поровну между неоякобинцами, прудонистами и бланкистами. По многим вопросам неоякобинцы и бланкисты голосовали вместе, образуя большинство Коммуны. Часть ее членов состояла в секциях Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

Коммуна обнародовала программу глубоких реформ, включавшую замену постоянной армии вооружением народа, выборность и сменяемость государственных чиновников, справедливую организацию труда, отделение церкви от государства, введение бесплатного, обязательного и светского обучения детей. Эта программа была общим достоянием французских демократов середины XIX в. Но масштабы поставленных задач намного превосходили скромные возможности парижских революционеров, которые в лучшем случае смогли сделать первые шаги к ее осуществлению.

Более плодотворной оказалась деятельность Коммуны в области удовлетворения насущных социально-экономических требований парижан. Среди принятых ею мер — списание задолженности по квартирной плате, безвозмездное возвращение из ломбарда вещей, заложенных на сумму не больше 20 франков, введение рассрочки на три года по коммерческим кредитам.

Впрочем, на проведение реформ у Коммуны не оставалось ни времени, ни сил, которые поглощала гражданская война. Оправившись от испуга, вызванного восстанием 18 марта, правительство приняло меры к подавлению революционного движения в столице. В начале апреля произошли первые стычки между федератами (так называли себя бойцы вооруженных отрядов Коммуны) и версальскими (правительственными) войсками. До середины мая военные действия не принесли особого успеха ни одной из сторон. Но их силы были заведомо не равны. Выступление парижан не поддержала провинция, где были быстро подавлены отдельные попытки последовать их примеру. Зато версальское правительство получало помощь германской армии, предоставившей оружие и боеприпасы, а также десятки тысяч солдат, досрочно отпущенных из германского плена.

Война отличалась жестокостью и бесчинствами с обеих сторон. Узнав, что версальцы расстреливают пленных коммунаров, Коммуна приняла декрет о заложниках, грозивший карами ни в чем не повинным людям. Когда бои велись уже на улицах Парижа и дни Коммуны были сочтены, часть заложников расстреляли, в том числе архиепископа Парижского. Отступая, коммунары подожгли ряд общественных зданий в центре столицы — Тюильрийский дворец, рагушу, Дворец правосудия, префектуру полиции. Версальцы залили кровью улицы и площади Парижа. Жертвами братоубийственной войны стали десятки тысяч человек, павших в боях, расстрелянных самочинно или по приговору, вынесенному на скорую руку военно-полевыми судами.

28 мая Коммуна пала. Революционное нетерпение парижан дорого обошлось Франции. Поражение Коммуны привело к серьезным и трудновосполнимым утратам в общественной жизни. Рабочее и социалистическое движение было отброшено назад в своем развитии. В тюрьмах, на каторге, в изгнании оказались сотни и тысячи народных вожаков и защитников. Имущие слои населения, правящие круги приобрели устойчивую неприязнь ко всякого рода «социалистическим экспериментам». Не удивительно, что в последней трети XIX в. Франция отстала от других развитых стран Европы в проведении социальных реформ.

Становление Третьей республики. Из 630 депутатов, избранных в Национальное собрание 8 февраля 1871 г., подавляющее большинство — около 400 — составляли монархисты. Теорети-

чески это давало им возможность легальным путем восстановить во Франции монархию. Однако серьезным препятствием к тому являлось отсутствие в их рядах единства. Меньшинство принадлежало к сторонникам легитимной (т.е. законной) династии Бурбонов, дважды за неполное столетие терявшей трон — в 1792 и 1830 гг. Их называли легитимистами. В качестве претендента на корону они поддерживали графа Шамбóра, внука Карла X. Большинство же депутатов-монархистов были сторонниками династии Орлеанов. Они видели будущим королем графа Парижского, внука Луи Филиппа, свергнутого революцией 1848 г. Ни одна из монархических партий в отдельности не располагала достаточными силами, чтобы решить в свою пользу вопрос о будущем правителе. Но и договориться о «едином кандидате» им тоже было не просто. Мешали не только амбиции претендентов, но и глубокие политические и социальные различия между легитимистами и орлеанистами.

Обе группировки были в высшей степени элитарными и состояли главным образом из крупных земельных собственников, среди которых было немало представителей титулованной знати. Но легитимисты являлись по преимуществу политическим объединением провинциальных помещиков, а орлеанисты — богатой деловой буржуазии, проявлявшей интерес не только к недвижимости, но и к современным формам богатства — акциям банков, страховых обществ, железнодорожных компаний, крупных предприятий. Орлеаны воплощали более современную, по сравнению с Бурбонами, форму монархии — парламентскую и светскую, основанную на «общественном договоре» короля с гражданами, признающую революционное наследие.

После подавления Коммуны вопрос о форме правления некоторое время оставался в подвешенном состоянии. Тьер явно тянул время, не скупясь на посулы ни монархистам, ни республиканцам. Он умело играл на противоречиях борющихся партий, укрепляя личную власть. 31 августа 1871 г. он в дополнение к тому, что уже являлся председателем правительства и депутатом, был избран Национальным собранием главой государства — «президентом республики», как официально называлась должность (с оговоркой, что эта формулировка не предreshает вопрос о будущей форме правления). Тьер сосредоточил внимание на ликвидации последствий гражданской и внешней войн. Благодаря двум внутренним займам ему удалось в кратчайшие сроки выплатить контрибуцию и уже в марте 1873 г. подписать с Германией конвенцию об освобождении всей оккупированной территории. Одновременно были осуществлены осторожные реформы местного управления, государственных финансов и армии.

Однако даже такой ловкий политик, как Тьер, не мог бесконечно откладывать решение вопроса о форме правления. Тем более что республиканцы на дополнительных выборах в Национальное собрание достигли определенных успехов. Неожиданно Тьер высказался в пользу сохранения республики. В ноябре 1872 г. он заявил: «Республика существует; она является законной формой правления в этой стране».

Это заявление вызвало смещение среди монархистов. Тьера поддержала часть орлеанистов, положив тем самым начало раставшемуся на десятилетия процессу «присоединения» к республике монархистов, потерявших надежду на реставрацию королевской власти. В Национальном собрании они стали блокироваться с республиканцами. Но большинство монархистов не простило Тьеру его «измены». 24 мая 1873 г. они вынудили его подать в отставку. Президентом республики был избран маршал Мак-Магон, убежденный легитимист.

Вслед за этим были предприняты лихорадочные усилия, чтобы добиться соглашения между обоими претендентами. Монархисты заручились согласием графа Парижского признать старшинство графа Шамбора при условии наследования трона после его смерти. Однако камнем преткновения оказались политико-идеологические притязания графа Шамбора: веря в свое Божественное право, он считал неприемлемой процедуру избрания на королевский престол депутатами. Категорически отказался он и признать «триколор» государственным флагом, настаивая на белом стяге Бурбонского дома.

Ввиду срыва переговоров монархисты приняли решение потянуть время в надежде, что разногласия между претендентами отпадут сами собой, учитывая солидный возраст графа Шамбора. С этой целью в ноябре 1873 г. они добились принятия закона о сенатате, определявшего срок полномочий президента в 7 лет.

Одним из главных направлений своей деятельности на посту президента Мак-Магон провозгласил восстановление «морального порядка». Главой правительства он назначил герцога де Брольи, который подверг чистке государственный аппарат. Префекты, прокуроры, другие государственные служащие, заподозренные в республиканских убеждениях, отстранялись от должности и заменялись монархистами. Для борьбы с республиканцами правительство использовало право назначать глав местной администрации (мэров). Полиция изводила придирками оппозиционную прессу. Одновременно власти покровительствовали католической церкви. Для желающих совершить паломничество в Лурд и другие места явления Богоматери выделялись специальные поезда. Во искупление «грехов» Коммуны было принято решение о строительстве на Монмартрском холме базилики Сакре-Кёр.

В этих условиях попытались укрепить свои позиции бонапартисты, которые в 1874 г. добились некоторых успехов на дополнительных выборах в Национальное собрание. Замаячившая на горизонте угроза реставрации империи побудила дотоле непримиримую часть орлеанистов пойти на компромисс с республиканцами в интересах укрепления существующего порядка. Плодом этого компромисса явились три конституционных закона, принятые в течение 1875 г. Вместе взятые, они и составили Конституцию Третьей республики.

В отличие от прежних республиканских конституций Франции новая Конституция имела сугубо практическое назначение — определить устройство учреждений власти и их компетенцию. В первоначально принятых текстах даже форма правления никак не оговаривалась. Этот пробел был устранен благодаря поправке депутата Валлона, одобренной большинством всего в один голос. По этой поправке глава государства по-прежнему должен был именоваться «президентом республики».

Согласно Конституции 1875 г., главные ветви власти были представлены президентом, палатой депутатов и сенатом. Президент избирался на 7 лет. По своим полномочиям он напоминал конституционного короля — номинально считался главой исполнительной власти, назначал и отстранял от должности министров, председательствовал на их заседаниях, но был лишен права принимать помимо их ведома и согласия какие-либо иные важные решения. Президент представлял Францию в международных отношениях, подписывал декреты и обнародовал законы, мог вернуть закон на повторное обсуждение в палаты, обладал правом помилования. Министры, в руках которых находилась реальная исполнительная власть, образовывали правительство, несшее солидарную ответственность перед палатами.

Двухпалатному Национальному собранию принадлежала законодательная власть. Палата депутатов избиралась на всеобщих выборах каждые четыре года, сенаторы — специальными коллегиями выборщиков на 9 лет с переизбранием трети своего состава каждые 3 года (не считая нескольких десятков пожизненных сенаторов). Закон признавал за палатами одинаковые права — с той лишь разницей, что сенату принадлежала еще и высшая судебная власть (в особых заседаниях он мог принимать решения в качестве Верховного суда страны). На совместных заседаниях палат, которые назывались конгрессом, избирался президент республики и принимались поправки к Конституции.

Конституция закрепила такие принципы либерально-демократического устройства государства, как представительное правление, разделение властей, ответственность правительства перед парламентом. В ней отсутствовала традиционная декларация прав

человека и гражданина. Соответствующие законы были приняты позднее (о печати, профессиональных ассоциациях, общественных объединениях). Все это в совокупности сделало Францию одной из наиболее свободных и демократических стран того времени.

31 декабря 1875 г. Национальное собрание, как выполнившее свои задачи, было распущено. В соответствии с Конституцией состоялись выборы в законодательные палаты. Места в сенате распределились почти поровну между монархистами и республиканцами. В палате депутатов республиканцы добились убедительного перевеса (360 мандатов против 170).

Президент Мак-Магон сделал вид, что подчинился воле избирателей, и назначил правительство из умеренных республиканцев. Однако 16 мая 1877 г. он, воспользовавшись разногласиями с правительством, отправил его в отставку. Был сформирован кабинет из монархистов во главе с орлеанистом герцогом де Брольи. Затем с согласия сената президент распустил палату депутатов и назначил новые выборы. Подготовка к ним сопровождалась беспрецедентным со времен Второй империи давлением правительства и государственных чиновников на избирателей. Они чинили препятствия распространению прессы, проведению собраний республиканцев.

Республиканцы образовали предвыборный блок, выдвинувший общую платформу и единых кандидатов во всех избирательных округах. Эта тактика блестяще себя оправдала. На выборах 14 октября республиканцы получили 335 депутатских мест против 208, отошедших к монархистам.

Мак-Магон пытался игнорировать результаты выборов. Он назначил кабинет из монархистов, заведомо не располагавший поддержкой парламентского большинства. Тогда его противники прибегли к обструкции, провалив в палате депутатов законопроект о бюджете на 1878 г. Перед угрозой политического кризиса Мак-Магон уступил. Он отправил в отставку кабинет меньшинства, а 29 января 1879 г. сам досрочно оставил свой пост. На следующий день президентом был избран Жюль Греви. Таким образом, республиканцы овладели основными ветвями государственной власти.

Основные политические силы. В последней трети XIX в. политически наиболее острым во Франции был вопрос о форме правления. Отношение к республике определяло деление всех политических сил на «правые» и «левые», как со времен революции XVIII в. называли два противостоящих друг другу лагеря противников и сторонников политического и социального обновления страны.

Третья республика, родившаяся под знаком разгрома Коммуны и компромисса 1875 г., не исключала возможности сотрудничества между монархистами и значительной частью республиканцев на почве социального консерватизма и борьбы с «анархией». Эпиграфом к Конституции Третьей республики вполне могли служить слова Тьера: «Республика — это такая форма правления, которая нас меньше всего разъединяет». В последней четверти XIX в. благодаря сотрудничеству умеренных политиков правого и левого толка в действительности возникли контуры либерально-консервативного «центра», выступавшего за «умиротворение» кипящей политическими страстями страны и осторожные реформы.

Усиление «центростремительных» тенденций в политической жизни наметилось на рубеже 70—80-х годов, когда успехи республиканцев окончательно лишили монархистов надежды на скорую реставрацию. На всеобщих выборах 1881 г. их парламентское представительство резко сократилось. В палате депутатов они получили всего 90 мест. Боевой дух монархистов подорвала и смерть графа Шамбора в 1883 г. Легитимисты, самые непримиримые среди них, после этого раскололись на два крыла. Часть из них ушла в глухую оппозицию режиму, другая влилась в ряды орлеанистов, признав законным претендентом графа Парижского. Постепенно монархисты превращались в конституционную оппозицию. Многие из них если не формально, то фактически признали существующую форму правления и сосредоточили усилия не на борьбе с ней, а на защите в ее рамках традиционных консервативных ценностей — религии, церкви, собственности, армии.

Социальным консерватизмом отличалась в эти годы и политика республиканского большинства, завоевавшего на выборах 1881 г. в палату депутатов 467 мест. «Отцы-основатели» Третьей республики — президент Гриви, министры и премьер-министры Жюль Ферри, Шарль де Фрейсине и др. — стремились успокоить деловые круги, которые тревожила возможность общественных потрясений (ведь в прошлом это случалось всякий раз, когда к власти приходили республиканцы — в 1792—1793, 1848 и в 1870—1871 гг.). Не составлял исключения и Л. Гамбетта. В годы империи он именовал себя «радикальным демократом» и охотно поддерживал требование «экономических реформ, касающихся социального вопроса». Теперь он утверждал, что нельзя найти общего решения множеству частных социальных проблем, каждая из которых требует особого и терпеливого отношения. Упор в своей программе он сделал на политические реформы, призывая не спешить с их проведением, пока они вполне не созрели и не получили поддержки большинства граждан. За призыв Гамбетты отложить социальные реформы «до благоприятного време-

ни» (*au temps opportun*) его прозвали оппортунистом. Это слово пришлось французам по вкусу, и в 80-х оно годам употреблялось для обозначения умеренных республиканцев.

Такие настроения правящих кругов не давали никакой надежды на проведение реформ, направленных на изменение отношений собственности, на перераспределение в пользу неимущих части национального дохода и т.п. Придя к власти, республиканцы ограничились тем, что приняли ряд мер, направленных главным образом на легитимацию Третьей республики, устранение явных пробелов в Конституции и перекосов в гражданских отношениях. Правительство и Национальное собрание переехали из Версаля в Париж, день 14 июля был объявлен национальным праздником, а коммунары получили амнистию. В 1881 г. были приняты законы о свободе собраний и печати, в 1883 г. разрешен развод, в 1884 г. на основании закона, подготовленного Рене Вальдеком-Руссо, легальный статус получили профессиональные объединения предпринимателей и рабочих (запрещенные с 1791 г. по закону Ле Шапелье, который был в основном отменен еще при Второй империи, в 1864 г.). Весьма важной была серия законов об обязательном, бесплатном и светском начальном обучении, принятых в основном благодаря усилиям Ферри, занимавшего посты министра народного образования и премьер-министра в кабинетах того времени. Некоторые меры носили половинчатый, паллиативный характер. Так, конституционная реформа свелась к упразднению института пожизненных сенаторов. Вместо судебной реформы была проведена простая «чистка» магистратуры от лиц, вызывавших недоверие республиканских властей. После долгих дебатов было провалено предложение о выкупе государством частных железных дорог. Та же судьба постигла идею подоходного налога.

Социальный консерватизм и оппортунизм общепризнанных вождей республиканского большинства вызвал разочарование значительной части избирателей. Их взоры обратились к небольшой группе политиков, называвших себя радикалами и заявлявших о верности старой программе демократических и социальных реформ, от которой отказались оппортунисты. После выборов 1881 г. радикалы впервые отделились от республиканского большинства, образовав в палате депутатов собственную фракцию в составе 46 человек. Их лидерами были молодые журналисты Камиль Пельтан и Жорж Клемансо. Вскоре они заслужили репутацию неукротимых противников оппортунистической политики. Среди них, бесспорно, наиболее ярким политиком был Клемансо, проживший долгую жизнь и сделавший замечательную политическую карьеру. Он получил прозвище «парламентского тигра» и «ниспровергателя министерств». На всеобщих выборах 1885 г.

радикалы добились в палате депутатов 180 мест — почти такого же количества, как и оппортунисты (200).

Республиканцы, которые и раньше не представляли собой монолитного целого, теперь окончательно раскололись на две соперничающие группировки — оппортунистов (умеренных республиканцев) и радикалов. Их называли партиями, но по существу это были аморфные политические течения, идейными и организационными штабами которых служили соответствующие парламентские группировки. Сами же эти группировки представляли собой не очень прочные объединения политических единомышленников и попутчиков. Они легко распадались на более мелкие автономные образования, которые именовали себя «левыми», «республиканскими», «демократическими» и даже «социалистическими» (что не всегда соответствовало действительности и даже не обязательно свидетельствовало о больших различиях в программе и идеологии), и так же легко вновь объединялись. Неизбежные амбиции вождей и соперничество депутатов за обладание министерскими портфелями дополняли картину дробления республиканского лагеря.

Распри среди республиканцев неблагоприятным образом отразились на устойчивости министерских кабинетов, которые жили под постоянным страхом утраты парламентского большинства. Насколько их опасения были небеспочвенны, свидетельствовал опыт «великого министерства» Гамбетты. После многих лет пребывания в оппозиции он в ноябре 1881 г. получил наконец мандат на формирование правительства. Несмотря на «однопартийный» характер его кабинета, составленного из членов возглавляемой им же парламентской группы «республиканский союз», Гамбетта добился вотума доверия палаты депутатов. Однако спустя 67 дней, в январе 1882 г., он был отправлен в отставку объединенными голосами консерваторов, радикалов и умеренных республиканцев из парламентской группы «левая республиканская», которыми предводительствовал Ж. Ферри.

Частая смена правительств была сущим бедствием Третьей республики. До конца XIX в. страна переживала их более двух десятков, т.е. каждое находилось у власти в среднем менее одного года. Эту «правительственную нестабильность» лишь отчасти компенсировало то обстоятельство, что персональный состав правящих кабинетов был сравнительно постоянен, т.е. какая-то часть, а то и большинство министров прежнего правительства, как правило, переходили в новое.

Повышению политической стабильности способствовало бы расширение правительственного большинства «вправо». Однако политико-идеологические разногласия между правыми и левыми группировками служили непреодолимым к тому препятствием. В

частности, монархисты-консерваторы и умеренные республиканцы решительно расходились между собой в представлениях о роли католической церкви в современном обществе. Консерваторы считали церковь одной из опор общественного порядка. Республиканцы, напротив, питали к ней глубокое недоверие. Они относились к церкви не только как к хранительнице древних предрассудков и заблуждений, но видели в ней заклятого врага республики, который всегда был заодно с монархической раской.

С приходом республиканцев к власти вопрос об отношении к церкви оказался в центре общественно-политической борьбы. Правящая партия выражала недовольство деятельностью многочисленных религиозных конгрегаций (монашеских объединений), содержавших по всей стране множество больниц, приютов и учебных заведений. В 1880 г. Ферри добился закрытия учебных заведений ордена иезуитов и обязал все другие конгрегации получить разрешение правительства на свою деятельность (многим из них в этом было отказано). Церковь воспротивилась тому, что считала ущемлением своих прав, и правительству пришлось силой закрывать непокорные конгрегации. Принудительными мерами против церкви республиканские власти восстановили против себя духовенство и значительную часть верующих. В стране образовалось мощное антиправительственное католическое движение, которое нашло союзника в лице консервативной оппозиции и усилило ее избирательную базу. На всеобщих выборах 1885 г. клерикально-монархический блок выдвинул единых кандидатов и сумел серьезно потеснить республиканцев, получив свыше 200 депутатских мест. На эти выборы республиканцы впервые после прихода к власти шли под лозунгом защиты республики.

Булажизм. Поглощенные борьбой с клерикалами и монархистами, республиканцы не сразу заметили, как за спиной у них выросла и окрепла новая политическая сила — националистическое движение. Отчасти его подъем был связан с общим усилением политического радикализма, питавшегося разочарованием широких слоев населения результатами политики умеренных республиканцев. Сыграл свою роль и экономический кризис середины 80-х годов, заставивший многих французов потуже затянуть пояса. Но тому, что недовольство вылилось именно в такую форму, способствовал ряд дополнительных обстоятельств.

Общественное мнение Франции не смирилось с утратой Эльзаса и Лотарингии и устами таких популярных политиков, как Гамбетта и Клемансо, постоянно напоминало об этом правительствам. Однако умеренные республиканцы не откликались на их призывы, не желая провоцировать конфликты с Германией. Гриви вообще исключал возможность войны за возвращение обеих

провинций. Ферри по крайней мере не считал эту задачу первоочередной, будучи уверен, что гораздо больше пользы Франции принесет успешная колониальная экспансия.

Во время пребывания Ферри на посту председателя совета министров (в 1880—1881 и 1883—1885 гг.) Франция резко усилила свою колониальную экспансию в Африке и Юго-Восточной Азии, приостановленную было вследствие поражения во франко-прусской войне и внутривосточных конфликтов 70-х годов. Его преемники также уделяли большое внимание колониальной политике. В итоге к началу XX столетия Франция сумела воссоздать свою колониальную империю и вернуться в «клуб» крупнейших колониальных держав мира, из которого она была исключена во второй половине XVIII — начале XIX в.

В 1881 г. Франция установила протекторат над Тунисом. Началось также завоевание земель, лежащих по течению рек Сенегал и Нигер. В 1895 г. из захваченных в бассейне этих рек территорий была образована колония Французская Западная Африка. В 1885 г. согласно решению международной конференции в Берлине Франция получила в свое владение часть бассейна реки Конго. В дальнейшем она захватила в Центральной Африке и ряд других территорий, из которых в 1910 г. была образована колония Французская Экваториальная Африка. В 1883 г. началось завоевание Мадагаскара, растянувшееся на несколько лет. В 1895 г. правительство этого островного государства было вынуждено признать французский протекторат. Однако вооруженное сопротивление местных жителей продолжалось вплоть до начала Первой мировой войны.

В 1883 г. Франция направила свои войска в Тонкинский залив, чтобы подчинить себе независимые государства Тонкин и Аннам, расположенные на восточном побережье полуострова Индокитай. Однако французы столкнулись с сопротивлением не только местного населения, но и Китая, который потребовал вывода французских войск. Началась франко-китайская война, завершившаяся в 1885 г. подписанием Тяньцзиньского договора, по которому Китай признал колониальные захваты Франции в Индокитае. В 1887 г. французы объединили Аннам, Тонкин, Камбоджу и Кохинхину (которой они владели с 1867 г.) в Индокитайский союз под управлением общей администрации. В 1893 г. к нему была присоединена и территория современного Лаоса.

В конце XIX столетия французы предприняли попытку создания сплошной полосы своих колоний в Африке с запада на восток. С этой целью они попытались захватить Судан, расположенный в среднем течении Нила между французскими владениями в Экваториальной Африке и маленькой колонией Сомали на побережье Индийского океана. В 1896 г. небольшой отряд фран-

цузских колониальных войск выступил из Конго в восточном направлении. Спустя два года, в 1898 г., он достиг местечка Фашода на Белом Ниле, где столкнулся с более многочисленным отрядом англо-египетских войск. Несколько месяцев продолжалось военное и дипломатическое противостояние двух держав. В 1899 г. они подписали договор о разграничении их владений в Судане. Франция отказалась от притязаний на долину Нила. Великобритания, со своей стороны, признала ее права на Западный Судан.

Радикалы осуждали активную колониальную экспансию на том основании, что она приводит к распылению сил, ослаблению страны перед лицом агрессивной Германии. Впрочем, по мере роста и укрепления колониальной империи голоса критиков становились все глуше, и никто из них даже не помышлял о добровольном отказе от колоний. Но в начале 80-х годов Клемансо обвинял Ферри не больше не меньше как в «государственной измене».

Опасения подобного рода в особенности усилила «военная тревога» 1886—1887 гг., связанная с мелким инцидентом на франко-германской границе, которым Бисмарк воспользовался, чтобы припутнуть Францию. Его угрозы вызвали во Франции всплеск реваншистских и милитаристских настроений, на почве которых и выросло националистическое движение.

Начав с критики колониальной политики республиканских правительств, националисты постепенно перешли к отрицанию конституционных основ Третьей республики. В особенности они критиковали парламентаризм, усматривая в нем причину ослабления государственной власти и национального единства. Они выдвинули требование пересмотра Конституции с целью усиления исполнительной власти по образцу президентской республики 1848 г., ставшей прологом к установлению бонапартистской диктатуры.

Это требование нашло отклик в массах, доверие которых к властям было серьезно подорвано скандалом, подмочившим репутацию высшего должностного лица республики. Главным героем скандальной истории стал зять президента Д. Вильсон. Прикрываясь авторитетом своего тестя, он за взятки устраивал всем желающим награждение орденом Почетного легиона. Когда неприглядная история получила огласку, Гревс был вынужден уйти в отставку.

На роль «сильной личности», способной укрепить пошатнувшийся авторитет государственной власти, националисты прочили генерала Буланже. Ветеран многих войн, борец с армейской рутинной, наконец, республиканец по своим взглядам, он пользовался поддержкой радикалов. В 1886 г. по протекции Клеман-

со генерал Буланже получил пост военного министра. По его инициативе были осуществлены реформы в армии, снискавшие ему популярность: принята на вооружение скорострельная винтовка Лебеля, сокращен срок военной службы с 5 до 3 лет, улучшены бытовые условия рядовых и унтер-офицеров, стали призываться в армию священнослужители. А твердость, проявленная перед лицом угроз Германии в 1887 г., окончательно сделала его кумиром толпы — «генералом реванша». Когда умеренные республиканцы, обеспокоенные воинственностью Буланже, лишили его министерского поста и отправили командовать армейским корпусом в Клермон-Ферран, провожать его на вокзал пришло множество парижан.

На амбициях популярного генерала стремились сыграть различные политические силы. Радикалы рассчитывали с его помощью пробиться к власти. Монархисты руками военного диктатора готовились восстановить монархию. С этой целью видные деятели монархической оппозиции, такие как барон де Макау, граф Альбер де Мэн, герцогиня д'Юзес, стали финансировать его политическую кампанию. Но и те и другие ошиблись в расчетах. Авторитарные замашки генерала, его стремление к личной власти вскоре оттолкнули от него радикалов. В итоге Клемансо из горячего сторонника Буланже превратился в его яростного противника. Да и монархисты вскоре поняли, что генерал попросту использует их в своих целях.

Главной опорой буланжизма было националистическое движение, ведущую роль в котором играла Лига патриотов. Основанная в 1882 г. писателем Полем Деруледом и историком Анри Мартэном, она ставила целью «развитие физических и моральных сил нации», прежде всего в интересах победоносной войны против Германии. Долгое время она влачила незаметное существование и лишь на волне буланжизма превратилась во влиятельную политическую силу. В середине 80-х годов Лига патриотов насчитывала свыше 180 тыс. членов.

В марте 1888 г. Буланже был уволен из армии, после чего он сломя голову ринулся в политику. На дополнительных выборах в палату депутатов он выдвинул свою кандидатуру и был избран. В парламенте он внес предложение о пересмотре Конституции. Когда оно было отвергнуто депутатами, Буланже вынес его на своеобразный плебисцит. Выборы в то время проводились по партийным спискам, и закон не запрещал многократно выдвигать одну и ту же кандидатуру в разных избирательных округах. Этим и воспользовался Буланже. Под лозунгами роспуска парламента, пересмотра Конституции и созыва учредительного собрания он принял участие в дополнительных выборах по разным округам,

которые проводились во второй половине 1888 г. И практически везде ему сопутствовал успех.

В ночь с 27 на 28 января 1889 г. Париж не спал, напряженно ожидая результатов дополнительных выборов, которые состоялись в столичном департаменте Сена. Когда стало известно, что Буланже победил большинством в 242 тыс. голосов против 165 тыс., поданных за его соперника-республиканца, толпы националистов вышли на улицы, демонстрируя готовность взять штурмом Елисейский дворец. Дерулед умолял Буланже брать власть немедленно, не дожидаясь всеобщих выборов, намеченных на осень. Однако Буланже не последовал его совету и отказался от государственного переворота.

Промедлением генерала воспользовались республиканцы, сплотившие свои ряды против общего врага. Они внесли изменения в закон о выборах, отменив голосование по партийным спискам и запретив многократное выдвижение одной и той же кандидатуры. Правительство не посчитало зазорным пойти и на прямую провокацию. Министр внутренних дел Клеман распустил слух о якобы готовящемся аресте Буланже. Того явно не устраивала роль мучника, и 1 апреля 1889 г. он бежал в Брюссель. С этого момента буланжизм резко пошел на спад. В августе сенат, заседаая в качестве Верховного суда, заочно приговорил Буланже к изгнанию. Преследованиям в судебном порядке подверглись и вожаки националистического движения. Лига патриотов была распущена, а Дерулед приговорен к штрафу. На всеобщих выборах в сентябре 1889 г. буланжисты провели в палату лишь 38 своих кандидатов. Точку в истории буланжизма поставило самоубийство генерала в 1891 г.

Социальные движения. К концу 80-х годов конфликт между монархистами и республиканцами из-за формы правления явно исчерпал себя. Вехой в истории Третьей республики явился буланжистский кризис, в ходе которого решался вопрос уже не о форме правления (монархия или республика), а о путях конституционного развития самой республики (демократическая и парламентская или авторитарная и президентская). Кроме того, на арену политической борьбы выступила могущественная «третья сила», спутавшая карты как монархистам, так и республиканцам, — националистическое движение. В ходе политического кризиса монархисты и националисты потерпели поражение. Но и сторонники демократической и парламентской республики недолго торжествовали победу. Они столкнулись с разнообразными социальными движениями, выражавшими стремление общественных низов к более достойной и справедливой жизни. Вследствие ряда крупных забастовок промышленных рабочих — 1884 г. в Анзене, 1886 г. в Декавилле, — а в особенности вследствие создания

массовых рабочих организаций умеренным республиканцам стало трудно игнорировать «социальный вопрос», от рассмотрения которого они долго уклонялись.

После разгрома Коммуны рабочее движение Франции медленно восстанавливало силы. Начиная с 1876 г. созывались съезды рабочих, на которых обсуждались цели движения — борьба за власть или защита профессиональных интересов. На съезде 1879 г. большинство пошло за социалистами — сторонниками борьбы за власть. В 1880 г. в Гавре они добились создания Рабочей партии. Спустя два года эта партия раскололась на две части. Одна из них сохранила старое название, другая взяла новос: Федерация социалистических трудящихся. Разногласия между ними носили доктринальный характер. Рабочая партия, руководимая Жюлем Гедом и Полем Лафаргом, приняла революционную программу, теоретическую преамбулу которой составил Маркс. В ней говорилось, что конечной целью борьбы партии в экономическом плане является «возвращение к коллективной собственности на все средства производства». Поэтому сторонников Рабочей партии, равно как и марксова социализма вообще, стали называть во Франции «коллективистами». Федерацию социалистических трудящихся возглавили Поль Брусс и Бенуа Малон, которые стояли на реформистских позициях. Цели своей организации они ограничивали пределами «возможного» (*possible*; отсюда другое название их партии — *поссибилисты*) и считали, что осуществить социализм лучше постепенно, начиная с преобразований на местном уровне (т.н. «муниципальный социализм»).

С 1881 г. действовала организация, образованная вернувшимися по амнистии на родину коммунарами-бланкистами, — Центральный революционный комитет. Она строилась по типу тайных заговорщических обществ, основывалась на строжайшей дисциплине и первоначально ставила задачей подготовку восстания. Однако под руководством Эдуара Вайяна она постепенно отошла от бланкистской тактики и сблизилась с марксистами в теоретическом и политическом плане.

Наконец, по мере роста популярности социалистических идей появилось немало журналистов, писателей, политиков, объявивших себя «независимыми социалистами». Социализм они понимали широко — как политику реформ, направленных на установление более справедливых отношений в обществе. Их отпугивала доктринальная жесткость существующих организаций, от которых они предпочитали держаться на расстоянии. «Независимыми социалистами» были Александр Мильеран, Жан Жорёс, Рене Вивианн, Аристид Бриан и др.

Параллельно социалистическому движению и отчасти под его влиянием развивалось профсоюзное, или, как его называли во

Франции, синдикалистское движение, легально существующее с 1884 г. Ему также не удалось избежать идейного и организационного раскола. Одно из основных течений в профсоюзном движении сложилось вокруг бирж труда. Первоначально они лишь вели учет спроса и предложения рабочей силы, однако постепенно они стали тем местом, где регулярно встречались руководители местных профсоюзов, чтобы выработать общую позицию по отношению к хозяевам. Особенностью движения бирж труда, образовавшихся в 1892 г. свою федерацию, было то, что они ревностно оберегали свой пролетарский характер и независимость от политических партий, не исключая и социалистов, которых упрекали в чрезмерной уступчивости по отношению к буржуазии. Напротив, Федерация синдикатов, созданная в 1886 г. при участии гедистов, стремилась к сотрудничеству с социалистическими организациями в борьбе за реформы и поддерживала их кандидатов на выборах.

Между обеими разновидностями синдикализма велись острые дискуссии, в центре которых стоял вопрос о всеобщей стачке. Идея такого рода стачки, перерастающей в антикапиталистическую революцию, приобрела большую популярность в рабочем движении Франции. Ее поддерживал Жан Аллеман, отделившийся со своими сторонниками от POSSИБИЛИСТОВ и в 1890 г. возглавивший Революционно-социалистическую рабочую партию. Он отвергал парламентские методы борьбы и уповал на спонтанные массовые выступления рабочих («прямое действие»). Активным пропагандистом всеобщей стачки был Фернан Пеллутье. Одно время он принадлежал к Рабочей партии и проявлял интерес к марксизму, но вскоре объявил себя «непримиримым врагом любой диктатуры, включая и диктатуру пролетариата», и стал исповедовать анархистские взгляды. В 1894 г. Пеллутье встал во главе Федерации бирж труда.

Игнорировать эти разнообразные социальные движения правящим кругам Третьей республики долгое время позволяло то обстоятельство, что они не были представлены в парламенте. Ж. Гед трижды — в 1881, 1885 и 1889 гг. — баллотировался в депутаты, но неизменно терпел поражение. Несколько лучше обстояло дело с представительством социалистов на местном и региональном уровне. В 1887 г. П. Брусс был избран членом и вице-председателем муниципального совета Парижа, а также членом генерального совета департамента Сена. Хотя в 1886 г. в палате депутатов возникла «рабочая группа» из 18 человек, отделившихся от фракции радикалов, кардинально положение изменилось лишь в начале 90-х годов, когда Францию потряс крупнейший за всю ее историю «Панамский скандал», связанный с коррупцией государственных чиновников и депутатов.

Предыстория этого скандала такова. В 1879 г. Фердинанд де Лессепс, знаменитый проектировщик и строитель Суэцкого канала, предложил соединить Тихий и Атлантический океаны в районе Панамского перешейка. С этой целью была образована Компания Панамского канала, которую он и возглавил. Предприятие требовало огромных инвестиций, но крупные банки, считая их непомерно рискованными, отказали в финансировании. Лессепс нашел выход из положения, обратившись за поддержкой к мелким и средним вкладчикам. Хорошо оплаченная рекламная кампания сумела убедить десятки тысяч из них рискнуть своими сбережениями. Поскольку денег и после этого не хватало, Лессепс решил прибегнуть еще и к выпуску облигаций выигрышного займа под гарантию государства. Но его идея не нашла поддержки в парламенте. Тогда руководители компании, включая ближайших сотрудников Лессепса барона де Рейнаха и Корнелиуса Герца, решили добиться благосклонности депутатов при помощи взяток. Одновременно они организовали пропагандистскую кампанию в печати, также хорошо оплаченную. Все это побудило парламентариев пренебречь предостережениями экспертов, и в июне 1888 г. соответствующий закон был принят. Но не прошло и нескольких месяцев, как Компания Панамского канала объявила о своем банкротстве. 85 тысяч акционеров потеряли сбережения.

Просочившиеся в печать материалы следствия по делу о злоупотреблениях руководителей Компании Панамского канала, начавшегося в 1891 г., потрясли французскую общественность. На выборах 1893 г. палата депутатов обновилась наполовину. Впервые крупную победу одержали социалисты — они получили около 50 мандатов.

Прогрессисты. Появление в парламенте большого числа депутатов-социалистов способствовало консолидации тех политических сил, которые усмотрели в этом опасность общественному строю и порядку. На распутье оказались прежде всего радикалы, у которых социалисты отняли пальму первенства в отстаивании социальных реформ. Часть из них все же сохранила верность лозунгу «Не иметь врагов слева!» и осталась в оппозиции, рискуя затеряться в тени своих более боевых союзников. Другие предпочли искать соглашения с умеренными республиканцами, положение которых после победы над буланжизмом выглядело как никогда прочным. Перед сложным выбором оказались и монархисты. В результате поражения буланжизма они совершенно пали духом, и многие из них не видели альтернативы сотрудничеству с умеренным крылом республиканцев.

Новую волну «присоединения» монархистов к республике вызвал поворот в политике Ватикана по отношению к Франции,

осуществленный папой Львом XIII. Он считал, что церковь выиграет больше, если признает Республику и позволит католикам вместе с умеренными республиканцами создать сильную консервативную партию, которая могла бы служить противовесом радикалам и социалистам. Новую тактику церкви впервые обнародовал в ноябре 1890 г. кардинал Лавижери, архиепископ Алжирский. Он призвал французских католиков «без задней мысли признать нынешнюю форму правления». В ответ на массу недоуменных вопросов, которые породило это заявление, Лсв XIII в феврале 1892 г. опубликовал энциклику, разъясняющую позицию церкви: «Принять конституцию, чтобы изменить законодательство». Указания папского престола не вызвали у консервативно настроенных французских католиков особого энтузиазма, но часть из них добросовестно им последовала. Граф де Мэн возглавил в палате депутатов группу «присоединившихся», которая именовала себя «конституционной правой».

Масштабы «присоединения» оказались скромными. В палате депутатов 1893 г. насчитывалось около 90 консерваторов, из которых только треть принадлежала к группе графа де Мэна. Но если политический вес «присоединившихся» был невелик, то их социальная деятельность все же оставила след в истории Третьей республики. С именем графа де Мэна, выступавшего за примирение между трудом и капиталом, критиковавшего крайности как либерализма, так и социализма и призывавшего переустроить общество на корпоративных принципах, связано возникновение во Франции христианско-социального движения. В 90-х годах при его участии были приняты социальные законы: 1892 г. — об ограничении продолжительности рабочего дня 10 часами для подростков и 11 часами для женщин; 1898 г. — о возмещении рабочим ущерба, причиненного их здоровью производственными травмами.

В результате сближения либерально-консервативных групп в парламенте сложилось весьма комфортное правительственное большинство, которое позволяло умеренным республиканцам удерживать в своих руках бразды правления страной вплоть до конца 90-х годов. Их девизом в это время было: «успокоение, терпимость, практические реформы». Они нормализовали отношения с католической церковью и позволили ей во многом вернуть позиции, утраченные в результате антиклерикальных мер начала 80-х годов. Кроме упомянутых выше социальных реформ они осуществили важную корректировку экономической политики в интересах предпринимательских кругов. Однако законопроект о введении прогрессивного подоходного налога, понимавшийся главным образом как мера социальной справедливости, который был внесен в парламент в 1896 г. кабинетом «правительственного»

(т.е. правого) радикала Леона Буржуа, умеренные республиканцы провалили. Зато крупного прорыва они добились в области внешней политики, установив тесные отношения с Россией и заключив с ней в 1891 г. сначала соглашение о взаимных консультациях, а затем, в 1892 г., и военную конвенцию.

Все эти действия создали умеренным республиканцам репутацию сторонников постепенного прогресса, за что — в отличие от радикалов и консерваторов — их стали называть прогрессистами. Во главе этой группировки стояли политики старшего поколения — эпохи «битв за республику», — такие как Казимир Перье, Феликс Фор, сменившие друг друга на посту президента республики, а также Жюль Мелин, Шарль Дюпюи и Александр Рибо, возглавлявшие кабинеты министров. Но уже тогда заметную роль среди прогрессистов начали играть представители молодого поколения умеренных республиканцев — Раймон Пуанкарé, Луи Барту и другие, для которых прогрессизм стал своеобразным трамплином в большую политику.

В начале 90-х годов прогрессисты столкнулись с небывалым всплеском политического терроризма. Он был обусловлен деятельностью анархистов, которые прибегли к индивидуальному террору («пропаганде действием»), чтобы расшатать государство и ускорить революцию. В марте 1892 г. в одном из ресторанов и некоторых жилых зданиях Парижа взорвались бомбы, которые подложил анархист Равашоль. Несмотря на его арест, осуждение на смерть и казнь, террористическая деятельность продолжалась, наводя панику на парижан. В ноябре 1892 г. бомбой, подложенной в контору одной из промышленных компаний в Париже, был убит полицейский. В декабре 1893 г. Огюст Вайян бросил бомбу в зал заседаний палаты депутатов. Хотя обошлось без жертв, он был также приговорен к смертной казни. В июне 1894 г. итальянский анархист убил президента республики Сади Карно, отклонившего прошение Вайяна о помиловании. Все это происходило на фоне крупных рабочих забастовок, избирательных успехов социалистов, яростных антиправительственных кампаний в левой, особенно социалистической, печати.

Чтобы покончить с терроризмом, палата депутатов приняла в 1893—1894 гг. законы о тюремном заключении за подстрекательство к грабежу и убийству, а также об изъятии дел о правонарушениях печати из ведения судов присяжных заседателей и передаче их в обычные уголовные суды. Представители левой оппозиции — социалисты и радикалы — окрестили их «злодейскими законами», поскольку усмотрели в них посягательство на демократические права и свободы граждан. С помощью судебных и полицейских репрессий удалось сбить волну терроризма, однако анархис-

ты, потерпев поражение в единоборстве с властями, в дальнейшем нашли союзника в лице синдикалистов.

Экономическая жизнь. Бурный характер политической истории Франции в последней трети XIX в. объяснялся не только политико-идеологическими причинами, рассмотренными выше, но и остротой социальных проблем. Весьма болезненными для широких слоев населения были последствия двух совпавших во времени явлений — начала модернизации экономической структуры и продолжительного экономического кризиса.

70-е годы XIX в. были временем завершения промышленной революции. Основные отрасли промышленности Франции — хлопчатобумажная, химическая, металлургическая и машиностроительная — выпускали преобладающую часть продукции с применением машинной техники и индустриальной технологии. Однако еще далек от завершения был более широкий по масштабам процесс индустриализации страны. Основной отраслью экономики (как по стоимости продукции, так в особенности и по числу рабочих рук) оставалось сельское хозяйство. А в промышленности все еще был значителен удельный вес ручного труда, главным образом в старых отраслях текстильного производства, работающих на традиционном сырье — льне, шерсти, шелке. Поэтому социальная структура промышленности отличалась двойственностью: наряду с фабриками и заводами широкое распространение имели разнообразные доиндустриальные и «протоиндустриальные», т.е. переходные от ремесла и мануфактуры к машинной индустрии, формы промышленного производства, включая надомничество. В предшествующие десятилетия эта структура медленно эволюционировала, но принципиально не менялась. Машинное и ручное производство развивались параллельно, занимая ту социальную и технологическую нишу, которую им позволял удерживать относительно низкий уровень рыночной конкуренции.

Но после того как машинная индустрия окрепла, а условия конкуренции благодаря развитию транспортной сети, особенно железных дорог, выровнялись сначала на национальном рынке, а потом — в результате либерализации международной торговли в 60-х годах — и на мировом, началась самая серьезная за последние столетия структурная перестройка экономики. Старые отрасли промышленности, существовавшие в течение долгого времени и обеспечивавшие доход не одному поколению ремесленников, рабочих-надомников, купцов-оптовиков, розничных торговцев и пр., стали постепенно приходить в упадок и сокращать производство. Исчерпались возможности их параллельного развития с фабриками и заводами, а следовательно, пробил час их коренной

реконструкции, полностью менявшей условия труда и быта множества людей.

Особый драматизм этому процессу придало то обстоятельство, что начиная с середины 70-х годов французскую экономику поразил глубокий кризис, связанный с общим понижением конъюнктуры мирового рынка — «великой депрессией». Его отправной точкой послужил приток в Европу дешевого зерна из США и Канады. Для Франции это было особенно чувствительным ударом, поскольку зерновое хозяйство было основной отраслью ее аграрного сектора. От падения цен (с 1879 по 1887 г. — на $\frac{1}{3}$) пострадали не только производители зерна — крестьяне и фермеры, но и земельные собственники (вследствие падения земельной ренты). Разразился аграрный кризис, тяжесть которого усугубила эпидемия филлоксеры, в считанные годы уничтожившая виноградники — сырьевую основу виноделия.

Уменьшение доходности сельскохозяйственного производства, а следовательно, падение покупательной способности большинства населения имело неблагоприятные последствия для промышленности. Спрос на ее продукцию сократился, в результате чего вслед за сельскохозяйственными упали и промышленные цены (между 1865—1869 гг. и 1895—1899 гг. — на 29%). Среднегодовой темп роста промышленности, достигавший в середине XIX в. 3—4%, упал в 80-х годах до 1,5%, а экспорта — до 0,8%. Над многими предприятиями — не только отсталыми, т.е. заведомо слабыми, но даже вполне современными, реконструкция которых привела к большой задолженности, — нависла угроза закрытия.

Угнетающе действовало на развитие экономики и замедление темпов роста народонаселения, объяснявшееся главным образом сокращением рождаемости — с 26 промилле в 1866—1870 гг. до 22 промилле в 1896—1900 гг. В отдельные годы рождаемость падала до уровня смертности. В итоге за 35 лет (с 1866 по 1901 г.) население Франции увеличилось менее чем на 2 млн (с 36,5 млн до 38,4 млн, причем без учета Эльзаса и Лотарингии, аннексированных Германией в 1871 г.). Медленный рост народонаселения не только сдерживал предложение на рынке труда, но и еще больше снижал спрос на потребительском рынке.

Цепную реакцию банкротств вызвал в 1882 г. крах банка «Юньон женераль». Он был создан в 1878 г. на капиталы, предоставленные в основном консервативными и католическими кругами, в противовес так называемому «высокому банку», т.е. группе старых частных банков, принадлежавших семействам Ротшильдов, Фульдов, Готтингеров и др., которые в середине XIX в. играли ведущую роль на финансовом рынке Парижа. Закрытие «Юньон женераль» разорило тысячи вкладчиков, вызвало панику

на финансовых рынках и усилило недоверие владельцев капитала к рискованным вложениям.

В условиях депрессии привлекательность промышленных инвестиций неизбежно должна была уменьшиться. Между 1860—1864 гг. и 1895—1899 гг. дивиденды предприятий, акции которых котируются на бирже, сократились вдвое. С падением земельной ренты перестали казаться надежными и капиталовложения в недвижимость. Поэтому вкладчики все чаще отдавали предпочтение облигациям государственных займов, которые внушали большее доверие. Какие бы правительства ни сменялись у власти во Франции в течение предыдущих десятилетий, они неизменно признавали государственные долги. К тому же держатели облигаций не боялись инфляции: золотой паритет франка, установленный еще Наполеоном I в 1803 г., оставался неизменным вплоть до 1914 г.

Финансовая политика правительства также отвечала ожиданиям вкладчиков. В целях ускорения экономического развития в 1879 г. был принят долгосрочный план строительства железных дорог и каналов («план Фрейсине»), потребовавший огромных расходов. За счет государственного бюджета в те же годы во исполнение «плана Ферри», т.е. закона об обязательном, бесплатном и светском обучении, развернулось строительство школ. Весьма дорогостоящими оказались и колониальные экспедиции и войны. Рост государственных расходов обусловил хронический дефицит бюджета, который приходилось систематически покрывать за счет увеличения государственного долга.

Вкладчики охотно покупали облигации займов не только французского, но и иностранных государств, прежде всего тех, с которыми Франция была традиционно связана тесными отношениями — Испании, Турции, Австро-Венгрии. В 1888 г. впервые была заключена сделка консорциума французских банков с Россией, гарантированная французским правительством. За ней последовали новые, и к 1914 г. государственный долг России французским вкладчикам достиг 10 млрд франков. Но все же доля прямых инвестиций в общем объеме капиталовложений за границей была относительно невелика — около 25%. Например, прямые инвестиции в Россию возросли с 200 млн франков в 1888 г. до 2,2 млрд франков в 1914 г. и составили немногим более 10% государственного долга России Франции. Хотя именно «великая депрессия» дала толчок экспорту капиталов, самые высокие его темпы пришлось пережить не на годы кризиса, а на период ускорения экономического роста начиная с 90-х годов.

Депрессия поставила в повестку дня вопрос о пересмотре внешнеторговой стратегии. Раньше она основывалась на принципе свободы международного обмена, закреплённом серией торго-

вых соглашений, образцом для которых послужил англо-французский торговый договор 1860 г. Эту стратегию Третья республика унаследовала от Второй империи. В 70-е и начале 80-х годов ее проводил в жизнь министр финансов ряда кабинетов Леон Сэй (крупный предприниматель и внук либерального экономиста Жана-Батиста Сэя). Однако чем дальше, тем больше эта стратегия стала подвергаться критике со стороны промышленников и аграриев. Падение мировых цен, столь болезненно отразившееся на экономике Франции, вызвало у них желание оттородиться от мирового рынка высокими таможенными барьерами и вернуться к политике протекционизма, которая проводилась в первой половине XIX в.

Настроения предпринимательских кругов выражали их профессиональные организации, возникшие на основании «закона Вальдэка-Руссо» 1884 г., — предпринимательские союзы. Они оказывали сильное давление на правительство и парламент с целью ужесточения таможенной политики. Благодаря развернутой ими пропагандистской кампании вопрос о внешнеторговых тарифах стал одним из основных в ходе подготовки к всеобщим выборам 1889 г. Особой активностью отличалась Французская ассоциация промышленности и сельского хозяйства, руководимая Жюлем Мелином. Он возглавил в палате депутатов разношерстную коалицию сторонников протекционистской политики. Им безуспешно противостояли поборники свободы торговли, объединенные в Либеральный союз Л. Сэя.

По докладу Мелина в 1892 г. был принят закон об общем повышении таможенных тарифов, которым ознаменовался поворот в области внешнеторговой стратегии Франции. Впрочем, поворот достаточно плавный, поскольку «закон Мелина» предусматривал два тарифа: максимальный и минимальный. Первый по существу был инструментом давления на торговых партнеров и практически не применялся. Второй был относительно низким (8% на промышленные товары и от 5 до 20% на сельскохозяйственные), но действовал лишь на основе взаимности по соглашению с другими странами. Хотя минимальный тариф не намного превышал старый (6,5% в 1880 г.), разница все же была достаточно ощутимой, чтобы ухудшить условия международной торговли. В дальнейшем таможенные тарифы неоднократно — в 1897 и 1910 гг. — повышались.

Поворот к протекционизму оказал двоякое влияние на экономику Франции. Поставив заслон на пути иностранных товаров, он в какой-то мере способствовал преодолению депрессии и ускорению экономического роста. Но вместе с иностранной конкуренцией он ослабил и стимулы к повышению производительности труда и эффективности производства. Это, с одной сторо-

ны, продлило существование большого числа слабых и отсталых предприятий, с другой — расслабляюще действовало на переходные предприятия, которые под защитой государства могли работать и без напряжения. Свидетельством тому явилось усиление на рубеже веков тенденции картелирования предприятий, т.е. заключения между ними соглашений в целях поддержания высоких цен.

Начиная с середины 90-х годов наметилось постепенное ускорение промышленного роста, которое в период с 1905 по 1914 г. достигло темпа, ранее отмеченного лишь в период Второй империи, — в среднем почти 5% в год. Было бы преувеличением приписывать этот результат влиянию таможенного протекционизма. Сыграли роль гораздо более действенные факторы, и прежде всего активная инвестиционная политика, проводившаяся в годы кризиса.

Импульс к повышению инвестиций и на этот раз пришел со стороны государства, стремившегося привлечь частные капиталы к осуществлению программы работ по развитию транспортной инфраструктуры. Программы общественных работ, несомненно, помогли вытащить экономику из кризиса. Но и сами предприниматели проявляли понимание того, что условием преодоления кризиса является техническое обновление отсталых производств. Поэтому, несмотря на падение доходности предприятий и увлечение вкладчиков государственными ценными бумагами, нашлись ресурсы и для увеличения инвестиций. За все время кризиса лишь в 1883—1887 гг. наблюдалось их сокращение. В итоге этих усилий был достигнут значительный прогресс в техническом перевооружении промышленности, о чем свидетельствует резко возросший за годы кризиса темп роста ее энерговооруженности — с 9,5 тыс. л. с. в среднем за 1839—1869 гг. до 32,8 тыс. л. с. за 1871—1894 гг.

Выход Франции из затяжного экономического кризиса способствовал упрочению республиканского образа правления. Таким образом, героическая эпоха «битв за республику» окончательно отошла в прошлое. В 90-х годах XIX в. в развитии страны на первый план выдвинулись проблемы, связанные уже не столько с трудностями становления Третьей республики, сколько с противоречиями в развитии ее собственных учреждений.

Глава 2

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ в 1871—1890 гг.

Политическая система и партии империи. В январе 1871 г. в Версале произошло крупнейшее событие немецкой истории: была торжественно провозглашена Германская империя. Но совершенное под эгидой Пруссии объединение страны еще не было окончательным оформлением единого национального государства. Были созданы лишь политические и конституционно-правовые условия, на основе которых и должна была происходить дальнейшая, более тесная интеграция немецких земель.

Империя являлась союзным государством, в которое входили 25 самостоятельных политических единиц (4 королевства, 6 великих герцогств, 4 герцогства, 8 княжеств и три вольных города — Гамбург, Бремен и Любек, возглавляемые сенатами) и особая имперская провинция Эльзас—Лотарингия. Коллективным носителем суверенитета считались 22 немецких государя и сенаты трех городов, но не народ или император (кайзер). Значительные представительные органы (ландтаги) также не обладали всей полнотой власти.

Принятая в марте 1871 г. Конституция обеспечивала гегемонию Пруссии, население и территория которой составляли две трети Германии. Императором мог быть только прусский король, который распоряжался вооруженными силами и представлял Германию на международной арене. Лишь армия Баварии в мирное время подчинялась только своему королю, но в случае войны переходила под командование кайзера.

Императору принадлежало право утверждать или отклонять все законопроекты, созывать и распускать имперский парламент — рейхстаг. Единственный общегерманский министр — рейхсканцлер, пост которого занял Отто фон Бисмарк (1815—1898), одновременно являлся министром-президентом Пруссии и отвечал за свою деятельность только перед императором. Отдельные ведомства возглавляли статс-секретари, бывшие по своему служебному положению лишь помощниками канцлера, а не самостоятельными министрами. С 1878 г. основные общегерманские ведомства были закреплены за соответствующими прусскими министрами.

Хотя в Союзном совете (бундесрате), куда входили представители всех немецких государств и который исполнял высшую законодательную функцию, Пруссии из 58 мест принадлежало всего 17, она имела право вето по наиболее важным конституционным и военным вопросам. В итоге ключевое положение в империи заняла высшая прусская бюрократия.

Рейхстаг, напротив, являлся уже политическим институтом массовой демократии, так как избирался на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Но оно распространялось только на мужчин старше 25 лет, за исключением военных, женщины права голоса не имели. Кроме того, избирательные округа в Германии были организованы по устаревшему территориальному принципу, который в дальнейшем не пересматривался, несмотря на возникший с течением времени значительный разброс численности избирателей. В результате слабонаселенный сельский округ приравнивался к гораздо большему по числу людей городскому району, что ставило различные политические организации и партии в неравное положение. Так, например, избирательный округ Берлин-VI насчитывал почти 700 тысяч жителей, а округ Шаумбург-Липпе лишь 43 тысячи. Но каждый из них посылал в рейхстаг по одному депутату.

Совместно с Союзным советом рейхстаг осуществлял законодательную власть, утверждал бюджет и имел право законодательной инициативы. Но подлинным органом парламентской демократии рейхстаг стать не мог, так как не имел права ни назначать, ни отзывать канцлера. Поэтому в Германской империи исполнительная власть получала явный перевес над властью представительной. В итоге над мощной и передовой экономической базой и соответствовавшей ей социальной структурой общества возвышалась архаичная доиндустриальная политическая система авторитарно-корпоративного типа.

Характерной чертой системы правления Бисмарка было постоянное балансирование между отдельными государствами в Союзном совете и политическими партиями в парламенте, противоречия и конфликты между которыми позволяли канцлеру осуществлять свое единоличное правление. Не без основания считая себя творцом великого дела — объединения Германии, Бисмарк после 1871 г. направил все свои усилия на сохранение и укрепление созданной им системы государственно-политических структур. Бывший «белый революционер» превратился в консерватора.

Переходному и нестабильному состоянию немецкого общества соответствовала значительная дробность партийно-политической системы. Еще не получив преимуществ парламентской демократии, Германия уже обзавелась всеми ее недостатками, глав-

ным из которых было преобладание эгоистических частных партийных интересов над интересами всего общества.

В центре политического спектра стояла национал-либеральная партия, главная в 70-е годы опора Бисмарка в рейхстаге, где она имела большинство мест. Эта партия, возникшая после раскола либеральной оппозиции в 1867 г., опиралась на широкие круги торговой и промышленной буржуазии и интеллигенции, прежде всего в протестантских регионах Германии. Сама партия была неоднородной, с середины 70-х годов в ней образовались левое крыло, во главе которого стоял Эмиль Ласкер, и праволиберальное большинство, возглавляемое Рудольфом Беннигсеном, лидером партийной фракции в рейхстаге.

Принципы левого либерализма отстаивала враждебная Бисмарку Германская прогрессистская партия, выступавшая за политику свободной торговли, создание правового государства и парламентаризацию империи. Одним из наиболее видных деятелей партии являлся Ойген Рихтер. По большинству вопросов прогрессистов поддерживала региональная буржуазно-демократическая Немецкая народная партия, деятельность которой ограничивалась в основном юго-западом страны.

На правом фланге общественно-политической жизни в империи располагались также две партии: Свободная консервативная (позднее — Имперская), выражавшая интересы крупных аграриев Пруссии и магнатов тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальской области и безоговорочно поддерживавшая политику Бисмарка, и Немецкая консервативная партия, созданная в 1876 г. ультраправыми прусскими юнкерами, которые выступали за экономический курс государства, выражающий и защищающий их специфические интересы, и требовали сохранения своих привилегированных политических позиций в империи. Консерваторы опирались на крупное и среднее крестьянство, частично — на воспринявшие юнкерскую социальную демагогию популистского толка средние слои в городах Восточной Пруссии и Померании.

Особое положение среди политических партий Германии занимали созданная в 1875 г. Социалистическая рабочая партия Германии (с 1890 г. — Социал-демократическая партия Германии), отстаивавшая интересы немецкого пролетариата, и образованная в начале 1871 г. католическая партия Центра. Она выражала не столько католические, сколько антипрусские настроения, широко распространенные среди населения на юге и западе Германии, особенно в Баварии. Партия Центра имела внушительную социальную базу в лице мелкой и средней буржуазии, крестьян и рабочих католического вероисповедания, а руководящее положение в ней занимали аристократы-католики, духовные лица и некоторые представители крупной буржуазии.

Лидером партии Центра на протяжении ряда лет являлся адвокат и бывший министр юстиции Ганновера Людвиг Виндхорст.

Грюндерство и экономическое развитие Германии в 70-е годы. Победа над Францией принесла Германии золотой дождь пяти-миллиардной контрибуции, а немецкой тяжелой промышленности — столь желанную для ее развития железорудную базу Лотарингии, ставшей главным поставщиком сырья для рейнско-рурской металлургии.

Однако французскими деньгами победители распорядились не лучшим — в смысле экономической рациональности — образом, хотя и в соответствии с духом тогдашнего времени. Около половины контрибуции пошло на реорганизацию и модернизацию армии, другая половина была направлена на погашение имевшихся государственных долгов и уплыла в сейфы частных банков. Часть денег предназначалась для финансирования железнодорожного и отчасти жилищного строительства, а также создания пенсионного фонда для инвалидов войны.

С 1871 г. в стране продолжился быстрый и мощный экономический рост, начавшийся после экономического кризиса 1866 г. и лишь ненадолго приторможенный франко-прусской войной. В империи был установлен упрощенный заявительный порядок образования акционерных обществ, создан единый эмиссионный Имперский банк, введена единая валюта — марка, основывавшаяся с 1873 г. на золотом стандарте вместо прежнего серебряного, что облегчало немецкой торговле выход на мировые рынки.

К моменту создания Германской империи промышленный переворот вступил в завершающую стадию. В 70-е годы капитализм свободной конкуренции достиг апогея своего развития, а в течение следующего десятилетия в германской экономике все отчетливее проявляются тенденции концентрации и монополизации производства и капитала, на авансцену выдвигаются картельные объединения.

С 1870 по 1872 г. промышленное производство в Германии возросло на одну треть, выплавка чугуна — на 40%, а стали — на 80%, почти на треть увеличилась добыча каменного угля. Быстрыми темпами развивались машиностроение и текстильная промышленность, где заметное место заняло хлопчатобумажное производство Верхнего Эльзаса. Однако более половины всех занятых в текстильной промышленности все еще составляли рабочие-наемники. С развитием текстильного производства быстро росло значение химической промышленности, поставлявшей ему три важнейших необходимых компонента — серную кислоту, соду и хлор.

Индустриализация Германии шла такими быстрыми темпами потому, что ее промышленность имела возможность широко

заимствовать опыт и технологию развитых капиталистических стран и строить новое производство на базе самой современной тогда техники. Она располагала также вышедшими из ремесла высококвалифицированными рабочими и превосходными техническими специалистами. Сыграл свою роль и высокий уровень германской науки, где в первой половине XIX в. было сделано больше открытий, чем в Англии и Франции вместе взятых.

Специфической чертой экономического подъема 1871—1873 гг. стало в Германии лихорадочное учреждение множества новых акционерных обществ («грюндерство»), безудержные биржевые спекуляции и темные финансовые махинации, в которых оказались замешанными тысячи людей. За два года в империи было создано почти 700 акционерных обществ с капиталом в 2 млрд марок. Их акции приобретались широкими слоями населения, начиная от самых родовитых аристократов и кончая разносчиками газет. Каждый хотел получить свою долю от французского пирога, спекуляции на бирже стали излюбленным занятием немецкого общества. Большинство якобы новых акционерных обществ, по сути, представляли простую трансформацию прежних семейных предприятий, ибо там, где уже дымила заводская труба или высилась доменная печь, моментально появлялось несколько «грюндеров», которые ошеломляли владельца своими заманчивыми предложениями и обещаниями сказочных прибылей. Акционерный капитал многих предприятий зачастую в несколько раз превышал их реальную стоимость, а полученные от наивных вкладчиков деньги пускались в игру на бирже.

В связи с этим резко возросла роль банков — только в одной Пруссии в 1872 г. появились 49 новых банков и кредитных обществ. Крупнейшими банками империи стала «большая Д-четверка»: «Дойче банк», «Дисконто-гезелльшафт», Дрезденский и Дармштадтский банки.

Грюндерская горячка в конце концов стала совершенно неуправляемой и вышла из-под контроля властей. Она не могла не окончиться крахом, который и разразился в 1873 г. Германская экономика, образно говоря, захлебнулась в водопаде французских миллиардов.

Кризис 1873 г. и его последствия. Осенью 1873 г. ряд банков объявил о прекращении платежей и своем банкротстве. Сразу вслед за этим стал стремительно падать курс ценных бумаг на всех немецких биржах, сотни тысяч акционеров оказались разоренными.

Начавшись в форме биржевого краха, процесс перешел в сильнейший кризис перепроизводства, проявившийся не столько в свертывании производства, сколько в резком падении цен. Если объем промышленного производства в Германии в 1873—

1874 г. снизился на 5%, то совокупная стоимость его продукции упала на 15%.

Промышленный кризис дополнился в 1875 г. кризисом аграрным, который был вызван притоком в Европу более дешевого, чем прусское, американского и канадского зерна, а также хлеба из России и Австралии.

Наступившая вслед за затуханием кризиса долгая депрессия имела далеко идущие последствия. С планами хозяйственного преустройства в поисках выхода первыми выступили крупные промышленники. При этом они развернули яростную критику экономической политики государства. По убеждению промышленников и финансистов, прибыли которых значительно снизились из-за падения цен, кризисное состояние немецкой экономики усугублялось свободным ввозом товаров из-за рубежа. Так, в 1873 г. в Германии пошлины на изделия из железа были едва ли не самыми низкими в мире, а ввозные пошлины на чугун были отменены полностью.

До краха 1873 г. политика свободной торговли, на которой настаивал экономический либерализм, приносила, как казалось, блестящие результаты. Теперь доверие к фритредерским идеям не только резко снизилось, но они даже стали представляться первопричиной всех бед. В немецкое общество все настойчивее внедрялась мысль о том, что именно либералы несут главную вину за возникновение экономического кризиса, что они не в состоянии найти способ оздоровления хозяйственной ситуации.

Летом 1875 г. один из ведущих силезских промышленников и лидер свободных консерваторов Вильгельм Кардорф опубликовал брошюру «Против течения», где подверг жесткой критике идеи либерализма и потребовал введения покровительственных пошлин. В 1876 г. он создал наиболее мощную организацию представителей тяжелой промышленности — Центральный союз немецких промышленников, к которому присоединились и хлопчатобумажные фабриканты. Союз требовал отказа от политики свободной торговли и перехода к протекционизму как главному средству спасения национальной экономики. Он развернул широкую агитацию по всей стране и организовал в рейхстаге специальную фракцию — Свободное народнохозяйственное объединение — для давления на канцлера под лозунгом «защиты национального труда».

К середине 70-х годов изменились и экономические воззрения прусских аграриев. С 1865 г. ввоз зерновых в Германию был беспошлинным, в соответствии с чем и сбыт немецкого хлеба на английском рынке происходил на льготных условиях. Но с наступлением аграрного кризиса 1875 г. британский рынок оказался для прусских аграриев практически недоступным, а на

внутреннем рынке резко возросла конкуренция более дешевого американского хлеба. Сторонники протекционистских пошлин среди прусского юнкерства в 1876 г. создали свою организацию, которая выступила единым фронтом с Союзом промышленников.

Однако пока большинство мест в рейхстаге принадлежало национал-либералам и прогрессистам, провести через него протекционистские законы было невозможно.

Кризис 1873 г. стал столь важной вехой в истории Германии потому, что резко усилил тенденцию к принципиальной переориентации всего экономического и политического курса империи.

«Культуркампф». Создание империи повлекло за собой острый и затяжной внутриполитический кризис в Пруссии. Он выразился в двух подряд поражениях прусских консерваторов (при выборах в ландтаг в 1873 г. и в рейхстаг в 1874 г.), их постоянных конфликтах с Бисмарком и, наконец, в явлении, получившем название «культуркампф» («борьба за культуру»).

Основная причина кризиса состояла в том, что Пруссия, прежде входившая в пятерку великих держав Европы, оказалась теперь как бы растворенной в Германской империи. Юнкерство чувствовало себя ущемленным и опасалось утратить прежнее влияние. Да и сам Вильгельм I с известной неохотой добавил к дорогой его сердцу короне прусского короля корону германского императора. Прусские консерваторы негодовали также по поводу устранения нескольких династий, осуществленного Бисмарком, — в Ганновере, Шлезвиг-Гольштейне, Кургессене и Нассау в 1866 г. Опора канцлера на национал-либералов делало нереальным его сближение со старопрусским консерватизмом.

Объединение Германии отвечало прежде всего устремлениям прусской буржуазии, в основном протестантской по вероисповеданию и стоявшей на либеральных политических позициях. Между тем идеи либерализма в 1864 г. были категорически осуждены папой Пием IX, а Ватиканский церковный собор в 1870 г. провозгласил догмат о непогрешимости папы и подтвердил его полную власть над католическим миром.

Либералы рассматривали это как вызов тенденциям исторического развития, достижениям науки и свободной духовной культуре, как выражение обскурантского и агрессивного характера католицизма.

Бисмарк к этой проблеме подходил с иной точки зрения. Дело в том, что против догмата о непогрешимости папы выступил в Германии целый ряд «старокатоликов», к которым принадлежали прежде всего профессора теологии, учителя религии и военные капелланы. Пий IX пригрозил им отлучением от церкви, но поскольку они являлись не только служителями церкви, но и государственными служащими, Бисмарк и прусское прави-

тельство резонно усматривали в этом посягательство на прерогативы государства.

Первоначально чисто внутрицерковный конфликт послужил Бисмарку желанным поводом по-новому оформить взаимоотношения церкви и государства. К этому его побуждало и то обстоятельство, что в католических польских провинциях и в Эльзас—Лотарингии антипрусская национальная пропаганда велась чаще всего под прикрытием религиозных лозунгов.

В 1871—1872 гг. были осуществлены первые изменения, согласно которым отменялся церковный надзор за школами, а священникам запрещалось касаться в проповедях государственно-политических проблем, а уж тем более вести какую-либо политическую агитацию.

Следующая фаза «культуркампа» была связана с активизацией партии Центра, явно федералистской по своему характеру, что, по мнению Бисмарка, угрожало целостности империи.

В Германии запрещалась деятельность иезуитского ордена, а его наиболее видные деятели были высланы из страны. По прусским майским законам 1873 г. церковь ставилась под контроль государства, лица, претендующие на должность священника, должны были закончить немецкий университет и сдать проверочный экзамен по философии, истории и немецкой литературе. Кроме того, они были обязаны приносить присягу на верность государству, которое, в свою очередь, имело право вмешиваться во внутрицерковные конфликты. В 1874 г. в Германии были введены гражданский брак и гражданская регистрация рождения и смерти. Священнослужители, нарушавшие эти законы, подвергались либо ограничению в свободе передвижения, либо высылке за границу.

Наконец, в 1875 г. католическая церковь лишилась государственных финансовых дотаций, в Пруссии была запрещена деятельность всех монашеских орденов, в 1876 г. многие католические епископы были арестованы или высланы.

Но своей цели все эти гонения не достигли. Напротив, католическая церковь представляла в глазах населения мученицей за веру и лишь усиливала свое духовное влияние. Около четверти католических приходов в Пруссии пустовали, так как население бойкотировало объявленные властями выборы «государственных священников». Именно в период «культуркампа» партия Центра удвоила число своих депутатов в прусском ландтаге и рейхстаге, получив там почти четверть мест. Она опиралась на многочисленные католические организации и мощную прессу.

Все это означало, что политика «культуркампа» потерпела полный провал, с 1876 г. она практически закончилась. Бисмарк был вынужден примириться с существованием в империи десят-

ков миллионов людей, духовным светочем для которых оставался Рим, но не Берлин. К тому же теперь на первый план внутривнутриполитической жизни империи выдвинулись социалистическое движение и таможенная проблема. После переговоров Бисмарка с папскими нунциями в Мюнхене и Вене большинство антиклерикальных законов были в 1882—1883 гг. отменены, несмотря на протесты либералов. Однако «культуркампф» оставил глубокий психологический след в обществе. В течение десятилетий значительная часть немецких протестантов рассматривала католиков как немцев второго сорта.

Готский съезд социалистов. Кроме партии Центра, «врагом империи» в глазах Бисмарка являлось социалистическое движение. С середины 70-х годов оно выдвигается на первый план среди прочих факторов, подрывавших, по мнению канцлера, основы государства. Это и послужило одной из причин прекращения антикатолического курса.

Социалистическое движение в Германии в первой половине 70-х годов оставалось расколотым на две партии — Социал-демократическую рабочую партию (СДРП, или эйзенахцев), стоявшую на марксистских позициях, и Всобщий Германский рабочий союз (ВГРС, или лассальянцев), который разделял идеи своего основателя, блестящего оратора и публициста Фердинанда Лассалья (1825—1864).

После создания империи ушло в небытие одно из главных разногласий между пропрусской позицией руководителей ВГРС и платформой лидеров СДРП, выступавших за создание единого, но федеративного немецкого государства, включая Австрию. Примирению обеих партий способствовали не только совместная деятельность их рядовых членов и многих местных организаций (например, в Вюртемберге), но и уход с поста руководителя Союза Иоганна Швейцера, который был упорным противником К. Маркса, Ф. Энгельса и лидера СДРП А. Бебеля. Наконец, одинаковые гонения властей и на лассальянцев, и на эйзенахцев также вели к их обоюдному сближению.

Объединение состоялось в мае 1875 г. на съезде в Готе, где была создана новая Социалистическая рабочая партия Германии, сформулировавшая свои цели в принятой на съезде программе. Готская программа была в определенной мере противоречивой, поскольку явилась плодом компромисса. Теоретическая ее часть включала ряд ортодоксальных марксистских принципов, конкретные разделы носили отпечаток лассальянства. Программа требовала обобществления средств производства и подчеркивала, что по отношению к рабочему классу все прочие классы представляют только реакционную массу, что явно отдавало ссктантством. Из программы следовало, что партия выступает за уничтожение

существующего государственно-общественного строя и за создание «свободного народного государства», суть которого оставалась, однако, не очень ясной.

С другой стороны, в программе указывалось, что поставленных целей партия намерена добиваться «всеми средствами в рамках законов», что означало фактический отказ от идеи насильственной социалистической революции. В числе прочего именно это вызвало сильнейшее недовольство Маркса и Энгельса. В письме к руководителям эйзенахцев (впоследствии опубликованном под названием «Критика Готской программы») Маркс подверг ее сокрушительному разгрому.

Лидерами объединенной партии стали ведущие эйзенахцы Август Бебель (1840—1913) и Вильгельм Либкнехт (1826—1900). Бебель, несмотря на молодость, был тогда едва ли не лучшим знатоком марксистского учения и человеком, который среди прочих социал-демократических руководителей мыслил наиболее трезво и практично. Печатным органом партии стала выходившая с 1876 г. в Лейпциге газета «Форвертс» («Вперед!»).

Готское объединение послужило исходным пунктом для нового и мощного подъема социалистического движения. В то время как на выборах в рейхстаг в 1871 г. социалисты, получив 124 тысячи голосов, провели двух депутатов, а на выборах 1874 г. — 9 депутатов, за которых проголосовали 352 тыс. человек, после объединения на выборах 1877 г. они получили поддержку почти полумиллиона избирателей и заняли в рейхстаге 12 мест. Оплотом их стала Саксония, давшая социалистам 7 мандатов. Эти выборы наглядно показали, к чему привело несправедливое деление избирательных округов. Так, если по числу поданных за них голосов социал-демократы заняли четвертое место, то по количеству депутатов — последнее, восьмое место в рейхстаге. В то же время консервативная Имперская партия, получившая даже чуть меньшее количество голосов, провела в парламент 38 своих депутатов, поскольку победила в большинстве мелких сельских избирательных округов.

«Исключительный закон». Социалистическая партия с ее интернационалистским характером казалась Бисмарку наиболее опасным противником молодого национального германского государства. Страх перед революцией давно стал одним из главных мотивов его политического поведения, уже с 60-х годов его все чаще преследовал «кошмар революций», резко усилившийся после Парижской Коммуны и выступления Бебеля в рейхстаге с речью в ее поддержку.

Для канцлера социалисты и анархисты представляли одно и то же подрывное движение. Тогда это было широко распространенным мнением, тем более понятным, что некоторые видные

немецкие социалисты (И. Мост, Й. Хассельман) действительно были близки к анархизму.

Преувеличение опасности революции побуждало Бисмарка к запрету деятельности социалистической партии. Но сразу он не смог этого добиться. Его первые попытки закрыть «антигосударственную» прессу в 1874 г. и ввести в уголовный кодекс статью о наказании за «разжигание классовой ненависти» в 1875 г. встретили сопротивление либерального большинства в рейхстаге и потерпели неудачу.

Лишь покушения на кайзера дали Бисмарку давно искомый повод принять особый закон против социал-демократии. В мае 1878 г. неудачное покушение на Вильгельма I совершил ремесленный подмастерье Макс Хсдель, бывший член лейпцигской организации социалистов. Но наспех подготовленный проект закона о запрещении социалистической партии не получил поддержки подавляющего большинства рейхстага. Разумеется, либералы, так же как Бисмарк, консерваторы и Центр, были противниками социализма, но они стремились оставаться на почве законности и уважения политических прав личности.

Однако через неделю произошло второе покушение, при котором кайзер был тяжело ранен выстрелами из дробовика. Никакой связи покушавшегося с социалистами установить не удалось, но ранение популярного в массах императора вызвало в стране сильное волнение: официозные и консервативные газеты на все лады расписывали ужасы надвигавшегося «красного террора».

Бисмарк немедленно распустил рейхстаг, чтобы получить в новом желаемую поддержку. По итогам выборов обе консервативные партии получили 115 мест вместо прежних 78, обе либеральные партии потеряли 42 мандата. Уже в ходе предвыборной кампании стало ясно, что, учитывая направленность общественного мнения, национал-либералам придется согласиться с предложением канцлера.

В октябре 1878 г. рейхстаг голосами консерваторов, национал-либералов и некоторых независимых депутатов (всего 221) против Центра, прогрессистов, социалистов и польской фракции (всего 149) принял «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии», получивший название «исключительного закона».

Запрещалась деятельность всех социалистических союзов и организаций и их печать. Социалистическая агитация наказывалась тюремным заключением или высылкой, местные власти получили право вводить (в случае необходимости) оградное положение сроком до одного года. Единственное смягчение закона, которого удалось добиться национал-либералам, — то, что срок его действия ограничивался двумя с половиной годами, но

всякий раз впоследствии его продлевали вплоть до 1890 г. Исключительный закон против социалистов рикошетом ударил и по национал-либералам. В обществе пошатнулась вера в их искреннюю приверженность принципам правового государства, обострились противоречия внутри самой партии, из которой в 1880 г. вышло левое крыло во главе с Людвигом Бамбергером, объединившееся затем с прогрессистами.

Подавить социалистическое движение не удалось. Социалисты по-прежнему избирались в рейхстаг, только в качестве независимых депутатов от рабочих. Запрещенные партийные организации зачастую действовали под вывеской рабочих спортивных и певческих союзов и касс взаимопомощи. Социал-демократические издания печатались в Швейцарии и нелегально доставлялись в Германию через разветвленную сеть «красной полевой почты». В 1880 г. на съезде в Швейцарии в Готскую программу было внесено важное изменение, согласно которому партия должна добиваться своих целей «всеми средствами», в том числе и революционными.

Конечно, «исключительный закон» не идет в сравнение с кровавым подавлением восстания парижских рабочих в июне 1848 г. и Парижской Коммуны в мае 1871 г. Но он запретил политическую деятельность целой партии не за совершенные преступления, а за идейные позиции. Именно поэтому для либерального XIX в. с его верой в приоритет права «исключительный закон» представлял собой чрезвычайно негативное явление.

Не достиг он и желаемых результатов. После небольшого замешательства и растерянности социал-демократия Германии вновь начала активную политическую деятельность и на выборах в рейхстаг в 1884 г., опираясь на поддержку 500 тыс. человек, провела 24 депутата. На выборах 1887 г. социалисты добились дальнейших успехов, за них проголосовали 763 тыс. избирателей. Как в «культуркампе», так и в попытке подавить социалистическое движение Бисмарк потерпел полное поражение.

Разрыв Бисмарка с либералами. Внешне поводом для конфликта канцлера с национал-либералами явились таможенная и финансовая реформы, переход от политики свободной торговли к протекционизму. Но это был только один момент в ряду иных мотивов и обстоятельств. Социальному и экономическому индивидуализму либералов противоречила подготавливаемая Бисмарком государственная социальная политика, они требовали продолжения «культуркампа», уже бесперспективного в глазах канцлера. Главной же причиной конфликта была проблема парламентаризма и конституционализма.

Когда после кризиса 1873 г. усилился процесс концентрации производства, то возросла потребность продолжения экономичес-

кой неустойчивости путем эффективного руководства и контроля со стороны государства. В связи с этим Германия оказалась перед выбором — либо сохранение авторитарной системы, либо создание системы парламентарно-массовой демократии. Бисмарк выбрал первый вариант, либералы настаивали на втором.

В 1878 г. канцлер решился на переориентацию своего прежнего курса и на перегруппировку сил в рейхстаге. Из правительства были удалены либеральные сторонники фритредерского курса, сам канцлер стал открыто поддерживать агитацию протекционистов.

На разрыв с либералами Бисмарка толкало еще одно обстоятельство — его конфликт с наследником престола. Кронпринц Фридрих и его жена, английская принцесса Виктория, были противниками внутренней политики канцлера и еще с 60-х годов имели тесные связи с лидерами левого национал-либерализма. В случае смерти Вильгельма I, которому было уже за 80 лет, оппозиционно Бисмарку левое крыло национал-либералов получило бы мощную поддержку нового монарха и постаралось бы ограничить вселствие канцлера путем реформы.

Осенью 1878 г. в рейхстаге образовался блок сторонников протекционизма из консерваторов, большинства депутатов Центра и группы правых национал-либералов. В нем впервые объединились консерваторы и либералы, аграрии и промышленники.

На очередной сессии рейхстага в феврале 1879 г. с тронной речью выступил сам император, открыто осудивший фритредерскую политику и призвавший вернуться к испытанным протекционистским принципам Таможенного союза первой половины XIX в.

После ожесточенной полемики в прессе и бурных дебатов в парламенте сторонники протекционизма одержали победу. Были введены покровительственные пошлины на ввоз железа, леса, зерна, скота. Это должно было повысить цены на иностранную продукцию и улучшить шансы отечественных промышленников и аграриев на сбыт своей продукции. От введения новых пошлин на колониальные товары (табак, чай, кофе и т.п.) и протекционистского таможенного тарифа выигрывало и государство, доходы которого значительно возросли.

Переход к политике протекционизма привел к повышению стоимости жизни и ухудшил положение широких слоев населения. Введение ввозных пошлин на зерно позволило крупным прусским аграриям по-прежнему не проводить модернизацию хозяйства, сохранить рутинные порядки, укрепить свое привилегированное положение в политической системе империи. Но пострадало множество мелких крестьян, покупавших зерно, и

большинство среднего крестьянства животноводческих районов от издорожания кормов.

Бисмарковский протекционизм стал защитой крупных промышленников и аграриев, которые стремились с помощью государства полностью захватить внутренний рынок и искусственно ограничить конкуренцию иностранных товаропроизводителей.

В целом введение протекционистских пошлин не принесло германской экономике и народу того великого процветания, которое предсказывали их сторонники. Но и того вреда, о котором много писали либеральные экономисты и политики, покровительственные пошлины также не причинили.

Более значительные последствия повлекли за собой события 1878—1879 гг. в социально-политическом отношении. Если провозглашение Германской империи было в значительной мере формально-символическим актом, то подлинная сущность нового государства определилась именно в эти годы. Из политически активной части общества, которая могла серьезно влиять на политику государства, законом против социалистов был исключен рабочий класс, а вслед за ним в итоге борьбы вокруг протекционизма — либеральная буржуазия. До этого времени Германия имела шанс перейти на путь парламентарно-демократического развития, теперь этот шанс был утрачен. Германская империя окончательно определилась как государство авторитарного типа, в котором господствующее положение занял союз аграрно-аристократической элиты и магнатов тяжелой промышленности. Либерально-демократические силы были оттеснены на задний план, на роль оппозиционного меньшинства.

Социальное законодательство. Проводя по отношению к рабочему движению политику «кнута и пряника», Бисмарк попытался разьединить пролетариат и социал-демократию, чтобы привлечь рабочих на сторону государства проведением социальной реформы. По указанию и при непосредственном участии канцлера была разработана серия законов о социальном страховании: закон о страховании на случай болезни (май 1883 г.), от несчастных случаев на производстве (июнь 1884 г.), закон о страховании в связи с инвалидностью и старостью (май 1889 г.).

Система страхования охватывала лишь часть рабочего класса, значительная доля расходов на социальное обеспечение возлагалась на самих рабочих. Но для того времени это был прогрессивный и весьма тщательно разработанный комплекс законодательных актов о пенсионном обеспечении и страховании, хотя идея законодательной охраны труда была сразу отвергнута Бисмарком. Проводить социальные реформы ему пришлось, преодолевая сопротивление не только буржуазных партий, но и социал-демократов.

Либералы возражали против создания имперского страхового ведомства и государственного субсидирования фонда социального страхования, а также против государственного вмешательства в сферу социальных отношений вообще. По их убеждению, это ограничивало свободу личности и делало ее зависимой от власти. С их точки зрения, законопроекты канцлера представляли собой «государственный социализм». Сам Бисмарк, не возражая против этого термина, предпочитал, однако, говорить о «практическом христианстве», которое поможет вырвать бедняков из-под вредного влияния «красноречивых честолюбцев, стоящих во главе рабочего движения».

Стараниями либералов и социалистов, усмотревших в этом только уловку, чтобы вырвать рабочих из-под их влияния, а также партии Центра первая попытка Бисмарка ввести социальное законодательство в 1881 г. провалилась. Лишь его настойчивость привела в конце концов к принятию социальных законов. Одновременно рабочим предоставлялось право создавать легальные профсоюзы, кассы взаимопомощи, выпускать рабочие газеты с условием не пропагандировать социалистические идеи.

Законы о страховании носили в целом патриархально-патерналистский характер. Они не могли удовлетворить рабочих, т.к. оставляли их в положении париев общества, не давали им статуса равноправных граждан Германской империи и особенно Пруссии, где продолжал действовать трехклассный избирательный закон.

Социальное законодательство не реформировало утвердившийся в Германии капиталистический строй. Но для своего времени оно было значительным шагом вперед и выделяло Германию среди других стран.

Система внешних союзов. Создание Германской империи сразу изменило расстановку сил на европейской арене. Вместо Пруссии, слабойшей в концерте пяти держав, возникло наиболее мощное экономически и сильнейшее в военном отношении континентальное государство. В своих внешнеполитических расчетах Бисмарк должен был исходить из того, что побежденная Франция будет стремиться к реваншу и искать для этого союзников. Поэтому главной его заботой стало налаживание дружеских отношений с Россией. Но это ставило Германию в зависимость от позиции Петербурга, и Бисмарк усиленно добивался союза трех держав — Германии, России и Австро-Венгрии, чтобы полностью изолировать Францию. Этому способствовал новый министр иностранных дел в Вене Д. Андраши, который направил острие своей внешней политики на Балканы и нуждался в поддержке Германии против России, также стремившейся утвердиться в этом регионе.

Соперничество России и Австро-Венгрии, каждая из которых старалась привлечь Германию на свою сторону, позволило Бисмарку блестяще разыграть эту карту и добиться создания в 1873 г. Союза трех императоров, чтобы Германия выполняла в нем роль арбитра. Однако сохранившиеся между его участниками противоречия проявились в 1875 г. во время спровоцированного Бисмарком обострения напряженности в отношениях с Францией, когда Россия при поддержке из Лондона дала понять, что не допустит нового разгрома Франции.

Еще большие осложнения вызвал Восточный кризис 1875—1878 гг., в ходе которого вновь столкнулись интересы России и Австро-Венгрии. Бисмарк после некоторых колебаний высказался в поддержку дунайской монархии, если ей будет угрожать какая-либо опасность.

После поражения Турции в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и нового обострения англо-австро-русских отношений Бисмарк получил прекрасную возможность вновь сыграть роль арбитра на Берлинском конгрессе, где Россию вынудили отказаться от идеи создания крупного болгарского государства. Это привело к охлаждению русско-германских отношений и сближению Берлина с Веной. После недолгого сопротивления Вильгельма I, не желавшего обострения отношений с Россией, был заключен тайный союз Германии и Австро-Венгрии, направленный против России.

После этого главной проблемой для Бисмарка стали отношения с Россией и Англией. При зондировании почвы выяснилось, что в случае русско-германской войны Англия останется нейтральной, и это крайне разочаровало канцлера. Поэтому он согласился на предложение России о возобновлении Союза трех императоров в 1881 г. Почти одновременно с этим Румыния, опасаясь, что Россия и Болгария попытаются захватить часть ее территории для установления общей границы, выразила желание присоединиться к австро-германскому союзу, что и произошло в 1883 г.

После захвата Францией Туниса, который Италия рассматривала как сферу своих интересов, тем более что в 1880 г. там проживало свыше 10 тыс. итальянских колонистов, произошла переориентация внешней политики Рима. В 1882 г. был заключен Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Он был направлен против Франции, поскольку в случае войны с каким-то иным противником стороны обязывались лишь сохранять дружественный нейтралитет, но не оказывать военную поддержку. Бисмарк, который очень невысоко оценивал военную мощь Италии, видел в Тройственном союзе скорее политический выигрыш. Он заключался в еще большей изоляции Франции и в

возможности для Австро-Венгрии в случае конфликта с Россией не опасаться итальянского нападения с тыла. Таким образом, хотя, по признанию Бисмарка, его постоянно преследовал «кошмар коалиций», направленных против Германии, сам он сколачивал собственные коалиции с невиданной энергией и целесмысленностью.

Начало колониальной политики. На протяжении ряда лет сфера интересов Бисмарка как руководителя империи ограничивалась пределами Европы и континентальной политикой. Он полагал, что колониальная политика не для Германии, колонии интересовали его только в той мере, в какой способствовали сохранению европейского равновесия, осложнению отношений Англии и Франции и отплеванию последней от идеи реванша.

До начала 80-х годов к колониальным захватам равнодушно относилось и большинство правящих кругов Германии, особенно юнкерство. Весной 1880 г. рейхстаг провалил законопроект о кредитовании колониальных приобретений. Но уже в 1882 г. был создан Германский колониальный союз, куда вошли крупные представители торгово-промышленных кругов и некоторые аграрии, экспортеры спирта и водки. Активную роль в союзе играл один из ведущих немецких историков Генрих Трейчке, который неустанно повторял, что если Германия хочет стать державой первого ранга, она просто обязана иметь колониальную империю, как другие страны.

Перелом в колониальной политике наступил в 1884 г. и был связан с покупкой бременским торговцем Альфредом Людерцем земель на юго-западе Африки в районе бухты Ангра. Людерсц обратился к правительству с просьбой санкционировать его приобретение. После некоторых колебаний Бисмарк объявил о том, что империя берет под свою защиту эти территории. Им руководили прежде всего два мотива. Во-первых, Бисмарк рассматривал колонии как опорные пункты немецкой торговли в конкурентной борьбе с другими странами. Но, не желая обременять государственный бюджет, он предпочитал управление колониями предоставить частным компаниям. Вторым мотивом канцлера было стремление достичь единства немецкого общества, поставив перед ним, как и в период объединения, общую цель — на этот раз захват колоний.

Момент для начала колониальной политики был выбран весьма удачно, в период обострения англо-русских и англо-французских отношений. Поэтому сопротивление Британии немецким колониальным захватам продолжалось недолго, после переговоров английский премьер-министр Гладстон публично признал право Германии на приобретение колоний.

После захвата Юго-Западной Африки Германия в июле 1884 г. объявила об установлении верховной власти рейха над Того и Камеруном. В 1885 г. она приобрела Восточную Африку, где крупная часть территории уже принадлежала Обществу немецкой колонизации во главе с авантюристом Карлом Петерсом, и северную часть Новой Гвинеи, где до этого закрепились Новогвинейская компания, созданная банком «Дисконто-гезелльшафт». К 1914 г. германская колониальная империя занимала площадь 2,9 млн кв. км с населением более 12 млн человек.

В середине 80-х годов из-за осложнений в Европе колониальная активность Бисмарка затихла и осталась в его политике лишь эпизодом. Он полагал, что геополитическое положение Германии не позволяет ей проводить широкую мировую экспансию. Так, в декабре 1888 г. в беседе с исследователем Африки Ойгеном Вольфом он заявил: «Ваша карта Африки прекрасна, но моя карта Африки в Европе. Вот Россия, а вот Франция, мы же находимся в середине — такова моя карта Африки».

Внутриполитическое развитие в 80-е годы. В результате прекращения «культуркампфа», введения протекционизма и социального законодательства в 80-е годы изменилась не только позиция партий по отношению к Бисмарку, но и их взаимоотношения. Партия Центра, имевшая в рейхстаге сильнейшую фракцию, отказалась от принципиальной оппозиции и в отдельных случаях при принятии законов о социальном страховании и повышении в 1885 г. пошлин на ввоз сельскохозяйственных продуктов поддерживала правительство вместе с обеими консервативными партиями.

Протекционизм и социальные законы углубили расхождения между либеральными партиями. В 1883 г. во главе национал-либералов встал Иоганнес Микель, при котором партия повернула вправо, налаживая связи с консерваторами и отмежевываясь от левого либерализма, представленного с 1884 г. Немецкой свободомыслящей партией. Эта партия выступала против государственной социальной политики и покровительственных таможенных тарифов, но обычно поддерживала увеличение военных расходов. Признанным лидером партии после объединения прогрессистов и левых национал-либералов стал Ойген Рихтер.

В создании новой партии Бисмарк не без оснований усматривал подготовку к возможной смене монарха, поскольку кронпринц Фридрих имел с ней тесные связи. Так как партия Центра все чаще начинала поддерживать консервативный курс, главным противником в глазах канцлера представал, наряду с социал-демократами, левый либерализм, ставший в 80-е годы основным объектом нападок Бисмарка в его парламентских выступлениях. Канцлер утверждал даже, что левые либералы стремятся к уста-

новлению парламентарной республики; по его мнению, это было более реальной угрозой, чем социалистическая революция.

Либеральной тенденции Бисмарк противопоставил консервативный курс в Пруссии, где тон задавал министр внутренних дел Роберт Путткамер, как и Бисмарк, считавший главной опорой режима консервативную прусскую бюрократию. Защищаясь от обвинений в диктаторстве, Бисмарк для демонстрации решающей роли монарха подготовил в начале 1882 г. послание Вильгельма I прусскому правительству. В нем подчеркивалось всрховенство короля по отношению к министрам как исполнителям его воли. Всем чиновникам, поскольку они принесли присягу на верность, предписывалось защищать политику правительства во время выборов и не высказывать критику в его адрес. Это было явным покушением на свободу волеизъявления и прямым указанием чиновникам поддерживать кандидатов консервативных партий. В практику вводилась проверка экономических и политических взглядов кандидатов на высокие административные должности.

В 1887 г., используя жупел буланжистского движения во Франции, правительство потребовало увеличения военного бюджета и численности армии на 40 тыс. человек. Протесты партии Центра и «свободомыслящих» повлекли за собой роспуск рейхстага и новые выборы, на которых консерваторы и национал-либералы заключили союз (картель).

Картельные партии одержали победу, получив больше половины мест (220 мандатов). За социалистов проголосовало на 200 тыс. избирателей больше, чем на предыдущих выборах, но из-за распределения округов и блоковой политики картеля они потеряли 13 мандатов и получили только 11 мест. Наибольший урон понесли левые либералы, против которых велась основная правительственная агитация. Они более чем наполовину сократили свое представительство, получив всего 32 места, тогда как до этого имели 77 депутатских кресел.

Послушный канцлеру новый рейхстаг утвердил военный бюджет и одобрил увеличение армии. Была реорганизована служба в запасе, что позволяло в случае войны выставить армию в 700 тыс. человек.

В марте 1888 г. скончался император Вильгельм I. Его преемник Фридрих III вступил на престол, уже будучи смертельно больным, и правил всего 99 дней. С его смертью немецкий либерализм, возлагавший на этого англофила и либерала большие надежды, окончательно потерял шансы занять ведущие позиции в империи.

Отставка «железного канцлера». Вступлениe на трон в июне 1888 г. сына Фридриха, 29-летнего Вильгельма II, резко пошатнуло положениe Бисмарка. Новый кайзер был незаурядной лич-

ностью, его отличали живость ума, любознательность и интерес ко всему новому. Но его способности слишком часто сводились на нет неуравновешенным характером, огромным самомнением и отсутствием человеческого и политического такта. Эксцентричная манера поведения заставляла многих даже усомниться в психическом здоровье нового кайзера, страдавшего явным комплексом неполноценности (левая рука Вильгельма была от рождения парализована).

Современники злословили, что он стремится всюду быть главным: на всяких крестинах — отцом, на каждой свадьбе — женихом, на любых похоронах — покойником.

Вильгельм II был проникнут такими представлениями о роли монарха, которые не укладывались в рамки скромного немецкого конституционализма и недвусмысленно противоречили бисмарковскому стремлению к единовластию. Не признававший никаких ограничений для своей воли, кайзер неизбежно должен был вступить в конфликт со всемогущим канцлером, который не мог предъявить императору никаких значительных успехов во внешней и внутренней политике. Напротив, в начале 1889 г. Бисмарк потерпел крупную неудачу при попытке заключить союз с Англией, отклонившей его предложение. Не случайно газета партии Центра «Германия» писала в апреле 1889 г., что канцлеру «больше ничего не удастся».

Но главной причиной крушения Бисмарка явились не внешние, а внутренние дела. Окончательно выявилась несостоятельность «исключительного закона», что вызывало острейшие разногласия в правящих верхах и картельных партиях.

1889 и начало 1890 г. принесли рекордное число забастовок (более тысячи). В мае 1889 г. почти 150 тыс. шахтеров Рура прекратили работу, требуя введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, отмены сверхурочного труда. Во время этой забастовки проявились первые расхождения между императором и канцлером в подходе к рабочему вопросу.

Вильгельм под влиянием своих представлений о Пруссии как о «социальном королевстве», монархе как «отце народа» склонился к мысли повысить свою популярность отказом от системы репрессивных мер и проведением реформы в области трудовых отношений. Поэтому он потребовал от предпринимателей покончить с рурской забастовкой путем соглашения с рабочими и частичных уступок.

Крайне раздраженный этим Бисмарк предложил бессрочное продление закона против социалистов. Но при обсуждении в рейхстаге национал-либералы высказались против параграфа о высылке социал-демократов из страны и стояли на своем до конца. Законопроект в январе 1890 г. был отклонен.

В феврале император подписал указы о разработке мероприятий по охране труда, ограничению рабочего дня, введению воскресного отдыха, особых условиях труда женщин и детей, созданию учреждений по урегулированию трудовых конфликтов. Хотя Бисмарк отказался скрепить их своей подписью, он упорно не хотел подавать в отставку.

Последний удар нанесли ему результаты выборов в рейхстаг в феврале 1890 г. Картельные партии потерпели поражение, потеряв почти половину мест. Сильнейшей фракцией стала партия Центра, левые либералы удвоили свое представительство. Но главной сенсацией стал успех социалистов, за которых проголосовало больше всего избирателей (почти 1,5 млн человек) и которые получили 35 мсст.

Радикальное ухудшение парламентской ситуации привело Бисмарка к мысли о государственном перевороте, провоцировании социально-политических конфликтов, которые могли бы послужить поводом для роспуска рейхстага и отмены всеобщего избирательного права. Он был даже готов похоронить собственное детище — империю — путем отказа немецких государей от договора о ее создании, а прусского короля — от императорской короны, чтобы позднее воссоздать ее в чисто авторитарном виде.

Однако император после колебаний отказался принять план Бисмарка, не желая начинать свое правление с острого конфликта с непредсказуемыми последствиями. Провалом окончилась и попытка канцлера заполучить поддержку партии Центра. Она была готова при определенных уступках перейти на сторону Бисмарка в союзе с консерваторами, но на этот союз последние категорически не соглашались.

Переговоры Бисмарка с лидером партии Центра Виндхорстом, о которых Вильгельм узнал задним числом, вызвали его сильнейшее недопольство и послужили формальным предлогом для его требования канцлеру подать в отставку, что и произошло в марте 1890 г. Эра Бисмарка закончилась. В истории Германии началась новая глава.

Глава 3

АНГЛИЯ в 1870—1900 гг.

Особенности экономической эволюции. Население Англии в 1871 г. составляло более 26 млн человек (без Ирландии), причем особенно росла его численность в промышленных центрах — Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, насчитывавших по полмиллиона и более жителей, а в Лондоне — свыше 4,5 млн человек. Социально-демографическая ситуация не имела аналогов нигде в мире: большинство населения страны (до $\frac{3}{4}$) проживало в городах. Численно преобладающее место в структуре общества занимал многомиллионный рабочий класс.

«Ошеломляющее увеличение богатства и мощи» — так характеризовал положение Англии еще в середине XIX в. лидер либералов У. Гладстон. Небывалый подъем экономики в стране сохранялся и в 70-е годы. Англия по-прежнему оставалась «мастерской мира», хозяином мирового рынка, гегемоном в международной финансовой сфере, обладателем самого могущественного флота и самых обширных колониальных владений. «Таймс» писала в 1871 г.: «Мы можем смотреть на наше настоящее с полным удовлетворением». Англия намного опережала в экономическом развитии другие страны. 50—70-е годы оцениваются в историографии однозначно: «Никогда до этого времени и никогда позднее ни одна страна в такой же степени, как Англия, не господствовала в мировой экономике», — пишет в наши дни английский историк П. Мэттес.

Однако 70-е годы стали последним десятилетием, в течение которого поздневикторианская Англия сохраняла статус «мировой фабрики». В 80—90-е годы экономика страны вступила в новую полосу своего развития. Ее характеризовали два основных процесса: постепенная утрата промышленной гегемонии и начало перерастания капитализма свободной конкуренции в качественно иное состояние, в монополистический капитализм.

По-прежнему могущественная держава, Англия сохраняла свои важные позиции, была «владычицей морей», она все еще удерживала морское и колониальное первенство, играла «первую скрипку» в банковской сфере. Но с 80-х годов стала проявляться тенденция к снижению промышленной и — как следствие — торговой роли Англии в системе мирохозяйственных связей. «Великий викторианский бум» 50—70-х годов постепенно исчерпывал

свои соревновательные возможности перед лицом быстро растущего экономического потенциала молодых капиталистических держав. Признаки отставания выражались поначалу в показателях снижения темпов прироста продукции английской промышленности, а затем — и в абсолютных цифрах ее уменьшения, явно свидетельствующих о начавшейся утрате Англией преобладания в мировой экономике. Так, например, в 70-е годы ежегодное увеличение промышленного производства составляло 3%, в 80—90-е годы — лишь 1,8% (в США и Германии соответственно 4,8 и 3,9%). Еще в 1870 г. каменноугольная промышленность Англии обеспечивала 51,5% мировой добычи, к концу века — лишь 29,7%. Английские металлурги выплавляли 50% чугуна в 1870 г., к концу века — 22,1%. Та же картина наблюдалась во многих отраслях. Молодые страны капитализма, естественно, стали успешно конкурировать с Англией и на мировом рынке (в Латинской Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке).

Внутренние и внешние факторы объясняют причины «сползания» экономики Англии на неблагоприятные для нее позиции в мировом хозяйстве. Стародавнее техническое оснащение производства исторически первой индустриальной страны не позволяло промышленности в полной мере идти в ногу с бурно проявившимся в последней трети XIX в. техническим прогрессом. Английская наука в огромной степени содействовала ему, способствовала теоретическому и техническому обновлению. Она дала миру крупнейшего физика Э. Резерфорда, развивавшего в конце века учение о строении атома. Тогда же выдающийся физик Дж. Максвелл продолжал разрабатывать электромагнитную теорию. В 1878 г. в Англии был изобретен «томасовский процесс» выплавки стали (по имени металлурга С. Томаса). В 90-е годы Ч. Парсон konstruировал новые двигатели — паровые турбины. Техническая мысль англичан усиленно работала. Однако страна не осуществляла с такой же интенсивностью, как молодые капиталистические страны, внедрение в промышленность достижений в области химии, электротехники, новых двигателей и более совершенного оборудования.

В Англии лишь частично и с большими трудностями обновлялись основные фонды производства. Так, в 90-е годы мощность механических двигателей возросла на 1,75 млн л.с. (в США — на 5 млн, Германии — на 2,6 млн л. с.). Производительность доменных печей увеличилась лишь на 2 млн тонн (в США — на 7,8 млн, Германии — на 4 млн тонн). Экономика страны была отягощена грузом традиционных капиталовложений. Вкладывать средства в основание нового, технически и технологически современного производства для английских предпринимателей было затруднительно. И главное — отрицательно сказывался отток капитала в

многочисленные колонии. Доля ежегодных инвестиций в собственное производство снизилась с 7,5% национального дохода в предшествующий период до 4,5% в 80—90-е годы. В то же время колониальные капиталовложения выросли к концу века вдвое и достигли колоссальных размеров — почти 2 млрд ф. ст. Наконец, на пути английских товаров встали протекционистские заслоны, воздвигнутые другими странами в целях охраны своих внутренних рынков. Новые условия хозяйственного развития страны начинали резко контрастировать с ее экономическим положением в предыдущий период.

Параллельно с этим протекал другой процесс экономической эволюции, связанный с возникновением монополистических объединений. Спецификой Англии явилось то, что монополизация совершалась здесь замедленным темпом в сравнении с ростом картелей, синдикатов, трестов в США и Германии, заметным уже в 70-е годы. Эта особенность экономики страны объяснялась тем, что ее торгово-промышленная монополия, существовавшая в середине века, и особенно сохранявшаяся колониальная гегемония доставляли ей высочайшие прибыли и не стимулировали капиталовложения в собственное производство и его монополизацию.

В начале 80-х годов монополизировалось производство рельсов, объединившее около 20 предприятий. В добывающих отраслях укрепился Соляной трест (1887). Он включил 64 предприятия и поставил под свой контроль 90% всей добычи соли в стране. С 1889 г. преуспевала крупная судостроительная монополия «Дормен-Лонг». С 90-х годов процесс монополизации несколько активизируется. Впереди шли наиболее мощные военно-промышленные объединения «Джон Браун», «Армстронг-Уитворт», «Виккерс». Медленнее протекла монополизация в традиционной легкой промышленности. Главными фигурами в экономике становились магнаты тяжелой промышленности, а не фабриканты, владевшие предприятиями в отраслях легкой промышленности, как было до того. Лишь в 1897 г. был создан трест Коутса по производству пряжи и нитей. В 1898—1899 гг. появились еще 4 монопольных объединения в текстильной промышленности. Хотя процесс монополизации набирал силу, тем не менее он носил еще не стабильный и весьма ограниченный характер: например, малоустойчивыми оказались ассоциация по производству стали, возникшая в 1886 г., угольный синдикат (1894), просуществовавший всего один месяц. Немногие из монопольных образований утверждались прочно, причем лишь в некоторых отраслях промышленности. В 80—90-е годы монопольные предприятия Англии исчислялись единицами. Главенствующую роль играли колониальные монополии, эксплуатировавшие сырьевые и людские ресурсы зависимых территорий: «Колониальная компания

реки Нигер» (1886), «Имперская компания Британской Восточной Африки» (1886), «Британская Южноафриканская компания» (1889) и др. Прибыли колониальных компаний были намного выше, чем прибыли внутренних монополий.

Медленно, но неуклонно утверждавшаяся новая, монополистическая форма организации производства и переоснащение на современной технической базе старых предприятий требовали огромных капиталов. Удовлетворять потребность в них была призвана развитая банковская система. В ней также протекал, причем достаточно быстро, процесс монополизации: в 1860-е годы в стране насчитывалось 247 частных банков, к концу века господствовало около 50, но значительно более крупных, занявших монопольные позиции. Процесс монополизации в банковской сфере опережал тот же процесс в производстве, а финансовые круги, тесно сплетенные с колониальными предприятиями, все более определялись как ведущие и главенствовавшие в среде господствующих классов. Колоссальные затраты, связанные с переводом производства на новые рельсы, покрывались также быстро распространявшимися акционерными обществами — центрами привлечения денежных средств многих владельцев капитала.

Процесс монополизации происходил в ожесточенной конкурентной борьбе и убыстрялся, как это ни выглядело парадоксально, в результате кризисов. В кризисные времена выживали лишь некоторые наиболее крепкие фирмы, многочисленные же слабые разорялись. Новым явлением было изменение сроков наступления кризисов и самого цикла капиталистического производства. Прежде Англия первая вступала в полосу кризиса и в фазы подъема, теперь ее место заняли США. Периодичность цикла нарушалась весьма радикально. На смену 10-, 11-летним кризисам пришли кризисы более частые, длительные и, главное, глубокие. Очередной кризис наступил в 1873 г., угнетенное состояние экономики продолжалось с небольшой паузой до 1878 г. В этом году разразился еще более глубокий кризис, длившийся до 1880 г. За ним последовал новый разрушительный, затяжной спад 1882 г. (до 1888 г.). Вся первая половина 90-х годов прошла под тяжестью очередного кризиса, который завершился лишь в 1895 г.

Не менее болезненным был кризис сельского хозяйства, начавшийся с середины 70-х годов. Его причиной явилась новая мировая конъюнктура — приток дешевых продуктов из США, Канады, Австралии. Кризис подрывал английское сельское хозяйство: цены на его продукцию падали, сокращались посевные площади, снижалась рента (в среднем на 53%), уменьшался объем капиталовложений.

Исподволь происходившая утрата Англией промышленной монополии, сокрушающие кризисы вместе с межкризисными депрессивными периодами воспринимались современниками, а впоследствии и большинством историков как всеохватывающая «великая депрессия» британской экономики, растянувшаяся на 1873—1896 гг.

Новое состояние экономики повергло в крайнюю озабоченность правящие верхи, деловые круги и всю общественность страны. Обеспокоенностью была пронизана тронная речь королевы Виктории уже в 1880 г. В 1885 г. палата лордов назначила комиссию для изучения причин упадка производства. Тогда же приступила к изысканиям королевская комиссия. Остро реагировали на непривычную ситуацию промышленные ассоциации, где постоянно дискутировалась проблема неблагоприятного положения экономики.

«Великая депрессия» пагубно отразилась на материальном положении всех слоев общества. Землевладельческая аристократия, лендлорды и фермеры-капиталисты болезненно ощущали падение цен на свою продукцию (в среднем на 40%). Парламентские эмиссары сообщали в тревожных отчетах из графств: «фермеры терпят убытки», «они страшно страдают от влияния депрессии». Снизились прибыли и промышленной буржуазии. В меньшей степени это ударило по предприятиям, связанным с колониями, но особенно задело тех, кто ориентировался на внутренний рынок, на экспорт в США и Европу. В среде промышленников раздавались панического рода суждения: «Для Англии дни больших прибылей уже прошли». Наблюдалось все более заметное тяготение буржуазии к удовлетворению своих экономических интересов в колониях. Однако тяжелее всех в период «великой депрессии» пришлось трудящимся. Королевская комиссия по труду заключила в 1893 г.: почти 83% британских рабочих имели семейный бюджет ниже минимального прожиточного уровня. Многочисленной стала армия безработных: она доходила порой до 11,4% занятого населения, а в отдельных тред-юнионах до трети состава рабочих.

Сложная экономическая ситуация на фоне резкой поляризации общества, очевидного социального контраста создавала беспокойную морально-психологическую атмосферу во всех слоях населения. Дыхание ее ощущается в литературных произведениях выдающихся писателей того времени: в романах Томаса Гарди, пессимистически взиравшего на индустриальную современность и сокрушавшегося по поводу исчезновения идеализируемых им патриархальных основ сельской Англии; в сочинениях Оскара Уайльда, уходившего от тревожной действительности в мир эстетизма, воспевавшего культ красоты.

Буржуазные партии, их ориентации. Экономические трудности в поздневикторианской Англии дополнялись нарастанием социальной напряженности, борьбы пролетариата, а также ирландского освободительного движения. Современник, обеспокоенный этим положением, писал тогда: «Мы находимся в состоянии бескровной гражданской войны. Ни общие принципы, ни уважение к общим институтам или традициям не объединяют различные группы». Партийно-политические разногласия также обострились, противоборство между партиями и внутри них усилилось. В 1880 г. «Таймс» констатировала: «Партийные раздоры... достигли такой остроты, какой не было на памяти наиболее опытных политических деятелей».

На общественно-политической сцене страны по-прежнему выступали две буржуазные партии, и именно в последней трети XIX в. начал действовать механизм двухпартийной системы. Внутри либеральной партии основное звено ее правого крыла представляли виги (маркиз Хартингтон, лорд Розбери и др.). К ним примыкали «умеренные» либералы правого толка, не всегда согласные по тактическим вопросам с вигами (Дж. Сили и др.). Правые либералы обычно имели большинство и главенствовали в парламентской фракции. Это были представители земельной аристократии, фермеров-капиталистов, банковских кругов, крупных железнодорожных, колониальных компаний, верхов торгово-промышленной буржуазии. Именно правые либералы формировали официальную политику партии и боролись за проведение ее в жизнь. Лидером этих правых либералов был Уильям Гладстон, гуманитарно образованнейший человек, знаток древности и богословия, опытный политик, долгие годы работавший (с 1852 г.) в правительствах и парламенте, незаурядный оратор, речи которого всегда отличались морализирующим тоном, религиозной окраской. Гладстон имел в партии авторитет «великого человека».

Левое крыло партии — радикалы Дж. Чемберлен, Ч. Дилк и др. — составляли в парламенте, как правило, треть или четверть либеральных депутатов. Социальной базой радикалов были средние и мелкие предприниматели, часть сельской буржуазии, радикально настроенная интеллигенция, мелкобуржуазные слои, верхушка рабочего класса. Радикалы были разобщены, они «сходятся лишь на одном — они в той или иной степени отличаются по своим взглядам от официальных лидеров», — характеризовал левое крыло либералов Дж. Чемберлен.

В последней трети XIX в. либеральная партия оформилась организационно. Проявлявшая себя прежде в деятельности парламентской фракции и в избирательных кампаниях, теперь она

структурно изменилась в связи с новыми условиями ее функционирования после реформы 1867 г., расширившей корпус избирателей. В 1877 г. была учреждена Национальная федерация либеральных ассоциаций. Она занималась анализом и регулированием политического поведения масс избирателей, выполняла пропагандистские функции и состояла из представителей внепарламентских либеральных организаций, демократически образованных на местах. Видным «архитектором» Национальной федерации был радикально настроенный промышленник из Бирмингема Джозеф Чемберлен, ставший с конца 70-х годов деятельным политиком общенационального масштаба. Радикалы отводили Национальной федерации, в противовес парламентской фракции, роль «подлинно народного парламента», в большей мере, по их замыслу, выражавшего либеральное общественное мнение.

Консервативная партия, ядро которой составляли тори, также организационно оформилась. С 60-х годов основываются регистрационные общества на местах, ставшие впоследствии ячейками Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций (так официально именовалась партия). Активными деятелями процесса консолидации партии были ее многолетний лидер Бенджамин Дизраэли, видный политик Рэндолф Черчилль. Социальным фундаментом партии оставались по-прежнему земельная, финансовая аристократия, широкие круги землевладельцев, англиканское духовенство, армия, университетская и другая интеллигенция правой ориентации. Кроме них, что знаменательно, к консерватизму впервые стали приходить наиболее крупные собственники из числа торгово-колониальной и промышленной буржуазии. После признанного лидера тори (с 1848 г.) энергичного и дальновидного Б. Дизраэли (умер в 1881 г.) главой консерваторов стал маркиз Солсбери, отстаивавший в парламенте их интересы с 1853 г. Высокообразованный не только в гуманитарных науках, но и в естественных, Солсбери — любимец королевны, олицетворял собой респектабельность правящих верхов поздневикторианской Англии. В историографии его обычно признают «самой интеллектуальной личностью в консервативной партии во все времена».

Внутри партии обозначились разных оттенков течения. «Старые тори» — наиболее закоренелые ортодоксы, они всегда были привержены в первую очередь традиционным принципам — укреплению трона, палаты лордов и англиканской церкви. «Молодые тори» включали более инициативных деятелей. Они, в частности, настойчиво ставили проблему расширения электората консерваторов за счет привлечения в его состав избирателей из народа. «Я надеюсь в скором времени увидеть в парламенте рабочих-консерваторов», — декларировал Р. Черчилль. Апелля-

ция к народу была свойственна консерваторам еще со времен лидерства Б. Дизраэли, гибкого политика, выдвинувшего широкую программу «народного торизма». Его тактика создания в массах иллюзии «надклассовости» партии и патерналистского попечения о народе привлекла «молодых тори» — Р. Черчилля, А. Бэлфура и др., объединившихся внутри парламента в группу под названием «четвертой партии» (после трестей — Ирландской парламентской партии).

Деятели обеих партий, вырабатывая тактику борьбы за голоса в условиях расширенного избирательного права, обращались к «человеку с улицы»: «Давным-давно все делалось в Вестминстере. Теперь все или почти все делается на собраниях избирателей», — писал Солсбери.

Идейно-политический арсенал правящих верхов включал по-прежнему принципы либерализма, ставшего господствующим в середине века. Незыблемо почитались его ортодоксальные догмы: охрана частной собственности, капиталистической системы экономики, буржуазно-правовой государственности, безоговорочное признание фритреда — не стесненного ничем предпринимательства, свободы торговли и конкуренции, невмешательства государства в механизм частнохозяйственной деятельности. Однако наступившие для страны трудные времена требовали поиска новых подходов к идейным ориентирам и политике партий. Направление поисков различно определялось неоднородными силами внутри классов и партий. Наиболее ретроградные круги, испытывавшие ностальгию по «викторианскому буму» середины века, встали на путь укрощения ортодоксального либерализма как верного инструмента сохранения своих позиций и залога процветания страны. В первую очередь либералы, а также часть консерваторов ужесточали требования фритреда и жесткого индивидуализма, стойко выступали против государственного вмешательства в любую сферу общественных отношений, отрицали социально ориентированную политику, противились малейшим попыткам ввести протекционизм. Внепартийная «Лига защиты свободы и собственности» (1883), объединившая в своем составе представителей как либералов, так и консерваторов, красноречиво демонстрировала схожесть подобных настроений крупных буржуа и землевладельцев в обеих партиях.

Были приверженцы и иного идейно-политического курса. Отдельные деятели обеих партий обратились к переоценке некоторых основополагающих постулатов идеологии и политики классического либерализма. Возникло движение за «справедливую торговлю», которая была призвана замснить «свободную торговлю». Его представители выступали за введение протекционизма по примеру других стран. Консерватор Р. Черчилль заявлял: «Сво-

бодный импорт убивает нашу промышленность». У некоторых членов партий появились признаки разочарования в принципе невмешательства государства, которое должно, как считали ортодоксы либерализма, выполнять лишь функции «ночного сторожа».

Перед лицом ухудшения условий жизни и подъема борьбы трудящихся в противовес социалистическим идеям «молодые тори» и радикалы обратились к социальной проблематике. Развернувший кампанию «народного торизма» честолюбивый Р. Черчилль провозгласил в борьбе за «широчайший народный базис» целую «программу социального прогресса» — в сфере здравоохранения, жилья, страхования и т.д. В самой либеральной партии (как справедливо подчеркнуто в нашей историографии) «началось размывание цельной либеральной идеологии». На левом крыле партии группа Дж. Чемберлена разработала «Радикальную программу» (1883—1885). В ней выдвигались требования реформ как политического, так и социального характера. Первые включали: всеобщее избирательное право для мужчин, равенство избирательных округов, жалование депутатам, ликвидацию палаты лордов, отделение церкви от государства, расширение функций местного самоуправления, свободу во внутренних делах для национальных областей. Социальная часть программы исходила из признания новой роли государства, всячески подчеркивала его патерналистскую сущность: государство призвано действовать «на стороне слабых против сильных, в интересах труда против капитала». Программа предлагала ввести прогрессивно-подходящий налог, осуществить аграрные преобразования, воскрешая мелкобуржуазные иллюзии пролетариев (выкуп части земли у лендлордов, сдача ее мелкими участками в аренду батракам и городским рабочим), активизировать жилищное строительство для бедноты.

Политики еще одного направления видели путь преодоления депрессивных явлений в дальнейшем расширении и укреплении колониальной империи. Его придерживались обе партии, но в большей степени консерваторы. Они усилили пропаганду колониализма и «цивилизаторской имперской миссии» Британии, усматривали в колониальной экспансии выход из внутренних трудностей страны. От расширения империи, внушали консерваторы, «должен выиграть каждый англичанин». Либералы, которые постоянно изображались их оппонентами как «противники империи», как ее «разрушители», в действительности также выступали за ее расширение и укрепление, отдавая приоритет таким методам, как предоставление колониям статуса доминионов, самоуправления в отдельных областях. У. Гладстон провозгласил: «Имперская миссия Англии состоит в распространении во всем мире конституционализма как лучшей опоры свободы и

справедливости». Внутри партии в 90-е годы сформировалась группа либерал-империалистов во главе с лордом Розбери. Политическая линия радикалов и их лидера Дж. Чемберлена откровенно преследовала те же цели.

Раздоры между партиями и внутри партий обострялись в периоды предвыборных кампаний. Функционирование двухпартийной системы проявлялось в периодической смене правительств консерваторов (кабинеты Б. Дизраэли: 1874—1880; лорда Солсбери: 1885—1886, 1886—1892, 1895—1902) и либералов (кабинеты У. Гладстона: 1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894; лорда Розбери: 1894—1895). В последнюю треть века консервативная партия стала основным звеном партийно-политической системы: почти 20 лет у власти находились консерваторы, возглавляемые по преимуществу лордом Солсбери. Их успехи на выборах объяснялись поправлением крупной торгово-промышленной буржуазии, буржуазной интеллигенции, поворотом широких кругов английской общественности к консерватизму в условиях «великой депрессии», разочарованием в результатах длительного правления либералов, большей монолитностью консерваторов под руководством Солсбери, тогда как либералов раздирали внутрипартийные разногласия и острые противоречия.

Противоречия буквально «взорвались» в период второго правительств У. Гладстона. Лидер либералов выступил в 1885 г. с инициативой предоставить «гомруль» (самоуправление) Ирландии и внес соответствующий билль в парламент. Акция Гладстона преследовала несколько целей: получить в парламенте голоса Ирландской парламентской партии; сбить волну освободительного движения в самой Ирландии; отвлечь английских трудящихся от борьбы за свои социально-экономические нужды и политические права. Борьба вокруг «гомруля» заострила имперскую проблему в целом. «Защита целостности империи», провозглашенная консервативными силами, консолидировала их лагерь, добившийся провала билля о «гомруле» и падения кабинета Гладстона. Явившись катализатором сильнейших разногласий внутри либеральной партии, проблема «гомруля» привела партию к расколу в 1886 г. Часть вигов и «умеренных» либералов ушла из партии, выразив тем самым свое негативное отношение к позиции правящих гладстонянцев. Группа радикалов Дж. Чемберлена, резко повернув вправо и полностью обнаружив свой псевдомократизм, также порвала связь с правящими либералами. Сплотившись в союз либерал-юнионистов, отколовшиеся группы примкнули к консерваторам, окончательно слившись с ними в 1895 г. на платформе укрепления империи. Консерваторы стали доминирующей политической силой, что явилось отражением социально-экономических процессов, протекавших в обществе.

Внутренняя и внешняя политика. Во внутренней политике Англии, осуществляемой приходившими поочередно к власти партиями, с очевидностью проявились две тенденции. Первая — дальнейшая демократизация государственного строя, проводимая шаг за шагом в процессе постоянной партийно-политической борьбы. Демократизация поэтапно реализовалась в конечном итоге под давлением масс, политизация и активность которых неуклонно возрастали. В 1872 г. либералы провели в парламенте закон о тайном голосовании при выборах в парламент. В 1883 г. законодательство пополнилось еще одним демократическим актом, направленным против широко практикуемой коррупции государственных чиновников, членов парламента и подкупа избирателей. Важной вехой стал проведенный либералами в 1884 г. билль о парламентской реформе. Вступил в действие третий избирательный закон: право голоса получили мелкие фермеры и сельскохозяйственные рабочие. Состав избирателей увеличился с 25% до 58% всего мужского населения с 20-летнего возраста. Принятый в следующем 1885 г. закон устанавливал равномерное распределение избирательных округов в зависимости от численности населения. В 1888 г. консерваторы провели закон о реформе местного управления, которого давно добивались радикалы и демократические слои общества. Наряду с шерифами и мировыми судьями графств, вершившими до того власть на местах, формировались избираемые советы графств. Лондон получил статус графства и должен был, по закону, управляться также избираемым советом. Позже, в 1892 г., демократизация была распространена и на приход — низовую единицу государственно-территориального деления страны. Реформа самоуправления приходов устанавливала власть приходского собрания и избранного им приходского совета, тогда как раньше полной властью в приходе обладали местный лендлорд и англиканский священник. Парламент принял законы демократического содержания (1870, 1876, 1880), направленные на реорганизацию структуры образования. Ими впервые предписывалось создание системы государственных школ. По закону 1891 г. консерваторы впервые ввели государственное финансирование начального образования детей от 5 до 12 лет.

Вторая тенденция внутренней политики — разрастание и бюрократизация государственного аппарата, все более заметное укрепление исполнительной власти в противовес законодательной, усиление роли кабинета министров и его главы. Таким путем обеспечивалась надежная гарантия незыблемости позиций господствующих классов и правящей элиты. Не слишком разветвленный до того государственный аппарат («дешевое государство») в последней трети века стал более сложным по своей

структуре, начал обрстать дополнительными звеньями и инстанциями. Так, в 80—90-е годы учрждаются новые министерства: сельского хозяйства, местного управления, по делам Шотландии. Вошло в практику образование правительством комитетов. Комитеты брали на себя часть функций, прежде принадлежавших парламенту. Появились правительственные комитеты по подготовке законов, по торговле. Возрастала единоличная власть премьер-министра, решавшего те или иные важные вопросы, случалось, даже без ведома членов кабинета.

Внешняя политика страны традиционно исходила из принципа «блестящей изоляции». Англия не связывала себя долговременными союзническими обязательствами, оставляя за собой «свободу рук». Ее внешняя политика отличалась большим умением дипломатически маневрировать, оправдывавшим прозвище «коварный Альбион». Основной направленностью внешнеполитической деятельности Англии в Европе было стремление подорвать влияние России и Франции. В период Восточного кризиса 1875—1878 гг. правительство Б. Дизраэли приняло сторону Турции против России. При этом в мае 1878 г. состоялось секретное соглашение Англии с Россией относительно условий мира после русско-турецкой войны. Тогда же в мае Англия подписала секретную конвенцию с Турцией, согласно которой получала остров Кипр. Таким образом, двойная игра позволила Англии на Берлинском конгрессе (июнь—июль 1878 г.) укрепить свою позицию в Средиземном море приобретением стратегически важного острова. После заключения Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии, Италии), нацеленного против франко-русского сближения, Англия оказала Союзу фактическую поддержку, согласившись в 1887 г. гарантировать статус-кво в Средиземном море. Постоянной проблемой и заботой английского правительства был флот. В 1889 г. правительство лорда Солсбери приняло закон о значительных ассигнованиях на военно-морской флот, руководствуясь принципом «двух уровней» (или «двух стандартов»): английский флот должен быть всегда больше флотов двух любых других морских держав (имелись в виду Франция и Россия).

Внешняя активность Англии более всего концентрировалась на дальнейшей колониальной экспансии. Последняя треть XIX в. явилась периодом самой интенсивной и самой агрессивной колонизации за всю историю страны. Главным ее объектом, наряду с Азией, стала теперь Африка. В 70—80-е годы процесс проникновения сюда британских колонизаторов протекал стремительно. Наиболее пойнственно выступали консервативные правительства. В 1875 г. по решению Б. Дизраэли (кстати, без санкции британского парламента) Англия скупила у египетского правителя (хедива) акции Суэцкого канала и стала полностью контролировать

важнейший для нее стратегический объект. В конце 70-х годов английские колонизаторы расширили свои владения на огромной территории в бассейне р. Нигер.

Правительство У. Гладстона, пришедшее к власти в 1880 г. под знаком миролюбия и критики агрессивного курса своего предшественника, само завершило оккупацию Египта в 1882 г., Сомали в 1884 г. В 90-е годы английские колонизаторы окончательно закрепились в Уганде, Кении, Судане. Британская Южноафриканская компания (ее активнейший деятель — известный колонизатор Сесил Родс) направила свои усилия на захват территорий к северу от Капской колонии, названных затем по его имени Родезией. Колонизатор вынашивал план создания единого пространства, тянувшегося через всю Африку — от Каира до Кейптауна. В Азии продолжалось дальнейшее наращивание и без того обширных владений. В 1879 г. Англия установила протекторат над Афганистаном. В Китае она прочно утвердилась в бассейне р. Янцзы с Шанхаем, а также в провинции Гуандун и Кантоне. В 1885 г. под предлогом «обороны Индии» была захвачена Верхняя Бирма, в 1893 г. — Западный Сиам. Одновременно шел захват многочисленных островов Тихого океана (Фиджи и др.). К концу века население колоний Англии площадью в 33 млн кв. км составляло 370 млн человек. Термин «Британская империя» стал употребляться официально.

Колониальная экспансия протекала отнюдь не беспрепятственно. Английские колонизаторы вступали в конфликты (а порой и противостояние) с колонизаторами других стран. В особо острой форме при дележе колоний столкнулись интересы Англии и Франции. «Инцидент при Фашоде» в 1898 г. был вызван стремлением обеих стран захватить Судан. Двигаясь с разных направлений — с севера и запада, — английский экспедиционный корпус и отряд французов встретились у захваченной французами деревни Фашода. Правительство Солсбери пригрозило Франции объявлением войны, если французы не удалятся из бассейна Нила. Ультиматум возымел действие — Франция отступила. Вооруженные экспедиции Англии и Франции в Сиам завершились в 1896 г. «полюбовным» разделом сфер влияния в этой стране, разграниченных по р. Менам. Колониальным соперничеством отличались и отношения Англии с Германией, участвовавшей в разделе африканских земель. Англо-русские противоречия обострились на Среднем Востоке.

На пути завоеваний Англия преодолевала также серьезные препятствия иного рода — мощный отпор населения захваченных территорий. Всенародное восстание афганцев было вызвано английской оккупацией в 1879 г. Бурские республики на юге Африки — Трансвааль и Оранжевая (буры — потомки выходцев из Голлан-

дии) — в результате тяжелой борьбы против англичан отстаивали свою независимость в 1881 г. Серьезное сопротивление колониальному порабощению оказали египтяне в июле—сентябре 1882 г. Завоевание Судана продолжалось почти два десятилетия. Оно встретило сильнейший отпор суданцев — махдистское движение. Колонизаторам пришлось вести две войны против борющегося народа Судана (1884—1885, 1896—1898), пока им не удалось окончательно покорить страну в 1898 г.

Имперская проблема занимала весомое место в общественно-политической жизни Англии. В 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. В 50-летнюю годовщину правления королевы (1887) состоялась первая имперская конференция, а с 1897 г. конференции начали созываться регулярно. В стране создавались всевозможные общества, институты, учреждения, призванные изучать, анализировать различные аспекты колониальной проблематики: Лига имперской федерации (1884), Лига имперской торговли (1891), Британская имперская лига (1893) и др. Официальные круги, средства массовой информации, публицисты формировали общественное мнение в духе великобританского шовинизма, превосходства английской нации, сс предопределения нести «тяжкое бремя», внедряли в умы людей представления о свойственной англичанам «гуманности» по отношению к народам колоний. В то же время британская публицистика всячески превозносила успехи экспансии, создавала образ сильной личности колонизатора. Когда в Судане погиб генерал Ч. Гордон, его героизации публицисты посвятили не один десяток легенд, развернулась шумная пропагандистская кампания, послужившая нагнетанию джингоистских (воинственно шовинистических), расистских, аннексионистских настроений.

Публицистика либеральной направленности акцентировала внимание общественности, как правило, на морально-религиозных аспектах «цивилизаторской миссии» Англии. Консервативная — больше использовала для обоснования экспансии откровенные экономические, военно-политические доводы. Усилиями политиков, ученых (Дж. Чемберлен, историк Дж. Фруд и др.) разрабатывалась идеология британского колониализма, одним из фундаментов которой выступал неодарвинизм (социал-дарвинизм) — препарированная биологическая теория «борьбы за выживание». Своего рода этапным был труд Дж. Сили «Расширение Англии». В нем апологетически изображалась история британской экспансии как неизбежный и прогрессивный процесс. Колониальные мотивы проникали и в литературу. Бардом колониализма стал Рэбьярд Киплинг (1865—1936), талантливый поэт и прозаик, впоследствии удостоенный Нобелевской премии. Один из ярких представителей «литературы действия», Киплинг вдохновлял анг-

лийских солдат на колониальные подвиги («Несите бремя белых!»). А.И. Куприн метко писал о нем: «Киплинг смело и ревниво верит в высшую культурную миссию своей родины и закрывает глаза на ее несправедливости».

Общественная мысль. Последняя треть XIX в. в сфере идеологии ознаменовалась дальнейшим развитием и глубоким влиянием позитивизма (от лат. *positivus* — положительный). Позитивизм исходил из признания, что подлинное положительное знание может быть получено как результат отдельных специальных наук или их синтез, который и представлял собой основу философии позитивизма. Позитивистская философия объявляла себя выше односторонности как материализма, так и идеализма.

В области социологии характерными чертами позитивизма были натурализм и эволюционизм. Развитие общества, как доказывали позитивисты, подчинено тем же законам, что и развитие природы. Социальные процессы позитивизм сводил к естественным и общество рассматривал как «социальный организм», само же его развитие понимал как медленные, эволюционные изменения от простого к сложному, от однородного к неоднородному. Позитивизм признавал закономерность и прогресс общественной эволюции. Его методология основывалась на утверждении плюрализма «теории факторов», т. е. на признании материальных и духовных реальностей одинаково значимыми в развитии общества, учитывала значение точных наук для исследования. Позитивизм почти безраздельно господствовал в английской философии, социологии, исторической науке и других общественных науках.

Вслед за фактическим основателем английского позитивизма Дж.Ст. Миллем, а также Г. Боклем и другими позитивистами, творившими в первой половине XIX в., самым видным теоретиком, крупнейшим его родоначальником в Англии был Герберт Спенсер (1820—1903). Сын школьного учителя, Спенсер овладел знаниями благодаря самообразованию. Большую часть жизни он отдал научным изысканиям, став кабинетным ученым. Его исследовательское творчество увенчалось написанием огромного количества трудов.

Спенсер предпринял попытку создать универсальную философию — «сумму наук» как совокупность основных достижений специальных наук и обосновал ее в целой серии книг под общим названием «Система синтетической философии». Многотомная серия начала выходить в 1862 г. и продолжала издаваться до 1893 г., включив теоретическое осмысление Спенсером биологии, психологии, социологии, этики и других отраслей знания.

Спенсер опирался в своей философии на достижения естественных наук первой половины XIX в. Стержнем философии Спенсера была идея эволюции, которую он понимал как универ-

сальный закон «интеграции материи» — сохранения энергии, состояния равновесия и приспособляемости. При этом Спенсер не углублялся в поиск причин эволюции и объяснение качественных изменений в процессе развития. Его интересовала простая констатация фактов, доказывающих, что эволюция имела место, происходила.

Спенсер был одним из родоначальников науки об обществе — социологии. Он отвергал теологическое понимание истории, признавал наличие закономерностей в развитии человеческого общества. Основным общественным законом Спенсер называл закон выживания лучше приспособленных. Не ограничивая историю деятельностью правителей, полководцев, политиков, Спенсер рассматривал общество в его эволюции с естественнонаучных позиций как «социальный организм». Спенсер собрал и изучил огромный материал об общественных институтах, этнографии — быте, верованиях многих народов, в том числе о первобытной культуре, прослеживал эволюцию организации общества от военной к промышленной. Спенсер обратился и к изучению новой, только еще формировавшейся науки — социальной психологии. Он разрабатывал также свое этическое учение, связывая критерий нравственности с пользой, т.е. исповедовал принцип утилитаризма, и в своей педагогике отдавал приоритет утилитарному и естественнонаучному образованию.

Спенсер обосновывал идею прогресса, раскрывая ее содержание в духе либеральной традиции современной ему английской действительности. Он был привержен либеральным принципам индивидуализма, невмешательства государства в частную деятельность, господства свободной конкуренции — всему тому, что обозначал понятием «диссоциации» как этапа в эволюции человеческого общества, не исключая при этом возможности в будущем наступления «интеграции», когда усилится роль государства.

Широкое распространение и популярность учения Спенсера объясняются свойственной философу доступностью стиля изложения, близостью его идей современникам, находившим в трудах позитивиста ответы на проблемы своего времени.

Рабочее движение. В поздневикторианское время в Англии более 10 млн рабочих и членов их семей составляли основную массу населения страны. Материальное положение английских рабочих в сравнении с уровнем жизни рабочих других стран всегда было более высоким. Тем не менее не поспевавшая за ростом дороговизны жизни реальная заработная плата, продолжительный рабочий день, равный 10 и более часам, изнурительная интенсификация труда — все это было проявлением высокой степени эксплуатации наемных тружеников. Быт рабочих был отмечен печатью бедности, неустроенности, антисанитарии. Известная

благотворительница Октавия Гилл, обследовавшая городские кварталы, описала удручающие картины нищеты и убогости среды обитания рабочих.

Однако рабочий класс не был однородным. От его широких масс отделялась верхушка, высококвалифицированные умельцы (по терминологии эпохи — «лучшие и просвещенные рабочие», «более высокий класс», «рабочая аристократия»). Механики, машиностроители, сталелитейщики и другие рабочие тех отраслей, где использовался профессионально сложный, высококвалифицированный труд, находились в привилегированном положении: укороченный до 9 часов, а иногда и менее длительный рабочий день, еженедельная заработная плата — не обычная, как у большинства рабочих (в среднем 20 шиллингов), а 28 и даже 40—50 шиллингов. Однако «великая депрессия» значительно ухудшила положение всех категорий рабочих. Основной бич — безработица — не щадил тогда ни высокооплачиваемых, ни остальных рабочих.

Распространенными в Англии формами организации рабочих были всякого рода экономические общества — кассы взаимопомощи, страховые, ссудные товарищества, кооперативы. Самыми же влиятельными — организационно и идейно — оставались тред-юнионы, строго централизованные узкопрофессиональные мощные союзы, как правило, охватывавшие рабочих в общенациональном масштабе. Они были достаточно богаты, поскольку объединяли рабочих, способных вносить в кассу профсоюза немалый членский взнос. Устремления ортодоксов тред-юнионизма, выражавшего интересы состоятельной верхушки пролетариата, довольно точно сформулированы современником: «жажда социального мира и жажда респектабельности». Правоверные тред-юнионисты исповедовали аполитичность, отрицание всех форм борьбы, даже стачек, признавали во взаимоотношениях между трудом и капиталом лишь компромиссы, арбитраж. Тред-юнионы объединял созданный в 1868 г. Британский конгресс тред-юнионов (БКТ), собиравшийся с тех пор на свои конференции ежегодно.

70—90-е годы XIX в. ознаменовались важным явлением — возникновением «нового юнионизма». Тяжелые времена «великой депрессии» подвели низкооплачиваемых рабочих к необходимости создавать свои собственные профессиональные организации. Тогда были образованы союзы сельскохозяйственных рабочих, кочегаров, рабочих газового производства, спичечной промышленности, докеров, Федерация горняков и другие. В новые тред-юнионы допускались женщины. Они стали создавать также и самостоятельные профсоюзы. Одна из профсоюзных активисток, Эмма Паттерсон, утверждала, что расширению женского профсоюзного движения способствовало наступление «великой

депрессии». Движение «нового юнионизма» зародилось в 70-е годы, активно проявило себя в 1886—1887 гг., пик его пришелся на 1889—1890 гг. «Новый юнионизм» значительно расширил рамки профсоюзного движения: до его начала количество членов тред-юнионов составляло около 900 тыс., в конце века оно достигло почти 2 млн рабочих. «Новый юнионизм» открыл массовый этап профсоюзного движения. Новым тред-юнионам были свойственны открытость, доступность, демократизм.

Характеризуя социальную ситуацию своего времени, Дж. Чемберлен с полным пониманием писал: «Взаимоотношения капитала и труда повсюду напряжены до предела». Вопреки установкам тред-юнионистских лидеров рабочее движение развивалось и в экономическом, и в политическом направлениях, часто соединявшихся и выражавшихся в разнообразных формах.

Массовое движение безработных, их митинги, манифестации, неорганизованные выступления с требованиями хлеба и работы часто заканчивались столкновениями с полицией. Особенно интенсивны они были в 1886—1887 гг. и в 1892—1893 гг. 8 февраля 1886 г. выступление отчаявшихся безработных в Лондоне было жестоко подавлено («черный понедельник»). 13 ноября 1887 г. вошло в историю рабочего движения Англии как «кровавое воскресенье»: в этот день полиция с применением силы разогнала митинг, имелись раненые. В 90-е годы безработные выступали под открыто политическими и даже революционными лозунгами: «Трижды ура в честь социальной революции!», «Социализм — угроза для богатых и надежда для бедных!»

Забастовки рабочих стали тогда постоянным фактором английской жизни. Многочисленными упорными стачками, особенно организуемыми новыми тред-юнионами, отмечен 1889 год: стачки рабочих спичечного производства, рабочих газовых предприятий, мощная так называемая «великая стачка» докеров в Лондоне. В 90-е годы стачечная волна оставалась высокой. В стачки включались иногда десятки, сотни тысяч участников. Так, в стачке горняков 1893 г. участвовали почти 300 тыс. рабочих. Борьба нередко продолжалась длительное время — порой до нескольких месяцев. Стачечное движение разрасталось вширь, вовлекая новые отряды рабочих. В первой половине 70-х годов произошел так называемый «бунт полей» — массовое выступление сельского пролетариата. Стало нормой участие в забастовочном движении женщин. В истории стачек того времени знаменателен такой факт: впервые правительство открыто вмешалось в трудовой конфликт в ходе длительной стачки горняков в 1893 г., выступив посредником между предпринимателями и рабочими. Газета «Таймс» в духе фритреда назвала акцию властей «сомнительным шагом».

Содержательную страницу вписали британские рабочие в историю борьбы за фабричное законодательство. В 70-е годы развернулось движение рабочих за 9-часовую, в 80—90-е годы — за 8-часовую рабочий день. Борьба велась также за сокращение времени труда для женщин и детей, которые составляли 37% всего рабочего класса и эксплуатировались особенно интенсивно (рабочий день 59 часов в неделю, наем детей даже младше 13 лет, самые низкие заработки). В 1875 г. рабочие добились частичной победы: вступил в силу «Акт о фабриках», устанавливавший рабочую неделю в 56,5 часов для всех рабочих (вместо 54 часов, как требовали рабочие). В 1894 г. была введена 48-часовая трудовая неделя для докеров и рабочих военных заводов. В 1872 г. в результате массовой активности рабочих были приняты законы («О регулировании угольных шахт», «О регулировании рудников»), которые впервые в истории добывающей промышленности страны в определенной степени ограничили эксплуатацию горняков. Законы 1875, 1880, 1893 гг. установили ответственность предпринимателя за производственный травматизм. В 1887 г. была законодательно запрещена выдача заработной платы товарами.

Успехи рабочих в расширении фабричного законодательства можно в полной мере оценить, если иметь в виду, что власти в основном стойко придерживались фритредерского принципа невмешательства государства в сферу регулирования трудовых отношений, ненарушения «свободы контракта». Да и в любом случае законодатели стояли на страже интересов предпринимателей. Лорд Солсбери заявлял, что «опасно подвергать хозяев промышленных предприятий дальнейшим законодательным стеснениям». Тем не менее правительству приходилось идти на уступки рабочим, хотя, правда, лишь в ограниченных рамках.

Еще одной формой активности рабочих было движение за легализацию тред-юнионов. Оно развивалось в 1872—1875 гг., преследовало цель законодательного предоставления профсоюзам статуса юридического лица и явилось ответом пролетариата на принятый в 1871 г. «Акт о поправке к уголовным законам», лишивший тред-юнионы права использовать такие действенные методы борьбы, как стачки, пикетирование и сопротивление штрейкбрехерам. Широкомасштабные кампании пролетариата привели к отмене правительством консерваторов в 1875 г. ненавистного рабочим закона. Депутаты парламента считали, что это поможет «не допустить революции, как во Франции» (имелась в виду Парижская Коммуна).

Стремление пролетариата добиваться политических целей нашло свое проявление в борьбе за избрание в парламент рабочих депутатов. Начавшись после принятия избирательной реформы 1867 г., она привела к созданию Лиги рабочего представительства

и Парламентского комитета (1869) в качестве исполнительного органа БКТ. Борьба нарастала в 70-е годы, и на выборах 1874 г. были избраны два депутата от рабочих. Однако рабочие парламентарии не стали проводниками политики в интересах своей «собственной рабочей партии», а фактически заняли позицию левого крыла либеральной фракции. На выборах 1892 г. в парламент прошли трое рабочих. Они впервые объявили себя независимыми депутатами, но лишь один из них — Дж. Кейр Гарди, остался верен интересам своего класса, не превратившись в «рабочего либерала».

В последнее десятилетие стали обычными иного плана политические выступления британских рабочих. Они шли решительно вразрез с принципом ортодоксального тред-юнионизма «избегать политики».

По призыву Парижского конгресса II Интернационала 4 мая 1890 г. в Лондоне впервые в Англии состоялась 200-тысячная политическая демонстрация рабочих. С того времени установилась традиция английских рабочих отмечать день солидарности трудящихся первомайской демонстрацией.

Распространение социалистических идей. Несмотря на господство тред-юнионизма в английском рабочем движении, I Интернационал (МТР) (см. гл. 9) оставил в нем глубокий след. Члены Интернационала были воодушевлены борьбой за «независимую партию, как в славные дни великого чартистского движения». В июне 1873 г. в Манчестере состоялся последний съезд Британской федерации МТР. Он принял резолюции социалистической ориентации: о национализации земли и средств производства, о необходимости самостоятельной партии рабочего класса, о символе движения — красном флаге. Однако с самороспуском I Интернационала (1876) Британская федерация прекратила свою деятельность.

Социальная напряженность в депрессивные десятилетия, особенно осязаемая с 80-х годов, властно заявивший о себе «рабочий вопрос» и подъем пролетарской активности побудили часть интеллигенции и рабочего класса искать ответы на острые проблемы современности в социалистических идеях. С 80-х годов начинается период, получивший в истории английского рабочего движения название «социалистическое возрождение».

В 1884 г. была основана Социал-демократическая федерация (СДФ). Она объединила идейно разноликие группы социалистов, марксистов, близких к марксизму интеллигентов и рабочих, анархистов. Возглавил СДФ адвокат и журналист Генри Гайндман, великолепный оратор, человек волевой и энергичный. Он происходил из буржуазной семьи консервативной традиции, был знаком с марксистской литературой, лично общался с К. Марксом и

считал себя марксистом. Перед СДФ Гайндман ставил задачу пропаганды марксистской теории, догматически понятой им как «символ веры». Критикуя «всю систему насмного рабства», он рассчитывал на революционный метод ее коренной реорганизации, полагал главной задачей СДФ «работу во имя революции». Вместе с тем он решительно выступал против работы в тред-юнионах, объявлял их буржуазными организациями, отвлекающими от дела революции. СДФ не поддерживала стачечную борьбу, считая ее «распылением сил революции». Она осталась малочисленной организацией (в 1894 г. — всего 5 тыс. членов). Пропаганда революции велась на страницах газеты «Джастис» («Справедливость»), которая издавалась на личные средства Гайндмана.

Стремясь приобщиться к пролетарской борьбе, СДФ приняла участие в движении безработных. Усилия СДФ включиться в парламентскую деятельность окончились безуспешно. Для ведения избирательной кампании Гайндман обратился за финансами к консерваторам. «Торийское золото» легло клеймом на репутацию социал-демократов. Некоторые члены СДФ (рабочие Том Манн, Гарри Квелч) не были согласны с позицией Гайндмана в отношении тред-юнионов; группа других социал-демократов осуждала «деспотическое поведение» Гайндмана, не разделяла его политику в целом и уже в декабре 1884 г. выделилась из СДФ, образовав Социалистическую лигу.

Активистами Социалистической лиги были Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, Э. Бакс, У. Моррис. Последний основал печатный орган Лиги — газету «Коммонуил» («Общее благо»). Поэт и художник, социалист скорее эмоционального настроения, автор утопического романа «Вести ниоткуда» о социалистическом будущем Англии, поэмы «Пилигримы надежды», прославлявшей дело Парижской Коммуны, Уильям Моррис одним из первых соединил традицию английской культуры с социализмом.

Социалистическая лига, как писал Моррис, содействовала «воспитанию в направлении к социализму», придерживалась интернационализма, заботилась о связях с социалистами других стран, осуждала колониальную экспансию Англии. Лига считала необходимым «принимать участие во всех действительно народных движениях», однако на практике скатывалась к сектантству, занималась пропагандой «чистого и честного социализма», оторванного от нужд реального рабочего движения. Многие члены Лиги отвергали также парламентскую деятельность, заняв, по сути, анархистскую позицию. Группа названных выше активистов, не согласная с подобной тактикой, покинула Лигу. В конце концов в организации взяли верх анархисты.

В истории социалистического движения в Англии наиболее влиятельным стало Фабианское общество — иной направленнос-

ти, чем СДФ. Оно образовалось в 1884 г. Его основателями были молодые интеллигенты, выходцы из мелкобуржуазной среды. Они рассматривали членство в Фабианском обществе как «редкую привилегию для незаурядных личностей». В их числе был Бернард Шоу, представитель критического реализма в английской литературе, создатель социальной, интеллектуальной, сатирической драматургии, талант которого направлялся против буржуазной морали и всех основ респектабельной Англии. В Фабианском обществе состояли супруги Сидней и Беатриса Веббы — видные историки английского рабочего движения, теоретики тред-юнионизма.

Фабианцы провозгласили своей целью преобразование всего строя «для обеспечения всеобщего счастья и благосостояния». Общество занималось преимущественно идеологическими работами собственной доктрины социализма — «эволюционной и неревolutionной». Общество получило свое название в честь римского полководца Фабия Максима, прославившегося медлительной и осторожной тактикой военных действий. Фабианцы признавали реформистский, конституционный, постепенный переход к социализму. В начальный период идейного становления общества (до 90-х годов) его члены в поиске собственной теории придерживались самых разнообразных взглядов, испытывая на себе влияние и марксизма, правда, воспринятого ими примитивно и схематично. Впоследствии они стали убежденными противниками марксизма (хотя Б. Шоу и Веббы позитивно восприняли Октябрьскую революцию в России, с большой симпатией относились к Советской республике).

Фабианцы исходили из признания того, что в Англии исподволь совершается переход к социализму. В частности, они видели его зачатки в появившихся монополиях: «Все, что организовано как трест... созрело для перехода в руки общества в целом». Фабианцы полагали, что в социализме заинтересован весь «социальный организм», поэтому необходим «тесный социальный союз», а не борьба классов, не рабочее движение. Общество, как образно писал Б. Шоу, «повернулось спиной к баррикадам». Главная роль отводилась фабианцами государству, рассматриваемому ими как надклассовый орган, способный регулировать общественные отношения. В своей теории государственного социализма фабианцы признавали обязательным использование в процессе генезиса и функционирования социализма всех имеющихся в стране институтов и в первую очередь издавна развитых здесь муниципалитетов, под властью которых должны быть сосредоточены средства производства, вся экономическая жизнь на местах.

В конкретной деятельности фабианцы придерживались тактики «пропитывания». Она сводилась не просто к пропаганде фаби-

анского социализма, но преследовала цель побудить правящие классы и партии законодательно проводить реформы, которые являлись, по мнению фабианцев, элементами вращивания капитализма в социализм. С целью «пропитывания» фабианцы входили в политические клубы, общества, в первую очередь либеральные и радикальные. В целом фабианская программа реформ сближалась с программой радикалов и не выходила за рамки приспособления буржуазного строя к новым условиям конца XIX в. Фабианская теория оказалась наиболее живучей в последующей истории рабочего и социалистического движения Англии, поскольку адекватно соответствовала глубоко вошедшему в идеологию и практику британского пролетариата реформизму.

СДФ, Социалистическая лига и Фабианское общество были далеки от рабочего движения. Рабочие начинали распознавать также декларативный, демагогический характер «Радикальной программы» и «народного торизма». Не оправдала их надежды и так называемая «Ньюкаслская программа» 1891 г., торжественно провозглашенная либералами. Либеральные публицисты окрестили ее «программой реальных социалистических мер». В действительности же она претендовала лишь на то, чтобы «выразить сочувствие рабочим». Разуверились рабочие и в деятельности «либеральных друзей», а также «рабочих либералов» в парламенте.

На гребне широкого движения рабочих в конце века возникла пролетарская партия социалистического типа. Неординарность этого события заключалась в том, что ее создателями явились сами рабочие, а лидером — шахтер, депутат парламента Дж. Кейр Гарди. Энергичный и способный человек, занимавшийся и журналистикой, Джеймс Кейр Гарди рано стал одним из профсоюзных лидеров, участвовал в стачечной борьбе, создал в 1889 г. Шотландскую рабочую партию. В парламенте он прославился смелой критикой существующих порядков, бескомпромиссной защитой пролетариата и в первую очередь безработных. Он был знаком и переписывался с Ф. Энгельсом, Э. Маркс-Эвелинг, однако не воспринял марксистской концепции социализма. Для него социализм являлся «великой религиозной истиной», которая должна привести к освобождению рабочих от нищеты, а буржуазии от богатства. Всецело отдавшись практической деятельности, Кейр Гарди не придавал значения теории и считал идейные принципы «пусканием словесных мыльных пузырей».

Под руководством Кейр Гарди в 1893 г. на учредительной конференции в Бредфорде была образована Независимая рабочая партия (НРП). Принятая на конференции программа партии включала в качестве конечной цели социалистический принцип коллективной собственности на основе обобществления всех средств производства. Первоочередной политической задачей в

ней выдвигалась глубокая демократизация государственной системы вплоть до ликвидации палаты лордов и монархии. Партия, созданная рабочими и для рабочих, добилась определенных успехов: в промышленно развитых районах было основано до 400 ее отделений и в 1895 г. ее численность достигла 35 тыс. членов.

«Независимцы» придавали серьезное значение работе в профсоюзах, кооперативах — всюду, где были рабочие. Партия шла рука об руку с рабочими в стачечной борьбе. Много внимания она уделяла положению и выступлениям безработных. Однако теоретический нигилизм партии в скором времени привел к такой ситуации, когда, по словам одного из ее руководителей, «предприниматели готовы подписаться под ее программой». Ограничиваясь борьбой за ближайшие экономические интересы рабочих, партия переходила с неизбежностью на позиции тред-юнионизма. Приближение шаг за шагом к социализму в утопическом облике, как его рисовал Кейр Гарди, практически приводило «независимцев» к восприятию фабианского социализма.

Наука и культура. Активные и успешные изыскания английских ученых в последней трети XIX в. принесли славу мировой науке. Впечатляющих результатов достигли естествоиспытатели. Выдающийся английский физик Джеймс Максвелл (1831—1879), создатель классической электродинамики, стал организатором в 1871 г. и первым директором знаменитой Кэвендишской лаборатории в Кембриджском университете. Именно здесь в 1897 г. был впервые открыт электрон и начались работы по искусственному расщеплению атомного ядра.

Большие успехи в физике и химии обеспечила продолжавшаяся деятельность Джеймса Джоуля (1818—1889), который экспериментально обосновал закон сохранения энергии, разрабатывал теорию газов. После плодотворного исследования английским астрономом Джозефом Локьером (1836—1920) спектра Солнца и получения нового элемента гелия его современник, талантливый физик и химик Уильям Рэмсей (1852—1916) в 1895 г. опытным путем получил гелий, а затем открыл много других химических элементов. Он, как и великий ученый, прославившийся в изучении радиоактивности, Эрнест Резерфорд (1871—1937), был удостоен Нобелевской премии. В 70-е годы XIX в. продолжал исследования Чарлз Лайелл (1797—1875), которого по праву считают одним из основателей современной геологии. Лайелл был сподвижником Дарвина и защитником дарвиновского учения.

Чарлз Дарвин (1809—1882), стихийный материалист и диалектик, доказавший эволюционное развитие органического мира в своем основном труде «Происхождение видов» (1859), в дальнейших научных исследованиях животного и растительного мира подтвердил правоту своего учения. В 1871 г. Дарвин выпустил в

свет новый труд — «Происхождение человека», изложив в нем гипотезу о происхождении человека от обезьяноподобного предка. Учение Дарвина произвело революцию в естествознании, оно показало взаимодействие в эволюции живой природы трех факторов — изменчивости, наследственности, естественного отбора.

В художественной культуре Англии последней трети XIX в. происходили важные, во многом новые процессы. Английская литература традиционно занимала видное место в мировом литературном процессе. В продолжавшемся развитии реалистической романистики появились новые эстетические принципы. Наиболее общие их черты — интеллектуальное осмысление действительности и психологизм, которые явственно выражены в произведениях двух английских писателей-романистов. Джордж Мередит (1828—1909) в своем лучшем романе «Эгоист» (1879) обнаружил талант психологического анализа и приверженность традиции английской сатиры в изображении социальной психологии привилегированной среды — нравов аристократа-баронета. Интеллектуальная проза писателя превосходно передала самые тонкие оттенки мыслей и чувств автора и персонажей.

Выдающийся сатирик конца XIX в. Сэмюэл Батлер (1835—1902), продолжив традиции Свифта, соединил сатиру и психологический анализ. В двух утопических романах — «Едгин» и «Снова в Едгин» (анаграмма слова «нигде»), созданных в 1872 и 1901 гг., — Батлер в блистательной фантастической форме описал страну, где все противоречит здравому смыслу: лицемерная мораль, ханжество церковников, нравы общества. Этому же был посвящен лучший роман Батлера «Путь всякой плоти» (опубликован посмертно в 1903 г.), представлявший собой суровое обличение современных нравов, остроумную пародию на церковную и судебную практику Англии.

Крупнейшим писателем, творчество которого как бы подвело итог серьезной и глубокой социальной английской романистики всего XIX в., был Томас Гарди (1840—1928). За ним закрепилось наименование «скорбного и мужественного художника», а его самыми главными и подкупающими чертами были честность, правдивость. Показ остротрагических конфликтов, глубина социального содержания, огромная художественная сила — все это составляет сущность большого таланта писателя. Гарди отдавал предпочтение сельской и провинциальной Англии, противопоставлял старину бурной жизни современных городов. Главные герои романов Гарди («Жизнь и смерть мэра Кестербриджа», «Тэсс из рода Д'Эрбервилей», «Джуд Незаметный») — честные, умные, одаренные люди, не нашедшие своего достойного места в среде беспринципных, порой коварных ловкачей. Устами своего героя Джуда писатель произнес своего рода обвинительное

заключение: «Я чувствую, есть какая-то ошибка в наших социальных формулах».

Особое место в английской литературе конца века занимает сложный и противоречивый Оскар Уайльд (1854—1900). Его творчество, тесно связанное с декадентскими принципами, специалисты относят к литературному течению, называемому эстетизмом, делая при этом, однако, много оговорок, обусловленных далеко не однозначной позицией писателя. В первый и самый плодотворный период своего творчества (1881—1895) Уайльд решительно отходит от традиционного в английской литературе реализма («искусство выше жизни»), но в то же время высоко ценит произведения писателей-реалистов (в том числе русских, особенно Достоевского).

Кредо художника — культ красоты, поклонение эстетским символам всры, гедонизм, неприятие этических норм, благоговение перед формой — «единственным высшим законом искусства». Оно было изложено Уайльдом в диалоге «Упадок лжи» (1889) и в статьях сборника «Намерения» (1891). Однако тогда же он пишет свои знаменитые гуманистические сказки («Счастливый принц», «Преданный друг» и др.), полные сострадания к бедным людям, сочувствия деятельному добру, т.е. вводит нравственные нормы и изменяет чистому эстетизму. Та же противоречивость налицо в главном произведении Уайльда — романе «Портрет Дориана Грея» (1891): красота превьше морали, «искусство для искусства», воспевание наслаждения, с одной стороны, а с другой — порицание эстетской бездуховности, индивидуализма. Парадоксальны и комедии Уайльда («Идеальный муж», «Как важно быть серьезным» и др.): остроумие, изящество, развлекательность сочетаются с серьезной сатирой на нравы, мораль верхов, политическую ситуацию в странс. Уайльду тесно в рамках декадентской эстетики.

Второй, недолгий, период творчества писателя связан с духовным кризисом, наступившим после того, как в 1895 г. он подвергся судебному преследованию и тюремному заключению (по обвинению в аморальности). Основные, полные пессимизма произведения этого времени — исповедь «Из бездны», «Баллада Редингской тюрьмы» — отражали тюремные впечатления автора и посвящены темам страданий людей, несчастливой любви, протеста против жестокостей властей.

Талант Уайльда как блестящего стилиста отмечен чертами импрессионизма, изысканности, изящества, меткости афоризмов, парадоксов, иронии.

В культуре Англии последней трети XIX в., как всегда в истории страны, большую роль играл театр. Театральная жизнь развивалась бурно и ознаменовалась рождением качественно но-

вого театрального искусства. В среде мастеров театра в условиях сложной эпохи, особенно в самом конце века, шел процесс идейного и эстетического размежевания.

По-прежнему господствующие позиции в театре занимал реализм, выступавший в двух ипостасях. Многие театральные деятели сохраняли верность реализму классической традиции Шекспира. Это направление реализма было представлено двумя выдающимися актерами. Генри Ирвинг (1838—1905) — не только актер, но и режиссер, руководивший театром «Лицеум», театральным центром Лондона, — обладал гипнотической властью над зрителями, сыграв многочисленных, в основном романтических героев во всех пьесах Шекспира. Как режиссер Ирвинг придерживался принципов так называемого «археологического натурализма»: предпочитал строго следовать достоверности; он ценил также эффектность, пышность сценического решения действия. Ирвингом завершались театральные и прежде всего актерские традиции Англии предыдущих веков. Неизменной партнершей Ирвинга была великая английская актриса Эллен Терри (1848—1928), блестяще сыгравшая почти все трагические и комические роли в пьесах Шекспира.

Другое направление в реалистическом театре было связано с освоением новой проблематики и новых художественных форм. Появляется так называемая «новая драма» — общественно значимая, критическая, нравственно-проблемная, психологическая, активно откликающаяся на современность. Непростой путь «новой драмы» на сцену (многие деятели театра относились к ней с недоверием) сопровождался возникновением «свободных театров». В 1891 г. был основан «Независимый театр», в 1899 г. — «Сценическое общество». Они пропагандировали на сценах передовую реалистическую драматургию Ибсена, Чехова, Гауптмана, ставили своей задачей обновление режиссуры, художественных методов.

В противовес реалистическому искусству в театре выступал символизм. Его ярким представителем был Гордон Крэг (1872—1966), сын Э. Терри. Талантливый театральный деятель — теоретик театра, режиссер, сценограф, художник, Крэг принял эстетическую программу культа красоты, возвеличения особого мира искусства, стоящего выше жизни, вне действительности. Красоту Крэг понимал как обобщенную цельность, как некое единство, где нет места деталям, подробностям. Крэг так же, как реалисты, обращался к драматургии Шекспира, привлекавшего его масштабностью, величием, цельностью. Театр Крэга воплотил идею «ширма» — геометрических архитектурных передвижных построений, менявших картину сцены и действия. Для этого использовались устремленные вверх прямоугольники, система

кубов, коридоры. Целью сценического мастерства Крэг считал достижение слитного единства декораций, цвета, музыки, света.

Музыкальная жизнь в Англии последней трети века протекала весьма интенсивно. Регулярно устраивались Генделевские фестивали, действовали Филармоническое общество, Народное концертное общество, процветали любительские хоры в церквях, клубах, на открытых эстрадах, студенческие хоровые коллективы. Королевская академия музыки, как учебное заведение, заботилась о воспитании молодого поколения музыкантов. Лондон стал тогда центром европейской музыкальной деятельности, куда приезжали на гастроли композиторы и музыканты из всех стран, в том числе из России.

В конце века возникло общественное движение за утверждение национальной музыкальной культуры в противовес преобладанию немецких и итальянских композиторов и музыкантов (что было в Англии характерно для предыдущих почти трех веков). В историографии это движение получило название «английского музыкального возрождения». Заинителем его был Хьюберт Перри (1848—1918). С его именем связан поворотный пункт в истории английской музыки. Композитор написал музыку к драме выдающегося английского поэта-романтика Шелли «Освобожденный Прометей», которую в 1880 г. исполнили хор, солисты и оркестр. Исполнение воспринималось современниками как возрождение английской национальной хоровой традиции XVI—XVII вв. Сподвижниками Перри были Чарлз Стенфорд (1852—1924), сочинявший музыку для хора на стихи английских поэтов, Эдуард Элгар (1857—1934), использовавший в своем творчестве народные мотивы, писавший оратории, симфонические произведения на сюжеты Шекспира. Эти композиторы преодолели укоренившееся недоверие англичан к отечественной музыке и положили начало новой национальной музыкальной школы.

В последней трети XIX в. повышению культуры и образовательного уровня населения способствовали упомянутые выше законы 1870, 1876, 1880, 1891 гг., благодаря которым в стране происходило становление государственной системы школьного образования. Высшая школа также находилась на подъеме. Кроме знаменитых старинных университетов, во многих городах были основаны университеты, по облику их зданий получившие название «красно-кирпичных»: Викторианский университет в Манчестере, университеты в Ноттингеме, Ливерпуле, Лидсе и т.д. В стране множились всевозможные научно-исследовательские центры и библиотеки. Так, в 1895 г. была основана известная с той поры знаменитая Лондонская школа экономики и политических наук.

Глава 4

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ в последней четверти XIX в.

Последние десятилетия XIX в. — время разительных перемен в жизни Америки. На протяжении одного поколения на смену преимущественно сельской республике Линкольна пришла индустриальная, урбанистическая Америка, возникли крупные монополистические объединения, которые уже к концу века поставили под свой контроль всю экономическую жизнь общества. Исчезли «подвижные границы» белых поселений, завершалось освоение Запада страны. Миллионы иммигрантов пересекли Атлантический океан и обосновались в США. Новые социальные конфликты набирали силу. Впервые возникли рабочие организации национального масштаба, мощные фермерские движения потрясли страну.

Промышленное развитие. Последняя треть XIX в. — период индустриализации и перехода к крупному массовому производству. Основой роста явилось развитие тяжелой промышленности. С 1870 по 1900 г. выплавка чугуна увеличилась в 8 раз, достигнув 15,4 млн т. Применение бессемеровского способа сталеварения (расплавленная железная руда превращалась в сталь путем пропускания через нее холодного воздуха) позволила увеличить ее выплавку в 150 раз, она превысила 10 млн т. В металлургической промышленности на первое место выдвинулся район Великих озер с богатыми, расположенными на поверхности залежами железной руды. Развитие металлургии в громадной степени повысило потребность в каменном угле. Разработка каменноугольных пластов производилась главным образом вдоль цепи Аппалачских гор. Применение механизации позволило значительно увеличить добычу угля; она поднялась к 1900 г. до 270 млн т., увеличившись за три десятилетия в 8 раз.

Развитие металлургической промышленности создало прочную базу для роста других отраслей американской экономики. Особое значение имело завершение к концу 70-х — началу 80-х годов создания в США заводского машиностроения как самостоятельной отрасли производства, которая вносила качественные изменения в производственные процессы во всех отраслях промышленности. Помимо производства оборудования для текстиль-

ной промышленности, паровых двигателей, возникло паровозо- и вагоностроение, гигантски выросло сельскохозяйственное машиностроение. К началу XX в. США экспортировали сельскохозяйственной техники больше, чем все остальные страны мира вместе взятые.

При всех успехах тяжелой индустрии важную роль продолжала играть пищевая промышленность, опережавшая другие отрасли по стоимости произведенной продукции. С развитием методов консервации и созданием морозильных установок поднялось на промышленный уровень производство мясных продуктов. Быстро увеличивалась выработка электроэнергии, производство химической продукции, добыча и переработка нефти.

Одним из важнейших стимулов экономического развития США явилось железнодорожное строительство. В конце XIX в. капиталы, вложенные в эту отрасль, составляли половину всех промышленных капиталовложений. Для его поощрения правительство предоставляло частным компаниям огромные денежные средства и обширные земельные владения из государственного фонда. Всего железнодорожные компании получили свыше 700 млн дол. субсидий и 215 млн акров земельных владений, т.е. площадь, равную территории Франции. К 90-м годам действовали уже четыре железнодорожных линии, связавшие центральные штаты с Тихим океаном; пятая соединила Атлантический с Тихим океаном по другую сторону канадской границы. Протяженность железных дорог США достигла 190 тыс. миль, что превышало длину железнодорожной сети всех стран Европы. До Гражданской войны чугунные и железные рельсы ввозились в США из Англии, к концу XIX в. они были заменены на стальные, были, кроме того, внедрены тормоза Вестингауза. В результате скорость движения возросла с 25 до 65 миль в час. Железные дороги соединили стальными обручами всю страну, способствовали заселению новых земель, расширили внутренний рынок.

Индустриализация привела к росту миграции населения. Города стали нервными центрами нового промышленного организма, притягивавшими к себе сельское население. В них сосредоточились капиталы, деловые и финансовые учреждения, железнодорожные узлы, большие массы рабочих и служащих. Население городов удваивалось каждые 20 лет. В 1860 г. в США не было городов с миллионным населением. В 1890 г. численность населения Нью-Йорка, Чикаго и Филадельфии превысила 1 млн человек. К концу XIX в. каждый третий американец жил в городе.

Бурное промышленное развитие и становление развитого индустриального общества в США в конце XIX в. было обусловлено рядом причин. Наиболее важное значение имели результаты

Гражданской войны 1861—1865 гг., которая смела рабство и обеспечила торжество буржуазных общественных отношений по всей стране. Принятие в 1862 г. закона о гомстедах знаменовало окончательную победу фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве на большей части территории страны и создало огромный внутренний рынок. Росту промышленности способствовало наличие больших естественных ресурсов, прежде всего угля, железа, леса, нефти, меди. Индустриализация США происходила на базе внедрения передовой американской и европейской техники. Еще до Гражданской войны С. Морзе изобрел телеграф, но только в конце XIX в. он нашел широкое применение. В 1876 г. А.Г. Белл продемонстрировал телефонный аппарат, а через несколько лет телефоны стали атрибутом многих контор. Росту деловой активности способствовали также изобретение пишущей машинки, арифмометра и кассового аппарата; линотип и ротационная машина произвели переворот в книгопечатании и газетном деле. В сфере использования электричества особенно велики были заслуги Т.А. Эдисона: лампы накаливания осветили тысячи домов, был пущен трамвай; изобретатель также усовершенствовал «говорящую машину» — фонограф и внес вклад в создание кинематографа. Все это не только имело большое значение для развития промышленности и транспорта, но и преобразило быт людей, разрушая изолированность и порождая новые интересы, потребности, хотя нередко и стандартизировало их мышление.

Важным фактором индустриализации явилась иммиграция. С 1870 по 1900 г. население США выросло с 40 млн до 76 млн человек. Но это был не только естественный прирост, за этот период в страну прибыли 12 млн иммигрантов. Они бежали от религиозных преследований, растущего милитаризма, надеялись избавиться от гнетущей бедности. С конца 80-х годов поток переселенцев из Англии, скандинавских стран сменился массовой иммиграцией из Италии, Австро-Венгрии и Польши. Иммигранты проделали тяжелую и изнурительную работу по разработке природных богатств страны, поднятию целины, прокладке трансконтинентальных железных дорог. Они обогатили культурное наследие США, добавив ему многие краски.

Быстрое промышленное развитие привело к тому, что в середине 90-х годов XIX в. США обогнали передовые страны не только по темпам экономического роста, но и по объему промышленного производства, национальному богатству и национальному доходу. К началу XX в. США принадлежало около трети мирового промышленного производства.

Развитие американской экономики сопровождалось интенсивным процессом концентрации и централизации производства и

капитала. Еще в 70-х годах появились пулы — временные соглашения между независимыми компаниями о единых ценах, тарифах, объемах производства. Позднее набрали силу тресты, объединившие капиталы и управление теперь лишь формально независимыми компаниями целых отраслей промышленности. Первая промышленная монополия — нефтяной трест Рокфеллера «Стандард ойл» — была организована в 1882 г. Сговор с железнодорожными компаниями обеспечил тресту льготные тарифы при перевозке нефти, сходные сделки были заключены и с владельцами нефтепроводов. Демпинг (продажа по бросовым ценам), подкуп законодателей, поджоги нефтесохранилищ соперников — все средства были хороши, как показал Г.Д. Ллойд в книге «Богатство против общества», вышедшей в 1894 г. В 80-е годы под контролем «Стандард ойл» находилось 90% всех нефтеочистительных предприятий страны. За созданием «Стандард ойл» последовало образование других монополий: в 1884 г. было монополизировано производство хлопкового масла, в 1885 г. — льняного масла, виски, свинца, в 1887 г. был создан сахарный трест, в 1889 г. — спичечный, в 1890 г. — табачный, к концу XIX в. выросла гигантская стальная корпорация во главе с Э. Карнеги.

Трестирование, поставившее промышленность под централизованный контроль, позволило снизить затраты на управление и производство, в какой-то степени умерить ожесточенную конкуренцию, сделало возможным переход к массовому производству. Но американскому обществу пришлось за это дорого заплатить. В руках немногих крупнейших корпораций была сконцентрирована колоссальная экономическая власть. Монополии начали оказывать все большее влияние на штатные и федеральные органы власти, на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Освоение Запада. Развитие сельского хозяйства. В последние десятилетия XIX в. США превращались в страну крупного массового производства и гигантских корпораций. Но и фермерская Америка оставалась пока сильной и экономически, и социально. В этом была важная особенность развития США. «Раздвоенность», соседство старого и нового бросалось в глаза европейцам, посещавшим Америку. Ф. Энгельс, обдумывая причины неудач социалистического движения в США, писал: «Америка — самая молодая и в то же время самая старая страна в мире... которая, с одной стороны, занята еще первоначальной задачей, освоением огромной девственной целины, а с другой, вынуждена уже участвовать в борьбе за первое место в промышленном производстве. Отсюда — подъемы и спады движения в зависимости от того, что берет перевес в голове среднего американца — сознание промышленного рабочего или возделывающего целину крестьянина».

Аграрное развитие США после Гражданской войны было не менее динамичным, чем промышленное. Еще в 1865 г. передовая граница белых поселений проходила по рекам Миссисипи и Миссури. За этими пределами простирались бескрайние прерии, которые переходили в солончаковые пустыни, заканчивавшиеся у подножия Скалистых гор. Не считая заселенной части Калифорнии, поселений мормонов в Юте и редких сторожевых постов, этот громадный край, составлявший половину территории США, был местом проживания индейцев: на севере — степных племен сиу и арапахов, на юго-западе — апачей и навахо.

Прошло тридцать лет, и все переменялось. Закон о гомстедах открыл Запад для заселения. По-прежнему впереди шли золотоискатели, скотоводов привлекали травянистые степи между Техасом и верховьями реки Миссури. Но главную массу переселенцев составляли земледельцы. Недостаток осадков на Великих равнинах больше не пугал фермеров: имея новые орудия труда и используя различные усовершенствования (глубокие колодцы, ветряные двигатели и др.), они могли вести крупное зерновое хозяйство. На Запад устремились ветераны войны, разорившиеся фермеры восточных районов, мелкие предприниматели, находившиеся в затруднительном положении, отчасти рабочие. Множество наций и религий смешалось в этом потоке. 8 млн иммигрантов влились в новый край, его население возросло на 22 млн человек. Перепись 1890 г. зарегистрировала, что граница, отделявшая свободные земли от занятых, практически исчезла.

С освоением Запада изменилось положение проживавших там индейцев. Видя, что пришельцы захватывают их земли, они не раз поднимались на героическую, но безнадежную борьбу. (Одно из последних сражений произошло в 1877 г. в долине штата Монтана.) Индейским племенам были нанесены тяжелейшие удары. Сначала индейцы были переселены в резервации, а принятый в 1887 г. закон Дауэса ставил целью принудительное интегрирование индейцев в социально-экономическую структуру США. Глава каждой индейской семьи получал в частную собственность 64 га земли, а оставшиеся после раздела общинных земель «излишки» поступали на распродажу. Хозяйство индейцев не было готово к включению в рыночную экономику, а сами они — к конкуренции с белыми фермерами. К 1913 г. индейцы утратили около 20 млн га земель. Фактически разрушению подвергся весь уклад жизни индейцев и его племенные основы. Была утрачена самобытная колоритная культура.

Победа фермерского пути на Западе явилась важнейшей предпосылкой интенсивного развития сельского хозяйства. Общее число ферм в США за 1870—1900 гг. увеличилось с 2,7 млн до 5,8 млн. Примерно в той же пропорции возросла и площадь

занимаемых фермерами земель: в 1870 г. она составляла 408 млн акров, а к 1900 г. увеличилась до 839 млн. В течение трех последних десятилетий XIX в. валовая продукция основных сельскохозяйственных культур США (пшеницы, кукурузы) возросла более чем в два раза, поголовье скота также удвоилось. До Гражданской войны США являлись мировым поставщиком хлопка, после войны они стали одним из крупнейших экспортеров хлеба и мяса. Доля сельскохозяйственных продуктов в американском экспорте составляла в 1900 г. 60%.

Одна из причин роста аграрного производства в США — расширение территории фермерского хозяйства. Дикие и пустынные прерии Среднего Запада превратились в житницу страны. Другим фактором стала интенсификация сельского хозяйства. Применение жатки и косилки явилось крупным техническим переворотом. В последней трети XIX в. использование механизации фермерами приняло массовый характер. Появились такие виды сельскохозяйственной техники, как молотилка, комбайн, сноповязалка. Правительство оказывало помощь в развитии аграрного производства: создавались сельскохозяйственные колледжи и опытные станции. Посланный департаментом сельского хозяйства в Россию агроном Карлтон вывез оттуда засухоустойчивые сорта кубанской и харьковской озимой пшеницы. К 1914 г. они давали почти половину сбора зерновых. В США была ввезена также североафриканская кукуруза. Селскционер Л. Бербанк вывел множество новых сортов опощей и фруктов, среди них грэйпфрут — гибрид апельсина и лимона. Были найдены средства борьбы со свиной чумой и ящуром.

Особенности развития Юга. Победа фермерского пути развития на большей части территории США не стирала существенных особенностей в форме и уровне капиталистического развития экономико-географических районов. Большим своеобразием отличалось экономическое развитие Юга. Если для Севера и Запада последняя треть XIX в. — время безусловного экономического роста, то этого нельзя было сказать о хозяйстве Юга. После Гражданской войны там резко снизились экономические показатели: сократились посевные площади, темпы экономического роста значительно отставали от темпов роста по стране. Правда, шло развитие металлургии, табачной и текстильной отраслей, однако это не меняло преимущественно сельскохозяйственного характера Юга. На Юге был лишь один город со стотысячным населением — Новый Орлеан. Хотя значительное число плантаций было раздроблено и распродано, сохранилось и крупное землевладение. В свою очередь, бывшие рабы-негры потерпели поражение в борьбе за землю в период Реконструкции, их лозунг «сорок акров и мул» остался неосуществленным. Отсутствие

земли и орудий труда у подавляющего большинства негров привело к формированию на Юге особой формы аренды — кропперства. Кропперами назывались арендаторы-издольщики, черные и белые бедняки, уплачивавшие бывшим рабовладельцам — собственникам латифундий за аренду земли, инвентаря и семян половину и более собранного урожая. Сельское хозяйство на Юге развивалось по капиталистическому пути, но это было медленное, мучительное развитие.

После завершившего Реконструкцию компромиссного соглашения республиканской и демократической партий (1877 г.) на Юге установился своего рода режим политической реставрации, а федеральное правительство закрыло глаза на поднявший там голову расизм. В 1881 г. в штате Теннесси был принят закон о раздельном проезде белых и черных на железнодорожном транспорте, положивший начало легализованной системе расовой сегрегации. В южных штатах стали приниматься законы о раздельном обслуживании негров и белых в ресторанах, гостиницах, больницах и других социально-культурных центрах.

В 1890—1900-е годы в южных штатах были повсеместно изменены избирательные законы с целью лишить права голоса негритянское население. Конституции штатов вводили ценз грамотности и своеобразный имущественный ценз в виде избирательного налога. В результате большинство черных американцев потеряли политические права, завоеванные ими в период Реконструкции.

Новые черты двухпартийной системы. От Гранта к Кливленду. Изменения, происшедшие в развитии американского общества, сказались на политической жизни страны. В прошлом остались противоречия между сторонниками аграрного и промышленного путей развития, сторонниками и противниками рабства. Вместе с ними ушли в прошлое прежние политические битвы республиканской и демократической партий, составлявшие стержень политической истории США в 50—70-е годы XIX в.

Содержание политической истории последней четверти XIX в. определялось прежде всего интересами крупного бизнеса, подчинившего своему влиянию обе главные партии. Стирание принципиальных различий между республиканской и демократической партиями, отсутствие в их предвыборных платформах реформаторских идей привели к утверждению самого консервативного в истории США варианта двухпартийной системы. Республиканская партия имела традиционно прочные позиции в самом развитом промышленном регионе — Новой Англии, отчасти в штатах старого Запада. Здесь за нее голосовали значительная часть рабочих и городская мелкая буржуазия. Республиканцы также опирались на голоса значительной части американцев протестантского

вероисповедания. Демократическая партия была в большей степени сориентирована на аграрные круги Юга, Юго-Запада и Дальнего Запада. В городах Востока ее массовую базу составляли рабочие-иммигранты, принадлежавшие к католической конфессии.

Бедующие политические партии осуществляли весьма прочный контроль над электоратом (на выборы приходило до 80% избирателей). В обиход тех лет прочно вошли термины, обозначающие новые явления в двухпартийной системе. К их числу относились «ринг» (хорошо организованная группа неофициальных партийных политиков), «партийная машина» — механизм, действующий с целью сохранения власти в руках той или иной партии, «боссизм» — жестко контролируемая иерархическая система, нацеленная на сохранение и расширение электоральной базы на уровне графства, штата, страны. Утверждению боссизма способствовал партийный контроль над массой иммигрантов. Но главным было складывание прочного союза между партийными машинами и крупным бизнесом.

Все эти обстоятельства в условиях лихорадочного грюндерства и напора новых богачей привели к небывалой коррупции. Она охватила все сферы общественной жизни, поразила обе главные политические партии страны. В получении взяток от одной из железнодорожных компаний были уличены будущий президент Дж. Гарфилд, вице-президенты С. Колфакс, Г. Вильсон. На выборах 1876 г. республиканцам с помощью различных махинаций удалось сохранить за собой Белый дом. Дух коррупции пронизывал гражданскую службу США, контролируемую профессиональными политиками. Сама система «добыча принадлежит победителю», согласно которой пришедшая к власти партия замещает своими сторонниками все посты в государственном аппарате, способствовала расцвету взяточничества. Широкое негодование общественности вызвала огласка чрезвычайно характерной для того времени деятельности организации демократической партии в Нью-Йорке — «Таммани Холл». Этот «ринг» проник во все учреждения муниципалитета и ограбил город почти на 100 млн дол. Таким же образом действовала организация республиканской партии «Гэз Ринг» в Филадельфии.

Политическое преобладание в последней трети XIX в. принадлежало республиканской партии, олицетворявшей могущество индустриальных магнатов и использовавшей моральный авторитет, приобретенный республиканцами при А. Линкольне в годы Гражданской войны (ее противники-демократы называли эту тактику «размахиванием окровавленной рубашкой»). В последние десятилетия XIX в. демократы лишь дважды занимали президентское кресло (Г. Кливленд в 1885—1889 и 1893—1897 гг.). Будущий

президент В. Вильсон лаконично охарактеризовал этот период в соперничестве партий: «Нет лидеров, нет принципов, нет партий». При отсутствии принципиальных разногласий обе партии делали ставки на «темных лошадей».

Независимо от того, республиканская или демократическая партия господствовала в Белом доме или в конгрессе, внутренняя политика проводилась преимущественно в интересах крупного капитала. Систематически субсидировались корпорации, крупным компаниям раздавались огромные природные богатства страны, через конгресс и законодательные собрания штатов проводились законы, выгодные для большого бизнеса (так, за покровительствовавшую ему политику налогообложения штат Нью-Джерси именовали «матерью корпораций»). Одни лишь денежные субсидии и средства от продажи земельных участков, которые бизнесмены получили от правительства, достигли 5—6 млрд дол. В 1883 г. было проведено полное освобождение промышленников от подоходных налогов.

Основными проблемами, разделявшими республиканскую и демократическую партии, были вопросы таможенных тарифов и денежного обращения. Республиканская партия, защищая интересы крупного бизнеса, выступала за протекционизм. Лозунгом «высокие тарифы — высокая заработная плата» она стремилась привлечь на свою сторону рабочих. Демократы, чью социальную базу во многом составляли аграрии, опирались на давнюю их приверженность к низким тарифам. Новый аргумент демократов, обращенный к массам, гласил, что высокие таможенные тарифы, подавляя конкуренцию иностранных товаров, способствуют образованию трестов. В целом в конце XIX в. проводилась целенаправленная протекционистская политика, способствовавшая росту американской промышленности, огражденной от иностранной конкуренции. Эта политика приносила огромные выгоды быстро формировавшемуся в стране крупному корпоративному капиталу, давая ему возможность поддерживать за прочной таможенной стеной высокий уровень внутренних цен и одновременно использовать методы демпинга с целью завоевания более прочных позиций на внешних рынках.

Важное место в избирательных кампаниях занимала тема денежного обращения. Во время Гражданской войны федеральное правительство выпустило на 450 млн дол. бумажных денег (так называемых «гринбеков»), не имевших реального обеспечения. После войны они чрезвычайно упали в цене, сохранив лишь до 40% своей номинальной стоимости. Финансово-промышленная буржуазия, заинтересованная в устойчивой валюте, добивалась постепенного перехода к золотому стандарту. Как первый шаг к этому в 1873 г. был принят закон о свободном обмене бумажных

любой иной форме, или договор с целью ограничения коммерции или торговли между штатами или с иностранными государствами объявляется незаконным». Но в трактовке судов закон претерпел поразительную метаморфозу. Судебные власти приравнивали к трестам в первую очередь организации тред-юнионов. В то же время Верховный Суд разъяснил в 1895 г. при возбуждении дела против Сахарного треста, что наказываться могут лишь попытки монополизировать сферу торговли, но не производства, а именно это было главной сферой деятельности указанного треста.

Рабочее движение. Социалисты. В ходе индустриализации конца XIX в. быстро росла численность рабочего класса. Если в 1870 г. в промышленности и на транспорте работали около 4 млн человек, то 30 лет спустя эта цифра выросла до 10 млн. Увеличился удельный вес рабочих, занятых на крупных предприятиях в производстве средств производства, в новых отраслях промышленности, в железнодорожном деле.

К категории квалифицированных принадлежала часть коренных рабочих, а также иммигранты-специалисты, имевшие навыки искусного ручного труда (механики, печатники, стеклодувы, плотники и т.д.). Появились новые категории рабочих профессий (в электротехнической, химической и других отраслях), требовавших высокой квалификации. В категорию квалифицированных входили около 12—14% всех рабочих.

Американские рабочие, в особенности квалифицированные, получали более высокую заработную плату, чем европейские. Тем не менее условия их жизни оставались тяжелыми. В конце 90-х годов две трети рабочих-мужчин зарабатывали менее 600 дол. в год, в то время как прожиточный минимум для семьи из пяти человек, например в Нью-Йорке, составлял 825 дол. Рабочий день доходил часто до 12—15 часов, 8-часовой рабочий день был введен после длительной борьбы лишь на немногочисленных государственных предприятиях. Между тем технические усовершенствования настолько увеличили интенсивность труда, что он становился изматывающим при 10—12-часовом рабочем дне. Поэтому одним из главных направлений борьбы рабочих после Гражданской войны стало требование 8-часового рабочего дня. В конце XIX в. резко возросли расходы американских рабочих на транспорт, жилье, лечение и т.д.

Это особенно тяжело отражалось на массах неквалифицированных рабочих, по преимуществу иммигрантов, уделом которых была постоянная нужда. Они обычно концентрировались в крупных промышленных центрах — Чикаго, Нью-Йорке, Сан-Франциско, где поражал контраст между нищетой иммигрантских кварталов «маленькой Италии», «маленькой Польши» и т.д. и фешенебельными районами. Наибольшие лишения выпадали на

денег на золото. Займы, предоставленные ранее крупными банками правительству, оплачивались теперь золотом. Это укрепляло их позиции и поднимало кредитоспособность американских банков за рубежом. Фермеры и мелкие предприниматели стремились погасить свои долги «дешевыми» деньгами, требовали выпуска бумажных и серебряных денег. Законы 1878 и 1890 гг. оставили еще место серебряной валюте, но в 1900 г. биметаллизм (т.е. денежная система на основе двух драгоценных металлов) был окончательно ликвидирован и введен «золотой стандарт». Золотая валюта делалась единственным стандартным мерилем стоимости.

Таким образом, внутренняя политика обеих главных партий была консервативной. Однако ширившиеся протесты против коррупции в государственных службах и против растущей силы корпораций заставляли сделать первые шаги в сторону реформ. Толчок реформе гражданской службы дала небольшая фракция независимых республиканцев, так называемые «магвампы» (индейское слово «*magwami*» означало старейшина, великий). Цвет магвампов составляла интеллигенция: известные журналисты, университетские преподаватели, писатели. Они считали, что корни многих пороков «позолоченного века», как окрестили это время, обусловлены утратой демократических идеалов прошлого и образованием партийных машин, усилиями которых происходит назначение на государственные должности выскочек из необразованной черни, готовой из корыстных побуждений на все. В 1883 г. конгресс принял закон Пендлтона, вводивший систему замещения части федеральных должностей на основе конкурсных экзаменов. Несмотря на ограниченный характер (замещалась лишь небольшая часть должностей, экзаменационные тесты для претендентов были предельно упрощены), закон имел положительное значение, поставив в известные рамки деятельность партийных машин.

К последним десятилетиям XIX в. относятся ранние попытки государственного вмешательства в деятельность крупного бизнеса. Принятый в 1887 г. федеральный закон о государственном регулировании междуштатной железнодорожной сети запрещал сговоры между компаниями об установлении монопольной цены на перевозку грузов и пассажиров и осуждал практику дискриминационных тарифов. Для наблюдения создавалась Междуштатная торговая комиссия. Закон 1887 г., несмотря на скромные возможности государственной комиссии, означал провозглашение пусть ограниченного государственного регулирования в одной из сфер экономики, которая стала к этому времени сферой своекорыстной деятельности крупных железнодорожных компаний.

В 1890 г. конгресс принял закон Шермана. Он звучал весьма радикально: «Всякое объединение в форме треста или в

долю негритянского населения и переселенцев из Азии. Тысячи завербованных китайских кули, высаженных на Тихоокеанском побережье США, погибли при строительстве трансконтинентальных железных дорог.

В конце XIX в. периодически возникали циклические промышленные кризисы: в 1873, 1883 и 1893 гг. Они являлись элементом структурной перестройки капиталистической экономики, но при отсутствии социальных амортизаторов и регулирующей роли государства вся их тяжесть обрушивалась прежде всего на рабочих.

В этот период продолжал существовать ряд факторов, тормозивших развитие рабочего движения. Среди рабочих оставались в целом общепринятыми принципы индивидуализма и конкуренции. Сказывались особенности формирования американского рабочего класса, смягчавшие остроту социальных конфликтов: наличие свободных земель, роль религиозных и межгрупповых различий, национально-языковая разобщенность, давление издавна сложившейся двухпартийной системы. Индустриализация и образование первых монополий происходили одновременно с развитием капитализма вширь. Социальная мобильность в американском обществе с развитием корпоративного капитала, конечно, сокращалась, но все же была значительно выше, чем в странах Европы. Миллионы поселенцев, осваивавшие просторы американского Запада, становились мелкими собственниками. С другой стороны, продолжающееся формирование американского рабочего класса происходило одновременно с выделением в его составе верхнего, обладающего высокой квалификацией и известными привилегиями слоя («рабочей аристократии»), главным образом из среды американцев англосаксонского происхождения. Тем не менее в последнюю четверть века рабочее движение все больше осознавало себя как особая, имеющая собственную сферу деятельности общественная сила. Происходило вовлечение новых слоев трудящихся в стачечную борьбу, создавались рабочие организации национального масштаба, пробуждался определенный интерес к социалистическим идеям.

Самым бурным столкновением между рабочими и предпринимателями после Гражданской войны была железнодорожная забастовка 1877 г. Движение началось в период затяжного экономического кризиса 70-х годов с длительной стачки на пенсильванских антрацитовых шахтах и завершилось забастовкой на железных дорогах, когда газеты писали о «призраке Парижской Коммуны». В Чикаго, Балтиморе, Питсбурге рабочие вступали в открытые бои с полицией и федеральной армией. В Сент-Луисе рабочий исполнительный комитет в течение двух недель контролировал город.

Еще более усилилось забастовочное движение в 80—90-е годы. Стачки шли под лозунгом введения 8-часового рабочего дня. Кульминацией явилась забастовка 1 мая 1886 г., в которой участвовало 350 тыс. человек. Особенно острый характер движение приняло в Чикаго. 3 мая полиция открыла стрельбу по бастующим, а на следующий день во время митинга протеста на Хеймаркет-сквер неизвестный бросил бомбу в полицейских. Власти арестовали руководителей забастовочного движения, четверо из них — Парсонс, Фишер, Энгел и Спайс — были повешены. В честь американских рабочих-борцов через три года при основании II Интернационала 1 мая было решено отмечать как день международной солидарности трудящихся.

В 90-е годы борьба рабочих достигла еще большей остроты. В 1892 г. разразилась стачка на сталелитейных заводах Карнеги в Гомстеде. Для ее подавления были посланы 8 тыс. солдат и сотни агентов — «пинкертоновцев». В 1894 г. в Пульмане (окраина Чикаго) развернулась грандиозная забастовка железнодорожников, требовавших отмены объявленного снижения заработной платы. Стачкой руководил Юджин Дебс. Кристальная честность, незаурядный ораторский и организаторский талант сделали его популярным рабочим деятелем. По призыву Союза железнодорожников стачка солидарности охватила многие штаты.

Одновременно с ростом забастовочного движения шло формирование массовых рабочих организаций. Первой из них был Орден рыцарей труда, возникший в 1869 г. как тайная организация с масонским ритуалом. Программа Ордена провозглашала борьбу «за финансовое и промышленное освобождение от тирании крупных корпораций и рабства наемного труда». Достичь поставленной цели Орден собирался с помощью производственных и потребительских кооперативов. Программа ближайших целей включала 8-часовой рабочий день, принятие законов, устанавливающих минимальный заработок, охрану труда. Орден на время сплотил квалифицированных и неквалифицированных рабочих без различия цвета кожи, вероисповедания и политических убеждений. Девиз Ордена — «Ущерб, нанесенный одному, должен тревожить всех» — воодушевлял многих. В 80-е годы, особенно с приходом к руководству Т. Паудерли, на первый план выдвигается просветительная деятельность. Кроме того, архаичная структура Ордена не была приспособлена к борьбе за насущные экономические требования — в каждой из ассамблей состояли рабочие десятков профессий. Последовал ряд поражений в забастовках. Начался массовый выход рабочих из организации, и вскоре из 700 тыс. «рыцарей труда» (в первой половине 80-х годов) остались лишь немногие.

Упадку Ордена способствовало и возникновение в 1881 г. Американской федерации труда, которая окончательно оформилась в 1886 г. На первых порах АФТ отражала боевой дух рабочих, а участие в борьбе за 8-часовой рабочий день в мае 1886 г. повысило ее престиж. Число членов АФТ выросло со 138 тыс. в 1886 г. до 868 тыс. в 1900 г. Однако постепенно АФТ превратилась в организацию цеховых союзов, ограничивающих свой состав высококвалифицированными, хорошо оплачиваемыми рабочими. Во главе ее в течение 40 лет стоял Сэмюэль Гомперс. Гомперс родился в еврейской семье, которая в 60-х годах переселилась из лондонского Ист-Энда в нью-йоркский Ист-Сайд. Подобно своему отцу, он вначале был рабочим-сигарщиком. Гомперс не обладал ораторским даром, но это возмещалось недюжинными организаторскими способностями и редким упорством в достижении цели (сам он любил повторять: «Гомперсы сколочены из дуба»). Взгляды молодого Гомперса складывались под известным влиянием социалистов, суждения о необходимости «уничтожения капиталистического рабства» были не чужды его выступлениям. Но постепенно его взгляды изменились. Гомперс стал доказывать, что социализм в Соединенных Штатах не приживается, а борьба за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня позволит добиться улучшения жизни, прежде всего квалифицированных рабочих. Эти принципы получили известность как «простой и чистый юнионизм». Целью рабочего движения провозглашалась борьба за улучшение условий найма рабочей силы в рамках существующего общества. Заявлялось также о приверженности принципу «политического нейтрализма» — курсу на создание независимой рабочей партии противопоставлялась тактика «поддержания друзей и наказания врагов рабочего движения» в традиционных политических партиях.

Пропаганду социалистических идей среди рабочих в этот период вели американские социалисты. В 1876 г. на базе американских секций I Интернационала была образована Рабочая партия Америки, переименованная год спустя в Социалистическую рабочую партию. Однако партию раздирала фракционная борьба. Занимавшие ключевые посты в руководстве СРП лассальянцы стремились сосредоточить всю деятельность партии на участии в парламентской борьбе. Состоявшая на 90% из иммигрантов-немцев, партия осталась в изоляции.

В 90-х годах во главе СРП стал Даниэль Де Леон — широкообразованный человек, блестящий оратор и публицист. При Де Леоне СРП пополнила свои ряды коренными американцами, редактируемая им газета впервые обратилась к читателям на английском языке. Однако в целом деятельность Де Леона была малоуспешной. Игнорируя национальные исторические традиции

и интерпретируя марксизм в левосектантском духе, он не смог найти нити, которые бы связывали партию с рабочей массой. «Социализм и ничего кроме», — провозглашал Де Леон; всякие частичные требования он считал «банановой кожурой под ногами пролетариата». Сектантство отчетливо проявилось в политике СРП по отношению к тред-юнионам. Вначале социалисты попытались работать в профсоюзах, чтобы изменить политику руководства АФТ (тактика «сверления изнутри», по выражению Де Леона). Потерпев неудачу, СРП создала так называемый «красный профсоюз» («давление извне»), ставший ее двойником. По тем же причинам социалисты покинули Орден рыцарей труда. По важнейшим для того времени вопросам участия в фермерском, антимонополистическом движении СРП заняла негативную позицию. В движении против монополий Де Леон видел происки шарлатанов, доказывал, что проблема союза со «средним классом» встанет тогда, когда последний «будет продан шерифом с аукциона», то есть пролетаризирован. В результате к концу столетия, после 25-летнего существования, СРП насчитывала лишь 5—6 тыс. членов, разбросанных по 26 штатам.

Антимонополистическое движение. Выступления фермеров. Волны недовольства поднимались не только на фабриках и заводах. Концентрация экономического могущества в руках немногих, нарастающее отчуждение власти затрагивали интересы самых широких слоев: фермеров, городских мелких собственников, значительную часть интеллигенции и служащих. Поскольку средние слои имели большой удельный вес в социальной структуре американского общества конца XIX в. (почти половина самодеятельного населения страны занимала промежуточное положение между рабочим классом и буржуазией), существовала массовая база для антимонополистических движений.

Ядро антимонополистического движения составляли фермеры. И это не удивительно. Результатом быстрой капиталистической эволюции американского земледелия в последней трети XIX в. был не только рост сельскохозяйственного производства, но и многие беды, обрушившиеся на фермеров. Одной из причин неблагополучия положения фермеров стал мировой аграрный кризис, разразившийся в начале 70-х годов и затянувшийся до середины 90-х. Выход США на мировой рынок совпал с увеличением вывоза сельскохозяйственных продуктов из других стран — Аргентины, Канады, России, Австралии, что привело к резкому падению цен. Но главным фактором, способствовавшим необычайной продолжительности аграрного кризиса, явилось установление монополистической эксплуатации сельского хозяйства крупным промышленно-финансовым капиталом. Особое возмущение фермеров вызвали действия железнодорожных компаний,

резко повысивших тарифы на перевозку сельскохозяйственной продукции. Чтобы доставить на рынок урожай зерна, полученный с одного акра земли, фермеры нередко должны были отдать владельцам железной дороги стоимость урожая с другого акра. В 80—90-х годах появились мясопромышленные монополии, тресты по производству сельскохозяйственных машин, мукомольные концерны, компании по переработке молока. Цены на пшеницу, хлопок или мясо зависели от мировой конъюнктуры, а цены на товары для дома, сельскохозяйственный инвентарь и удобрения устанавливали тресты, огражденные от конкуренции извне высокими тарифами. В 1870 г. фермер получал один доллар за два бушеля пшеницы (1 бушель = 36,35 литра), а в 1890 г. лишь половину доллара.

Падение сельскохозяйственных цен вело к снижению доходности фермерского хозяйства, а то и к его убыточности. Это влекло за собой рост фермерской задолженности, а невозможность для многих фермеров регулярно выплачивать проценты по долгам нередко вела к разорению и потере собственности. Правда, даже в условиях длительного аграрного кризиса 70—90-х годов развитие капитализма в сельском хозяйстве благодаря наличию фонда свободных земель не сопровождалось еще массовой пролетаризацией фермеров и экспроприацией их земли, трудовая семейная ферма оставалась основным элементом аграрного производства. Но тенденция к этому явно обозначилась. Число наемных рабочих в сельском хозяйстве достигло в 1900 г. 2 млн человек, то есть 20% всех лиц, занятых в земледелии. Если в 1880 г. хозяйства фермеров-арендаторов составляли 25,6% общего числа ферм, то к 1900 г. удельный вес арендуемых ферм увеличился до 35,3%.

Эксплуатация со стороны различного рода капиталистических корпораций вызывала нарастающий протест среди широких слоев фермерства. Три волны фермерского движения поднялись особенно высоко: это были движения грейнджеров, гринбекеров и популистов.

Орден грейнджеров (это название произошло от староанглийского термина «*grange*», что означало поместье, ферма) был основан в 1867 г. В первые годы грейнджерская организация ограничивала свою деятельность просветительскими целями, прежде всего пропагандой сельскохозяйственных знаний. В начале 70-х годов агитация грейнджеров приобрела более радикальную окраску. В программу организации вошло осуждение деятельности посреднических фирм и железнодорожных компаний. Центром движения стали штаты Среднего Запада, где Орден грейнджеров опирался на фермерские клубы и партии (в Миннесоте и Калифорнии они назывались антимонополистическими партиями, в

Висконсине и Мичигане — партиями реформ и т.д.). В ряде штатов грейнджерам удалось через законодательные собрания провести законы, регулирующие железнодорожные тарифы на перевозку грузов.

Грейнджерское движение не разрешило насущных фермерских проблем, и в конце 70-х годов основная масса фермеров стала переходить от него к новому массовому движению, которое получило название гринбекерского (от гринбеков, бумажных денежных знаков с зеленой оборотной стороной). Гринбекерское движение, как и грейнджерское, было в основе своей направлено против растущего диктата крупного капитала, но панацеей от всех зол оно считало систему «дешевых денег», увеличение выпуска бумажных гринбеков. В отличие от грейнджеров, гринбекеры сумели организовать в национальном масштабе и привлечь на свою сторону значительное число рабочих. Приняв в 1878 г. название Гринбекерско-рабочей партии, они включили в свою программу ряд требований рабочих. Вскоре, однако, гринбекерское движение пошло на убыль: будучи разнородным по составу и выдвинув весьма расплывчатую программу, оно не могло надолго сплотить своих участников.

В то время, когда грейнджерское и гринбекерское движения клонились к упадку, нарастала новая, наиболее высокая волна антимонополистических выступлений — популистское движение. Популистское движение выросло на базе образовавшихся в 80-е годы «фермерских альянсов», преследовавших цель быстрее решения наиболее неотложных проблем улучшения экономического положения сельскохозяйственных тружеников. К концу 80-х годов многочисленные фермерские альянсы объединились вокруг главных центров — Северного и Южного альянсов, а общее число их членов составляло почти 2 млн человек. Фермерские альянсы вели агитацию против железнодорожных компаний, земельных спекулянтов и посреднических фирм. Они развили значительную активность по созданию кооперативных организаций с целью хранения и сбыта сельскохозяйственной продукции, а также закупки инвентаря, удобрений и промышленных изделий.

Новые фермерские организации охватывали различные группы сельского населения. Наряду с мелкими и средними земледельцами значительная часть крупных фермеров Запада и плантаторов Юга также выступила против монополий. С пшеничных полей Запада и плантаций Юга вышли руководители движения. Игнациус Доннелли — бывший фермер, оратор и автор популярного утопического романа «Колонна Цезаря» — был известен далеко за пределами своего штата Миннесота. Томас Уотсон провозглашал единство фермеров Юга, Мэри Лиз призывала фермеров Запада «поменьше выращивать кукурузы и побольше

перца». Перефразируя Линкольна, она говорила: «Это уже больше не народное правительство, избранное народом и для блага народа, а правительство Уолл-стрита, избранное Уолл-стритом и для блага Уолл-Стрита». Объединение Северного и Южного альянсов привело к созданию на съезде в Цинциннати в 1891 г. популистской (народной) партии.

Популистская партия стала центром притяжения многих анти-монополистических и реформаторских движений: ее поддержали «национализаторы» — последователи автора знаменитого утопического романа «Взгляд назад» Э. Беллами, ставившие целью обобществление важнейших городских муниципальных служб; последователи Г. Джорджа, требовавшие отмены частной собственности на землю; часть либеральной интеллигенции, выступавшей за демократизацию экономической и политической жизни. В популистском движении принял участие также ряд рабочих клубов, профессиональных союзов и организаций Рыцарей труда. Программа популистской партии, принятая в Омахе в 1892 г., требовала «дешевых денег» (т.е. сохранения биметаллизма), национализации железных дорог и телеграфа, введения прогрессивного подоходного налога, соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне на государственных предприятиях. Грозным предупреждением прозвучали на съезде слова: «Каждый доллар, изъятый без соответствующего возмещения, — это уже грабеж» и евангельское «Кто не работает, да не ест».

Популистская партия создала угрозу двухпартийной системе. На выборах 1892 г. кандидат популистов в президенты Джеймс Уивер собрал более миллиона голосов. Выборы привели новую партию к власти в 12 южных и западных штатах, популисты также направили в конгресс 15 сенаторов и членов палаты представителей. Популистское движение еще более усилилось с наступлением кризиса 1893 г. Это был самый глубокий экономический кризис в США за все XIX столетие: свыше миллиона рабочих оказались на улице. Следующий год также был отмечен потрясениями — Пульмановской стачкой, маршем безработных (поход десяти тысяч «армии Кокси» на Вашингтон). На промежуточных выборах 1894 г. популистская партия получила более 1,5 млн голосов. Но это был последний ее успех.

Подъем популизма оказал существенное влияние на функционирование двухпартийной системы. Чтобы сохранить свою массовую базу и умерить социальные протесты, республиканцам и демократам необходимо было учитывать находившие отклик популистские лозунги. Первой по этому пути пошла демократическая партия. Лидер партии Уильям Дженнингс Брайан приобрел известность прежде всего как защитник свободной чеканки серебра. Но став на выборах 1896 г. кандидатом демократов на пост

президента США, он в какой-то мере отражал интересы аграрной Америки и строил свою программу, учитывая массовое недовольство трестами. Когда Брайан провозглашал: «Вы не можете надеть на чело трудящихся терновый венец, вы не можете распять человечество на золотом кресте», то эта риторика, выражавшая требование отвергнуть золотой стандарт, звучала для многих американцев как призыв к радикальным преобразованиям. Яркая внешность Брайана — черные, как уголь, волосы, горящие глаза, — его речи, пересыпанные цитатами из священного писания, производили огромное впечатление в фермерских аудиториях. Выборы 1896 г. он, однако, проиграл, набрав всего на 600 тыс. голосов меньше кандидата республиканской партии У. Маккинли — ставленника большого бизнеса. Время либерального реформизма еще не наступило, но Брайан явился его предтечей. Не сошли бесследно с исторической сцены и популисты — многие их требования будут восприняты реформаторами в начале XX в.

Формирование либерально-реформистской идеологии. Антимополистическая традиция. В последней трети XIX в. в США продолжала господствовать доктрина классического либерализма, в основе которой лежал принцип *«laissez faire»* как теоретическое обоснование характера функционирования капиталистической экономики. Провозглашалась свобода хозяйственной деятельности от государственного вмешательства. Государству отводилась лишь роль «ночного сторожа». Эти идеи разделяли академические круги, ведущие политики и бизнесмены. Однако в условиях роста крупного бизнеса и возникновения монополий социальное звучание старых постулатов серьезно изменилось. Теория экономического либерализма превратилась в своеобразное прикрытие для большого бизнеса, развитию которого благоприятствовало невмешательство государства. Особое влияние приобрели социал-дарвинистские доктрины, сущность которых заключалась в перенесении законов биологической эволюции, сформулированных Дарвином, на общественное развитие. Одним из идеологов социал-дарвинизма стал У. Самнер. В течение многих лет он пропагандировал взгляды, согласно которым основным законом общества является «борьба за существование», в которой выживают «наиболее приспособленные». В Новейшее время борьба за существование проявляется в неограниченной промышленной конкуренции, в ней одерживают верх наиболее сильные, и их победа служит своего рода ферментом дальнейшего прогресса. Представители официальной политэкономии (Д.Б. Кларк, Ф. Уокер) выступили со сходными идеями в защиту крупного бизнеса, подчеркивая его роль в организации производства и оставляя без внимания анти-социальную сторону его деятельности. В апологии большого бизнеса приняли участие и сами «капитаны индустрии». Дж. Рок-

феллер, Дж. Хилл рисовали финансово-промышленные империи как высшее достижение естественного отбора. Э. Карнеги в работах «Торжествующая демократия», «Евангелие богатства» на собственном примере прославлял тресты как «цветы цивилизации». Претензии новых хозяев на идейно-культурную гегемонию отразила литература для массового чтения. Основной ее сюжет — бедность в Америке не препятствие для пути вверх: девушка из простой семьи становится женой миллионера, а чистильщик сапог — промышленным магнатом. Таковы были «Рассказы для мальчиков» Р. Дэвиса, пьесы и романы Вэна Биббера. Особенно популярен был О. Элджер, написавший более 80 книг.

Однако еще в 70—80-е годы в различных общественных слоях начались критические выступления против тех или иных сторон деятельности большого бизнеса и особенно утверждавшихся монополий. Одними из первых критиков были «магвампы», отметившие многие пороки «позолоченного века» в политической сфере и выдвинувшие программу определенной демократизации политической жизни. Однако в основе их мировоззрения лежала философия классического либерализма. Они по-прежнему отводили государству роль «ночного сторожа».

Гораздо более решительными были выступления социальных критиков. Л. Уорд, один из основателей социологической науки в США, в 1883 г. в труде «Динамическая социология» первым подверг критике социал-дарвинистскую концепцию. Он исходил из коренного различия между животным миром, где происходит слепая эволюция на основе естественного отбора, и обществом, где эволюция осуществляется под воздействием людей и определяющим фактором прогресса является искусственный отбор. Уорд выступал за использование методов «социального мелиоризма» — планомерного лечения социальных язв, смягчения дурных черт капитализма. Идеи Уорда развили в сфере политэкономии Р. Эли, С. Пэттен. Они подвергли критике теорию классического либерализма и в особенности утверждение о неограниченном праве индивидуумов на частную собственность. Р. Эли выделил в частной собственности два элемента — «индивидуальный» и «социальный». Обращаясь к «социальному» элементу, Эли и его единомышленники обосновывали право на вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь для ограничения злоупотреблений монополий и смягчения крайностей неравенства. В 1885 г. была основана Американская экономическая ассоциация, ставшая проводником либерально-реформистских идей в США.

С еще более радикальной критикой монополий выступили популисты. Движение популистов подчас обращалось к социальным идеалам прошлого, они хотели вернуться к временам *laissez*

faire и свободного предпринимательства. Эти идеи ярко иллюстрировал И. Доннелли в романе «Колонна Цезаря». Нарисованное им утопическое общество напоминало фермерские мифы об аграрном прошлом Америки, в котором якобы господствовали отношения равенства и гармонии. Полагая, что отношения неравенства складываются прежде всего в процессе обмена товаров, популисты направляли острие своей критики против посреднических компаний. Постоянным объектом их критики была деятельность финансовых корпораций.

Вместе с тем представления популистов о средствах к достижению их целей не были традиционными. Взамен идеи ослабления центральной власти, популярной со времен Джефферсона, они выдвинули мысль об ответственности правительства за общее благосостояние народа. Система государственных антимонополистических мероприятий, предложенная популистами (от регулирования денежного обращения в интересах народа до персхода в государственную собственность железных дорог и телеграфа), означала отход от принципов свободной конкуренции, а провозглашение «регулируемой конкуренции» выходило за рамки классических либеральных идей. Атакуя монополии, показывая, что крупный бизнес контролирует государственную власть, популисты также выдвинули программу «прямой демократии». Она включала народную инициативу и референдумы по важнейшим вопросам, тайное голосование, прямые выборы сенаторов и президента.

Таким образом, последние десятилетия XIX в. стали временем кардинальных изменений в экономической и социально-политической структуре американского общества. Соединенные Штаты стали тогда страной развитого индустриального общества. Крупные корпорации уже к концу XIX в. установили свой контроль над экономикой страны, резко возросла их роль в политической жизни общества. Это неизбежно вело к обострению социальных противоречий, к развитию массовых движений социального протеста, что, в свою очередь, потребовало коренного пересмотра традиционных идеологических концепций. Первые выступления с критикой идеологии и практики классического либерализма подготовили базу для выдвижения в начале XX в. новых идеологических концепций, в частности — идеологии либерального реформизма.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ МОНАРХИЯ В 1867—1900 гг.

Система дуализма. В 1867 г. между Венгрией, с одной стороны, Австрией и династией Габсбургов — с другой, было заключено соглашение, преобразовавшее полуабсолютистскую империю в двухцентровую конституционную монархию с либеральным политическим строем. Соглашение 1867 г. было компромиссом, на основе которого возник реальный союз двух государств — Австрии и Венгрии. Он основывался на трезвом учете коренных интересов двух стран и их ведущих классов — венгерских помещиков и австрийской крупной буржуазии, а также династии Габсбургов. Необходимость примирения на основе существенных взаимных уступок стала очевидной после поражения империи в войне 1859 г., в особенности же после жестокого поражения австрийцев под Садовой (Кёниггрецом) в 1866 г.

Согласие было достигнуто во многом благодаря политической мудрости и дальновидности вождя венгерских либералов Иштвана Деака, который не пожелал воспользоваться к выгоде Венгрии стесненным положением безоружной, практически беззащитной Австрии. В то же время он упорно отстаивал интересы нации во всех принципиальных вопросах.

Соглашение вступило в силу 21 июня 1867 г. в день коронации императора Франца-Иосифа королем Венгрии, после того как граф Дюла Андраши, премьер-министр, возложил на Габсбурга корону венгерских королей. Император-король принес клятву верности конституции королевства.

Обе страны, вступившие в «законный брак», обрели почти полную внутреннюю свободу во всех своих делах, ограниченную лишь взаимными обязательствами по отношению друг к другу и к царствующей династии. Права и обязанности обоих государств были абсолютно идентичны. Исполнительные органы в лице кабинетов министров (правительств) были ответственны перед парламентами своих стран, т.е. перед рейхсратом Австрии и Государственным собранием Венгрии. Избирательная система основывалась на имущественном цензе.

Важным элементом системы дуализма были так называемые «общие дела» и «общие учреждения», их реализующие. Таковыми считались внешняя политика и оборона. Ведали ими «общие

министерства» — иностранных дел и военное. Было учреждено также третье министерство — финансов, призванное обслуживать только первые два ведомства. Парламентский контроль над ними осуществлялся делегациями по 60 депутатов, которые выделялись парламентами обоих государств. Заседали они отдельно, поочередно в Вене и Будапеште. Делегации обсуждали отчеты общих министров и утверждали их бюджеты.

Дуалистическое соглашение, созданная им новая форма существования исторической империи и сам механизм ее функционирования — явление уникальное в мировой практике. Дуалистическое устройство не предусматривало никакого единого имперского правительства. За этим зорко и ревниво следила венгерская сторона. Австрия не должна была более командовать Венгрией. Общие вопросы решались на регулярно созываемых советах (совещаниях) «общих» министров совместно с главами правительств обоих государств и специально приглашавшимися другими высшими сановниками. На этих советах, как правило, председательствовал глава внешнеполитического ведомства, являвшийся как бы старшим из министров. Особая его позиция усиливалась еще и тем, что он одновременно являлся министром двора. Титул «министра императорского и королевского дома» давал ему возможность иметь определенное влияние и на внутренние дела обоих государств.

Общими были также внешняя торговля, таможенная, денежная система, валюта. Хозяйственные вопросы (квоты, пошлины, торговые договоры с другими странами и т.д.) регулировались особыми экономическими соглашениями, срок действия которых ограничивался 10 годами, так же как и полномочия эмиссионного Австро-Венгерского банка.

В 1867 г. империя Габсбургов вступила в новую эпоху своей истории. Наступила достаточно длительная, продолжавшаяся вплоть до начала Первой мировой войны полоса благополучного (по сравнению как с предыдущим, так и с последующим этапами) существования, без революционных катаклизмов, войн и восстаний. Благодаря соглашению 1867 г. и дуализму в последней трети XIX в. монархия Габсбургов обрела новое дыхание, постепенно вновь сумела занять свое место среди великих европейских держав. Было покончено с ее многовековой вовлеченностью в германские дела, а Германия получила возможность объединиться в единое государство. Одновременно ушла Австрия и из Италии, где, владея почти всей северной частью страны, длительное время тормозила объединение итальянской нации.

Вместе с тем в результате поражений и территориальных потерь существенно упростилась острейшая, чреватая бесконеч-

ными и тяжелыми конфликтами национальная ситуация в самой империи. Итальянский и немецкий национальные вопросы отныне практически перестали быть внутренним фактором ее существования. Империя избавилась от тяжкого бремени, исчезла та раздвоенность и неуверенность, которую постоянно ощущали немцы Австрии, будучи испокон веков органической частью всегерманской общности. «Уход» Австрии из Германии создал первую политическую предпосылку для самоидентификации австрийских немцев в качестве отдельной от Германии самостоятельной нации.

Дуализм был, безусловно, шагом к федерализации, поскольку означал союз двух самостоятельных государств. Однако дальше этого дело не пошло. В 1867—1871/1872 гг. еще была надежда, что за первым последует второй и следующие шаги. На многочисленные непривилегированные нации империи вдохновляюще действовал пример венгров, успешное решение ими своего национального вопроса: в 1867 г. пределом мечтаний для большинства неполноправных народов была автономия. Но надежды славян, румын, итальянцев на радикальные перемены условий их национального существования, на организацию своей жизни как самостоятельных наций в рамках Австрии и Венгрии не оправдались. Закосневшая в своей неизменности дуалистическая модель исключала возможность естественной, нормальной интеграции всех народов в быстро набиравшем силу буржуазном гражданском обществе, предпосылки которого были созданы соглашением 1867 г.

Экономическое развитие после 1867 г. Культура и общественная мысль периода дуализма. В 1867 г. Австро-Венгрия вступила в полосу экономического подъема и модернизации устаревших общественных структур. Способствовало этому и консолидированное международное положение страны, которой впервые за всю ее многовековую историю ничто не угрожало ни изнутри, ни извне. Достаточно радикальные по тому времени реформы позволили народам империи подтянуться близко к уровню материального благополучия и культуры передовых стран (разумеется, не всем равномерно). Благоприятной для подъема экономики и прогресса культуры, как массовой, так и элитарной, была также мировая экономическая конъюнктура.

Крупные качественные сдвиги произошли во всех сферах жизни общества. Первый этап ускоренного капиталистического преобразования экономики оказался кратковременным. Начавшись еще в 1848 г., он совпал с охватившей всю Европу «грюндерской горячкой» 50—60-х годов и был прерван повсеместным биржевым крахом 1873 г. Затем последовала депрессия, которая в Австро-Венгрии продолжалась почти до самого конца века.

Новый подъем начался в 1896 г. и закончился перед самой мировой войной, в 1913 г. В эти годы кривая роста ползла вверх почти безостановочно, за исключением незначительного спада 1903—1904 гг.

Во второй половине XIX — начале XX в. Австрия превратилась в индустриально-аграрную страну среднего европейского уровня. Первые шесть лет эпохи дуализма отличались бурным всплеском деловой активности, возникновением множества банков, сберкасс, других кредитных учреждений, новых фабрик и заводов, строительным бумом. Особенно мощный рывок был сделан в строительстве железных дорог, которые модернизировали не только экономику, но и социальную структуру. В 1870 г. общая длина железных дорог в империи едва превышала 10 тыс. км, а за три последующие десятилетия протяженность стальных магистралей более чем утроилась. Австро-Венгрия, после России самая обширная по территории страна Европы с 51 млн населения, практически полностью была обеспечена самым современным тогда видом транспорта.

Вместе с тем господство отсталых аграрных отношений и мелкобуржуазных форм жизни в окраинных областях империи (Восточная Галиция, Буковина, Подкарпатская Русь, Далмация, населенные преимущественно словаками и русинами северо-восточные районы Венгрии) существенно сказывалось на общем балансе. Поэтому даже в 1910 г. в сельском хозяйстве было занято немногим более половины самостоятельного населения империи и лишь 23% — в промышленности и ремесле. В аграрных окраинах в сельском хозяйстве в 1910 г. было занято свыше 80% населения: в Хорватии — 82, Галиции, Буковине, Далмации — от 80 до 85, Боснии и Герцеговине — 86,6%. Избыточное сельское население было вынуждено в поисках работы отправляться за океан. Во второй половине XIX в. Австро-Венгрию покинули свыше 2 млн человек.

Отставало в целом городское развитие: в империи было только 7 городов с населением, превышавшим 100 тыс. жителей. В Вене перед войной проживали свыше 2 млн человек, а в Будапеште — более 1 млн.

Ведущие позиции в экономике империи принадлежали австро-чешскому индустриальному комплексу. Регион славился богатыми месторождениями угля и руды, располагал удобными и дешевыми транспортными возможностями; огромным преимуществом было соседство с Германией с ее бурно растущим экономическим потенциалом. Решающим фактором, однако, являлось наличие высококвалифицированной рабочей силы и инженерно-технических кадров. Благодаря высокому уровню обучения в

ремесленных училищах и технологических вузах, традиции которых были заложены еще Марией-Терезией, Австрия занимала ведущие позиции в Европе в области подготовки профессиональной рабочей силы и инженерно-технических кадров. На науку и образование в 1870 г. тратилось 1,2% государственных расходов, а в 1910 г., т.е. за 4 года до начала мировой войны, когда империя включилась в гонку вооружений, — 3,2%. В это же время на государственную безопасность выделялось всего 1,7%.

Административное управление, налоговая служба, правовая система, бюрократия также находились на уровне требований эпохи. Школьный закон 1869 г. позволил осуществить величайшее культурное достижение эпохи — полную ликвидацию безграмотности в чешских и собственно австрийских землях. В этом отношении лидировали чехи, показатель грамотности среди которых был выше, чем даже у немцев, признанной «культурной нации».

Начиная с середины века до распада империи именно национально неполноправная Чехия являлась самой высокоразвитой из всех частей Австро-Венгрии. Здесь было сосредоточено почти 60% промышленных предприятий, 65% всех занятых в индустрии. Чехия давала 59% промышленной продукции всей империи. Нижняя Австрия и Венский индустриальный район были оттеснены на вторые позиции уже к концу XIX в. Почти вся угольная отрасль концентрировалась в чешских землях.

Высок был и технический уровень промышленных изделий. Орудия и другое вооружение, выпускавшееся на заводах Шкода в городе Пльзень, начало успешно завоевывать зарубежные рынки, конкурируя с немецким Круппом и французским Шнейдер-Крезо. Мировую известность получило знаменитое пльзенское пиво. Завод в Штайре (Нижняя Австрия) с середины 1880-х годов поставлял знаменитые ружья «Маннлихер» во все страны Европы и мира; на экспорт шли электролампы, дизельные моторы, суда, строившиеся в Будапеште. Было налажено производство автомобилей, одним из зачинателей которого был выдающийся австрийский инженер Фердинанд Порше (будущий конструктор «фольксвагена»), а также самолетов, велосипедов и мотоциклов.

Замечательными инженерно-техническими достижениями явились строительство первой в Европе железной дороги в условиях высокогорья, со множеством тоннелей и сложных искусственных сооружений в австрийских Альпах, и первой на континенте «подземки» в Будапеште, сданной в эксплуатацию по случаю празднования 1000-летия Венгерского государства в 1896 г.

В 80—90-х годах были созданы основы современного социального законодательства — установление максимальной продолжи-

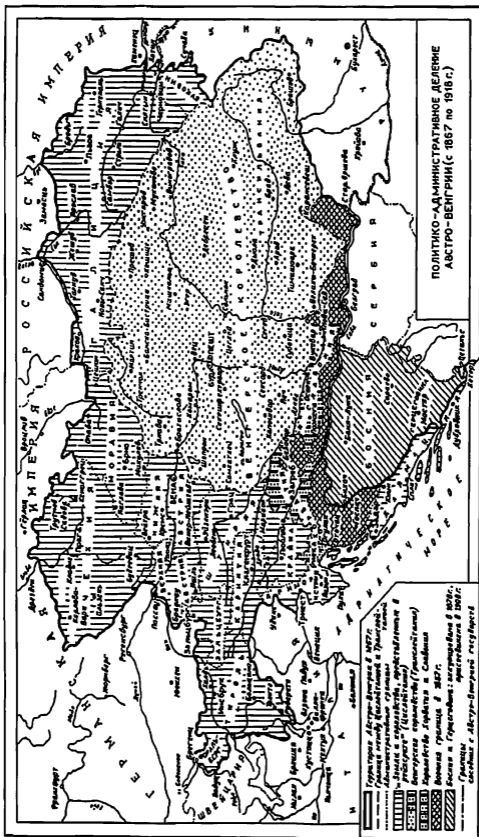
тельности труда, сокращение рабочего дня для женщин, запрещение детского труда вообще. На втором конгрессе II Интернационала (Брюссель, 1891) выдающийся лидер австрийской социал-демократии Виктор Адлер не без гордости сообщил, что в области рабочего законодательства Австрия заняла третье после Германии и Швейцарии место.

Мощно развивалась экономическая мысль. Австрийская школа политэкономии в лице К. Менгера, Е. Бем-Баверка, Фридриха фон Хайека (теория денег и конъюнктуры) и др., критически анализируя крайности марксистской политэкономии, внесла ценный вклад в мировую экономическую науку, оказав, в частности, определенное влияние на формирование русской экономической школы (Туган-Барановский, Чаянов).

Цивилизации XX в. дуалистическая Австро-Венгрия дала таких деятелей науки, культуры, искусства, как философы Б. Больцано, Э. Мах (эмпириокритицизм), Э. Гуссерль (феноменология), Л. Виттгенштейн (аналитическая и лингвистическая философия); Георг (Дьёрдь) Лукач (неомарксизм, эстетика); социолог К. Мангейм; К. Поппер и Ф. Хайек (теория либерального общества), основоположник психоанализа З. Фрейд; музыканты Г. Малер, А. Брукнер, Х. Вольф, А. Шёнберг, Албан Берг; художники Х. Макарт, Э. Шиле, Г. Климт, О. Кокошка, В. Гропиус; писатели Х. фон Гофмансталь, Ст. Цвейг, Ф. Верфель, Р. Музиль.

Вена и Пешт подарили миру классическую и новую оперетту. Вслед за «золотым веком» венской оперетты: Франц фон Зуппе, Йоханн Штраус-сын («король вальса»), К. Миллёккер — в 900-х годах наступил «серебрянный век», второе рождение венской оперетты уже как австро-венгерского феномена в лице наиболее известных его представителей — Ф. Легара, И. Кальмана, К. Штольца и др.

С Австро-Венгрией связано, наконец, возникновение движения за мир. В 1889 г. была опубликована книга Берты фон Зуттнер, отпрыска старинного богемского рода Кинских, «Оружие долой!», переведенная почти на все европейские языки и способствовавшая распространению идеи мира в Европе и Северной Америке. В 1905 г. автор была удостоена Нобелевской премии мира (она была первым лауреатом всех Нобелевских премий вообще). Еще в 1890 г. ею было создано «Австрийское общество мира». По инициативе Берты Зуттнер 26 июля 1914 г., когда уже вся Европа неудержимо катилась к войне, намечалось провести в Вене всемирный конгресс мира. Она умерла в июне 1914 г. в самый разгар подготовки этого конгресса.

Дуализм и национальный вопрос. Бурному индустриально-техническому прогрессу конца XIX — начала XX в. явно не соответствовал уровень политической консолидации разнородных составных элементов империи и внутренней интеграции входивших в нее стран и земель. Этноконфессиональная структура империи была чрезвычайно мозаична. Ни один из ее народов не имел абсолютного численного перевеса над остальными. Так называемые «господствующие» нации, а точнее нации привилегированные, на рубеже веков (согласно переписи населения 1910 г.) при общей численности населения в 51 млн человек даже вместе взятые не составляли и его половины (12 млн немцев и почти 10 млн мадьяр, т.е. венгров). Но в своих частях империи (именовавшихся также Цислейтанией и Транслейтанией) и немцы и мадьяры превосходили по численности остальные народы, с той разницей, что первые в своей половине составляли лишь треть населения, а вторые почти половину — немногим более 48%. В Венгрии проживало значительное по численности немецкое меньшинство, занимавшее второе после румын место среди национальностей королевства. Остальные девять наций можно квалифицировать как «полупривилегированные» и «непривилегированные». К первой группе относились 6 млн чехов, 5 млн поляков, 1,6 млн хорватов Хорватии—Славонии, 382 тыс. итальянцев Приморья. Никаких привилегий не имели 4 млн украинцев (русин), свыше 3 млн румын, 1,8 млн словаков, 1,4 млн хорватов, живших вне Хорватии—Славонии, 1,7 млн словенцев, 386 тыс. тирольских итальянцев (из 2,8 млн итальянцев), 2,2 млн евреев.

Австро-венгерское соглашение и установление либерально-конституционных порядков дали мощный толчок национальным устремлениям неполноправных народов обоих государств. Первыми подняли знамя борьбы чехи. Не помышляя о выходе из состава империи, чехи, воодушевленные успехом Венгрии, решили добиваться превращения своей страны в третью составную часть империи, т.е. превращения дуализма в триализм.

На этой почве дуалистическая система пережила первое тяжелое потрясение. Консервативное правительство Австрии графа Зигмунда Хоенварта в борьбе против великогерманских устремлений немецких либералов нуждалось в поддержке представителей других национальностей в парламенте страны и готово было ради этого пойти на децентрализацию Цислейтании. С санкции самого императора оно договорилось с чешскими лидерами о предоставлении Чехии почти таких же широких прав, какие получила Венгрия в 1867 г. Пытаясь найти взаимоприемлемое решение национального вопроса, венский кабинет шел на диалог с делегациями национальностей, представленными в рейхсрате (ав-

стрийском парламенте), и с ландтагами (сеймами) провинций. Итальянцам Южного Тироля Хоенварт предлагал создавать автономные дистрикты (округа) в районах, где они проживали компактно. Но ключевое значение имела проблема Чехии, и не только для австрийской половины, а для всей империи в целом.

После длительных переговоров с венскими министрами 10 октября 1871 г. ландтаг Чехии принял резолюцию, требовавшую предоставления Чехии равного с Венгрией и Австрией статуса. По существу это означало бы создание нового федеративного образования в составе трех самостоятельных во внутренних делах государств: Австрии, Венгрии, Чехии. Император Франц-Иосиф одобрил соответствующий документ, так называемые «Фундаментальные статьи», и дал согласие короноваться чешским королем. Ставшая реальной перспектива федерализация Австрии встретила яростное сопротивление немецких централистов и венгерского правительства Д. Андраши, к которым присоединилась Германия в лице «железного канцлера» О. Бисмарка. Против такого мощного объединенного фронта Франц-Иосиф не мог устоять. Император и его кабинет поплатились за то, что попытались решить судьбу многонациональных чешских земель, игнорируя позицию и настроения многочисленного (около 37% населения Чехии) немецкого меньшинства, считавшего эту страну своей родиной так же, как и чехи, жившие с ними бок о бок на протяжении столетий. Решение национального вопроса здесь зависело не только от политической воли центра, но и от способности к взаимопониманию и консенсусу лидеров обеих конфликтующих общин.

Национальности Галиции, Буковины, Далмации, а также населенных словенцами провинций Цислейтании особых забот в первые десятилетия дуалистической эпохи Вене не причиняли. Острейшая в 40—50-х годы итальянская проблема после заключения соглашения 1867 г. свелась к вопросу об итальянском нацменьшинстве южной части Тироля, Триеста, Истрии, Далмации, а также города-порта на Адриатике Фиуме (ныне Риека), входившего тогда в состав королевства Венгрии в качестве отдельной административно-территориальной единицы. Выраженное сепаратистское движение заметно ощущалось лишь в Южном Тироле, где итальянский элемент имел подавляющий перевес. В других южных провинциях Цислейтании национальные устремления итальянцев сталкивались с национализмом сербов, словенцев и хорватов. Последние, подогреваемые идеей создания «Великой Хорватии», претендовали на те же земли, что и итальянцы, — Триест, Фиуме, Далмацию. Эвентуальная возможность террито-

риального конфликта с югославянами побуждала итальянцев искать защиты у столь нелюбимой ими Венны.

В Транслейтании воодушевленная успехами венгров часть политической элиты национальностей стала выдвигать нереальные в тогдашних условиях максималистские цели. Румыны добивались фактического отторжения от Венгрии Трансильвании, где они составляли более половины населения, словаки Северной Венгрии хотели бы создать административно-территориальную единицу под названием «Околье», проживавшие на юге Венгрии сербы претендовали на образование автономной Воеводины, требуя одновременно полной самостоятельности для Венгрии в целом.

В конце 60-х — начале 70-х годов господствующий класс Венгрии еще проявлял некоторую склонность к решению национального вопроса с учетом минимальных потребностей невенгерских народов. Государственным собранием (парламентом) был принят целый ряд либеральных по духу и букве законодательных актов с целью модернизации общества и системы управления общественными процессами. Либеральным по всем параметрам являлся «закон о равноправии национальностей» от 1868 г. Обучение не только в начальной, но и в средней школе должно было вестись на родном языке. Начальное образование (детей 6—12 лет) было обязательным, контроль над школами возлагался на государство. Государство гарантировало соблюдение прав церквей, муниципалитетов и личности. Статус официального языка был закреплен за венгерским, но при этом употребление языков национальностей допускалось в местной и комитатской (областной) администрации, в судах нижней инстанции, а также в переписке между комитатами, большинство населения которых составляли славяне или румыны.

Но на фоне этих позитивных практических установлений закона гораздо более важное политическое значение имела его первая статья: в ней констатировалось как не подлежащий дискуссии «объективный» факт наличие в Венгрии «одной единственной политической нации — единой неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали». Несмотря на все существенные оговорки, зафиксировавшие признание национальностей, но не наций, индивидуальное, а не коллективное национальное равноправие, политические лидеры невенгерских народов единодушно отвергли принцип единой политической нации.

Тем не менее в последней трети XIX в., после того как венгерскими властями были предприняты первые грубые шаги принудительной мадьяризации, отвергнутый лидерами невенгерских народов «закон о равноправии национальностей» стал знаме-

нем национальных движений. Вплоть до самой мировой войны они требовали строгого и неукоснительного соблюдения этого закона, систематически попиравшегося государством и местными органами власти.

Предложив «законом о национальностях» 1868 г. всем подданным королевства без различия языка и вероисповедания лишь гражданские свободы и равноправие, венгерское государство обмануло их ожидания. Единственное исключение было сделано для хорватов, точнее для Хорватии—Славонии, входившей в состав королевства Венгрии с начала XII в. и сохранившей рудименты атрибутов былой государственности. В 1868 г. по образцу австро-венгерского соглашения было заключено венгеро-хорватское соглашение, но гораздо более ограниченное, чем его прообраз. Хорватия получила собственный парламент (Сабор) и собственное правительство во главе с баном, назначаемым королем Венгрии по рекомендации будапештского кабинета. Но они были полностью подчинены венгерским властям. По сути, то было нечто среднее между культурно-национальной и территориальной автономией. Но и таким, ограниченным, самоуправлением в Венгрии не располагал ни один другой, даже более многочисленный народ, не менее развитый в культурном, экономическом и политическом отношениях.

Наиболее бесправными из всех народов королевства были словаки и закарпатские русины (украинцы) - - немногочисленный народ, населявший северо-восточные комитаты, живописный горно-лесистый край, который исторически чаще назывался Подкарпатской Русью, чем Закарпатской Украиной. У обоих этносов в отличие от румын и сербов не было ни единого культурно-просветительского и политического центра, ни своих «национальных церквей», которые бы культивировали родной язык, национальные традиции, отстаивали бы национальные интересы. Подавляющее большинство словаков исповедовало католицизм, а духовенство за немногими исключениями было настроено промадьярски. Не служили опорой национальным интересам и конфессии, доминировавшие среди карпатских русинов, — униатская (грекокатолическая) и православная.

Первые удары репрессивной мадьяризаторской политики, к которой прибегло правительство Калмана Тисы (1875—1890), обрушились на словаков. В 1875 г. оно запретило деятельность единственной культурно-просветительской организации словаков — Матица Словацкая; были закрыты все три словацкие гимназии, множество средних и начальных школ: из почти двух тысяч к началу второго десятилетия XX в. их сохранилось менее полусотни. Одновременно с целью форсирования мадьяризации на

окраинах создавались школы с обучением на венгерском языке. Лидеры национальностей, даже имевшие парламентский иммунитет, подвергались полицейским и судебным преследованиям. Результатом был некоторый рост панславистских и даже русофильских настроений в словацком обществе. Но в целом словаки, не имевшие в отличие от румын и сербов центров притяжения вне пределов империи, видели решение своего национального вопроса в рамках монархии.

Существование по соседству самостоятельных государств — Румынии, Сербии, Черногории — оказывало возрастающее влияние на национальные движения родственных этносов в Австрии и Венгрии. Однако и эти движения почти до самой гибели империи не ориентировались на ее разрушение и на «воссоединение» со «своим» этническим государством. Так, программа образованной в 1881 г. Национальной партии румын включала требование равноправия народов и религий, всеобщего избирательного права, выполнения положений «закона о национальностях», а также автономии Трансильвании. Самонадежное венгерское руководство высокомерно отвергло эти требования. Тогда партия совершила не совсем лояльный по отношению к правительству акт, обратившись в 1892 г. непосредственно в Вену к королю со специальным меморандумом. По обвинению в «подстрекательстве» суд в Коложваре (ныне Клуж) в 1894 г. приговорил лидера Национальной партии румын к 5 годам заключения. На так называемый «меморандум-процесс» партии невенгерских народов ответили созывом в 1895 г. конгресса национальностей в Будапеште, сделав тем самым первый шаг к сотрудничеству друг с другом.

Национальная политика австрийского правительства существенно отличалась от политики, которая проводилась венгерским государством. Важнейшее различие состояло в том, что правящие круги Австрии не ставили перед собой задачу превращения страны в мононациональное немецкое государство. Австрийская буржуазия в противоположность господствующим классам Венгрии проявляла склонность к определенным уступкам национальностям, была более либеральной и терпимой, чем венгерская. Австрийская национальная политика не знала ни принуждения к ассимиляции, ни теоретических установок, отрицавших существование целого ряда наций в стране (вроде тезиса о «единой политической нации»). Австрийский режим в целом был более демократичным, система управления более децентрализованной, чем венгерская. Несомненен ее успех в Галиции, Моравии, Буковине. Поэтому защиту от притеснений властей Венгрии лидеры угнетенных народов, как в былые времена, искали в Вене, у трона и венского

двора. Династия, и в особенности ее глава Франц-Иосиф, продолжая традиции феодальных времен, старалась дистанцироваться от межнациональных конфликтов, сохранить позицию и статус «наднациональной силы».

Тем не менее весь период дуализма отмечен неуклонным нарастанием национальных движений в австрийской половине империи. Благодаря либеральности австрийского режима национальные конфликты здесь проявились ярко и открыто, оказывая постоянное давление на правительство хотя бы тем, что эффективной обструкцией в парламенте депутаты национальностей не раз срывали его работу. Сменявшие друг друга австрийские кабинеты не могли не быть коалиционными, так как все они нуждались в поддержке немеческих депутатов. Альянс 78 немецких консерваторов и клерикалов с 57 польскими и 54 чешскими депутатами рейхсрата позволил премьеру Эдуарду Тааффе создать так называемое «железное кольцо» и достаточно комфортно править страной в течение 14 лет (1879—1893). Такого «долгожителя» на посту главы кабинета Австрия при дуализме не знала ни до, ни после. Министерская чехарда возобновилась после распада «железного кольца». Примечательно, что большинство немцев в палате депутатов — а это были либералы — находились в оппозиции. Славяне были важнейшим элементом политической системы австрийского государства. Славянский элемент органично вошел в государственные структуры Цислейтании, а также в высший военно-политический аппарат общеимперских учреждений. Он был широко представлен в чиновничьей бюрократии и офицерском корпусе общей австро-венгерской армии (хорваты и сербы). В особенности преуспели на этом поприще чехи, многие из которых, отлично владея немецким языком, легко адаптировались в австро-немецкой культурной среде. Томаш Масарик, будущий основатель Чехословацкой республики, историк и философ, охотнее и грамотнее писал свои произведения на немецком, чем на чешском языке. Другой чешский лидер Ф. Палацки еще в 1868 г. говорил своим землякам: «...богемская нация, господа, уже давным-давно является нацией двуязычной». Тем не менее именно на языковой почве разгорелся конфликт между чешскими немцами и чехами.

После 1867 г. важную роль в политической жизни Цислейтании стала играть лояльная Габсбургам и Австрии польская аристократия Галиции. Не раз ее представители занимали высшие посты в австрийской администрации (поляки А. Потоцки, А. Голуховски, К. Бадени возглавляли венский кабинет) и в имперском масштабе (тот же Голуховски и Билински — общие министры иностранных дел и финансов Австро-Венгрии). В целом

с поляками проблем не было, хотя за их поддержку правительству приходилось платить, и не только министерскими постами. На откуп польской шляхте была фактически отдана целая провинция — Галиция, причем не только западная с центром в Кракове и с этническим польским большинством, но и Восточная Галиция с центром во Львове (Лемберг), подавляющее большинство населения которой составляли украинцы (русины). Здесь Вена проводила типичную политику «разделяй и властвуй», поскольку польская гегемония в крае могла быть обеспечена и стабильно сохранена только при поддержке центральных властей, тем более что в основе польско-украинского противостояния лежал социальный конфликт — между помещиками-поляками и украинскими крестьянами.

Сильно было польское влияние и в Буковине с центром в городе Черновцы (Черновиц). В этом живописном прикарпатском крае, выделявшемся пестротой этноконфессиональной структуры, мирно соседствовали украинцы-русины, румыны, поляки, евреи, немцы, цыгане; католики, униаты, православные, иудеи. Вследствие приблизительного равновесия сил и господствовавшей в крае атмосферы взаимной терпимости ни одна этническая или религиозная община не могла претендовать на исключительность и гегемонию, если не считать претензий польской шляхты.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась в Чехии, где начиная с 1880-х годов сталкивались интересы местной немецкоязычной буржуазии и быстро набиравшей силу чешской буржуазии. Конфликт становился все более ожесточенным, пока в начале XX в. не превратился в непримиримый.

Преуспевавшая благодаря общему экономическому подъему и наличию единого австро-венгерского рынка чешская средняя и мелкая буржуазия «наступала на пятки» буржуазии немецкой не только в чешских землях, но и в остальных частях империи. Острейшая борьба развернулась в сфере культуры и языка, где шаг за шагом чехи завоевывали одну позицию за другой, не теряя при этом из виду главной своей цели — равного с Венгрией и Австрией статуса.

В 1880 г. правительство Тааффе обязало администрацию и суды в Чехии вести дела на языке лица, чье дело разбиралось. Немецкому чиновнику, испокон веков привыкшему к тому, что во всех государственных учреждениях употребляется только его родной язык, невыносима была сама мысль о том, что ему отныне придется в обязательном порядке отвечать на любое обращение, сделанное по-чешски, на этом «языке черни». Следствием был быстрый рост числа чиновников и судей чешского проис-

хождения, поскольку очень немногие из немцев владели чешским, чехи же, как правило, знали оба языка.

В 1882 г. чехи добились разделения по языковому признаку одного из старейших в Европе университетов — Пражского. Проведенная в том же году реформа избирательного права позволила им в следующем году завоевать большинство мандатов в местном сейме. Негодующие немцы, в свою очередь, потребовали разделения административных округов на немецкие и чешские. Чешское большинство сейма отклонило это требование, и немецкие депутаты впервые покинули собрание. Их бойкот продолжался четыре года (1886—1890). Немцы чешских земель, среди которых усиливались пангерманские настроения, обвинили Тааффе в стремлении превратить Австрию в «славянское государство».

В 1882 г., когда в Линце состоялся съезд «Всегерманского союза», в Австрии возникло пангерманское движение. Принятая на нем Линцская программа исходила из того, что все страны Цислейтании, являвшиеся когда-то членами Германского союза, т.е. собственно Австрия и земли, населенные чехами и словенцами, должны составить единое целое, с официально провозглашенным в качестве государственного немецким языком и «немецким характером». Для этого предлагалось, во-первых, непременно устранить «еврейские влияния из всех сфер общественной жизни», а во-вторых, отдать Галицию и югославянские территории Венгрии и ограничить связи с последней персональной унией. Следующим шагом должно было стать присоединение этнически и расово «очищенной» Австрии к «Великой Германии».

Эта была первая политическая программа, направленная на расчленение империи Габсбургов, и выдвинута она была не славянами, а самими австрийцами, точнее, пангермански настроенным немецкоязычным меньшинством. Однако австрийский пангерманизм, натолкнувшись на активное неприятие со стороны династии и равнодушие общества, оставался слабым и непопулярным почти до самого конца монархии, поскольку австрийские немцы отнюдь не собирались упразднить империю Габсбургов ради призрачного счастья влиться в общегерманский рейх.

Выдворение Австрии из Германии в 1866 г. и объединение германских государств под эгидой Пруссии в 1871 г. стали важными вехами в процессе отделения австрийских немцев от Германии и формирования их в самостоятельную нацию. Вынужденный разрыв с Германией был воспринят многими трагически. Классик австрийской литературы Франц Грильпарцер отозвался на шок 1866 г. словами, обращенными к пруссакам-победителям: «Вы думаете, что вы одержали победу? Нет, вы уничтожили единый народ!» Но уже в 1871 г. он же писал: «Мы должны доказать всему

миру, что можем оставаться добрыми немцами, не переставая быть добрыми австрийцами».

Процесс формирования австрийской нации шел медленно, наталкиваясь на многочисленные препятствия — психологические, моральные, политико-идеологические и культурные. На рубеже двух веков он делал только первые шаги и был еще очень далек от завершения.

Ориентация части немецкоязычного населения на Германию побуждала власть к поискам компромисса с другими народами, причем нередко за счет «господствующей нации», к поощрению словенского и чешского национализма против местного немецкого. Начиная с 1879 г., когда от власти были оттеснены немецкие либералы, австрийское правительство, нуждаясь в поддержке национальностей, вынуждено было делать им уступки в языково-культурной сфере, в частности допустить обучение в средней школе на родном языке. Но каждая такая уступка подливала масла в огонь немецкого национализма, вызывая острые правительственные кризисы. Кабинет князя Альфреда Виндишгреца пал в 1895 г. только потому, что предложил ввести обучение в высших учебных заведениях на словенском языке параллельно с немецким. Та же судьба была уготована и пришедшему ему на смену правительству польского графа Казимира Бадени. Он принял серьезную попытку решить обострившуюся чешскую проблему путем уравнивания в правах чешского и немецкого языков в землях короны Св. Вацлава, что привело к острейшему конфликту. В апреле 1897 г. в целях обеспечения полного равенства двух языков в государственных учреждениях Чехии, Моравии и Силезии правительство Бадени сделало обязательным знание чиновниками обоих языков. Не выучившие второй язык в течение трех лет чиновники подлежали увольнению. Обязательное двуязычие вводилось, однако, не только в районах совместного проживания двух народов, но и в немецких городах, в частности в Судетской области. Возмущение, охватившее немецкое население, вылилось в уличные беспорядки, причем не только в Чехии, где властям пришлось ввести чрезвычайное положение, но и в Граце, Вене и некоторых других городах Австрии. Волнения, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями, Бадени удалось подавить с применением вооруженной силы, но удержаться у власти он не смог и в ноябре 1897 г. вынужден был подать в отставку.

Немцы Чехии в качестве компромисса предложили создать административные округа, разделенные по национальному признаку, чему чехи решительно воспротивились. Работа парламента была парализована обструкцией немецких депутатов.

К старым, привычным национальным проблемам империи Габсбургов в конце XIX в. добавились этнические и религиозные противоречия нового образца. Австро-Венгерская монархия стала колыбелью как современного политического антисемитизма, так и его антипода — идеологии сионизма. Последний явился ответной реакцией на дискриминацию, на усилившиеся в обществе антисемитские настроения, хотя в либеральной монархии не было погромов и массового психоза на расово-религиозной почве, как в некоторых других странах континента.

Появлению ростков обоих течений способствовала та специфическая атмосфера, которая царилa в империи на рубеже двух веков. В период дуализма в результате миграций резко возросла численность еврейского населения Австро-Венгрии. Если в середине XIX в. в австрийской половине империи евреев было менее полумиллиона, то в 1910 г. их численность превышала 1,3 млн. За это же время еврейское население Венгрии выросло с 200 тыс. до 932 тыс. (4,5% всего населения страны). Неизмеримо более высоким был удельный вес еврейского элемента в банковской сфере, адвокатуре, газетно-издательском деле, публицистике, в музыкальной жизни и живописи. Возрастание роли еврейского этноса в быстро развивавшихся сферах экономики и общественной жизни Вены, Будапешта, Праги, Кракова, Львова и других городов сопровождалось трансформацией традиционного, религиозной окраски антииудаизма в современный антисемитизм. Доминировал еврейский элемент и в руководстве социалистических организаций Австрии и Венгрии. Социалисты в силу своих убеждений были оппозиционны капиталу, в том числе и еврейскому, и существующему режиму. Не существовало, таким образом, какого-то единого гомогенного еврейского общества, оно было социально расколото и идеологически глубоко дифференцировано. Еврею — банкиру и ростовщику противостоял еврей — ремесленник или рабочий, исповедовавший антикапиталистические идеи и активно участвовавший в социалистическом движении. Тем не менее для многих людей с менталитетом обывателя источником всякого зла, всех бедствий страны, народа, государства стали «жидо-масоны», «евреи-хриstopродавцы».

Ответной реакцией еврейских общин было либо отчуждение от общества, от окружающей социально-психологической среды, либо вынужденный отказ от собственной этнической идентичности, т.е. денационализация. Как показали переписи, проводившиеся в империи каждые десять лет начиная с 1880 г., множество лиц еврейского происхождения заявляли себя немцами, мадьярами, чехами, поляками (в Галиции) и т.д. Ассимилированные

охотнее всего идентифицировали себя с «государственными народами» (в Венгрии, например, они активно участвовали в мадьяризации словаков и русин). Но ассимиляция евреев наталкивалась на серьезные препятствия: большинство общества, даже терпимо относившееся к евреям, не шло на полное принятие их в свою среду. Такая ситуация, более типичная для Австрии, чем для Венгрии, поставила еврейский этнос уже тогда, в дототалитарную эпоху, перед дилеммой: либо оставаться в невидимом гетто, быть на положении вечных изгоев, либо вновь, спустя тысячелетие, встать на моисееву стезю, основать собственный «еврейский дом».

Эту дилемму по-своему решил Теодор Герцль, основоположник современного политического сионизма. Он родился в 1860 г. в состоятельной купеческой семье в Пеште; в 1891—1895 гг. изучал право в Венском университете и одновременно сотрудничал в газете «Пестер Ллойд», влиятельном органе финансовой буржуазии Венгрии. Перебравшись в 1894 г. в Вену, он быстро нашел себе место в самой авторитетной и интересной газете Австрии — «Нойе Фрайе Прессе». В качестве ее парижского корреспондента Герцль мог близко наблюдать за разворачиванием нашумевшего дела Дрейфуса (см. гл. 13). Он сочинял пьесы, писал романы; одной из своих пьес он дал красноречивое название «В новом гетто». Смысл ее сводился к тому, что эмансипация евреев в странах с либерально-демократическими режимами обернулась рафинированным прикрытием новой невидимой сегрегации.

В 1896 г. вышло из печати главное произведение сионизма — «Еврейское государство» Т. Герцля. Небольшая брошюра, написанная под непосредственным впечатлением от процесса над капитаном Дрейфусом, была снабжена подзаголовком «Попытка современного решения еврейского вопроса». Свой основополагающий вывод о необходимости создания особого национального государства евреев автор сделал, обобщив сведения о положении еврейского народа главным образом в странах Центральной и Восточной Европы, а также во Франции и Алжире. В брошюре упоминались — в порядке очередности — Россия (где «предаются огню еврейские деревни»), Румыния (где имеют место убийства людей), Германия (избиение людей), Австрия (где антисемиты терроризируют всю общественную жизнь), Алжир (где выступают кочующие подстрекатели) и Париж, где так называемое лучшее общество, сталкиваясь с евреями, «застегивается на все пуговицы, наглухо закрывает перед ними двери света». Все формы дискриминации евреев, указывал автор, сводятся к одному общему знаменателю, выраженному в классическом берлинском кличе: «Евреев вон!» («*Juden raus!*»). Явно выходя за пределы реальности,

он без всяких оговорок объявлял все «народы, у которых живут евреи, целиком и полностью стыдливými или бесстыдными анти-сеμίтами». В заключение автор призывал своих соотечественников отправиться «на нашу незабываемую любимую родину» и основать там новое национальное еврейское государство. С этой же целью Т. Герцль организовал первый Всемирный еврейский конгресс, на котором было создано всемирное сионистское движение. Спустя несколько лет (в 1902 г.) был образован общевосточный союз «Сион», провозгласивший своей целью «колони-зацию Палестины и Сирии».

Серьезным оппонентом сионизма выступил скромный раввин одного из венских предместий Йозеф Самуэль Блох, уроженец городка Дукла в Карпатах, депутат рейхсрата. В 80—90-е годы он энергично и не без успеха проповедовал австрийскую идею и австрийский патриотизм. Миссия Австрии, говорил и писал Блох, — не служить политическим противовесом России и Германии, а быть терпимым, плюралистичным обществом, стать альтернативой национализму и идее национального государства. Национальное государство, указывал он, не способно стать правовым государством, ибо оно знает только право сильного (сильнейшего). Блох отвергал как антисемитизм, так и ассимиляцию евреев в окружающей этнонациональной среде. Евреи не должны присоединяться ни к немцам, ни к полякам, русинам, чехам и т.д., а должны быть «австрийскими евреями» или «еврейскими австрийцами»; естественное их состояние — быть австрийскими патриотами, а задача — добиваться компромисса между народами многонациональной Австрии.

Социалистическое движение. Важным элементом модернизации экономических, социальных и политических структур, получившей мощное ускорение после 1867 г., было появление в Австрии и Венгрии крупнопромышленного пролетариата, а также его экономических и политических организаций — социал-демократической партии, профсоюзов, потребительской кооперации, страховых касс, прессы.

Первые социалистические организации в обоих государствах возникли сразу же вслед за введением конституционного строя — в 1867—1868 гг. Тесно связанные с германской социал-демократией, они строились согласно организационным принципам и идейно-теоретическим установкам последней. Весьма значительным, особенно на первых порах, было влияние лассальянства со всеми его негативными и немалыми позитивными элементами. Состоявшийся в конце 1888 — начале 1889 г. первый съезд австрийской социал-демократии провозгласил создание социал-

демократической партии, ставшей в том же году одной из учредительниц II Интернационала. В декабре 1890 г. при помощи II Интернационала и австрийских социалистов произошло образование социал-демократической партии Венгрии. Обе партии заявили о себе как о крупной общественно-политической силе уже в 1891 г. организацией первомайских шествий и демонстраций с участием десятков тысяч рабочих в Будапеште, Вене и других центрах империи.

К началу века обе социалистические партии превратились в самые массовые политические партии своих стран. Они стояли на платформе умеренного марксизма, отвергая как правый ревизионизм Э. Бернштейна (см. гл. 12, 20), так и анархизм, а позднее и леворадикализм большевистско-ленинского толка. Продолжая традиции марксистской ортодоксии, австрийская и венгерская социал-демократии ставили в центр своей деятельности проведение коренных структурных реформ, демократизацию общественного строя, а конкретно — завоевание всеобщего, равного и тайного избирательного права. Избирательная система обеих стран характеризовалась высоким имущественным цензом, существенно ограничивавшим участие в политической жизни трудящихся слоев, лишенных земельной и другой собственности. В Австрии в период дуализма избирательный корпус постепенно расширялся, и в 1906 г. под давлением организованного пролетариата было завоевано всеобщее избирательное право. (В Венгрии, наоборот, закон 1874 г. оказался более умеренным, чем даже соответствующий закон 1848 года.)

В своеобразных социально-экономических и этнополитических условиях монархии на рубеже веков выросло и окрепло особое течение международной социалистической мысли и практики — *австромарксизм*. Среди других направлений марксова социализма он выделялся особой приверженностью к национальной проблематике, плодотворными усилиями модернизировать философские основы марксистского учения с учетом происходившей на рубеже веков революции в естественных науках. Основоположники австромарксизма Карл Реннер и Отто Бауэр научно обосновали теорию культурно-национальной автономии как варианта решения национального вопроса в многонациональной стране и тем привлекли к этому острейшему и сложному вопросу внимание социалистов всего мира, в том числе и российских.

Среди тех, кто черпал свои идеи из теоретического арсенала австромарксизма, были В.И. Ленин и И.В. Сталин, написавший свой известный труд о марксизме и национальном вопросе в январе—феврале 1913 г. в Вене. Русские марксисты резко и

подчас аргументированно критиковали концепцию культурно-национальной автономии, но, разрабатывая свою программу, отталкивались и опирались на нее. Презируемая и третируемая ими культурно-национальная автономия являлась и является в целом ряде конкретных случаев более реалистичным, безболезненным решением национального вопроса, чем возведенный большевиками в абсолют тезис о самоопределении наций «вплоть до отделения».

Пропаганда различных вариантов национальной автономии, разработанных австромарксизмом, не уберегла социалистическое рабочее движение Австрии от проникновения в его ряды национализма. В частности, это выразилось в подрыве чешскими сепаратистами интернационального единства социал-демократической партии и профсоюзного движения. В результате создания «Чехославянской партии», а затем и других ей подобных, социалистическое движение раскололось по национальному признаку раньше, чем произошел распад империи.

Внешняя политика. Внешняя политика Австро-Венгрии в большей мере, чем любой другой из великих держав, определялась особенностями ее внутреннего устройства. В силу полиэтнической структуры и «родства» больших групп славян, румын и даже немцев империи с окружавшими ее соседними государствами австро-венгерская дипломатия должна была постоянно оглядываться на возможные последствия любой своей акции внутри самой империи.

Сразу же после вступления в силу дуалистического соглашения Венгрия решительно заявила о своих правах на определение внешнеполитического курса Дунайской монархии, исходя из венгерских национальных интересов. Позиция Будапешта и лично премьер-министра Андраши сыграла едва ли не решающую роль в срыве стремлений венского двора продолжить традиционную антипрусскую политику, взять реванш за поражение в австро-прусской войне, сколотить под эгидой Австрии антипруссский союз южногерманских государств и таким образом повернуть вспять колесо истории. Вена пошла на сближение с Францией и Италией и была готова даже отдать последней южную часть Тироля. Летом 1867 г. и весной 1869 г., когда дело явно шло к вооруженному столкновению Франции с Пруссией, Наполеон III дважды побывал в Зальцбурге у Франца-Иосифа и обсуждал проект союзного договора. Тогда же Андраши прямо заявил Наполеону III, что в случае войны с Пруссией Франция не должна рассчитывать на Венгрию. Опасаясь внутривнутриполитических осложнений, министр иностранных дел Ф. Бойст отказался под-

держат идею союза с Францией. В результате в июле 1870 г., когда началась франко-прусская война, Австро-Венгрия сохранила нейтралитет. Самостоятельную, идущую вразрез с политикой Вены позицию заняла Венгрия и в вопросе об отношении к княжеству Сербия.

Коренной поворот во внешней политике монархии произошел после провозглашения Германской империи и назначения в ноябре 1871 г. министром иностранных дел Д. Андраши, государственного деятеля новой формации, бывшего участника революции, чьи убеждения были диаметрально противоположны внешнеполитическим традициям династии. Венгр Андраши не испытывал никакого предубеждения по отношению к Пруссии и Германии, с которыми его родина никогда не сталкивалась. Более того, в Пруссии, а затем и объединенной Германии он видел лучшую гарантию против возрождения опасных для Венгрии и дуализма великоавстрийских тенденций. Не слишком церемонился Андраши и с принципом монархической солидарности, имевшим особое значение во взаимоотношениях венского двора с петербургским. Предшественник Андраши Ф. Бойст не только не позволял себе никаких враждебных России акций, но и готов был даже пойти на далеко идущее сотрудничество с ней на Балканах, вплоть до отказа от традиционной австрийской политики сохранения в регионе статус-кво и целостности Османской империи. Со всем этим было решительно покончено, как только министерство иностранных дел в Вене возглавил граф Андраши. С первых же дней пребывания на этом посту он принялся сколачивать коалицию европейских держав, направленную против России, в которой видел главную угрозу свободе не только Венгрии и Австро-Венгрии, но и всей Европы. Он первым из ответственных государственных деятелей в Европе сформулировал доктрину сдерживания русской экспансии на запад и отбрасывания России на восток силой оружия. Однако Лондон и Берлин не поддержали этот авантюристический план. Провал инициативы Андраши позволил германскому канцлеру навязать партнеру собственную игру, дабы реализовать идею возрождения консервативно-охранительного союза трех континентальных империй. В 1873 г. в Вене Александр II и Франц-Иосиф подписали соглашение о взаимных консультациях на случай европейского конфликта. К этому консультативному пакту в октябре того же года присоединился Вильгельм I. В дипломатическую историю он вошел как «Союз трех императоров». Этот союз существенно ограничил свободу действий дуалистической монархии, но в то же время сгладил ее

противоречия с Российской империей. Роль арбитра при этом перешла в руки германского канцлера.

Краеугольным камнем внешней политики Австро-Венгрии был и до конца ее существования оставался союз с Германией. Отношения с Германской империей в течение всего периода дуализма были достаточно равными и более стабильными, чем с любым другим партнером. Взаимоотношения с великим северным соседом — Россией были более динамичны, изменчивы, подвергались воздействию внешних факторов, третьих сил, в частности, они испытывали постоянное давление вечно взрывоопасной ситуации на Балканах, где непосредственно сталкивались интересы обеих держав. Из-за сложившейся на полуострове и вокруг него патовой ситуации, когда ни один великодержавный претендент на гегемонию не был в силах одолеть другого, Петербург и Вена вынуждены были периодически действовать на Балканах совместно, умерять боевой пыл своих тамошних союзников, подавлять всплшки агрессивности балканских монархов.

В 1878 г. Австро-Венгрия оккупировала турецкие провинции Боснию и Герцеговину, населенные сербами, мусульманами, хорватами (эти три этноса различались не по языку и происхождению, а по религии, выступающей в данном случае в качестве этнообразующего фактора), а также турками и евреями. Захват провинций был осуществлен вполне «легально» — согласно единодушной воле участников Берлинского конгресса и с предварительного согласия России. Андраши тем самым нарушил фундаментальный принцип национальной венгерской политики, который в его же изложении звучал так: «Венгерская ладья переполнена богатством, всякий новый груз, даже золотой, может ее только опрокинуть». Эту знаменитую фразу Андраши произнес в мае 1869 г., в бытность главой венгерского правительства, в ответ на предложение Наполеона III «взять» Боснию.

Мандат, выданный Дунайской монархии Берлинским конгрессом 1878 г., предусматривал прекращение волнений и беспорядков в провинциях, а также модернизацию системы управления ими по европейским стандартам. В 1879 г. между Османской империей и Австро-Венгрией была заключена специальная конвенция. В ней помимо официального признания Боснии и Герцеговины частью Османской империи и временного характера оккупации особо оговаривались права султана-халифа в качестве верховного духовного главы мусульман-суннитов, а также права боснийских мусульман и исламской религии. Конвенция гарантировала постоянное, пусть символическое, присутствие бывшей метрополии в Боснии и Герцеговине тем, что подтвердила права

мусульман вывешивать османские флаги на многочисленных минаретах и упоминать султана в публичных молитвах.

Берлинский конгресс, на котором Петербург остался в полном одиночестве, вызвал отчуждение между двумя империями. Отношения между ними еще более ухудшились в 1879 г. после заключения Австро-Венгрией союза с Германией, который был явно направлен против России. Лишь к концу века удалось восстановить взаимопонимание между двумя дворами. Вехами на пути русско-австрийского сближения стали визиты Николая II в Вену в 1896 г. и ответный визит Франца-Иосифа в Петербург в следующем году. Тогда же была достигнута очень важная договоренность о соблюдении статус-кво на Балканах.

Глава 6

ИТАЛИЯ в 1870—1900 гг.

Завершение и исторические итоги национального объединения.

К началу 70-х годов закончилось объединение Италии. Борьба за создание единого национального государства (Рисорджименто) была содержанием исторической эпохи, вместившей в себя целый цикл революций и войн и длившейся почти столетие, но практически объединение итальянских земель началось на рубеже 50—60-х годов XIX в. Большинство из них вошло в состав образованного в 1861 г. Итальянского королевства. За его пределами тогда остались лишь Венецианская область (присоединена в 1866 г.) и Рим с прилегающей территорией (Папское государство). Гарантом неприкосновенности территориальных владений и светской власти папы был заинтересованный в поддержке со стороны папского престола бонапартистский режим во Франции (в Риме находился контингент французских войск). Только во время франко-прусской войны, после того как Франции пришлось вывести из Рима свои войска, а затем рухнула и Вторая империя, король Виктор-Эммануил II решился на присоединение Рима (сентябрь 1870 г.), вскоре провозглашенного столицей Итальянского королевства.

Процесс объединения Италии был сложным по своему характеру. За политическое руководство национально-патриотическим движением боролись два течения, проявившие себя еще в ходе революции 1848—1849 гг., — умеренное (либеральное) и демократическое. Умеренные, лидером которых стал в 50-е годы Б.К. Кавур, выступали за объединение итальянских земель вокруг Сардинского королевства (Пьемонта) под властью правившей в нем Савойской династии, рассчитывая достигнуть цели военно-дипломатическим путем. Демократы во главе с Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди делали ставку на революционные действия (народные восстания, экспедиции добровольческих вооруженных отрядов). Реально в создании единого итальянского государства имело место и то, и другое (Ломбардия, Центральная Италия, Венеция вошли в него в результате войн 1859 и 1866 гг. против Австрии, Юг — в результате похода «тысячи» Гарибальди и падения монархии неаполитанских Бурбонов в 1860 г.). Но на заключительном этапе объединительного движения ведущую роль за-

крепили за собой умеренные. Политический облик единой Италии отвечал именно их устремлениям: это была монархия под скипетром Савойского дома, воспринявшая конституцию Пьемонта (Альбертинский статут 1848 г.). Правительственная власть в Итальянском королевстве — так же как до этого в Пьемонте — была вручена самим умеренным.

Ликвидация территориальной раздробленности устранила главное препятствие к утверждению в Италии капиталистических общественных отношений, создав политические условия, необходимые для развития складывавшегося общенационального рынка. Непосредственно в этом была заинтересована прежде всего буржуазия. Верхний ее слой, а также обуржуазившееся дворянство составили социальную опору умеренного крыла национального движения. Демократы же, стремясь пробудить к активным действиям «народ», искали поддержки в среде не только имущих классов, но реально смогли увлечь за собой главным образом городские мелкобуржуазные элементы и часть ремесленных рабочих. Их программа не содержала каких-либо требований, которые могли бы найти отклик со стороны крестьян (в то время — основной массы населения Италии): демократы, а тем более умеренные, опасались затрагивать сложившуюся систему поземельных отношений. В результате крестьянство осталось в стороне от борьбы за национальное единство, а в новом государстве сохранилась помещичья собственность полуфеодального типа (латифундии на Юге), и крупные землевладельцы разделили власть с буржуазией.

Объединившись, Италия смогла включиться в общий ход развития стран Запада после завершения эпохи буржуазных революций. Но произошедшие в ней изменения коснулись в первую очередь государственно-политической сферы и оказались гораздо менее глубокими в сфере социальных отношений.

Политическая система. «Правая» и «левая». Объединенная Италия была конституционной монархией с двухпалатным парламентом. Ее конституция, подобно другим либеральным конституциям того времени, провозглашала гарантию свободы личности, неприкосновенность жилища и основные гражданские права — свободу печати, собраний, равенство всех уроженцев страны перед законом. Но в предусмотренном конституцией политическом устройстве парламенту отводилась подчиненная по отношению к монарху роль. Парламент не обладал полнотой законодательной власти и делил ее с королем. Выборной была только нижняя палата парламента (палата депутатов), верхняя же (сенат) формировалась по назначению короля. Король назначал и увольнял в отставку министров. Ответственность министров перед пар-

ламентом стала входить в традицию, но не была четко оговорена как конституционный принцип (по Конституции, парламент имел лишь право возбуждать против министров обвинение перед Верховным судом).

Круг лиц с правом голоса на парламентских выборах вплоть до начала 80-х годов был крайне узок (около 2% от всего населения страны). К участию в выборах допускались лишь мужчины старше 25 лет, грамотные и платившие не менее 40 лир прямых налогов в год (по данным на 1879 г., под этот имущественный ценз подходили 16,8% плательщиков прямых налогов) или же принадлежавшие к определенным профессиональным категориям (чиновники, служащие и т.д.).

В Италии долгое время не было политических партий как таковых. Их заменяли довольно расплывчатые политические группировки, не имевшие определенных программ и существовавшие только на парламентском уровне. До 1876 г. у власти находилась так называемая «правая», преемственно связанная с умеренным крылом национально-объединительного движения. Наиболее видными деятелями «правой» были Джованни Ланца (премьер-министр в 1869—1873 гг.), Марко Мингетти (премьер-министр в 1863—1864 и 1873—1876 гг.), Квинтино Селла (министр финансов в ряде кабинетов). Другая группировка («левая») вобрала в себя тяготевшую влево часть умеренных и тех демократов, которые в отличие от непреклонного республиканца Мадзини примирились с существованием монархии и выдвинули формулу «республика нас разъединяет, а монархия объединяет». Подобная эволюция была проявлением характерной для итальянской политической жизни особенности, получившей название *трансформизма*. Этим понятием стали обозначать постоянный процесс «смены вех» в рядах оппозиции, представители которой, сближаясь с правящей группировкой, в конце концов включались в ее состав.

Приверженность либерализму была общей и для «правой» и для «левой», но с различиями в оттенках. Их поддерживал один и тот же блок социальных сил, в котором, однако, соотношение между отдельными составляющими — торговая, финансовая, землевладельческая, промышленная буржуазия — постепенно менялось в пользу последней.

«Правая» в годы своего правления проводила политику свободы торговли, которая была выгодна в первую очередь землевладельческим слоям, заинтересованным в экспорте сельскохозяйственной продукции. До определенного момента она устраивала и промышленников, т.к. позволяла ввозить оборудование для предприятий (его в Италии тогда не производили) и дефицитные

виды сырья. Но по мере укрепления своих позиций промышленные круги начинали добиваться мер по защите от иностранной конкуренции, ориентируясь на «левую» в надежде на их осуществление.

В то же время «правая» активно использовала государственные рычаги для воздействия на определенные экономические процессы. Это в особенности касалось развития железнодорожного транспорта. Частным железнодорожным компаниям оказывалась щедрая финансовая поддержка из государственных средств (за 1862—1876 гг. предоставленные им субсидии на строительство и эксплуатацию железных дорог составили около 7,5% бюджетных расходов). С 1873 г. железные дороги начали выкупаться государством, которое постепенно становилось собственником большинства линий.

«Левая» в принципе стремилась свести вмешательство государства в хозяйственную жизнь к минимуму. В 1876 г. она нанесла «правой» поражение в парламенте, отвергнув правительственный законопроект о государственной эксплуатации железных дорог, и пришла к власти. Новый кабинет возглавил лидер «левой» Агостино Депретис. Принадлежавшие государству железные дороги были в 1885 г. переданы в эксплуатацию трем компаниям, связанным с несколькими крупными банками.

Но, одержав верх над «правой» под флагом более либеральной экономической политики, «левая» в вопросе о протекционистских пошлинах уступила нажиму промышленников и стала постепенно вводить их. Более того, в условиях аграрного кризиса 80-х годов система промышленного протекционизма была дополнена введением высоких ввозных пошлин на зерно. Это отвечало прежде всего интересам латифундистов Юга, стремившихся закрыть доступ на внутренний рынок дешевому заокеанскому зерну, и окончательно скрепило их союз с новым правящим классом Италии. Осуществленный «левой» вопреки собственным доктринальным установкам поворот от свободы торговли к протекционизму был, впрочем, выражением общей для того времени тенденции: чуть раньше или чуть позже он произошел в Германии и во Франции.

«Правая» в бытность у власти проводила жесткий курс на административную централизацию, реорганизуя административную деятельность во всей стране по образцу Пьемонта и с использованием пьемонтского управленческого персонала. Это вызывало недовольство населения других перешедших под власть Савойской династии областей (особенно южных), новые порядки воспринимались там как нечто чуждое, навязанное «королевским завоеванием». «Левая» учитывала отрицательные последствия подобной

политики и выступала за большую самостоятельность местной администрации по отношению к центральной власти.

В правление «левой» был сделан первый шаг к демократизации системы выборов в палату депутатов. Проведенная в 1882 г. избирательная реформа увеличила число лиц, имеющих право голоса, более чем в три раза за счет снижения возрастного ценза (21 год вместо 25), уменьшения примерно вдвое имущественного ценза и его возможной замены цензом образовательным (экзамен в объеме программы начальной школы при обязательности с 1877 г. начального образования).

В целом «левая» по сравнению с «правой» стояла на позициях более последовательного либерализма — экономического и политического.

Церковь и государство. Итальянское либеральное государство сразу же оказалось в состоянии острого конфликта с папским престолом. Папа Пий IX, возглавлявший римскую церковь с 1846 г., не только официально осуждал принципы и всю систему ценностей либерализма как такового, но именно в результате объединения Италии лишился своей светской власти. После занятия итальянскими войсками Рима Пий IX отлучил от церкви всех, кто прямо или косвенно способствовал «узурпации» его владений, и подтвердил провозглашенный еще в 1867 г. принцип «*non expedit*» («не подобает»), означавший запрет на участие итальянских католиков в парламентских выборах.

С другой стороны, правящие круги Италии в ответ на явную враждебность высшей католической иерархии объединительному движению уже в 60-е годы проводили довольно решительную антиклерикальную политику. В 1860—1861 гг. была осуществлена частичная секуляризация церковной собственности, а в 1866—1867 гг. — роспуск около 2/3 тыс. религиозных конгрегаций. За присоединением Рима последовало принятие так называемого «закона о гарантиях» (март 1871 г.), по которому итальянское государство предоставляло папе свободу осуществления его духовной власти, признавало за ним право на дипломатические сношения с иностранными державами, обязывалось ежегодно отпускать свыше 3 млн лир на содержание папского двора, освобождало итальянских епископов от присяги на верность королю — но при ограничении территориальных владений папы лишь Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и загородной виллой. Иными словами, упразднение светской власти папы считалось окончательным.

Но Пий IX не собирался отказываться от притязаний на Рим и другие ранее принадлежавшие ему территории. Он отверг статус, предлагаемый «законом о гарантиях», и объявил себя «ватиканским узником», т.е. пленником итальянского государства. В

поддержку папы выступили клерикальные силы Франции и некоторых других стран. Наиболее фанатичные клерикалы в первой половине 70-х годов пытались привлечь к «римскому вопросу» внимание европейской дипломатии и даже помышляли о помощи папе посредством военной интервенции.

В 1878 г. после смерти Пия IX его преемником стал Лев XIII. У власти в Италии в это время уже находилась «левая». При новом понтификате (1878—1903) отношения между папским престолом и итальянским государством не улучшились, тем более что «левая» в начале своего правления предприняла новое и более радикальное наступление на клерикализм. Обязательному начальному образованию по закону 1877 г. придавался светский характер (закон божий мог преподаваться лишь факультативно), в 1878 г. была введена гражданская регистрация браков.

Подобного рода антиклерикальные меры не были в то время чем-то исключительным на фоне других стран. Но в Италии в силу названных выше причин взаимоотношения между государством и католической церковью складывались драматичнее, чем где-либо. Их конфликтный характер дополнительно усиливало отчуждение от либерального государства массы населения, уже предопределенное тем, как действовали важнейшие политические силы в период объединения.

Экономическое развитие. Южный вопрос. Объединение Италии ускорило эволюцию ее экономики в буржуазном направлении. Уже в 1859—1860 гг. были уничтожены таможенные барьеры на границах прежних государств, в 1862 г. введена единая для всего Итальянского королевства денежная система. Эти меры способствовали оживлению товарооборота между отдельными областями страны. Но особенно важное значение в этом плане имело широко развернувшееся железнодорожное строительство.

Сооружение разветвленной, охватывающей всю страну железнодорожной сети подкрепляло единство национальной территории материально, экономически. Как образно выразился один из политических деятелей того времени, железные дороги должны были стать «нитями, которые сошьют итальянский сапог». Их общая протяженность, составлявшая в 1862 г. около 3 тыс. км, к 1900 г. достигла почти 16 тыс. км. На этом строительство железных дорог в Италии практически завершилось, т.к. экономической потребности в прокладке новых линий уже не было.

Накопление капитала активнее всего шло в кредитно-финансовой сфере. За 1861—1881 гг. она дала рост дохода на 1000%, что во много раз превышало показатели по другим секторам экономики. В частности, этому способствовала острейшая нужда в средствах, которую испытывало государство, оказавшееся перед необходимостью покрывать помимо обычных затрат весьма доро-

гостоящие «издержки по объединению» (военные расходы, в 1861—1871 гг. достигавшие свыше 25% бюджетных ассигнований, выплата пенсий чиновникам прежних режимов). Государственный долг Итальянского королевства за первые полтора десятилетия его существования вырос более чем в 3,5 раза и в 1876 г. вместе с процентами в 8 с лишним раз превосходил размер доходной части бюджета. Бюджет до 1875 г. неизменно сводился с дефицитом.

В этой ситуации казна не могла обойтись без широких финансовых заимствований. Главным кредитором государства стал Национальный банк, которому в 1866 г. была за это предоставлена привилегия в виде установления так называемого принудительного курса на его банкноты, просуществовавшего до 1883 г. Банкноты Национального банка, курс которых поддерживался искусственно, были освобождены от обязательного размена на металлические деньги, получили хождение наравне с государственными казначейскими билетами и по существу вытеснили их, превратившись в основное платежное средство внутри страны. Используя свое монопольное право на выпуск таких банкнот, Национальный банк постоянно наращивал их обращение сверх оговоренной с казначейством суммы.

Другим важнейшим средством пополнения государственных финансов была жесткая налоговая политика. Усиление нажима на налогоплательщиков шло особенно интенсивно при «правой». Наиболее ненавистным населению стал налог на помол зерна, установленный в 1868 г. и отмененный только после падения «правой». Его введение вызвало по всей Италии массовые волнения в деревне, подавленные с применением вооруженной силы. На протяжении 1862—1876 гг. общая сумма поступлений в казну по основным налогам выросла в 2,5 раза, а их доля в составе доходной части бюджета — с 76 до 81%. При подобной фискальной политике масштабы накопления в производственных секторах экономики были весьма ограниченными, а темпы их роста более медленными по сравнению с секторами торговли, транспорта и услуг.

При нехватке в Италии собственных капиталов значительным был их приток извне — прежде всего в наиболее прибыльные сферы приложения. С участием сначала французского и английского, а позже германского капитала создавалась итальянская банковская система. Частный капитал, вкладывавшийся в строительство железных дорог, в 60-е годы был преимущественно иностранного происхождения. Иностранцами держателям принадлежало в 1865 г. более 1/3 стоимости ценных бумаг, выпущенных в счет обязательств по государственному долгу Италии. В начале 80-х годов правительство, готовясь к отмене принудительного

курса и восстановлению свободного размена бумажных денег на металлические, прибегло к займу у четырех банков (в том числе двух английских и одного французского) на сумму в 644 млн лир золотом и серебром под 5% годовых. Размещенные в Италии в 1882—1887 гг. другие вложения иностранного капитала оцениваются в размере еще 500 млн лир (для сравнения: доходы бюджета составляли 1301 млн лир в 1881 г., 1449 млн лир — в 1887—1888 гг.).

Благодаря расширению рынка до общенациональных масштабов и развитию новых средств сообщения ускорилось отделение промышленности от земледелия и переход от ремесла и мануфактуры к фабрике. Но фабричное машинное производство стало господствующим не раньше 90-х годов. За первые два десятилетия после объединения (1861—1881) чистый продукт обрабатывающей промышленности вырос лишь на 27%, а доля промышленного сектора в создании национального дохода даже сократилась с 20,3 до 17%.

Италия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. На долю сельского хозяйства в создании национального дохода приходилось в последней трети XIX в. почти 58% и примерно такой же процент самостоятельного населения.

В процессе национального объединения произошло существенное перераспределение земельной собственности, но всецело в интересах буржуазии, без посягательства на крупное землевладение полуфеодалного типа и в ущерб крестьянству. Раньше крестьяне пользовались на общинных землях так называемыми сервитутными правами (на выпас скота, заготовку дров в лесу и т.д.), что было для них некоторым хозяйственным подспорьем. Теперь они лишились этих прав в результате легализованного государством захвата значительной части общинных земель буржуазными собственниками. Пущенные в продажу ради пополнения казны земли из государственного фонда и бывшие церковные земли также приобретались главным образом состоятельными буржуа.

Сельское хозяйство вовлекалось в ускорившееся развитие товарных отношений и капиталистического производства при глубоких различиях между отдельными регионами. На Севере, особенно в Ломбардии, преобразование аграрной экономики на буржуазный лад началось задолго до национального объединения и теперь быстро прогрессировало, распространившись также на расположенную в нижнем течении р. По область Эмилия, географически относящуюся к Центральной Италии. В Центре господствовал аграрный строй, в наиболее чистом виде представленный в Тоскане, — система испольщины, сложившаяся еще в XV в.

как переходная от феодальных к раннекапиталистическим отношениям, но с тех пор как бы законсервировавшаяся и непроницаемая для экономических нововведений собственно буржуазного характера. Наконец, южная часть континентальной Италии и острова Сицилия и Сардиния были зоной полуфеодальных латифундий, где всецело преобладали докапиталистические методы ведения хозяйства. Здесь были как бы сконцентрированы пережитки феодализма, не затронутые в ходе борьбы за национальное единство. Развернувшееся на Юге в начале 60-х годов крестьянское движение, в котором неприятие новой власти сочеталось с борьбой за землю против помещиков-латифундистов, было официально объявлено «бандитизмом» и разгромлено.

К моменту объединения Италии Юг, несомненно, уступал Северу по уровню своего экономического развития. Это отставание не было катастрофическим и могло бы быть преодолено, если бы в образовавшемся едином государстве власть целенаправленно действовала соответствующим образом. Но произошло обратное: либеральная буржуазия сделала выбор в пользу такой политики, которая независимо от субъективных намерений тех, кто ее проводил, закрепляла и усугубляла экономическую, социальную, культурную отсталость Юга.

Тяжесть налогового бремени ощущалась на Юге гораздо сильнее, чем в других частях страны. Унификация налоговой системы была проведена на основе налоговых ставок, действовавших в Пьемонте и оказавшихся для Юга непомерно высокими. Некоторых налогов, установленных после объединения, здесь прежде вообще не было. По налоговым каналам и без того скудные на Юге свободные капиталы выкачивались практически полностью.

Капитализм проникал на Юг главным образом «извне», в формах, напоминавших его развитие в колониальных и зависимых странах. Огромные масштабы приобрело ростовщичество. Гнет латифундиста и ростовщика вынуждал крестьян покидать родные места, но поток мигрантов не поглощался промышленностью, которой на Юге практически не было: традиционное ремесленно-мануфактурное производство гибло под ударами конкуренции из-за рубежа и со стороны начинавшего индустриализоваться Севера, а новая промышленность не развивалась из-за отсутствия капиталов. Становилась массовой эмиграция из Южной Италии, которая отличалась от эмиграции из северных областей, имевшей временный характер и направлявшейся в сопредельные европейские страны: эмигранты с Юга устремлялись главным образом за океан и оседали там окончательно. В 1901—1909 гг. их среднегодовое число приблизилось к 300 тыс., увеличившись почти в 10 раз по сравнению с 1876—1886 гг.

Постоянная социальная напряженность на Юге толкала центральную власть к широкому использованию в этом регионе репрессивных мер (карательные экспедиции, введение режима осадного положения), плохо вязавшихся с либеральным «имиджем» нового единого государства. В условиях цензовой избирательной системы Юг с его бедным и в огромном большинстве неграмотным населением оказывался ущемленным и в своем праве на политическое представительство в парламенте: в 60-е годы участвовать в выборах мог на Севере каждый 12-й, а на Юге — лишь каждый 38-й житель.

Так в Италии возник целый комплекс проблем, обобщенно именуемый «южным вопросом».

Становление социалистического движения. После национального объединения в Италии становились все очевиднее социальные последствия набравшего силу развития капитализма. Углублялся раскол общества на богатых и бедных. Об этом не могли не задумываться те, кто мечтал о будущей единой Италии как о царстве социальной справедливости. Масса ранее самостоятельных ремесленников превращалась в наемных рабочих, по мере развертывания промышленного переворота начинал формироваться фабрично-заводской пролетариат. Стихийно возникавшие забастовки были первыми, подчас весьма бурными проявлениями борьбы между трудом и капиталом.

Первыми рабочими организациями в Италии были общества взаимопомощи. Они начали создаваться в Пьемонте еще до национального объединения по инициативе умеренных, но в 60-е годы в них возобладало влияние Мадзини. В отличие от умеренных, настаивавших на аполитичности этих организаций, лидер демократического крыла национального движения выступал за участие организованных рабочих в политической борьбе, имея в виду поддержку ими объединительного процесса. Социальная программа Мадзини основывалась на идее сотрудничества классов.

К концу 60-х годов призыв к такому сотрудничеству находил все меньший отклик среди рабочих, а с другой стороны, от Мадзини стала отходить наиболее радикальная часть демократов — разночинная молодежь, еще недавно активно участвовавшая в походах Гарибальди. В Италию начали проникать идеи Интернационала.

Намечавшиеся сдвиги в этом направлении были ускорены воздействием Парижской Коммуны 1871 г. Резко отрицательная позиция, которую занял по отношению к Коммуне Мадзини, окончательно подорвала его влияние в рабочих обществах и оттолкнула от него радикально настроенную молодежь, из среды которой вышли зачинатели собственно социалистического движе-

ния. Организации, примыкавшие к I Интернационалу, стали создаваться во множестве. Но большинство из них знакомились с платформой Интернационала в анархистской интерпретации М.А. Бакунина и вскоре оказалось на его позициях (об анархизме Бакунина и его деятельности в I Интернационале см. в гл. 9).

Анархистские идеи Бакунина (уничтожение государственной власти, воздержание от любых действий политического характера) получили распространение преимущественно в Центральной и особенно Южной Италии, где в массе населения остро ощущалось отчуждение от новой политической системы, проявлялась враждебность ко всему, что исходило от государства, и нередко возникали принимавшие бунтарскую форму крестьянские волнения. Влияние бакунизма преобладало в итальянском социалистическом движении вплоть до середины 70-х годов, но затем пошло на убыль. Этому способствовал, в частности, провал двух попыток сторонников Бакунина начать повстанческие действия — в 1874 г. в окрестностях Болоньи и в 1877 г. в местечке Сан Лупо (Южная Италия).

На рубеже 70—80-х годов с анархизмом порвал Андреа Коста, в прошлом наиболее авторитетный лидер итальянских бакунистов. Его примеру последовали многие. В 1881 г. Коста основал в своей родной области Романья Революционно-социалистическую партию, которая в дальнейшем нашла сторонников и в других частях Италии. Она отказалась от анархистского принципа неучастия в политической борьбе и высказалась за установление в ходе революционного переустройства общества «временной диктатуры трудящихся классов». После парламентской реформы 1882 г. Коста первым среди социалистов был избран в палату депутатов.

Почти одновременно возникла другая организация — Рабочая партия, опорой которой первоначально была Ломбардия. Партия не выдвигала собственно социалистических целей и считала своей главной задачей организацию «сопротивления капиталу», т.е. борьбу за экономические требования рабочих. По сравнению с Революционно-социалистической партией она приобрела более массовый характер, но, называя себя «партией мозолистых рук», допускала в свои ряды только работников физического труда.

Во второй половине 80-х годов ускорилось проникновение в Италию марксистских идей (первое знакомство с ними некоторых итальянских социалистов было связано еще с деятельностью I Интернационала). На итальянский язык начали переводиться теоретические произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. В результате длительной идейной эволюции к марксизму пришел философ и историк, профессор Римского университета Антонио Лабриола

(1843—1904), который завязал переписку с Энгельсом и сам стал видным теоретиком-марксистом. Марксизм стремились освоить и пропагандировать основатели Миланской социалистической лиги адвокат Филиппо Турати и эмигрантка из России Анна Кулишова (Макаревич), имевшая контакты с плехановской группой «Освобождение труда».

Турати и Кулишова предложили создать партию, которая объединила бы все течения, представленные в итальянском социалистическом движении, за исключением анархистов. Съезд, положивший начало существованию такой партии, состоялся в Генуе в 1892 г. Новая партия называлась Партией итальянских трудящихся, а в дальнейшем приняла название Итальянской социалистической партии (ИСП).

С образованием ИСП завершился процесс становления в Италии политической партии рабочего класса. В то же время она стала первой в своей стране политической партией в собственном смысле слова, центром притяжения левых оппозиционных сил и уже в 90-е годы приобрела значительное влияние.

Внешняя политика Италии в 70—80-е годы. В первое время после объединения Италия не проявляла значительной активности на международной арене. Внимание правящих кругов было всецело поглощено сложными внутривнутриполитическими проблемами.

Тем не менее уже в 70-е годы начало определяться место Италии в раскладе сил в Европе после франко-прусской войны. Ее нейтралитет во время войны был благожелательным по отношению к Пруссии. Объединившаяся Германия, которая после разгрома Франции претендовала на гегемонию в Европе, рассматривалась как весьма желательный партнер (подтверждением тому был визит короля Виктора-Эммануила II в Берлин в 1873 г.). Отношения с Францией, наоборот, были весьма напряженными, т.к. она оказывала поддержку папству: осенью 1870 г. на рейд ближайшего к Риму итальянского порта Чивитавеккья был демонстративно введен французский крейсер «Ориноко», да и позже, при «временном режиме» Тьера и президентстве Мак-Магона, от Франции еще продолжала исходить инспирируемая клерикалами угроза военной интервенции для восстановления светской власти папы.

Отношение к Австро-Венгрии определялось тем, что монархия Габсбургов в недавнем прошлом была главным внешним врагом объединения Италии. В середине 70-х годов возникло политическое течение, которое считало национальное объединение еще не завершенным, поскольку в составе Австро-Венгрии остались территории с итальянским населением (Триест, южная часть Тироля). Сторонников присоединения к Италии этих «не-

искупленных земель» (*terre irredente*) стали называть ирредентистами. Ирредентистская агитация еще больше осложняла итало-австрийские отношения.

К концу 70-х годов Италия начала проявлять заинтересованность в приобретении колоний. Ее привлекал прежде всего Тунис, но на него одновременно претендовала Франция. Итало-французское соперничество из-за Туниса подогревалось Германией, которая стремилась еще больше ухудшить и без того недружественные отношения между двумя «латинскими сестрами». Захват Туниса Францией в 1881 г. усилил в Италии стремление сблизиться с Германией в расчете также и на возможную в будущем поддержку с ее стороны в борьбе за колонии.

Однако Германия, уже связанная к этому времени союзными отношениями с Австро-Венгрией, дала Италии понять, что «путь в Берлин лежит через Вену». Ради союза с Германией Италии пришлось смириться с перспективой стать также и союзницей своего вчерашнего врага. В 1882 г. австро-германский союз превратился в Тройственный союз с участием Италии (подробнее о его условиях см. в гл. 8). Но у Италии продолжали существовать противоречия с Австро-Венгрией, неизменно осложнявшие ее положение внутри этого блока.

Свою колониальную экспансию Италия после неудачи в Тунисе попыталась продолжить в Восточной Африке. Завладев опорными пунктами на побережье Красного моря, она задалась целью подчинить себе территории, населенные эфиопскими племенами. Но в начале 1887 г. итальянский экспедиционный корпус потерпел поражение при Догали, и Италии пришлось временно отказаться от этих планов.

90-е годы: «кровавое десятилетие». В 1887 г. очередной кабинет сформировал Франческо Криспи. В прошлом активный сподвижник Гарибальди, он стал затем видным деятелем «левой», а в 80-е годы возглавил внутри этого течения оппозиционную Депретису группировку. Но к моменту, когда Криспи занял пост премьера, «левая» как правящая сила практически уже исчерпала себя и сами прежние политические разграничения, постепенно стиравшиеся под воздействием трансформизма, утратили былое значение. Криспи выдвинулся на авансцену именно благодаря своей готовности действовать не считаясь с традициями и условностями политического обихода и добиваться поставленных целей любыми средствами. Образцом, которому стремился следовать Криспи как политик, был «железный канцлер» Бисмарк в Германии.

Прогерманская внешнеполитическая ориентация Италии при Криспи усилилась. В 1888 г. с Германией была подписана

военная конвенция, согласно которой Италия в случае войны ее партнеров по Тройственному союзу с Францией и Россией обязывалась атаковать Францию на альпийской границе, а также направить в Германию 6 армейских корпусов и 3 кавалерийских дивизии для участия в военных операциях на Рейне. Итало-французские отношения с конца 80-х годов дополнительно осложнились разгоревшейся между двумя странами таможенной войной.

Во внутренней политике Криспи с самого начала встал на путь усиления правительственной власти в ущерб власти парламента. В нарушение традиции он занял в правительстве сразу три важнейших поста (премьера, министра иностранных дел и министра внутренних дел), а при формировании нового кабинета после выборов 1889 г. стал премьером без утверждения его кандидатуры парламентом. Началось наступление на гражданские свободы: закон 1889 г. ограничил конституционное право собраний, поставив его осуществление в зависимость от санкции префектов и полицейских властей. По отношению к рабочему и социалистическому движению стал проводиться откровенно репрессивный курс. В 1890 г. была запрещена первомайская демонстрация и впервые применено оружие против стачечников. Палата депутатов под нажимом премьера согласилась на преследование в судебном порядке арестованного за участие в манифестации парламентария-социалиста Косты и аннулирование его мандата.

Второй кабинет Криспи продержался до февраля 1891 г. Его падению способствовал рост общественного недовольства в связи с серьезными экономическими трудностями, которые переживала Италия на рубеже 80—90-х годов, когда спекулятивный подъем предшествующих лет сменился глубоким кризисом в промышленности, торговле и банковском деле. Преемником Криспи на посту премьера стал Антонио Рудини, а затем Джованни Джолитти — политический деятель с большим будущим, который тогда лишь начинал приобретать известность. Возникшую угрозу социальных потрясений Джолитти надеялся отвести проведением налоговой реформы, улучшением законодательства об охране труда и т.п. мерами.

Но именно при кабинете Джолитти на Сицилии развернулось массовое крестьянское движение, направленное против латифундистов и сельских муниципалитетов. Участники этого движения объединялись в Союзы трудящихся, в которых активную роль играли социалисты. Общая численность созданной в 1893 г. на их базе Сицилийской социалистической федерации составила около 50 тыс. членов. Действия полиции против крестьянских союзов лишь еще больше накаляли обстановку. К тому же стали достоянием гласности скандальные аферы Римского банка и коррупци-

онные связи с ним видных политиков, включая министров. В конце 1893 г. скомпрометированное этой «итальянской Панамой» правительство Джолитти ушло в отставку, а новый кабинет опять возглавил Криспи.

Возвращение Криспи к власти ознаменовалось жестоким подавлением сицилийского движения. На Сицилии было введено осадное положение, туда были посланы воинские подкрепления, солдаты и полиция неоднократно пускали в ход оружие против бунтующих крестьян (жертвы этих расправ исчислялись десятками). Крестьянские союзы были распущены, их руководители преданы суду военного трибунала и приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Затем последовал скопированный с бисмарковского образца итальянский вариант исключительного закона против социалистов. Используя как предлог участвовавшие террористические акты анархистов, Криспи летом 1894 г. добился принятия парламентом закона о чрезвычайных мерах по охране общественной безопасности. Вскоре этот закон был дополнен министерским декретом, согласно которому все существующие в Италии рабочие организации квалифицировались как анархистские и запрещались. Удар был направлен прежде всего против социалистической партии. На легальном уровне она сохранила лишь свою фракцию в парламенте из 6 депутатов.

Одновременно Криспи активизировал захватническую политику Италии в Восточной Африке. Приобретенные к середине 80-х годов итальянские владения на побережье Красного моря (Ассабл и Массауа) были в 1890 г. объединены в колонию Эритрея, которая стала опорной базой для новой агрессии против эфиопских племен. К тому времени один из племенных вождей по имени Менелик, которого Италия в своих интересах поддерживала против остальных, объединил под своей властью ряд племен и провозгласил себя негусом, т.е. императором Абиссинии (тогдашнее название Эфиопии). Италии удалось обманным путем навязать Абиссинии договор о протекторате (формулировка, означавшая статус протектората, содержалась только в итальянском тексте договора), но затем Менелик разорвал его. Тогда Италия начала вмешиваться в межплеменную борьбу в Абиссинии уже на стороне противников Менелика. В 1895 г. она попыталась аннексировать пограничную с Эритреей область Тигрэ. Однако Менелик сумел преодолеть межплеменную рознь ради совместного отпора итальянской агрессии. Его армия в марте 1896 г. в сражении при Адуа разгромила итальянский экспедиционный корпус численностью в 17 700 чел, который потерял убитыми, ранеными и пленными более 45% личного состава, а также всю артиллерию и обоз.

Сокрушительное поражение в Африке вызвало отставку Криспи и его окончательный уход из политики. При новом кабинете, который вторично возглавил Рудини, правительственный курс на некоторое время смягчился. Была объявлена амнистия осужденным участникам крестьянского движения на Сицилии, подписан мир с Абиссинией на условиях полного признания ее независимости. Возобновилась легальная деятельность социалистической партии, которая на состоявшихся в 1897 г. парламентских выборах завоевала уже 15 мест в палате депутатов.

Но политическая передышка оказалась недолгой. В правящем лагере и после провала диктаторских поползновений Криспи существовала сильная тенденция в пользу ограничения гражданских свобод и прерогатив парламента (утверждалось, что согласно истинному духу конституции министры ответственны не перед парламентом, а перед королем). Вновь резко обострилась социальная напряженность. Зимой 1897—1898 гг. начались и к весне охватили всю страну массовые выступления в связи с дороговизной продуктов питания. Кульминацией этого движения стали события в Милане в первых числах мая, принявшие уже политическую окраску: в ответ на запрещение социалистической листовки возникли столкновения между рабочими и полицией, которые переросли в продолжавшееся пять дней восстание с баррикадными боями.

Милан был объявлен на осадном положении, против восставших рабочих использовались пехотные и кавалерийские воинские части и артиллерия. При этом, согласно официальным данным, были убиты 80 и ранены 450 человек (к «силам порядка» из пострадавших принадлежали только двое). Начались массовые репрессии. Аресты в Милане и других городах исчислялись сотнями, среди арестованных были и три социалистических депутата. Перестало выходить множество газет, вновь, как в 1894 г., стали действовать военные суды, а социалистическая партия и другие рабочие организации повторно подверглись роспуску.

В парламент были внесены законопроекты, предусматривавшие право исполнительной власти использовать для защиты «общественного порядка» законы военного времени, усиление санкций против печати, обязательное представление в полицию списка членов любой общественной организации и другие антидемократические меры. Но предложившее их правительство Рудини не смогло удержаться у власти. Ему на смену в июне 1898 г. пришел кабинет генерала Л. Пеллу.

Правительство Пеллу продолжило атаку на демократию, внося в парламент проекты новой серии чрезвычайных законов (в числе прочего имелись в виду милитаризация персонала железных

ленис покончить с ним средствами лобовой атаки. Но действовать в подобном духе мешала существовавшая система конституционных гарантий, что неминуемо направляло удары реакции против демократических свобод как таковых.

Вскоре после выборов 1900 г. в результате анархистского покушения был убит король Умберто I, как бы олицетворявший эти реакционные тенденции. Его преемник Виктор-Эммануил III при вступлении на престол заявил о нерушимости конституционных принципов и намерении посвятить свои усилия «защите свободы».

После политических потрясений новое столетие начиналось для Италии под знаком больших перемен.

дорог и ведомства связи, а также дальнейшие ограничения свободы печати, союзов, собраний). Одновременно, как при Криспи, была предпринята попытка активизировать колониальную экспансию, на этот раз в виде участия Италии в борьбе за сферы влияния в Китае. Но она завершилась дипломатическим скандалом (итальянская военная демонстрация в заливе Саньмыньвань вызвала недовольство Англии), а затем повлекла за собой и отставку кабинета (май 1899 г.). Впрочем, король Умберто I (на престоле с 1878 г.) тут же поручил Пеллу формирование нового правительства.

При втором кабинете Пеллу в парламенте сложилась широкая оппозиционная коалиция, развернувшая борьбу против правительственных проектов чрезвычайных законов. В нее вошли образовавшие блок под названием «Крайняя левая» социалисты, республиканцы, радикалы (две последние группировки вели свою родословную от демократов периода национального объединения), а также часть либеральных депутатов во главе с Дзанарделли и Джолитти. Оппозиция действовала с помощью обструкции, всячески затягивая обсуждение законопроектов. Правительство попыталось придать им силу закона в обход парламента — посредством королевского декрета, но не преуспело в этом. Кассационная палата (орган надзора за применением законодательных норм) официально признала декрет противоречащим конституции и не имеющим юридической силы. Возвращение законопроектов в палату привело лишь к новым обструкционистским действиям оппозиции; принять их при данном составе палаты оказалось невозможным, и Пеллу добился от короля назначения новых выборов.

Парламентские выборы состоялись в июне 1900 г. и ознаменовались победой оппозиции над правительственным лагерем (одна лишь социалистическая фракция в палате выросла до 33 депутатов). Потерпели поражение не только антидемократические замыслы Пеллу, но целое направление, преобладавшее в правительственной политике начиная с Криспи.

Сделав ставку на авторитарные методы в сочетании с агрессивной внешней политикой, правящий блок пытался форсированным путем нагнать отставание поздно объединившейся Италии от более передовых стран и найти выход из наложившихся друг на друга старых и новых социальных противоречий. Завоевание колоний рассматривалось не только как вопрос национального престижа: безземельным крестьянам (в особенности на Юге) внушалось, что в колониях они смогут получить желанную землю, в которой им было отказано в самой Италии. Страх перед быстро выросшим рабочим и социалистическим движением питал стрем-

Глава 7

ИСПАНИЯ в 1875—1898 гг.

В 1874 г. завершился цикл буржуазных революций в Испании, начавшийся в 1808 г. Руководящей силой пяти буржуазных революций XIX в. был блок либерального дворянства и торгово-промышленной буржуазии; все преобразования данного периода осуществлялись в его интересах. Это обстоятельство обусловило, во-первых, незавершенность буржуазных преобразований и, во-вторых, антикрестьянский характер решения аграрного вопроса. Таким образом, буржуазные революции XIX в. заложили основу социальных конфликтов последующего периода.

Окончание эпохи буржуазных революций объяснялось отнюдь не тем, что все задачи революции были к этому времени решены. Появление рабочего движения, рост крестьянских выступлений, провозглашение в 1873 г. республики создавало угрозу радикализации революционного процесса и привело к распространению контрреволюционных настроений в среде либерального дворянства и буржуазии. В итоге произошла консолидация господствующих классов, был достигнут относительно прочный компромисс между крупными землевладельцами, финансистами, торговой и промышленной буржуазией, железнодорожными магнатами, высшим духовенством, генералитетом, верхушкой бюрократии, ставший основой политической системы Реставрации.

Социально-экономическое развитие Испании в последней четверти XIX в. Окончание революции в декабре 1874 г. и карлистской войны в феврале 1876 г. оказало благотворное влияние на экономическую жизнь страны. Темпы экономического роста увеличились, но в то же время Испания продолжала отставать от промышленно развитых стран Западной Европы в техническом отношении, по уровню производительности труда, по объему производимой продукции на душу населения.

Опережающими темпами развивалась горнодобывающая промышленность: с 1880 по 1900 г. добыча угля возросла в 2,5 раза, с 1875 по 1913 г. добыча железной руды увеличилась в 14 раз. Испания превратилась в крупного экспортера железной руды, руд цветных металлов; в этот период в Англию отправлялось от 60 до 80% железной руды. Центрами черной металлургии стали Бискайя и Астурия, предприятия цветной металлургии располагались

на юге страны, в провинции Уэльва. В техническом отношении испанская металлургия значительно отставала от ведущих стран Западной Европы: так, бессемеровский метод выплавки стали был применен в Испании только в 80-е годы, через 30 лет после его изобретения. Крупнейшим центром текстильной промышленности продолжала оставаться Каталония, где была сосредоточена большая часть прядильных и ткацких фабрик. Успешно развивалось судостроение: на северном побережье располагались многочисленные верфи, где строились паровые суда с металлическим корпусом. Возникают и новые отрасли: в 70-е годы появились первые предприятия химической промышленности, в конце десятилетия началось строительство тепловых электростанций, в 1890 г. была сооружена первая ГЭС. К началу XX в. завершалось создание железнодорожной сети, общая протяженность железных дорог составила 13 тыс. км. Слабым местом испанской экономики оставалось машиностроение, большая часть машин и оборудования ввозилась из-за рубежа. Таким образом, несмотря на то, что к концу XIX в. произошел переход к фабричному производству в текстильной промышленности, в черной и цветной металлургии и была создана железнодорожная сеть, промышленная революция в Испании не была еще завершена.

В последней четверти XIX в. активно шел процесс концентрации капитала, о чем свидетельствовал быстрый рост числа акционерных обществ. Усилился приток иностранного капитала, в основном английского, французского и бельгийского. Иностранные капиталовложения направлялись в предприятия горнодобывающей промышленности, железнодорожные компании, банки и страховые общества.

Промышленный потенциал Испании был сосредоточен в нескольких районах — Каталонии, Бискайе, Астурии, промышленном поясе Мадрида, на остальной территории ведущей отраслью оставалось сельское хозяйство. В аграрном секторе возросло производство экспортной продукции — вина, оливкового масла и фруктов, главным образом за счет увеличения площадей, занятых виноградниками, оливковыми рощами и садами, при этом произошло сокращение зернового клина и пастбищ. Аграрные преобразования буржуазных революций привели к дальнейшей концентрации земельной собственности в руках крупных землевладельцев — бывших сеньоров, а также буржуа, скупавших церковные и общинные земли. В южных и центральных районах — Андалусии, Эстремадуре, Новой Кастилии — господствовал латифундизм. Обратной стороной этого явления была растущая пролетаризация деревни: в некоторых районах Юга батраки составляли до 65% сельского населения. Крошечные наделы не могли обеспечить существование крестьянской семьи. Хозяйства латифундист-

тов были ориентированы на рынок. Производительность труда в таких имениях была низкой, их владельцы обеспечивали себе высокие доходы за счет жесточайшей эксплуатации батраков. Зарботки поденщиков были в 2—3 раза ниже зарплаты промышленных рабочих. В северных районах преобладали мелкие хозяйства крестьян-арендаторов и крестьян-собственников. Подобная структура земельной собственности препятствовала модернизации аграрного сектора: у крестьян не было средств для улучшения своего хозяйства, а латифундисты не вкладывали капитал в производство, предпочитая технике и минеральным удобрениям дешевый труд поденщиков. Спрос на промышленные товары в деревне был низким, что сдерживало развитие промышленности. Сохранение латифундизма и крестьянского малоземелья делало развитие капиталистических отношений в испанской деревне крайне болезненным для большинства сельского населения.

Важную роль в экономической жизни страны играли ее колониальные владения — Куба и Филиппины. Испанская промышленная продукция, неконкурентоспособная на европейских рынках, находила сбыт в колониях. Испания вела торговлю колониальными товарами.

В последней четверти XIX в. отношение государства к экономике страны свелось к классической формуле *«laissez faire, laissez passer»*. Правительства этого периода ограничивались сбором налогов и установлением таможенного режима. С 1869 по 1891 г. таможенные пошлины были низкими, что создавало благоприятные условия для горнодобывающей промышленности и производства вина, оливкового масла и цитрусовых. В 1891 г. произошел поворот к протекционизму, что отвечало интересам предпринимателей, ориентировавшихся на внутренний рынок, — владельцев металлургических заводов, текстильных фабрик, а также производителей зерна, страдавших от ввоза американской пшеницы.

В системе мирохозяйственных связей последней четверти XIX в. Испания заняла место поставщика промышленного сырья, сельскохозяйственной продукции и колониальных товаров.

Население Испании с 1877 по 1900 г. увеличилось с 16,6 млн до 18,6 млн человек. Вместе с тем демографический рост сдерживали эпидемии (в середине 80-х годов от холеры погибли около 120 тыс. человек), потери в колониальных войнах на Кубе и Филиппинах, а также растущая эмиграция. В 80-е годы Испанию ежегодно покидали около 11 тыс. человек, в 90-е — около 23 тыс. человек в год.

В последней четверти XIX — начале XX в. происходило увеличение численности промышленного пролетариата за счет сокращения числа ремесленников. Массового переселения крес-

тян в города в этот период еще не было: темпы роста промышленности были недостаточно высоки для того, чтобы обеспечить работой выходцев из деревни. В 1877 г. в промышленности и ремесле было занято 14,4% активного населения, в 1910 г. — 15,8%; доля занятых в сельском хозяйстве и в 1877 г. и в 1910 г. составляла 66%.

В эпоху Реставрации аристократия сохранила свои экономические и политические позиции. Гранды продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами Испании. Вместе с тем постепенно росло влияние торгово-промышленной буржуазии, укреплялись ее связи с аристократией, в частности путем аноблирования. В 1875—1931 гг. 40 человек получили титул герцога, 268 — титул графа, 404 — титул маркиза.

Политическая система Реставрации. Касикизм. В результате государственного переворота 28—31 декабря 1874 г. в Испании была восстановлена монархия, королем был провозглашен Альфонсо XII, сын свергнутой в 1868 г. Изабеллы II. В 1875 г. правительственные войска нанесли ряд поражений карлистам, и в феврале 1876 г. продолжавшаяся четыре года гражданская война закончилась.

«Архитектором» политической системы Реставрации стал выдающийся государственный деятель Антонио Кановас дель Кастильо (1828—1897). Его карьера началась со скромной должности школьного учителя и провинциального журналиста. Благодаря исключительным способностям, энергии и воле он стал к середине 70-х годов самым авторитетным политическим деятелем монархического лагеря. Его политические взгляды легли в основу конституции 1876 г. А. Кановас был убежденным сторонником конституционной монархии, которая, по его мнению, являлась единственной гарантией социального и политического порядка. Он считал, что власть должна находиться в руках монархических партий, другие политические силы не следовало допускать к управлению государством. Кановас был противником всеобщего избирательного права, которое, по его мнению, вело либо к анархии, либо к цезаризму. Он считал религию основой гражданского общества, но в то же время выступал против вмешательства церкви в политическую жизнь. Он полагал также, что армия должна быть отстранена от политической борьбы.

В 1876 г. кортесы приняли новую конституцию. Испания провозглашалась конституционной монархией. Законодательная власть принадлежала кортесам и королю. Нижняя палата кортесов — конгресс депутатов — избиралась, в верхней палате — сенате — половина депутатского корпуса избиралась, другую половину составляли гранды, архиепископы, генералы, члены правительст-

ва. Избирательный закон вводил имущественный ценз для избирателей; в конце 70-х и в 80-е годы в парламентских выборах имели право участвовать всего 4—6% населения страны. Такое положение сохранялось вплоть до 1890 г., когда было введено всеобщее избирательное право для мужчин старше 25 лет. Кортесы разрабатывали законы, утверждали бюджет, налоги и таможенные тарифы. Король обладал законодательной инициативой, он назначал и смещал правительство, мог распустить кортесы (с обязательным назначением новых выборов).

Конституция провозглашала свободу слова, печати (предварительная цензура запрещалась), право граждан на создание объединений, на проведение мирных собраний, гарантировала неприкосновенность жилища и тайну переписки. Католицизм являлся государственной религией, но в то же время преследование граждан за их религиозные верования не допускалось.

В середине 70-х годов началось складывание двухпартийной системы. Консервативная партия, руководимая А. Кановасом, сложилась в 1875—1876 гг. Либеральная партия, чьим лидером стал М. Сагаста, оформилась к началу 80-х годов. Как консерваторы, так и либералы пользовались поддержкой олигархии. Консерваторы опирались на круги, которые были заинтересованы в установлении протекционизма, либералов поддерживали сторонники низких таможенных пошлин. Ни консервативная, ни либеральная партия не имели в этот период каких-либо программных документов; позиции партий по важнейшим вопросам выражались в речах и статьях их лидеров. Организационная структура обеих партий была слабой, они не имели четкой системы членства.

Важной вехой в истории двухпартийной системы стала середина 80-х годов. В 1885 г. умер Альфонсо XII, в 1886 г. новым королем был провозглашен Альфонсо XIII, родившийся через полгода после смерти отца. (В 1886—1902 гг. регентшей при малолетнем короле была его мать Мария-Кристина.) Династические осложнения заставили А. Кановаса и М. Сагасту заключить неофициальное соглашение («Пакто дель Пáрдо»), которое предусматривало поддержку монархии, мирный переход власти от одной партии к другой, признание вновь сформированным правительством тех преобразований, которые были проведены предшествующим кабинетом, отказ консерваторов и либералов от сотрудничества с «третьими партиями». Система политического партнерства, установленная «Пакто дель Пардо», в целом сохранилась вплоть до 1923 г.

В конце XIX в. решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики принимали руководители консерваторов и либералов, а монарх лишь подписывал соответствующие доку-

менты. Механизм смены правительства и проведения парламентских выборов на практике выглядел следующим образом. В случае возникновения политического кризиса по рекомендации лидеров консерваторов и либералов монарх смещал правительство и назначал новое, а затем распускал конгресс депутатов и объявлял новые выборы. Далее руководители консерваторов и либералов договаривались о распределении депутатских мандатов таким образом, чтобы большинство мест в конгрессе депутатов принадлежало той партии, которая сформировала новое правительство. После этого министерство внутренних дел направляло на места инструкции, в которых указывались имена желательных кандидатов. Поставленную задачу выполняли *касики*. Касиками в Испании второй половины XIX — начала XX в. называли неформальных политических лидеров, которые обеспечивали контроль над политической ситуацией на местах. Касики брали в свои руки ведение избирательной кампании и добивались нужного результата с помощью подкупа и запугивания избирателей, а также путем многообразных фальсификаций. Касикизм безотказно действовал в деревне, так как касики всегда опирались на поддержку крупных землевладельцев, в чьих руках находились судьбы арендаторов и батраков. В городах влияние касикизма было меньшим, но городские избирательные округа составляли менее четверти всех избирательных округов. Политическая система, сложившаяся в последней четверти XIX в., была антидемократической, она фактически отстраняла народные массы от участия в политической жизни, обеспечивала монополию на власть двух правящих партий и политическое представительство различных фракций олигархии, гарантировала стабильность установленного порядка.

В эпоху Реставрации резко снизилась политическая активность армии, что объяснялось стремлением господствующих классов к политической стабилизации. В 1876 г. А. Кановас подписал циркуляр, запрещающий военным участвовать в политической деятельности. Несмотря на попытки части республиканцев вовлечь военных в борьбу против монархии, армия сохраняла лояльность в отношении трона и правительства.

Важной опорой режима Реставрации являлась католическая церковь. Численность духовенства в начале XX в. превышала 100 тысяч человек. В ходе буржуазных революций церковь потеряла большую часть своей земельной собственности, после окончания революционных потрясений государство частично компенсировало эти потери бумагами государственного долга. В эпоху Реставрации церковь активно участвовала в предпринимательской деятельности. Конституция 1876 г. обязывала государство поддерживать католицизм и служителей церкви. Духовные лица не могли баллотироваться в конгресс депутатов, но в той части сената,

которая назначалась королем, 10 мест были отданы верхушке духовенства. В политическом плане церковь занимала консервативные позиции и полностью поддерживала курс правящих кругов, что способствовало распространению антиклерикальных настроений в низших слоях испанского общества.

Внутренняя и внешняя политика консерваторов и либералов. В последней четверти XIX в. политику государства определяли правящие партии — консерваторы и либералы. В 1875—1881 гг. сменилось несколько правительств, сформированных консервативной партией. В 1881 г. к власти впервые пришли либералы, и было положено начало чередованию консервативных и либеральных кабинетов:

правительства консерваторов	правительства либералов
1875—1881	1881—1883
1884—1885	1885—1890
1890—1892	1892—1895
1895—1897	1897—1899

«Пакто дель Пардо» не исключал серьезных противоречий между консерваторами и либералами по целому ряду вопросов. Одним из них была таможенная политика. Консерваторы были сторонниками протекционизма, либералы отстаивали низкие таможенные пошлины. Протекционистский тариф 1891 г. стал крупной победой консервативной партии.

Либералы в отличие от консерваторов выступали за расширение гражданских прав и политических свобод. Они провели закон о печати (1883), закон об ассоциациях (1887), открывший возможности для легальной деятельности профсоюзов, и, наконец, избирательный закон 1890 г., вводивший всеобщее избирательное право для мужчин. В 1883 г. либеральное правительство учредило Комиссию социальных реформ, которая должна была изучить положение низших слоев.

И консервативные и либеральные кабинеты пытались избежать втягивания Испании в европейские конфликты, не затрагивавшие национальные интересы страны. Они проводили политику «равноудаленности» от ведущих европейских держав, Испания не вступала в военные блоки, создававшиеся в Европе в 80—90-е годы.

Важнейшим направлением внешней политики была защита колониальных владений от более могущественных держав. В 1885 г. Испании удалось отстоять Каролинские острова, на которые претендовала Германия. В начале 90-х годов возник франко-испанский конфликт из-за границ колониальных владений обеих

стран на побережье Гвинейского залива. Однако наибольшую угрозу для испанских колоний в конце XIX в. представляли США, заявлявшие о своих притязаниях на Кубу и Пуэрто-Рико.

Оппозиционные силы. В эпоху Реставрации крайне правые продолжали поддерживать карлизм, однако поражение реакции в гражданской войне 1872—1876 гг. значительно ослабило его влияние. Основная угроза режиму Реставрации исходила слева.

Восстановление монархии усилило разногласия в среде республиканцев. В последней четверти XIX в. существовало несколько республиканских группировок, сплотившихся вокруг своих лидеров. На правом фланге республиканского движения находилась группа Э. Кастелара, выступавшая за установление республики и всеобщего избирательного права. После того как в 1890 г. всеобщее избирательное право было введено, группа Кастелара постепенно сблизилась с либеральной партией. Еще одно течение в республиканской среде было связано с именем Н. Сальмерона. Его сторонники отвергали компромиссы с монархистами. Сальмерон прилагал немало усилий для объединения республиканцев, однако эти попытки в конечном счете оказались безуспешны. Кастелар и Сальмерон считали, что борьба за установление республики должна вестись политическими методами. Радикальная республиканская партия, чьим лидером был М. Руис Сорилья, предлагала иной путь — «пронунсиамьенто», восстание в армии. В 80-е годы радикалы неоднократно пытались осуществить «пронунсиамьенто» с целью свержения монархии. Потерпев несколько неудач, партия Руиса Сорильи к концу 80-х годов сошла с политической сцены. Республиканская федералистская партия, которую возглавлял Ф. Пи-и-Маргаль, основной задачей считала установление республики и превращение унитарного государства в федерацию. Республиканцы-федералисты уделяли большое внимание социальной проблематике: в их программе фигурировали требования легализации забастовок, создания арбитражных судов для разрешения трудовых конфликтов и развития кооперативного движения. В ходе выборов республиканцы иногда добивались избрания своих кандидатов в городских округах, где влияние касикизма было не столь сильным, но небольшая республиканская фракция в конгрессе депутатов не могла противостоять монархическому большинству.

Огромную роль в распространении антиклерикальных и республиканских идей сыграл Свободный институт просвещения, основанный прогрессивными учеными в 1876 г. Его целью было создание новой системы образования, независимой от церкви. Осуществить эту задачу не удалось, однако деятельность Свободного института оказала огромное влияние на формирование целого поколения демократической интеллигенции.

В конце XIX в. появились первые ростки национального движения в Каталонии, Стране Басков и Галисии. Возникновение национальных движений в Каталонии и Стране Басков было связано не только с ярко выраженным этническим своеобразием, но и с быстрым ростом промышленности в этих районах. Здесь сформировалась экономически влиятельная национальная буржуазия, которая заявила о своих притязаниях на политическую власть. В Каталонии эти требования отразились в так называемых «Основах Манресы» — документе, принятом каталонскими националистами в 1892 г. «Основы Манресы» предусматривали создание автономных органов власти и провозглашение каталонского языка официальным на территории Каталонии. В 1894 г. была образована Баскская националистическая партия (БНП), выступавшая под лозунгом восстановления старинных баскских вольностей — «фуэрос», отмененных в 1876 г. В отличие от каталонского национализма, имевшего светский характер, БНП всегда была тесно связана с церковью и баскским духовенством. В 1897 г. была создана Галисийская лига, провозгласившая своей целью защиту экономических и национальных интересов Галисии — одного из наиболее отсталых и бедных районов Испании.

Крестьянское и рабочее движение. В последние десятилетия XIX в. все более важную роль в жизни испанского общества приобретает крестьянское и рабочее движение.

Крестьянское движение было наиболее активным в южных районах страны, где господствовал латифундизм. Оно порождалось не только ужасающей нищетой батраков и малоземельных крестьян и вопиющим произволом латифундистов (были случаи, когда они по окончании полевых работ отказывались платить батракам), но и невозможностью для крестьян защитить свои интересы законным образом, так как местные органы власти полностью контролировались латифундистами и их ставленниками — касиками. Крупные землевладельцы Андалусии — цитадели латифундизма — культивировали особый стиль поведения, относясь к крестьянам как к «низшим существам». Варварские формы эксплуатации и произвола порождали столь же варварские формы сопротивления. Широкое распространение в Андалусии получил так называемый «аграрный бандитизм», проявлявшийся в покушениях на жизнь латифундистов и их управляющих, поджогах помещичьего имущества, грабежах на дорогах и т.д. Несмотря на постоянные облавы, Гражданской гвардии и полиции так и не удалось покончить с этим явлением. Бунтарские настроения подготовили почву для распространения анархистских идей в испанской деревне. В начале 80-х годов в сельских районах Южной Испании появляются анархистские организации, некоторые из них призывали к террористическим действиям.

Анархизм был преобладающим течением и в рабочем движении этого периода, несмотря на постоянные репрессии. Популярность анархизма в среде рабочих и ремесленников объяснялась целым рядом причин. Он привлекал самую обездоленную и, как правило, неграмотную или малограмотную часть городского населения кажущейся простотой и радикальностью предлагаемых решений. Лозунги «прямого действия», «пропаганды действием», позднее, в 90-е годы, всеобщей забастовки встречали живой отклик городских низов. Господство касикизма, беззастенчивые фальсификации в ходе выборов дискредитировали идеи демократии и парламентаризма, отвращали трудящихся от участия в выборах и косвенным образом способствовали распространению анархистского тезиса об отказе от политической борьбы.

В 80—90-е годы анархисты неоднократно пытались создать общенациональную организацию. В 1881—1882 г. образовалась Федерация трудящихся испанского района, объединявшая 50—60 тыс. человек; к концу 80-х годов она распалась. В 90-е годы появились новые организации, однако и они оказались непрочными. Это объяснялось, во-первых, постоянным преследованием анархистов со стороны властей; во-вторых, организационной слабостью и рыхлостью, отсутствием дисциплины, что было связано с негативным отношением анархистов к любому «авторитаризму», в том числе и в своих рядах. В-третьих, в конце 80-х годов в анархистском движении происходит раскол между «чистыми анархистами» (т.е. бакунистами) и анархо-синдикалистами. Анархисты нередко прибегали к индивидуальному террору; в 1897 г. их жертвой стал премьер-министр А. Кановас дель Кастильо. Сложился своего рода «порочный круг»: террористические акты вызывали репрессии, за которыми следовали новые выстрелы и взрывы.

Другое течение в испанском рабочем движении представляли социалисты. В 1879 г. группа сторонников марксизма во главе с Пабло Иглесиасом создала Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП). В 1880 г. была принята программа партии, в которой были сформулированы как конечные цели (завоевание пролетариатом политической власти, установление общественной собственности на средства производства и ликвидация классов), так и ближайшие задачи (национализация шахт и транспорта, введение трудового законодательства, признание права на забастовку, введение бесплатного среднего образования). Вместе с тем у ИСРП не было особой программы по аграрному вопросу; вследствие этого влияние партии в деревне было очень слабым. В 1888 г. социалисты основали профсоюзное объединение — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ). Представители ИСРП участвовали в создании II Интернационала. С 1890 г.

социалисты организуют первомайские демонстрации и митинги. После введения всеобщего избирательного права для мужчин ИСРП начала участвовать в выборах, но ей не удавалось провести в кортесы ни одного своего кандидата вплоть до 1910 г. Эти неудачи были вызваны не только агитацией анархистов, направленной против участия в выборах, но и отказом ИСРП от сотрудничества с республиканцами, которых социалисты рассматривали как выразителей интересов буржуазии. В целом влияние социалистов в рабочем движении в конце XIX в. значительно уступало влиянию анархистов; на рубеже веков численность ВСТ не превышала 15 тыс. человек.

В начале 90-х годов активизируется забастовочное движение; в 1890 г. в Каталонии и Стране Басков проходят крупные забастовки с участием десятков тысяч человек.

«Катастрофа 1898 г.». В середине 90-х годов вновь обострилась колониальная проблема. В 1895 г. на Кубе началась война за независимость, в 1896 г. вспыхнуло восстание против испанского колониального господства на Филиппинах. Правящие партии — консерваторы и либералы — заявили о готовности защищать испанские владения «до последней капли крови и до последней песеты». Большинство республиканцев (за исключением Республиканской федералистской партии) также поддерживали колониальную войну. Анархисты и социалисты осудили войну, однако не смогли организовать крупные антивоенные выступления, поскольку большинство испанцев продолжало воспринимать Кубу как неотъемлемую часть Испании.

Крайне жесткие меры, предпринятые испанскими властями против кубинских повстанцев, привели к обратному результату — революционное движение охватило весь остров. Вмешательство США в испано-кубинский конфликт привело к тому, что 23 апреля 1898 г. Испания объявила войну США. Уже 1 мая 1898 г. испанский флот был разгромлен в Манильском заливе, а 3 июля потерпела поражение испанская эскадра у Сантьяго-де-Куба. Испания предложила США мирные переговоры. Скоротечная испано-американская война принесли Испании потерю колониальных владений. По мирному договору, подписанному в Париже 10 декабря 1898 г., Испания отказывалась от притязаний на Кубу, уступала США Филиппинские острова, получив за них компенсацию в 20 млн долларов, и передавала США о. Пуэрто-Рико и о. Гуам. Вслед за этим Германия потребовала продать ей Каролинские и Марианские острова; Испания вынуждена была подчиниться.

Итоги войны были восприняты в Испании как национальная катастрофа и положили начало глубокому политическому кризису.

Глава 8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в 1871—1898 гг.

Расстановка сил на мировой арене и развитие международных отношений в последней трети XIX в. (общая характеристика). В истории международных отношений период с 1871 по 1898 г. — с окончания франко-прусской и до начала испано-американской войны — занимает особое место. Это был переходный период от «старой» системы межгосударственных отношений, типичной для капитализма свободной конкуренции, к международной системе, характерной для новой стадии мирового развития, стадии монополистического капитализма, которая началась первыми региональными войнами за передел уже поделенного мира.

Как и при любом переходе от одного качественного состояния к другому, международным отношениям последней трети XIX в. были свойственны черты как предшествовавшего, так и последующего периодов, сочетание традиционных противоречий великих держав и новых конфликтов империалистического характера, приведших к Первой мировой войне.

В развитии международных отношений этого периода можно выделить следующие характерные черты и особенности.

Первое. С 70-х годов XIX в. ускоряющимися темпами шел процесс становления монополистической стадии капитализма. Это не могло не повлиять на характер развития международных отношений. Во внешней политике великих держав появились новые социально-экономические мотивы. И хотя по форме своей внешняя политика, межгосударственные противоречия и конфликты оставались такими же, как и в эпоху свободной конкуренции, их экономическое и социальное содержание существенным образом изменялось.

К числу этих новых мотивов необходимо отнести: 1) образование монополий, постепенное усиление их роли в экономике, во внутренней и внешней политике (в 70—80-е годы как тенденция, а в 90-е годы уже как реальность); 2) рост вывоза капитала (к концу века три ведущие европейские державы — Англия, Франция и Германия — инвестировали за границей капитал на общую сумму в 35 млрд дол., — в 5 раз больше, чем в середине 70-х годов); 3) расширение колониальных захватов и ожесточенную борьбу за территориальный раздел мира.

Естественно, что все эти новые явления в развитии мировой капиталистической системы приводили к обострению противоречий, к многочисленным межгосударственным конфликтам, к радикальным изменениям в международной обстановке в целом.

Второе. Решающей причиной, во многом определившей характер международных отношений последних десятилетий XIX в., стало усиление неравномерности экономического развития капиталистических стран. Отличительная особенность этого периода заключалась в том, что на мировой арене появились новые великие державы, так называемые молодые капиталистические государства, для которых был характерен быстрый экономический рост и связанная с ним резкая активизация внешней политики. Речь идет о таких событиях, как образование мощной Германской империи, усиление экспансионистских тенденций во внешнеполитическом курсе стремительно развивавшихся Соединенных Штатов и Японии.

Соотношение сил изменялось в пользу «молодых» капиталистических стран (прежде всего Германии и США) и в ущерб «старым» европейским державам (в первую очередь Англии и Франции). О ходе этого «экономического соревнования» наглядно свидетельствуют те существенные перемены, которые произошли в мировой таблице о рангах крупнейших государств в последние 40 лет прошлого века. В 1860 г. места, которые занимали ведущие державы в мировом промышленном производстве, распределялись следующим образом: Англия — Франция — США — Германия. В 1880 г. картина была уже иной: США — Англия — Германия — Франция. К 1900 г. неравномерность промышленного развития привела к новому соотношению сил: США — Германия — Англия — Франция.

«Молодые» капиталистические государства (в большей степени Германия, в меньшей — США), опираясь на достигнутый ими уровень экономической мощи, стремились привести в соответствие свои возросшие притязания с размерами колониальных владений, сфер приложения капитала и сфер влияния, что неминуемо приводило их к столкновению со «старыми» европейскими державами, успевшими захватить непропорционально много и не желавшими добровольно уступать захваченное. (Так, к концу XIX века Англия распространила свое колониальное господство на четвертую часть территории и населения всего земного шара.)

Неравномерность развития и радикальные сдвиги в расстановке сил оказывали прямое воздействие на развитие межгосударственных отношений еще и потому, что в это время силовой метод оставался основным в решении крупных международных проблем.

Таковы были скрытые пружины многих международных конфликтов в этот переходный период. Такова была одна из глубин-

ных основ франко-германских противоречий, важнейших на Европейском континенте в течение нескольких десятилетий; противоречий и конфликтов между Германией и Англией в области гонки морских вооружений и в борьбе за колонии; между Россией и Германией — на Балканах и в сфере торговли; Японией и Россией — на Дальнем Востоке; Соединенными Штатами и Англией — в Западном полушарии и др.

Вместе с тем вся сложность и своеобразие международной обстановки в последней трети XIX в. состояли в том, что наряду с этой центральной группой противоречий не только не исчезли, а временами и обострялись традиционные противоречия «старых» европейских держав. Среди них наиболее важными были англо-русские противоречия в Западной и Юго-Западной Азии и в районе черноморских проливов; колониальные конфликты между Англией и Францией, а также их борьба за руководящую роль в Европе; противоречия России, Англии и Австро-Венгрии на Балканском полуострове и др.

К концу периода наметилась и еще одна группа конфликтов — между «молодыми» капиталистическими державами: США и Германией, Японией и США.

И, наконец, все великие державы и целый ряд малых европейских государств активно участвовали в основном, глобальном конфликте второй половины XIX в. — во всепоглощающей борьбе за раздел неподделенных частей мира.

Таким образом, усиление неравномерности развития, увеличение числа великих держав, параллельное существование нескольких центров силы — все это вело к обострению старых и возникновению новых групп и узлов противоречий, к серьезным изменениям в международных отношениях даже в пределах одного десятилетия.

Третье. Полицентристский характер расстановки сил на мировой арене стал причиной еще одной важнейшей отличительной черты развития международных отношений в последней трети XIX в. Она проявилась в поиске великими державами временных и постоянных союзников в решении тех или иных внешнеполитических задач, а в конечном итоге в возникновении военно-политических союзов, то есть в создании отношений, которые неминуемо должны были привести к империалистическим войнам за передел мира.

В результате к концу рассматриваемого периода система международных отношений приобрела иной, менее подвижный и многополюсный характер, разделившись на две противостоящие друг другу коалиции: Тройственный союз центральноевропейских держав и союз между Россией и Францией, к которому позднее присоединилась Великобритания. Многополярная структура пре-

вратилась в биполярную. Логическим следствием борьбы двух блоков великих держав и стала Первая мировая война.

Четвертое. Развитие международных отношений в последней трети XIX столетия отчетливо показало, что наряду и при главенствующем значении социально-экономических мотивов огромную роль во внешнеполитической практике играли и такие внеэкономические факторы, как стратегические и геополитические интересы, идеология и пропаганда, общественные движения и внутрипартийная борьба, глубина политического мышления и дипломатическое искусство лидеров великих держав и др. Все эти факторы, прямо или косвенно, оказывали воздействие на ход событий, расстановку сил и на конкретные изменения в международной обстановке в период с 1871 по 1898 г.

Итоги и международные последствия франко-прусской войны. 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне был подписан мирный договор между Германией и Францией, ознаменовавший окончание франко-прусской войны (в исторической литературе эту войну называют также франко-германской, поскольку на стороне Пруссии воевали и другие государства Северогерманского союза и Южной Германии). Важнейшим ее итогом стало создание единой Германской империи.

Это событие коренным образом изменило политическую карту Европы и соотношение сил на континенте. На месте множества мелких королевств и княжеств появилась великая европейская держава, которая уже в 70-х годах сочетала высокоразвитую промышленность с мощной военной организацией. Как известно, объединение Германии было осуществлено «железом и кровью», под эгидой прусской монархии и при господстве прусского милитаристского духа и военных порядков. Создание Германской империи справедливо ассоциировалось с именем князя Отто фон Бисмарка, который еще на посту министра-президента Пруссии, а затем в качестве первого канцлера Германии проявил себя как политик, делавший ставку на военную силу чаще и решительнее, чем его современники, стоявшие у руководства других европейских государств.

Все эти обстоятельства не могли не вызвать по меньшей мере настороженности соседних стран, не без оснований опасавшихся за свою безопасность. В наибольшей степени это относилось к Франции, которая потерпела в войне не только военное, но и политическое поражение, так как являлась главным противником объединения Германии.

Крайне тяжелыми для Франции были и условия Франкфуртского мира. Она должна была выплатить Германии контрибуцию в 5 млрд франков золотом (до окончания выплаты ряд французских департаментов подлежали оккупации немецкими войсками)

и, главное, уступала ей две области — Эльзас и Восточную Лотарингию, которые были включены в состав французского государства еще в XVII в.

Приобретение Эльзаса и Лотарингии принесло Германии немалые экономические выгоды. Население Германской империи увеличилось на 1,5 млн человек за счет промышленно развитых районов со значительными природными богатствами (в конце 70-х годов резко возросло значение лотарингской железной руды). Но еще более серьезными были военно-стратегические преимущества. Не случайно, что на захвате этих областей настаивал не столько Бисмарк, сколько начальник Генерального штаба фельдмаршал Гельмут фон Мольтке.

Дело в том, что Эльзас в составе Франции мог стать важным плацдармом для вторжения французской армии в наиболее уязвимый и ненадежный регион Германской империи — Южную Германию, где преобладало католическое население, во многом тяготевшее к Франции и враждебное Пруссии. После перехода Эльзаса к Германии между двумя государствами, помимо Рейна, пролегла еще цепь Вогезских гор, труднопроходимых для крупных военных соединений. С другой стороны, за счет Лотарингии уже Германия имела удобный плацдарм для наступления на Париж через так называемую «вогезскую дыру» — равнинную местность между Арденнами на севере и Вогезами на юге.

В результате аннексии Эльзаса и Лотарингии противоречия Германии и Франции заняли центральное место в Европе на десятилетия вперед, а опасность франко-германской войны стала постоянным фактором, определявшим международную обстановку на континенте. Захват этих областей объективно усиливал во Франции стремление к реваншу, причем придавал реваншистским идеям оборонительную окраску в силу грабительского характера Франкфуртского мирного договора. Движение за реванш, используемое в своих целях правительственными кругами Франции, находило поддержку и в общественном мнении, что во многом объяснялось уязвленным национальным самолюбием французов и широкой националистической пропагандой.

Таким образом, одним из наиболее долговременных последствий франко-прусской войны стало радикальное изменение международной обстановки на Европейском континенте. Франкфуртский мир ослабил Францию, лишив ее важных стратегических позиций и промышленных областей, и способствовал экономическому и военному усилению Германской империи. С 1871 г. международное положение в Европе приняло характер так называемого *вооруженного мира*, при котором, во-первых, с политического горизонта почти никогда не исчезала угроза франко-гер-

манской войны и, во-вторых, происходил непрерывный рост гонки вооружений.

Такая ситуация была выгодна реакционно-милитаристским силам в обеих странах. Она усиливала их роль как в политике, так и в экономике, что достигалось путем пропаганды войны, поощрения гонки вооружений, предоставления военных заказов тяжелой промышленности. Еще в ходе франко-прусской войны некоторые аналитики, в числе которых был и К. Маркс, прозорливо предупреждали о том, что обострение отношений между Францией и Германией в связи с аннексией последней Эльзаса и Лотарингии является наилучшим средством превратить эту войну в постоянную европейскую институцию, а заодно и увековечить в обновленной Германии военный деспотизм.

Еще одним важным последствием франко-прусской войны было известное укрепление международных позиций двух других великих европейских держав — Англии и России.

Англия стремилась использовать результаты войны и последовавшее за ней обострение франко-германских отношений в интересах своей политики, которую сами английские дипломаты называли политикой «блестящей изоляции». Сущность этой политики состояла в отказе Англии от постоянных союзов с другими державами, в поддержании выгодного ей баланса сил на Европейском континенте и в сохранении полной свободы действий в решении своих внешнеполитических задач. В 60—70-е годы Великобритании, крупнейшая промышленная, торговая и колониальная держава, умело использовала свое неуязвимое по тем временам островное положение и предпочитала воевать чужими руками, вынуждая другие страны вступать в борьбу за ее государственные интересы. Наиболее верным средством проведения политики «блестящей изоляции» считалось дипломатическое поощрение конфликтности и противостояния в отношениях между великими державами континента, что открывало для Англии возможность укреплять и расширять свою колониальную империю. Залогом успеха и материальной основой этой политики являлось господство на морях английского военного флота. Таким образом, «блестящая изоляция» вовсе не означала, что Англия играла роль пассивного наблюдателя в европейских международных делах. Скорее наоборот, стремясь сохранить свое торгово-промышленное и колониальное лидерство, она активно провоцировала столкновения континентальных держав с целью их максимального ослабления, маневрировала до начала открытого конфликта, а затем присоединялась к той из сторон, временное сближение с которой в наибольшей степени отвечало ее интересам. В краткой форме суть этого внешнеполитического курса была сформулирована еще в 60-е годы английским премьер-министром лордом

Пальмерстоном: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов. Наши интересы — вот что вечно!»

В этом контексте итоги франко-прусской войны были чрезвычайно выгодны Великобритании. Политика «блестящей изоляции» наполнилась новым конкретным содержанием. Крупнейший соперник Англии в колониальных захватах и в претензиях на европейскую гегемонию — Франция — была разгромлена. Германская империя стала рассматриваться как противовес Франции, а вместе с Австро-Венгрией — как противовес России, с которой у Англии все более обострялись противоречия в Западной Азии. Чуть позже крупнейший авторитет в области дипломатического искусства премьер-министр Великобритании лорд Солсбери так определил цели английской внешней политики в международных условиях, сложившихся в результате франко-прусской войны: «Задача наша состоит в том, чтобы отношения между Германией и ее соседями на континенте [имелись в виду Франция и Россия] были как можно более испорчены».

Вследствие франко-прусской войны, а также обострения франко-германских противоречий новая, более благоприятная ситуация сложилась и для России. Разгром Франции означал временное выпадение из игры одного из главнейших участников Парижского трактата 1856 г., которым завершилась крайне неудачная для России Крымская война и по которому она лишалась права иметь военно-морской флот на Черном море. Уже в октябре 1870 г., воспользовавшись новой расстановкой сил в Европе, министр иностранных дел России и один из выдающихся европейских дипломатов того времени князь А.М. Горчаков направил державам, подписавшим Парижский договор, циркулярную ноту, объявлявшую, что Российская империя не считает себя более связанной постановлениями этого договора, ограничивающими ее суверенные права на Черном море, и будет создавать береговые укрепления и черноморский военно-морской флот. Последовали протесты Англии, Франции и Австро-Венгрии. Но момент был выбран стратегически и тактически правильно: Франция терпела поражение в войне с Пруссией; Австрия также совсем недавно, в 1866 г., была разгромлена все той же Пруссией; прусское правительство заверило Александра II в поддержке его планов в этом вопросе; Англия не могла выступить против России без Франции, своего союзника по Крымской войне.

Для разрешения конфликта в январе 1871 г. в Лондоне открылась международная конференция, которая после острой полемики держав-участниц приняла компромиссное решение (Лондонская конвенция о проливах 1871 г.). Россия восстановила свое право держать на Черном море военный флот и строить

укрепления на его побережье. Тем самым она добилась отмены наиболее унижительных статей Парижского трактата. Однако черноморские проливы Босфор и Дарданеллы — одна из важнейших стратегических целей внешней политики России — были объявлены закрытыми для военных судов всех наций. Это решение в значительной степени было направлено против Российской империи и ее притязаний на главенствующую роль в этом районе, тем более что в самом тексте Лондонской конвенции содержалась оговорка, по которой турецкому султану разрешалось открывать проливы для военных кораблей «дружественных и союзных» ему государств, к коим западноевропейские державы и Турция Россию не относили.

Союз трех императоров. В известной мере напряженность франко-германских отношений была выгодна и правящим кругам Германской империи. Угроза войны с Францией часто использовалась в качестве пропагандистского аргумента при принятии непопулярных решений в области внешней и особенно внутренней политики. Но одновременно эта напряженность была далеко не безопасна для международного положения Германии. И на то было несколько причин. Во-первых, Франция как бы связывала политическую инициативу Германии, являясь потенциальным союзником любой державы, с которой у Германской империи мог возникнуть конфликт. Во-вторых, Англия и Россия, которые благосклонно отнеслись к образованию единого германского государства и активно использовали франко-германские противоречия, отнюдь не желали чрезмерного усиления Германии, что могло нарушить сложившийся в Европе баланс сил. И наконец, в-третьих, после войны с Пруссией Франция сама стала энергично искать союзников в борьбе с Германией, что могло привести к созданию антигерманской коалиции.

Все это отлично осознавал Бисмарк, внешнеполитический курс которого, наряду со ставкой на военную силу, отличался также реализмом, трезвостью оценок и четким пониманием долгосрочных целей политики. На протяжении всей своей политической карьеры Бисмарк испытывал страх перед возможностью образования антигерманской коалиции, считая тем не менее, что «она неизбежна».

Чтобы не допустить или по крайней мере отсрочить ее создание, Бисмарк выступил инициатором сближения Германии с Россией и Австро-Венгрией. Особых преград на этом пути не было. Россия стремилась обезопасить себя на Западе в условиях обострения борьбы с Англией на Востоке, а также не допустить австро-германского сближения на антирусской основе. Для Австро-Венгрии союз с Германией был естественным в силу общ-

ности экономических и политических интересов. К тому же он мог стать важным фактором укрепления международного и стабилизации внутривластного положения двуединой монархии в обстановке подъема национально-освободительного движения подвластных ей народов. Австро-Венгрия надеялась также приостановить проникновение России на Балканы, заручившись поддержкой Германской империи. Германия рассчитывала помешать франко-русскому сближению и обеспечить себе тыл для вторичного разгрома Франции.

После серии взаимных визитов в 1873 г. Вильгельм I, Александр II и Франц-Иосиф I подписали ряд соглашений (Шёнбрунское и др.), известных под названием «Союз трех императоров». По этим соглашениям стороны обязывались: во-первых, в случае разногласий договориться, чтобы эти разногласия «не могли одержать верх над соображениями высшего порядка»; во-вторых, в случае угрозы нападения на одну из сторон «прийти к возможному соглашению для достижения совместной линии поведения»; и в-третьих, если окажется необходимым, заключить специальную военную конвенцию. Крайне расплывчатый характер соглашений явился следствием того, что ни один из их участников не хотел связывать себе руки какими-либо конкретными обязательствами. Несмотря на призывы к «совместной линии поведения», соглашения не сняли тех разногласий, которые существовали между тремя державами, в частности острых противоречий России и Австро-Венгрии на Балканах.

Военная тревога 1875 г. Угроза новой франко-германской войны. В середине 70-х годов вновь резко обострились франко-германские отношения. Французская республика сумела за короткий срок укрепить экономику и усилить армию. В 1873 г. она завершила выплату контрибуции, к этому же времени с ее территории были выведены оккупационные войска. Возросли масштабы пропаганды реванша.

Руководящие политические деятели и Генеральный штаб Германской империи были готовы уже в 1875 г. осуществить новый разгром Франции, считая, что она чрезмерно быстро восстанавливает свои силы.

Весной 1875 г. германская печать начала провокационную антифранцузскую кампанию. В газетах открыто обсуждались шансы Германии в войне против Франции. В качестве предлога к этой кампании послужил закон, принятый Национальным собранием Франции в марте 1875 г., который предусматривал увеличение численности и реорганизацию французской армии с целью повышения ее боеспособности.

Одновременно Бисмарк вел дипломатическую подготовку военных действий, целью которой было не допустить вмешательства третьих держав во франко-германский конфликт. Главные усилия Германии были направлены на обеспечение нейтралитета России. Специальная дипломатическая миссия побывала в Петербурге, чтобы выяснить, какую компенсацию пожелало бы получить российское правительство за счет Турции в обмен на полный нейтралитет России в войне Германии против Франции.

Однако надеждам Бисмарка не суждено было сбыться. Франция обратилась за дипломатической поддержкой к России и Англии. Российское правительство выступило против нового разгрома Франции, исходя из того, что дальнейшее усиление Германии превратит ее в европейского гегемона и будет представлять слишком большую угрозу и для России. Александр II в сопровождении министра иностранных дел А.М. Горчакова прибыл в Берлин, где добился от Бисмарка заверения в том, что Германия не нападет на Францию. По тем же причинам против войны высказалась и Англия. «Железный канцлер» вынужден был отступить. Агрессивные замыслы Германии в отношении Франции на сей раз были сорваны. Горчаков разослал из Берлина всем российским посольствам и миссиям циркуляр, в котором извещал о ликвидации угрозы новой франко-германской войны. Циркуляр 1875 г. стал свидетельством не только роста международного престижа России, но и ухудшения русско-германских отношений.

Так называемая военная тревога 1875 г. имела по крайней мере два важных международных последствия. Во-первых, она знаменовала собой начало франко-русского сближения. Выступление России на стороне Франции было вызвано целым рядом обстоятельств: негативным отношением к чрезмерному усилению Германской империи; экономическим проникновением Германии на Балканы — в зону интересов Российской империи; ростом вывоза французского капитала в Россию, что обусловило франко-русскую экономическую солидарность. Во-вторых, эти события продемонстрировали непрочность Союза трех императоров, который не выдержал первого серьезного испытания.

Восточный кризис 1875—1878 гг. Русско-турецкая война. Одним из центральных и наиболее сложных узлов международных противоречий во второй половине XIX в. был так называемый восточный или турецкий вопрос (сам термин был впервые употреблен еще на Веронском конгрессе Священного союза в 1822 г.). Османская империя к 1870-м годам представляла собой отсталое феодальное государство, бывшее могущество которого подтачивалось и сводилось на нет острыми межнациональными конфликтами и мощным освободительным движением угнетаемых им наро-

дов. Европейские дипломаты называли Турцию «больным, умирающим богачом». Турецкой империи принадлежали огромные территории: большая часть Балкан, Западная Армения, Месопотамия, Сирия, Палестина, значительная часть Аравии, Триполитания и Киренаика; в разной степени зависимости от Турции находились Марокко, Египет и Тунис. Понятно, что в борьбу за наследство умиравшей империи включились все великие европейские державы.

Восточная проблема включала в себя два важнейших международных вопроса: балканский и черноморских проливов.

Наиболее острыми на Балканах были противоречия между Россией, Австро-Венгрией и Англией.

Во внешней политике Российской империи Балканы занимали особое место. В экономическом плане Балканский полуостров рассматривался как весьма удобный рынок для развивавшейся русской промышленности. Но еще более важным являлось стратегическое значение Балкан как плацдарма, с которого можно было осуществлять контроль над проливами, обеспечивая свободный выход России из Черного в Средиземное море.

Российское правительство искусно пользовалось двумя благоприятными для себя факторами в борьбе за Балканы. Во-первых, стремлением славянских народов Балканского полуострова опереться в своей борьбе с турецким владычеством на помощь России — великого славянского государства. Именно поэтому в Российской империи широко пропагандировалась разработанная еще в 30—40-е годы XIX в. панславистская доктрина, согласно которой русскому царизму предлагалось возглавить политическое движение за объединение всех славянских народов под эгидой России. Во-вторых, учитывалось и горячее сочувствие русской демократической и либеральной общественности национально-освободительной борьбе балканских народов и искреннее желание оказать им поддержку.

Однако на пути реализации внешнеполитических целей России на Балканах стояли Англия и Австро-Венгрия.

Англия была против усиления позиций России на Балканах, а следовательно, и в районе черноморских проливов, так как это уже непосредственно затрагивало ее политические и стратегические интересы. Константинополь (Стамбул), Босфор и Дарданеллы были одним из крупнейших центров мировой торговли, «золотым мостом» между Востоком и Западом. Стратегическое значение черноморских проливов значительно возросло после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, через который пролегал кратчайший путь к восточным владениям Британской империи. Проникновение России на Балканы и в зону проливов резко ослабило бы позиции Англии в Афганистане, Персии, турецких владениях и,

наконец, в Индии. Вот почему Англия выступала за сохранение статус-кво в Турции, за подчинение ее своему влиянию, с тем чтобы обеспечить себе стратегические преимущества в соперничестве с Россией на Востоке. Вот почему Англия стремилась не допустить Россию до проливов и в Средиземное море, от которого ее отделяли Балканы. Вот почему Англия была против продвижения России на Балканский полуостров и против ее победы над Турцией. О серьезности целей Великобритании в борьбе с Россией за господство на Черном море и за овладение проливами свидетельствовало ее участие в Крымской войне 1853—1856 гг., завершившейся поражением Российской империи.

Против усиления русского влияния на Балканах выступала и Австро-Венгрия. Балканский полуостров традиционно рассматривался в торгово-промышленных и политических кругах Австро-Венгрии как выгодный рынок сбыта и как важная сфера влияния. Поэтому и экономически, и стратегически Австро-Венгрия была заинтересована в расширении экспансии на Балканах, а следовательно, и в устранении конкуренции со стороны России. Но главное состояло в другом. Освобождение славянских народов Турции, образование союза дунайских стран или крупного «христианского государства» на Балканах под протекторатом России привело бы в движение народы, угнетаемые Австро-Венгрией, и означало бы рано или поздно полный распад «лоскутной монархии». Именно по этим причинам Габсбургская монархия, связанная «узами дружбы» с Россией, когда речь шла о «священном союзе» против революционного движения (что ярко проявилось при подавлении европейских революций середины века), недвусмысленно поворачивалась к Англии, когда необходимо было отразить продвижение России в сторону Балкан.

Такова была расстановка сил на Балканском полуострове, когда в 1875 г. разразился *Восточный кризис*. Начало ему положило восстание против турецкого господства в Боснии и Герцеговине. Вскоре вспыхнуло восстание и в Болгарии, потопленное турками в крови. В этих условиях Александр II и его советники после определенных колебаний, связанных с тяжелым финансовым положением страны, пришли к выводу о необходимости более активного вмешательства в решение балканского вопроса. Царское правительство стало оказывать всестороннюю поддержку Сербскому княжеству и Черногории, которые выступили на стороне Герцеговины и объявили в 1876 г. войну Турции. Сербии был предоставлен крупный заем, шел сбор пожертвований, во главе подразделений сербской армии сражались русские добровольцы, а ее главнокомандующим был назначен отставной русский генерал М.Г. Черняев. Однако вскоре в силу огромного

превосходства турецких войск Сербия была разгромлена. В феврале 1877 г. она подписала с Турцией мир.

После поражения Сербии перед царским правительством возникла альтернатива: либо отказаться от своих планов и замыслов на Балканах, либо реализовать их путем прямого военного конфликта с Турцией. Выбор был сделан в пользу войны. Помимо общестратегических соображений свою роль в этом выборе сыграла и кризисная внутривосточная ситуация в России. В правительственных кругах России считалось, что победоносная война с Турцией приведет и к стабилизации внутреннего положения.

Дипломатическая подготовка войны была проведена в сжатые сроки. Россия заключила союзный договор с Румынией, которая выступила против Турции. В январе 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией (на основе Рейхштадтского секретного соглашения 1876 г.). Суть конвенции сводилась к тому, что в обмен на австрийский благожелательный нейтралитет в русско-турецкой войне Россия предоставляла Австро-Венгрии право «выбора момента и способа занятия» ее войсками Боснии и Герцеговины. Таким образом, выступая под флагом «защиты братьев-славян», царское правительство не гнушалось и торговлей их национальными интересами во имя своих «более высоких» стратегических интересов и целей.

Поводом к военным действиям послужил отказ турецкого султана от проекта предоставления автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии, разработанного по инициативе России на международной конференции послов в Константинополе.

24 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Несмотря на уроки Крымской кампании, Российская империя вновь пришла к войне неподготовленной. Технически и материально турецкая армия — при самой активной помощи Англии — была подготовлена несравненно лучше. Но даже при этих неблагоприятных условиях благодаря героизму русских солдат и офицеров турецкая армия оказалась полностью разгромленной. После осады и взятия турецкой крепости Плевна и ряда других крупных побед русские войска в январе 1878 г. подошли вплотную к Константинополю. Столица Турции не была занята лишь потому, что Россия опасалась еще больших осложнений во взаимоотношениях с Англией. Русское правительство было осведомлено, что английская эскадра вошла в Дарданеллы и стала на якорь в Мраморном море неподалеку от турецкой столицы.

В 12 километрах от стен Константинополя, в местечке Сан-Стефано, русское правительство продиктовало турецкому султану условия мирного договора, который и был подписан 3 марта 1878 г. Сан-Стефанский договор явился крупной дипломатичес-

кой победой России, венчавшей военный разгром Турции. Однако ввиду враждебной по отношению к России позиции Англии и Австро-Венгрии договор объявлялся прелиминарным (предварительным), то есть подлежащим обсуждению международным конгрессом в тех его разделах, которые затрагивали «общеевропейские интересы».

Содержание Сан-Стефанского мирного договора сводилось к следующим основным положениям.

Первое. Центральная идея Сан-Стефанского мира заключалась в создании большого славянского государства на Балканах — Великой Болгарии. В ее состав должны были войти собственно Болгария, Восточная Румелия и значительная часть Македонии. Это означало, что территория Великой Болгарии простиралась бы от Черного моря на востоке до Охридского озера и сербской границы на западе и от Дуная на севере до Эгейского моря на юге. Она объявлялась автономным княжеством с правом избрания князя, который находился в вассальной зависимости от турецкого султана. Турция выводила свои войска из Болгарии, а русская армия должна была оставаться на ее территории в течение двух лет. Так в Сан-Стефанском договоре претворялся в жизнь стратегический замысел России на Балканах.

Второе. В договоре затрагивался также целый комплекс политических и территориальных проблем балканского региона. Полную политическую независимость получали Сербия, Черногория и Румыния. Территории Сербии и Черногории несколько расширились за счет турецких владений. Румыния возвращала России Южную Бессарабию, которую союзники передали ей после Крымской войны. Взамен она получала (но уже от Турции) Северную Добруджу. Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия в рамках Османской империи.

Третье. В Закавказье, где турки также потерпели тяжелые поражения, к России отходили Карс, Батум, Ардаган и Баязет с прилегающими областями.

По Сан-Стефанскому миру Турция должна была выплатить контрибуцию на сумму в 310 млн руб.

Договор непосредственно не затрагивал важнейший для России вопрос о проливах, но он решался обходным путем. Великая Болгария, имевшая выход к Эгейскому морю, проектировалась как зависимое от России государство, что давало возможность Российской империи приблизиться к зоне проливов.

Таким образом, Сан-Стефанский мир, во-первых, предполагал полное освобождение от турецкого ига сербского и румынского народов и значительный шаг к суверенитету Болгарии (что объективно явилось прогрессивным завоеванием русской дипло-

матии). Во-вторых, он усиливал международные позиции России, которая добилась решения целого ряда крупных внешнеполитических задач.

Однако именно эти два обстоятельства по причинам, изложенным выше, вызвали резкое недовольство Англии и Австро-Венгрии. В ультимативной форме они потребовали созыва международного конгресса для пересмотра условий Сан-Стефанского договора. Австро-Венгрия в поддержку этого ультиматума провела частичную мобилизацию.

Определенные надежды Россия возлагала на своего партнера по Союзу трех императоров Германию, от позиции которой зависело многое. Но сложившаяся ситуация была выгодна Германской империи. Бисмарк не без оснований надеялся использовать новый конфликт европейских держав в целях укрепления политических позиций Германии. К тому же интересы Германии на Балканах, куда она стала проникать пока экономически, были ближе к интересам Австро-Венгрии, нежели России. Бисмарк, заранее объявивший себя «честным маклером», то есть нейтральным посредником, на деле поддержал требования Австро-Венгрии и Англии. Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. Идея конгресса была поддержана всеми великими державами, а также, по вполне понятным причинам, Турцией. Под угрозой (пусть и несколько преувеличенной) военного столкновения с Австро-Венгрией и Англией Россия, ослабленная войной с Турцией и не поддержанная Германией, вынуждена была уступить.

Стремясь хоть как-то улучшить свои позиции на конгрессе, Россия инициировала переговоры с Великобританией, в результате которых 30 мая 1878 г. в Лондоне был подписан англо-русский меморандум. Англия поддержала ряд условий Сан-Стефанского договора. Но в важнейшем его пункте — о Великой Болгарии — позиция Великобритании была непреклонной, и Россия капитулировала.

Берлинский конгресс великих европейских держав проходил с 13 июня по 13 июля 1878 г. под председательством Бисмарка. Заключительный акт конгресса — Берлинский трактат — изменил условия Сан-Стефанского мира в ущерб России и народам Балканского полуострова.

Первое. По основному вопросу — болгарскому — конгресс с незначительными поправками санкционировал формулировки англо-русского меморандума. «Великая Болгария» была разделена на три части: автономное Болгарское княжество, ограниченное с юга Балканским хребтом; турецкая провинция Восточная Румелия; Македония и Фракия, полностью возвращенные в состав

Османской империи (с обещанием султана провести здесь реформу местного самоуправления). Срок пребывания русских войск в Болгарии ограничивался девятью месяцами. Турецкие войска не имели права находиться в княжестве, но оно было обязано платить Турции ежегодную дань. Таким образом, Австро-Венгрии и Англии удалось решить важнейшую дипломатическую задачу — воспрепятствовать образованию крупного славянского государства на Балканах и не допустить усиления позиций России в этом регионе.

Второе. Берлинский трактат подтвердил независимость Сербии, Черногории и Румынии, но уменьшил их территориальные приобретения. Австро-Венгрия добилась права оккупировать Боснию и Герцеговину (причем без указания срока оккупации), а также держать гарнизоны в Нови-Пазарском санджаке (административном округе), формально остававшимся за Турцией. Захватом этих славянских земель Австро-Венгрия стремилась предотвратить их присоединение к Сербии, а с другой стороны, разъединить Сербию и Черногорию, которые имели прямое сообщение только через Нови-Пазар. Южная Бессарабия сохранялась за Россией.

Третье. В Закавказье Россия получала Карс, Ардаган, Батум (правда, уже как порто-франко, то есть вольную торговую гавань), однако вынуждена была отказаться от Баязета.

Берлинский конгресс оставил вопрос о проливах в том положении, в каком он находился до русско-турецкой войны. Иными словами, Россия не была допущена к зоне проливов.

Решения Берлинского конгресса, которым завершился восточный кризис 1875—1878 гг., имели крайне важные международные последствия.

— Несмотря на крупный успех в русско-турецкой войне, Россия усилиями главным образом Англии и Австро-Венгрии была лишена плодов своей победы. Ее международные интересы были серьезно ущемлены. Не случайно в докладе царю глава русской делегации канцлер А.М. Горчаков написал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере!» Александр II пометил: «И в моей тоже».

Берлинский конгресс явился торжеством англо-австрийской политики. Эти две державы, не принимавшие никакого участия в войне, извлекли из нее наибольшие выгоды — и стратегические, и территориальные. Заявляя о своей приверженности принципам сохранения «статус-кво» и «территориальной целостности» Османской империи, они первыми приступили к ее разделу. Если Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, то Англия успела еще до конгресса отобрать у Турции важный стратегичес-

кий объект в Средиземном море — остров Кипр, а чуть позже Египет.

«Украденная» у России победа в русско-турецкой войне и англо-австрийский дипломатический триумф привели к необычайному обострению противоречий на Балканах и во всей Европе. В этом смысле восточный кризис 1875—1878 гг. может рассматриваться как одна из важных вех на пути подготовки к Первой мировой войне.

— Важным итогом русско-турецкой войны стало национальное освобождение ряда балканских народов. Однако освободительный процесс носил противоречивый и половинчатый характер. Многие славянские земли оставались в составе Османской империи, а Босния и Герцеговина должны были сменить турецкое владычество на австро-венгерское. Балканы тем самым оставались одним из самых взрывоопасных районов Европейского континента.

— Восточный кризис существенно повлиял на изменении расстановки сил в Европе. В результате обострения противоречий между Австро-Венгрией и Россией пусть не формально, но фактически прекратил свое существование Союз трех императоров. Берлинский конгресс вызвал ухудшение отношений между Россией и Германией. Все это заставило Российскую империю искать нового союзника и во многом предопределило франко-русское сближение. С другой стороны, ход событий на Балканах подготовил предпосылки тесного австро-германского союза. Таким образом, уже в этот период появились первые признаки раскола Европы на два противостоящих друг другу блока.

Австро-германский союз (1879). Проавстрийская позиция Германии на Берлинском конгрессе достаточно ясно показала, что речь шла не просто об австро-германском сближении, а фактически о военно-политическом союзе двух центральноевропейских держав. Основные причины создания австро-германского союза коренились в новом соотношении сил на континенте.

В результате военной тревоги 1875 г. (когда Россия выступила против разгрома Франции и, следовательно, усиления Германии) и международного конгресса в Берлине (когда Германия выступила в поддержку Австро-Венгрии и, следовательно, против притязаний России) русско-германские отношения стали резко ухудшаться. Такому ходу событий в немалой степени способствовали факторы экономического характера. После введения в 1879 г. в Германии высоких пошлин на хлеб, ввозимый из России, последовали ответные меры, что привело к русско-германской таможенной войне.

Что касается Австро-Венгрии, то она, по понятным причинам, приветствовала разлад в русско-германских отношениях и

появление столь мощного союзника в борьбе против Российской империи.

7 октября 1879 г. в Вене германским послом Рейсом и министром иностранных дел Австро-Венгрии Андраши был подписан секретный союзный договор, явившийся первым шагом на пути к той расстановке сил, с которой великие державы придут к мировой войне. Этот договор обязывал каждого его участника оказывать помощь другому всеми военными силами в случае нападения России и не вступать с ней в сепаратные мирные переговоры. Если же нападение совершала какая-либо другая страна, то каждый из участников договора должен был соблюдать благожелательный нейтралитет. Однако если нападающая держава получала поддержку со стороны России, то оба государства, подписавшие договор, как в первом случае, должны были действовать совместно всеми наличными силами. Союз был заключен на 5 лет, но предусматривалась возможность его продления, что и осуществлялось вплоть до мировой войны.

Несмотря на оборонительную фразеологию, договор содействовал усилению международной напряженности, так как образование австро-германского военного союза объективно дало дополнительный толчок франко-русскому сближению и разделению Европейского континента на два враждебных друг другу блока.

Тройственный союз (1882). Следующим этапом в создании военно-политического блока центральноевропейских держав стало присоединение к австро-германскому союзу Италии.

После объединения Италия оказалась в тяжелом экономическом положении, которое усугублялось сохранением остатков феодализма и связанной с этим недостаточной емкостью внутреннего рынка. Выход итальянские правительственные круги стали искать в колониальной экспансии. Их внимание сосредоточилось на североафриканском побережье и прежде всего на Тунисе, где сочтались экономические и стратегические интересы Италии. Однако перевеса в борьбе за Тунис добилась Франция, обладавшая более сильной армией и большей экономической мощью. В 1881 г. она установила над Тунисом протекторат.

Обострение отношений с Францией привело Италию к сближению с Германией и Австро-Венгрией, несмотря на стародавние ее претензии к монархии Габсбургов по поводу австрийских земель, населенных итальянцами (Южный Тироль и Триест), а также из-за длительного сопротивления Австрии образованию единого итальянского государства.

В 1882 г. Италия заключила с Германией и Австро-Венгрией так называемый Тройственный союз. Союзный договор предусматривал следующие обязательства сторон. Во-первых, не принимать участия ни в каких союзах или соглашениях, направленных

против одного из участников договора, и оказывать друг другу взаимную поддержку. Во-вторых, Германия и Австро-Венгрия предоставляют Италии помощь всеми своими силами в случае неспровоцированного нападения на нее Франции. Аналогичное обязательство принимала на себя Италия, если Франция нападет на Германию. Обязательства Австро-Венгрии в этом случае ограничивались сохранением нейтралитета, но до вступления России в войну на стороне Франции. В-третьих, стороны придерживаются взаимного благожелательного нейтралитета в случае войны кого-либо из них с любой великой державой, кроме Франции, и оказывают друг другу военную поддержку в случае нападения двух или более великих держав.

Таким образом, предусмотрев все основные варианты военных действий, договор оформил образование военно-политического союза, который первым приступил к практической подготовке войны всевропейского масштаба.

Австро-германо-русское соглашение. Создание австро-германского, а затем и Тройственного союзов хотя и воспринималось в правительственных кругах Германии как крупный дипломатический успех, одновременно входило в явное противоречие с основной внешнеполитической установкой Бисмарка — не допустить образования антигерманской коалиции великих держав с участием Франции и прежде всего франко-русского сближения. Германские политики понимали, что в качестве контрмеры этим союзам может быть противопоставлено только военное соглашение между Францией и Россией. Отсюда целая серия дипломатических маневров Бисмарка, имевших целью изолировать Францию и предотвратить создание блока, направленного против Германии.

В 1879 г. Бисмарк предложил союз английскому правительству, которое скорее сочувственно, чем отрицательно отнеслась к австро-германскому договору, так как он был нацелен против главных в то время конкурентов Великобритании — Франции и России. Однако кабинет Б. Дизраэли оказался верным политике «блестящей изоляции». Союз Германии с Англией не состоялся.

Продолжая тактику лавирования, Бисмарк вступил в переговоры с Россией. После недолгого сопротивления царское правительство дало согласие на заключение договора с Германией при участии Австро-Венгрии. Причиной этого шага Российской империи было ее стремление обезопасить себя на Западе в связи с активизацией ее экспансии в Средней Азии и угрозой столкновения с Великобританией. Со своей стороны Бисмарк явно поощрял азиатские устремления России, так как это отвлекало ее силы от Европы и от возможного участия в антигерманской коалиции, что как нельзя лучше устраивало Германию.

Австро-германо-русское соглашение было подписано в июне 1881 г. на трехлетний срок. Тем самым предпринималась попытка возродить Союз трех императоров.

По договору предусматривалось, что если одна из договаривавшихся сторон окажется в состоянии войны с какой-либо четвертой державой, два других участника соглашения будут сохранять благожелательный нейтралитет. В конкретной международной ситуации того времени речь шла о нейтралитете России в случае франко-германской войны и нейтралитете Австро-Венгрии и Германии в случае англо-русского военного конфликта.

Гарантии нейтралитета были распространены и на войну с Турцией, но при условии «заранее согласованных целей и предполагаемых результатов войны». Такая оговорка лишала пункт какого-либо определенного смысла.

В одной из статей договора Германия и Австро-Венгрия фактически обязались добиться от турецкого правительства твердого соблюдения принципа закрытия проливов в случае войны, что имело антианглийскую направленность, так как означало недопущение военно-морского флота Великобритании в Черное море.

В соглашении определялись также сферы влияния России и Австро-Венгрии на Балканах. В частности, для подтверждения прав Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину вводилась специальная статья, обязывавшая Россию уважать австро-венгерские интересы на Балканском полуострове.

Положительной для России стороной договора 1881 г. было то, что она, подписав соглашение, выходила из изоляции, в которой оказалась после Берлинского конгресса.

В целом же договор носил компромиссный и расплывчатый характер, что свидетельствовало о взаимном недоверии и сохранении острых противоречий между его участниками. Об этом же красноречиво говорит и судьба главного пункта соглашения — о взаимном нейтралитете. Уже в 1884 г. при возобновлении действия договора российское правительство заявило, что обязательство сохранения нейтралитета во время франко-германской войны трактуется им ограниченно и не распространяется на тот случай, если нападающей стороной будет Германия.

Таким образом, в силу чрезвычайной сложности и запутанности взаимоотношений великих держав и отчасти благодаря дипломатической игре Бисмарка на Европейском континенте сложилась уникальная и во многом противоестественная ситуация. Параллельно существовали возобновленный Союз трех императоров и Тройственный союз. Оба эти союза на две трети состояли из одних и тех же участников — Германии и Австро-Венгрии. Но

один из них был заключен *вместе* с Россией, а другой был направлен *против* нее. Такое положение не могло сохраняться долго.

Борьба за раздел неподеленных частей мира (колониальные захваты 70-х — начала 90-х годов XIX в.). Неравномерность экономического развития и изменения в расстановке сил резко обострили борьбу великих держав за рынки сбыта и сферы влияния. Наиболее прибыльными и одновременно защищенными от иностранной конкуренции справедливо считались те рынки и те территории, в которых установилось полное военно-политическое господство, то есть колонии.

70—80-е годы XIX в. отмечены беспрецедентным расширением колониальных экспансии и колониальных захватов. Борьба за раздел мира становилась все более ожесточенной. Этому в немалой степени содействовали два фактора. Во-первых, ухудшение мировой экономической конъюнктуры, вызванное кризисами и длительной депрессией 70-х — начала 80-х годов, что привело к усилению торговой конкуренции. Во-вторых, активизация роли монополий в борьбе за источники сырья и рост экспорта капитала. Так, к концу XIX в. колониальная держава номер один Великобритания получала от своих заграничных инвестиций в 5 раз больше дохода, чем от внешней торговли. Причем большая часть этих вложений приходилась на колонии и зависимые страны.

Главными соперниками в борьбе за колонии были уже опытные колониальные державы — Англия и Франция. К 1875 г. Великобритания владела территориями в 22,5 млн кв. км с населением в 252 млн человек. В колониях Франции проживали более 60 млн человек. Более скромные результаты в этом «колониальном соревновании» имели Россия и малые европейские страны — Бельгия, Голландия, Дания, Португалия, которые также не желали останавливаться на достигнутом. Несколько позже, в 80—90-е годы, в активную борьбу за «место под солнцем» (так в начале XX в. определит борьбу за колонии германский рейхсканцлер Бернхард Бюлов) включились молодые капиталистические державы — Германия, Италия, Япония и Соединенные Штаты.

Колониальное соперничество приобрело глобальный характер. Оно охватывало все регионы земного шара.

Северная Африка. Этот район стал ареной жесткого колониального соперничества в силу своего экономического потенциала и стратегического положения. Господство на североафриканском побережье означало получение контрольных прав на Средиземном море, где перекрещивались важнейшие торговые пути. Центральными здесь были англо-французские противоречия, усилившиеся

в связи с открытием Суэцкого канала. Через этот канал, который принадлежал международной компании, возглавлявшейся французами, проходил главный транспортный путь Великобритании из Европы в Индию и Австралию.

Почин в колониальных захватах в Северной Африке сделала Франция, еще в 30—40-е годы завоевавшая большую часть Алжира. Как уже было сказано, в 1881 г., оттеснив Италию, Франция установила протекторат над Тунисом.

Затем наступила очередь Египта, который обладал широкой внутренней автономией в рамках Османской империи. Англия и Франция, используя тяжелое финансовое положение Египта, предоставили хедиву (египетскому монарху) Исмаил-паше займы под уникально высокие проценты (до 17% годовых). Египетские государственные финансы были приведены в полное расстройство. Этим с успехом воспользовалась Англия, навязавшая хедиву в 1875 г. кабальную сделку, в результате которой англичанами были приобретены 44% акций Суэцкого канала. В 1876 г. хедив объявил о банкротстве своего правительства, после чего Англия и Франция установили над Египтом полный финансовый контроль (так называемый «двойственный англо-французский контроль»). В 1878 г. по требованию контролеров Исмаил-паша назначил новое правительство, в котором англичанин занял пост министра финансов, а француз — министра общественных работ. И тот и другой имели право вето в решении любого вопроса. Финансовый контроль плавно перерастал в контроль политический. Все это и послужило причиной мощного национально-освободительного движения, которое возглавил полковник Араби-паша (1879—1882).

Правительство Великобритании, пытаясь оттеснить своего французского напарника и конкурента, объявило о необходимости применения военной силы под классическим предлогом защиты английских подданных. Франция сделала попытку помешать действиям Англии, и по ее инициативе в 1881 г. в Константинополе состоялась специальная конференция великих держав по вопросу о Египте. Французские дипломаты добились принятия решения, по которому все державы обязались «не искать в Египте никаких территориальных приобретений». Но это решение было сведено на нет принятой по настоянию английских представителей оговоркой: «Если не будет исключительных обстоятельств».

«Исключительные обстоятельства» были обнаружены Англией в 1882 г., когда новое правительство Египта, в которое в качестве военного министра вошел Араби-паша, упразднило «двойственный англо-французский контроль» и контролеры вынуждены были покинуть страну. В ответ английский флот подверг бомбардировке Александрию и другие египетские города. Началась англо-еги-

петская война 1882 г., завершившаяся подавлением национально-освободительного движения. В сентябре английские войска вошли в Каир. В стране был установлен оккупационный режим. Египет фактически стал колонией Англии, хотя формально продолжал считаться автономной частью Османской империи.

Франция проиграла колониальную схватку в Египте. Однако, сохраняя влияние на египетские государственные финансы, она активизировала свое противодействие Англии в финансово-экономической области и при любой благоприятной возможности строила козни английской политике в этой стране.

Овладев Египтом, Англия стала продвигаться вдоль долины Нила в южном направлении, в Судан, где опять-таки встретила сопротивление Франции, а также местного населения (в 1881 г. против английских колонизаторов началось махдистское восстание, названное так по имени его руководителя Махди Суданского). Англо-французские отношения в этом регионе продолжали оставаться чрезвычайно напряженными.

Центральная и Западная Африка. До 80-х годов XIX в. колониальная политика европейских держав в Африке осуществлялась в основном через привилегированные торговые компании и ограничивалась освоением африканского побережья. Главенствующую роль в этом колониальном продвижении играла Великобритания. Однако в 80-е годы борьба за колонии на Африканском континенте резко обострилась. Со все большей активностью в нее включались Франция, Германия, Италия, Бельгия. В результате к середине следующего десятилетия почти весь Африканский материк был разделен между европейскими колониальными державами.

Территориальный раздел Центральной и Западной Африки сопровождался многочисленными конфликтами, усилением напряженности в отношениях между государствами-метрополиями. Главными соперниками и здесь оказались Англия и Франция.

Одно из самых острых столкновений произошло по вопросу о принадлежности территории в устье реки Конго, где сходились основные торговые пути Центральной, или Экваториальной, Африки. В силу жесткого взаимного противодействия Англия и Франция не могли сами претендовать на эту территорию. Поэтому они начали тонкую дипломатическую игру, выдвинув в качестве «соискателей» своих фаворитов — европейские государства, находившиеся от них в той или иной степени зависимости. Английское правительство предложило передать этот район Португалии, а французское — Бельгии. Успех был на стороне Франции: устье Конго оказалось под управлением бельгийского короля Леопольда II, который не без помощи все той же Франции вскоре овладел почти всем бассейном этой африканской реки. Берлинская кон-

ференция 1884—1885 гг. по вопросам Центральной Африки фактически узаконила этот колониальный захват, провозгласив образование «Независимого государства Конго» во главе с Леопольдом II. Решением конференции всем державам предоставлялись равные права торговли и судоходства в бассейне Конго, что свидетельствовало об известном равновесии сил в этом районе Африканского континента.

Интересы Англии и Франции столкнулись также и в Западной Африке. В 70-е годы английские и французские колонизаторы начали продвигаться навстречу друг другу по реке Нигер, захватывая близлежащие территории. К началу 90-х годов военные отряды двух держав встретились на побережье озера Чад. Десятилетие шли ожесточенные споры между Англией и Францией о разделе сфер влияния в бассейне Нигера. Соглашение было достигнуто в 1898 г. в Париже. Англичанам достались густонаселенные и плодородные земли в низовьях реки, где еще в 1885 г. была основана одна из богатейших английских колоний в Африке — Нигерия. Верхняя часть бассейна Нигера — от пустыни Сахара до озера Чад — стала колониальным владением Франции.

Широкая колониальная экспансия Англии и Франции в Африке привела к тому, что в правительственных кругах этих держав почти одновременно были разработаны планы создания колониальных империй, каждая из которых представляла бы собой единую цепь колоний через весь Африканский континент. В Великобритании авторами подобного плана были министр колоний Джозеф Чемберлен и крупнейший теоретик и практик колониальных захватов Сесил Джон Родс (в самом начале своей «колонизаторской» карьеры он провозгласил: «Наш долг — использовать любую возможность, чтобы овладеть новыми территориями... Чем большей частью мира мы будем управлять, тем лучше будет для всего человечества»).

В 80-е — начале 90-х годов эти планы были в значительной мере осуществлены. Великобритания на протяжении 1888—1893 гг. захватила все свободные земли на громадной территории от Бечуаналенда до Бельгийского Конго. В честь Сесила Родса эти владения получили название Родезия. С 1886 по 1890 г. Англия превратила в колонии и ряд территорий в Восточной Африке, включая Кению, и стала продвигаться к Уганде, к истокам Нила.

В это же время французские колонизаторы утвердились на правом берегу Конго (левым управлял Леопольд II). На пути создания сплошной колониальной территории оставалось одно препятствие — пустыня Сахара, лежавшая между Алжиром и бассейном Нигера, которой французы без особого напряжения и овладели к началу 90-х годов. Из других африканских приобретений Франции к этому периоду относится колонизация в 1896 г.

стратегически важного острова Мадагаскар. Таким образом, как и Великобритания, Франция в 80-е — начале 90-х годов сумела создать в Западной и Центральной Африке гигантскую колониальную империю.

Южная Африка. Развитие колониальной политики на Юге Африки имело свои специфические особенности. Здесь Великобритании, владевшей еще с конца XVIII в. Капской колонией, противостояли не столько другие великие державы, сколько независимые бурские республики — Трансвааль и Оранжевая, основанные голландскими переселенцами, а также местные племена зулусов. Дополнительным стимулом к колониальной экспансии послужило для Англии открытие в Южной Африке алмазных россыпей.

Первая англо-бурская война (1880—1881) завершилась полным поражением Великобритании, которая вынуждена была признать независимость бурских республик.

Столь же упорное сопротивление оказали Англии зулусы, против которых она развязала кровавую войну под предлогом защиты буров (1879—1880). Одна из причин этой войны, помимо стремления захватить новые земли, заключалась в том, чтобы помешать продвижению Германии, которая начала свой поход на юг из немецких колоний в Восточной Африке. Несмотря на героизм зулусов, Великобритания, имея подавляющий перевес в силах и военной технике, одержала победу, что позволило ей к 1885 г. занять весь Бечуаналенд.

Западная Азия (Ближний и Средний Восток). Ход международных событий в этом регионе мира во многом определялся англо-русским колониальным соперничеством.

После хивинского похода генерала К.П. Кауфмана (1873) три государства Средней Азии — Коканд, Бухара и Хива — признали свою вассальную зависимость от Российской империи. Экспансия России в Средней Азии рассматривалась в правительственных кругах Великобритании как непосредственная угроза ее интересам в Афганистане, Персии и, наконец, в Индии. Отсюда стремление Англии укрепить свои позиции, в первую очередь путем захвата Афганистана. Такова была причина второй англо-афганской войны 1878—1880 гг. (первая война 1838—1842 гг. завершилась для Англии неудачно). По мирному договору 1880 г. за Великобританией сохранялись захваченные ею афганские территории и контроль над внешней политикой Афганистана.

Тем временем продвижение России в направлении афганской границы продолжалось. В середине 80-х годов к Российской империи была присоединена Туркмения. А в марте 1885 г. русские войска разбили афганские передовые отряды и заняли один из богатейших оазисов Афганистана. Тем самым был открыт путь

на Герат — стратегический пункт в центре пересечения торговых путей к Индии. В итоге возникла реальная опасность войны с Англией.

После трудных и напряженных переговоров в сентябре 1885 г. в Петербурге было подписано англо-русское соглашение, разграничившее сферы влияния двух держав в этом регионе: Россия признавала за Англией сферу ее интересов в Афганистане и Тибете, Англия — присоединение к России среднеазиатских территорий. Но и после подписания этого соглашения англо-русские противоречия в Западной Азии отнюдь не потеряли своей остроты.

Южная и Юго-Восточная Азия. В этой части земного шара бесспорными лидерами в борьбе за колонии оставались Великобритания и Франция.

В 1877 г. Индия была окончательно присоединена к Британской империи, а королева Виктория получила официальный титул индийской императрицы. Еще с конца XVIII столетия Англия начала свое колониальное продвижение на Малайский полуостров. К началу 90-х годов XIX в. она установила протекторат над большей частью Малайи, ставшей одним из наиболее доходных ее колониальных приобретений.

Колониальная экспансия Франции в Юго-Восточной Азии сосредоточилась в Индокитае. Основные опорные пункты здесь были захвачены еще до франко-прусской войны. С 1873 г. началась борьба Франции за овладение Тонкином и Аннамом (Северным и Центральным Вьетнамом). Аннам был покорен в 1883 г. Однако французская агрессия вызвала сопротивление со стороны индокитайских государств, а затем и войну с их союзником Китаем. В марте 1885 г. в битве при Ланг-Соне французским войскам было нанесено тяжелое поражение.

И все же Франции удалось навязать Китаю в июне 1885 г. Тяньцзиньский мир, по которому он признал французский протекторат над Аннамом. Затем началась длительная война Франции против Тонкина. Лишь к концу 1897 г. Франция окончательно установила свое господство и в этом районе Индокитая.

Расширение колониальных владений Франции в Индокитае приблизило французских колонизаторов к восточной границе «жемчужины британской короны» — Индии. Тогда Великобритания в качестве превентивного шага захватила в 1885 г. Верхнюю Бирму. Между французским Индокитаем и британской Индией оставался теперь только Сиам (Таиланд), который сохранял формальную независимость. Но в 1896 г. специальным соглашением и он был поделен английским и французским правительствами на сферы влияния: западные области страны (на полуострове Малакка) вошли в сферу влияния Англии, восточные районы (территория в бассейне реки Меконг) отошли под контроль Франции.

Первые колониальные захваты Германии и Италии. Уже в 70-е годы, опираясь на быстрый рост экономики и усиление военной мощи, германские промышленные и торговые круги все энергичнее начинают требовать участия в колониальных захватах. В 80-е начале 90-х годов стали широко пропагандироваться идеи пангерманской доктрины, включавшей в себя в качестве одного из центральных лозунгов создание германской колониальной империи. Целенаправленный характер эта пропаганда приняла после создания в 1891 г. Пангерманского союза.

Некоторое время Бисмарк не решался вступить на этот путь, опасаясь обострения отношений с Великобританией. Однако к началу 80-х годов международная обстановка стала более благоприятной для решительных действий Германии. Резкое усиление англо-французского, франко-итальянского, англо-русского колониального соперничества, укрепление политических позиций Германской империи после Берлинского конгресса — все это позволило правящим кругам Германии приступить к «великой колониальной охоте».

В 1884 г. Германия захватила Того и часть Камеруна и объявила свой протекторат над обширной территорией на юго-западе Африканского континента, получившей затем название Германской Юго-Западной Африки. В 1885 г. она поделила с Англией Новую Гвинею, получив ее северо-восточную часть, и овладела землями Занзибарского султана в Восточной Африке (позднее — Германская Восточная Африка). Однако в конце 80-х годов в силу международных осложнений на Европейском континенте Германская империя была вынуждена временно приостановить свое колониальное продвижение.

Италия, потерпев поражение от Франции в борьбе за Тунис, сконцентрировала свои колониальные притязания в Восточной Африке. На протяжении 80-х годов она утверждалась на побережье Красного моря и в 1890 г. создала здесь свою колонию Эритрея, а в 1889 г. установила протекторат над частью Сомали..

Главный же свой удар Италия нанесла по Абиссинии, занимавшей центральное место в ее колониальных планах в силу экономических и стратегических выгод, которые сулил захват этой страны. Однако, встретив упорное сопротивление, Италия была вынуждена в 1889 г. подписать с негусом (императором) Абиссинии Менеликом II Уччиалийский договор о «вечной дружбе». При этом итальянская дипломатия пошла на уникальный в истории международных отношений подлог. В итальянском тексте § 17, где говорилось о том, что негус во внешних сношениях может пользоваться посредничеством Италии, вместо слова «может» было вставлено слово «должен». На этом «законном»

основании итальянское правительство объявило свой протекторат над Абиссинией. В ответ Менелик II разорвал отношения с Италией. На помощь Абиссинии немедленно пришла Франция. В результате второй итало-абиссинской войны (1895—1896) Италия, потерпев крупное поражение в битве при Адуа в 1896 г., без оговорок признала независимость Абиссинии.

Таким образом, молодые капиталистические державы — Германия и Италия, включившись в 80-е гг. в борьбу за колонии и достигнув в ней известных успехов, не могли быть полностью удовлетворены ее результатами. Их владения во много раз уступали колониальным империям «старых» европейских держав — Англии и Франции, что предвещало дальнейшее обострение этой борьбы за раздел, а затем и передел уже поделенного мира.

Усиление напряженности в Европе во второй половине 80-х годов. Международная обстановка на Европейском континенте, которая после Берлинского конгресса была относительно спокойной, с середины 80-х годов вновь приобрела взрывоопасный характер. Глубинные противоречия великих держав приняли форму целой серии острых конфликтов.

Новые осложнения возникли на Балканах, где усилилась борьба между Россией, Австро-Венгрией и Англией за влияние в Болгарии. Симпатиям болгар к России, которая помогла им освободиться от турецкого ига, в определенной мере противостояли интересы болгарских предпринимательских кругов, экономически тяготевших к Австро-Венгрии и Англии. При поддержке этих двух держав летом 1887 г. на болгарский престол был возведен австро-германский ставленник, потомок немецкого княжеского рода принц Фердинанд Кобургский, что справедливо расценивалось в европейских политических кругах как акт откровенной антирусской направленности. Правительство России по понятным причинам отказалось от признания Фердинанда болгарским князем. Более того, в качестве демонстрации силы на австрийскую границу были переброшены дополнительные подразделения русских войск. Этот конфликт стал важным этапом в развитии противоречий великих держав на Балканском полуострове. Балканы превращались в основной очаг напряженности в Восточной Европе.

В это же время в Западной Европе обострились отношения между Францией и Италией. Помимо франко-итальянского конфликта в Северной Африке с середины 80-х годов усилилось торговое соперничество двух держав, вылившееся в таможенную войну, которая продолжалась более десяти лет.

Однако центральное место в международной обстановке второй половины 80-х годов занял франко-германский конфликт —

так называемая военная тревога 1887 г. Германское правительство под давлением милитаристских кругов вело дело к прямому военному столкновению с Францией. Предлог был найден в широкой пропаганде реванша, связанной с именем военного министра Франции Ж. Буланже. Генерал Буланже стал символом политики реванша, а его фраза: «Эльзас и Лотарингия нас ждут!» — неоднократно воспроизводилась как во французской, так и в германской прессе.

В апреле 1887 г. кризис достиг своего апогея, что было вызвано известным «делом Шнебеле» — арестом немецкими властями на франко-германской границе французского таможенного чиновника эльзасца Шнебеле, обвиненного в шпионаже (что впоследствии и подтвердилось).

При подготовке войны Бисмарк надеялся на занятость России в болгарских событиях, но просчитался. Русское правительство дало понять, что в случае франко-германской войны Германия не может рассчитывать на нейтралитет России. Твердость позиции Российской империи явилась главным фактором, побудившим германское правительство отказаться от своих планов в отношении Франции. Конфликт был улажен миром в том же 1887 г.

В международном аспекте франко-германский кризис и его урегулирование подтвердили основные тенденции в изменении расстановки сил на Европейском континенте: монархическая Россия шла на сближение с республиканской Францией при все большем ухудшении взаимоотношений с Германией.

«Договор перестраховки». В 1887 г. истек срок австро-германо-русского договора 1881 г. Россия отказалась его возобновлять, аргументируя это антирусской политикой Австро-Венгрии на Балканах. Тогда Бисмарк предложил заключить двухстороннее соглашение, получившее позднее название «перестраховочного договора». В этом названии отразились мотивы, которыми руководствовалась Германия. Опираясь на союз с Австро-Венгрией и Италией, направленный против России и Франции, Бисмарк решил «перестраховаться» путем заключения договора с Россией, чтобы предотвратить ее сближение с Францией и устранить опасность войны на два фронта.

Основным пунктом тайного договора, подписанного 18 июня 1887 г. в Берлине, было обязательство сохранять благожелательный нейтралитет в случае войны одной из сторон с какой-либо третьей великой державой. Германия признавала «исторически приобретенные» права России на Балканском полуострове. Стороны обязались противодействовать любой попытке нарушить там статус-кво, а также подтверждали обязательность принципа закрытия проливов для военных судов всех наций. В «дополнительном и сверхсекретном» протоколе Германия обещала оказывать

России моральную и дипломатическую поддержку в «защите входа в Черное море», то есть в установлении контроля над черноморскими проливами. Это обещание имело вполне определенную цель — вовлечь Россию в авантюры на Ближнем Востоке и в проливах и спровоцировать ее на столкновение с Англией, в чем Германия проявляла традиционную заинтересованность. Показательно, что этот протокол Бисмарк предложил «спрятать под двойное дно», то есть хранить в особой тайне (отсюда и другое название соглашения — «договор с двойным дном»).

В целом «договор перестраховки» не улучшил русско-германские отношений, о чем свидетельствовали по меньшей мере два важных обстоятельства.

Во-первых, в самом тексте соглашения к положению о нейтралитете были сделаны существенные оговорки: кроме случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию. Иными словами, договор не оправдал надежд Германской империи, так как не дал ей гарантий безусловного нейтралитета России во франко-германской войне.

Во-вторых, в том же 1887 г. Бисмарк под угрозой отказа от поддержки Англии в египетском вопросе уговорил премьер-министра Солсбери подписать с Австро-Венгрией и Италией соглашения, направленные против России и Франции. Эти соглашения, оформившие создание так называемой Восточной, или Средиземноморской, Антанты, определили общую политическую линию трех держав на Ближнем Востоке, в проливах и на берегах Средиземного, Черного, Эгейского и Адриатического морей. Участники этого союза обязались совместно поддерживать статус-кво в этом обширном регионе против угрозы со стороны других великих держав, под которыми подразумевались прежде всего Франция и Россия.

Обострение русско-германских отношений. К началу 90-х годов процесс ухудшения отношений между Германией и Россией принимал все более явный и открытый характер, охватывая как сферу политики, так и сферу экономики.

Завершение в России промышленного переворота и успехи в развитии отечественной промышленности привели к столкновению русского капитала с капиталом германским, который до конца 70-х годов занимал весьма значительное положение на российском внутреннем рынке. С 1876 г. правительство России, действуя в интересах растущего промышленного производства, стало последовательно повышать таможенные пошлины на иностранные товары. Усилия германского правительства, которое пыталось добиться понижения русских пошлин, к каким-либо серьезным положительным результатам не привели. Так к давнему

соперничеству двух держав на сельскохозяйственном рынке Германии прибавилась борьба за промышленный рынок России. Началась новая русско-германская таможенная война. Германия в 80-е годы трижды увеличивала пошлины на русский хлеб, Россия провела новое повышение пошлин на германские промышленные товары.

Главной проблемой в русско-германских политических отношениях был отказ России обещать безусловный нейтралитет в случае войны Германии с Францией. Чтобы изменить позицию России в этом важнейшем для Германии вопросе, Бисмарк решил перейти к жестким финансовым мерам, учитывая, что Германская империя являлась тогда основным кредитором царского правительства. В 1887 г. он отказал России в очередном займе и приостановил принятие Рейхсбанком российских ценных бумаг.

Однако этот резкий финансовый демарш привел к результатам прямо противоположным тем, на которые рассчитывали германские правительственные круги. Правительство России обратилось за финансовой помощью к Франции и нашло у нее полное понимание. С 1888 г. в Россию устремился поток французских денег, и вскоре французский капитал занял место германского в качестве главного кредитора русского правительства. Так укреплялась финансово-экономическая основа франко-русского политического сближения, ставшего очевидным после образования Тройственного союза и последующих международных событий.

Дополнительным фактором в ухудшении русско-германских отношений стала смена рейхсканцлера в Германии. Бисмарк, который при всей жесткости своего внешнеполитического курса был принципиальным противником войны с Россией и сторонником нового тура дипломатических игр с русским правительством, в 1890 г. ушел в отставку. Его преемник Лео фон Каприви отказался возобновить «договор перестраховки» с Россией, считая, что он не может быть сколь-нибудь прочным. Инициатива этой очередной жесткой дипломатической меры исходила от императора Вильгельма II, вступившего на престол в 1888 г. Он получил общеевропейскую известность как политик резкий, амбициозный и труднопредсказуемый.

Ввиду обострения отношений с Россией германское правительство попыталось заключить союз с Великобританией. Чтобы склонить ее к союзному договору, Германия пошла на крупные уступки, передав Англии по специальному договору 1890 г., заключенному в Берлине, часть своих владений в Восточной Африке в обмен на стратегически важный остров Гельголанд близ германского побережья в Северном море. Но даже эти уступки не поколебали решимость британского правительства последователь-

но проводить в жизнь политику «блестящей изоляции». Баланс сил в Европе, где Тройственному союзу противостояли Россия и Франция, как нельзя лучше устраивал Англию, которая искусно использовала эти противоречия в своих интересах. По существу не являлись отступлением от этой политики и соглашения Великобритании с Австро-Венгрией и Италией 1887 г., так как они не носили характера трехстороннего союзного договора с обязательством о совместном применении вооруженных сил. По настоянию премьер-министра Англии лорда Солсбери в текстах обоих соглашений оговаривалось, что «характер совместных действий будет устанавливаться, когда явится в них надобность, смотря по обстоятельствам каждого данного случая». В переводе с дипломатического языка это означало, что Англия не намерена связывать себя с Италией и Австро-Венгрией какими-либо серьезными обязательствами. В английских правительственных кругах до начала XX в. господствовало убеждение, что у Великобритании нет никакой необходимости вступать в европейские военно-политические блоки. Это убеждение основывалось и на том, что даже если баланс сил на континенте изменится не в пользу Англии, всегда в случае прямой угрозы можно будет опереться на самый мощный в мире военно-морской флот, который по новому морскому закону 1889 г. должен был по численности превышать флот двух любых других великих держав вместе взятых.

Франко-русский союз (1891—1893). Демонстративный отказ Германии от «перестраховочного договора» стал для правительства России одним из решающих стимулов к заключению союза с Францией, которого последняя активно добивалась после военной тревоги 1887 г. К этому времени окончательно сложились и основные предпосылки франко-русской коалиции: наличие общего противника в лице Тройственного союза (возобновлен в 1891 г.) и французская финансово-экономическая поддержка России, которая должна была повлечь за собой политическое соглашение. Важным этапом в развитии контактов двух стран стал визит французской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече эскадры присутствовал император Александр III, стоя выслушавший революционный гимн Франции «Марсельезу». В октябре 1893 г. в Тулон с ответным визитом прибыла русская эскадра.

Образование франко-русского союза произошло в три этапа.

В августе 1891 г. между Россией и Францией было заключено политическое соглашение, носившее характер консультативного пакта «соглашение Гирса—Рибо», подписанное министрами иностранных дел двух стран), по которому обе стороны обязались

«совещаться друг с другом» о принятии совместных мер в случае военной опасности. В тексте уже этого соглашения фигурировали слова «*entente cordiale*» («сердечное согласие»), давшее впоследствии название англо-франко-русскому блоку.

В августе 1892 г. был сделан следующий шаг: начальники французского и российского Генеральных штабов подписали секретную военную конвенцию, одобренную Александром III и правительством Франции. Конвенция фактически превращала соглашение 1891 г. в военный союз. Она содержала шесть статей. Согласно статье 1, если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия «употребит все силы, какими она может располагать», для нападения на Германию. Аналогичное обязательство брала на себя Франция в случае нападения на Россию Германии или Австро-Венгрии, поддержанной Германией. В статье 2 указывалось, что в случае мобилизации вооруженных сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия, «не ожидая никакого предварительного соглашения, мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы» и перебрасывают их «как можно ближе к своим границам». Статья 3 устанавливала численность войск, выделяемых Францией (1300 тыс. человек) и Россией (700—800 тыс. человек) для войны против сильнейшего участника Тройственного союза — Германской империи, чтобы ей «пришлось сражаться сразу и на востоке и на западе». Статьей 4 предусматривались взаимные консультации Генеральных штабов и обмен сведениями о военных силах Тройственного союза. В статье 5 содержалось важное положение: «Ни Франция, ни Россия не заключат сепаратного мира». Стороны достигли договоренности, что конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и Тройственный союз (статья 6).

В декабре 1893 г. правительства России и Франции информировали друг друга об утверждении конвенции. После этих взаимных извещений франко-русский военно-политический союз стал свершившимся фактом.

Эти события показали, насколько стратегические цели великих держав были выше династических интересов и каких-либо тактических соображений. Когда в апреле 1894 г. наследник российского престола цесаревич Николай Александрович был помолвлен с гессенской принцессой Алисой, в Париже возникли опасения за судьбу союза, а в Берлине стали придавать помолвке некое политическое значение. Однако Александр III недвусмысленно заявил в том же году, что он намерен твердо придерживаться заключенных с Францией соглашений и что, пока будет

существовать Тройственный союз, «наше сближение с Германией невозможно».

Таким образом, развитие международных отношений с 1871 до середины 90-х гг. в качестве своего логического итога привело к расколу Европы на два мощных и противоборствующих друг с другом блока. Соперничество этих военно-политических коалиций стало важнейшим фактором, определявшим ход событий на международной арене вплоть до Первой мировой войны.

Японо-китайская война (1894—1895) и соперничество великих держав на Дальнем Востоке. В 80—90-е годы Дальний Восток представлял собой, пожалуй, самый сложный узел международных противоречий. К борьбе великих европейских держав за сферы влияния в Китае активно подключилась Япония, а затем и Соединенные Штаты.

Правительственные круги Японии, чье экономическое развитие сдерживалось феодальными пережитками, зависимостью от поставок сырья и внешних рынков сбыта, сделали ставку на территориальные захваты соседних стран. Уже в 1874 г. Япония попыталась захватить принадлежавший Китаю остров Тайвань (Формозу). Однако в силу сопротивления Китайской империи и европейских держав она вынуждена была отступить. Объектом дальнейшей военной экспансии Японии стало Корейское королевство, находившееся в вассальной зависимости от Китая. В 1876 г. под угрозой войны Корея подписала первый неравноправный договор с Японией, что вызвало вмешательство китайского правительства. Россия заявила о намерении оказать помощь Китаю в случае военных действий. Все это привело к тому, что в 1885 г. между Японией и Китаем было подписано Тяньцзиньское соглашение («конвенция Ли—Ито»), по которому стороны дали обязательство уважать независимость Кореи и вывести оттуда свои войска. С этого момента русско-японские отношения стали быстро ухудшаться, а Япония начала энергичную подготовку к войне с Китаем.

Международная обстановка, как она воспринималась в японских правительственных кругах, в целом была благоприятной для развязывания агрессии против Китая. К этому времени экономически в Китае продолжала господствовать Англия, имевшая важные опорные пункты на его территории: Гонконг с военно-морской базой и Коулун (Цзюлун). Английский Гонконг-Шанхайский банк контролировал финансовые операции всей страны. Морские таможи, дававшие наибольшую часть доходов китайскому правительству, возглавлял англичанин Роберт Харт. Крупнейший в Китае Шанхайский международный селтльмент (особое поселение иностранцев, которое пользовалось правом экстерри-

ториальности, т. е. самоуправления, а также имело широкие привилегии в торговой и коммерческой деятельности) фактически подчинялся английской администрации. Все это обеспечивало Англии значительный политический вес и влияние в Китае.

И все же к середине 90-х годов эти позиции Англии не могли уже считаться столь непоколебимыми: постепенно в Китай стали проникать и другие великие европейские державы. Поэтому Великобритания была заинтересована в том, чтобы использовать Японию в борьбе против усиления своих соперников на Дальнем Востоке, к числу которых относилась прежде всего Россия — давний и крупнейший соперник Англии в азиатском регионе. Чтобы укрепить дружественные политические связи с Японией, английское правительство выступило инициатором отмены старых неравноправных англо-японских торговых договоров. По новому договору, подписанному в Лондоне в июле 1894 г., в Японии упразднялась система экстерриториальности. К тому же Англия стала оказывать ей серьезную экономическую и военно-политическую помощь. Положение Японии как великой державы упрочилось, чем она очень скоро не преминула воспользоваться.

1 августа 1894 г. Япония объявила войну Китаю, обвинив его в нарушении японо-китайской конвенции 1885 г. Предлогом послужил ввод китайских войск на территорию Кореи «по просьбе ее правительства» для подавления крестьянского восстания на юге страны. Япония направила в Корею свои войска, с помощью которых произвела правительственный переворот. Новое корейское правительство обратилось с «просьбой» уже к Японии об изгнании китайских войск из страны. Так началась японо-китайская война. Япония молниеносно разбила небоеспособную армию Китайской империи и 17 апреля 1895 г. в японском порту Симоносеки продиктовала ей условия мирного договора. Согласно Симоносекскому договору Китай признавал «независимость и автономию» Кореи, что было крайне выгодно Японии, так как она рассматривала эту «независимость» как переходное состояние от вассального подчинения Китаю к японскому протекторату. Весьма значительными были и территориальные уступки Китая, который передавал Японии остров Тайвань, Ляодунский полуостров с Люйшунем (Порт-Артуром) и архипелаг Пескадорских островов (Пэнху). В одной из статей договора содержалось важное положение об открытии семи китайских портов для международной торговли, что способствовало еще большему проникновению иностранного капитала в Китайскую империю. При этом исключительные права на организацию торгово-промышленных предприятий во всех китайских портах и на ввоз в Китай товаров предоставлялись Японии. Китайское правительство обязывалось также уплатить Японии огромную контрибуцию. До ее оконча-

тельной выплаты сохранялась японская оккупация Вэйхайвэя в провинции Шаньдун.

Симоносекский мирный договор имел два важных международных последствия. Во-первых, он чрезвычайно ухудшил русско-японские отношения. Япония в победоносной войне с Китаем резко усилила свои стратегические позиции на Дальнем Востоке, что воспринималось в России как непосредственная угроза ее интересам. Дело осложнялось тем, что дальневосточная территория Российской империи в те времена была почти беззащитна. Сибирская железная дорога к 1895 г. была проведена лишь по Западной Сибири, а дальше, до Владивостока, переброска войск была крайне затруднена. Во-вторых, японская агрессия в Китае подтолкнула не только Россию, но и другие великие державы к территориальным захватам за счет Китая и к борьбе за сферы влияния на Дальнем Востоке.

Российское правительство, решив воспрепятствовать продвижению Японии, обратилось за поддержкой к Франции, Германии и Англии. Франция, которая только что стала союзницей России, и Германия немедленно дали положительный ответ. Обе эти державы не были заинтересованы в укреплении на Дальнем Востоке Японии, а тем более Англии. К тому же и Франция, и Германия рассчитывали в виде платы за «услугу» осуществить свои захватнические планы в Китае. Германия преследовала и еще одну традиционную и долгосрочную цель — поощрить экспансию России на Востоке, дабы отвлечь ее внимание от Запада. Англия отказалась примкнуть к России, Франции и Германии, не желая портить отношения с Японией.

В апреле 1895 г. японскому правительству была вручена совместная нота трех держав, которые в вежливом, но категоричном тоне дали Японии «совет» не занимать Ляодунский полуостров во избежание международных осложнений. Чтобы «совет» стал более доходчивым и убедительным, в дальневосточные воды были направлены крупные военно-морские соединения держав, сделавших дипломатическое представление. Неравенство в силах, а также отказ Англии от открытой поддержки Японии вынудил японского императора дать согласие воспользоваться «дружественным советом». В ноябре 1895 г. между Японией и Китаем было заключено дополнительное соглашение, по которому Ляодунский полуостров возвращался Китаю «на вечные времена». Взамен японское правительство получило некоторую надбавку к уплачиваемой Китаем контрибуции. Остальные статьи Симоносекского договора остались в силе.

Державы, предоставившие «помощь» Китаю, не замедлили использовать ее в своих интересах. Россия и Франция предоставили Китаю заем, необходимый для погашения контрибуции.

Этот заем стал дополнительным источником финансового закабаления Китайской империи и ускорил ее раздел на сферы влияния.

События развивались стремительно. Франция в 1895 г. заключила с Китаем конвенцию, по которой она получала горные концессии в трех южных провинциях и право продления железнодорожных линий из Аннама вглубь Китая.

В 1896 г. в Петербурге торжественно встречали чрезвычайного посла китайского правительства Ли Хунчжана. В результате этого визита (и прямого подкупа посла) был подписан секретный русско-китайский договор о военном союзе, обязывавший Россию защищать Китай в случае нападения Японии. Договор закрепил влияние России в Манчжурии. В этом же году царское правительство добилося от Китая концессии на сооружение и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), стратегическое значение которой состояло в том, что она выпрямляла путь на Владивосток.

В конце 1897 г. Германия захватила у Китая бухту Цзяочжоу с портом Циндао, оформив этот захват в начале 1898 г. договором об «аренде» приобретенного района сроком на 99 лет. По договору Германии предоставлялись преимущественные права в провинции Шаньдун, где она могла строить железные дороги и разрабатывать рудники.

В апреле 1898 г. Франция по новому соглашению арендовала на 99 лет залив Гуанчжоувань для строительства на его берегу военной базы.

Российское правительство, недовольное захватом Германией Цзяочжоу, пыталось протестовать, но затем пошло на сделку с германской дипломатией, заручившись ее поддержкой в вопросе о Ляодунском полуострове. В начале 1898 г. военная эскадра России вошла в гавань Порт-Артура. Под давлением русских пушек китайское правительство подписало в марте 1898 г. договор, по которому Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Далянем (Дальним) был сдан в аренду России сроком на 25 лет. Порт-Артур стал базой российского Тихоокеанского флота, а Дальний — открытым торговым портом. Вскоре правительство Китая предоставило России концессию на строительство железной дороги, соединявшей КВЖД с Порт-Артуром (будущая Южно-Манчжурская железная дорога).

Передача России Ляодунского полуострова явилась крупным международным событием. Оно означало, что Российская империя твердо решила придерживаться политики всемерного продвижения на Дальнем Востоке. Это резко обострило отношения России не только с Японией, но и с Англией. Япония, которой фактически пришлось уступить России стратегически важный Ляодунский полуостров, стала усиленно готовиться к войне с

Российской империей. Англия в ответ на действия России арендовала у Китая бухту Вэйхайвэй, что создавало преграду на пути дальнейшей российской экспансии на юг китайской территории и уменьшило стратегическое значение Порт-Артура. Аренда Вэйхайвэя была направлена и против Германии, так как в британских руках оказалась база в провинции Шаньдун — районе преимущественных прав Германской империи.

Противоречия великих держав удалось временно смягчить в результате подписания соглашений о разделе сфер интересов в Китае между Японией и Россией (1898), между Англией и Германией (1898) и между Россией и Англией (1899).

Так к концу XIX в. Китай оказался поделенным на владения и сферы влияния крупнейших мировых держав. Япония приобрела Формозу и Пескадорские острова, а также укрепила свои позиции в Корее. Россия арендовала Ляодун и получила преобладающее влияние в Северном Китае и Манчжурии. Германия захватила Цзяочжоу и имела преимущественные права в Шаньдунской провинции и в долине реки Хуанхэ. Англия, помимо Гонконга и Коулун, получила опорную базу в бухте Вэйхайвэй и в качестве сферы влияния богатейшую часть Китая — бассейн реки Янцзы. Франция овладела заливом Гуанчжоувань и осуществляла контроль в южных провинциях Китая.

Японо-китайская война и раздел Китая на сферы влияния, завершив длительный этап борьбы, в то же время дали мощный импульс дальнейшему усилению соперничества великих держав на Дальнем Востоке.

Состояние территориального раздела мира на исходе XIX в. Ожесточенная борьба великих держав за колонии привела к тому, что в период с середины 70-х годов до конца XIX в. общая площадь колониальных владений увеличилась более чем на 30 млн кв. км. (с 42,5 до 72,9), превысив в полтора раза территорию шести крупнейших метрополий.

Раздел *Африки* завершался в жестком противоборстве двух всудущих колониальных держав — Англии и Франции. Великобритания, последовательно осуществляя план создания на Африканском континенте целостной колониальной империи, во второй половине 90-х гг. приобрела Уганду, овладела истоками Нила и подошла вплотную к Танганьике. В 1896 г. английское правительство приступило к завоеванию южной и восточной частей Судана. Однако на эти же районы Судана претендовала и Франция. Французский военный отряд под командованием капитана Маршана, выступив в том же 1896 г. из владений Франции в области Убанги, направился наперерез англичанам. Главная задача Маршана заключалась в том, чтобы овладеть верховьями Нила и тем самым воспрепятствовать установлению британского кон-

троля над всей долиной этой реки и усилить влияние Франции в Египте. В июле 1898 г. французы достигли берега Нила и, заняв деревню Фашода, заключили с вождем местного племени договор о переходе занятой территории во владение Франции.

Тем временем 25-тысячная регулярная английская армия под командованием генерала Китченера, слолив сопротивление суданцев и зверски подавив восстание махдистов, штурмом взяла столицу Судана Хартум. Продолжая движение на юг, Китченер в октябре 1898 г. прибыл в Фашоду, где и встретил Маршана с его отрядом. Маршан приветствовал Китченера от имени Франции, в ответ генерал от имени Великобритании предложил ему удалиться из бассейна Нила.

Фашодский инцидент стал кульминацией англо-французского колониального соперничества в Африке. Англия недвусмысленно пригрозила Франции войной. Британский флот был приведен в боевую готовность. Франция отступила. Маршан получил приказ вывести свой отряд из Судана. Хотя дело и не дошло до войны, отношения Англии и Франции были вконец испорчены. Сам термин «Фашода» надолго стал во Франции символом национального унижения. Англия же вскоре завершила захват Судана.

Англо-французский конфликт закончился подписанием в марте 1899 г. соглашения о разделе Экваториальной Африки. Разграничительная линия была проведена по водоразделу между Нилом и реками Конго и Бахр-эль-Газаль. Франция обязалась ограничиться территориями к западу от этой линии, а Великобритания — к востоку от нее.

Раздел Африканского континента подходил к концу. Неподделенными оставались Абиссиния, отстоявшая свою независимость в войне с Италией, и территории Северной Африки — Марокко, Триполитания и Киренаика, которые находились в той или иной степени зависимости от Турции. Эти территории продолжали оставаться объектом ожесточенной борьбы великих держав. В известном смысле это многостороннее соперничество и позволяло им сохранять статус-кво. Вместе с тем, Абиссиния и зависимые от Турции государства (как, впрочем, и сама Турция) были опутаны неравноправными договорами и закабалены экономически. Их «самостоятельность» ограничивалась также «режимом капитуляций», то есть особым правовым режимом, по которому государство предоставляло иностранным гражданам преимущественные права по сравнению со своими подданными и не распространяло на иностранцев свою юрисдикцию.

В Южной Африке в конце XIX в. сохранили свою независимость бурские республики — Трансвааль и Оранжевая, которые, однако, находились под постоянной угрозой захвата со стороны Англии.

Превращение Китая в полуколонию великих держав явилось важной составной частью процесса завершения раздела *Азии*. В этой части света к началу XX в. формально самостоятельными помимо Китая оставались Персия, Сиам и Турция. Но и их судьба во многом была в руках крупнейших колониальных держав. Над Турцией осуществляла свою экономическую и политическую опеку Великобритания. Сиам был поделен на сферы влияния Англией и Францией. В Персии шла борьба за преимущественные права между Россией и Англией. Это острое соперничество спасало ее от полного превращения в колонию. В конце XIX в. произошло своего рода неформальное разделение Персии: в северной ее части преобладали российские интересы, в южной — интересы Великобритании.

В особом положении находились на рубеже двух веков страны *Латинской Америки*. Они обладали более реальным политическим суверенитетом в сравнении с азиатскими и африканскими полуколониями (отсутствие «режима капитуляций», большая самостоятельность крупных латиноамериканских государств в области внутренней и внешней политики). Однако в финансово-экономическом отношении страны Южной и Центральной Америки находились в полной зависимости от великих держав, в первую очередь от Англии и Соединенных Штатов. Эта экономическая зависимость давала возможность англосаксонским державам осуществлять и политический контроль над латиноамериканскими государствами. К концу века Великобритания и США стали главными соперниками в борьбе за Латинскую Америку. Основой всестороннего политического влияния Англии в Западном полушарии были ее твердые экономические позиции (крупные инвестиции, займы, широкие торговые связи) и значительные колониальные владения, которые по общей площади превосходили территорию США (10,7 против 9,4 млн кв. км.). Что касается Соединенных Штатов, то они, опираясь на невиданные темпы роста экономики и используя такое важное обстоятельство, как географическая близость к объекту экспансии, с 80-х годов приступили к массированному штурму неприступной британской крепости в Новом Свете.

В своей латиноамериканской политике Соединенные Штаты использовали два мощных идеологических рычага: теорию панамериканизма, пропагандировавшую идеи континентальной солидарности и единства стран Западного полушария под эгидой США, и доктрину Монро с ее центральным лозунгом «Америка для американцев». В конце XIX в. смысл обеих этих концепций был сведен к обоснованию более прагматической цели — установления экономической гегемонии и обеспечения руководящей политической роли США в Западном полушарии. Эту цель

Соединенные Штаты попытались реализовать уже на I Панамериканской конференции в 1889—1890 гг., а затем с нарастающими усилиями во всей своей внешнеполитической практике.

Столкновение двух противоборствующих стратегических концепций — доктрины «вселенской колониальной империи» Англии и доктрины Монро в ее новом толковании — лежало в основе экономического соперничества, многочисленных споров и взаимной неприязни, которые были так характерны для истории англо-американских отношений конца XIX в. Кульминационной точкой этого соперничества стал острый англо-американский конфликт 1895 г., когда Соединенные Штаты вмешались в пограничный спор между Венесуэлой и Британской Гвианой (так называемый первый Венесуэльский кризис). Воспользовавшись им, правительственные круги США в лице государственного секретаря Ричарда Олни окончательно превратили лозунг «Америка для американцев» в лозунг «Америка для Соединенных Штатов». Ссылаясь на доктрину Монро, администрация США открыто заявила, что Соединенные Штаты претендуют на роль полного хозяина на Американском континенте. Ход событий в период Венесуэльского кризиса привел к угрозе англо-американской войны. Однако конфликт удалось урегулировать мирными средствами, путем взаимных уступок. Более того, он стал исходным моментом процесса англо-американского сближения на почве общих интересов двух держав на мировой арене и тесных экономических, финансовых и торговых связей. Тем не менее борьба великих держав в Латинской Америке продолжалась, что было чревато новыми международными осложнениями и конфликтами.

Так в соперничестве крупнейших колониальных держав на грани XIX и XX вв. завершился в основном территориальный раздел мира. В контексте развития международных отношений это имело последствия глобального значения.

Во-первых, к началу нового века до положения колоний и полуколоний было низведено абсолютное большинство стран и народов мира. Сформировалась мировая колониальная система. К 1900 г. общая площадь прямых колониальных владений составила 54,9% территории земного шара. В колониях проживало более 35% его населения. При всей сложности и неоднозначности процесса колонизации главным его итогом стала консервация социально-экономической отсталости превращенных в колонии стран и территорий на десятилетия вперед. Привнесение в колонии достижений европейской цивилизации в области экономики, техники, образования и культуры не могло компенсировать эти исторические потери. Разрыв в социально-экономическом и культурном развитии метрополий и колоний постоянно увеличивался,

что было напрямую связано с характером их взаимоотношений — отношений эксплуататоров и эксплуатируемых.

Во-вторых, сложились два основных типа колониализма: прямое военно-политическое господство («классический» тип колоний) и использование косвенных методов управления зависимыми странами (экономическое и финансовое закабаление, политический контроль без прямой аннексии территории с сохранением в ограниченном виде суверенных прав «опекаемой» страны как в области внутренней, так и в сфере внешней политики). Более выгодным для держав-метрополий являлся первый тип полного колониального подчинения, более «цивилизованным» и перспективным считался второй тип полуколониальной зависимости. Существовало и множество переходных форм от одного типа колониализма к другому. Однако во всех случаях в рамках этой «пирамиды зависимости» неизменной оставалась суть колониальной и полуколониальной эксплуатации, вступавшей в конфликт с интересами народов зависимых стран. А это, в свою очередь, приводило и не могло не приводить к подъему национально-освободительного движения, становившегося важным фактором развития международных отношений.

В-третьих, итоги раздела мира, отражая некогда сложившееся соотношение сил, никак не отвечали новому их соотношению, явившемуся результатом усиления неравномерности развития капиталистических стран. Так, если Германия, обогнавшая к 1900 г. по уровню промышленного производства Англию, успела захватить колонии, которые составили лишь 3,5% от общей площади всех колониальных владений, то соответствующий показатель для Великобритании был 44,9%. Эта диспропорция и стала главной причиной качественно нового этапа колониального соперничества великих держав — этапа борьбы за передел уже поделенного мира.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в последней трети XIX в.

Рабочий класс в условиях социально-экономических сдвигов 70—90-х годов. В последние десятилетия XIX в. рабочий класс Западной Европы и США переживал процесс адаптации к новым условиям существования в обществе, которое превращалось в индустриальное. Характерный экономический облик стран этого региона — каковы бы ни были различия между ними — все более определялся развитием промышленности, ее техническим перевооружением и совершенствованием технологии производственного процесса, становлением тяжелой индустрии.

К этому времени в ведущих странах Запада существовало устойчивое ядро промышленного пролетариата, состоявшее из потомственных рабочих, для которых труд по найму на капиталистическом предприятии стал единственным источником средств к жизни. Даже во Франции, где крупная промышленность создавалась медленнее, чем в Англии, США или Германии, такой слой рабочих сформировался уже к середине XIX в. Там, где его возникновению предшествовало давнее развитие ремесла и мануфактуры, из тех, кто из поколения в поколение занимался своей профессией (например, шелкоткача или оружейника в окрестностях Лиона и Сент-Этьена), рекрутировались первые кадры квалифицированных фабрично-заводских рабочих.

В то же время в последние десятилетия XIX в. отмечался значительный рост общей численности промышленных рабочих в странах не только I, но и II эшелона капиталистического развития. На Европейском континенте он происходил главным образом за счет пролетаризации деревни, поставлявшей массу неквалифицированной рабочей силы в горнодобывающую промышленность и в такие отрасли фабричного производства, где не требовалась высокая профессиональная выучка. Такие рабочие в первом поколении лишь постепенно отрывались от крестьянской среды, воздействие которой еще долго сказывалось на их представлениях и поведении. Но к концу XIX в. в Западной Европе эти новые контингенты уже интегрировались в состав рабочего класса и осознали свою принадлежность к нему. В США специ-

фическим источником пополнения рабочего класса и прежде всего слоя неквалифицированных рабочих был приток иммигрантов из европейских стран. Их профессиональному продвижению и включению в новую социальную общность в немалой степени препятствовало существование языкового барьера.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве не только вытесняло избыточную рабочую силу из деревни в город, но и вело к растущему применению наемного труда в самом аграрном секторе. Складывался сельскохозяйственный пролетариат, который включал в себя как владельцев карликовых, не дававших возможности прокормиться земельных наделов, так и не имевших никакой собственности наемных рабочих (постоянных и сезонных) — с различными переходными ступенями между этими категориями. Процесс его формирования отчетливо прослеживался, например, в Германии по мере преобразования на капиталистический лад Junkerских хозяйств или в равнинных зонах Северной Италии, где преобладало интенсивное товарное земледелие и молочное скотоводство.

Организованное в крупных масштабах промышленное производство требовало подчинения работника жесткой дисциплине. Начало и конец рабочего времени строго регламентировались, правила внутреннего распорядка не допускали самовольных отлучек с предприятия или перемещений по его территории, надзор за их соблюдением возлагался на специальный штат мастеров, нарушения карались штрафом. Эти дисциплинарные требования сравнительно легко усваивались кадровыми рабочими, но вызывали бурный протест вчерашних крестьян или ремесленников, которые привыкли распоряжаться своим рабочим временем по собственному усмотрению или все еще рассматривали работу на фабрике как побочное занятие. Подобные настроения отражались в обычном для рабочих газет того периода сравнении промышленного предприятия с тюрьмой или каторгой.

Хозяева стремились поставить под свой контроль также и жизнь рабочих вне производственной сферы. В наибольшей степени это удавалось владельцам крупных предприятий, которые вместе с прилежавшими к ним жилыми массивами составляли особую, замкнутую среду. Таким «государством в государстве» был, например, принадлежавший семье Шнейдер комплекс металлургических заводов в Крезё (Франция). Рабочие здесь получали от фирмы жилье, обслуживались ее же торговой сестью, им гарантировалось рабочее место, предоставлялись за счет предприятия пособия в случае болезни или производственной травмы, для их детей создавались школы, их поощряли к занятиям спортом или хоровым пением и т.д. — в обмен на покорность и беспрекос-

ловное повиновение хозяйской воле также и в политике. Позднее (в Новейшее время) подобная практика будет широко применяться предпринимателями и получит название патернализма. Но тогда она была еще редким исключением.

Определение условий труда на предприятиях в последней трети XIX в. почти повсюду считалось исключительным правом работодателей и находилось практически вне сферы законодательного регулирования. К началу этого периода лишь в Англии существовал ряд законов, ограничивавших применение женского и детского труда в отдельных отраслях, и во Франции сохранял силу принятый во время революции 1848 г. закон, по которому продолжительность рабочего дня не должна была превышать 12 часов. В Англии, кроме того, с середины 70-х годов стали все шире практиковаться «коллективные сделки», т.е. соглашения об условиях труда между предпринимателями и тред-юнионами. Но и здесь, а тем более в других странах в условиях господствовавшей тогда свободной конкуренции главным регулятором длительности рабочего времени, уровня зарплаты и т.д. были стихийно действовавшие законы рынка.

Рабочий день в середине 70-х годов обычно длился в Англии и США 10 часов, в Германии — 10—12 часов, во Франции — 11—12 часов, в Италии и Испании — от 12 часов и выше. При этом в мелкой и домашней промышленности продолжительность рабочего времени была, как правило, больше, чем на предприятиях фабрично-заводского типа.

В странах, недавно прошедших фазу промышленного переворота или еще не вполне завершивших его, значительную часть фабричных рабочих (в Италии, например, до 40%) составляли женщины, подростки и дети. Предприниматели заменяли ими взрослых рабочих-мужчин для выполнения простого машинного труда за более низкую плату (женщина за одинаковый с мужчиной труд обычно получала в 1,5—2 раза меньше). Законодательство об охране женского и детского труда распространялось медленно (закон 1886 г. в Италии, устанавливавший минимальный возраст детей, допускаемых к работе на фабриках, в шахтах и в ночных сменах, — соответственно 9, 10 и 12 лет; ограничение рабочего дня для женщин и подростков по закону 1891 г. в Германии), а положения существующих законов далеко не всегда соблюдались на практике.

В промышленности последних десятилетий XIX в. намечался переход от экстенсивного к интенсивному типу производства. Состав рабочего класса изменялся одновременно в двух направлениях: при продолжающем расширяться применении неквалифицированного труда наблюдался и относительный рост слоя квалифицированных, обученных рабочих преимущественно за счет каче-

ственных сдвигов в развитии тяжелой промышленности. Одни ее отрасли (машиностроение, судостроение) обновляли свою техническую основу, другие (электротехническая промышленность) возникали вообще заново. Производство в этих отраслях становилось все более специализированным, что частично обесценивало квалификацию, восходившую к старой ремесленной выучке (например, механика, умевшего с помощью ручных инструментов «делать все»), но и стимулировало воспроизводство квалифицированной рабочей силы нового уровня. Тем не менее в общей массе занятых в промышленности квалифицированные и, следовательно, лучше оплачиваемые рабочие оставались меньшинством.

При всех градациях заработной платы (различия по отдельным странам, по отраслям производства в одной и той же стране, по уровню квалификации внутри отрасли или предприятия, по полу и возрасту работников) она к началу 70-х годов в Западной Европе — может быть, за исключением Англии — в среднем едва обеспечивала элементарные жизненные потребности рабочей семьи. Не случайно в стачках последних десятилетий XIX в. чаще всего выдвигалось требование повышения заработной платы (а также сокращения рабочего дня).

Однако классовые конфликты возникали не только на этой почве. Выступления, направленные против введения машин (как, например, на табачных фабриках Рима и Турина в первой половине 70-х годов) были уже редкостью — машина не только превратилась в привычный атрибут фабричного обихода, но и начала восприниматься рабочими как средство облегчения их труда. Зато активное противодействие встречали исходившие от предпринимателей попытки принудить рабочих трудиться более интенсивно (перевод на обслуживание большего числа станков, введение сдельной оплаты при одновременном снижении расценок). Часто возмущение рабочих обращалось против надсмотрщиков или мастеров, олицетворявших в их глазах казарменную фабричную дисциплину. Вызывали протест различные злоупотребления администрации, произвольно налагаемые штрафы, увольнение тех, кто не мирился с хозяйским диктатом.

В законодательстве лишь постепенно изживался унаследованный от времен запрета на рабочие коалиции подход к стачке как уголовно наказуемому деянию. Сама она уже не запрещалась, но за призыв к стачке рабочие лидеры подвергались судебным преследованиям (США), бастующим могло инкриминироваться применение «насилия или угроз» (итальянский уголовный кодекс 1890 г.) и т.д. Во время крупных стачек второй половины 80-х годов в Бельгии, США, Германии против рабочих использовались полиция и войска, пускалось в ход оружие.

Тем не менее стачки становились все более частыми, более массовыми, более длительными и упорными. Среднегодовое число стачек в 90-е годы по сравнению с предыдущим десятилетием выросло во Франции более чем в 2,3 раза (а по сравнению с 70-и годами — в 1,7 раз), в Италии — более чем в 2,2 раза, в США — в 1,4 раза; среднегодовое число их участников — соответственно более чем в 1,7 раза (по сравнению с 70-и годами — более чем втрое), в 2,2 раза и почти в 1,8 раза. Продолжительность стачек во Франции в 1881—1890 гг. была в среднем примерно на 1/3 больше, чем в 1872—1880 гг.

Далеко не каждая стачка заканчивалась хотя бы частичным удовлетворением требований бастующих. Однако постоянный нажим на предпринимателей вынуждал их маневрировать, идти на уступки рабочим — иной раз и с опережением, не доводя дело до острого конфликта. За последнюю треть XIX в. положение рабочего класса развитых стран по некоторым показателям изменилось к лучшему. Реальная заработная плата в Англии, США, Германии, Франции выросла в среднем на 30—50% (увеличение номинальной денежной оплаты труда сочеталось с преобладавшей в то время тенденцией к снижению стоимости жизни). Средняя продолжительность рабочей недели в основных капиталистических странах была в начале нового столетия на 18% меньше, чем в 70-е годы (61 час вместо 74).

Стачки и другие массовые выступления играли важную роль в развитии сознания рабочего класса, воспитывали в нем дух коллективизма и солидарности, способствовали росту его организованности. Уже в ходе отдельных стачек возникали такие элементы организации, как совместная выработка требований или выделение делегатов для переговоров с хозяевами. Там же, где стачечное движение приобретало значительный размах, оно нередко давало непосредственный толчок объединению рабочих в профессиональные союзы. Создаваемые по собственному почину рабочих для выражения их специфических интересов, профсоюзы кардинально отличались этим от таких ассоциаций, которые действовали в рабочей среде под опекой предпринимателей, буржуазных политиков или церкви (типа шульце-деличевских кооперативов в Германии, обществ взаимопомощи в Италии, руководимых умеренными или демократами-мэдзинистами, и т.п.).

Наивысший подъем движения новых тред-юнионов в Англии, которые в отличие от старых охватывали низкооплачиваемых и ранее не организованных рабочих, напрямую связан с развернувшимися в 1889 г. стачками докеров и газовщиков Лондона. В 1889—1893 гг. волна стачек прокатилась по шахтам Саарского угольного бассейна в Германии, управлявшимся государственной

администрацией и считавшимся «оазисом стабильности». Основанная тогда же шахтерами первая местная организация профсоюзного типа просуществовала недолго, но приобретенный опыт совместных действий не прошел бесследно: именно с этого времени они начали отвоевывать себе автономию в сфере культуры и досуга, раньше всецело подконтрольной власти имущим. На исходе столетия, в 1899 г., стачки в Крезе и Монсо-ле Мин нарушили казавшийся незыблемым классовый мир в «стране Шнейдера». В частности, бастующие требовали признания за ними права на организацию в профсоюз.

Развивались и другие формы самостоятельной организации рабочих — как имевшие целью защиту их материальных интересов (потребительские кооперативы в Англии, Бельгии, Германии, Франции), так и отвечавшие их духовно-эстетическим потребностям (клубы, хоровые коллективы, в Германии — рабочий театр). Но особенно важное значение имело прогрессирующее осознание рабочим классом своей роли как самостоятельной политической силы, происходившее по мере становления и под воздействием организованного социалистического движения.

Завершающий этап деятельности Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). Основанная в 1864 г. международная социалистическая организация — I Интернационал (МТР) к началу 70-х годов снискала в общественном мнении репутацию «седьмой великой державы». Ее влиянию приписывались даже чисто стихийные проявления социального протеста рабочего класса. Буржуазная пресса рисовала Интернационал в виде центра всевропейского заговора и охотно фантазировала на тему о его огромных денежных средствах.

Начало нового периода в истории международного социалистического движения связано с таким беспрецедентным событием, как Парижская Коммуна. Она так или иначе повлияла на основные направления идейной борьбы в I Интернационале в 70-е годы и на самую дальнейшую судьбу этой организации.

Коммуна — вопреки тому, что утверждали ее противники, — не была вызвана к жизни Интернационалом, но «нащупала» и попыталась практически решить некоторые основные проблемы, в теоретической форме уже поставленные в программных документах или на конгрессах МТР. В Париже в 1871 г. рабочий класс впервые предпринял революционную попытку собственными силами освободить себя. Сочувствие к Коммуне стимулировало интерес к идеям Интернационала у тех, кто был солидарен с ней. Под влиянием Коммуны Интернационал обрел много новых приверженцев, в том числе и в странах, где раньше о нем почти не знали.

Сразу же после падения Коммуны Генеральный совет МТР принял и опубликовал посвященный ей манифест под названием «Гражданская война во Франции», написанный К. Марксом. «Тайну» Коммуны Маркс видел в том, что она была «правительством рабочего класса, ...открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда». Поэтому особенно подробно Маркс проанализировал начинания Коммуны в сфере государственного строительства, рассматривая ее как попытку «отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

Опыт Коммуны придавал особую актуальность вопросу о политическом действии пролетариата. На конференции, которую Генеральный совет созвал в Лондоне (сентябрь 1871 г.), выработанные Интернационалом раньше установки на этот счет были сведены воедино и дополнены указанием на необходимость организации рабочего класса «в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами». Лондонская конференция, работавшая с участием лишь ограниченного числа делегатов с мест и в закрытом для посторонних порядке, была вынужденной заменой гласного, созываемого по всем уставным правилам конгресса ввиду ожесточенных преследований, которым подвергся Интернационал после поражения Коммуны.

Под воздействием Парижской Коммуны и в связи с решением Лондонской конференции в Интернационале выявились острые внутренние разногласия. Два английских члена Генерального совета — тред-юнионистские лидеры Дж. Оджер и Б. Лекрафт — заняли враждебную Коммуне позицию и заявили протест против помещения их подписей под принятым от имени Генерального совета манифестом «Гражданская война во Франции». Они были выведены из состава Генерального совета, но часть организованных в тред-юнионы рабочих поддержала их и стала отходить от Интернационала. После Лондонской конференции, рекомендовавшей английским секциям МТР приступить к созданию своего федерального совета, секретарь Генерального совета Дж. Хейлз и его единомышленники попытались привлечь к этой работе преимущественно организации буржуазно-реформаторской направленности. Деятели этих организаций толковали решение конференции о политическом действии рабочего класса в смысле объединения рабочих в партию для чисто парламентской борьбы, следующую в фарватере буржуазных радикалов. Под флагом Интернационала развернули свою собственную пропаганду и буржуазно-реформаторские элементы в США во главе с В. Вудхолл,

создавшие так называемую секцию № 12. Эта секция предъявила притязания на руководство деятельностью МТР в США, которые были отвергнуты Генеральным советом. В континентальных европейских странах против решений Лондонской конференции и всей линии Генерального совета выступили принадлежавшие к Интернационалу сторонники М. Бакунина.

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) включился в деятельность Интернационала с конца 60-х годов. К тому времени у него за плечами было активное участие в революциях 1848—1849 гг. (Прага, Дрезден, два смертных приговора), Петропавловская крепость, Шлиссельбург, ссылка в Восточную Сибирь и побег из нее. В европейском общественном движении он стал одним из идеологов анархизма — течения, которое отрицало использование в целях социального освобождения рабочих каких бы то ни было политических средств.

Взгляды Бакунина были бунтарской разновидностью анархизма. Он полагал, что с капиталистическим обществом будет покончено в результате революции, которую представлял себе как чисто разрушительный акт, направленный в первую очередь на уничтожение государства. Противник любых форм государственности, он принципиально отвергал идею завоевания рабочим классом политической власти, а Парижскую Коммуну считал попыткой упразднить государство как таковое.

Бакунин полагал, что революционерам не следует как-либо содействовать совершенствованию существующих политических институтов, например, добиваться для рабочих права голоса на выборах в парламент или участия их представителей в законодательных органах. При отказе от политической борьбы в условиях капитализма и от идеи завоевания власти в ходе революции он не видел надобности и в организации рабочих в политическую партию.

Бакунину была свойственна вера в стихийные революционные потенции «народа», особенно крестьян, различного рода маргинальных слоев (оторвавшаяся от привычной социальной среды интеллигенция, люмпен-пролетариат и т.д.), в меньшей степени — городских рабочих. «Народ», с его точки зрения, хранит в своем сознании некий идеал, который и осуществится с уничтожением государства как средоточия социального гнета; ни в какой другой позитивной, созидательной программе революция не нуждается. Но это не значит, что Бакунин исключал роль в «социальной ликвидации» какой бы то ни было организации революционеров. Он считал, что нужна немногочисленная, крепко сколоченная, глубоко законспирированная тайная организация, задача которой — не навязывать, а возбуждать революцию, быть своего рода «коллективным Стенькой Разиным».

Именно такой тип организации Бакунин попытался воплотить в созданном им Международном Альянсе социалистической демократии, ядро которого, по его замыслу, должно было объединять самых надежных его сподвижников, быть тайным и невидимо направлять деятельность низшей, открытой ступени Альянса. Подобным же образом Бакунин предполагал действовать и внутри Интернационала, когда в конце 1868 г. заявил о намерении Альянса присоединиться к нему. Разумеется, Бакунин говорил от имени лишь открытого Альянса, который объявил распущенным после того, как Генеральный совет по предложению Маркса отказался принять в Интернационал Альянс в качестве организации. Вступлением членов Альянса в МТР в индивидуальном порядке вопрос, казалось, был разрешен. Однако в их числе в Интернационал вошли и те, кто составлял ближайшее окружение Бакунина, приверженное принципам и практике тайного общества.

На Базельском конгрессе Интернационала (1869) бакунисты впервые противопоставили свою позицию той, которую отстаивали сторонники Маркса, — но по сравнительно второстепенным вопросам. Лишь после Парижской Коммуны, когда в центре внимания Интернационала оказалась проблема политического действия пролетариата, составлявшая предмет коренных расхождений между марксизмом и бакунизмом, два идейных течения столкнулись по всему фронту и с небывалой до того остротой.

Идеи Интернационала в специфически-бакунистской интерпретации находили наибольший отклик там, где им навстречу шел особенно сильный ток стихийных бунтарских настроений выбитых из привычной колеи крестьян, ремесленников, еще не освоившихся с фабричной системой рабочих. Опорой Бакунина стали уже существовавшие или вновь создаваемые секции Интернационала в романской Швейцарии, Южной Франции, Испании, Италии.

Развернув ожесточенную полемику против решений Лондонской конференции, бакунисты вынесли на первый план даже не резолюцию о политическом действии (которую они, естественно, отвергли), а организационные вопросы. В самом созыве конференции вместо конгресса они усмотрели проявление авторитарных, диктаторских поползновений Генерального совета (отождествляемого с Марксом), ущемление прав местных секций. Они требовали изгнать из Интернационала всякое централистское начало и строить его исключительно по принципу «снизу вверх», как добровольное объединение автономных секций. Швейцарские бакунисты на своем съезде в Сонвиллье приняли обращение ко всем организациям Интернационала, предлагавшее добиваться скорейшего созыва чрезвычайного конгресса для ограничения полномо-

чий Генерального совета и общего пересмотра устава в «антиавторитарном» духе.

Однако идея чрезвычайного конгресса не нашла ожидаемой бакунистами поддержки даже в организациях, находившихся под их влиянием (в частности, в Испании). Генеральный совет объявил, что общий конгресс Интернационала будет созван в обычном уставном порядке в сентябре 1872 г. Местом его проведения была избрана Гаага.

Бакунисты оказались на конгрессе в меньшинстве и по всем важнейшим вопросам потерпели поражение. Лондонскую резолюцию о политическом действии рабочего класса конгресс не только подтвердил, но постановил включить ее положения в устав Интернационала, что придало им программный характер. Полномочия Генерального совета были еще усилены: он получил право временно (до очередного конгресса) исключать из Интернационала секции и федерации, не подчиняющиеся решениям общих конгрессов.

Особо был рассмотрен вопрос о создании бакунистами тайной организации внутри Интернационала. Первую информацию об этом Генеральный совет получил весной 1872 г. от П. Лафарга, заметившего признаки тайной деятельности бакунистов в испанских секциях. Для соответствующего расследования конгресс создал специальную комиссию, по докладу которой постановил исключить из Интернационала М. Бакунина и его швейцарского единомышленника Дж. Гийома.

Местопребывание Генерального совета было решено перенести из Лондона в Нью-Йорк. В Лондоне он испытывал растущее давление, с одной стороны, реформистских лидеров английских тред-юнионов, а с другой — тяготевших к заговорщическим методам бланкистов из числа эмигрантов-коммунаров. Предложение перенести руководство МТР в Нью-Йорк исходило от К. Маркса. Выбор в пользу США подсказывался соображениями двоякого рода: на Европейском континенте повсюду продолжались гонения на Интернационал, тогда как в США перспективы его деятельности казались весьма благоприятными (за 1871 г. здесь возникло около 30 новых секций).

Однако эти ожидания не оправдались. Перенесенный в Нью-Йорк Генеральный совет вскоре практически утратил связи со странами Европы. Его попытка созвать осенью 1873 г. очередной общий конгресс МТР не увенчалась успехом. Сним оставались в контакте и продолжали действовать лишь секции Интернационала в США, которые объединяли в основном недавних, еще не ассимилированных иммигрантов (немцев, французов, ирландцев и т.д.) и почти не охватывали рабочих, считавшихся уже «коренными американцами».

После Гаагского конгресса в Интернационале углубились расхождения и произошел раскол. Из него вышли бланкисты-коммунары, не согласные с перенесением Генерального совета в Нью-Йорк. Решений конгресса не признали стоявшие на анархистских позициях организации романских стран Европы. Генеральный совет в соответствии с новыми уставными полномочиями объявил, что тем самым они поставили себя вне Интернационала. Они, однако, продолжали от имени Интернационала созывать свои международные конгрессы (Женева — 1873 г., Брюссель — 1874 г., Берн — 1876 г., Вервье — 1877 г.), тогда как деятельность МТР на той основе, которая была выработана к началу 70-х годов, постепенно замирала. В 1876 г. созванная Генеральным советом конференция в Филадельфии приняла решение о роспуске МТР.

Главным результатом деятельности I Интернационала стала подготовка почвы для создания самостоятельных политических партий рабочего класса. Принадлежавшая К. Марксу и в 1871—1872 гг. воспринятая лишь частью организаций Интернационала, эта идея к концу десятилетия пустила корни в социалистическом движении и тех стран, где еще в начале 70-х годов преобладало влияние Бакунина или (как в Бельгии) П.-Ж. Прудона. Это показал, в частности, состоявшийся сразу же после конгресса анархистов в Вервье и с их участием международный социалистический конгресс в Генте. 22 голосами против 9 (анархистов) по вопросу о политическом действии было принято решение, повторявшее основные положения резолюции Лондонской конференции 1871 г. Начиная со второй половины 70-х годов стал разворачиваться и реальный процесс формирования рабочих политических партий в странах Запада.

Возникновение социал-демократии. Такие партии, в разных странах называвшиеся по-разному (социал-демократическая, социалистическая, рабочая и т.п.), охватываются общим понятием «социал-демократия». Там, где они создавались в 70—80-е годы, это, как правило, происходило при активном участии людей, прошедших школу I Интернационала и являвшихся живыми носителями его традиций и опыта.

В Германии еще в период существования МТР (в 1869 г.) стоявшими на его платформе В. Либкнехтом и А. Бебелем была основана Социал-демократическая рабочая партия, по месту своего учредительного съезда обычно называемая эйзенахской. В США секции МТР участвовали в попытках создать партии локального масштаба в 1873—1874 гг., а затем стали основной базой Рабочей партии Америки, организованной на съезде в Филадельфии сразу же после роспуска Интернационала (через год она

примет название Социалистической рабочей партии). Португальская социалистическая партия, образование которой относится к 1875—1878 гг., создавалась для взаимодействия с объединявшей сторонников Интернационала Португальской ассоциацией трудящихся, а в 1878 г. слилась с этой организацией в Португальскую партию рабочих-социалистов. Одним из основателей оформившейся в 1879—1880 гг. Французской рабочей партии (ФРП) стал П. Лафарг, до того сыгравший немаловажную роль в деятельности испанских организаций МТР. В Испании же созданная когда-то по его инициативе Новая мадридская федерация Интернационала явилась ядром возникшей в 1879 г. Социалистической рабочей партии (ИСРП), которую возглавил П. Иглесиас. Образование в 1885 г. Бельгийской рабочей партии (БРП) было подготовлено деятельностью социалистических организаций, руководимых С. де Палом и Л. Бертраном, в прошлом членами I Интернационала.

В организационном отношении эти и подобные им партии строились иногда на базе индивидуального членства (эйзенахская СДРП, ФРП), иногда — как федерации с коллективным членством (БРП, в которую входили, в частности, многие кооперативы), иногда — сочетая тот и другой принципы (Итальянская социалистическая партия — ИСП, основанная в 1892 г. на началах коллективного членства и дополнившая его индивидуальным три года спустя). Но их важнейшим общим качеством было то, что они принципиально отличали себя от партий имущих классов, искали свою опору в рабочем классе и стремились быть выразителями его интересов.

Первые попытки создания рабочих партий, которые относились еще к 30-м годам XIX в. (наиболее значительная из них была предпринята чартистами в Англии), не имели какого-либо теоретического обоснования и не дали устойчивых и долговременных результатов. Идея организации рабочего класса в самостоятельную партию для политической борьбы в условиях капитализма, а также и для завоевания власти в целях социалистического переустройства общества исторически связана с марксизмом. В таком понимании она не вписывалась в какие-либо другие концепции, продолжавшие существовать в социалистическом движении. Анархисты — будь то приверженцы бунтаря М. Бакунина или мирного реформатора П.-Ж. Прудона — отвергали ее в принципе. Бланкисты, не отрицая политического действия как такового, сводили его к захвату власти и ее последующему диктаторскому использованию узким кругом заговорщиков. Сторонники Ф. Лас-сали, основавшие в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз

(ВГРС), создавали его как политическую организацию, но не имели в виду самостоятельной политики рабочего класса: в обмен на всеобщее избирательное право они поддерживали национальное объединение по-бисмарковски и примирились с полуабсолютистским государственным строем Германской империи.

В 70-е годы немарксистские социалистические течения в значительной мере утратили свой былой вес. Прудонисты, проявившие значительную активность в начальный период деятельности МТР, не смогли добиться идейного преобладания в нем, а часть из них уже тогда стала отходить от «чистого» прудонизма. Во время Парижской Коммуны прудонисты были главными проводниками ее социально-экономических мероприятий, однако при этом обычно действовали вопреки доктрине Прудона. К концу 70-х годов во французском социалистическом движении над прудонизмом одержало верх влияние коллективистов — сторонников общественной собственности на средства производства. Бланкисты, в Коммуне проявившие себя преимущественно в сфере военно-политической борьбы, действовали в большем соответствии со своими специфическими взглядами. Поражение Коммуны не побудило их к пересмотру этих взглядов, но обострило присущую им тенденцию к сектантской замкнутости, что способствовало их дальнейшей изоляции. В Германии лассальянцы в 1870—1871 гг. приблизились к позиции эйзенахцев в отношении франко-прусской войны и Коммуны и на низовом уровне нередко участвовали в их начинаниях, а в 1875 г. на съезде в Готе объединились с ними. Численно лассальянцы были тогда еще сильнее эйзенахцев, но их подталкивал к объединению нараставший с начала 70-х годов кризис ВГРС. Волна бакунинского анархизма в тех европейских странах, где он получил распространение, во второй половине 70-х годов пошла на убыль, что в решающей мере было связано с крайне неудачными действиями бакунистов во время революционных событий 1873 г. в Испании и провалом предпринятых ими в 1874 и 1877 гг. попыток восстания в Италии.

Одновременно рос авторитет марксизма. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса стали переводиться на различные языки, их идеи пропагандировались в социалистической печати, появились написанные разными авторами популярные изложения марксистской теории. К концу 70-х — началу 80-х годов марксизм уже не был лишь одним из многочисленных социалистических течений, но отвоевал себе среди них ведущую, главенствующую роль.

В этих условиях становление социал-демократических партий происходило именно на марксистской идейной основе. Их лидеры осознанно стремились руководствоваться теоретическими принци-

пами марксизма. Но процесс освоения марксизма социал-демократией и его распространения «вширь» (выражение В.И. Ленина) протекал отнюдь не просто.

Взгляды самих основоположников марксизма прошли значительный путь развития с того времени, когда они впервые изложили свое учение. Поскольку это развитие продолжалось, оно в принципе не могло привести к каким-то имеющим окончательный характер результатам или к полному преодолению присущих теории марксизма противоречий, несогласованности отдельных положений и т.д. Ее разработка была совместным делом Маркса и Энгельса, но при этом каждый из них выражал общую идейную позицию по-своему, вносил в ее обоснование собственный оттенок. Энгельс к тому же прожил дольше и имел возможность наблюдать и осмысливать такие явления в жизни общества, которых Маркс не застал. Следовательно, марксизм уже «в оригинале» (в том виде, как он представал в работах Маркса и Энгельса) не был чем-то монолитным, застывшим, допускавшим всегда лишь одно истолкование.

С другой стороны, в первом поколении социал-демократических лидеров никто не являлся приверженцем марксизма изначально, все они шли к этому от каких-то иных позиций. Так, один из вождей эйзенахцев В. Либкнехт начинал свой путь в рядах мелкобуржуазной демократии образца 1848 г., второй — А. Бсбелъ — в рабочих обществах либеральной направленности. Из двух основателей ФРП П. Лафарг прошел через влияние прудонизма, а Ж. Гед, до начала 70-х годов республиканец, затем на протяжении нескольких лет был анархистом бакунинского толка. Основатель ИСП Ф. Тураги в юности разделял политические идеи радикальной демократии, восходившие к эпохе Рисорджименто, а в философском отношении был позитивистом. Его сподвижница А. Кулишова до эмиграции из России (1877) принадлежала к «южным бунтарям» — одному из течений народничества, объединявшему русских последователей Бакунина. Народническое прошлое было у Г.В. Плеханова и других членов созданной в 1883 г. в Женеве русской марксистской группы «Освобождение труда». Марксистские воззрения в подобных случаях складывались в результате нелегко дававшегося пересмотра прежних взглядов и нередко сохраняли их отпечаток.

Социал-демократические партии отводили важное место пропаганде марксистских идей. Но при этом для читательской аудитории социалистических газет или членов рабочих кружков многое излагалось упрощенно, слишком прямолинейно, пояснялось с помощью не всегда правомерных аналогий. В свою очередь, в массовом сознании надолго сохранялись превратившиеся в стерео-

типы представления, которые шли от старых социалистических школ. Их рецепты общественного переустройства привлекали кажущейся простотой и легкостью осуществления, марксистские же положения были сложнее для восприятия и усваивались на массовом уровне с опорой не столько на рациональную аргументацию, сколько на веру в их истинность, т.е. в формах, сходных с религиозным сознанием (это наблюдение принадлежит А. Грамши).

Таким образом, марксизм на пути к утверждению своей идейной гегемонии в социалистическом движении не только преодолевал влияние других теорий, но и сам испытывал его, а также подвергался определенной вульгаризации. При этом могли возникать острые коллизии, как, например, в связи с Готской программой, принятой при объединении эйзенахцев с лассальянцами, которым завершилось становление германской социал-демократии (после объединительного съезда она приняла название Социалистической рабочей партии Германии — СРПГ).

Проект этой программы, опубликованный перед съездом, содержал ряд специфически лассальянских положений (о государственной помощи производительным товариществам рабочих, о «железном законе» заработной платы, будто бы исключающем возможность добиваться ее повышения, о праве работника на «неурезанный трудовой доход», о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют «лишь одну реакционную массу», и т.д.). С другой стороны, в проекте были формулировки, которые восходили к идеям программных документов МТР и «Коммунистического манифеста», но передавали их весьма приближенно и неточно. Все это вызвало резкую критику со стороны Маркса и Энгельса как отступление от идейных позиций, которые они считали уже завоеванными.

Но теоретический уровень Готской программы как раз и отражал сложности и противоречия, которыми было отмечено приобщение к марксизму социал-демократии того времени. Даже те социал-демократические деятели, которые были в наибольшей степени знакомы с марксизмом, восприняли его, как выяснилось, во многом поверхностно. Эклектическое сочетание в Готской программе марксистских и немарксистских идей — лишь наиболее известный случай в ряду подобных явлений, порождавшихся самим процессом развития социалистического движения. Включенные же в программу лассальянские формулы отвечали тем расхожим представлениям об общественном переустройстве, которые и тогда, и еще долгое время спустя преобладали в сознании рядовых, не искушенных в теории приверженцев социал-демократии.

Политические рабочие партии складывались в условиях уже упрочившегося в странах Запада конституционного строя, что позволяло им действовать легально — участвовать в избирательной борьбе, издавать свои газеты, добиваться влияния на различного рода массовые организации (профсоюзы, кооперативы и т.д.). Легальность их существования могла быть поставлена под удар мерами типа исключительного закона против социалистов в Германии, на двенадцать лет (1878—1890) загнавшего социал-демократию в подполье. Однако подобные ситуации возникали редко, и легальные возможности успешно использовались социал-демократическими партиями для укрепления своих позиций.

Все эти партии в своих первых программных документах в той или иной форме заявляли, что их цель — установление социалистического строя. Но их ближайшие задачи были связаны с борьбой за реформы в рамках капитализма — фабричное законодательство, социальное страхование для рабочих, демократизацию избирательных систем и т.д. Внутри социал-демократических партий уже в конце 70-х — начале 80-х годов стали обнаруживаться разногласия по поводу того, как соотносятся между собой цели одного и другого порядка и какие средства применимы для их достижения. Еще одна линия расхождений по этим вопросам пролегла между социал-демократией и анархистским течением, которое (хотя и в ослабленном виде) продолжало существовать и проявлять активность на международной арене.

Проблемы тактики в социалистическом движении 70—80-х годов. После Парижской Коммуны революционные бури, которыми была так богата предшествующая история Европы, на долгое время утихли. Этот, по позднейшему выражению Р. Люксембург, «интернациональный штиль» продолжался до начала XX в., когда произошла буржуазно-демократическая революция в России. Оценивая период 1872—1904 гг. с точки зрения исторических судеб марксизма, В.И. Ленин в 1913 г. констатировал, что он был относительно «мирным» и деятельность социал-демократии на Западе не была тогда непосредственно направлена к социалистическим целям, а носила характер «подбирания и собирания сил пролстариата, подготовки его к грядущим битвам». Для Маркса же и Энгельса последняя треть XIX в. была не прошедшим, а настоящим и будущим, и они, глядя из того времени вперед, не считали перспективу новых революций исключенной или надолго отдалившейся.

Важнейшей точкой отсчета в представлениях основоположников марксизма о пролетарской революции продолжала оставаться Парижская Коммуна, хотя масштаб самого этого события Маркс по прошествии времени, по-видимому, был склонен оценивать скромнее, чем раньше. В 1881 г. он писал нидерландскому

социалисту Ф.Д. Ньювенгуйсу: «...Не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем, — единственно, что тогда было достижимо». Маркс, однако, вполне допускал, что «исключительные условия», стимулирующие революционную активность, могут возникнуть и в какой-либо другой стране, например, в связи с теми или иными внешнеполитическими событиями. Особенно часто и он, и Энгельс возвращались в конце 70-х — начале 80-х годов к оценке положения в России, сложившегося в результате крестьянской реформы 1861 г. и под воздействием русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Они полагали, что Россия в близком будущем может пережить революцию — буржуазную, но соизмеримую по масштабам с Великой французской, и если такая революция начнется, то она послужит сигналом к пролетарским революциям на Западе.

Исходя из подобной оценки революционных перспектив, Маркс и Энгельс выступали против проявившейся в социалистическом движении тенденции к тому, чтобы вообще исключить из арсенала социал-демократии восстание, баррикадную борьбу и т.п. средства, применяемые в условиях революции, и ограничить ее деятельность только борьбой за реформы в рамках законности (позднее эта тенденция получит название реформизма). Это не значит, что сами они возводили в принцип насильственный путь революционного переустройства или отрицали пользу и необходимость борьбы за реформы при капитализме. Маркс считал, что в Англии или США существующие политические институты допускают возможность мирного завоевания власти рабочим классом, для большинства же стран Европейского континента при данной ситуации наиболее вероятна насильственная революция. Но он подчеркивал, что и в Англии каждая «миролюбивая уступка» правящих классов на пути эволюционного развития вырывалась у них «давлением извне» со стороны рабочего класса.

Между тем реформистские всяния отмечались с конца 70-х годов в социалистическом движении различных стран.

В германской социал-демократии одним из истоков реформистских настроений были лассальянские взгляды. Готская программа рекомендовала как способ «проложить путь к разрешению социального вопроса» учреждение производительных товариществ с государственной помощью, имея при этом в виду существующее в Германии юнкерско-буржуазное государство. В ней говорилось и о том, что своих целей («свободного государства» и социалистического общества) партия стремится достигнуть «всеми средст-

вами в рамках законов». После введения исключительного закона против социалистов эта формулировка программы была изменена (просто — «всеми средствами»). Но некоторых социал-демократических деятелей репрессивные меры Бисмарка побудили, наоборот, настаивать на чисто реформистском характере деятельности партии. В статье, опубликованной в 1879 г. редакторами издаваемого в Швейцарии «Ежегодника социальной науки и социальной политики», содержался призыв уделить больше внимания непосредственно достижимому, чем спорам об отдаленном будущем (хотя отдаленные цели нужно иметь в виду), и далее говорилось: «Партия именно теперь, под давлением закона о социалистах, показывает, что она не намерена пойти по пути насильственной, кровавой революции, но решила — не допуская иных неуместных выходов, которыми она навлекла на себя обвинения в прошлом подобно всем другим партиям в пору их молодости, — вступить на путь законности, т.е. реформы».

Во французском социалистическом движении носителем реформистских тенденций выступило течение во главе с Б. Малонем и П. Бруссом. Оба они в прошлом были участниками Парижской Коммуны и в той или иной степени испытали влияние идей Бакунина. При создании ФРП Малон и Брусс вошли в нее, но с самого начала расходились с Гедом и Лафаргом в вопросе о путях достижения социализма.

Малон придавал важнейшее в этом плане значение завоеванию социалистами муниципалитетов, считая, что оно позволит «создать базу для коммунальной собственности и подготовить образование большой социалистической федерации коммун». Трагическая судьба Коммуны, возникшей не на основе зрелых объективных предпосылок, а в ответ на вызов противника и потопленной в крови, подсказала Малону тот вывод, что социальные революции «должны подготавливаться постепенно в головах людей и могут быть начаты лишь тогда, когда это позволят сделать исторические обстоятельства и экономические условия. Придется долго ждать, но это лучше, чем одна Варфоломеевская ночь». Малон, таким образом, отверг волюнтаристский подход к революции в духе Бакунина, но при этом все больше склонялся в пользу реформистской тактики. Предположив, что «муниципальный социализм» может стать способом «осуществить бескровную революцию, которая со всех точек зрения является предпочтительной», Малон затем перешел к пропаганде «политики возможностей» (этот термин принадлежал его единомышленнику Брусу). Практически речь шла о реформах, возможных в рамках буржуазного общества, и о сведении к борьбе за такие реформы всей деятельности социалистов. Сторонников подобных взглядов

стали называть POSSИБИЛИСТАМИ (от французского *possible* — *возможный*). В 1882 г. произошел официальный, организационно оформленный разрыв между POSSИБИЛИСТАМИ и ФРП (см. гл. 1).

В Англии, где влияние социалистических идей в рабочем движении было значительно слабее, чем на Европейском континенте, реформизм задолго до первых попыток создания социалистических организаций укоренился в тред-юнионах. Оживление собственно социалистического движения приходится на 80-е годы, когда возникли Социал-демократическая федерация, Социалистическая лига и Фабианское общество (см. гл. 3). Фабианскому обществу принадлежали разработки теоретического характера, называемые «фабианским социализмом». В нем были — особенно на первых порах — приверженцы разных взглядов, в том числе и те, кто связывал перспективу социалистического переустройства с революцией и, более того, верил в скорую революцию в Англии (на такой позиции в середине 80-х годов стоял, в частности, Б. Шоу). Но левые фабианцы изначально составляли меньшинство по сравнению со сторонниками медленного, постепенного продвижения к социалистическим целям, а позднее и сами, осознав отдаленность этих целей, перенесли центр тяжести на борьбу за достижимое в ближайшем будущем. Стержнем фабианской доктрины в ее сложившемся виде стало представление о том, что естественный ход развития общества является эволюционным процессом, а революционные скачки лишь нарушают его. Заклучая отсюда, что и переход к социализму должен совершиться эволюционным путем, фабианцы считали, что в Англии он уже начат самими правящими классами, проводящими — не сознавая того — реформы социалистического характера.

Реформизму, склонному ограничиваться лишь возможным в условиях буржуазного общества и осуществимым в рамках законности, противостояла в социалистическом движении другая крайность — анархизм. В идейном отношении анархизм 80-х годов не представлял собой единого течения. Часть анархистов сохранила приверженность постулатам Бакунина — веру в возможность начать революцию практически в любой момент, развязав ее с помощью «пропаганды действием» (выступления небольших вооруженных отрядов), и непримиримо враждебное отношение к любым формам государственности. Революция при этом мыслилась только как насильственная и разрушительная, а борьба за реформы считалась принципиально недопустимым компромиссом с существующей властью. Но появились и анархисты, выступавшие за индивидуальный террор, рассматривая террористические акты как разновидность «пропаганды действием». Исключительный закон против социалистов отбросил на близкие к анархизму позиции течение так называемых «молодых» в германской социал-

демократии, которое начало призывать к террору и отказу от участия в избирательных кампаниях (социал-демократы в то время выдвигали своих кандидатов в рейхстаг как независимых). Идеологом особого направления в анархизме стал П.А. Кропоткин. Как и М. Бакунин, он считал, что социальное освобождение трудящихся и создание безгосударственной организации общества возможно лишь на пути революции, а не реформ. Но его представления о революции существенно расходились с бакунинскими. Он настаивал на подготовке к революции, на том, что революция не может быть чисто разрушительным актом и нуждается в позитивной, созидательной программе. Задумывался Кропоткин и над тем, как в ходе революции «достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, то есть с наименьшим числом жертв и по возможности не увеличивая взаимной ненависти».

В организационном отношении анархисты в 80-е годы отделяли себя от собственно социалистических течений. Они не приняли участия в созванном по инициативе социалистов международном конгрессе в Хурс (1881), но с этого же времени стали проводить свои особые конференции.

Образование и начало деятельности II Интернационала (1889—1896). На протяжении 80-х годов стали все чаще предприниматься исходявшие с разных сторон попытки создать интернациональную социалистическую организацию, подобную МТР или являющуюся его преемницей.

Идея общности коренных интересов пролетариев всех стран продолжала жить и после прекращения деятельности МТР, став прочным достоянием социалистического движения. Рабочие партии поддерживали между собой контакты, ощущали свою солидарность друг с другом и проявляли ее в конкретных действиях. Они направляли своих представителей в поездки с лекциями и докладами в другие страны, обменивались публикациями в своих печатных органах, практиковали финансовую взаимопомощь при проведении избирательных кампаний, выступали с общих позиций против милитаристских поползновений и колониальной политики правительств (во время оккупации Англией Египта в 1882 г., угрозы германо-испанского конфликта из-за Каролинских островов в 1885 г., обострения франко-германских отношений во второй половине 80-х годов). Благодаря социалистической печати получали широкий международный резонанс наиболее значительные проявления забастовочной борьбы, например, продолжавшаяся полгода стачка шахтеров Деказвилля (Франция) в 1886 г., в фонд которой поступили средства, собранные в Италии, Бельгии, Нидерландах, Германии, США, Швейцарии.

Стремясь придать интернациональным связям социалистов постоянный характер посредством их организационного закрепления, некоторые ветераны МТР предлагали возродить его в прежнем виде. Однако Маркс и Энгельс в начале 80-х годов считали, что старая форма интернациональной организации изжила себя, а для новой еще не созрели условия. Ее основой могли бы стать только созданные повсеместно рабочие партии, но в то время таких партий было немного.

К «законной реорганизации Интернационала» стремились и реформистски настроенные социалисты, прежде всего французские POSSИБИЛИСТЫ. Они организовали в Париже две международные встречи (конференцию в 1883 г. и более представительный конгресс в 1886 г.), которые, однако, не оказали какого-либо влияния на состояние интернациональных связей. На 1889 г. было намечено провести в Париже новый конгресс. Это решение поддержал международный профсоюзный конгресс, состоявшийся в 1888 г. в Лондоне по инициативе английских тред-юнионистов. Он поручил организацию будущего конгресса в Париже POSSИБИЛИСТАМ.

В 1887—1888 гг. идею международного конгресса стало активно выдвигать и марксистское крыло социалистического движения, в частности СРПГ и ФРП. К этому времени социалистические и социал-демократические партии существовали уже в большинстве стран Европы, что кардинально меняло ситуацию по сравнению с началом десятилетия. Состоявшийся в конце 1888 г. съезд синдикальных палат Франции принял предложение французских марксистов созвать во время Всемирной выставки 1889 г. в Париже международный конгресс рабочих и социалистических организаций.

На этот конгресс приглашали и POSSИБИЛИСТОВ, но те, ссылаясь на решение Лондонского конгресса 1888 г., настаивали на своем праве быть организаторами конгресса в Париже. Они заранее разработали повестку дня и добивались, чтобы конгресс принял ее без изменений, а голосование проходило бы по принципу: каждой национальной делегации — один голос.

Таким образом, на 1889 г. в Париже намечались два разных конгресса. Напрашивалась мысль о поисках какого-то компромисса, позволяющего объединить их. Собравшаяся в феврале 1889 г. в Гааге конференция с участием рабочих организаций нескольких стран предложила провести единый конгресс и оставить за POSSИБИЛИСТАМИ право его созыва, но при условии, что они признают право конгресса самому определить свою повестку дня и не будут требовать голосования «по нациям». POSSИБИЛИСТЫ (не приславшие своих представителей в Глазгу) ответили отказом.

В этих условиях дальнейшие уступки POSSИБИЛИСТАМ (к чему склонялся, например, В. Либкнехт) могли бы привести к закладке реформистского фундамента новой интернациональной организации. Французские марксисты были настроены более решительно. П. Лафарг считал необходимым противопоставить POSSИБИЛИСТСКОМУ конгрессу марксистский, созвав его в тот же срок и обеспечив ему как можно более представительный характер. Эту линию поддержал Ф. Энгельс, после Гаагской конференции активнейшим образом включившийся в подготовку марксистского конгресса.

Оба конгресса открылись 14 июля 1889 г. — в 100-летнюю годовщину взятия Бастилии. Конгресс, созданный марксистами, стали называть Конгрессом объединенных социалистов. На нем было представлено около 300 организаций из 20 стран (практически всех европейских, а из Нового Света — США и Аргентины). Среди делегатов этого конгресса большинство принадлежало к марксистскому течению, но были также реформисты и анархисты. На POSSИБИЛИСТСКОМ конгрессе присутствовали делегаты из 14 стран, однако огромное большинство его участников составляли сами POSSИБИЛИСТЫ (из зарубежных делегаций наиболее многочисленной была английская). Некоторые организации дали своим делегатам мандат на оба конгресса и право самим решить, в каком из них участвовать. Уже в ходе работы двух конгрессов был снова поднят вопрос об их объединении, но оно так и не состоялось из-за противодействия POSSИБИЛИСТОВ.

Конгресс объединенных социалистов постановил, что впредь международные социалистические конгрессы должны созываться регулярно. В такой форме было положено начало новой международной организации — II Интернационалу. От I Интернационала он отличался тем, что опирался на действующие в отдельных странах партии, а потому не нуждался в столь же строгой централизации и существовании органа, подобного по своим функциям Генеральному совету МТР.

Оба конгресса — и марксистский, и POSSИБИЛИСТСКИЙ — имели в повестке дня вопрос о международном трудовом законодательстве, на обоих были приняты резолюции с требованием 8-часового рабочего дня. Но резолюция Конгресса объединенных социалистов содержала гораздо более конкретные рекомендации относительно путей и средств борьбы за законодательство об охране труда, предусматривая не только соответствующие действия социалистов в парламентах, но и проведение митингов, демонстраций, организацию петиций и т.д. Отдельно по предложению американского делегата было принято решение о международном дне борьбы за рабочее законодательство — I Мая. Этот

день был выбран в память о начавшихся 1 мая 1886 г. и имевших трагический исход массовых выступлений под лозунгом 8-часового рабочего дня в Чикаго.

На первых четырех конгрессах II Интернационала (1889 — Париж, 1891 — Брюссель, 1893 — Цюрих, 1896 — Лондон) в оппозиции к большинству неизменно оказывались анархисты. На Парижском конгрессе они выступили против борьбы за трудовое законодательство, считая, что добиваться от существующего государства каких-либо законов в пользу рабочих — значит идти на сделку с ним, тогда как нужно стремиться к его разрушению. Конгресс отверг эту точку зрения и одновременно подчеркнул в своем решении, что борьба за законодательные меры по охране труда не должна отрываться от борьбы против самой капиталистической системы, а социальное освобождение пролетариата достижимо лишь при условии завоевания им политической власти. В другой резолюции (об экономической и политической борьбе) конгресс — опять-таки в противовес позиции анархистов — призвал создавать политические рабочие партии там, где их еще не было, и добиваться повсеместного введения всеобщего избирательного права, чтобы использовать его в интересах рабочего класса. Брюссельский конгресс отказался даже обсуждать предложение анархистов о единой международной тактике, которое имело в виду исповедовавшуюся ими тактику «прямого действия» (повстанческие выступления, бойкот, саботаж и т.д.). На Цюрихском конгрессе было решено впредь не допускать на международные социалистические конгрессы анархистов, поскольку они не признают политическую борьбу. В связи с этим и само понятие политической борьбы было уточнено в смысле, исключающем его анархистское истолкование как разрушение государства: указывалось, что оно подразумевает использование политических свобод и завоевание политической власти. Конгресс рекомендовал использовать как парламентские, так и внепарламентские формы борьбы. Лондонский конгресс подтвердил, что решение об изгнании анархистов из Интернационала является окончательным.

Таким образом, II Интернационал унаследовал от МТР проблему «выяснения отношений» с анархизмом. Как и тогда, в фокусе идейной борьбы с этим течением оказался вопрос о политическом действии рабочего класса, но в более конкретной постановке — не только в общепринципиальном, но и в тактическом плане. II Интернационал в этом вопросе встал на марксистские позиции, причем уже на начальном этапе своей деятельности пришел и к организационному размежеванию с анархистами.

Еще одно стержневое направление деятельности II Интернационала не только в первые годы, но и позднее — это выработка позиции социалистического движения по вопросу о милитаризме,

военной опасности и путях борьбы с ней. Он был весьма актуальным уже в конце XIX в. в свете «вооруженного мира» в Европе, начавшегося разделения великих держав на два враждебных блока и охватившей европейские страны лихорадка колониальных приобретений. Эти явления вызывали озабоченность не только социалистов, но и демократической общественности, что нашло выражение в развитии пацифистского движения (первый международный конгресс пацифистов состоялся, как и учредительный конгресс II Интернационала, в Париже в 1889 г.).

Отправной точкой антивоенных установок II Интернационала стало подтвержденное при его основании давнее демократическое требование замены постоянной армии всеобщим вооружением народа, которое в свое время поддержал I Интернационал, а Парижская Коммуна попыталась осуществить на практике. Но уже Брюссельский конгресс пошел дальше, указав на то, что войны коренятся в самой природе капиталистических общественных отношений (эту идею, отличавшую собственно социалистическую позицию от пацифистской, Маркс еще в 1866 г. высказал в Генеральном совете МТР, но тогда она не нашла отклика). Впрочем, Брюссельский конгресс, признав связь между войнами и капитализмом, сделал из этой посылки чересчур прямолинейный и категоричный вывод: до тех пор, пока капитализм существует, противодействовать возникновению войн невозможно. С другой стороны, он отверг и близкую к анархизму точку зрения нидерландского делегата, который предложил ответить на всякую войну (безотносительно к тому, в каких конкретных условиях и во имя каких целей она начнется) в духе «прямого действия» — всеобщей забастовкой и восстанием. На Цюрихском конгрессе в дополнение к прежним решениям II Интернационала была принята первая практическая рекомендация в области антивоенной тактики социалистов: социалистическим парламентариям вменялось в обязанность голосовать против всяких кредитов на войну, добиваться сокращения расходов на постоянные армии и постепенной их ликвидации. Лондонский конгресс высказался в поддержку выдвинутого пацифистами требования третейских судов для мирного разрешения международных конфликтов, но добавил к этому, что в случае отказа правительств подчиниться вердикту такого суда вопрос о войне и мире должен решаться самими народами.

На Лондонском конгрессе II Интернационал впервые определил свое отношение к национальному вопросу и колониальной политике. В специальных пунктах резолюции о политической борьбе конгресс высказался за «полное право самоопределения всех наций» и подчеркнул, что «под каким бы предлогом — религиозным или цивилизаторским — ни осуществлялась колони-

альная политика, она всегда имеет целью лишь расширение сферы капиталистической эксплуатации в исключительных интересах класса капиталистов». В отдельной резолюции от имени конгресса было выражено сочувствие освободительному движению народов Востока.

В повестке дня Лондонского конгресса первым пунктом стоял аграрный вопрос. Конгрессу предшествовали дискуссии по этому вопросу на съездах германской социал-демократии в 1894 и 1895 гг., разработка аграрной программы ФРП и ее критика в одной из последних работ Энгельса («Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1894 г.). Но на самом конгрессе аграрные проблемы не вызвали особого интереса. В резолюции указывалось, что окончательное устранение тех отрицательных явлений, которые порождены господством капитализма в сельском хозяйстве, станет возможным лишь после перехода земли — как и других средств производства — в общественную собственность. На ближайшее будущее конгресс не выдвинул каких-либо конкретных задач деятельности социалистов в деревне, за исключением организации сельскохозяйственного пролетариата, постановив, что в остальном каждая партия ввиду существующего разнообразия земельных отношений должна определять свою политику в данной области самостоятельно. Признавался желательным обмен материалами между комиссиями по изучению аграрного вопроса, которые уже существуют или будут созданы в отдельных партиях. Но II Интернационал в дальнейшем больше не возвращался к его обсуждению.

Раздел II

**ЕВРОПА И АМЕРИКА
в начале
XX в.**

Введение

Рубеж XIX—XX вв. воспринимался современниками как определенный исторический перевал. События, которыми в важнейших странах Запада заканчивалось уходящее или открывалось новое столетие, усиливали и закрепляли это ощущение. Для Англии вступление в XX в. почти символически совпало со смертью королевы Виктории и концом «викторианской эпохи» — периода неоспоримого экономического первенства, внешнеполитических успехов и наивысшего имперского могущества. Германия в канун нового века развернула свой внешнеполитический курс в сторону глобальных проблем и приступила к строительству мощного военно-морского флота с целью положить конец британскому господству на морях. Испано-американская война 1898 г. вывела на арену мировой политики США, а для Испании означала конец ее колониальной империи, что имело далеко идущие общественно-политические последствия. Во Франции и Италии на пороге XX в. появились первые признаки преодоления острых внутривойначеских кризисов, пережитых этими странами в 90-е годы.

Но главное, чем было отмечено в странах Европы и в США наступление в начале XX в. новой исторической полосы, — это не какие-либо конкретные события, а глубокие изменения, происшедшие в различных областях жизни общества. Они имели значение не только для этого региона, оказав прямое или косвенное воздействие также и на судьбы остальной части мира.

Новые явления в социально-экономическом развитии. К началу XX в. вступил в новую фазу ранее начавшийся процесс образования мощных предпринимательских объединений, которые претендовали на монопольное положение в соответствующих отраслях. Эта тенденция теперь упрочилась и возобладала. Тем самым существенно менялся характер экономических отношений капитализма — прежде всего в том смысле, что монополизированное производство становилось в значительной степени организованным, стихийно действующие законы рынка переставали быть единственным его регулятором (подробнее см. гл. 10).

Крупнейшие компании широко финансировали научные изыскания в области техники и организации производства. По их

заказам разрабатывалась новая, более функциональная и эстетически привлекательная архитектура производственных комплексов, исследовалась физиологическая сопротивляемость организма работника возрастающим нагрузкам на нервную систему в процессе труда и т.д. Корпорации, обладавшие приоритетной возможностью использовать новейшие научно-технические разработки, получали важные дополнительные преимущества в борьбе за монопольные позиции.

Большинство крупных корпораций в США и Германии, где процесс монополизации шел быстрее всего, были организованы в форме акционерных обществ, а непосредственное руководство их предприятиями все чаще осуществлялось специалистами в области управления — менеджерами. Обучение профессии менеджера в начале XX в. было уже широко поставлено в университетах и колледжах США. Высокооплачиваемые менеджеры могли стать пайщиками компании, а иногда сами превращались в настоящих промышленных магнатов.

Монополизированный сектор промышленности развивался при широком использовании средств крупнейших банков, становившихся, в свою очередь, монополистами в кредитно-денежной сфере. Между промышленными и банковскими монополиями складывались все более тесные взаимоотношения, закрепляемые системой обоюдного участия в их правлениях. Капитал тех и других, в сущности, сливался воедино, образуя амальгаму, которую стали называть финансовым капиталом.

При всех различиях между отдельными странами повсюду, где в начале XX в. утверждался монополистический (корпоративный) капитализм, происходили сдвиги в социальной структуре общества, затрагивавшие как основные классы, так и другие категории населения.

Внутри класса буржуазии выделялся узкий верхушечный слой, крепко спаянный деловыми, личными, «династическими» связями и тогда же получивший наименование финансовой олигархии. В США принадлежавшие к этой среде («60 семейств») 174 лидера большого бизнеса располагали 2720 директорскими местами в наиболее мощных корпорациях, более 1900 подобных же постов занимали 150 лиц из «200 семейств» во Франции. Всевластие этих «сильных мира сего» было объектом острой публицистической критики, находившей широкий общественный отклик. В США привлекли к себе внимание выступления так называемых «разгребателей грязи» — группы демократически настроенных литераторов, разоблачавших махинации трестов, насаждаемую ими коррупцию в государственном аппарате и другие пагубные проявления их всепроникающего влияния. Книга французского автора

Лизиса (Э. Летайера) «Против финансовой олигархии» в 1908 г. вышла уже пятым изданием.

Натиск крупных корпораций чувствительно затрагивал интересы монополистической буржуазии, которая пыталась противодействовать ему, в частности, путем создания собственных организаций (например, таких как Ганзейский союз промышленности, ремесла и торговли в Германии). В США подобные предпринимательские организации активно выступали за антитрестовское законодательство, запрещавшее «слияния», т.е. поглощение ранее самостоятельных фирм. Впрочем, принятие в 1890 г. закона Шермана не приостановило этого процесса: в 1895—1904 гг. исчезало в среднем более 300 фирм ежегодно.

В особенности на крупных предприятиях все большую роль в организации производства приобретал управленческий персонал и инженерно-технические кадры, т.е. различные группы служащих. Их доля среди работающих по найму в промышленности возрастала (в США — в 1901—1910 гг. 12% против 7,7% в 1891—1900 гг., в Германии — соответственно 7,6% против 4,8%).

При общем росте удельного веса интеллигенции в составе самостоятельного населения внутри нее часть ранее самостоятельных «лиц свободных профессий» постепенно также переходила на положение наемных служащих частных компаний или государства. Опять-таки в США доля состоящих на службе представителей интеллигенции увеличилась за 40 лет (1870—1910) с 62,1 до 75,6%, тогда как доля самостоятельных сократилась с 37,9 до 24,4%.

В составе рабочего класса развитых стран происходила дифференциация. Формировался слой рабочих, по своему жизненному уровню и ценностным установкам интегрированный в капиталистическое общество, т.е. принимавший его как естественное и соответствующее собственным интересам. Но основная масса рабочих испытывала возрастающий нажим со стороны предпринимателей — особенно там, где внедрялись новые формы организации производства. Любое продвижение вперед в удовлетворении насущных для большинства рабочих социально-экономических требований по-прежнему достигалось лишь ценой упорной повседневной борьбы на разных уровнях (подробнее см. гл. 20).

Демографические процессы в начале нового столетия шли в русле, намечившемся уже раньше, но также характеризовались определенными сдвигами. Интенсивное индустриальное развитие, охватившее к началу XX в. и такие страны, как Австро-Венгрия и Италия, способствовало дальнейшему росту городского населения при сокращении сельского. Продолжали развиваться международные миграции населения, хотя в составе и направлен-

ности миграционных потоков происходили изменения. Традиционной и более или менее стабильной была имевшая временный характер трудовая миграция в пределах Европы (например, из Италии и Бельгии во Францию), но основной и неуклонно растущий контингент мигрантов теперь направлялся на постоянное жительство за океан — в США и Латинскую Америку. Если за 1896—1905 гг. в США прибыли 5400 тыс. иммигрантов, то за 1906—1914 гг. — 9095 тыс., в том числе из Европы — соответственно 5130 тыс. и 8085 тыс. При этом особенно значительные «квоты» приходились на страны европейской периферии, испытывавшие специфические трудности запоздалого развития капиталистических отношений.

С еще большими задержками продвигались по этому пути страны Латинской Америки. Уже в предыдущий период они включились в систему мировых рыночных связей в качестве экспортеров определенных видов сельскохозяйственной продукции и сырья, на производство которых была всецело ориентирована их экономика. Поэтому в начале XX в., когда в странах Западной Европы и в США сложились стремившиеся к монопольному господству крупнейшие корпорации, латиноамериканский регион переживал совсем иную фазу развития капитализма: здесь лишь начала утверждаться фабрично-заводская промышленность. В то же время страны Латинской Америки испытывали натиск иностранных (особенно американских) монополий, попадали в финансовую зависимость от США и других великих держав, не раз становились объектом их экспансионистской политики.

Политические институты и партии. Эволюция консерватизма и либерализма. Организация политической жизни в большинстве стран Запада вплоть до Первой мировой войны не претерпела видимых существенных изменений сравнительно с предшествующим периодом. Там продолжали действовать принятые ранее конституции, оставались на сцене в основном прежние политические партии, сохранялись атрибуты парламентаризма. В некоторых странах прошли парламентские реформы, демократизовавшие избирательную систему (введение всеобщего избирательного права в Австрии и Швеции, приближение к нему в Италии) или ограничившие права верхних палат законодательных органов (сената во Франции, палаты лордов в Англии).

Однако современники-государствоведы отмечали, что реальная роль парламентов в принятии политических решений снизилась, ответственность перед ними правительств стала в значительной мере номинальной. Парламентская система подвергалась ожесточенным нападениям справа: утверждалось, что она медлительна в действии, неэффективна, дает слишком большую власть невеже-

ственному народу. Идеалом подобных критиков парламентаризма было свободное от парламентского контроля и не связанное с существующими партиями правительство из представителей делового мира и «компетентных специалистов».

Усиление реальной власти правительств в ущерб парламентам отвечало стремлению финансовой олигархии подчинить своему диктату не только экономику, но и политическую жизнь. Большой бизнес был связан многими нитями с миром политики, в том числе и в форме прямого участия его представителей или доверенных лиц в правительственных структурах. Среди существовавших тогда политических сил тенденцию изменить в указанном направлении механизм функционирования государственной власти поддерживали преимущественно консерваторы.

Консерватизм как идейно-политическое течение к началу XX в. претерпел в странах Запада известную эволюцию. В предшествующий период он нес сильный отпечаток настроений землевладельческой аристократии, еще не вполне принявшей нормы и ценности буржуазного порядка и не слившейся воедино с новым господствующим классом. Теперь процесс такого слияния в основном завершился, особенно на уровне верхних слоев. Титулованные аристократы входили в правления монополистических компаний, а промышленные и финансовые магнаты рождались в этой среде, перенимали ее образ жизни и сами обзаводились соответствующими титулами. Как и прежде, главной целью консерваторов было сохранение социального господства правящей элиты. Их внутриполитический курс обычно отличался жесткостью, хотя при определенных условиях они шли и на проведение тех или иных реформ, которые использовались в качестве предохранительного клапана или средства межпартийной борьбы. Ближе к мировой войне внутри консервативного лагеря стало зарождаться экстремистское, праворадикальное течение, исповадовавшее крайний национализм и шовинизм и стремившееся к насильственному изменению парламентско-конституционного строя.

Но хотя консервативные и авторитарные тенденции в политике подпитывались интересами мощных монополистических кланов, не они были в начале XX в. преобладающими. В самих правящих кругах ряда стран Запада (Англия, США, Франция, Италия) на передний план выдвинулись в это время поборники социально-политических реформ как более гибкого и надежного способа обеспечить незыблемость основ существующего общества.

Такой курс проводили политические деятели либеральной ориентации. В либерализме изначально существовала не только классическая, элитарная тенденция, ставившая во главу угла интересы индивида-собственника, но и тенденция демократичес-

кая, или социальная, которая к началу XX в. получила (особенно в Англии и США) значительное развитие. Социальный либерализм отличался от классического иным взглядом на роль государства в обществе. С точки зрения классического либерализма государство не должно было вмешиваться в экономические процессы, ему надлежало лишь обеспечивать внешние условия нормального функционирования экономики (доктрина «государства — ночного сторожа»). Социальный либерализм отошел от этого постулата, признав не только правомерность вмешательства государства в хозяйственную жизнь, но и необходимость государственного регулирования социальных, трудовых отношений. Его идеологи считали, что государство несет «социальную ответственность» перед теми, кто поставлен жизнью в менее благоприятные условия, и обязано обеспечить своим гражданам «равенство возможностей» посредством социальных реформ в пользу низших классов общества и расширения политической демократии. Практическая деятельность политиков-реформаторов начала XX в. разворачивалась именно в этом направлении, хотя и не была последовательной реализацией принципов социального либерализма.

Консерваторы, как правило, соглашались на реформы лишь вынужденно, они в тактических целях могли пойти на какой-то социальный маневр, но не шли на уступки «низам» в собственно политической сфере. Либеральные политики начала XX в. предлагали основанную на реформах стратегию дальнего прицела, предвосхищая многое из того, что в широких масштабах будет осуществлено в странах Запада значительно позднее.

Разграничительная линия между консерватизмом и либерализмом оставалась, таким образом, достаточно определенной, хотя оба течения пришли к началу XX в. с теми или иными изменениями в своем традиционном облике. Существование консервативного и либерального направлений в политике не обязательно выражалось в наличии партий с соответствующими наименованиями. В ряде стран Европы (Англия, Германия, Испания, скандинавские страны) имелись партии консерваторов и либералов. Но в США ни консервативной, ни либеральной партий не было. Либерально-реформистский курс приняла на вооружение сперва правившая в начале XX в. республиканская, а затем и демократическая партия, в то же время в обеих партиях существовало консервативное крыло. Во Франции при свойственной ей множественности политических течений буржуазные партии как таковые стали организовываться лишь в начале 900-х годов, но ни одна из них не называлась консервативной или либеральной. Носителем консервативных тенденций здесь стала возникавшая в 1903 г. Республиканская федерация, консерватизм экстремист-

ского толка был представлен националистическими движениями («Аксъон франсэз» и др.), а реформы либерального характера проводились правительствами, где главную роль играла партия радикалов и радикал-социалистов. В Италии либералы вплоть до 1922 г. не были организованы в партию и делились на различные группировки, сложившиеся вокруг того или иного лидера. При этом правые либералы стояли на вполне консервативных позициях, а левые в начале XX в. осуществили поворот к реформаторской политике.

Между тем стали отмечаться определенные признаки недостаточности традиционного для той или иной страны спектра политических партий. В США в предвоенные годы произошел раскол республиканской партии и набрало небывалую раньше силу движение за создание третьей партии. Новая партия (прогрессивная) уловила широко распространенные антимонополистические настроения и на президентских выборах 1912 г. попыталась обойти как республиканцев, так и демократов слева под самыми радикальными реформаторскими лозунгами. Но чаще возникали политические новообразования типа «Аксъон франсэз», движения «мауристов» в Испании или Националистической ассоциации в Италии, являвшиеся выражением правого радикализма. Они не носили собственно партийного характера, искали поддержки в массах, а кое-где организовывали своих сторонников на военный лад (отряды «Королевских молодчиков» во Франции, вооруженные формирования противников «гомруля» в Северной Ирландии).

Во внутриполитическом развитии стран Запада в начале XX в. существовали, таким образом, противоречивые тенденции. В целом ситуация выглядела устойчивой и благополучной для правящего класса, но горизонт не был безоблачным. «Прекрасная эпоха», как стали называть это время позднее, когда оно безвозвратно ушло, оказалась преддверием мировой войны и глубочайших общественных потрясений.

Международная обстановка: происшедшие изменения и перспективы развития. Относительно спокойное течение внутриполитической жизни в ведущих странах Запада резко контрастировало с нарастанием в начале XX в. напряженности в сфере международных отношений (подробнее см. гл. 19). Завершилось формирование противостоявших друг другу военных блоков в Европе. Среди великих держав появились новые претенденты на обладание колониями и сферами влияния (Германия, США), включившиеся в борьбу за «место под солнцем» в условиях, когда практически весь земной шар уже поделили между собой другие. XX век начался под аккомпанемент войны, которую вела Англия в Южной Африке с целью захватить в свое полное владение золотые и алмазные

прииски на территории двух бурских республик. На Дальнем Востоке борьба за господство над Северо-Восточным Китаем привела к войне между Россией и Японией. США интенсивно проникали в Латинскую Америку, сочетая долларовую экспансию с присвоением функции «международной полицейской силы» в этом регионе. Неизменно взрывоопасной зоной оставались Балканы, где перекрещивались интересы нескольких европейских держав и существовали не решенные до конца национальные проблемы.

Важнейшим источником растущей военной угрозы была переживавшаяся через национальные границы экспансия монополий, заинтересованных в безраздельном контроле над рынками сбыта, источниками сырья, сферами приложения капиталов в разных частях мира. К надвигающейся большой войне усиленно готовились и готовили общественное мнение. В странах обоих блоков наращивалась численность сухопутных армий мирного времени (за 1899—1914 гг. она увеличилась во Франции и России более чем на 52%, в Австро-Венгрии и Германии — более чем на 30%). Милитаристская агитация активизировалась и в небольших, традиционно нейтральных странах (Бельгия, Швеция). Апология войны, идеи крайнего национализма и шовинизма были присущи в особенности нарождавшимся праворадикальным движениям. Но экспансионистскую внешнюю политику активно проводили и деятели, внутри своих стран выступавшие как либеральные реформаторы (наиболее характерный пример — президент Т. Рузвельт в США).

В мире существовали различные силы, стремившиеся предотвратить военную угрозу или хотя бы уменьшить ее. Два общественных движения — пацифистское и социалистическое — к началу XX в. уже имели определенный опыт обсуждения этих проблем и продолжали уточнять свои подходы к их решению. Даже на межправительственном уровне созывались конференции, где предлагалось выработать механизм, который мог бы служить мирному урегулированию возникающих конфликтов. Но действия в пользу сохранения мира руководствовались слишком несхожими мотивами и были слишком разнонаправленными, чтобы переломить господствовавшую тенденцию: скольжение через ряд международных кризисов и локальных войн навстречу войне мирового масштаба.

Страны, не завершившие переход к буржуазному обществу: реформы, революции, национальные движения начала XX в. В странах «догоняющего развития» к началу XX в. остро встали проблемы, которые на Западе были так или иначе (революционным или реформистским путем) решены раньше: завоевание политических и гражданских свобод, утверждение конституционного строя и

системы представительных учреждений, устранение остатков феодальных аграрных отношений, национальный вопрос в его различных проявлениях и т.д.

Крупнейшей из таких стран была Россия, где в 1905—1907 гг. произошла буржуазно-демократическая революция. Россия быстро развивалась в промышленном отношении, в ней, как и в ведущих странах Запада, утверждались новейшие формы организации капиталистического производства, но в то же время сохранялся самодержавный строй и во многом архаичная система землевладения. Политические силы сторонников либеральных реформ были несоизмеримы с остротой накопившихся в России к началу XX в. общественных противоречий, поэтому здесь оказалась невозможной реформистская альтернатива революционному взрыву 1905 г. Лишь в ходе и после революции царское правительство было вынуждено пойти на определенные уступки либеральным требованиям (созыв Государственной думы, введение в 1906 г. так называемых Основных законов, аграрные реформы Столыпина, ускорившие капиталистическое развитие деревни).

Российская революция 1905—1907 гг. нашла значительный отклик в европейском рабочем движении (подробнее см. гл. 20) и способствовала активизации революционного и национально-освободительного движения в странах Востока. Под ее непосредственным воздействием в конце 1905 г. началась революция в Персии (Иране). Несколько позднее произошли революции в Турции (1908 г., восстановление упраздненной конституции 1876 г.) и Китае (1911—1913 гг., свержение императорской власти).

Турция была многонациональной империей, и революция 1908 г. вызвала со стороны входивших в нее народов цепную реакцию в виде выдвижения различного рода национальных требований. Покончила с остатками номинальной зависимости от Турции Болгария, провозгласившая себя царством. Населенный греками о. Крит объявил о своем присоединении к Греции, но эта попытка решения критской проблемы закончилась неудачно. Партия младотурок в своих тактических целях вступила в союз с движением за автономию Македонии, направленным против планов ее раздела между Сербией, Болгарией и Грецией, и с национальной партией «Дашнакцутюн» в Турецкой Армении. Однако этот союз был временным, т.к. в принципе младотурки были сторонниками «единой османской нации». Идею османизма они использовали и против албанского национального движения, вначале активно поддерживавшего младотурецкую революцию в надежде на получение Албанией автономии.

В Греции в 1910 г. пришла к власти основанная уроженцем Крита Э. Вснизэлосом либеральная партия и начал проводиться реформаторский курс, сходный с тем, какой осуществлялся в

западноевропейских странах. Путь к власти либералам проложило движение, возникшее в армейской среде и руководимое так называемой Военной Лигой. Поворот к либерализму означал усиление политического влияния буржуазии. Оно было закреплено пересмотром конституции 1864 г. и принятием в 1911 г. новой конституции.

Греческий либерализм шел по пути довольно смелого социального маневрирования (легализация отчуждения за выкуп помещичьих земель, позволившая расширить крестьянское землевладение, введение трудового законодательства). С другой стороны, он поднял на щит идею собирания воедино всех территорий с греческим населением, реализация которой предполагала окончательное вытеснение Турции с Балкан и из бассейна Эгейского моря. Войдя в состав Балканского союза, выигравшего в 1912—1913 гг. войну против Турции (первая Балканская война), Греция добилась присоединения Южной Македонии, Эпира и Крита. Но сторонники великогреческой идеи шли дальше: они стремились возродить Грецию в границах Византийской империи. Судьба «Великой идеи» в Греции — нагляднейший пример перерождения в националистическом и шовинистическом духе лозунгов, первоначально служивших национально-освободительным целям. Подобные же явления отмечались в это время и в других балканских странах, создавая напряженность в отношениях между ними. Историческая дистанция, отделявшая их борьбу за собственное освобождение от выдвижения экспансионистских, в своем роде великодержавных притязаний, оказалась очень короткой. В частности, с такими притязаниями со стороны Сербии и Греции столкнулась в связи с первой Балканской войной Албания, провозгласившая в октябре 1912 г. свою независимость.

За обращенной к национальным чувствам агитацией в балканских странах настороженно следила Австро-Венгрия, где в начале XX в. проявлялись признаки обострения межнациональных отношений, на время урегулированных компромиссом 1867 г. Вместе с Россией она добивалась от Турции проведения реформ в Македонии, чтобы избежать раздела этой последней между балканскими государствами (раздел Македонии все же произойдет в результате Балканских войн 1912—1913 гг. и сразу станет источником раздоров между Болгарией и Сербией). Особенно же Австро-Венгрию тревожило то, что часть проживавших в ее пределах южных славян связывала надежды на обретение своей государственности с объединением вокруг Сербии как своего рода «югославянского Пьемонта». Осуществленная в 1908 г. Австро-Венгрией аннексия Боснии и Герцеговины была направлена прежде всего против Сербии, а продолжавшееся обострение австро-сербских отноше-

ний несколько лет спустя запустит механизм кризиса, который приведет к мировой войне.

С нереализованными национальными чаяниями вступила в XX столетие Ирландия. Лозунгом ирландского национального движения по-прежнему оставался «гомруль» — самоуправление в рамках Британской империи, т.е. статус доминиона. Незадолго до мировой войны закон о «гомруле» прошел через парламент, но так и не был осуществлен (подробнее см. гл. 11).

Иначе разрешилась конфликтная ситуация, которая возникла в условиях существовавшей со времен наполеоновских войн унии между Швецией и Норвегией. Норвегия по отношению к Швеции находилась в подчиненном положении, но пользовалась довольно широкой автономией, имея собственную конституцию, парламент и правительство (без министерства иностранных дел). С конца XIX в. подобный статус уже не обеспечивал в достаточной мере интересов норвежской буржуазии, которую теснила на рынке более сильная шведская. Стоявшее в Норвегии у власти либеральное крыло буржуазии возглавило движение за полную государственную самостоятельность, получившее широкую поддержку в разных слоях населения. В 1905 г. шведско-норвежская уния была мирным путем расторгнута. На прошедших в Норвегии двух референдумах большинство голосов было подано за то, чтобы она осталась монархией, но под властью своего собственного, а не общего со Швецией короля, как было раньше.

В Испании продолжалось осознание своей особой национальной принадлежности каталонцами, галисийцами, басками. В Каталонии, где процесс формирования нации шел наиболее быстро, возникло движение за национальную автономию, которое в 1914 г. добилось создания в этой области местного представительного органа.

Еще одна южноевропейская страна — Португалия — в 1910 г. пережила буржуазную революцию, покончившую с существованием монархии. Некоторыми своими чертами (активная политическая роль военных кругов) она напоминала младотурецкую революцию или события, предшествовавшие повороту к либерализму в Греции, но была радикальнее по результатам. В 1911 г. в Португалии было введено практически всеобщее избирательное право для мужчин, осуществлено отделение церкви от государства и другие антиклерикальные меры, принята новая республиканская конституция.

В Латинской Америке к началу XX в. укрепились позиции местной буржуазии, заинтересованной в развитии национальной экономики своих стран, в ослаблении их зависимости от иностранных монополий, в ограничении всевластия олигархических клик, в демократизации политических систем и упрочении кон-

ституционного строя. Модернизация в этом направлении традиционных латиноамериканских обществ отвечала интересам широких слоев населения. В некоторых странах (Уругвай, Аргентина) на этой волне пришли к власти либерально-реформистские правительства, которые встали на путь поддержки национальной промышленности, приступили к аграрным преобразованиям, ввели прогрессивное трудовое и пенсионное законодательство и т.д. В Мексике общественное развитие пошло по иному, революционному руслу. Здесь в 1910—1917 гг. развернулась революция, которая прошла через сложные внутренние перипетии и сопровождалась военной интервенцией США, но в итоге привела к власти национальную буржуазию, закрепила в Мексике демократический политический строй и позволила ей упрочить свою самостоятельность.

Таким образом, в тех странах Европы и Америки, которые оказались перед необходимостью наверстывать историческое отставание от ушедших вперед, в начале XX в. не раз возникали кризисные ситуации на почве нерешенных социальных, политических, национальных проблем. По большей части они преодолевались посредством проведения либеральных реформ, но в иных случаях выливались и в революционные потрясения.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ начала XX в. в странах Западной Европы и США

НОВАЯ РОЛЬ МОНОПОЛИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ начала XX в.

Процесс монополизации в промышленной и финансовой сферах. В конце XIX в. происходил бурный процесс развития промышленного производства. В 70—90-е годы объем мировой промышленной продукции возрос более чем в три раза. Быстро менялись техника, структура, организация производства. Научные открытия, технические новшества и изобретения проникали в энергетическую базу промышленности — она все больше связывалась с использованием электричества, переходила на жидкое топливо. Преобразовывался и сам производственно-технический комплекс — завершался переход к крупной машинной индустрии. Первенствующую роль стали играть отрасли тяжелой промышленности. Выплавка стали в 1870 г. во всем мире составляла около 0,5 млн т, в 1900 г. — 28 млн т, выплавка чугуна за те же годы возросла с 12 млн т до 40 млн т. Набирали силу новые отрасли, в том числе автомобилестроение, электротехника, производство химических красителей. Между разными отраслями, видами производств устанавливались прочные технические связи. Возникали комбинаты, в которых объединялись разные стадии переработки сырья и производства готовой продукции, даже такой, которую раньше изготавливали в разных отраслях промышленности.

Все это вело к укрупнению производства уже потому, что отдельные его единицы — предприятия — в тяжелой промышленности крупнее, чем в легкой (тем более — комбинаты). Возникающую потребность в крупных капиталовложениях помогали удовлетворять акционерные общества, которые собирали воедино распыленные денежные средства, развивающаяся концентрация капиталов — наращивание их размеров за счет прибыли, а также объединение нескольких капиталов воедино — их централизация.

К укрупнению предприятий и капиталов толкало не только развитие производственно-технической базы, но и система экономических отношений между ними, которая воплощалась в свободной конкуренции, ибо крупное предприятие в условиях индустриального производства оказывалось эффективнее мелкого, побивало его в ходе конкурентной борьбы или подминало и присоединяло к себе. В том же направлении срабатывали экономические кризисы, в ходе которых крупным предприятиям и капиталам было легче устоять, а мелким — еще проще разориться. Иными словами, объективное ускорение развития производительных сил на стадии сложившегося индустриального общества в условиях свободы конкуренции закономерно приводило к росту концентрации производства — сосредоточению его во всевозрастающей доле и размерах на крупных и крупнейших предприятиях.

Концентрация производства, в свою очередь, неизбежно порождала противоположность свободе конкуренции — монополии. Конкуренция между крупными предприятиями оказывалась все более трудной и разорительной. С другой стороны, они могли снизить ее интенсивность и свои потери, договорившись о совместных действиях, организовавшись в один союз, объединение, с тем чтобы «полюбовно» разделить рынок (то ли территориально, то ли установив для каждого квоту в общей массе продукции, выбрасываемой на рынок), сговориться об уровне цен, по которому будет реализовываться продукция, о совместной борьбе с теми, кто не входит в такое объединение, противостоять ему — «аутсайдерами», — и т.д. Все это стало тем более возможно, что сговариваться нужно было не сотням мелких фирм, а десяткам и даже единицам крупных — они, а не масса мелких производителей были теперь поставщиками на рынок основной части продукции того или иного вида. Все это было тем более выгодно, что сговорившиеся, объединившиеся становились главными, если не исключительными производителями в данной отрасли, а то и в смежных с нею отраслях. От них зависел объем производства, уровень цен, который можно было поднять на большую высоту, ибо сбить их конкуренты уже не могли, либо, напротив, временно занижить (так называемые демпинговые цены), когда требовалось вытеснить конкурентов с локального или отраслевого рынка. В итоге появилась возможность устанавливать на товар монопольную цену и таким образом получать дополнительную прибыль, сверхприбыль, а в общем — более высокую монопольную прибыль.

Процесс пошел именно по этому пути. Сначала создавались временные, непрочные соглашения — корнеры, ринги, пулы. Затем они приобрели более устойчивые и развитые формы картелей, синдикатов, трестов, концернов. Свободно конкурировать

с ними, противостоять им аутсайдеры в конечном счете не могли, а если пытались, то от них отделялись любыми средствами — от выплаты отступного до уничтожения их динамитом. Они же становились в первую очередь жертвами резких колебаний конъюнктуры и экономических кризисов. Зато монополии набирали силу, охватывали все новые отрасли хозяйства и наконец стали играть решающую роль в хозяйственной жизни общества.

К началу XX в. этот процесс в Западной Европе прошел следующие этапы: 1) 1860-е и 1870-е годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции, монополии лишь едва зарождаются. 2) После кризиса 1873 г. — широкая полоса развития картелей, они еще исключение, еще не прочны. 3) Подъем конца XIX в. и кризис 1900—1903 гг. — картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни.

И это был не просто количественный рост монополистических объединений. На рубеже XIX—XX вв. происходит глубокое качественное изменение всего хозяйственного механизма развитых стран мира. Вплоть до 1870-х годов неограниченная свобода конкуренции обеспечивала рыночному механизму роль исключительного регулятора всего процесса общественного воспроизводства. Решающая роль, господство монополий в хозяйственной жизни общества, появление объективной возможности установления особый — монопольной — цены создавали новый, монополистический механизм регулирования воспроизводства. Теперь уже в реальной экономике одновременно существовали и взаимодействовали два регулятора воспроизводственного процесса — монопольный (или корпоративный) и немонопольный — причем значение первого из них неуклонно возрастало по мере роста мощи монополистических объединений. К началу XX в. оно стало решающим.

Переход к господству монополий был связан с новыми явлениями в организации общественного производства. В рамках монополистических объединений стало возможным сознательное целенаправленное регулирование производства, даже если входившие в него предприятия сохраняли производственную самостоятельность. Монополизированное производство могло в определенной степени учитывать размеры и потребности рынка и даже воздействовать на его параметры. Тем самым отчасти ограничивалась анархия производства. Но она же усиливалась и обострялась в ходе столкновений и борьбы между монополиями, господствовавшими в разных отраслях, между монополизированными и немонополизированными частями хозяйства. Господство монополий, не устраняя анархию производства, не могло ликвидировать и экономические кризисы, но воздействовало на их динамику.

Разумеется, процесс монополизации промышленности имел свою специфику в каждой из капиталистических стран в части

темпов его осуществления, форм монополистических объединений и т.п. Она была связана с особенностями технико-экономической базы, с культурно-историческими различиями, местом и ролью страны в мировом хозяйстве и общем мировом развитии.

Процесс монополизации в сфере обращения развивался одновременно и во многом аналогично изменениям в сфере производства. В середине XIX в. существовало большое количество относительно не крупных банков, аккумулировавших свободные денежные средства и ссужавших затем эти средства под определенный процент промышленникам, торговцам и другим предпринимателям. Этот ссудный (или банковский) процент и составлял доход банкира, а его размер определялся свободной конкуренцией между банками на рынке денег, т.е. рынок, как и в производственной сфере, играл роль исключительного регулятора обращения. В ходе конкурентной борьбы более слабые или менее удачливые банки разорялись, а выжившие становились все крупнее. К концу века в передовых странах выделились небольшие группы крупнейших банков (от 4 до 9), располагавших возможностью по взаимному соглашению устанавливать размер банковского процента («цену денег»), отличный от рыночного, т.е. превратившихся в банковские монополии. Благодаря особенностям денежного рынка по сравнению с рынком товаров (наличие единственного вида «товара» — денег, сверхмалое количество банков, способных монополизировать всю отрасль) появление монопольного регулирования сферы обращения сделало господство монополий в банковской сфере гораздо более полным и всеобъемлющим, чем в сфере производства, хотя до конца и не уничтожило свободный рынок капиталов.

Процесс концентрации и централизации банковского капитала имел и другую важнейшую особенность. По мере превращения части банков из мелких и средних в крупные и крупнейшие расширялся круг их клиентов, увеличивалось количество их филиалов и отделений, у них сосредоточивались громадные кредитные средства. Одновременно усиливалась отраслевая и региональная специализация. Успех деятельности банка в той или иной отрасли все больше зависел от знания промышленной и торговой конъюнктуры, а затем и от возможности влиять на нее. Функции банков приобретали новую значимость, а сами они начинали играть новую роль. Ведение счетов предприятий, их кредитование, учет их векселей и т.п. настолько сконцентрировались, что это позволяло, с одной стороны, точно следить за тем, как идут дела, а с другой — за счет предоставления необходимых кредитов или ограничения, а то и отказа в них влиять на деятельность промышленников, даже диктовать им свою волю. Крупные банки

начали контролировать хозяйственную деятельность своих клиентов-предпринимателей, а в дальнейшем и управлять ею.

Крупному монополизированному производству были необходимы не просто крупные, но и все более долгосрочные кредиты для растущих вложений в основной капитал. Предоставляя их, монополизированные банки оказываются «повязанными» с промышленниками, становятся кровно заинтересованными в их деловых успехах. Это стимулирует использование акционерной формы предприятий. Банкиры и промышленники, взаимно скупая акции, становятся совладельцами, расширяя сферу и совершенствуя формы контроля. В правлениях и наблюдательных советах крупнейших банков появляются монополисты — промышленники и торговцы, а в администрациях их компаний, в свою очередь, занимают места банковские магнаты. Тем самым осуществляется «личная уния» тех и других. Происходит переплетение и сращивание монополистического банковского и промышленного капиталов — возникновение финансового капитала.

Процесс соединения банковских и промышленных капиталов мог возникнуть и реально происходил лишь в среде высококонцентрированных капиталов — в монополизированной экономике. Более того, хотя концентрация капиталов шла параллельно и в сфере производства, и в сфере обращения, но различными темпами в разных странах, уровня концентрации, приводящего к монополии, раньше достигали либо банковские, либо промышленные компании. В странах Западной Европы именно монополизированный банковский капитал сформировал основу финансово-монополистических групп. В США более быстрыми темпами рос промышленный капитал, а потому индустриальные монополии (нефтяные, сталелитейные, транспортные) формировали собственные финансовые империи. Американский путь в сравнении с европейским оказался короче и экономически эффективнее, но конечный итог был одинаков: по обе стороны Атлантики к концу XIX в. возникла и стала господствующей качественно новая форма капитала — финансовый капитал.

По сравнению с предшествовавшими формами господство финансового капитала, осуществляющее волю сросшихся банковских и промышленных монополий, распространяется шире и является гораздо более мощным. Монополия собственности в экономике перерастает в монополию политической власти. Выделяется группа сравнительно немногих финансовых магнатов, которая разными путями, в том числе и срачиваясь с государственным аппаратом, становится по сути дела хозяином и в экономике, и в политике страны, определяет основные направления их развития. Образуется финансовая олигархия.

Основные пути и методы ее обогащения иные, чем те, что были присущи капитализму ранее. Широко применяется «система участия», при которой выстраивается целая иерархическая пирамида зависимости: общество-«мать», скупая акции, получает контроль над рядом «дочерних» обществ. Те осуществляют такое же действие по отношению к собственным «дочерним» обществам, но и они находятся под опосредованным контролем общества-«матери» в качестве ее «внучатых» обществ и т.д., и т.д. В результате увенчивающее пирамиду общество-«мать» контролирует громадный не принадлежащий ему капитал, получает с него доходы, но не несет ответственности за то, как они были получены формально самостоятельными «дочками» и «внучками». Громадные прибыли финансовый капитал получает и в качестве «учредительской прибыли», от выпуска фондовых бумаг, государственных займов, от спекуляции земельными участками.

Изменения в мировом хозяйстве. На рубеже XIX—XX вв. в новый этап вступал и процесс развития мировой капиталистической системы хозяйства. Господство финансового капитала не замыкалось в рамках одной страны, но распространялось далеко за ее пределы. Этому способствовало то, что финансовый капитал концентрировался главным образом в нескольких богатейших странах. В 1910 г. Англия, США, Франция и Германия сосредоточили у себя почти 80% всемирного финансового капитала. По отношению к этим странам остальной мир во многом превратился в поле его приложения. Это существенно изменило структуру мирохозяйственных связей.

В период домонополистического капитализма вывозились за рубеж главным образом товары, а внешняя торговля была ведущим источником сырья и доходов развитых стран. Зарубежные капиталовложения играли второстепенную роль, свободных средств для них не хватало. К началу XX в. концентрация капиталов, монопольные прибыли позволили их аккумулировать и осуществлять вывоз капитала в больших объемах. В то же время очень ограниченные возможности нового высокоприбыльного вложения капиталов, платежеспособного спроса в своей стране, стремление обрести, расширить, закрепить за собой выгодные сферы влияния диктовали такую необходимость. В 1914 г. помещенные за границей капиталы составили сумму 44 млрд дол., в том числе у Англии — 18 млрд, у Франции — 9 млрд, у Германии — 5,8 млрд, у США — 3,5 млрд долларов. Характерно, что в 1900—1905 гг. Англия вкладывала в свое народное хозяйство ежегодно примерно 72 млн ф. ст., а вывозила 64 млн ф. ст. Во Франции в начале XX в. вывоз капитала превысил объем национального дохода.

Вывоз капитала осуществлялся в двух формах. Во-первых, в вещественной форме (техника, оборудование, транспортные средства и др.) его вкладывали в предприятия сырьевых и добывающих отраслей промышленности (уголь, нефть, руды черных и цветных металлов, золото, алмазы и т.п.), производство сельскохозяйственной продукции (хлопок, чай, кофе, какао, бананы, каучук и т.п.), развитие транспорта и связи. В этом случае инвестиции приносили доход в виде прибыли, и тем самым происходил вывоз производительного капитала. Во-вторых, ведущие страны и банки предоставляли зарубежным частным компаниям и правительствам займы и кредиты, которые приносили доход в виде банковского процента, и, следовательно, осуществляли экспорт капитала в ссудной форме. Так, в 80—90-х годах французские кредиты сыграли важную роль в строительстве железных дорог в Испании и России. Большие средства были вложены европейскими странами в экономику США, огромный рынок которых привлекал высокими доходами и внутренними, и иностранных инвесторов, а в результате вплоть до Первой мировой войны импорт капитала в США превышал их собственный экспорт капитала.

Быстрый рост вывоза капитала одновременно стимулировал и экспорт товаров. Так, предоставление кредитов на железнодорожное строительство обычно обуславливалось закупкой основной части оборудования (рельсов, локомотивов, вагонного парка) в стране, дающей кредит, что способствовало развитию металлургии и машиностроения в Англии, Франции и Германии. Хозяйственное освоение зависимых территорий, хотя и в меньшей степени, расширяло периферийный потребительский рынок.

Примерно две трети общей суммы зарубежных капиталов Англии, Германии и Франции в 1910—1914 гг. приходилось на отсталые колониальные и зависимые страны. Такое соотношение определялось главным образом вывозом капитала из Англии, которой в начале века принадлежала почти половина капиталов, вложенных за границей ведущими державами. Франция помещала капитал в основном в Европе, прежде всего в России в виде займов, что потом и сказалось на международной политике, проводимой царским правительством. Францию в то время часто называли «мировым ростовщиком» и «государством-рантье», ибо французский финансовый капитал получал основной доход в виде ссудного процента, а английский финансовый капитал обогащался в первую очередь за счет прибыли от инвестиций в огромную колониальную империю. Но и в том, и в другом случае размеры доходов поражали воображение. Достаточно сказать, что в начале

XX в. занимавшая первое место в мировой торговле Великобритания получала от своих зарубежных капиталовложений внягеро больший доход, чем от внешней торговли. Такое преобладание вывоза капитала над экспортом товаров составляет еще одну качественно новую характеристику монополистического капитализма.

Всезрастающие масштабы экспорта капитала отчетливо обозначили новую структуру международного разделения труда. Небольшая группа индустриально развитых стран заняла в начале XX в. господствующие позиции в мировой экономике, и интересы финансового капитала этих стран все больше стали определять развитие мирового хозяйства. Следствием этого явилась растущая интеграция мировой капиталистической системы хозяйства.

Доминирующее положение Англии, осуществлявшей политику свободной торговли на мировых рынках во второй половине XIX в., обеспечило победу фритредерских принципов в мировой торговле. При том что сохранялись таможенные барьеры, еще не редки были таможенные «войны» между разными странами («винная» между Францией и Италией в начале 1880-х годов, «зерновая» между Германией и Россией в начале XX в. и т.п.), высококачественные британские промышленные товары легко преодолевали таможенные границы и большая часть мирового товарооборота уже происходила на базе свободной торговли. В 1896—1900 гг. более 80% промышленного экспорта приходилось на Англию, США, Францию и Германию.

К концу XIX в. длительная и сложная борьба различных денежных систем завершилась решительной победой системы золотого стандарта национальных валют во всех развитых странах от США до России. Это не означало введения единой мировой валюты, но жесткая привязка основных национальных денежных единиц к золоту в точном и неизменном весовом выражении (золотой паритет) стабилизировала и унифицировала мировую денежную систему, существенно упростив и ускорив взаимные расчеты, и тем самым уничтожила основные преграды на пути свободного перемещения товаров и капиталов.

Наконец, неизменно изменилась инфраструктура мирового рынка в связи с бурным развитием средств транспорта и связи. К началу XX в. густой сетью железных дорог покрылась вся Западная и Центральная Европа, четыре железнодорожные магистрали соединили Восточное и Западное побережья США, а пятая строилась в Канаде, завершалось строительство Транссибирской магистрали в России, разворачивалось строительство железных дорог в Азии и Латинской Америке. На морском транспорте во

второй половине XIX в. парус заменяется паровой машиной, а в конце века — двигателем внутреннего сгорания. Расписания морских перевозок начинают напоминать железнодорожные: возможное опоздание судов измеряется уже не неделями и днями, а часами и минутами. Телеграфные провода соединили все крупные города, телеграфные кабели были проложены по дну Индийского и Атлантического океанов. Теперь уже не нужно было неделями ждать почты, чтобы, например, узнать цены на строевой лес в Оттаве или на овечью шерсть в Сиднее. Весь этот комплекс перемен означал переход к новому состоянию мирового хозяйства — к началу XX в. сложился *единый мировой капиталистический рынок*.

Именно этот единый мировой рынок становится объектом дележа между крупнейшими монополистическими объединениями. Например, в европейском и ближневосточном секторах рынка электротехнических изделий преобладала продукция группы ведущих германских компаний, а в американском и дальневосточном — продукция «Дженерал электрик» из США. Мировая добыча и переработка нефти были также поделены ведущими европейскими и американскими монополиями, между которыми шла острая конкурентная борьба — так называемые «керосиновые войны». Всего к началу Первой мировой войны на мировом рынке действовало уже более ста международных союзов и объединений монопольного типа, приступивших к активному его разделу. С началом дележа процесс этот уже нельзя было остановить, ибо соотношение сил и число участников борьбы за сырьевые ресурсы, рынки сбыта, квоты производства на отраслевых и региональных рынках и т.п. постоянно изменяются, но так или иначе набирала силу монополизация единого мирового рынка. Таким образом, формирование единого мирового рынка и начало борьбы за его раздел ведущими монополиями составляют еще одну отличительную черту новой эпохи.

Борьба за ресурсы и колонии, завершение территориального раздела мира. Переход к монополистическому капитализму резко обострил проблему источников сырья. Дело заключалось не только в том, что потребность в нем возрастала, борьба за него усиливалась развитием капиталистического производства. Монополиям для укрепления своего положения, преодоления попыток подорвать его нужно было прибрать к рукам сырьевую базу своего производства, и не только своего, потому что сырье может быть использовано для изготовления иной, конкурирующей продукции. Отсюда стремление монополий овладеть всеми возможными источниками сырья, известными и неизвестными, захватить как

потенциально содержащие его территории, так и просто любые территории. Это побуждало к превращению все новых и новых земель в колонии, ибо только владение колониями способно гарантировать от проникновения конкурентов, т.е. обеспечить *монополию* собственности на ту или иную территорию.

Весьма острой становится и борьба за сферы приложения капитала. Массированный его вывоз все больше сокращал пространство Земли, свободное для его приложения. Между тем вывоз капитала превратился при монополистическом капитализме в насущную необходимость. Монопольная власть колониальных империй ограничивала свободный доступ капитала к значительной части планеты. Так, стоявшая на первом месте по колониальным владениям Англия размещала половину вывозимых ею капиталов в пределах Британской империи.

В результате и иные, «обделенные» державы в конце XIX в. развернули соперничество и борьбу за создание собственных колониальных империй. К этому побуждали не только экономические причины. Политика и идеология финансового капитала, реализующие и освящающие его экономическое господство, самостоятельно тоже вели дело к созданию и расширению колониальных империй. В том же направлении срабатывало и стремление дать таким образом выход вовне недовольству масс, которое скапливалось внутри. «Империя есть вопрос желудка!» — провозгласил известный колонизатор юга Африки англичанин Сесил Родс. «Колониальная эпидемия» — поиск «места под солнцем», «жизненного пространства», благодатных условий для самореализации «белого человека», националистический эгоизм и махровый шовинизм под лозунгами: «Правь, Британия, правь на морях!» или «Германия превыше всего!» — охватила весьма широкие слои населения, не только имущие, но и неимущие.

Конец XIX в. ознаменовался бурной колониальной экспансией, слово «империализм» стало массово-употребительным. За последнюю четверть века европейскими державами были расхвачены последние «незанятые» земли в Азии и Африке. Столкновение колониальных амбиций не раз приводило в эти годы к международным кризисам (см. гл. 8).

В итоге в рассматриваемый период произошло расширение колониальных владений более чем в полтора раза. К 1914 г. Франция, Германия, США и Япония, за 40 лет до этого не имевшие или почти не имевшие колоний, захватили территорию, примерно в полтора раза большую, чем Европа, с населением почти в 100 млн человек. Сложилась мировая колониальная система, в основе которой — монопольное обладание огромными территориями земного шара немногих великих держав.

Но колониальные империи составляли лишь широкое основание сформировавшейся «пирамиды зависимости». Между статусом полностью зависимых от метрополии колоний и венчавшим «пирамиду» независимым положением великой державы сложилась целая «лестница» переходных форм. Свое место на этой «лестнице» заняли и такие страны, как, например, Аргентина, вместе с другими латиноамериканскими странами уже освободившаяся в первой трети XIX в. от колониального ига, но находившаяся в полной финансово-экономической зависимости от европейского монополистического капитала, и такие государства, как Португалия, сама обладавшая обширными колониальными владениями, но одновременно экономически и политически во многом зависящая от Англии. Ближе к вершине «пирамиды» располагалась имевшая высокие темпы экономического развития Российская империя с ее огромными внутренними ресурсами и территориями, несущая в себе самую иерархию подчиненности между центром и окраинами, но во многом зависимая от иностранного капитала. Ближе к подножию «пирамиды» находился Китай, величина территории и населения которого делали невозможным захват его какой-либо одной, пусть даже самой мощной державой, а потому разделенный соперничавшими колонизаторами на «сферы влияния».

По сути подобная «пирамида зависимости» была сродни уже рассмотренной выше системе экономического господства финансового капитала, когда крупная компания через систему «дочерних» и «внучатых» обществ контролирует гигантские производственные мощности и материальные средства. Сходным образом в начале XX в. четыре державы — Англия, Франция, Германия и США — фактически заняли монопольное положение в мире, контролируя через систему прямой и опосредованной зависимости всю территорию земного шара. На нем больше не было «бесхозных» земель (не считая, конечно, Антарктиды), а это означало, что процесс территориального раздела мира *завершился*. В отличие от экономического раздела мира, где новое качественное состояние возникает с началом процесса, именно *окончание* конкурентной борьбы и установление монополии колониальных владений знаменует новое качество распределения ресурсов и территорий.

Подорвать монопольное господство финансового капитала, финансовой олигархии каждого из государств, завершивших раздел мира, занявших определенное место в мировой системе капиталистического хозяйства, теперь уже нельзя было захватом

новых земель. Но этого можно было добиться путем *передела* колоний, сфер влияния, зависимых стран на путях войны.

К переделу и войнам подвели изменения в соотношении сил между финансовыми капиталами разных стран. Технический прогресс начала XX в. осуществлялся в них неравномерно: в Германии, США, Японии, России гораздо быстрее и интенсивнее, чем в Англии и Франции. В результате борьба за завершение раздела мира перерастала в конфликты и войны за его передел, вела к гонке вооружений, милитаризации общественной жизни. Притом в такой злобешней динамике общественной жизни, как и в «колониальной эпидемии» предшествовавших лет, обнаруживались не только стремление и способность финансового капитала той или иной страны использовать силу «своего» государства. Большую роль играло также умение представить подобный ход событий осуществлением национальных интересов, чаяний всего народа. Весьма широкие его слои оказывались втянутыми в националистическое противостояние, милитаристский бег наперегонки, ведущие к разрушительным войнам, истинную цену которых даже их организаторы были неспособны себе представить.

Соотношение монополии и конкуренции. Монополии и технический прогресс. Господство монополий сменило в начале XX в. господство свободной конкуренции, но она не исчезла, монополизация не могла быть и не стала абсолютной. Основная масса товаропроизводителей продолжала существовать, развиваться на основе свободной конкуренции и даже пытаться в ее русле конкурировать с монополистами. Больше того, с использованием сил государства делались попытки ограничить возможности монополий путем антимонопольного законодательства.

Методы обогащения финансового капитала, финансовой олигархии оставались особыми, исключительными. В большинстве своем капиталисты и мелкие товаропроизводители действовали на основе приемов и методов, свойственных домонополистическому, а не монополистическому капитализму. Отношения свободной конкуренции и монополистического господства сосуществовали, взаимодействовали, переплетались, делая всю экономическую ситуацию более противоречивой, конфликтной.

Внутренне конкурентным, противоречивым, конфликтным было и само монополистическое господство. Образование монополии — это определенный момент в конкурентной борьбе. Участники монополистического сговора, объединения приходят к его оформлению в результате взаимной конкуренции и вынужденного компромисса, который фиксирует место и роль каждого из них в монополии сообразно с реальным соотношением их сил. В

соответствии с ним распределяются разные по качеству и объему рынки сбыта, квоты в допустимом общем объеме производимой продукции, права и возможности решать вопросы совместной производственной деятельности. Такое компромиссное соглашение, подкрепляемое санкциями за его нарушение, ставит преграду на пути конкурентных стремлений и проявлений внутри монополистического объединения, но не ликвидирует их, тем более что оно отражает лишь определенное соотношение сил, которое не остается неизменным.

Кроме того, конкурентная борьба разворачивается между монополиями в одной и той же отрасли (ибо обычно в ней возникает не единственное монополистическое объединение); между монополиями связанных между собой отраслей (сырьевых, перерабатывающих сырье, изготавливающих конечный продукт); между монополиями, занятыми разными, не связанными между собой видами производства, но поставляющими продукцию, могущую удовлетворить одни и те же потребности людей, взаимозаменяемую в потреблении. Все это происходит не только на внутреннем, но и на мировом рынке. Конкурентная борьба монополий с использованием громадной мощи и возможностей ее участников становится особо разорительной и разрушительной. Она может вести и к межмонопольным соглашениям, объединениям, в том числе и международным.

Конкурентная борьба в условиях монополистического капитализма, усложненная соединением двух противоречивых начал — монополии и свободной конкуренции, возведенная в степень монополистической силой и громадными возможностями ее участников, оказывает противоречивое воздействие на технический прогресс. Прежде всего она усиленно стимулирует его как основную базу укрепления позиций монополистического объединения, возможностей побивать конкурентов и обеспечивать себе сверхприбыли за счет сокращения издержек производства, и даже в том случае, если конкурентная борьба побуждает к снижению цен. Монополии стремятся монополизировать и технический прогресс, концентрируя в своих руках новейшие его достижения, творческие людские силы, способные его обеспечивать, необходимые для этого материальные ресурсы.

Начало XX в. показало, что промышленные монополии сосредоточивали в своих руках первоклассную технику, лаборатории и проектные службы для ее разработки, в чем им помогали и банковские монополии, обеспечивая собственные изыскания технических новшеств и снабжая ими промышленников в ходе сотрудничества и сращивания с ними. Дело не ограничивалось

чисто техническими новшествами. Для того чтобы сделать производство максимально эффективным и конкурентоспособным, осуществлялись разработка и внедрение все более совершенных методов его организации с использованием результатов научных исследований. Примерами этого могут служить тейлоризм — система организации труда и управления производством, обеспечивавшая научно обоснованное совершенствование приемов работы, систем учета и контроля рабочего времени, и фордизм — система организации конвейерного поточно-массового производства, резко повышавшая выпуск продукции. Обе системы были построены на резком повышении интенсивности труда, они вошли в число «потогонных систем», быстро изматывавших и обессиливавших рабочих. В то же время они несли в себе научно-технические достижения, которые могли быть использованы не во вред, а на пользу трудящимся.

Однако монопольное господство выступает и как сила, тормозящая технический прогресс. Благодаря той же конкурентной борьбе монополии по-разному относятся к получению новейших научно-технических достижений и их внедрению в производство. Первое для монополий, безусловно, важно, второе — обусловлено тем, как оно скажется на уже имеющихся у них позициях, на той производственной базе, которую они уже используют. Если нововведение может их обесценить или подорвать, то главное — овладеть новшеством, перекрыть путь к нему конкурентам и упрятать «под сукно». К тому же если хотя бы на время устанавливаются монопольные цены, то в известной степени стремления к нововведениям ослабевают.

В целом в начале XX в. капиталистическое производство быстро развивалось. По сравнению с 1890 г. промышленное производство выросло к 1900 г. более чем в два раза, а к 1913 г. — без малого в четыре.

Таковы были основные проявления новой роли монополий в хозяйственной жизни начала XX в. Они знаменовали становление нового качественного состояния капиталистического способа производства — *монополистического капитализма*.

С развитием монополистического капитала были связаны изменения в формах собственности. Индивидуальную капиталистическую собственность стала теснить коллективно-капиталистическая, чему способствовало развитие акционерного капитала. В результате в числе собственников-акционеров оказались и члены общества, которые по своему основному положению и роли в нем капиталистами не являлись, в том числе и наемные работники. Изменения происходили и в стане собственников-капиталистов.

Они зачастую отделялись от непосредственного участия в делах предприятий и банков, управление которыми становилось сферой деятельности менеджеров.

При этом происходили существенные изменения в системе экономических, производственных отношений. Если прежде они выражались в свободной конкуренции, то теперь ее теснили отношения монополистического господства, зависимостей, насилия, что находило проявление в новых отношениях в монополизируемых производстве, банковском деле, в функционировании финансового капитала и финансовой олигархии, в преобладании вывоза капитала и т.д. Соответственно изменялись формы, пути, методы, объемы получения капиталистической прибыли в виде монопольной прибыли.

С развитием монополистического капитализма связаны изменения и в механизме функционирования всего капиталистического хозяйства. Наряду и вместо стихии его рыночного регулирования набирала силу тенденция к планомерности. Она уже не ограничивалась рамками отдельных предприятий, объединений, она включала в сферу своего действия значительные и решающие части производства и сбыта продукции. С использованием монополизируемой банковской системы в сфере функционирования финансового капитала осуществлялось сознательное регулирование общественного производства, обращения, потребления. Все это форсировалось расширением и углублением взаимосвязей и взаимозависимостей во всей хозяйственной жизни, приобретающей тем самым все более общественный характер.

К этому вели и монополизация производства и банковской системы, перешагнувшая уже границы отдельных стран, и возникновение финансового капитала, распространявшего сети своего господства, связей и зависимостей по всему земному шару, и то, что сложился единый мировой капиталистический рынок, и то, что практически все ранее свободные территории на Земле оказались включенными в рамки единых конгломератов — колониальных империй, в общую колониальную систему империализма.

И хотя мир не приобрел монополистическую одноликость, старый, домонополистический, и новый, монополистический, капитализм соединились в своем сосуществовании. Появление и утверждение последнего означало существенную перемену в капиталистическом способе производства.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННИКОВ

Становление и развитие монополистического капитализма в начале XX в. в Западной Европе и США, новая роль монополий в хозяйственной жизни породили обширнейшую литературу, посвященную этим процессам. С позиций разных теоретических школ и политических направлений многопланово изучалась и освещалась конкретика происходящего. Ее стремились осмыслить или во всяком случае интерпретировать не только применительно к настоящему, но и по отношению к преодолеваемому им прошлому и в перспективе на будущее. Широкое распространение получил термин «империализм». Он стал употребляться и для обозначения захватнической политики, экспансии как одного из возможных видов внешней политики, и как характеристика политики, свойственной новой стадии капитализма, и как обозначение этой стадии вообще в качестве «империалистической стадии», или эпохи, стадии империализма.

Наибольшую значимость осмысление новой стадии капитализма — империализма — получило в работах не апологетов происходящего, а, как обычно, авторов, критично его анализирующих. В первую очередь это был Дж.А. Гобсон и ряд исследователей из рядов социал-демократии того времени.

Дж.А. Гобсон (1858—1940), тогда британский либерал, а позднее лейборист, исследовал новые процессы развития капитализма в своей книге «Эволюция современного капитализма» (1894), во многом переписанной заново для издания 1906 г. и дополненной обширным разделом в издании 1916 г. Однако наиболее известной стала его книга «Империализм» (1902). В ней, будучи принципиальным сторонником фритреда и противником империалистической экспансии, он дал наиболее обстоятельное и критичное рассмотрение «современного империализма» конца XIX—начала XX в.

Гобсон считал, что этот «агрессивный империализм» в отличие от прежнего колониализма — политика территориальных захватов или удержания силой своих сфер влияния. Притом на место стремления создать единую могучую империю пришли теория и практика соперничающих империй, стремящихся к политической экспансии и коммерческой наживе, с преобладанием интересов не торговых, а финансовых, размещения капитала. Соответственно Гобсон уделял значительное внимание опровержению оправдания империализма различными доктринами, противостоял попыткам его «научной защиты».

В империализме Гобсон усматривал результат «огромного роста сбережений, ищущих выгодного помещения», связывал его с процессами концентрации производства и образования монополий. Проведение империалистической политики, по его словам, определяется стремлением промышленных, торговых и финансовых монополий обеспечить себе за счет государства и при его помощи особые рынки для избыточной массы своих товаров и капиталов. По мнению Гобсона, империалистическая экспансия не является неизбежной, ибо мешает поглощению товаров и капиталов внутри страны не прогресс промышленности, а плохое распределение доходов. Экономически империализм коренится в «избыточных сбережениях» за счет монопольной прибыли, ренты и других «исключительных», непроизводственных, нетрудовых доходов. В результате в экономике капитализма важнейшим фактором становится вывоз капитала, доходы от него многократно превышают прибыли от внешней торговли, открываются перспективы не только эксплуатации других стран, но и вмешательства в их политическую жизнь.

Особое внимание Гобсон уделял монополистическому финансовому, т. е. денежному капиталу. Речь у него шла о «финансовых королях», «крупных банкирских домах» и их «космополитической организации», которые обычно могут фактически контролировать бизнес, куда вкладывают деньги, от них зависит всякий крупный политический акт, они могут управлять всей международной политикой. Их главное дело, считал Гобсон, крупные спекуляции на денежном рынке. Именно «спекулянты и финансовые дельцы... являются самым серьезным, единственным в своем роде фактором в экономике империализма».

Всесильные финансовые дельцы составляют «центральную руководящую и направляющую силу» империализма, с которым, как показывал Гобсон, отождествляют свои интересы и иные капиталисты. Большинство их представителей пользуются от этой политики выгодой в виде доходов и должностей, связанных с нею расходов на военные нужды, на армию и государственный аппарат. К ним примыкает также «большая группа лиц торговых и свободных профессий», ищущих прибыльных дел и занятий. «Те же самые мотивы действуют и у некоторых определенных разрядов рабочих», ибо самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов.

Экономические мотивы с некоторой примесью идеализма, по наблюдениям Гобсона, «создают корыстный уклон в сторону империализма во всех образованных классах... с особой силой проявляются в военных, духовных, академических и чиновничьих кругах». Осуществление империалистической экспансии дает воз-

возможность выдвинуться энергичным людям, любителям приключений и неудачникам. Открываемое таким образом новое поле для человеческой деятельности, считал Гобсон, является могучей движущей силой империализма, а увлечение территориальной экспансией может быть даже искренним, питаемым чувством патриотизма.

Гобсон отмечал, что отношение масс к войне принимает форму джингоизма (от «джинго» — клички британских воинствующих колонизаторов, империалистов, шовинистов), становящегося «душой особого рода патриотизма, который может подвигнуть на какое угодно безумие или преступление».

«Финансовые заправилы» стремятся обеспечить империалистическому курсу сочувствие и даже активную и восторженную поддержку всего народа отчасти призывами исполнить высокую «цивилизаторскую миссию», а главным образом игрой на примитивных инстинктах. Империализм, подчеркивал Гобсон, отвлекая энергию народа от внутренней политики к внешней, основан на упорном извращении действительных фактов, на сокрытии движущих им сил, которые действуют через партии, прессу, церковь, школу, при поддержке академической науки. Но самая серьезная опасность империализма, по словам Гобсона, заключается «в современном умонастроении народа, который приучил себя к... обману и сделался неспособным к самокритике».

Все это, как фиксировал Гобсон, способствовало развитию «процесса империализации», совершавшегося и экстенсивно — как «территориальное расширение», и интенсивно — как усиление власти метрополии над сферами влияния и протекторатами. Он делал вывод и о возможных конфликтах, вооруженных столкновениях за передел уже захваченного, предостерегал, что империализм не только требует поддержки милитаризма с его огромными расходами, но и «сулит разорительные войны в ближайшем будущем».

Обобщая характеристику воздействия империализма на общественную жизнь, Гобсон, приводя многочисленные доказательства, отмечал «его органическую склонность к безграничной олигархии в области политики и к паразитизму в области экономики». Он акцентировал внимание на опасности «возникновения самоуправной международной олигархии, которая под маской «цивилизации» приучилась бы жить, паразитируя на низших расах, перекладывая на них «ради их собственного блага» самую тяжелую и грязную работу в промышленной области». Предупреждал, что объединение западных государств в форме «Европейской Федерации Великих Держав» «сможет создать чудовищную опасность паразитизма Запада», а законы развития «обрекают

паразита на атрофию, вымирание и полнейшее исчезновение», как было с Римской империей. Обращал внимание на опасность «современного империализма» и для будущности существующих империй, ибо он толкает их к развалу, отторжению колоний вместо образования с метрополией «федерации равноправных государств».

Вместе с тем Гобсон полагал допустимой «типичную форму современного империализма» в тех случаях, когда «организованное представительство культурного человечества» решает, что тем самым обеспечиваются не особые интересы осуществляющей империализм нации, а безопасность и прогресс мировой цивилизации одновременно с «улучшением и возвышением характера» туземного населения.

Отвергая империализм и его пагубные последствия, Гобсон считал, что со всем этим можно было бы покончить, лишь отняв «излишки нетрудовых доходов» и передав их либо рабочим — путем повышения заработной платы, либо через систему налогов — на государственные расходы, а в общем — для роста потребления. Осуществить такие преобразования он считал возможным путем социальных реформ, которых имущие классы зря «так боятся».

В этой связи Гобсон считал, что монополизация производства при всех своих негативных последствиях «прокладывает вместе с тем дорогу и облегчает дело социального контроля». Пройдя «постепенно его фазы», производство, ориентирующееся на обычные потребности, превратится в общественное. Такую «растущую социализацию индустрии нужно рассматривать как естественное приспособление общества к новым условиям машинного производства».

Поскольку на пути социальных антиимпериалистических реформ стоит власть империалистических сил, подчиняющих себе правительственный аппарат, она «может быть парализована, — по мнению Гобсона, — только политикой, руководимой народом и в интересах народа, осуществляемой через его представителей, над которыми он может действительно осуществить свой контроль», хотя способность народа создать подобную демократию Гобсон полагал сомнительной.

В противоположность развивающемуся империализму Гобсон отстаивал прежний, фритредерский курс, надеясь, что «народы, перестав соперничать пушками и тарифами, будут соперничать своими чувствами и идеями». Он считал вполне возможным возникновение еще при жизни будущего поколения «такого международного единения капитала, которое сделает войны между западными народами совершенно невозможными». К этому могло, по его мнению, привести то, что «современная наука

милитаризма делает войны между «цивилизованными» державами чересчур дорогостоящими», и к тому же «международная кооперация» среди финансовых и крупных промышленных магнатов, оказывающих все большее влияние на политику своих государств, быстро активизируется, чему может способствовать и совместное «участие в эксплуатации великого Востока».

В надеждах и упованиях Гобсона было мало реального для начала XX в. Вместе с тем содержащийся в его трудах экономический, политический, социологический, идейно-теоретический, культурологический анализ, развернутое описание и характеристика основных черт, особенностей империализма того времени создали базу для последующих работ об империализме, капитализме, тенденциях дальнейшего общественного развития.

Основополагающее место в мировой литературе начала XX в. о новой стадии развития капитализма занимал фундаментальный труд **Р. Гильфердинга (1877—1941)**, одного из самых известных в социал-демократическом движении экономистов, придерживавшегося умеренных взглядов. Книга «Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма» (1910) была в основном закончена им уже в 1905 г.

В своем исследовании Гильфердинг стремился дать научное объяснение «экономических явлений развития новейшего капитализма». Его характерной особенностью он считал «те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в «уничтожении свободной конкуренции» посредством образования картелей и трестов, а с другой — во все более тесной связи между банковским и промышленным капиталом», благодаря чему «капитал... принимает форму финансового капитала» — «наивысшую... форму проявления капитала». Складывается господство финансового капитала.

Проблематика эта вписана Гильфердингом в широкие рамки экономического исследования, включающего теорию денег и кредита, теорию экономических кризисов, в особенности в связи с развитием монополий, рассмотрение влияния происходящего на экономическую и политическую структуру капиталистического общества. Специально проанализирована политика финансового капитала (империализм) и историческая тенденция финансового капитала к социализму.

Идя в своем исследовании от рассмотрения денег, их обращения и кредита, роли банков, Гильфердинг обстоятельно, детально анализировал такой институт, как акционерные общества, новые пути их обогащения, в том числе контроль над чужим капиталом и распоряжение им. Гильфердинг обращал внимание на происходившие в этой связи перемены в отношениях собствен-

ности, которая, по его оценке, все более «отрешается от всякого отношения к производству».

Одну из принципиально новых особенностей происходящего в экономике Гильфердинг усматривал в новой роли банков, на базе которой и развивается финансовый капитал — «капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками». Соответственно «капиталистический магнат, финансовый капиталист все более объединяет в своих руках власть над всем национальным капиталом... присваивает себе плоды общественного производства». Возникает «финансовая аристократия», которая объединяет в личной унии хозяев промышленности и банков.

В «Финансовом капитале» детально исследовалась монополизация производства как исторический процесс на основе его концентрации; рассматривались формы монополий, их эволюция; анализировалась проблема «монополии и конкуренция», воздействие развития монополий на анархию производства. Гильфердинг считал, что монополии в состоянии ее ограничить, но хотя может быть достигнуто регулирование производства в отдельных отраслях, не уничтожается анархия производства в целом. Монополии не в состоянии воспрепятствовать возникновению кризисов, но могут их модифицировать и переложить связанные с ними тяготы на немонополизированные отрасли промышленности.

С процессами монополизации, по мнению Гильфердинга, связаны и изменения в вывозе капитала, их возможность и необходимость. Он специально анализировал сущность и формы вывоза капитала, последствия для стран его вывозящих и ввозящих, политику финансового капитала на присваиваемых им «хозяйственных территориях», связанное с этим обострение национального гнета. Рассматривал Гильфердинг и государственную политику повсеместного «вмешательства, чтобы весь мир превратить в сферу приложения своего финансового капитала». Он особо выделял «идеологию империализма», характерную тем, что «финансовый капитал хочет не свободы, а господства», в том числе по отношению к «своему» рабочему классу. «Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть, — подчеркивал Гильфердинг, — не свобода торговли, а только социализм». При этом выяснялись и трудности в реализации такой задачи, и новые возможности, появившиеся в «эпоху империализма».

В своем исследовании Гильфердинг показал, что «развитие финансового капитала в корне меняет экономическую, а вместе с тем и политическую структуру общества». Он подчиняет себе государство как непосредственно, так и путем подчинения ин-

тересов других классов своим интересам. «Финансовый капитал в его завершении, — гласил вывод Гильфердинга, — это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии». В то же время, считал он, происходит переход «в последнюю фазу капитализма», «это — ступень, непосредственно предшествующая социалистическому обществу».

Господство финансового капитала, деятельность международных картелей, по мнению Гильфердинга, «доводит обобществление производства до той границы, которая вообще достижима при капитализме», «по своим общим тенденциям финансовый капитал означает установление общественного контроля над производством». Тем самым чрезвычайно облегчается «преодоление капитализма», ибо созданы «последние организационные предпосылки социализма», «достаточно, чтобы общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладело финансовым капиталом; это немедленно передаст ему распоряжение важнейшими отраслями производства», от которых «зависят все остальные». Из этого следовал вывод, что «овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и чрезвычайно облегчило бы первые шаги политики социализма в... переходный период». К тому же «вследствие захвата крупной промышленности» будет возможно в отношении крестьянского и промышленного мелкого производства осуществить «постепенное обобществление, ускоренное теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом».

Гильфердинг считал, что финансовый капитал облегчает переход к социализму и в политическом отношении, ибо империалистическая политика «неизбежно толкает пролетариат на путь самостоятельной классовой политики», приводит к сознанию, что «завоевание политической власти пролетариатом составляет его ближайший личный интерес». Империалистическая политика, по мнению Гильфердинга, восстанавливает против империализма и те социальные слои, которые его поддерживали. Она «необходимо ведет к военным осложнениям, а следовательно, и к тому, что разразятся революционные ураганы», к катастрофе капитализма. «Причем дело идет о политической и социальной, а не об экономической катастрофе, — представление о последней вообще нельзя признать рациональным...» Гильфердинг отстаивал необходимость противопоставить империалистической политике постоянную борьбу рабочего класса, которая ведет к тому, что «в революционный период», «в мощном столкновении враждебных

интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата».

«Финансовый капитал» получил признание как дальнейшее развитие идей «Капитала» К. Маркса применительно к прошедшему после него полувековому периоду развития, как книга, помогающая основательно разобраться в сложных явлениях и тенденциях экономики начала XX в.

В ряду ученых, глубоко анализировавших новую стадию в развитии капитализма, пришедших к важным результатам, был и видный польский революционер, работавший в рядах германской социал-демократии, **Юлиан Мархлевский (1866—1925)**, выдающийся экономист и публицист.

Независимо от Гильфердинга он исследовал ряд вопросов монополизации производства и банковского дела, роль банков в промышленности, установление в хозяйственной жизни альянсов промышленных монополий с «банкократией», причем во главу угла поставил изменения, происходившие в производстве. Примечательно, что рассматривая «эпоху империализма», когда «капитализм достиг высшей стадии своего развития», Мархлевский происходившее характеризовал «очень сильными изменениями внутренней структуры капиталистических отношений производства и собственности». В предвоенные годы Мархлевский подчеркивал, что самым ходом событий «борьба с империализмом все более перерождается в решающую борьбу между капиталом и трудом».

Империализм как новую стадию в развитии капитализма выделял и немецкий социал-демократ **Генрих Кунов (1862—1936)**, известный историк, социолог, этнограф, экономист. Он писал, что империализм — «исторически-хозяйственно обусловленная фаза развития капитализма», «новая хозяйственная эра финансового капитала», но одновременно он рассматривал также «империализм как политику финансового капитала».

Кунов видел в империализме «исторический предварительный этап осуществления социализма», когда создаются определенные организационные предпосылки социалистического способа хозяйства. Однако та «новая, финансово-капиталистическая эра хозяйства», которая только и «создает предварительные условия для социализма», лишь начинается; с его точки зрения, «скорее мы стоим перед новым более высоким периодом капитализма, который, вероятно, будет продолжаться многие десятилетия и породит новые капиталистические экономические образования». Из этого положения следовал вывод, что нужно воспринимать империализм как новый шаг в истории и не создавать борьбой с ним «культ иллюзий».

К новым явлениям в развитии капитализма конца XIX — начала XX в. неоднократно обращалась и **Роза Люксембург (1870—1919)** — выдающийся представитель социалистической мысли, польского и германского революционного рабочего движения, II Интернационала. В ее поле зрения были и процессы монополизации производства, вывоза капитала и особенно «мировой политики», т.е. империализма.

Р. Люксембург тоже исходила из того, что имеет место особый «период», «стадия», «фаза» в развитии капитализма, но не рассматривала ее в целом. Объектом анализа был «современный империализм», понимаемый как распространение господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и хозяйственная, а также политическая конкурентная борьба этих стран из-за подобных областей. Империализм стал, как фиксировала Р. Люксембург, «решающим и господствующим фактором общественной жизни». Соответственно у нее речь шла об «империалистической фазе» в развитии капитализма. Научное объяснение империализма и его противоречий Р. Люксембург и считала одной из центральных задач своей книги «Накопление капитала (К вопросу об экономическом объяснении империализма)» (1913), дополнением к которой стала «Антикритика» (1916).

Р. Люксембург стремилась «установить подлинный корень больших и сложных комплексов явлений империализма». Ключом к этому, по ее мысли, должно было послужить исследование объективных законов накопления капитала, то есть прогрессивно-го расширения и развития капиталистического производства.

Р. Люксембург считала, что корни «современного империализма» обнаружатся при исследовании капиталистического расширенного воспроизводства (накопления капитала) во всемирном масштабе, включая в объект рассмотрения и некапиталистическую среду. «...Капиталистическое накопление для своего движения, — утверждала она, — нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду», которую оно же само разрушает, превращает в капиталистическую, устанавливая тем самым свои исторические границы. Империализм, по определению Р. Люксембург, является «политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды». Исходя из этого, она отвергала такое «объяснение империализма», когда утверждается, что «капитализм мыслим и без экспансии», считала империализм органично связанным с «последней фазой капиталистического развития».

Таким образом, исследование проблемы империализма вписывалось у Р. Люксембург в более широкую проблему накопления капитала и, более того, в проблему историчности всего развития капитализма, приводило к выводу, что «всобщей тенденцией и конечным результатом» процесса накопления капитала является установление «абсолютного и безраздельного господства капиталистического производства во всем мире». Таково, полагала она, «объективный предел» развития капитализма. Вместе с тем речь шла не об «автоматическом крахе капитализма», ибо такой «предел... не может быть достигнут» (вообще «ни один из предшествовавших периодов исторического развития не мог развиваться до своего логического конца»), поскольку «накопление капитала представляет собой не только экономический, но и политический процесс».

Речь шла о том, что империализм не только связывает «водино современное мировое хозяйство», создавая «историческую основу социализма», но и делает «заключительную фазу капитализма периодом катастроф». История накопления капитала на мировой арене все больше превращается «в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления». «Народоубийственный» империализм «ставит под вопрос все культурное существование человечества». Поэтому, делала вывод Р. Люксембург, «восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью даже еще раньше, чем оно наталкивается на свою естественную», им же самим созданную границу.

Невозможность накопления капитала без некапиталистической среды, из чего исходила Р. Люксембург, была лишь «мыслью», но не реальностью. Однако ее творческий поиск расширял горизонты анализа механизмов монополистической стадии развития капитализма, давая новый подход к изучению взаимосвязи внутренних процессов, происходящих в колониальных странах, с империалистическим «проникновением» в эти страны. Вывод Р. Люксембург о решающей значимости происходящих в них процессов для развития капиталистической системы был новаторским для ее времени и сохранил свою актуальность.

Наиболее авторитетный социал-демократический теоретик периода II Интернационала **Карл Каутский (1854—1938)** в своих трудах неоднократно обращался к проблемам капитализма того времени, его «позднейшей фазы развития». О важнейших явлениях, процессах в развитии монополистического капитализма, о том, что «помимо... поли и сознания» капиталистов «создаются

условия социалистического производства», речь шла в его книге «Путь к власти» (1909). И впоследствии Каутский, отмечая связанную с усиливающейся монополизацией и возрастанием значения государственной власти «эластичность и приспособляемость производства», делал вывод, что в этом сказывается не растущая жизнеспособность капиталистического способа производства, а то, что «он все более приближается к формам производства, характеризующим социалистический способ».

Обращаясь к проблемам империализма, К. Каутский тоже связывал его с процессом накопления капитала. Он считал, что ранее не обращалось внимание на различие ролей, которые играют в этом процессе сельское хозяйство и промышленность, и на последствия, возникающие таким образом в мировом хозяйстве. Несоответствие двух сфер, по мысли Каутского, создает такие препятствия в накоплении капитала, в развитии капитализма, как дороговизна и перепроизводство. В результате формируется «стремление к созданию крупной мировой империи, аграрные области которой должны быть достаточно велики, чтобы принять излишек капитала метрополии и использовать его в ее интересах», оно и называется империализмом. В этой связи «исторические корни империализма» стали усматриваться Каутским в необходимости для страны с высокоразвитой промышленностью помешать превращению аграрной области в промышленную, что и объясняет стремление окончательно присоединить ее в виде колонии или подчинить своему влиянию, дабы «заставить ограничиться производством исключительно сельскохозяйственных продуктов». Отмечая, что финансовый капитал является «отличительным свойством империализма», Каутский указывал и на еще один признак последнего: «Вывоз товаров принимает... иной характер» как вывоз «средств производства, служащих капиталом за границей», для освоения аграрных областей.

Каутский отстаивал ту точку зрения, что империализм для капитализма не является «экономической необходимостью». Он возражал против таких взглядов, когда «под империализмом стали подразумевать все, что характеризует новейшую фазу развития капитализма, как-то: картели, покровительственные пошлины, господство финансового капитала, а также колониальную политику. Если понимать империализм именно так, то капитализм без него не может существовать». Между тем «агрессивная политика империализма» из всех «современных методов капиталистической политики расширения» не наиболее действенная, но наиболее дорогостоящая и опасная. В противоположность ей Каутский считал возможным и при существующих условиях заставить капиталистов «поискать других путей для увеличения прибыли и облас-

ти экономической эксплуатации», роста вывоза промышленной продукции, ввоза сырья и продовольствия. «Пусть они достигают этого не путем империализма, а... средствами демократии и свободного обмена продуктами». Решение проблемы оптимальной соразмерности и взаимосвязи промышленных и аграрных областей в мировом масштабе он оставлял на долю победившего социализма.

Каутский приходил к выводу, что, поскольку «из средства развития капитализма» империализм превращается в препятствие этому и угрозу «экономического банкротства» капитализма, возможно в его рамках преодолеть вражду между капиталистическими странами. Связанное с ней соперничество в вооружении «с *экономической* точки зрения... представляется необходимым не для капиталистов, а лишь для кругов, заинтересованных в вооружении». Оно вызывает сопротивление увеличивающемуся налоговому бремени, угрозу росту накопления капитала и, как должен понимать «каждый дальновидный капиталист», угрожает капиталистическому строю.

В годы Первой мировой войны К. Каутский попытался «взвесить, не может ли теперешняя империалистическая политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистической», которую будет проводить «интернационально-объединенный финансовый капитал», сообща эксплуатирующий мир. С «чисто экономической точки зрения, — полагал он, — не исключена возможность того, что капитализм пройдет еще через одну фазу. Система картелирования будет перенесена на внешнюю политику». То есть война, как и конкуренция, ведущая к картелю «финансовых королей», приведет к «союзу сильнейших» из империалистических держав, к фазе «сверхимпериализма», «ультраимпериализма».

По мнению Каутского, в данном аспекте представлялись возможными две перспективы. Либо война совершенно раздавит эти зачатки ультраимпериализма, делая неизбежной новую мировую войну, что обернется, в силу обострения классовых противоречий и дискредитации капитализма, его крахом. Либо война приведет к усилению зачатков ультраимпериализма, к опасному «священному союзу империалистов», но и к соглашению наций, разоружению, длительному миру — и приведет к этому скорее, чем в довоенное время. Тогда можно было бы рассчитывать на «эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма». Конкретный вариант ультраимпериализма усматривался Каутским в создании в «срединной» Европе «Соединенных Штатов Европы», к которым в дальнейшем присоединятся «Соединенные Штаты России», «Соединенные Штаты Великобритании» и так «вплоть до мирового союза».

Ход истории после Первой мировой войны (включивший в себя и катастрофически-конфликтный межвоенный период с его революционной составляющей, и Вторую мировую войну с ее всемирно-историческими последствиями, и возникновение термоядерной угрозы существованию человечества, и Европейское Сообщество, современные процессы интеграции и глобализации) свидетельствует о том, что сочетались и переплетались элементы обеих тенденций, отмечавшихся Каутским. То, что он обратил внимание на роль аграрных стран в мировом капиталистическом развитии, само по себе было важно. Однако абсолютизация такого подхода сказалась негативно при рассмотрении империалистической политики. В то же время фиксирование Каутским противоречивого, не однолинейного характера развития монополистического капитализма, империализма, было весьма значимо и перспективно.

Новая концепция империализма была создана **В.И. Лениным (1870—1924)**. Она впитала в себя как достижения предшествующих исследований и теоретической мысли, так и результаты его собственного изучения новой стадии развития капитализма. Написанная им по заказу в первой половине 1916 г. популярная, подцензурная брошюра «Империализм, как высшая стадия капитализма» была призвана помочь разобраться «в вопросе об экономической сущности империализма». Главным образом именно эта книга вместе с несколькими бесцензурными статьями и воплотила ленинскую концепцию империализма.

Империализм рассматривался Лениным как определенная ступень развития капитализма, взятая в целом. Империализм как политика, который Ленин тоже анализировал, рассматривался им в неразрывном единстве и взаимодействии с «изменением форм капитализма в новейшее время».

Империализм выступает у Ленина прежде всего как «система экономических отношений новейшего высокоразвитого, зрелого и перезрелого капитализма». За очевидными изменениями, происходившими в «новейшем капитализме» начала XX в., Ленин усматривал «то, что составляет основу... изменяющиеся общественные отношения производства». Они складывались в целую систему, проявлялись в «*основных экономических (производственных) чертах империализма*», тоже составляющих систему, в «пяти основных его признаках». «Империализм, — писал Ленин, — есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

В производстве выросшие на основе его концентрации промышленные монополии стали одной из основ всей хозяйственной жизни, произошли существенные перемены в производственных отношениях. «Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для “новейшей фазы в развитии капитализма”, — писал Ленин, — вот что... проистекло из образования всесильных экономических монополий». Отношения свободно конкурирующих предприятий перестали быть типичными не только внутри страны, но и в отношениях между странами.

Далее, финансовый капитал, который, по определению Ленина в отличие от Гильфердинга, есть «банковский капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников», «финансовая олигархия» налагают «густую сеть отношений зависимости» на всю массу «капиталистов и хозяйчиков», «на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества». Методы обогащения финансового капитала показывают, по словам Ленина, что, хотя капиталистическое товарное производство с его отношениями свободной конкуренции по-прежнему «царит», «на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются “гениям” финансовых проделок», причем финансовый капитал нескольких держав «раскидывает свои сети на все страны мира». В результате складывается «сумма отношений “раздела мира”», включающая в себя «звенья операций всемирного финансового капитала».

Среди них Ленин выделял вывоз капитала, который, став вместо вывоза товаров типичным и обеспечивая монопольное господство, давал возможность также особых «выгод», отражавших и то «своеобразие эпохи финансового капитала и монополий», когда «использование “связей” для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке».

Еще один пласт монополистических отношений империализма привнесло возникновение международных монополий — «сверхмонополий», по характеристике Ленина, и начатый ими экономический раздел мира. В результате «между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира».

Наконец, особый пласт в системе экономических отношений «новейшего капитализма» возник в силу того, что был закончен территориальный раздел мира, «капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью “передовых” стран гигантского большинства населения земли». Складываются межгосударственные отношения на почве

территориального раздела мира, «монопольного обладания территориями земли, поделенной до конца».

Таким образом, империализм как систему экономических отношений «новейшего капитализма» Ленин раскрывал через «связь и взаимоотношение *основных* экономических особенностей империализма». При этом выяснялось, что «смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма». И, следовательно, определялось изменение самой экономической сущности капитализма на новой его стадии. Одновременно учитывалась и специфика происходившего процесса в разных странах.

Империализм как монополистический капитализм существует, по мысли Ленина, наряду со свободной конкуренцией, в ее формально признаваемых общих рамках. Хотя он господствует, становится одной из основ хозяйственной жизни, но его система производственных отношений не является всеохватывающей. Империализм отличают черты «смеси свободной конкуренции с монополией».

Анализ принципиальных перемен в экономике служил Ленину базой для социального анализа. Он стремился выявить «объективное положение» классов в условиях новой стадии развития капитализма.

Ленинское раскрытие экономической сути капитализма начала XX в. давало основу и для политической его характеристики: «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом... является поворот *от* демократии к политической реакции». Однако империализм, подчеркивал Ленин, «не останавливает ... роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов». Он также считал важным учитывать, что «*иногда* прямо выгодно для трестов, для *их* империалистической политики... дать как можно больше демократической свободы» согласно особенностям империалистических политических и стратегических соотношений. На основе раскрытия общей проблемы «империализм и демократия» Ленин рассматривал и национальный вопрос в условиях империализма.

В ленинском анализе монополистической стадии развития капитализма специально акцентировалось внимание на том, что изменение в общественных отношениях производства происходит по линии возрастающего обобществления капиталистического производства: «Капитализм в его империалистической стадии... втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от

полной свободы конкуренции к полному обобществлению», в том числе по линии сознательного регулирования производства. «Самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала», периода, когда капитализм «вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства», Ленин считал обострение всех противоречий капитализма. Он анализировал разные их группы в экономике, политике, социальных отношениях.

Капитализм начала XX в. Ленин расценивал как «особую историческую стадию», когда «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». По мысли Ленина, особенность империализма как стадии «троякая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм».

В монополии Ленин раскрыл основную экономическую особенность империализма, конкретно проявляющуюся в пяти его основных экономических признаках.

Монополистический характер капитализма, конкретно — все его основные признаки и каждый в отдельности, как считал Ленин, обуславливают черты загнивания, паразитизма. В первую очередь здесь выступает монополизация производства. Но тенденция к застою и загниванию лишь «в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени... берет верх», а «в целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет». Обозначения других проявлений паразитизма и загнивания капитализма, упоминаемых Лениным (рост слоя рантье, вывоз капитала и иная эксплуатация колоний, политическая реакция по всей линии), как правило, взяты им из имевшейся уже литературы, но поставлены в связь с основными особенностями, признаками монополистического капитализма.

С ним, в первую очередь, а не только с характеристикой империализма как паразитического или загнивающего капитализма, органично связана и особенность его как «умирающего капитализма». Связь паразитизма и загнивания с умиранием общества, напомним, подчеркивал Гобсон. Ленин в трактовку «умирания» вносил иной смысл: *умирающий* капитализм — *переходный* к социализму. При объяснении, почему империализм — умирающий, переходный капитализм, он ссылаясь на то, что «монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализ-

ма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом... означает то же самое».

Переход капитализма в социализм, как считал Ленин, только начался и продолжаться может «сравнительно долгое... время». «Для социализма созрели *лишь* передовые страны запада и Северной Америки», — подчеркивал Ленин. Он обращал внимание и на разную культурно-историческую зрелость народов мира, которая не может не сказаться в ходе решения сложнейших конкретных задач борьбы за социализм. Тем более что «социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии.... Одни из этих преобразований будут начаты до свержения буржуазии, другие в *ходе* этого свержения, третьи после него». Осенью 1914 г. Ленин отмечал: «Может быть и еще полвека порабощения до социалистической революции».

Ленин не ставил своей задачей «всестороннее научное исследование империализма», которое «только начинается и..., по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще». Он отдавал себе отчет, что динамичная реальность новой фазы капитализма лишь с относительной точностью может получить отражение в научных определениях, необходимых для выстраивания концепции.

Вместе с тем разрабатывавшаяся Лениным концепция империализма при высоком уровне ее теоретической абстракции постоянно учитывала многообразие конкретных явлений и процессов. В этом она превосходила разработку той же проблематики видным революционным деятелем и талантливым обществоведом-теоретиком **Н.И. Бухариным (1888—1938)**, который посвятил ей свою статью «Мировое хозяйство и империализм» (1915), тогда же переработанную в книгу, увидевшую свет лишь в 1918 г.

Разработка вопросов новой фазы капитализма велась Лениным и Бухариным одновременно, но в разных аспектах: у Бухарина главным образом применительно к мировому хозяйству. В их кардинальных подходах и выводах было много общего, хотя подчас в своих теоретических положениях Бухарин абстрагировался от сложного и противоречивого сочетания и переплетения на новой ступени капитализма разных производственных отношений. Той же склонностью к чрезмерной абстракции объяснялись расхождения Бухарина с Лениным в понимании возможности «всеобщего мирового треста», процессов становления государственно-монополистического капитализма, которыми он занимался в ту пору более основательно и интенсивно, чем Ленин.

Проблему империализма как «определенной ступени развития наиболее высокоразвитого капитализма» Ленин рассматривал не только экономически, к чему в основном он был вынужден в своей брошюре об империализме, но и в политическом плане, с особым вниманием к процессам национальным, социальным, партийно-политическим (в центрах империализма и на его периферии), к взаимодействию освободительного движения на Западе и на «поднимающемся» Востоке. Он со всей резкостью выступал не только против того, чтобы «неоспоримый факт прогрессивности империализма по сравнению с полумещанским “раем” свободной конкуренции, неизбежности империализма и окончательной победы его в передовых странах» приводил к «апологетике империализма», но и против стремлений на том же основании делать выводы о невозможности и ненужности борьбы «за реформы и за демократию... ибо это “противоречит” социалистической революции».

Вместе с тем в ленинской концепции дает себя знать и огрубление, схематизация тенденций, процессов, происходивших в начале XX в., переоценка и абсолютизация одних тенденций в ущерб другим. Вариантность грядущей общественной жизни в трактовке Ленина оказывалась «усеченной», ограниченной. В этом сказались воздействие ряда факторов, связанных и с объективной обстановкой мирового развития начала XX в., его острой конфликтностью, катастрофичностью, и со стремлением противостоять попыткам затушевывать серьезность происходящего, обелить империалистические круги. Но проявлялся и определенный теоретический схематизм, увлечение исторической ретроспективой смены одного общественного строя другим, как она виделась на тогдашнем уровне знаний. Ограниченность в понимании вариантности «превращения капитализма», абсолютизация роли действия пролетарских революционных сил в свою очередь негативно сказывались на концепции империализма, на возможных практических выводах из нее.

Историческая судьба ленинской концепции империализма сложилась во многом неблагоприятно, хотя ей и было уготовано широчайшее распространение и признание. Она зачастую не воспринималась с учетом присущей ей глубины и комплексности в анализе особенностей капитализма начала XX в., затенялась вниманием лишь к воспроизводимым Лениным материалам.

Однако даже в том поверхностном, адаптированном виде, какой придавался ей при канонизации и популяризации книги Ленина об империализме, его концепция империализма оказала очень значительное влияние на мировое освободительное, в первую очередь революционное, движение. Она послужила также базой дальнейшей разработки проблем развития капитализма.

Глава 11

АНГЛИЯ в 1900—1914 гг.

Монополистический капитализм в довоенную эпоху. При всей противоречивости экономического положения Англии магистральными линиями развития ее хозяйства в предвоенную эпоху оставались прежние: дальнейший процесс монополизации и продолжающаяся тенденция утраты позиций в мировом масштабе. Стабилизация и даже некоторый подъем экономики в последние пять лет предыдущего века, после «великой депрессии», не были долговременными. Поразивший страну кризис 1900—1903 гг. вновь основательно потряс ее экономику, хотя и слабее, чем он проявился в других странах. Пострадали все отрасли: на 15% снизилось производство чугуна, особенно упало судостроение — на 22% и т.д. Тем не менее возникли и упрочились многочисленные объединения монополистического типа. В этом плане кризис 1900—1903 гг. имел значение рубежа в истории монополий и знаменовал утверждение в стране монополистического капитализма.

Процесс монополизации в Англии протекал по-прежнему медленнее, чем в США и Германии. Однако в начале века экономическую конъюнктуру страны определяли уже стойко укрепившиеся картели — по преимуществу в легкой промышленности, тресты — в металлургии, машиностроении, судостроении, концерны — в военном производстве. Паровозостроение в стране монополизировали 11 компаний, производство текстильных машин — 8 ланкаширских объединений, выплавку чугуна — 30 фирм. Степень господства монополий в отдельных отраслях была различной.

По своей структурной характеристике монополии делились на горизонтальные (объединяли однородное производство — например, ткацкое или прядильное) и вертикальные (объединяли горнодобывающее производство, металлургию, машиностроение). Уже в первое десятилетие появились серьезные исследования, как тогда говорили, «движения монополий» — труды экономистов: Г. Макроусти, П. Фицджералда, Г. Леви.

Кризисное состояние хозяйства сохранялось вплоть до преодоления депрессии, наметившегося к концу 1905 г. Еще более стимулировал процесс монополизации затяжной кризис 1907—1910 гг. Активно происходила монополизация тяжелой промыш-

ленности, железнодорожного, морского транспорта. В последние годы перед мировой войной особенно стали заметны монополии в новых отраслях — электротехнической, химической. В 1904 г. образовалась первая монополистическая фирма искусственного шелка, в 1906 г. — знаменитый «Роллс-Ройс», выпускавший автомобили и участвовавший в самолетостроении. Слабее шел этот процесс в старых отраслях — угледобывающей, текстильной.

Новостью было образование международных нефтяных монополий: в 1907 г. англо-голландской («Ройал датч шелл»), в 1909 г. — англо-иранской («Бритиш петролеум»). Достаточно быстро монополизировалась финансово-кредитная сфера. В ней постепенно выделились 12 мощных банков («Ллойдс», «Вестминстер» и др.). В стране несравненно активнее, чем прежде, множились акционерные общества. Все большую экономическую власть приобретал финансовый капитал. Объемный экспорт капитала направлялся главным образом в колонии. Среди всех монополий приоритетную роль играли по-прежнему колониальные. Монополистический капитализм в Англии обрел исторически сложившийся колониальный облик.

Общее экономическое положение Англии находилось все еще на высоком уровне. Она была богатейшей страной Европы, шла впереди по промышленному экспорту, по размерам зарубежных инвестиций, являлась мировым банкиром, владела могущественным флотом, огромной колониальной империей: на ее долю приходилось 57% всех колониальных владений. Величие страны начала века хорошо передано в офортах художника Фрэнка Брэнгвина, воспевавшего могучий английский флот, индустриальный город с его вокзалами, строящимися верфями, доками, мостами.

Однако в начале XX в. Англия окончательно лишилась промышленной гегемонии. Среднегодовой показатель прироста промышленной продукции красноречив — всего 2,1% (в США — 4,2%). К 1913 г. Англия обеспечивала лишь чуть больше 10% мирового производства стали и менее 13,5% чугуна. Газета «Дейли телеграф» утешала: «Исчезла только наша монополия. Осталось наше преобладание». Но и преобладание было весьма относительным. Страна вошла в полосу жестокой конкуренции. Пресса констатировала: «Германская конкуренция приобретает угрожающий характер», «США — самый мощный и решительный из всех конкурентов, с которыми Англии приходится сталкиваться». В Европе наиболее острый характер приобрела англо-германская конкуренция. В 1910 г. английский экспорт на европейский рынок составил порядка 155 млн ф. ст., германский — 281 млн ф. ст. На рынках Канады, Аргентины, Китая и других регионов Англию упорно теснили США, Германия, Япония.

Продукция этих стран успешно конкурировала с английской не только на внешних рынках, но и внутри страны. США и Германия стали ввозить в Англию металлы. Стоимость экспорта из Германии в Англию возросла в 1912 г. до 57 млн ф. ст., стоимость импорта английских товаров в Германию — лишь до 41 млн ф. ст. Примечательно и то, что германские банки впервые открыли свои отделения в Лондоне. Английские экономисты тщетно призывали предпринимателей «не жалеть денег для обновления оборудования и усовершенствования методов производства согласно последним достижениям техники, чтобы победить конкуренцию».

Новый фактор был привнесен в экономическую жизнь страны англо-бурской войной (1899—1902). В целом война негативно повлияла на общество: был приостановлен приток золота из Южной Африки, нарушены торговые связи с ней, население Англии тяготилось бременем военных налогов. Но все-таки, как писал журнал «Экономист» в 1903 г., «для некоторых отраслей промышленности война оказалась выгодной, правительственные заказы служили им поддержкой». Это были сталелитейная, металлообрабатывающая, угольная отрасли.

Сельское хозяйство продолжало пребывать в тяжелом состоянии. Прогрессировал упадок зернового хозяйства: посевные площади сократились до 5,9 млн акров (в 1871 г. они составили 8,2 млн акров). В междепрессивные периоды сельскохозяйственное производство не достигало фаз подъема. Англия была обеспечена собственной сельскохозяйственной продукцией лишь на треть ее потребностей. В разной степени, но всем слоям сельского общества приходилось трудно: землевладельцам-лордам, крупным арендаторам-капиталистам, сельским рабочим-батракам.

Внутриполитическое положение. Социальные реформы либералов («ллойд-джорджизм»). Начало века совпало с концом длительной «викторианской эры». Англия прощалась с королевой Викторией в 1901 г. Наступила «эдвардианская эпоха» (сын королевы Эдуард VII занимал престол до 1910 г.). Эпическое полотно этой эпохи создал в своих ранних произведениях Джон Голсуорси: писатель в своих романах «Остров фарисеев» (1904), «Собственник» (1906) и других выводит череду типичных представителей всех слоев населения тогдашней Англии, передает напряженную политическую атмосферу, воссоздает морально-психологический устои буржуазного мира собственников.

Противоречивое экономическое положение страны непосредственно влияло на ее политическую жизнь, обостряло проблемы, возникшие еще в конце XIX в. В начале XX в. резко столкнулись

две позиции экономической стратегии — фритред и протекционизм.

Отношение к ним выявило разногласия в различных социальных кругах. На платформе фритреда оставались текстильные фабриканты, владельцы угольных шахт, транспортных компаний, промышленники-судостроители, банковская элита, торговые предприниматели. Они были заинтересованы в дешевом привозном сырье, ориентировались на внешние рынки сбыта, опасались ответных протекционистских мер со стороны других государств. За принцип свободной торговли выступало также большинство рабочего класса и мелкая буржуазия — их пугала перспектива возврата к периоду действия «хлебных законов» с его ростом дороговизны средств существования. Переход к протекционизму поддерживали магнаты тяжелой промышленности (металлургической, военной), крепко сплетенная с колониальной экономикой буржуазия, землевладельцы и крупные арендаторы, которые терпели убытки от иностранной конкуренции и были тесно связаны с имперскими интересами.

Политические партии буржуазии реагировали на проблему так же разноречно. Большую неоднородность в этом плане представляла консервативная партия. Она находилась у власти до 1905 г. (до 1902 г. — правительство лорда Солсбери, затем — кабинет его племянника А. Бэлфура). Внутри партии разделение на протекционистов и фритредеров оформилось даже организационно: первые создали Лигу тарифной реформы, вторые — Юнионистскую лигу беспощадных продуктов питания.

Реальную попытку поставить под сомнение принцип фритреда консерваторы-протекционисты впервые предприняли на имперской конференции 1902 г. После нее лидер этой группировки Дж. Чемберлен 15 мая 1903 г. произнес свою знаменитую речь в Бирмингеме. В ней он обнародовал протекционистскую программу тарифной реформы — аграрный протекционизм и имперские преференции (льготы в рамках империи). Борьба в консервативной партии привела к министерскому кризису осенью 1903 г., к отставке министра колоний Дж. Чемберлена, а также пяти министров-фритредеров, недовольных нетвердой позицией премьера.

Либеральная же партия оказалась более сплоченной, она выступила единым фронтом на защиту «священного принципа» свободной торговли. На афише либералов, пользовавшейся тогда большим успехом, были изображены два батона хлеба: крупный батон свободной торговли и тощий батон протекционизма. Либералы также выдвинули социальную программу: «урегулирование отношений между трудом и капиталом», введение налога на крупную собственность и др.

В результате ожесточенных политических баталий на всеобщих выборах 1906 г. консерваторы потерпели сокрушительное поражение. Либералы получили 400 мандатов и обеспечили себе абсолютное большинство в палате общин, последовательно отстаивая фритред, «дешевый хлеб», социальные реформы (до 1908 г. у власти находилось правительство Г. Кэмпбелла-Бэннермена, затем — Г. Асквита). Причинами поражения консерваторов после почти 20-летнего правления были отсутствие сильной, привлекательной программы в предвыборной кампании, раскол в их рядах, дошедший до того, что кандидаты-протекционисты выступали против фритредеров своей же партии, нерешительность в этом главном вопросе премьера А. Бэлфура, которого обвиняли в «неавторитетном руководстве», пренебрежение консерваторов социальной проблематикой, предание ими забвению испытанной тактики «народного торизма».

Выборы 1906 г. были знаменательны не только тем, что либералы в первый и последний раз в XX в. на длительное время стали правящей партией. Кроме того, на них весомо заявила о себе образованная незадолго до того лейбористская (рабочая) партия (о ней речь ниже). Она провела в парламент 29 своих кандидатов. По этому поводу А. Бэлфур, оценивая результаты выборов, писал: «Мы имеем здесь дело с чем-то гораздо более важным, чем простое колебание политического маятника... Мы находимся лицом к лицу (без сомнения, в более мягкой форме) с теми социалистическими трудностями, которые принимают такие угрожающие размеры на континенте». Он прозорливо заключал: «Выборы 1906 г. начинают новую эру».

Либеральная буржуазия, победившая под демагогическими лозунгами («дешевый хлеб» означал для предпринимателей низкую цену рабочей силы), не могла не учитывать возникшую с появлением самостоятельной партии рабочего класса новую расстановку сил на политической арене, необходимость в более эффективной форме бороться за привлечение рабочих на свою сторону, за их голоса. Она не могла не реагировать на активность пролетариата, вылившуюся в начале XX в. в небывало мощный подъем рабочего движения. Наконец, в обстановке возрастания военной опасности власть должна была заботиться о социальной стабильности в обществе.

Создавшиеся условия диктовали правящим либералам новую тактику. Таковой стала впервые проводимая в стране государственная политика социального реформизма. Она означала активное вторжение государства в область социальных отношений, отказ от принципа невмешательства в «рабочий вопрос». Переоценка в начале XX в. ортодоксальной доктрины викторианского

либерализма означала по существу «возрождение» его в видоизменной форме и была связана с представлениями молодого поколения либеральных идеологов и политиков, не обремененных грузом прежних принципов, — «новых либералов» (Дж. Гобсон, Л. Хобхауз, Г. Сэмюэл и др.).

Все «новые либералы» на левом фланге партии уделяли преимущественное внимание социальным проблемам, пристально изучали требования тред-юнионов и других рабочих организаций и отражали изменявшиеся взгляды наиболее гибкой части британской буржуазии, готовой идти на уступки пролетариату. «Социальная реформа должна занимать первое место», — писал Г. Сэмюэл, выступавший за некоторое регулирование государством отношений между трудом и капиталом. В 1903 г. либеральная партия впервые официально приняла резолюцию в поддержку социальных реформ.

Идеи и замыслы «нового либерализма» предстояло воплотить в реальные дела и практику. Творцом «эры социальных реформ» на государственном уровне стал Дэвид Ллойд-Джордж, министр торговли и промышленности (до 1908 г.), затем — финансов. Сравнительно молодой политик из Уэльса, слывший радикалом, известный мастер компромиссов и демагогии, великолепный оратор, популярный в рабочей аудитории, имевший контакты с лидерами тред-юнионов, Ллойд-Джордж выработал и реализовал (отчасти вместе с Уинстоном Черчиллем, тоже министром) целую систему социальных реформ. Реформы носили умеренный, ограниченный характер, но преподносились властвующими кругами и буржуазной прессой как огромное облегчение для народа, как забота о благе рабочих.

На протяжении 1906—1911 гг. парламентом была принята серия законов, рассчитанных на то, чтобы удовлетворить некоторые требования «беспокойных» рабочих и декларировать патерналистскую сущность политики либералов в интересах народа. В 1906 г. новый важный закон о компенсациях расширил помощь рабочим при несчастных случаях на производстве. Рабочий день по закону 1908 г. сокращался для горняков, занятых на шахтах под землей, до 8 часов (сюда не включалось время на спуск в шахту и подъем из нее, т.е. фактически рабочий день был 8,5-часовым. Тогда же был принят закон, который обеспечивал рабочим государственные пенсии, однако лишь с 70 лет (тред-юнионисты требовали с 60, 65 лет; продолжительность жизни рабочих тогда ограничивалась 50 и менее годами; из 100 докеров до 70 лет доживали 4), а кроме того, пенсии были по тем временам мизерных размеров (5 шиллингов в неделю, тогда как средняя зарплата рабочего составляла около 27 шиллингов, ква-

лифицированного рабочего — 40 шиллингов). В 1909 г. пенсии получали все-таки около 614 тыс. человек. Законом 1909 г. учреждались биржи труда, призванные быть посредниками при найме рабочей силы. В 1910 г. открыли 61 биржу, в 1914 г. — 423. Рабочие общества, лишенные возможности контролировать деятельность бирж, называли их «агентствами по вербовке штрейкбрехеров». Премьер Г. Асквит вынужден был признать, что биржи создали «почву для обострения классовой борьбы». Наконец, в 1911 г. был принят чрезвычайно важный для рабочих закон о страховании по случаю болезни и впервые в истории по случаю безработицы. Закон основывался на «трехсторонней системе». Фонд страхования составлялся так: 45% — за счет взносов самих рабочих, 33% — предпринимателей, 22% — государства.

В целом законодательная кампания «ллойд-джорджизма» частично удовлетворяла британский пролетариат, откликалась на его чаяния, звучавшие в многочисленных и мощных выступлениях рабочих. В глазах же общественности именно государство выглядело инициатором социального реформизма, «государством социального обслуживания».

В начале XX в. в политике либералов основательно проявилась линия на дальнейшую демократизацию государственного строя. В 1911 г. была проведена важная реформа парламента. Срок его полномочий уменьшался с 7 до 5 лет. Устанавливалось жалование депутатам, что являлось демократической мерой, особенно своевременной для парламентариев-лейбористов. Жалование депутата составляло 400 ф. ст. в год, оно соответствовало уровню заработка хорошего ремесленника, как аргументировали авторы реформы, «дабы оно не служило соблазном для профессиональных политиков».

В 1909—1914 гг. в политических верхах усилилась борьба консервативной оппозиции против либералов и их деятельности. Столкновения ввергли общество в два политических кризиса. В апреле 1909 г. Ллойд-Джордж представил в парламент очередной ежегодный билль о бюджете. В законопроекте предусматривалось увеличение основных ассигнований по двум статьям — на военные нужды и на пенсии престарелым: соответственно более 62 млн ф. ст. и менее 10 млн ф. ст. При этом Ллойд-Джордж особый упор делал именно на последнюю статью, подчеркивая «насущные социальные проблемы». Стала знаменитой его ловко сформулированная оценка бюджета: «Это военный бюджет. Он даст деньги для того, чтобы повести беспощадную войну с бедностью». В основном милитаристский характер бюджета предопределил его значительный дефицит, который, по замыслу Ллойда Джорджа, должен был быть покрыт за счет увеличения косвенных

налогов, особенно обременявших трудовой люд, всевозможных пошлин, введения земельных налогов.

Либералы объявили бюджет «народным». Консерваторы же, всегда заявлявшие, что «забота о правах собственности должна иметь приоритет перед социальной реформой», серьезно обеспокоенные «посягательством» на земельную собственность, решительно протестовали, заклеив бюджет «социалистическим». Именно вокруг вопроса о земельных налогах и сосредоточилась основная борьба в парламенте и в стране. Консервативная палата лордов (в ней заседали 479 консерваторов и 88 либералов) отклонила билль о бюджете.

Противостояние либерального правительства, палаты общин, с одной стороны, и палаты лордов с ее большинством консерваторов, с другой, привело к конституционному кризису. Либералы подняли вопрос о прерогативах палаты лордов и о необходимости ее реформирования. В 1910 г. дважды состоялись парламентские выборы, подтвердившие победу либералов. Либералы вновь и вновь вносили билль о бюджете. Консерваторы каждый раз отвергали его. В конце концов «народный бюджет» был принят. В 1911 г. либералы внесли на рассмотрение билль, урезавший полномочия палаты лордов. Он стал законом благодаря угрозам премьера Г. Асквита добиться от короля Георга V (правил с 1910 г.) пополнения верхней палаты новыми, уступчивыми лордами. Закон ограничивал права лордов в финансово-бюджетной сфере и вообще в законотворчестве. Палата лордов теряла право вмешиваться в финансовые вопросы и право абсолютного вето, за ней оставалось лишь право откладывать на три года принятие любого закона (не связанного с финансами). Если билль отклонялся лордами дважды, в третий раз по представлению общинами он автоматически становился законом. Законом о палате лордов кризис был преодолен.

В 1912—1914 гг. накал борьбы между консерваторами и либералами довел политическую атмосферу до крайнего напряжения — общеполитического кризиса, едва не приведшего к гражданской войне. Противостояние на этот раз было вызвано обострением ирландского вопроса. В 1912 г. либеральное правительство внесло в парламент новый билль о «гомруле» для Ирландии. Консерваторы не имели возможности отклонить билль целиком. Они избрали новый метод, выступив против распространения «гомруля» на промышленно развитый север Ирландии — Ольстер, который был цитаделью протестантских сил (английских землевладельцев и крупных буржуа). Лидер консерваторов А. Бонар Лоу и консерваторы-юнионисты Ольстера во главе с Э. Карсоном, упорно выступавшие против «гомруля», за прочную унию с Анг-

лией, организовали мощное сопротивление намерению либералов. В Ольстере был создан вооруженный добровольческий корпус, готовый путем мятежного выступления противодействовать реализации «гомруля». На юге Ирландии в свою очередь стали формироваться массовые военизированные отряды волонтеров — защитников «гомруля». Кризис достиг опасной черты весной 1914 г.: консервативно настроенные офицеры регулярных частей британской армии отказались выполнить приказ военного министра либерального правительства по пресечению в Ольстере планируемого мятежа. Лишь начало мировой войны отодвинуло решение проблемы, позволив либералам отсрочить введение принятого в мае 1914 г. закона о «гомруле».

Внешняя и колониальная политика. Начало века явилось вехой кардинального значения в британской внешней политике. На международном уровне шел процесс оформления блоков государств в условиях жесткой конкурентной борьбы за сферы влияния в колониях, в атмосфере нагнетания военной опасности. «Великая мать-империя», как писал об Англии канадский министр, оставалась до конца XIX в. «блестяще изолированной», т.е. сохраняла свободу рук в любых обстоятельствах. Конец «блестящей изоляции» пришелся на начало XX в. В 1902 г. британский министр иностранных дел Г. Ленсдаун подписал договор с Японией. Договор скреплял военно-политический союз, направленный против США, Германии, России. Союзники обязались соблюдать нейтралитет при условии, если одной из сторон будет противостоять в войне один противник, и оказывать военную помощь другой стороне при двух противниках. В договоре гарантировались разделение сфер влияния в Китае и интересы Японии в Корее.

Новая стратегия британской дипломатии — отказ от «блестящей изоляции» — проявилась и в заключении в 1904 г. соглашения с Францией. Широкого характера документ содержал гарантии раздела сфер влияния: Англия закреплялась в Египте, Франция — в Марокко; речь шла также и о других территориях (Сиам, Мадагаскар, Ньюфаундленд и др.). Наконец, в 1907 г. в обстановке нарастания англо-германского антагонизма и русско-германских противоречий британский посол в России А. Николсон оформил соглашение Англии и России. Оно касалось территорий, которые были объектами наиболее острых противоречий между двумя странами. Тибет по соглашению объявлялся вне сфер влияния этих государств. Иран делился ими на три зоны: английского влияния, русского и нейтральную. Афганистан оставался под господством Англии. Таким образом, Англия включилась в «тройственную Антанту» вместе с Францией и Россией.

Внешняя политика Англии в 900-е годы хорошо иллюстрирует тенденцию, которая обнаружилась еще в конце XIX в.: усиление функций исполнительной власти, кабинета министров, премьера. Представительный орган — парламент — был отстранен от выработки внешней политики. Парламентариев ставили в известность уже после результата секретных переговоров и заключения соглашений. Правительство использовало тактику «свершившихся фактов». Договор с Японией, например, явился полной неожиданностью для английских законодателей.

Одновременно с определением своей позиции в международной расстановке сил Англия серьезно укрепляла свою обороноспособность и собственную военную мощь. В 1903 г. был создан Комитет имперской обороны. Военный бюджет страны за 1904—1914 гг. возрос в три раза. Пристальное внимание уделялось военному флоту. Сочетание растущей экономической мощи Германии, антибританской направленности ее внешней политики и ее сильного военно-морского флота вызывало крайнее беспокойство Англии (Германия принимала «морские законы» в 1900, 1906, 1908, 1912 гг.). Британское правительство постоянно заботилось о сохранении принципа «два килля против одного». В 1906 г. на воду был спущен новый мощный английский военный корабль — dreadnought.

В начале века в Британской империи проживал 71% населения колоний всех держав. Движимая стремлением и дальше расширять свои владения в Южной Африке, Англия начала агрессивную кровопролитную войну против еще не покоренных в конце XIX в. бурских государств. Обрушив на Трансвааль и Оранжевую республику свою военную мощь, она прибегала к репрессиям против мирного населения, создавала концентрационные лагеря (один из первых опытов в мире!). В результате трехлетней борьбы Англия покорила республики, завладев богатейшими запасами алмазов и золота.

В 1900—1901 гг. англичане в числе колонизаторов 8 государств участвовали в интервенции в Китай и подавлении там антиимпериалистического восстания Ихэтуань («боксерского»). Английское правительство активно подавляло также революцию в Иране (1905—1911). В Индии был установлен режим репрессий. В то же время Англия пошла на уступки Индии, издав в 1909 г. закон, несколько расширивший политические права буржуазных верхов индийского общества в законодательных советах провинций: состав этих советов, обладавших совещательными функциями, был увеличен за счет выборных членов из числа индийцев, хотя большинство в советах по-прежнему представляли члены, назначаемые колониальными властями. Учитывая возросшую тен-

денцию к самостоятельности тех колоний, где воспроизводилась социально-экономическая структура метрополии — укреплялся капитализм, росла национальная буржуазия, пробуждалось ее самосознание, Англия предоставила статус доминиона Австралии (1900), Новой Зеландии (1907), Южно-Африканскому союзу (1910).

Рабочее и социалистическое движение. Борьба английских рабочих в начале XX в. усилилась и приобрела более выраженный политический характер. При этом в основе нового подъема рабочего движения лежали экономические причины: частое кризисное состояние хозяйства страны и неизменно сопровождавшая его безработица, высокая степень эксплуатации в условиях утверждения монополистического капитализма. В 1906 г. премьер-министр либерального правительства Г. Кэмпбелл-Бэпнермен заявил в палате общин, что не менее 12 млн человек в стране живут в хронической нищете (при населении 37 млн). Современный английский историк Д. Рид пишет о положении основной массы рабочих в начале века: «Они не были совсем бедными, но всегда жили в страхе перед наступлением нищеты... они имели работу, но всегда могли оказаться безработными». Продолжительность рабочего дня составляла в различных отраслях от 9 до 12 и более часов. В периоды спада производства безработица (по правительственным данным, 7% работоспособного населения, по профсоюзным — 9,5%) выводила рабочих на улицы, вовлекала их в стихийные акции. Работные дома, где безработные содержались на мизерные средства, были переполнены. Рабочие требовали «права на труд как на жизнь».

Волна протеста рабочих в форме стачек обозначилась уже в первые годы века. В 1906—1914 гг. забастовочная борьба — «великое волнение», по определению современников, — была в Англии более мощной, чем в любой из западных стран. Наивысшей точки она достигла в 1910—1913 гг. (внушительная стачка докеров в 1911 г., всеобщая забастовка горняков в 1912 г. и др.). Рабочие вели борьбу также за всеобщее избирательное право: имущественный ценз и ценз оседлости лишали права избирать в парламент почти 4 млн мужчин, отстраненными от голосования оставались женщины. Значительную роль в движении рабочих играли тред-юнионы, которые активнее, чем прежде, приобщались к политическим действиям. В канун мировой войны в их рядах насчитывалось более 4 млн членов. Реакция предпринимателей на энергичную деятельность тред-юнионов не замедлила сказаться. Наступление на тред-юнионы наиболее красноречиво проявилось в организации против них судебных процессов.

«Дело Таффской долины» (1900—1906) возникло в связи со стачкой рабочих-железнодорожников в Южном Уэльсе. Хозяева железнодорожной компании возбудили судебный иск против рабочих с требованием возмещения убытков, причиненных им во время стачки, но фактически с целью ограничить права рабочих на стачки и профсоюзную организацию. Высшая судебная инстанция — палата лордов — поддержала иск предпринимателей. Решение лордов создавало прецедент, распространявшийся на все тред-юнионы. Буржуазная пресса развернула кампанию против «агрессивности» тред-юнионов как «национальной мафии». Событие всколыхнуло против юридических притеснений профсоюзов всю рабочую Англию. Потребовалось более шести лет борьбы, чтобы вернуть тред-юнионам их права на полнокровную деятельность в рамках закона и проведение стачек.

Затем последовал судебный процесс по «делу Осборна». Уильям Осборн, член Объединенного общества железнодорожных служащих, подал в суд иск на свой тред-юнион с требованием запретить профсоюзу сбор взносов в фонд политической партии (имелась в виду лейбористская партия). Палата лордов в 1909 г. приняла решение против тред-юниона в пользу Осборна. Это решение серьезно ограничивало права профсоюзов. Оно запрещало тред-юнионам отчислять денежные средства в пользу партии и заниматься политической деятельностью. Юридическое разбирательство и ответная на него борьба рабочих длились в течение пяти лет. Закон о тред-юнионах 1913 г. подтвердил, хотя и с большими оговорками, право профсоюзных организаций заниматься политической деятельностью.

Событием большого значения в истории британского рабочего движения стало образование лейбористской партии. В 1900 г. на конференции в Лондоне рабочие и социалистические организации основали Комитет рабочего представительства (КРП) в целях изыскания «средств для проведения в ближайший парламент более значительного числа рабочих депутатов». Его учредителями и членами были большинство тред-юнионов, Фабианское общество, Независимая рабочая партия, Социал-демократическая федерация. В 1906 г. Комитет преобразовался в лейбористскую партию. Партия считала себя социалистической и ставила перед собой задачу «достижения общей цели освобождения огромной массы народа этой страны от существующих условий». Факт ее создания отразил стремление рабочих к проведению независимой, самостоятельной политики. Особенностью организационной структуры партии было то, что она оформилась на основе коллективного членства. Участие в ее составе тред-юнионов обеспечивало массовую базу партии. К 1910 г. она насчитывала почти

1,5 млн членов. Высшим органом партии признавалась ежегодная национальная конференция, избиравшая Исполнительный комитет. Его основная деятельность заключалась в руководстве избирательными кампаниями и местными организациями партии.

Однако парламентская фракция лейбористов поставила себя в достаточно автономное положение. Члены Исполкома и депутаты лейбористской фракции в парламенте (А. Гендерсон, Ф. Сноуден, Р. Макдоналд и др.) постепенно сомкнулись своей политической тактикой с деятелями либеральной партии, традиционно объявлявшими себя «либеральными друзьями», «защитниками» рабочих. На декабрьских всеобщих выборах 1910 г. лейбористы, действуя в тесном контакте с либералами, получили 42 места в парламенте.

Далеко не все члены партии оправдывали переход ее руководства на либеральные позиции. Левое крыло Независимой рабочей партии, организация Г. Гайндмана (Социал-демократическая федерация вышла из КРП еще в 1901 г., в 1907 г. она провозгласила себя социал-демократической партией), а также другие социалистические группировки объединились на платформе осуждения руководства лейбористов и признания необходимости проведения независимой от либералов политики. На конференции в Манчестере в 1911 г. они основали Британскую социалистическую партию (БСП). Ее активными членами были А. Инкпин, Ф. Ротштейн, Г. Поллит, У. Галлахер, Гарри Квелч и его сын Том, близок к ней был Г. Чичерин). Новая партия объявила себя последовательной выразительницей интересов рабочего класса, придерживающейся марксистской ориентации. Первую роль в ней поначалу играл Гайндман. Однако уже в 1913 г. он был смещен с поста председателя партии в связи с проводимой им сектантской тактикой и социал-шовинистической позицией в период усиливавшейся военной опасности. В 1916 г. он и его сторонники были изгнаны из рядов БСП.

Глава 12

ГЕРМАНИЯ в 1890—1914 гг.

Характер вильгельмовской эпохи. С 1890 г. в немецкой истории началась новая эпоха. Определяющими принципами предшествующего периода были идея европейского равновесия, национальная идея, конституционное государство и утверждение капитализма либерального типа. Главными же явлениями новой эпохи стали экспансионистская мировая политика, всплеск национализма, политически мобилизовавшего массы, рабочее и социалистическое движение.

В конце XIX в. к империалистической экспансии, проводимой до этого Англией, Францией и Россией, присоединилась и Германия (вместе с Японией и Соединенными Штатами Америки), резко обострилась борьба за рынки сбыта и источники сырья, распространившаяся на весь земной шар.

Процесс индустриализации Германии обусловил значительное увеличение численности промышленного пролетариата, выросшей в 1887—1914 гг. в два раза. Германская социал-демократия превратилась в ведущую силу международного социалистического движения. Окрепло социалистическое, социально-христианское и либеральное профсоюзное движение, все увереннее заявляли о своих правах женщины и молодежь.

В этот период национальная идея переросла в Германии в националистическую, нашедшую обоснование в произвольно истолкованном дарвиновском учении о борьбе за существование, дополненном утверждениями о праве сильнейшего диктовать другим свою волю. Восторжествовала уверенность в том, что в будущем в мире смогут утвердиться только крупные государства, обладающие значительными колониями и зависимыми территориями.

Период 1890—1918 гг. в Германии обычно именуют «вильгельмовской эпохой». Термин не означает, будто Вильгельм II был, подобно Бисмарку, фигурой, определяющей ход событий того времени. Хотя он стремился играть роль Бисмарка и единолично проводить внешне- и внутривнутриполитический курс страны, но по причине частой смены решений и некомпетентности во многих вопросах личное правление императора реально чаще всего выражалось в неожиданном, бесцеремонном и даже неуклюжем вме-

шательстве в сферу деятельности отдельных министров. Это делало немецкую политику непредсказуемой и опасной для других европейских держав. Не случайно выдающийся немецкий ученый Макс Вебер расценивал стиль правления кайзера как «буланжистски-бонапартистский и проводимый в манере лейтенанта, стремящегося прослыть оригиналом», и резко осуждал «династическое тщеславие и личные амбиции» Вильгельма.

В определенной мере император воплощал в своей личности облик правящих в Германии верхов, их менталитет, основополагающие ценности и негативные черты. Будучи ярким сторонником мировой экспансии и создания мощного военно-морского флота, кайзер опирался на поддержку буржуазии, а его вера во всемогущество силовой политики роднила его с прусским юнкерством, милитаристским по своей натуре. Интерес, проявляемый Вильгельмом к проблемам развития промышленности и торговли, и его тесные связи с крупнейшими предпринимателями Германии Круппом и Штуммом позволяли рассматривать его как идущего в ногу со временем монарха, опирающегося на успехи и расцвет немецкой индустрии и технологии. Но при этом император всегда оставался сторонником сохранения приоритета монархической власти над парламентом, что отвечало убеждениям дворянских слоев и находило согласие со стороны крупной буржуазии, прежде всего магнатов тяжелой и военной промышленности.

Социально-экономическое развитие. В конце XIX — начале XX в. экономика Германии продолжала развиваться быстрыми темпами, ее доля в мировом промышленном производстве к 1900 г. составила 16%, а к 1910 г. империя вышла на второе место в мире после США. В целом объем промышленной продукции за 1893—1914 гг. вырос почти в полтора раза. Германия вышла и на второе после Англии место в мировом товарообороте, где на ее долю приходилось 13%.

В немецкой промышленности произошли глубокие структурные изменения. Если доля мелких предприятий неуклонно падала, то число крупных (свыше 50 работников) в начале XX в. возросло более чем в три раза по сравнению с началом 80-х годов. Хотя от общего числа промышленных предприятий они составляли всего 1,5%, на них была занята почти половина всех рабочих, около 5 млн из 11-миллионного немецкого пролетариата. Происходила массовая миграция населения из восточных сельскохозяйственных провинций в индустриальные районы Центральной и Западной Германии, в 1900 г. лишь 60% немцев проживали в местах своего рождения, численность городского населения (39 млн, или 60%) превысила численность сельского (26 млн, или 40%).

Быстрая концентрация производства проявилась в ускоренном образовании картелей, число которых возросло с 210 в 1890 г. до 600 в 1911 г. Некоторые из них достигли гигантских размеров и стали монополистами в своих отраслях. Так, Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат контролировал 95—98% добычи угля в этом районе и половину в остальной Германии. Все сталелитейные заводы объединились в единый Стальной трест. В электротехнической промышленности господствовали два общества — «Сименс-Хальске» и АЭГ (Всеобщая электрическая компания), в наиболее передовой химической — «ИГ Фарбениндустри» и БАСФ. На них приходилось две трети всего мирового производства анилиновых красителей.

Такой же процесс шел и в банковском деле, где в 1909 г. 9 берлинских банков контролировали 83% всего банковского капитала, обладая громадной суммой в 11,2 млрд марок. Начали создаваться мощные банковские группы с разветвленной сетью провинциальных отделений, имевшие тесные связи с крупнейшими промышленными объединениями. В 1910 г. директора 6 ведущих банков Берлина являлись членами руководства почти 800 промышленных обществ, а 51 крупный промышленник входил в наблюдательные советы этих банков.

С развитием финансового капитала значительную роль стали играть заграничные инвестиции, прежде всего в Юго-Восточную Европу, Австро-Венгрию, Турцию и Южную Америку. По размеру вывезенного капитала (35 млрд марок) Германия сравнялась с Францией и уступала только Англии.

Однако, став промышленной державой первого ранга, Германия в политическом отношении оставалась государством авторитарного типа. Ведущие политические позиции сохраняло доиндустриальное прусское юнкерство. Оно доминировало в высшем административном аппарате империи, в офицерском корпусе, в дипломатии. Юнкерство опиралось и на значительную экономическую базу. Хотя число латифундий не достигало и 0,5% в общем количестве хозяйств, они охватывали почти четверть всей обрабатываемой земли, в Пруссии — около 45%, в Мекленбурге — 55%. В то же время 4 млн мелких крестьян имели всего 15% обрабатываемой земли.

Экономические интересы юнкерства и буржуазии все более смыкались, что не исключало резкого расхождения позиций по многим политическим вопросам. Особенно тесные связи в рамках Свободной консервативной партии существовали между силезскими магнатами и рейнско-вестфальскими хозяевами тяжелой промышленности. Но в целом политические притязания буржуазии всякий раз наталкивались на решительное противодействие юн-

керства. Однако история многому научила германскую аристократию, которая предоставлением буржуазии экономических свобод спасла и даже укрепила свое политическое господство.

Переход к мировой политике. Поворот во внешней политике Германии после отставки Бисмарка выразился прежде всего в отказе от его континентальной политики. Разумеется, его преемники также видели опасность сближения России и Франции и вероятность войны на два фронта, но рассматривали эту проблему как чисто военно-техническую. Руководители немецкой внешней политики в 1904 г. считали, что противоречия между Англией, с одной стороны, Францией и Россией — с другой, гораздо сильнее, нежели противоречия Германии с Россией и даже Францией. Поэтому в 1890 г. Германия отказалась возобновить «договор перестраховки» с Россией. Почти одновременно с этим она заключила с Англией Гельголандский договор (см. гл. 8), послуживший для Петербурга поводом заподозрить сближение Англии и Германии на антироссийской платформе и ускоривший его поворот в сторону Франции.

Однако противоречия, разделявшие Англию и Германию, оказались гораздо более сильными, чем их общее стремление помешать русской экспансии в Азии и на Балканах. Немецкие товары успешно вытесняли английские с рынков России, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Румынии, Турции и др. стран. В 90-е годы немецкие металлоизделия продавались в самой Британии по более низким ценам, чем отечественные. В Азии и Латинской Америке началась ожесточенная конкуренция английских и немецких банков за захват сферы вложения капиталов.

Проникновение Германии на Ближний Восток было связано с получением концессии на строительство Багдадской железной дороги, которая из чисто экономического предприятия превратилась в орудие подчинения Османской империи и подрыва британских позиций в этом регионе.

К концу XIX в. Германия захватила важные в стратегическом отношении часть Самоанских, Каролинские, Маршалловы и Марианские острова в Тихом океане. В 1897 г. она под видом аренды утвердилась на Шаньдунском полуострове в Китае и навязала ему несправедливый договор.

Стремясь изолировать Англию, Германия попыталась в 1895 г. создать Континентальную лигу в составе ее самой, России и Франции, но потерпела неудачу.

Поскольку Британия оставалась «владычицей морей», Германия не могла рассчитывать на успех без создания своего мощного военно-морского флота, строительство которого стало стержневым элементом мировой политики. Руководителем и инициатором

ром первой флотской программы стал новый статс-секретарь военно-морского ведомства адмирал Альфред Тирпиц (1849—1930). В 1898 г. рейхстаг утвердил программу, по которой предусматривалось строительство 19 линкоров, 8 броненосцев береговой обороны, 13 тяжелых и 30 легких крейсеров. В 1900 г. программа была увеличена в два раза. Юнкерство, видевшее главную задачу в укреплении сухопутной армии, вначале противилось флотским программам и согласилось на их осуществление только в обмен на значительное увеличение армии.

В 1897 г. статс-секретарем по иностранным делам стал Бернхард Бюлов, сторонник и проводник активной внешней экспансии. Уже в первых публичных выступлениях он заявил, что «те времена, когда немец уступал одному из своих соседей землю, другому — море, а себе оставлял небо, где господствует чистая теория, — эти времена прошли... Мы никого не хотим отодвигать в тень, но требуем и себе места под солнцем».

Выполняемые с немецкой пунктуальностью флотские программы вызывали большое беспокойство британских политиков. Некоторые из них вынашивали планы превентивного нападения на еще слабый германский флот, чтобы уничтожить его в зародыше. Планы эти, ставшие в Германии известными, вызвали новую мощную волну антибританских настроений.

В 1906 г., когда в Англии со стапелей сошел новый сверхмощный линейный корабль «Дредноут», начался новый этап гонки морских вооружений, как бы вернувшихся с появлением дредноутов к нулевой точке отсчета. В ответ в Германии были приняты третья и четвертая флотские программы, по которым ежегодно предусматривалось строительство четырех линкоров типа «дредноут». В Англии соответственно приняли решение строить такое количество сверхмощных военных кораблей, чтобы всегда иметь их на 60% больше, чем Германия.

К 1913 г. Германия превратилась из пятой во вторую морскую державу мира, хотя мощь ее военного флота все еще значительно отставала от британской.

Новый курс Каприви и его крах. После ухода Бисмарка наметился иной внутриполитический курс, проводимый канцлером Лео Каприви (1831—1899), прусскими министрами торговли и промышленности Г. Берлепшем и финансов И. Микелем. Они хотели продолжить социальную политику в расширенном объеме, чтобы достичь примирения рабочих и монархии, а также получить поддержку партии Центра и левых либералов, которым был сделан ряд уступок. В частности, католическая церковь получила 16 млн марок государственной дотации, задержанной в годы «культуркампфа», смягчилась политика в отношении польского населения Пруссии. Однако сближение Л. Каприви с Центром и

свободомыслящими вызвало недовольство кайзера, предпочитавшего опираться на партии картельного блока.

Политика нового курса проявилась прежде всего в социальной области. Принятый в 1891 г. закон об охране труда запрещал работу в праздники и по воскресеньям, детский труд до 13-летнего возраста на фабриках, продолжительность рабочего дня для подростков устанавливалась в 10, а для женщин — в 11 часов, вводились арбитражные суды из представителей власти, предпринимателей и рабочих для разрешения конфликтных ситуаций.

В 1891—1895 гг. в Пруссии была проведена налоговая реформа, отменившая прежнюю систему, по которой население было разделено на несколько категорий, в каждой из которых был установлен одинаковый для всех налог. Теперь же вводился единый прогрессивный подоходный налог, несколько облегчивший положение неимущих и увеличивший налог с богатых. Его введение значительно повысило доходы государства и позволило передать часть местных налогов сельским общинам и городским магистратам.

Социально-политические цели преследовали и заключенные по инициативе Л. Каприви новые торговые соглашения. Немецкой промышленности внутренний рынок стал уже чересчур тесен, ей требовался рынок мирового масштаба. Но это было возможно только в случае облегчения импорта в Германию продукции тех стран, куда стремились немецкие товаропроизводители.

В 1891—1893 гг. были заключены новые договоры с Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Румынией, Швейцарией. По ним взаимно значительно снижались торговые пошлины. Кроме чисто экономических, Каприви исходил и из политических расчетов, надеясь придать Тройственному союзу прочную материальную основу и привязать австро-венгерскую и итальянскую экономику к немецкой. Особое значение имело заключенное в 1894 г. после ожесточенной таможенной войны и трудных переговоров торговое соглашение с Россией, носившее компромиссный характер.

При утверждении новых торговых договоров в рейхстаге Каприви пожал плоды своего примирительного курса: впервые социал-демократическая фракция проголосовала в поддержку канцлера. Но эти соглашения привели к разрыву между канцлером и консерваторами, выражавшими интересы аграриев и протестовавшими против снижения пошлин на сельскохозяйственную продукцию. Реакцией аграриев явилось создание в 1893 г. Союза сельских хозяев, развернувшего бешеную агитацию против новых тарифов. Это было вполне понятно, т.к. цены на зерно резко упали: если в 1891 г. тонна ржи стоила 208 марок, то в 1894 г. —

всего 110 марок. Но такое падение имело причиной не столько понижение ввозных пошлин, сколько наплыв более дешевого зерна из Америки.

Однако Каприви потерпел поражение в проведении школьной реформы, предполагавшей значительное усиление влияния церкви в сфере образования. Законопроект вызвал такую бурю возмущения либералов, университетов, различных научных обществ, что был вообще снят с обсуждения. В итоге канцлер лишился поддержки и либералов, и партии Центра: первых — за само внесение такого законопроекта, второй — за то, что не настоял на его проведении. Каприви был вынужден сложить с себя обязанности прусского министра-президента, пост которого занял консерватор Бото Ойленбург, близкий к императору. Сложилась неестественная ситуация, когда в сильнейшем государстве империи у власти оказалась группа, враждебная канцлеру. Положение Каприви резко пошатнулось. Сотрудничество между ним и Ойленбургом стало невозможным, и император в октябре 1894 г. отправил обоих в отставку. Новым канцлером и прусским премьером стал 75-летний князь Хлодвиг Гогенлоэ, чисто переходная фигура до того времени, пока Вильгельм II не подберет подходящее лицо из более молодых политиков.

При канцлерстве Гогенлоэ консервативные силы попытались ослабить растущее влияние социал-демократии. Однако два законопроекта, направленные против нее, в 1895 и 1899 гг. были отклонены рейхстагом. Лишь в Пруссии удалось провести закон, запрещающий социалистам преподавание в университетах и других высших учебных заведениях. Бесперспективность репрессивного курса заставила власти снова повернуть на путь социальных реформ.

Изменения в общественно-политической структуре Германии в конце XIX в. На рубеже веков проявились значительные перемены в социально-политической структуре Германской империи. Усилилось противоречие между избираемым демократически рейхстагом и прусским ландтагом, где в силу трехклассного избирательного закона однозначно доминировали консерваторы.

Заметное место в немецком обществе заняли профсоюзы. В 80-е годы они объединяли около 100 тыс. рабочих, входивших почти поровну в социалистические и либеральные профсоюзы. В 1890 г. социалистические профсоюзы сплотились под эгидой Генеральной комиссии свободных профсоюзов Германии, во главе которой встал Карл Легин. В течение ряда лет руководство СДПГ не желало признавать самостоятельность профсоюзов, опасаясь, что их экономический характер приведет к усилению реформистских тенденций. Лишь на Мангеймском съезде социал-

демократии в 1906 г. была окончательно принята резолюция о независимости профсоюзов от партии. Свободные профсоюзы в 1900 г. насчитывали почти 700 тыс. членов, в 1910 г. их число превысило 2 млн, а в 1913 г. — 2,5 млн человек.

Помимо социалистических, в Германии действовали «гирш-дункеровские» профсоюзы, называемые так по имени их создателей Макса Гирша и Макса Дункера и близко стоявшие к леволиберальным кругам. Но эти профсоюзы были немногочисленны и охватывали лишь около 120 тыс. рабочих.

С 1894 г. стало действовать христианское профсоюзное движение под эгидой партии Центра, которое к 1910 г. объединяло свыше 300 тыс. рабочих католического вероисповедания главным образом в Рейнско-Вестфальском районе.

Своеобразную организацию — Национально-социальный союз — создал в 1896 г. один из идеологов либерализма пастор Фридрих Науман. Он пытался соединить идеи либерализма, социализма, монархизма и империализма как политики внешней экспансии. Парламентская демократия и полное равноправие рабочих внутри страны, мощная экономическая экспансия и создание под руководством кайзера крупной колониальной империи ставились как цели новой организации. Но это было попыткой соединить несовместимое, на выборах в рейхстаг в 1903 г. Национально-социальный союз потерпел сокрушительное поражение и слился со Свободомыслящим объединением левых либералов.

Другие социальные группы также создавали свои организации экономической направленности. Большое влияние на политику правительства оказывали союзы предпринимателей, крупнейшими из которых являлись созданный еще в 1876 г. Центральный союз немецких промышленников, политически близкий к свободным консерваторам, и Союз промышленников, возникший в 1895 г. Он объединял представителей легкой промышленности и поддерживал Национал-либеральную партию.

Если предпринимательские союзы выражали интересы промышленников в экономической области, то в сфере социальной политики аналогичную роль выполняли союзы работодателей, объединившихся после крупнейшей забастовки текстильщиков в саксонском городе Криммиchau в 1904 г. в общеимперские организации.

По прусскому закону 1897 г. городские ремесленники получили право большинством голосов создавать принудительные гильдии, что противоречило закону и принципу свободы промыслов. К 1914 г. около 40% всех ремесленных организаций имели

принудительный характер и ограничивали свободную конкуренцию.

Таким образом, к началу XX в. сформировались многочисленные так называемые «союзы интересов», которые оказывали воздействие на политические партии, превратившись из элитарных групп мировоззренческой ориентации в организации, выражавшие политические и экономические интересы различных социальных слоев. Так, Немецкая консервативная партия стала в рейхстаге рупором Союза сельских хозяев.

Заметно возросло число профсоюзных лидеров в социал-демократической фракции, в 1913 г. они составляли треть ее членов. Большей частью они разделяли принципы ревизионизма, течения, выступавшего за пересмотр некоторых устаревших положений марксистской теории (подробнее см. гл. 20). Ревизионисты исходили из того, что тезис Маркса о близком экономическом крушении капиталистической системы и абсолютном обнищании рабочего класса опровергнут историей, а следовавшие из этого революционные выводы являются утопическими и неверными. Ревизионисты ожидали освобождения пролетариата на путях не социальной революции, а реформистской парламентарной демократии. Впервые тенденция ревизионизма проявилась у лидера баварской социал-демократии Георга Фольмара в 1891 г., а его развернутое теоретическое обоснование дал Эдуард Бернштейн в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899).

Руководство партии, исходя из положений марксистской Эрфуртской программы, принятой в 1891 г., резко осудило ревизионизм на Ганноверском съезде СДПГ в 1899 г. Съезд отверг предложения Бернштейна, Фольмара, Гейне, Кварка и их единомышленников превратить социал-демократию в «партию социально-демократических реформ». Бернштейна объявили отступником от марксизма и идеи социалистической революции. Бернштейн, со своей стороны, продолжал настаивать на том, что социал-демократии следует не спекулировать на ожидаемом «крахе капитализма», а бороться за реформы, которые улучшают положение рабочих и демократизируют политическую систему, ибо «то, что называют конечной целью социализма для меня ничто, движение к этой цели — все». Бернштейн ссылаясь в связи с этим на интервью Ф. Энгельса французской газете «Фигаро» в 1893 г., где тот сказал: «У нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намска на них не найдете у нас».

Хотя ревизионизм был осужден, в политической практике все отчетливее стал намечаться поворот от революционно-ортодоксального марксизма к демократическому социализму бернштейнцев. Способствовала этому и деятельность свободных профсоюзов, практические успехи которых находили у рабочих больше понимания и сочувствия, нежели идеологические дискуссии о правильном толковании «научного социализма», ограниченные сравнительно узким кругом участников.

Обострение политической ситуации в начале XX в. В 1900 г. на пост рейхсканцлера был назначен князь Бернхард Бюлов (1849—1929), который до этого ведал иностранными делами. Поскольку он не был достаточно сведущ в вопросах внутренней политики и социальных отношений, то предоставил свободу действий статс-секретарю по внутренним делам графу Артуру Посадовскому, а сам сконцентрировался на внешней политике.

Убедившись в том, что репрессивные меры против социал-демократии и профсоюзов не получают одобрения в рейхстаге, Посадовский вернулся к методам социальных реформ, чтобы постепенно интегрировать рабочий класс в монархическое государство. В этом статс-секретаря поддерживала сильнейшая в рейхстаге фракция Центра.

Требования парламентского большинства нашли отражение в трех законах. В 1899 г. была разрешена свобода коалиций между различными организациями. В 1904 г. рейхстаг отменил закон, разрешавший правительствам отдельных немецких государств высылать за границу членов иезуитского ордена. Наконец, в 1906 г. для депутатов рейхстага было введено денежное довольствие. В свое время Бисмарк категорически воспротивился этому, чтобы затруднить участие социал-демократов в сессиях парламента, а в результате многие депутаты нерегулярно посещали заседания и зачастую рейхстаг не имел необходимого кворума.

Посадовским был проведен ряд новых социальных реформ: расширен круг застрахованных от несчастного случая, третейские арбитражные суды вводились во всех общинах с численностью свыше 20 тыс. человек, продлевался срок оплаты в случае болезни, детский труд запрещался и в надомном производстве, была принята имперская программа жилищного строительства для рабочих, на которую ежегодно выделялось 4—5 млн марок.

В 1903—1904 гг. истек срок торговых договоров, заключенных Л. Каприви. Союз сельских хозяев и консерваторы заблаговременно развернули широкую агитационную кампанию, требуя двойного повышения тарифов на ввоз зерновых культур. Поскольку парламентское большинство было настроено не так экс-

тремистски, то в конечном счете тарифы были повышены, но только до уровня 1892 г.

Осуществление флотских программ и социальных реформ, участие в подавлении «боксерского» восстания в Китае, увеличение армии до 633 тыс. человек требовали больших финансовых затрат. В результате государственный долг возрос в 1904 г. до 3 млрд марок. Положение почти не улучшилось и после введения в дополнение к местным налогам первого прямого имперского налога на получение родственниками наследства и некоторого повышения косвенных налогов.

Новых расходов потребовало подавление вспыхнувшего в 1904 г. восстания племен гереро и готтентотов в Юго-Западной Африке против немецкого господства. Посланный туда 17-тысячный корпус жестоко разгромил основные очаги восстания, но партизанская война продолжалась до 1907 г. Когда правительство запросило дополнительные кредиты на колониальные нужды, то встретило сопротивление партии Центра, которая желала участия католических миссий в назначении колониальной администрации и с христианской точки зрения осуждала жестокое обращение с местным населением.

Получив отказ статс-секретаря только что созданного Имперского колониального ведомства Б. Дёрнбурга, партия Центра вместе с социал-демократами провалила колониальные кредиты. После этого строптивый рейхстаг был распущен и назначены новые выборы, означавшие конец социального курса Посадовского.

Создание консервативно-либерального блока. Выборы 1907 г. состоялись под знаком борьбы проправительственных партий против Центра и социал-демократов. Проходившие в обстановке всплеска националистических эмоций, они принесли победу союзу консервативных и либеральных партий, получивших большинство мест и образовавших «бюловский блок». Партия Центра все же сохранила свои позиции и осталась самой крупной в рейхстаге фракцией, но социал-демократы потеряли почти половину мандатов. Однако победа консервативно-либерального блока была обусловлена прежде всего устаревшим и несправедливым делением избирательных округов и не отражала истинного соотношения сил. По числу депутатов блок имел большинство, но по количеству избирателей перевес был на стороне оппозиции (4,9 против 5,4 млн голосов). Социал-демократы потеряли 38 мест, но за них проголосовало на четверть миллиона больше, чем на предыдущих выборах. Поражение СДПГ привело к усилению реформистских настроений в партии и прекращению ради сохранения единства полемики с ревизионистами.

«Бюловский блок» не являлся сплоченным и стабильным. Либералы стремились к расширению прав рейхстага и введению в Пруссии всеобщего и равного избирательного права. Консерваторы настаивали на сохранении сложившегося порядка. Объединяла их лишь общая позиция по внешнеполитическим проблемам.

В 1908 г. рейхстаг принял либеральный закон о союзах и собраниях, единый для всей империи. Были ограничены широкие прежде права полиции по надзору за собраниями, женщины получили право участвовать в них и вступать в различного рода организации. Ранее закон предписывал, чтобы на массовых собраниях ораторы пользовались только немецким языком, теперь полякам, датчанам и населению Эльзаса—Лотарингии было разрешено публично выступать на родном языке. Однако одновременно с этим либеральным законом в Пруссии был принят закон об отчуждении, по которому специальная имперская комиссия получила право скупать польские земельные владения, в случае необходимости даже отчуждать их, и продавать только немецким колонистам, чтобы усилить германизацию восточных прусских провинций. Хотя из-за внутренних сложностей и сопротивления польского населения закон практически не применялся, само его существование отравляло политическую атмосферу в Пруссии.

В конце 1908 г. канцлер Бюлов оказался в сложной ситуации, вызванной очередной бестактностью кайзера. В октябре лондонская газета «Дейли тселеграф» опубликовала интервью Вильгельма, где он утверждал, что является большим другом Англии, но вынужден считаться с господствующими в немецком обществе антибританскими настроениями. Далее кайзер заявил, что в англо-бурской войне 1899—1902 гг. буры были разгромлены по его собственному плану, который он якобы послал королеве Виктории, и что именно он воспрепятствовал тогда же созданию антианглийской Континентальной лиги.

В Англии первая часть интервью была воспринята как доказательство глубокой немецкой вражды к Британии, а вторая — как свидетельство надменности и высокомерия германского императора. Россия и Франция заявили официальный протест и возмущение попыткой кайзера спровоцировать ухудшение их отношений с Англией.

Внутри страны все политические партии, даже консерваторы, потребовали, чтобы впредь Вильгельм был более осмотрителен и воздерживался от необдуманных выступлений. Крайние экспансионисты тоже выразили сожаление, но по причине излишнего, на их взгляд, дружелюбия Вильгельма к враждебной Англии.

Следует, однако, отметить, что предварительно император отправил текст интервью в ведомство иностранных дел, т.е. Бюлову, однако возражений и исправлений не последовало.

(Канцлер то ли специально «подставил» кайзера, то ли на самом деле не читал интервью, а перепоручил это своим подчиненным.)

В ходе обсуждения скандала в рейхстаге Бюлов под огнем критики всех партий не решился взять ответственность на себя или защищать кайзера. Свалив всю вину на Вильгельма, канцлер заявил, что не в состоянии отвечать за политику империи, если и впредь кайзер не проявит сдержанности и благоразумия. В уклончиво-трусливой позиции Бюлова император не без оснований усмотрел предательство и сделал вывод о необходимости его замены при первом удобном случае. А в рейхстаге, почувствовавшем свое значение, левые либералы, партия Центра и социал-демократы потребовали, чтобы кабинет нес ответственность перед парламентом за свою деятельность.

Консервативно-либеральный блок развалился в 1909 г. из-за разногласий относительно финансовой реформы. Для покрытия государственного долга, перевалившего за 4 млрд марок, и бюджетного дефицита требовалось дополнительно 500 млн марок ежегодно. Реформа предусматривала введение налога для прямых наследников недвижимости и повышение косвенных налогов на потребительские товары. Против новых косвенных налогов выступили в рейхстаге свободомыслящие и социал-демократы, а консерваторы и Центр протестовали против налога на наследство, усмотрев в нем посягательство на право земельной собственности.

Произошла перегруппировка сил в парламенте, где оформился новый «черно-голубой» блок Центра и консерваторов (название происходит от черной одежды духовенства и «голубой» крови аристократии). Он нашел свой выход из финансовых затруднений: вместо налога на наследство рейхстаг принял закон о налоге на операции с ценными бумагами и биржевые сделки, так что аграрии еще раз одержали победу над капиталистами.

Лишившись опоры в рейхстаге, Бюлов в июле 1909 г. подал в отставку. Необычным в этой ситуации было то, что по крайней мере нормально впервые в авторитарной Германской империи канцлер ушел со своего поста после парламентского поражения. Новым канцлером стал Теобальд Бётман-Гольвег (1856—1921), образованный и трудолюбивый прусский чиновник. Однако в отличие от энергичного и изворотливого циника Бюлова Бетман-Гольвег не обладал сильным характером, долго и с колебаниями принимал решения, терялся в сложных ситуациях и обычно подчинялся своему неуравновешенному монарху, впрочем, ценившему канцлера как раз за это.

Внешнеполитические кризисы. В начале XX в. Германия оказалась в ситуации почти непрерывно провоцируемых ею же международных кризисов, каждый из которых все ближе подталкивал Европу к войне.

Не сумев предотвратить создание в 1904 г. англо-французской Антанты, Германия постоянно стремилась подорвать русско-французский союз, чтобы избежать угрозы войны на два фронта. Во время русско-японской войны Вильгельм при встрече с Николаем II в Бьёрке (Финляндия) предложил царю заключить союзный договор и почти добился своего, если бы российские министры не убедили Николая в том, что Бьёркский договор противоречит союзу с Францией и делает невозможным получение новых французских займов. Несколько раз в 1909—1912 гг. Германия предпринимала неудачные попытки обеспечить британский нейтралитет, соглашаясь взамен на уменьшение своих флотских программ. Такая политика «маятника», попеременной ориентации то на Россию, то на Англию, свидетельствовала о том, что германская внешняя политика оказалась в тупике. Марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., вызванные немецким стремлением утвердиться в Северной Африке, показали растущую международную изоляцию Германии, которая могла определенно рассчитывать только на поддержку слабеющей Австро-Венгрии. Италия, отношения которой с Габсбургской империей явно ухудшались из-за противоречий на Балканах, все более персориентировалась на Францию.

Чувствительный удар по германским планам утверждения на Ближнем и Среднем Востоке нанесли Балканские войны 1912—1913 гг. В итоге первой из них Турция, находившаяся под сильным немецким влиянием, потеряла почти все свои территории в Европе. Вторая Балканская война закончилась поражением Болгарии, сблизившейся к этому времени с австро-германским блоком.

Предвидя неизбежность военного конфликта, германское руководство вело энергичную подготовку к нему. Численность армии возросла почти на четверть (с 612 до 748 тыс. человек), были сформированы два новых корпуса и несколько полков тяжелой артиллерии, полевая артиллерия была придана непосредственно пехотным дивизиям, что повышало ее маневренность.

Германия опережала остальные европейские державы по общим военным расходам, увеличившимся с 1910 по 1914 г. почти вдвое. Но по доле национального дохода, истраченного на вооруженные силы в 1914 г., она уступала России, Австро-Венгрии и Франции.

Пропаганда внешней экспансии. Подготовка Германии к войне включала не только вооружения, но и сферу идеологии. Пропаганду милитаризма, национализма, широкой внешней экспансии развернули многочисленные союзы и общества.

Ведущим среди них являлся созданный в 1891 г. Пангерманский союз. Он не был массовой организацией и насчитывал от 30 до 40 тыс. членов. Но влияние его было гораздо более широким,

чем можно предположить исходя из его скромной численности. В Пангерманский союз входило множество чиновников, благодаря которым он имел прочные связи с государственными учреждениями, а также журналистов, влияющих на общественное мнение, университетских профессоров и учителей школ и гимназий, внушавших пангерманские идеи немецкой молодежи. В течение ряда лет во главе союза стоял крайний реакционер, адвокат и публицист Генрих Клас. Пангерманский союз выполнял в Германии роль «национальной оппозиции» и критиковал справа кайзера и правительство за излишнюю, по убеждению пангерманцев, уступчивость, особенно во время второго марокканского кризиса, и недостаточно энергичную защиту жизненных интересов рейха.

Пангерманцы требовали создания обширной колониальной империи, присоединения к Германии Бельгии, Люксембурга, Прибалтики, установления сферы немецкого политического и экономического влияния в Центральной Европе, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. Наиболее оголтелые из них расшифровывали железную дорогу «трех Б» (Берлин — Багдад — Басра) как Берлин — Баку — Бомбей. Они пропагандировали концепцию, согласно которой немцы являются «народом без жизненного пространства», окруженным со всех сторон врагами, война с которыми является неизбежной и к которой необходимо всемерно готовиться.

Широкую агитацию за политику внешней экспансии и создание мощного военно-морского флота развернул созданный в 1889 г. под патронатом брата императора принца Генриха Прусского Флотский союз. Он был массовой организацией с многочисленными региональными отделениями по всей Германии, большой прессой и насчитывал в 1908 г. более миллиона человек, правда, в значительной части за счет коллективного членства в союзе ряда экстремистских организаций.

Пангерманцам и Флотскому союзу вторили Немецкое колониальное общество, созданное в 1882 г., антипольский Немецкий союз Восточной марки, Имперский союз против социал-демократии и множество других подобных организаций в лице «патриотических» и «национальных» союзов на местах.

Они покрыли своей сетью территорию империи, выпускали огромными тиражами различную литературу, газеты, листовки, в которых на все лады перепевалась главная тема — превосходство немцев над другими нациями и вытекающая отсюда необходимость установления германской гегемонии во всем мире.

Германия накануне войны. Канцлерство Бетман-Гольвега началось в критической внутривнутриполитической обстановке. Исход борьбы вокруг финансовой реформы показал возросшее влияние рейхстага, где, однако, ухудшились отношения либералов и консерваторов, ведущих между собой острую полемику. В 1910 г.

произошло объединение всех леволиберальных групп в Прогрессивную народную партию, которая стремилась установить сотрудничество с социал-демократическими депутатами, чтобы обеспечить парламентаризацию государственного устройства путем проведения постепенных реформ.

В первую очередь речь шла о реформе избирательной системы в Пруссии, которую в умеренном варианте пытался осуществить еще Бюлов. Но когда Бетман-Гольвег предложил свой также весьма скромный проект некоторых либеральных изменений в трехклассном избирательном праве Пруссии, то консерваторы и партия Центра сразу отвергли его. Проблема осталась нерешенной.

Обострился в это время и вопрос Эльзаса—Лотарингии. Эта имперская провинция по-прежнему не имела своих представительных органов власти и управлялась штатгальтером (наместником императора). Такая дискриминация усиливала профранцузские настроения населения. Поэтому Бетман-Гольвег выступил с предложением ввести в Эльзасе—Лотарингии свой парламент из двух палат, избираемых по системе, почти аналогичной прусской. Однако рейхстаг высказался за избрание второй палаты на основе всеобщего и равного избирательного права, с чем после бурных дебатов был вынужден согласиться и канцлер.

Однако реформа не улучшила обстановки, которая сложилась в Эльзасе—Лотарингии. В 1913 г. там произошел так называемый Цабернский инцидент. Причиной его явился арест командиром размещенного в городке Цаберн прусского гарнизона 28 участников массовой антипрусской демонстрации. Это было грубым нарушением права, т.к. арест относился к компетенции суда или полиции, но не армии. Когда военный трибунал, перед которым все-таки предстал нарушитель закона, признал его действия правомерными, это вызвало бурю возмущения. По всему Эльзасу прокатилась волна массовых митингов и демонстраций. Поведение прусского офицерства и проявленная в связи с этим инцидентом нерешительность канцлера были осуждены значительным большинством рейхстага.

Рейхстаг 1913 г. во многом отличался от предыдущего. На выборах 1912 г. социал-демократы далеко опередили прочие партии по числу избирателей (4,2 млн человек) и стали сильнейшей фракцией парламента, без которой было уже невозможно принимать какие-либо постановления и законы. Такой большой успех был обеспечен не только растущим влиянием партии в массах, но в определенной мере и сотрудничеством с левыми либералами в предвыборной борьбе. Сближение облегчалось тем, что в руководстве СДПГ появилась группа лидеров нового поколения (Густав Носке, Фридрих Эберт, Вольфганг Гейне), которая считала, что социализма можно достичь реформистской парламентарно-де-

мократической политикой, а не насильственной социальной революцией.

Положение канцлера осложнилось вставшей перед ним дилеммой. В случае проведения дальнейших социальных реформ и либерализации режима он должен был опираться в рейхстаге на левые фракции, которые, со своей стороны, настойчиво требовали установления парламентарной системы в империи. Такой курс означал конфликт с консерваторами, опиравшимися на сочувствие и поддержку основной части высшей бюрократии и офицерского корпуса. Отказ же от проведения дальнейших реформ вел к росту противоречий и социальной напряженности в обществе, чего в преддверии надвигающейся войны кабинет всеми силами стремился избежать.

Консерваторы обвиняли Бетман-Гольвега в слабости, которую они усматривали в сдержанной позиции канцлера, и считали его политику губительной для страны, поскольку она выдвигает задачи, достойные «торговца, миссионера или ученого», но не великого народа.

Леволлиберальная и социал-демократическая оппозиция критиковала кабинет главным образом по вопросам внутренней политики. Так же как и консерваторы, «левые» осуждали нерешительность Бетман-Гольвега, но с противоположных позиций: они считали, что политика канцлера недостаточно отвечает демократическим веяниям времени и слишком часто уступает давлению правых партий.

Однако расплывчатость линии Бетман-Гольвега выражала не только его колебания, но и определенный политический курс, направленный на то, чтобы, не слишком задевая интересы консервативно-монархических кругов, приблизить к правительству либеральную буржуазию и усилить влияние реформистских элементов в социал-демократической партии.

В области внешней политики Германия вряд ли сумела бы добиться большего, чем сделала ее дипломатия, допустившая ряд крупных просчетов, но объективно поставленная в такие условия, когда было невозможно разрешить противоречия между Германией и ее соперниками путем переговоров. Но если консервативно-пангерманские группировки и генералитет рвались в бой, уверенные в легкой и скорой победе, то либералы и сам канцлер больше опасались войны, не будучи столь убежденными в ее благоприятном исходе.

В целом в Германии с 1913 г. резко возросла возможность общего социально-политического кризиса, что и стало одной из главных причин, побудивших руководство страны летом 1914 г. поддержать союзную Австро-Венгрию и решиться на развязывание большой войны.

Глава 13

ФРАНЦИЯ в начале XX в.

Ускорение экономического развития. В начале XX в. промышленный рост во Франции не только достиг весьма высокого темпа — порядка 5% в год, но и приобрел качественно новый характер. Раньше его обеспечивали одновременно подъем крупной машинной индустрии и расширение производства в традиционном секторе (в последнем случае — благодаря использованию большего числа рабочих рук, повышению интенсивности труда, увеличению продолжительности рабочего дня и т.п.). Однако в годы «великой депрессии» традиционный сектор, не выдержав перегрузок, потерпел крах, о чем свидетельствовало резкое сокращение занятости в тех отраслях промышленности, где преобладало мелкое ручное производство. Например, в текстильной промышленности департамента Кальвадос численность рабочих уменьшилась с 55 тыс. в 1866 г. до 18,8 тыс. в 1886 г. С конца XIX в. промышленный рост стал в решающей мере зависеть от крупной индустрии, развитие которой требовало больших капиталовложений в дорогостоящую технику и технологию.

Новый промышленный подъем опирался на активную инвестиционную политику и ряд других благоприятных предпосылок. Активный приток инвестиций в промышленность свидетельствовал о финансовом здоровье страны, не испытывавшей нехватки капиталов. Париж оставался вторым по значению, после Лондона, финансовым рынком мира. В 1900 г. в подвалах Французского банка хранилось золота на 3,2 млрд франков (в 1913 г. — уже на 3,9 млрд). Французы охотно вкладывали свои сбережения в ценные бумаги, портфель которых оценивался накануне Первой мировой войны в 111 млрд франков. Из них 32 млрд франков приходилось на акции отечественных предприятий. Денежная масса удвоилась в период между 1895 и 1913 гг. и достигла 27 млрд франков. При этом французский франк оставался символом стабильности и надежности.

Серьезной предпосылкой ускорения промышленного роста было преодоление аграрного кризиса. Благодаря протекционистской политике цены на сельскохозяйственную продукцию снова возросли, что обеспечило повышение доходности крестьянских и фермерских хозяйств. Развитие сельскохозяйственного кредита

Франция выпустила в 1913 г. 45 тыс. автомобилей, заняв второе место в мире по их производству (после США), первое — по экспорту.

Но даже пример автомобильной промышленности свидетельствует об определенных изъянах французского производства в начале XX в., прежде всего о его большой распыленности. В 1906 г. во Франции насчитывалось 189 предприятий с числом рабочих свыше 1 тыс. человек. Крупным считалось предприятие, на котором работали от 100 до 300 человек. Но около трети всех наемных работников было занято на предприятиях, персонал которых не превышал 10 человек. Слабая концентрация производства служила препятствием применению более рациональных методов организации труда. Мешала она и стандартизации продукции. Поразительный факт: одно только предприятие «Рено» предлагало покупателям одновременно 10 моделей автомобилей!

Все это неблагоприятно отражалось на себестоимости, а следовательно, и на отпускной цене товаров. Поэтому на мировых рынках французская крупная индустрия часто не могла на равных конкурировать с иностранными производителями. Несмотря на рост французского экспорта (в среднем 3,7% в год между 1895 и 1914 гг.), его структура оставалась во многом устаревшей: традиционные изделия «изысканного вкуса» преобладали над продукцией современного машиностроения (автомобили — одно из немногих исключений).

По динамическим показателям развития Франция в начале XX в. не уступала другим странам, но потеря темпа в последней трети XIX в. обернулась невозполнимыми утратами. Пока экономика Франции топталась на месте, решая проблемы эффективности производства, некоторые другие страны, особенно США и Германия, ушли далеко вперед. Они значительно превзошли Францию по физическим и стоимостным показателям развития промышленного производства. Доля Франции в мировом экспорте промышленной продукции сократилась с 16% в 1876 г. до 12% накануне Первой мировой войны.

По сравнению с другими странами, в частности с Германией и США, французская промышленность на рубеже XIX—XX вв. отличалась более слабой концентрацией производства, капитала и рабочей силы. Уровень концентрации был особенно низким в тех отраслях, которые прямо зависели от массового потребительского спроса, например, в текстильной промышленности и автомобилестроении. Здесь действовало множество конкурировавших друг с другом мелких предприятий. Даже самые крупные из них не были достаточно мощными, чтобы продиктовать рынку свои условия. Относительно выше был уровень концентрации в отрас-

позволило улучшить агротехнику и агрикультуру. В 1892—1912 гг. второе — с 1 млрд до 3,2 млрд франков — возросла стоимость используемого в хозяйствах инвентаря. За это же время в аграрном секторе приблизительно на треть повысилась производительность труда.

Заметно увеличилась емкость внутреннего потребительского рынка, прежде всего благодаря росту реальной заработной платы в годы «великой депрессии». Сам этот рынок стал эластичнее в связи со стандартизацией потребительских вкусов, привычек и запросов широких слоев населения, чему способствовали процессы индустриализации, урбанизации, развитие средств сообщения, связи и массовой информации. Правда, угнетающе воздействовал на спрос слабый демографический рост. В начале XX в. продолжала сокращаться рождаемость, которая к 1911—1913 гг. упала до 18,8 промилле (уровни рождаемости и смертности примерно сравнялись).

Важным фактором ускорения экономического развития было то, что в начале XX в. французы в своей массе были более образованы, чем когда-либо прежде. Стали приносить плоды усилия правительств Третьей республики по развитию начального, среднего и высшего образования. Французская индустрия не испытывала нехватки ни профессионально обученных рабочих, ни квалифицированных инженеров и предпринимателей.

Далеко не случайно, что Франция в начале XX в. заняла лидирующее положение в развитии именно тех отраслей промышленности, которые предъявляли повышенные требования к знаниям, квалификации и конструкторской смекалке работников, — автомобильной, авиационной, электроэнергетической, алюминиевой. Показателен пример автомобильной промышленности. Ее пионером во Франции был Арман Пежо, выпускник одного из престижных высших учебных заведений — Центральной школы ремесел. Начиная с 1888 г. он закупал моторы «даймлер», выпускаемые парижской фирмой во главе с Эмилем Левассором, и монтировал их на кузова собственного производства. В 1890 г. Пежо, Левассор и еще один компаньон приступили к выпуску нового, более надежного автомобиля. К 1895 г. было изготовлено 250 экземпляров этой модели. Их примеру последовали другие предприниматели. В 1900 г. в отрасли конкурировали уже 30 производителей, в 1910 г. — 57, в 1914 г. — 155, из которых, правда, не больше трети сумели создать крупное производство. Одним из наиболее значительных производителей являлся Луи Рено. В период с 1900 по 1913 г. численность рабочих на его предприятии увеличилась с 110 до 4 тыс., выпуск автомобилей — со 179 до 4481, оборотный капитал вырос в 100 раз. Всего

лях, в которых было сосредоточено производство сырья, топлива и промышленного оборудования. В 1912 г. в металлургической промышленности 10 самых крупных предприятий контролировали 70% всего капитала отрасли. В главном каменноугольном бассейне Франции (на севере страны) 9 компаний добывали 80% этого минерала. Подобного рода олигополии (т.е. предприятия и компании, занимавшие господствующее положение в отрасли) сложились в машиностроительной промышленности и электроэнергетике. Наиболее высокой степенью концентрации капитала и производства отличались химическая и алюминиевая промышленность, в каждой из которых господствовали одно-два крупнейших предприятия. Именно в этих отраслях на рубеже XIX—XX вв. получили распространение соглашения между предприятиями о фиксации цен на выпускаемую продукцию. Например, в 1896 г. по инициативе крупнейшей химической компании «Сен-Гобен» возник картель производителей соды и соляной кислоты. Однако длительные и устойчивые монополистические соглашения во Франции были немногочисленными.

Дело Дрейфуса и политический кризис рубежа XIX—XX вв. Прогрессисты добились определенного успеха в консолидации либерально-консервативных сил. Но короток оказался век этой группировки: она не пережила жестокий политический кризис, потрясший Францию в конце 90-х годов XIX в.

Отдаленным предвестием грядущих потрясений явился приговор, вынесенный в декабре 1894 г. военным трибуналом по делу капитана Генерального штаба французской армии Альфреда Дрейфуса, который по ложному обвинению в шпионаже был приговорен к пожизненному заключению. Впоследствии удалось доказать, что дело было сфабриковано. Более того, был обнаружен и назван истинный «герой» шпионской истории, которую инкриминировали Дрейфусу, — некий майор Эстерхази. Однако в 1897 г. военный трибунал не нашел оснований для пересмотра дела. Эстерхази был оправдан, а уличивший его начальник военной контрразведки полковник Пикар отстранен от должности и в скором времени вообще уволен из армии.

Упорство, с которым военные власти препятствовали правосудию, объяснялось главным образом двумя причинами. Защищая «честь мундира», они хотели скрыть от общественности вопиющий случай произвола и беззакония, бросающий тень на армейскую верхушку. Кроме того, они сознательно выгораживали настоящего виновника шпионского скандала, возлагая ответственность на Дрейфуса, еврея, сына эльзасского промышленника. Они не считали его достойным принадлежать к элите офицеров

Генерального штаба, тон в которой традиционно задавали выходцы из аристократических семейств и монархисты.

Действия военных властей были восприняты широкой общественностью Франции как грубейшее нарушение элементарных прав и свобод гражданина. Едва дело Дрейфуса получило огласку благодаря усилиям его родных, а также видных политиков, литераторов и журналистов, страсти разгорелись с необыкновенной силой. Поначалу чисто юридический, казус приобрел политический характер. Большую роль сыграла публикация в газете Клемансо «Орор» статьи Эмиля Золя «Я обвиняю», в которой обличались действия правительства, чинов Генерального штаба и военных судей. Золя был подвергнут судебному преследованию по обвинению в клевете. Но его выступление всколыхнуло страну. По отношению к делу Дрейфуса Франция раскололась на два враждующих лагеря.

В защиту «чести» армии и против пересмотра дела поднялось большинство консервативно-католической партии, а также часть прогрессистов, включая Мелина, Дюпюи и президента республики Фора. Но ударной силой лагеря антидрейфусаров, как называли противников пересмотра дела Дрейфуса, являлось националистическое движение.

После поражения буланжизма националистическая пропаганда во Франции обратилась к сравнительно новой для себя теме ксенофобии и антисемитизма. Ее активно разрабатывал журналист Эдуар Дрюмон на страницах издаваемой им с 1892 г. газете «Либр пароль». Националисты утверждали, что человек другой крови или веры не может считаться «в полной мере» французом, на которого родина могла бы положиться в минуту опасности. Они находили в высшей степени подозрительным немецкое звучание имен евреев и протестантов. Активные выступления еврейской и протестантской общин в защиту парламентской республики, демократических и антиклерикальных реформ националисты истолковывали как стремление к подрыву национальных и нравственных устоев Франции. То, что среди членов франкмасонских лож, в большинстве проникнутых духом антиклерикализма, было много «иностранцев», они расценивали как доказательство тайного заговора против Франции. Наконец, как повод для разжигания ксенофобии и антисемитизма националисты использовали финансовые скандалы 80—90-х годов. Крах «Юньон женераль» они приписывали проискам еврейского и протестантского «высокого банка».

Но истинной находкой для них явилась самая громкая афера века — Панамская. Она серьезно ударила по французской экономике, укрепив недоверие вкладчиков к инвестициям в предпри-

ятия, и усилила их тягу к государственным бумагам. Но особенно болезненными оказались ее политические последствия. Из-за того, что правительство попыталось замять скандал, следствие по делу о злоупотреблениях началось только в 1891 г. А скандал разразился лишь после того, как в 1892 г. аферой заинтересовалась антисемитская газета Дрюмона. Она не только опубликовала материалы о коррупции в парламенте, скомпрометировавшие около 140 депутатов, но и представила главными виновниками руководителей компании евреев Рейнаха и Герца.

На выборах 1893 г. избиратели отказали в доверии даже такому популярному политику, как Клемансо, получавшему от Герца «субсидии» для своей газеты «Жюстис». Но главное — Панамский скандал дал толчок небывалому в истории Франции разгулу ксенофобии и антисемитизма, с тех пор густо окрасивших идеологию националистического движения.

В 1898 г. одновременно возникли несколько массовых организаций националистического толка: Лига патриотов, возрожденная под руководством все того же Деруледа, Лига французской родины, объединявшая представителей интеллигенции, Антисемитская лига, Французское действие («Аксьон франсэз») и другие. Они насчитывали сотни тысяч членов (например, одна только Лига французской родины — до полумиллиона) и оказывали сильный нажим на власти, чтобы не допустить пересмотра дела Дрейфуса.

В борьбе с националистами сторонники пересмотра дела, дрейфусары, выдвинули лозунг защиты демократических прав и свобод, гарантированных республикой. Под этим лозунгом объединились представители различных политических сил, общественных движений, конфессий — радикалы, часть социалистов, руководимых Жоресом, франкмасоны, протестанты, антимильтаристы, антиклерикалы. В начале 1898 г. ими была основана Лига прав человека, сыгравшая важную роль в истории правозащитного движения.

Организующее начало в ряды дрейфусаров внесли не только вновь создаваемые объединения, но и франкмасонские ложи. В конце XIX в. они представляли собой своеобразные клубы либерально-демократической интеллигенции, которые во многом отошли от вековых традиций масонства, в частности от положений первоначальных уставов об аполитичности и вере в «архитектора вселенной» (т.е. в бога). Во время Второй империи ложи являлись организационным ядром республиканской партии, а в первые десятилетия Третьей республики поставляли ей руководящие кадры. Большинство избранных по республиканским спискам президентов, премьер-министров, министров, депутатов и сена-

торов были франкмасонами. Борьба за пересмотр дела Дрейфуса стала поистине звездным часом французского масонства, во многом благодаря усилиям которого удалось обеспечить единство столь пестрых в политическом и социальном отношении сил, оказавшихся в лагере дрейфусаров. Впечатляющим проявлением этого единства явилась грандиозная демонстрация в поддержку республики и демократии, состоявшаяся в Париже 14 июля 1900 г.

Летом 1898 г. появились свидетельства того, что дело Дрейфуса было сфабриковано. Начальник военной разведки полковник Анри, признавшийся в подлоге, покончил жизнь самоубийством. С этого момента пересмотр дела стал неизбежным. Помешать этому мог только государственный переворот, который и попытались совершить националисты в феврале 1899 г., воспользовавшись смертью и похоронами президента Фора. Им это не удалось, и с отставкой кабинета Дюпюи летом 1899 г. открылась возможность дать делу законный ход.

Часть прогрессистов, обеспокоенных разгулом национализма и угрозой государственного переворота, примкнула к дрейфусарам. В июне 1899 г. новый президент республики Эмиль Лубе назначил главой правительства прогрессиста-дрейфусара Вальдека-Руссо. В состав его кабинета пошли представители всех основных политических сил, выступавших в защиту законности и порядка. Особенно примечательно было присутствие в нем социалиста Мильерана, занявшего пост министра торговли и промышленности. Правительство приняло решительные меры против националистов, добившись ареста и препровождения в суд их вождей. Тем самым ему удалось стабилизировать политическую обстановку. Однако обеспечить справедливое решение суда по делу Дрейфуса оно так и не сумело. Летом 1899 г. военный трибунал в ходе нового слушания вынес капитану Дрейфусу обвинительный приговор, хотя и принял во внимание смягчающие вину обстоятельства. Правительству не осталось ничего другого, как прибегнуть к процедуре помилования. Лишь в 1906 г. кассационный суд полностью реабилитировал Дрейфуса.

Перегруппировка политических сил. Дело Дрейфуса не только обнажило противоречия, накопившиеся в обществе за время правления умеренных республиканцев и прогрессистов. Оно вместе с тем послужило катализатором серьезных перемен. Прежде всего под его влиянием произошла значительная поляризация политических сил, которая уничтожила плоды многолетних усилий политиков консервативного и либерального толка, начиная с Тьера, по созданию устойчивого «центра». В разгар дела едва ли не все взрослое население Франции разделилось на дрейфусаров и

антидрейфусаров. Традиционное противостояние «левых» и «правых» вновь приобрело классически ясные очертания.

Однако по сравнению с 70—80-ми годами, когда эта формула выражала борьбу между республиканцами и монархистами, характер этого противостояния существенно изменился. Республика, какие бы чувства она ни вызвала у граждан, в целом воспринималась ими как свершившийся факт, непреложная действительность. Разногласия относительно формы правления уступили место спорам о механизмах функционирования существующей власти и перспективах ее реформирования. Поэтому когда дрейфусары выдвинули лозунг «защиты республики», это было не более чем данью традиции. Его игнорировала часть республиканцев, которые по примеру Мелина выступали против пересмотра дела Дрейфуса. В конце 90-х годов политические силы разделились на два противоположных лагеря не потому, что не сумели договориться о форме правления, а потому, что разошлись во взглядах на политические цели и ценности самой республики.

В результате перегруппировки политических сил, произошедшей под влиянием дела Дрейфуса, как «левые», так и «правые» во Франции приобрели новое обличье. Быть левым отныне значило не только сохранять приверженность республиканским и демократическим учреждениям, утверждать идеалы светскости в общественной жизни. Это значило также бороться против национализма и военщины как ударной силы реакции. Напротив, правых стали отличать главным образом национализм, преклонение перед армией и военной силой, стремление к авторитарному правлению вообще, независимо от его конкретной формы. Хотя между теми и другими сложился своего рода консенсус относительно признания существующей формы правления, а лозунг монархической реставрации уже не встречал живого отклика со стороны правых, левые упорно продолжали именовать себя «республиканцами». Фактически это было способом защитить свою монополию на республиканскую легитимность, единственно дающую право на власть в Третьей республике.

На рубеже столетий во Франции впервые возникла система организованных политических партий. Они сочетали парламентские методы деятельности с внепарламентскими, располагали сетью местных комитетов, не терявших связь с избирателями между выборами, и контролировали свои парламентские фракции. Способствовал тому закон об ассоциациях, принятый по предложению кабинета Вальдека-Руссо 1 июля 1901 г. Он предоставлял широкую свободу деятельности различным объединениям граждан, включая политические (профессиональные регламентировал закон 1884 г.). Закон предусматривал заявительный порядок

регистрации этих ассоциаций. В преддверие выборов 1902 г., которые, по мнению современников, должны были стать решающей пробой сил между дрейфусарами и антидрейфусарами, почти одновременно начали легальное существование несколько партий, представлявших главным образом левую часть спектра французской политики.

Пример подали социалисты, которые и раньше были организованы значительно лучше других политических сил. В 1899 г. они предприняли попытку провести объединительный съезд своих многочисленных организаций. Однако разногласия между сторонниками революционной тактики и реформистами обрекли его на провал. Разные позиции заняли те и другие по отношению к делу Дрейфуса. Гедисты из Рабочей партии расценили его как конфликт внутри буржуазного класса, до которого трудящимся просто нет дела. Напротив, независимые социалисты, такие как Жорес, активно выступили на стороне дрейфусаров.

Острые разногласия среди социалистов вызвал приход в кабинет Вальдека-Руссо независимого социалиста Мильерана. Он приобрел известность еще в 1896 г., когда после успеха социалистов на муниципальных выборах выдвинул программу мирного завоевания власти посредством всеобщего избирательного права. На посту министра Мильеран добился принятия закона о сокращении продолжительности рабочего дня для молодежи и женщин до 10,5 часа (впоследствии эта мера была распространена и на работников-мужчин). Не раз от имени правительства он выступал арбитром в спорах между рабочими и хозяевами. Несмотря на то что Мильеран принял приглашение войти в кабинет министров как частное лицо, официально никем на то не уполномоченное, социалисты ревниво отнеслись к его решению. Некоторые из них, например Жорес, его горячо поддерживали. Зато гедисты усмотрели в этом предательство интересов рабочего класса. Их негодование в особенности вызывало то, что коллегой Мильерана по правительству оказался участник подавления Коммуны генерал Галифе, занявший пост военного министра.

Из-за серьезных разногласий в 1901 г. возникли сразу две новые социалистические партии. Реформисты и сторонники участия в правительстве образовали Французскую социалистическую партию, в которую вошли POSSИБИЛИСТЫ и «независимые социалисты». Сторонники революционной тактики и «антиминистералисты», главным образом гедисты и бланкисты, объединились в рядах Социалистической партии Франции. Несколько мелких группировок, в том числе Революционно-социалистическая партия (аллеманисты), сохранили самостоятельность. Лишь уход Мильерана из правительства в связи с отставкой кабинета Вальде-

ка-Руссо в 1902 г. и принятие Амстердамским конгрессом II Интернационала в 1904 г. специальной резолюции о единстве социалистических партий создали предпосылки для преодоления раскола. В 1905 г. была образована Объединенная социалистическая партия (Французская секция рабочего Интернационала — СФИО). Ведущую роль в ней играло реформистское течение, а самым популярным и авторитетным лидером стал Жорес. Тем не менее в объединенную партию отказались войти «независимые социалисты» Мильеран, Вивиани, Бриан и другие, выражавшие несогласие с ее намерением проводить политику оппозиции по отношению к буржуазным правительствам и призывами к классовой борьбе.

В 1901 г. появилась общенациональная организация радикалов — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Такое название отражало стремление организаторов новой партии объединить все левые силы, приверженные идеалу демократической республики. В известной мере она достигла этой цели, что позволило ей в начале XX в. превратиться в самую влиятельную политическую партию Франции. Численность ее фракции в палате депутатов (обычно не менее трети всех мест) позволяла контролировать парламентское большинство и давала право на участие в любой правительственной коалиции. Но заплатить за это пришлось организационной рыхлостью, обусловленной широкой самостоятельностью как индивидуальных, так и коллективных членов партии — местных комитетов, масонских лож, печатных изданий и пр., — а также расплывчатостью политической программы. Она носила умеренно реформистский характер и предусматривала не только укрепление и защиту республиканских учреждений, но и активную социальную политику государства, средства на проведение которой должны были предоставить прогрессивно-подходящий налог и выборочные национализации. Такая программа в особенности импонировала средним слоям общества — всякого рода мелким собственникам, интеллигенции и пр., которые, чувствуя шаткость своего относительного благополучия, уповали на поддержку государства и опасались крайностей как экономического индивидуализма, так и коллективизма.

Стремление радикалов охватить всю республиканскую часть политического спектра нисколько не обеспокоило социалистов, располагавших собственными организационными структурами, избирателями в лице рабочего населения промышленных городов и далеко идущей программой социально-экономических преобразований. Но оно встревожило умеренных республиканцев, которые после распада группировки прогрессистов примкнули к лагерю дрейфусаров. В условиях резкого размежевания между «правыми»

и «левыми» им, сторонникам центристской политики, реально грозило поглощение более сильными «соседями» слева. Чтобы этого не произошло, они в конце 1901 г. образовали Республиканско-демократический альянс, в который вошли Луи Барту, Раймон Пуанкаре, Жозеф Кайо, Александр Рибо и др. Успех новому объединению обеспечили не организационные структуры, которые остались в зачаточном состоянии, и не широкообещательные обещания реформ, которые не шли дальше старой программы прогрессистов, но активная поддержка, оказанная ему деловыми кругами и «большой» парижской прессой. Альянс стал одной из основных партий правящего «лево»-республиканского большинства, усилив его правый фланг.

Выборы 1902 г. отличались исключительно высокой активностью избирателей. В некоторых округах к урнам пришли до 90% лиц, имевших право голоса. Но хотя по стране в целом кандидаты «лево»-республиканских партий собрали всего лишь на 200 тыс. голосов больше, чем их соперники — консерваторы и «Правые» республиканцы, они добились убедительной победы благодаря тому, что были лучше подготовлены в организационном плане и сумели выдвинуть единых кандидатов. «Левых» теперь представляли в парламенте 350 депутатов, из которых 210 были радикалами и радикал-социалистами, 95 — левыми республиканцами (членами Республиканско-демократического альянса), 45 — социалистами-реформистами. Кроме того, 6 мест завоевали революционные социалисты. «Правые» были вынуждены довольствоваться 230 депутатскими мандатами, из которых 115 принадлежали правым республиканцам-антидрейфусарам, 60 — националистам, 55 — консерваторам.

В результате поражения, которое консервативно-националистические «правые» понесли на выборах 1902 г., они на долгое время были отброшены в оппозицию без всякой надежды на возвращение к власти. Но кое-что из уроков, которые им преподнесли левые республиканцы, они все же усвоили. Прежде всего они поняли преимущества надлежащей организации.

В 1903 г. умеренные республиканцы, которые после раскола прогрессистов примкнули к лагерю антидрейфусаров, а также «присоединившаяся» к республике часть консерваторов, оказавшихся в том же лагере, образовали Республиканскую федерацию. В нее вошли Мелин, Шарль Дюпюи, Шарль Бенуа. Новая партия, не подвергая сомнению республиканскую форму правления, активно выступала в защиту традиционного уклада жизни, критиковала реформы, направленные на модернизацию общественных отношений, в особенности антиклерикальное законодательство, а также проповедовала национализм. В начале XX в.

Республиканская федерация была крупнейшей оппозиционной партией.

По сравнению с ней деятельность «неприсоединившихся» монархистов имела маргинальный характер. Дело Дрейфуса добило роялизм старого толка, живший воспоминаниями о прошлом. Легитимизм и орлеанизм практически сошли со сцены, уступив место новейшей разновидности правого радикализма, окрашенного в монархические цвета.

История правого радикализма начала XX в. неразрывно связана с Шарлем Моррасом. Отправным пунктом воззрений этого литератора и политического деятеля было представление об упадке Франции, утрате ею ведущей роли в мировом развитии. Причиной этого Моррас считал разрыв с исконными национальными традициями, вину за который он возлагал на последствия революции XVIII в. и вредные чужеземные влияния. Выход из положения он видел в возвращении к традициям, или, по его определению, в «интегральном национализме». Его программа предусматривала, во-первых, упразднение парламентаризма и демократии и восстановление монархического правления; во-вторых, возвращение традиционных прав и привилегий католической церкви; в-третьих, восстановление сословно-патриархальных отношений в обществе. Главное препятствие осуществлению этой программы Моррас видел в республиканском правлении, которое он предлагал свергнуть силой, а также в засилье евреев, протестантов, франкмасонов и «метёков» (иностранцев). Ксенофобия и антисемитизм были органической частью его воззрений.

В 1899 г. Моррас вступил в одну из расплотившихся в разгар дела Дрейфуса националистических группировок — «Аксьон франсэз». Его стараниями она скоро превратилась в одну из самых влиятельных праворадикальных организаций Франции. В одноименном ежемесячнике, который в 1908 г. был преобразован в ежедневную газету, Моррас начал пропагандировать свои воззрения и вскоре стал общепризнанным главой широкого общественного движения, располагавшего организационными и пропагандистскими структурами. Политическое крыло движения представляли Лига французского действия и организация боевиков «Королевские молодчики». Главным рупором «интегрального национализма» являлась газета «Аксьон франсэз». Интеллектуальные силы в лице писателей, ученых, профессоров объединял Институт Аксьон франсэз. Реставраторские идеи Морраса привлекли в его движение остатки обеих монархических партий. Поддержку оно получило и со стороны претендента герцога Орлеанского, сына умершего в 1894 г. графа Парижского. Однако титулованная знать не пользовалась в движении «Аксьон франсэз» особым влиянием.

Кроме того, прагматизм его руководителей, лишенных сентиментальности монархистов старой закваски, нередко приводил к серьезным размолвкам с претендентом.

«Левый блок». Выборы 1902 г. не способствовали успокоению страстей, разбуженных делом Дрейфуса. Консервативно-националистическая оппозиция, потерпев поражение, отнюдь не была сломлена. Поэтому «лево»-республиканские партии, завоевавшие большинство мест в палате депутатов, также не считали свою победу окончательной и были намерены продолжать борьбу. Они образовали в парламенте своеобразный координирующий центр «делегацию левых». Оформленная таким образом коалиция получила название «левого блока». Взамен кабинета Вальдека-Руссо, ушедшего в отставку, было сформировано правительство из 7 радикалов и 3 левых республиканцев во главе с Эмилем Комбом. Социалистам на этот раз не предложили портфеля, но их фракция, состоявшая главным образом из реформистов, поддерживала правительство своими голосами.

По существу Комб продолжал, только еще более энергично, политику предыдущего кабинета. Своей главной задачей он считал борьбу с клерикализмом, поднявшим голову в годы правления прогрессистов. Они сквозь пальцы смотрели на возникновение множества незарегистрированных религиозных конгрегаций, которые в разгар дела Дрейфуса поддерживали националистическую агитацию, в том числе и материально. Поэтому принятый еще в правление Вальдека-Руссо закон об ассоциациях содержал статью, направленную против конгрегаций: разрешение на их деятельность должна была выдавать палата депутатов, а их имущество подлежало контролю со стороны префектов. Новое парламентское большинство отвергло все просьбы о регистрации конгрегаций, в результате чего сотни их были распущены. Но этого правительству показалось мало, и в 1904 г. она внесло законопроект о запрещении тысяч ранее разрешенных конгрегаций, также принятый «лево»-республиканским большинством. Последовали и другие ограничения: монахиням запрещалось оказывать помощь пациентам военных госпиталей, военнослужащим — посещать собрания религиозных обществ, духовным лицам — получать университетские степени.

Антиклерикальная политика Комба привела к резкому ухудшению отношений между Францией и Ватиканом. После смерти Льва XIII в 1903 г. папой римским был избран Пий X, сторонник более жесткого курса во внешне- и внутрицерковных делах. После того как Ватикан выступил с серией протестов против действий французского правительства, Комб в 1904 г. заявил о разрыве с ним дипломатических отношений. В намерения правительства не

входило отменять конкордат, заключенный с римским престолом еще Наполеоном Бонапартом в 1801 г., однако логика противостояния заставила «лево»-республиканское большинство решиться и на эту меру. Уже после отставки Комба особая парламентская комиссия во главе с Брианом подготовила законопроект об отделении церкви от государства, который был принят в декабре 1905 г. Согласно новому закону, республика гарантировала свободу совести и свободное отправление всех культов, не субсидируя ни один из них. Католическая церковь, следовательно, впредь должна была существовать за счет пожертвований верующих. Ее имущество переходило в руки «культовых ассоциаций» прихожан.

Закон об отделении церкви от государства вызвал протесты со стороны французских католиков, которые усмотрели в нем посягательство на свои права. К неповиновению призывал их Пий X, специальными энцикликами осудивший закон и запретивший верующим создавать «культовые ассоциации». Тем не менее правительство приступило к выполнению закона, который предусматривал между прочим составление инвентарных описей церковного имущества. Это казенное мероприятие едва не взорвало гражданский мир: по всей стране прошли выступления верующих, которые иногда силой пытались помешать властям. Порой столкновения между ними приводили к кровопролитию. Правительство вскоре отменило эту столь возмущавшую католиков процедуру. Таким образом, первоначально закон об отделении ухудшил и без того непростые отношения между католиками и церковью, с одной стороны, и республиканским государством — с другой. Однако в долгосрочной перспективе он способствовал их нормализации на рациональной основе: церковь постепенно отказалась от притязаний на политические преимущества, а вместе с тем иссяк и основной источник антиклерикализма.

Хотя борьба с церковью была главным направлением внутренней политики «лево»-республиканских кабинетов начала XX в., не оставили они без внимания и армию. Цель ее демократизации преследовал закон о снижении срока военной службы с 3 до 2 лет, подготовленный Комбом, но принятый при его преемнике Морисе Рувье в 1905 г. Одновременно без лишней огласки была предпринята «чистка» офицерского корпуса от лиц, скомпрометировавших себя связями с клерикалами и националистами. В этом заключался смысл назначения сугубо штатского человека, радикал-социалиста К. Пельтана военно-морским министром, а известного дрейфусара генерала Андре — военным министром. Первый прославился тем, что откровенно третировал адмиралов и демонстрировал симпатии к бастующим рабочим арсеналов. С именем второго связан политический скандал, который и вызвал

падение кабинета Комба в январе 1905 г. В течение нескольких лет генерал Андре тайно и совершенно противозаконно собирал сведения об умонастроениях офицеров. Помогали ему в этом франкмасонские ложи, добровольно взявшие на себя функции политического сыска. Полученные таким образом сведения принимались министром во внимание при решении кадровых вопросов.

Эти крайности «комбизма», как стали называть внутреннюю политику «левого блока», во многом объяснялись атмосферой политического противоборства, характеризовавшего эпоху дела Дрейфуса. Они соответствовали настроениям значительной части «лево»-республиканского общественного мнения, убежденного в необходимости самой решительной борьбы с «реакцией». Однако крайности «комбизма» возмутили левых республиканцев, часть которых перешла в оппозицию. Ослабела и поддержка правительства со стороны социалистов. До поры до времени они согласны были закрывать глаза на отсутствие крупных социальных реформ. Но когда весной 1906 г. поднялась волна забастовок и власти, напуганные угрозой массовых беспорядков 1 мая, увеличили численность столичного гарнизона, социалисты забеспокоились. Поддерживая правительство, они рисковали потерять доверие рабочих избирателей.

Правление радикалов. На всеобщих выборах, состоявшихся в мае 1906 г., избиратели одобрили политику «лево»-республиканских партий, каждая из которых получила ощутимую прибавку депутатских мест. Но самое примечательное было то, что радикалы, завоевав 247 мандатов (что дало им значительный перевес над «правой» оппозицией, имевшей 174 мандата), отныне могли управлять страной самостоятельно, не прибегая к поддержке ни социалистов, ни левых республиканцев.

Радикальное большинство привело к власти кабинет во главе с Клемансо. В прошлом активный участник радикальной оппозиции правлению умеренных республиканцев, он впервые вошел в правительство на 65-м году жизни, заняв в марте 1906 г. пост министра внутренних дел. Этот пост он сохранил и после того, как в октябре 1906 г. возглавил правительство. Основанием тому служил рост политического напряжения в стране, связанный не столько с выполнением закона об отделении церкви от государства, сколько с ростом революционного синдикализма.

В начале XX в. синдикалистское (т.е. профсоюзное) движение вышло далеко за рамки защиты профессиональных интересов рабочих и служащих. В 1902 г. Федерация бирж труда влилась во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), образованную в 1895 г. Единый профсоюзный центр воспринял анархистские идеи

Ф. Пеллутье, в том числе и о всеобщей стачке как методе осуществления революции. Эта смесь анархизма и синдикализма получила название анархо-синдикализма. Его манифестом стала так называемая Амьенская хартия, принятая съездом ВКТ в октябре 1906 г. В ней заявлялось о приверженности профсоюзов классовой борьбе вплоть до «полного освобождения, которое может быть достигнуто лишь путем экспроприации капитала». Всеобщая стачка объявлялась главным средством этой борьбы, а профсоюзы — орудием не только сопротивления эксплуататорам, но и организации производства и распределения в будущем. Наконец, хартия провозглашала независимость профсоюзов — не только организационную, но и доктринальную — от политических партий, не исключая социалистической.

В середине 1900-х годов ВКТ попыталась на практике осуществить эти идеи. Из каждой забастовки ее руководители пытались выжать максимальный пропагандистский эффект, рассчитывая на солидарные действия рабочих других предприятий и отраслей, ведущие к всеобщей стачке. Во многом благодаря их усилиям трудовые конфликты приобрели ожесточенный характер. Нередкими стали насильственные действия забастовщиков против фабричной администрации, штрейкбрехеров и сил правопорядка, умышленная порча имущества и пр.

Видя это, Клемансо еще в самом начале своей министерской карьеры заявил одному из руководителей ВКТ: «Вы вышли на баррикады, я же встал по другую сторону. Вы затеваете беспорядки, я же обязан защищать порядок. Следовательно, моя задача заключается в том, чтобы сорвать ваши планы. Лучше, чтобы вы отнеслись к этому как к неизбежности». И в дальнейшем Клемансо проявлял решительность всякий раз, когда действия забастовщиков прямо затрагивали интересы граждан. Он широко прибегал к вводу в места забастовок армейских частей, одного присутствия которых подчас было достаточно, чтобы предотвратить беспорядки. Так было в апреле 1906 г., когда на улицы шахтерских городов и поселков было выведено 20 тыс. солдат против 40 тыс. забастовщиков. В марте 1907 г. Клемансо добился прекращения забастовки электриков, на два дня оставивших без освещения большую часть Парижа, заявив, что готов обеспечить электроснабжение силами военных техников. Но забастовка и демонстрация рабочих песчаных карьеров в Дравей и Вильнев-Сен-Жорж летом 1908 г. сопровождалась возведением баррикад и столкновениями с жандармерией и войсками, в результате чего несколько человек были убиты и десятки ранены.

Однако в борьбе с анархо-синдикалистами Клемансо не всегда мог положиться даже на армию. Летом 1907 г. южные департа-

менты были охвачены волнениями крестьян-виноградарей. Они несли большие убытки вследствие падения цен на свою продукцию. Вину за это они возлагали на мошенников, которые наловчились выпускать всевозможные подделки под натуральные вина. Крестьяне требовали, чтобы власти положили конец этой негодной практике. Города Безье, Перпиньян, Нарбонн, Каркассон стали в конце мая — начале июня ареной массовых демонстраций, на которые съезжались жители сельской округи. 9 июня в Монпелье собралось свыше 700 тыс. демонстрантов. Солдаты, направленные туда для поддержания порядка, заявили о своей солидарности с ними. А 21 июня, после того как в ряде городов произошли кровавые столкновения между демонстрантами и силами порядка, несколько сотен солдат 17-го пехотного полка, набранного из местных уроженцев, подняли мятеж и прибыли в Безье, чтобы поддержать земляков. Депутаты, обеспокоенные этими событиями, уже 22 июня приняли закон о контроле за качеством вина.

Репрессивные меры против забастовщиков были осуждены социалистами, которые обвинили кабинет в стремлении ограничить права трудящихся и править полицейскими методами. С яркими обличительными речами выступил в палате депутатов Жорес, которому нередко отвечал сам Клемансо. Их словесная дуэль обозначила новую политическую реальность: «левый блок» окончательно распался, и Объединенная социалистическая партия перешла в оппозицию правительству слева.

Парадокс заключался в том, что правительство Клемансо было едва ли не первым в истории Третьей республики, которое вознамерилось, защищая демократию и не отказываясь от антиклерикализма, всерьез заняться проведением социально-экономических реформ. Об этом свидетельствовали политический состав и структура кабинета министров. В него вошли «независимые социалисты» Бриан и Вивиани (последний возглавил впервые созданное министерство труда). Представляя свое правительство парламенту, Клемансо обещал ускорить принятие закона о рабочих пенсиях, сократить продолжительность рабочего дня до 10 часов, провести закон о коллективных договорах, осуществить реформу налоговой системы и многое другое. Однако лишенный поддержки социалистов, поглощенный борьбой с анархо-синдикалистами, он не преуспел в осуществлении этой программы. Законопроект о пенсиях, одобренный палатой депутатов еще в феврале 1906 г., после многочисленных уточнений и согласований был утвержден сенатом только в марте 1910 г. Еще меньше повезло законопроекту о прогрессивно-подоходном налоге, автором которого являлся министр финансов Ж. Кайо. Принятый к

рассмотрению в феврале 1907 г., он десять лет кочевал из одной парламентской комиссии в другую, прежде чем приобрел силу закона. Сравнительно быстро правительству удалось добиться голосования лишь по проекту выкупа убыточной Компании железных дорог Запада, ставшему законом в июле 1908 г.

Твердость, с которой Клемансо противостоял анархо-синдикалистам и социалистам, в сочетании с умеренным реформизмом и гибкостью, проявленной им при проведении в жизнь антиклерикального законодательства, обеспечили ему поддержку со стороны правых республиканцев. Клемансо шокировал своих соратников-радикалов, когда принял эту поддержку, заявив, что не считает себя вправе исключать кого-либо из «республиканской партии». Это шло вразрез с духом «левого блока» и свидетельствовало об усилении «центристской» тенденции в политической жизни.

Партия радикалов, в которой сторонники «комбизма» сохраняли сильные позиции, некоторое время сопротивлялась новым веяниям. На съезде 1908 г. в Дижоне она высказалась за воссоздание «левого блока» и формирование правительственного большинства вместе с социалистами. Но постепенно старое поколение радикалов — неутомимых романтиков, идеологов и оппозиционеров — уступило первые роли в партии молодым прагматикам, жаждавшим власти, карьеры и реальных дел. Символом смены поколений стало избрание председателем исполкома партии левого республиканца Ж. Кайо, предпринимателя и специалиста в области финансов, сделавшего ставку не на антиклерикализм или старый лозунг защиты республики, а на требование налога на доходы и капитал. В 1913 г. съезд в По предпочел его кандидатуру «старой боробе» радикализма К. Пельтану.

В последние годы перед Первой мировой войной во Франции сложилось своеобразное положение, когда парламент от выборов к выборам все больше «левел», а политика правящих кабинетов «правела». Если в 1906 г. партии «левых», включая социалистов, располагали в палате депутатов 411 местами, то в 1910 г. — 459, а в 1914 г. — 470. Особенно впечатляющими были избирательные успехи Объединенной социалистической партии, которая за 8 лет увеличила свое представительство вдвое — с 54 мандатов в 1906 г. до 102 в 1914 г. Однако ее отказ от сотрудничества с правительством вынуждал радикалов искать союзников справа, среди левых республиканцев. После распада «левого блока» в парламенте, таким образом, сложилось устойчивое левоцентристское большинство, которому соответствовал и политический состав правящих кабинетов.

В 1909 г. Клемансо уступил место во главе правительства независимому социалисту А. Бриану. В прошлом видный синдикалист, сторонник всеобщей стачки, он на рубеже веков, подобно Мильерану, увлекся реформизмом, что в сочетании с незаурядной политической гибкостью обеспечило ему в дальнейшем блестящее политическое будущее. Его кабинет был составлен из радикалов, левых республиканцев и независимых социалистов. В области внутренней политики Бриан придерживался в целом курса, намеченного его предшественником. При нем были завершены некоторые реформы, начатые Клемансо, а также смягчена процедура ликвидации конгрегаций, ранее нередко дававшая повод для злоупотреблений. Столь же твердой позиции, как и предыдущий кабинет, придерживался Бриан по отношению к анархо-синдикалистам. Когда в октябре 1910 г. всеобщую забастовку объявили железнодорожники, он перевел их на военное положение. В ответ на критику в парламенте со стороны социалистов Бриан заявил: «Если бы существование государства оказалось под угрозой, а правительство не нашло бы законных способов его защиты, в частности, не смогло бы располагать железными дорогами, этим важным инструментом национальной безопасности, и поэтому было бы вынуждено преступить закон, то оно сделало бы этот шаг!»

В составе левоцентристского большинства левые республиканцы, насчитывавшие в среднем около 100 депутатов, постепенно вернули себя ключевые позиции в правительстве. Не считая «перебежчика» Кайо, возглавлявшего кабинет министров в 1911 г., их представителям трижды накануне войны поручалось формирование правительства. Это были Р. Пуанкаре и Л. Барту в 1912—1913 гг., а также А. Рибо — в 1914 г. По ряду вопросов они открыто прибегали к поддержке правых республиканцев (членов Республиканской федерации), во многом благодаря голосам которых в 1913 г. президентом республики был избран Пуанкаре. В парламенте, далеко уже не столь резко разделенном на «правых» и «левых», как в начале века, снова обнаружилась тенденция к образованию либерально-консервативного «центра».

Подготовка к войне. В общественной атмосфере начала XX в. отчетливо ощущалось усиление угрозы войны. О ней напоминали участвовавшие международные кризисы, прямо затрагивавшие интересы Франции и ее союзницы России: русско-японская война, два марокканских и боснийский кризисы, Балканские войны. Вызовом безопасности своей страны считали французы крупномасштабные программы перевооружения армии и флота, осуществлявшиеся в Германии. Поэтому по мере того, как остывали страсти, возбужденные делом Дрейфуса и отделением церкви от

государства, на первый план в области внешней и внутренней политики выступали вопросы укрепления обороноспособности.

Международные позиции Франции значительно усилились благодаря деятельности видного политика и дипломата Теофиля Делькассе, занимавшего в 1898—1905 гг. пост министра иностранных дел. Он добился заключения секретного соглашения (1902) с Италией, вызвавшего охлаждение в ее отношениях с Германией, и положил конец многолетней вражде с Великобританией. В 1904 г. с ней было подписано соглашение по колониальным вопросам, открывшее эру дружественных отношений между обеими странами, известную как «сердечное согласие» (Антанта). Значительные усилия приложил Делькассе для заключения в 1907 г. аналогичного соглашения между Великобританией и Россией, которое привело к образованию Тройственного согласия.

Однако серьезной проблемой для французской дипломатии являлось нежелание Великобритании связывать себе руки формальным военным союзом, а также размолвка с Россией во время боснийского кризиса. Этими трудностями воспользовался Кайо, который вынашивал иную концепцию внешней политики Франции. Залогом ее безопасности он считал соглашение с Германией по широкому кругу спорных проблем и тесный союз со странами Южной Европы — Италией и Испанией. Разумеется, Франции в этом союзе отводилась ведущая роль. Осуществить эту программу Кайо попытался во время марокканского кризиса 1911 г., когда он занимал пост главы правительства. В результате переговоров Кайо удалось достигнуть компромисса с Германией: в обмен на передачу ей части французских владений в Тропической Африке она отказалась от своих притязаний на Марокко. Однако общественное мнение Франции сочло условия компромисса невыгодными, даже унижительными. В ходе парламентских прений встал вопрос о доверии кабинету, и Кайо подал в отставку.

Его внешнеполитическая программа оказалась неприемлема не только для откровенных националистов и сторонников реванша, но и для значительной части людей, принципиально отвергавших войну как способ решения международных конфликтов. Речь идет прежде всего об анархо-синдикалистах и социалистах, не представлявших себе иной альтернативы войне, кроме революции, и вынашивавших наивные, а порой и авантюристические планы противодействия ей. Политико-идеологические разногласия помешали сторонникам мира во Франции выработать реалистическую и популярную программу борьбы с угрозой войны.

Поскольку миролюбие и пацифизм были свойственны прежде всего социалистам и радикалам, то основная тяжесть работы, связанной с подготовкой Франции к войне, легла на партии,

стоявшие от них справа. Инициатива принадлежала левым республиканцам, которые в равной мере пользовались доверием и «левых», и «правых», а кроме того, обладали всеми преимуществами одной из основных правительственных партий. На высшие государственные должности они выдвигали человека, который по своим личным качествам явно не мог претендовать на роль популярного вождя, но прекрасно мог справиться с обязанностями организатора совместной работы людей разных убеждений. Таким человеком был Р. Пуанкаре. Он сознательно держался в тени со времени дела Дрейфуса, чем заслужил себе репутацию осторожного, не склонного к поспешным и нисобдуманым шагам политика. Кроме того, его призывы к укреплению обороноспособности Франции внушали многим французам больше доверия, чем эстрагантные планы предотвращения войны, выдвигавшиеся сторонниками мира. После отставки кабинета Кайо именно Пуанкаре было поручено в январе 1912 г. сформировать новое правительство.

Его пребывание на посту премьер-министра ознаменовалось рядом важных мер по усилению вооруженных сил Франции. Несмотря на оппозицию социалистов, была одобрена военноморская программа, согласно которой к 1920 г. флот насчитывал бы 28 броненосцев (в строю находилось уже 18 кораблей этого типа) и 52 миноносца. Стоимость этой программы оценивалась в 1,4 млрд франков (около трети годового бюджета страны). Кроме того, решено было создать военную авиацию. Наряду с принятыми ранее мерами — усилением артиллерии армейских корпусов, созданием в 1911 г. должности главнокомандующего армией, которую занял генерал Жоффр, — все это свидетельствовало о серьезности военных приготовлений Франции. Став президентом республики, Пуанкаре добился продления срока службы в армии с 2 до 3 лет, что позволило увеличить ее численность в мирное время с 540 тыс. до почти 700 тыс. человек (против 860 тыс. в Германии). В 1913 г. соответствующий закон был принят вопреки оппозиции социалистов и значительной части радикалов.

Во многом благодаря стараниям Пуанкаре Франция накануне войны установила подлинно союзнические отношения с другими державами Согласия. С 1913 г. наладилось военное сотрудничество с Великобританией (проведение совместных маневров, консультации Генеральных штабов). Удалось устранить недоразумения и в отношениях с Россией, куда в 1912—1913 гг. дважды — в качестве премьер-министра и президента — выезжал Пуанкаре. Его третий визит в Россию в июле 1914 г. совпал с острейшим международным кризисом, переросшим в мировую войну.

Конец «прекрасной эпохи». Июльский кризис 1914 г. и начало мировой войны прервали относительно благополучный период истории Франции, который продолжался свыше 40 лет. Его главной отличительной чертой была стабильность. Полоса революций и контрреволюций наконец завершилась и в стране установился режим, основанный на признании индивидуальных и коллективных прав и свобод, парламентаризма и других либерально-демократических институтов. Во французской экономике по-прежнему соединялись архаичные и новаторские элементы. Франция как была, так и осталась преимущественно крестьянской страной, 60% населения которой жило в сельской местности и почти половина занималась сельским хозяйством.

Однако при всей стабильности общественных структур и народнохозяйственных пропорций повседневная жизнь громадного большинства французов за эти десятилетия существенно изменилась к лучшему. Об этом свидетельствует рост среднедушевого потребления некоторых нетрадиционных для Франции (как и Европы в целом) продуктов питания, например, мяса — с 26 до 40 кг, сахара — с 6,5 до 17 кг. Люди стали лучше одеваться: в 2,5 раза увеличилось потребление шерсти, в 3 раза — хлопка. Общее повышение уровня жизни нашло отражение и в значительном росте накоплений на счетах сберегательных касс — с 0,5 до 6 млрд франков.

Разумеется, это благосостояние распределялось между отдельными социoproфессиональными категориями населения неравномерно. Ничего или почти ничего не получили крестьяне — владельцы мелких, клонившихся к упадку хозяйств, сельскохозяйственные рабочие, младший персонал всевозможных государственных контор, кустари, нсобученные рабочие. Но динамика заработной платы в промышленности доказывает, что накануне войны 1914 г. рабочие и служащие промышленных предприятий в среднем располагали большими средствами, чем по окончании войны 1870—1871 гг. Их заработки — как номинальные, так и реальные — выросли за это время приблизительно в 1,5 раза, причем рост реальной заработной платы пришелся главным образом на период «великой депрессии».

Наряду с ростом благосостояния значительной части населения большие социокультурные последствия имело также сокращение продолжительности рабочего дня наемных работников. Накануне войны 10-часовой день стал нормой на трех из каждых четырех промышленных предприятий. Профсоюзы требовали распространить закон о 8-часовом рабочем дне, принятый в отношении шахтеров в 1905 г., на другие профессии. У миллионов людей появилось время для досуга. Это внесло новую струю в общест-

венную жизнь, дало толчок развитию и распространению новых форм быта и общения. Соответственно изменился облик городов, особенно крупных. Бывшие прежде средоточием нищеты, антисанитарии и преступности, они превратились в центры «индустрии развлечений», культурного досуга, а также просветительской, политической, благотворительной и прочей общественной деятельности. Наступил «золотой век» периодической печати, стремившейся удовлетворить возросшие интеллектуальные запросы населения. Количество ежедневных газет в столицах и провинции исчислялось многими сотнями, а число еженедельников за 30 лет увеличилось вдвое и составило в 1913 г. 2 тыс. наименований.

В начале XX в. французское общество оставалось иерархичным. Богатство и образ жизни отделяли его высшие слои от низших. Как и в прежние времена, великосветские гостиницы отличались роскошью и изысканностью. Состоятельные и именитые бездельники со всего мира стекались в Париж и на знаменитые курорты, чтобы в полной мере насладиться жизнью. Однако монополию на политическую деятельность, образование и культуру, которой высшие слои (аристократия, буржуазия) обладали на протяжении столетий, они утратили. В общественной жизни заметно возросла роль так называемых новых средних слоев. К ним принадлежали все те, кто жил преимущественно на доходы не от прибыли, а от своего труда, но труда интеллектуального, требующего специальных знаний и широкой культуры. Это были не только лица свободных профессий — юристы, врачи, литераторы, — но и техническая интеллигенция (накануне войны во Франции насчитывалось около 25 тыс. инженеров), учителя (125 тыс. только в начальной школе), руководящий персонал предприятий и государственной администрации.

Своеобразие эпохи заключалось в том, что впервые в истории плодами цивилизации и прогресса, включая не только материальные и духовные блага, но и провозглашенные некогда права человека и гражданина, смогли воспользоваться также низшие слои. Это придало общественной атмосфере начала века неповторимый колорит жизнерадостности, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Недобрые предчувствия иногда посещали французов, но это лишь обостряло восприятие жизни, заставляло ценить каждое ее мгновение. После мировой войны, резко изменившей общественную атмосферу, французы еще долго с ностальгией вспоминали эти годы, которым дали название «прекрасной эпохи».

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ в начале XX в.

Особенности экономического развития. Американский корпоративный капитализм. Бурное экономическое развитие, характерное для Соединенных Штатов Америки в последние десятилетия XIX в., продолжалось с неменьшей силой в начале XX в. И в тот период продолжали действовать важные факторы, обусловившие ускоренное экономическое развитие США после Гражданской войны. Необычайно быстро шел процесс индустриализации страны, продолжалось развитие высокотоварного фермерского хозяйства, сохранялся чрезвычайно емкий внутренний рынок, 15 млн иммигрантов прибыли в США только за первые полтора десятилетия XX в.

Но одновременно с этим на рубеже XIX и XX вв. в социально-экономической структуре Соединенных Штатов произошли кардинальные изменения: капитализм свободной конкуренции превратился в монополистический, корпоративный капитализм. Начавшееся в 70-х годах XIX в. образование первых монополистических объединений приобрело особенно широкий размах в период 1898—1903 гг. Об этом свидетельствовала вышедшая в 1904 г. книга американского экономиста Джона Муди «Правда о трестах». По его данным, если в 1898 г. в США насчитывалось 82 промышленных треста с общим капиталом в 1 млрд долл., то в 1903 г. число промышленных трестов возросло до 319, а их общий капитал увеличился до 7 млрд дол. Кроме того, в стране действовали 127 железнодорожных трестов и корпораций в других отраслях коммунальных услуг. Всего, следовательно, в начале XX в. в США насчитывалось 446 трестов с общим капиталом в 20 млрд дол. Удельный вес продукции, выпускаемой корпоративными промышленными объединениями, неуклонно возрастал. В 1914 г. они производили около $\frac{3}{4}$ промышленной продукции США.

Только в начале XX в. и стали создаваться по-настоящему гигантские корпоративные объединения. Наиболее ярким примером такого рода стало создание в 1901 г. «ЮС Стил корпорейшн», или Стального треста. Это мощное объединение возникло на базе слияния сталелитейной компании Э. Карнеги и ряда других корпораций под контролем крупнейшего американского банкира

Джона П. Моргана. Уже при создании его капитал составил 1,4 млрд дол., в первое десятилетие трест давал почти половину выплавки чугуна в США и 2/3 производства стали, а его ежегодные доходы достигали 100—150 млн дол.

Продолжался быстрый рост рокфеллеровской «Стандард ойл». В начале XX в. она контролировала 95% нефтяной промышленности США и осуществляла контроль над многими другими промышленными и железнодорожными фирмами. К началу Первой мировой войны ежегодные доходы компании достигли 200 млн долларов.

Очень быстрыми темпами проходило трестирование автомобильной промышленности. Ее развитие было связано прежде всего с именем Генри Форда, талантливого конструктора и организатора производства, приступившего в начале XX в. к массовому изготовлению автомобилей. Перед Первой мировой войной более 80% производства автомобилей в США приходилось на долю трех крупнейших автомобильных трестов-компаний — Г. Форда, «Дженерал моторс» и фирмы «Крайслер». Примерами крупных монополистических объединений в других отраслях промышленности были такие фирмы, как «Интернешнл харвестер», на долю которой приходилось 85% производства сельскохозяйственных машин, «Дженерал электрик», «Америкэн телеграф энд телсфон» и др.

Характерной чертой начала XX в. было образование новой формы корпоративных объединений — так называемых держательских (холдинговых) компаний, которые аккумулировали средства сотен тысяч, а затем и миллионов акционеров и использовали эти средства для активных действий на фондовой бирже с целью захвата контрольного пакета акций конкурирующих компаний.

По общему объему промышленной продукции Соединенные Штаты в начале XX в. намного обогнали все другие страны. В 1913 г. они производили 570 млн тонн каменного угля, 31 млн тонн стали, 33 млн тонн нефти. Очень быстро набирали силу новые, наиболее технически оснащенные отрасли промышленности — автомобильная, электротехническая, химическая.

Громадная концентрация производства сопровождалась в начале XX в. быстрой централизацией капитала и сращиванием банковского капитала с промышленным. Именно в этот период в Соединенных Штатах сложились две наиболее мощные финансово-промышленные группы — группы Моргана и Рокфеллера. Они возглавляли тогда 112 банков, железнодорожных компаний, промышленных и финансовых корпораций. Суммарные капиталы этих двух мощнейших финансово-промышленных групп США составили в начале XX в. около 22 млрд дол., т. е. одну треть

всего богатства страны. Таким путем создавалась финансовая олигархия — немногочисленная группа финансовых магнатов — та «тысяча американцев», которая безраздельно господствовала в экономической и социально-политической жизни Соединенных Штатов.

Господствующее положение крупных корпораций в экономической жизни страны существенно изменило характер функционирования капиталистической экономики. Неограниченная монополистическая практика, контроль над производством, сговор крупнейших корпораций о ценах и условиях производства — все это осложняло нормальный ход процесса воспроизводства, вело к углублению и затягиванию экономических кризисов. В условиях кризиса громадные монополистические объединения в отличие от сравнительно мелких предпринимателей эпохи капитализма свободной конкуренции могли поддерживать монопольно высокий уровень цен путем сокращения объемов производства ради поддержания высокого уровня прибылей. Это затягивало кризис, создавало преграды для обновления основного капитала, придавало кризисам особенно разрушительный характер.

Затягивание экономических кризисов, их возросшая разрушительная сила вели к значительному ухудшению положения трудящихся. Росло число безработных, сокращалась заработная плата рабочих, падали доходы мелкобуржуазных групп городского и сельского населения, увеличивались масштабы их разорения. Конечно, кризисы по-прежнему сменялись периодами довольно быстрого экономического подъема. Но в целом социально-психологический менталитет низов существенно изменился. Рабочему противостоял теперь не хозяин относительно небольшого промышленного предприятия, который был связан с ним личностными отношениями, а непонятная для него безжалостная безличная сила в лице крупной корпорации. Под натиском крупного капитала рушились местные территориально-производственные связи, теряли самостоятельность и разорялись массы мелких товаропроизводителей в городах и на фермах.

Неблагоприятные последствия господства магнатов крупного капитала остро ощущали, однако, не только социальные низы общества, но и многочисленные представители средних слоев населения и даже круги немонополистической буржуазии. На рубеже XIX—XX вв., по выражению американского историка Ричарда Хофстедтера, произошла своеобразная «революция статуса» — значительное понижение социального статуса этих общественных групп по сравнению с главами крупнейших корпораций. Наступило время, писал Р. Хофстедтер, когда «любое состояние, любая карьера, любое общественное положение казались

незначительными в сравнении с могуществом Вандербилдтов, Гарриманов, Гулдов, Карнеги, Рокфеллеров и Морганов».

Таким образом, в начале XX в. с вступлением Соединенных Штатов в эпоху корпоративного капитализма со всей остротой проявились неблагоприятные последствия экономического и социально-политического господства монополий для основной массы населения страны. Результатом этих процессов было возникновение нового социального противоречия — между монополиями и основными слоями народа. Характерное для традиционного капитализма противоречие между его экономической эффективностью и отсутствием социальной защищенности членов общества выступило на первый план.

Активизация внешнеполитического курса США. Особенности положения США в сфере мировой политики. На рубеже XIX—XX вв. произошли крупные изменения и во внешнеполитическом курсе американского правительства. Бурный рост экономического потенциала страны, превращение Соединенных Штатов в динамичное индустриально-аграрное государство, в одну из наиболее экономически развитых стран мира — все это усилило стремление быстро формирующихся групп монополистической буржуазии к активизации внешнеполитической экспансии, к завоеванию внешних рынков сбыта товаров и сфер приложения капиталов. Эти устремления четко выразил в 1895 г. в своем выступлении на учредительном съезде Национальной ассоциации промышленников видный деятель республиканской партии Уильям Маккинли, вскоре после этого избранный на пост президента США. Он заявил о крайней необходимости получения «иностранных рынков для избыточной продукции, которая переполняет наши внутренние рынки».

Не случайно как раз в конце XIX в. в Соединенных Штатах завершилось формирование идеологии империалистического экспансионизма, в разработке которой приняли участие многие видные ученые, публицисты, политические деятели, представители протестантской церкви. Важнейшим идейным источником экспансионистской идеологии стала теория «предопределения судьбы», в основе которой лежали идеи избранности, особой миссии американцев, которым самой судьбой якобы предопределено установить свое господство над всеми «отсталыми» народами Западного полушария, а затем и всего земного шара. Теория «предопределения судьбы», активно пропагандировавшаяся еще в первой половине XIX в., когда Соединенные Штаты быстро расширяли свои границы на запад, вплоть до Тихого океана, в конце века была тесно увязана с традиционными расистскими догматами о превосходстве англосаксов и с очень популярными в

то время социал-дарвинистскими теориями, гласившими, что и в природе, и в обществе, и в отношениях между различными народами непрерывно идет борьба за существование и что в этой борьбе «выживают наиболее приспособленные». Особенно активную роль в пропаганде идеологии империалистического экспансионизма в конце XIX в. играли крупные ученые, представители англосаксонской школы историографии Джон Фiske и Джон Бэрджесс, видный деятель американского протестантизма Джошуа Стронг, один из инициаторов программы создания мощного военно-морского флота Альфред Мэхен, а также группа так называемых «империалистов-практиков» во главе с Теодором Рузвельтом и сенатором Генри Кэботом Лоджем.

Первым решительным актом империалистической экспансии Соединенных Штатов на рубеже XIX—XX вв. стала испано-американская война 1898 г. Внешним поводом, использованным американским правительством для развязывания этой войны, послужили суровые репрессии испанских колониальных властей против участников национально-освободительного движения, боровшихся за независимость Кубы. Заявляя о своем сочувствии борьбе повстанцев, правительство США несколько раз посылало ноты протеста против творимых испанскими властями насилий. Затем эта пропагандистская кампания была подкреплена демонстрацией силы: в Гавану был послан американский крейсер «Мэн». 15 февраля 1898 г. этот крейсер, стоявший на гаванском рейде, внезапно взорвался, унеся с собой жизни 260 американских моряков. Хотя тщательное расследование так и не выяснило истинных причин случившегося, правительство США возложило вину на Испанию и использовало этот предлог для начала военных действий.

Испано-американская война продолжалась около трех месяцев. Испания потерпела поражение и вынуждена была просить мира. По мирному договору, заключенному в декабре 1898 г., Соединенные Штаты получили Филиппинские острова, заплатив 20 млн дол. в качестве компенсации Испании, а также острова Пуэрто-Рико и Гуам. Испания признала независимость Кубы. Однако на острове оставались американские войска, а в 1903 г. Кубе была навязана так называемая поправка Платта, которая предоставила Соединенным Штатам право на интервенцию «в целях защиты независимости Кубы», установила американский контроль над ее внешней политикой и разрешила строить на ее территории военно-морские базы США. Все это фактически превратило Кубу в полуколонию Соединенных Штатов. Наконец, еще одним важным побочным результатом войны США против Испании явилась окончательная аннексия Гавайских островов.

Еще в ходе войны американский конгресс принял постановление о присоединении Гавайских островов в качестве «части территории США».

Установление американского колониального господства над Филиппинами вызвало отчаянное сопротивление населения архипелага. Более трех лет филиппинская армия героически сражалась за независимость страны. Однако американские войска беспощадными расправами над филиппинцами в 1902 г. подавили это сопротивление.

Приобретение таких важных владений в бассейне Тихого океана, как Гавайи, Филиппины и Гуам, рассматривалось Соединенными Штатами как завоевание плацдарма для проникновения в страны Восточной Азии, и прежде всего в Китай. Но поскольку Китай к концу XIX в. был уже поделен на сферы влияния крупнейшими европейскими колониальными державами, американское правительство, опираясь на возросшее экономическое могущество Соединенных Штатов, выдвинуло в качестве руководящего принципа своей политики в этом районе курс на экономическое проникновение. Этим целям и служила доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей» в торговле с Китаем, которая в качестве односторонней американской декларации была изложена в сентябре 1899 г. в нотах государственного секретаря США Джона Хэя правительствам Англии, Германии, Франции, России и Японии. Тем самым Соединенные Штаты делали первую серьезную заявку на завоевание преобладающих экономических, а на этой базе и политических позиций Америки в Китае.

Однако главные усилия в своей экспансионистской политике в начале XX в. Соединенные Штаты направляли на страны Центральной и Южной Америки. Американское правительство опиралось при этом на новое истолкование доктрины Монро. Еще в 1895 г. государственный секретарь США Р. Олни в ноте Англии провозгласил исключительную ответственность США за положение в странах Латинской Америки. Еще более расширительную интерпретацию доктрины Монро дал в 1904 г. президент Т. Рузвельт. Он заявил, что Соединенные Штаты не только намерены взять на себя ответственность за урегулирование любых споров между странами Латинской Америки и европейскими странами, но в случае «хронических беспорядков» в какой-либо латиноамериканской стране должны «взять на себя роль международной полицейской силы».

К этому времени у Соединенных Штатов уже был первый опыт применения подобной политики «большой дубинки» по отношению к странам Латинской Америки. Превратив Кубу в полуколонию и получив там опорные базы, США стали добивать-

ся строительства межокеанского канала через Панамский перешеек и установления единоличного контроля над ним. Американское правительство заключило договор с правительством Колумбии о строительстве и эксплуатации канала на территории Панамы, являвшейся тогда северной провинцией Колумбии. Однако колумбийский сенат отказался ратифицировать проект этого договора. Тогда в ноябре 1903 г. Соединенные Штаты организовали в Панаме мятеж против Колумбии и послали к берегам Панамы морскую пехоту. Панама была объявлена независимой республикой и сразу же подписала договор, предоставивший Соединенным Штатам исключительное право на сооружение канала, постройку железных дорог и возведение укреплений вдоль линии канала.

Объектами американской политики «большой дубинки» стали в начале XX в. и некоторые другие государства бассейна Карибского моря. Помимо Кубы и Панамы в их число входили тогда Доминиканская республика, Гаити, Гондурас, Никарагуа. В этих странах Соединенные Штаты неоднократно высаживали свои войска, устраивали перевороты, поддерживали марионеточные режимы. В Южной Америке, где американской экспансии противостояли сильные европейские соперники, позиции Соединенных Штатов были тогда значительно слабее, и на первый план в действиях американского правительства выступали здесь методы экономической экспансии.

Таким образом, уже в начале XX в. Соединенные Штаты Америки стали играть значительную роль в мировой политике. В их лице возникла новая сильная империалистическая держава, заявившая свои претензии на эксплуатацию колоний и сфер влияния. В этом отношении положение США напоминало в тот период положение Германии — другой относительно молодой империалистической державы.

Но все же важнейшим противником Англии — крупнейшей тогда колониальной державы мира — стали в начале XX в. не Соединенные Штаты, а Германия, уже тогда практически поставившая вопрос о переделе мира. Именно с Германией Англия сталкивалась во всех частях земного шара. В лице Соединенных Штатов у Англии появился в начале XX в. новый конкурент, дававший о себе знать главным образом в странах Западного полушария. Однако перед лицом острейших англо-германских противоречий возникшие в тот период англо-американские противоречия отходили на второй, а то и на третий и т. д. план. Ни в большинстве стран Азии, ни в Африке, ни в Южной Америке, не говоря уже о Европе, Соединенные Штаты не играли тогда сколько-нибудь крупной роли. Зарубежные инвестиции США в начале XX в. были во много раз меньше громадных иностранных

капиталовложений европейских держав. Да и сами Соединенные Штаты вплоть до Первой мировой войны находились на положении должника европейских стран. По сути дела они еще не стали тогда по-настоящему великой державой.

Налицо был своеобразный парадокс: Соединенные Штаты обладали несомненным экономическим первенством, но в то же время их роль в сфере мировой политики оставалась относительно второстепенной. В основе этого парадоксального положения лежали особенности экономического развития США в течение предшествующих десятилетий: массовое заселение свободных земель Запада и быстрое развитие в этих районах высокотоварного фермерского хозяйства, быстрая индустриализация страны, более высокий жизненный уровень населения, более высокая, чем в основных странах Западной Европы, заработная плата рабочих. Все это создавало в Соединенных Штатах чрезвычайно обширный внутренний рынок, какого не было тогда ни в одной другой стране. Промышленность США почти на 90% работала на внутренний рынок.

Следствием этих особенностей исторического развития США было то, что американская буржуазия в начале XX в. меньше, чем буржуазия других стран, была заинтересована во внешних рынках сбыта и сферах приложения капитала, так как она сохраняла широкие возможности прибыльно вкладывать капиталы внутри страны. Вот почему даже в начале XX в. экономическая экспансия США за их рубежами была еще сравнительно невелика, а позиции Соединенных Штатов на международной арене далеко не соответствовали их экономическому могуществу. Не случайно в широких массах населения США очень сильными оставались традиции изоляционизма, невмешательства в европейские дела, и даже в кругах американской буржуазии были широко распространены традиционные изоляционистские идеи о неприемлемости для Соединенных Штатов «обязывающих» союзов с европейскими странами.

И только Первая мировая война кардинально изменила ситуацию. Она внесла решительные изменения в международные позиции Америки.

Новый этап в развитии движений социального протеста. Вступление Соединенных Штатов в эпоху корпоративного капитализма вызвало новый взлет массовых движений социального протеста. В борьбу против экономического и политического господства монополистических объединений вступили широкие слои городского и сельского населения.

Активную роль в этой антимонполистической борьбе в начале XX в. продолжали играть промышленные рабочие. С перехо-

дом к индустриальному обществу и с формированием постоянных кадров промышленного пролетариата сопротивление организованных рабочих натиску крупного капитала стало более эффективным. Однако даже эти группы организованных квалифицированных рабочих по-прежнему сталкивались с огромными трудностями. В начале XX в. в Соединенных Штатах существовали лишь самые первые зачатки трудового законодательства и полностью отсутствовала система социального страхования. Профсоюзное движение нередко было объектом самых жестоких репрессий со стороны крупных корпораций. Но в особенно тяжелом положении находились массы неквалифицированных рабочих из числа недавних иммигрантов из стран Восточной и Юго-Восточной Европы и тем более из стран Азии, а также негров, начавших тогда массами переселяться в крупные северные города из штатов Юга. Их заработки были крайне низкими, рабочий день нередко продолжался по 12 и более часов, вместе с семьями они ютились в мрачных перенаселенных городских трущобах. Несколько миллионов детей из низкодоходных семей вынуждены были работать наравне со взрослыми на заводах и в шахтах, получая нищенскую заработную плату. Все это толкало американских рабочих на активную борьбу за ограничение позиций монополий, за проведение социальных реформ, создание системы социальной защиты членов общества, т.е. за глубокое демократическое реформирование капитализма. Более того, в левых кругах рабочего движения США в начале XX в. находили немалое распространение идеи социалистического переустройства общества.

В антимонополистической борьбе начала XX в. активно участвовали и массы американского фермерства. Правда, после поражения популизма самостоятельное политическое фермерское движение в Соединенных Штатах заметно ослабло. Этому способствовали также выход сельского хозяйства США из длительного аграрного кризиса и существенное улучшение экономической конъюнктуры. В этих условиях борьба американского фермерства направилась в экономическое русло. Важнейшие фермерские организации того периода — Орден грейнджеров, Фермерский союз, Американское общество справедливости — сосредоточили основные усилия фермеров на создании широкой сети кооперативов по сбыту сельскохозяйственной продукции с целью ограничения монополистической практики крупных торгово-посреднических объединений.

Тем не менее и в начале XX в. фермерство оставалось в числе участников крупных политических кампаний, направленных на ограничение позиций монополий, хотя на сей раз в отличие от последних десятилетий XIX в. ведущую роль в этих демократичес-

ких социально-политических движениях играли не фермеры, а представители средних слоев городского населения. Уровень жизни различных профессиональных групп, входивших в эту категорию (владельцев небольших промышленных и торговых заведений, издателей популярных органов прессы, религиозных деятелей, представителей интеллигенции), был достаточно высок, тем более что в начале XX в. экономическая конъюнктура в стране была довольно благоприятной. Однако они остро ощущали явное понижение своего социального статуса, что порождало у них сильные антимонополистические настроения и толкало их на активное участие в массовых движениях социального протеста.

Основные направления рабочего движения. Идеология и политика американских социалистов. Важнейшим направлением американского рабочего движения в начале XX в. продолжала оставаться забастовочная борьба. Ежегодное число участников стачек в США в первое десятилетие нового века составляло в среднем от 500 до 600 тыс. человек, а в начале второго десятилетия возросло до 1 млн. В целом же за период 1900—1914 гг. в Соединенных Штатах бастовали около 9 млн рабочих.

Самым крупным стачечным выступлением американских рабочих в начале XX в., получившим широко известность в стране, стала стачка углекопов в Пенсильвании, проведенная в 1902 г. под руководством Объединенного союза горняков, входившего в состав Американской федерации труда. В течение полугода шахтеры вели борьбу за официальное признание профсоюза, за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Забастовка приобрела настолько серьезный характер, что потребовалось прямое вмешательство президента Т. Рузвельта, выступившего в качестве арбитра на переговорах между профсоюзом горняков и углепромышленными компаниями. Это позволило добиться компромисса и частичного удовлетворения требований стачечников.

Новый значительный подъем рабочего движения обозначился в 1905—1907 гг., когда рабочие ряда важных индустриальных районов страны вели упорные стачечные бои. Это позволило Американской федерации труда значительно активизировать свою деятельность. В 1906 г. президент АФТ С. Гомперс представил конгрессу и правительству США так называемый «профсоюзный билль о жалобах», в котором содержались требования узаконения 8-часового рабочего дня на всех видах работ по государственным заказам, отмены судебных запретов стачек, запрета использования антитрестовского законодательства против профсоюзов. Эти требования лидеров АФТ были отвергнуты, но активизация дея-

тельности федерации способствовала увеличению ее популярности среди рабочих. К началу второго десятилетия XX в. число членов АФТ превысило 2 млн.

Однако и в те годы Американская федерация труда оставалась организацией меньшинства высококвалифицированных рабочих. В ее рядах состояло не более 8—10% общего числа промышленных рабочих США. Не могло не вызывать недовольства левых групп рабочего движения и то, что идейные позиции лидеров АФТ ориентировали рабочих не на создание самостоятельной массовой рабочей партии, а на действия в рамках двухпартийной системы. Успеху рабочего движения мешал и цеховой принцип построения профсоюзов, что дробило силы рабочих, препятствовало успешному проведению стачек.

Поэтому в начале XX в. радикальные группы американского рабочего движения предприняли энергичные попытки создания боевых левых профсоюзов, построенных по производственному принципу. Их усилиями в 1905 г. было основано общенациональное объединение радикальных производственных союзов, получившее название «Индустриальные рабочие мира». На своем учредительном съезде союзы ИРМ приняли решение о необходимости объединения всех групп неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих независимо от их национальной или расовой принадлежности. За годы своей деятельности «Индустриальные рабочие мира» провели немало крупных стачек, наиболее успешной из которых была забастовка текстильщиков в г. Лоуренсе (штат Массачусетс) в 1912 г.

Однако постепенно влияние ИРМ стало падать. Это во многом было связано с тем, что в их рядах усилились анархо-синдикалистские тенденции. Руководство ИРМ выступало против политических методов борьбы, пропагандировало тактику «прямого действия» и вслед за европейскими анархо-синдикалистами ориентировалось на подготовку и проведение «всеобщей экономической стачки», что, по мнению лидеров ИРМ, должно было привести к капитуляции буржуазии. Немалую роль сыграли и организационные слабости ИРМ, невозможность поддержания прочных профсоюзных отделений среди неквалифицированных и особенно сезонных рабочих, многие из которых не имели постоянного места жительства. Все это вызывало сильную текучесть численного состава. Постоянных членов ИРМ было мало: даже в период наиболее активной деятельности в рядах ИРМ насчитывалось не более 60 тыс. человек, а к 1914 г. их число уменьшилось до 15 тыс.

Идейная и организационная раздробленность профсоюзного движения существенно ограничивала возможности эффективной

забастовочной борьбы американских рабочих. К тому же в начале XX в. крупный бизнес продолжал занимать по отношению к профсоюзам непримиримо враждебную позицию, а против стачечников нередко применялись самые жестокие методы борьбы. Одним из наиболее трагических эпизодов такого рода стала организованная весной 1914 г. расправа над участниками забастовки шахтеров в штате Колорадо. Палаточный лагерь близ г. Ладлоу, где разместились рабочие семьи, выселенные шахтовладельцами из своих жилищ, был подожжен, а национальные гвардейцы и вооруженные отряды, сформированные углепромышленниками, безжалостно расстреливали безоружных рабочих вместе с их женами и детьми. Эта беспощадная расправа, получившая название «бойни в Ладлоу», вызвала волну справедливого возмущения демократической общественности США.

Значительную роль в рабочем движении и в идейно-политической жизни страны в начале XX в. играли организации американских социалистов. Новый этап в развитии социалистического движения в США наступил как раз на рубеже XIX—XX вв., когда на арену политической борьбы активно выступила Социалистическая партия Америки (СПА), а руководимая Даниэлем Де Леоном Социалистическая рабочая партия пришла в упадок. Новая социалистическая организация была основана в 1901 г. путем объединения части организаций, отколовшихся от Социалистической рабочей партии, и Социал-демократической партии, образованной в 1897 г. Юджином Дебсом. Дебс и стал наиболее популярным лидером СПА. Он был тесно связан с профсоюзным движением и активно выступал с программой революционного преобразования капиталистического общества. Энергичная деятельность Юджина Дебса, Уильяма Хейвуда и других лидеров левого крыла социалистической партии привлекала в ее ряды значительные группы рабочих.

Однако деятели левого крыла не заняли руководящего положения в социалистической партии. Ни Дебс, ни Хейвуд не были крупными теоретиками. Идейно-политический облик Социалистической партии Америки определялся тем, что решающую роль в ее руководстве, в выработке ее программных установок играли представители правого, реформистского крыла партии Виктор Бергер и Моррис Хилквит, которые пропагандировали программу постепенного мирного переустройства капиталистического общества, выступали принципиальными противниками насильственных методов борьбы и стремились свести практическую деятельность партии к регулярному участию в выборах и в парламентской борьбе. При всей несомненной ограниченности этой программы мирного парламентского пути к социализму немалой заслугой

социалистической партии было то, что в своей практической деятельности она направляла основные усилия своих сторонников на борьбу за решительную демократизацию социально-политического строя страны, выдвигала программу национализации ряда отраслей экономики и выступала за проведение прогрессивных социальных реформ и демократизацию политической системы Соединенных Штатов.

Представители левого крыла социалистической партии, так или иначе поддерживая эту демократическую программу частичных реформ, в то же время считали ее совершенно недостаточной и подвергали резкой критике реформистские стратегические установки деятелей правого крыла СПА. Более того, во многих организациях левого крыла партии по-прежнему ощущалось сильное влияние сектантско-догматических доктрин Де Леона о непосредственной социалистической альтернативе, якобы стоявшей тогда перед Соединенными Штатами, и о нецелесообразности поддержки социалистами любых мелкобуржуазных реформистских движений, не имевших антикапиталистического характера. Вокруг этих проблем в социалистической партии развернулась острейшая идейная борьба.

Тем не менее, несмотря на серьезные внутренние разногласия, Социалистическая партия Америки к началу второго десятилетия XX в. добилась заметного влияния в идейно-политической жизни страны. В 1912 г. в ее рядах насчитывалось около 125 тыс. членов, а Юджин Дебс, традиционно выдвигавшийся кандидатом социалистической партии на пост президента США, от выборов к выборам получал все большее число голосов: в 1900 г. за него голосовали 95 тыс. человек, а в 1912 г. его поддерживали уже 900 тыс. избирателей. Многие представители социалистической партии к тому времени были избраны членами законодательных собраний штатов, а более 30 человек стали мэрами городов. Пропаганда социалистических идей регулярно осуществлялась тогда через широкую сеть партийных газет и журналов, общий тираж которых достигал 2 млн экземпляров. В ряде штатов с активной помощью социалистов были проведены важные демократические реформы. Все это создавало благоприятные возможности для вовлечения рабочих в активную политическую борьбу и для развития массовых движений социального протеста, развернувшихся в Соединенных Штатах в начале XX в.

Массовые демократические движения. Первым значительным демократическим движением, возникшим в США на рубеже XIX—XX вв., стало массовое антивоенное и антиколониальное движение. Оно было тесно связано с деятельностью Антиимпериалистической лиги, основанной в Бостоне в 1898 г. для борьбы

против испано-американской войны и последовавших за ней актов колониальной экспансии США. Наиболее активную роль в этом движении «антиимпериалистов», как его стали тогда называть, играли представители либеральных кругов Новой Англии Джордж Баутвелл, занявший пост президента Антиимпериалистической лиги, Карл Шуриц, Джордж Хор, издатель либерального журнала «Нэйшн» Эдвин Годкин, представитель фермерской оппозиции Запада Ричард Петтигру. В 1899—1900 гг. отделения Антиимпериалистической лиги распространились по всей территории страны. В политических кампаниях, организованных лигой, приняли участие сотни тысяч американцев, которые так или иначе выразили протест либеральных и радикально-демократических групп общества против экспансионистской политики правительства Маккинли. Но наряду с ними к движению «антиимпериалистов» временно примкнули и те общественные круги, которые пытались использовать его в своих эгоистических интересах. Это были влиятельные группы бизнесменов во главе с миллионером Э. Карнеги, которые считали более предпочтительными методы экономической, а не территориальной экспансии, а также крупные аграрии Юга, опасавшиеся, что колониальные захваты могут создать для них опасность конкуренции дешевого сырья и рабочей силы.

Главным направлением деятельности Антиимпериалистической лиги стала борьба против Парижского мирного договора 1898 г., передавшего Соединенным Штатам Филиппины и Пуэрто-Рико. После того как конгресс США утвердил этот договор, «антиимпериалисты» развернули широкую кампанию протеста против американской интервенции на Филиппинах. Они устраивали массовые митинги, собирали подписи под петициями протеста, распространяли брошюры и памфлеты, разоблачавшие жестокие расправы американских войск над филиппинскими патриотами. Особой популярностью в стране пользовался изданный тиражом в 125 тыс. экземпляров памфлет великого писателя-сатирика Марка Твена «Человеку, ходящему во тьме», в котором с необычайной силой разоблачалась агрессивная внешняя политика США, прикрывавшаяся высокими фразами о «распространении свободы и демократии».

На рубеже XIX—XX вв. в Соединенных Штатах возникла и другая мощная волна демократического движения. Исходный импульс дали ему выступления группы прогрессивных писателей и журналистов, получивших вскоре прозвище «разгребателей грязи». Наибольшую популярность среди них получили Линкольн Стеффенс, Айда Тарбелл, Густав Майерс, Томас Лоусон, Эптон Синклер, которые повели в печати систематическую разо-

благительную кампанию против злоупотреблений трестов, против засилья монополий в самых различных сферах жизни американского общества, против коррупции и разложения, проникших во все органы федеральной и местной властей и в аппарат традиционных политических партий. В их произведениях с большой художественной силой разоблачались связанные с этим пороки американской жизни — трущобы городов, нещадная эксплуатация иммигрантов и их детей, фальсификация продуктов питания и лекарств, преступность и проституция. Конечно, в выступлениях «разгребателей грязи» проявились и слабые стороны идеологии демократической интеллигенции — политическая наивность, надежды на устранение всех зол посредством чистки государственного аппарата от взяточников и казнокрадов. Тем не менее движение «разгребателей грязи» способствовало формированию общественного мнения в стране против трестов, закладывая основу для дальнейшего расширения рядов участников антимонополистических выступлений.

Еще большее конкретно-практическое влияние на общественно-политическую жизнь Америки оказало развернувшееся в начале XX в. в различных штатах и муниципалитетах реформаторское движение за ограничение монополистической практики корпоративного капитала, за предоставление народу широких прав в социальной области и за демократизацию политической системы. Признанным лидером и идеологом группы радикальных реформаторов начала XX в. выступил видный деятель левого крыла республиканской партии Роберт Лафоллет, занявший в 1900 г. пост губернатора Висконсина, а с 1906 г. ставший сенатором федерального конгресса от этого штата. Среди других реформаторов тех лет выделялись мэры городов Томас Джонсон (Кливленд), Сэмюэл Джонс (Тоledo, штат Огайо), Сет Лоу (Нью-Йорк), социалист Эмиль Зейдел (Милуоки), а также губернаторы штатов Альберт Камминз (Айова), Хайрем Джонсон (Калифорния) и некоторые другие.

Демократическое реформаторское движение начала XX в. унаследовало выдвинутую популистами доктрину роспуска трестов, основанную на теории «преступного заговора монополий». Это придавало взглядам реформаторов черты утопизма, идеализации домонополистического периода свободной конкуренции. Но в то же время в их выступлениях получила дальнейшее развитие традиция яркой, бескомпромиссной антимонополистической критики, характерной в конце XIX в. для популистов. Передовые представители реформаторского движения в штатах и муниципалитетах выступали не просто с разоблачением злоупотреблений

трестов. Они заявляли о необходимости решительной борьбы против всей системы монополистического угнетения.

В соответствии с этими общими принципами деятелями реформаторского движения была разработана и в той или иной мере осуществлена в ряде районов страны, особенно в штатах Запада, программа реформ, направленная на ограничение произвола крупных корпораций и на демократизацию социально-политического строя. Наиболее последовательный характер она приобрела в Висконсине, где Р. Лафоллет, став во главе администрации штата, развернул активную реформаторскую деятельность, опираясь на сплоченную группу своих сторонников среди профессоров Висконсинского университета, ставшую своего рода «мозговым трестом» губернатора. Не случайно разработанная в штате «висконсинская идея» стала образцом для программ реформ в других штатах.

Конкретные практические результаты деятельности реформаторских групп начала XX в. были довольно значительными. В ряде западных штатов им при поддержке масс удалось добиться проведения мероприятий, в какой-то степени ограничивавших произвол крупных корпораций в экономической сфере и их диктат в сфере политики (снижение железнодорожных тарифов, усиленное налоговое обложение крупного капитала, расширение полномочий местных властей по контролю за работой предприятий общественного пользования). Было положено начало некоторым элементарным мерам в области трудового законодательства (признание за рабочими права на компенсацию в случае увечий на производстве, охрана женского и ограничение детского труда). Но наиболее существенный прогресс был достигнут в борьбе за демократизацию избирательной системы. К 1914 г. в 11 штатах Запада женщинам были предоставлены избирательные права. Этому немало способствовала деятельность видных лидеров женского движения Джейн Аддамс и Элен Старр, а также активная кампания суфражистских организаций. Тогда же в конституции 17 штатов были внесены положения о праве избирателей на законодательную инициативу и на референдум. Стало общей нормой тайное голосование на выборах. Наконец, уже тогда довольно широкое распространение в стране нашла система так называемых первичных выборов, при которой вопрос о выдвижении кандидатов политических партий на выборные должности решался не партийными боссами, как это было ранее, а специальным голосованием избирателей в начале избирательной кампании.

Движение за проведение демократических реформ получило мощную идейную поддержку со стороны нового религиозного течения — социального христианства, возникшего в конце XIX в.

внутри протестантской церкви США. Виднейшие представители этого течения Вашингтон Глэдден и Уолтер Раушенбуш провозгласили, вразрез с учением религиозного фундаментализма, что реальная жизнь ставит перед христианскими церквями важную социальную миссию — борьбу за искоренение зла на земле. Наиболее полно эти идеи были развернуты в «Социальном кредо церквей», документе, который был разработан в 1908 г. Федеральным советом церквей Христа в Америке и ставил перед сторонниками социального христианства задачу активной поддержки демократических реформ с целью достижения «равных прав и полной справедливости для всех людей во всех сферах жизни».

Слабостью прогрессивного реформаторского движения начала XX в. было то, что оно проходило в отрыве от освободительной борьбы американских негров. Между тем именно тогда эта борьба вступила в новый этап. В 1905 г. в канадском городе Форт Эри, вблизи Ниагарского водопада, было основано новое политическое движение негров, получившее название «движение Ниагара». Во главе движения стал крупный ученый и писатель Уильям Дюбуа. Он отверг принципы смирения и приспособления черного населения к существующим в стране условиям, выдвинутые в конце XIX в. Букером Вашингтоном. В основу программы нового движения была положена доктрина У. Дюбуа о важной освободительной миссии «талантливых десяти процентов», т.е. негритянской интеллигенции как естественного руководителя черного населения США в борьбе за признание за ним «всех гражданских и социальных прав, принадлежащих свободнорожденному американцу».

Тесно связанной с «движением Ниагара» стала созданная в 1909 г. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. В эту организацию вошли не только негры, но и представители либеральных групп белого населения, занявшие в ней руководящее положение. Основным полем деятельности ассоциации стала судебная защита жертв расовых преследований.

Возникновение либерального реформизма. «Новый национализм» Т. Рузвельта. Массовые движения социального протеста, охватившие Соединенные Штаты в начале XX в., убедительно показали, насколько острые социально-политические проблемы стояли перед американским обществом. От решения этих проблем зависело его дальнейшее поступательное развитие. Между тем индивидуалистические доктрины, на которых основывалась в конце XIX в. политика обеих традиционных политических партий США, показали свое полное бессилие. В порядок дня стал вопрос о необходимости позитивных регулирующих действий государства с целью приспособления американского общества к

новым условиям, созданным формированием системы корпоративного капитализма.

Именно эти задачи и пытались решить в начале XX в. идеологи и политики, выступившие с широкой программой либерального реформизма. Теоретическая база либерально-реформистской программы была подготовлена трудами крупных представителей американской философии, политэкономии, политологии и юриспруденции Джона Дьюи, Торстейна Веблена, Герберта Кроули, Луиса Брандейса. В отличие от теоретических построений экономистов и социологов 80-90-х годов XIX в. Л. Уорда и Р. Эли теоретики либерального реформизма выдвинули и разнообразные практические программы, на которые могли опереться деятели федерального правительства.

Уже в самом начале нового столетия в Соединенных Штатах были предприняты первые попытки практического воплощения либерально-реформистских программ. Их инициатором выступил видный деятель республиканской партии Теодор Рузвельт (1858—1919), занявший президентский пост в сентябре 1901 г. после убийства президента У. Маккинли анархистом. Впервые после Гражданской войны главой федеральной исполнительной власти стал столь крупный политический деятель, человек незаурядных способностей и неумной энергии. Правда, в 90-х годах XIX в. Рузвельта знали прежде всего как убежденного сторонника социал-дарвинизма и агрессивного экспансионизма. Мало кто ждал от него тогда шагов в сторону реформ. Но оказавшись на президентском посту, он проявил себя дальновидным и гибким политиком, осознавшим необходимость решительной смены политического курса правительства.

Теоретической основой либерально-реформистской политики Т. Рузвельта, получившей название программы «нового национализма», стали воззрения, которые в наиболее законченной форме были изложены Гербертом Кроули в книге «Перспективы американской жизни» (1909). Реформистская концепция Г. Кроули исходила из того, что в новых условиях господства гигантских трестов, поставивших под угрозу традиционную систему политических институтов и поддержание социального мира в стране, необходимо решительно отказаться от главного догмата классического либерализма — концепции «пассивного государства» — и предоставить государству роль основного регулятора жизни общества.

Программа «нового национализма» нашла свое конкретное практическое воплощение прежде всего в начатой Теодором Рузвельтом шумной кампании против трестов. Администрация президента в первые же годы его деятельности возбудила ряд судеб-

ных процессов против крупных монополистических объединений. Первым среди них стал процесс против гигантского железнодорожного треста «Норзерн секьюрити», который был создан путем слияния нескольких крупных железнодорожных фирм. В 1903 г. Рузвельт добился судебного решения о роспуске этого громадного корпоративного объединения по обвинению в нарушении им антитрестовского законодательства. За этим последовали судебные процессы против чикагского треста скотобоев, табачного и сахарного трестов и других крупных монополистических объединений.

В то же время Т. Рузвельт категорически отверг выдвинутую популистами и подхваченную радикальными реформаторами начала XX в. идею роспуска трестов. Он утверждал, что тресты представляют собой закономерный результат свободной конкуренции, неизбежный и в целом прогрессивный итог эволюции американской экономической системы. Поэтому задача государства состоит не в том, чтобы разрушать тресты, а в том, чтобы регулировать их деятельность, ограничивать «дурные» и поощрять «хорошие» стороны трестов.

Разумсется, антитрестовская кампания, проводившаяся Т. Рузвельтом, имела главным образом пропагандистский эффект и никак не могла остановить рост крупных корпораций. Но все же эта кампания имела и определенный позитивный результат. Она подтверждала важный тезис антимонополистической критики: деятельность трестов наносит ущерб общественному благосостоянию, а следовательно, ее надо ограничить. К тому же за два срока своего президентства Теодор Рузвельт провел и некоторые меры по ограничению наиболее вопиющих проявлений монополистической практики крупных корпораций. Более эффективным стало регулирование железнодорожных фирм. Принятый в 1906 г. закон Хэпберна расширил полномочия Междугосударственной торговой комиссии, предоставив ей право устанавливать максимальный уровень железнодорожных тарифов. Тогда же был принят закон о контроле федеральных властей над предприятиями крупных фирм по изготовлению продуктов питания и лекарств. Наконец, правительство Рузвельта сыграло важную роль в борьбе против расхищения естественных богатств страны. Фонд общественных земель, находившихся под охраной государства, был значительно расширен. Были созданы первые национальные парки, проведены меры по ирригации засушливых районов на западе страны.

Политика либерального реформизма, начатая Т. Рузвельтом с первых же лет его президентства, была весьма популярной в широких массах населения страны. В глазах многих американцев Рузвельт выглядел как «разрушитель трестов». Не удивительно,

что в 1904 г. он был переизбран президентом, одержав крупную победу над кандидатом демократов. На следующих президентских выборах 1908 г. Рузвельт не решился нарушить сложившуюся в Соединенных Штатах традицию и не выставил свою кандидатуру на третий срок. Однако новый избранник республиканцев Уильям Говард Тафт рассматривался как твердый сторонник и последователь Теодора Рузвельта. Не случайно он одержал победу над более опасным, чем в 1904 г., соперником — Уильямом Дж. Брайаном, который вновь, как в 1896 и 1900 гг., был выставлен демократами их кандидатом в президенты и который поставил в центр своей предвыборной агитации радикальную программу разрушения трестов.

Однако Тафт оказался далеко не столь дальновидным и гибким государственным деятелем, каким был Теодор Рузвельт. Если Рузвельт занимал, как правило, достаточно независимую позицию по отношению к корпоративному бизнесу, то Тафт нередко выступал с прямой поддержкой его претензий, прямо афишируя свои связи с магнатами трестовского капитала. Став президентом, он взял курс на свертывание реформ. Это вызвало серьезное недовольство в стране. В обеих партиях усилилось размежевание между либералами и консерваторами, активизировали свои действия радикальные течения. В республиканской партии возникла новая оппозиционная группа, оформившаяся в 1911 г. в Национальную прогрессивную республиканскую лигу. Лидером прогрессистов, как стали называть ее сторонников, выступил сенатор Р. Лафоллет. В демократической партии отчетливо сказывалось влияние идей брайанизма. В преддверии избирательной кампании 1912 г. Соединенные Штаты оказались в состоянии глубокого партийно-политического кризиса.

Президентские выборы 1912 г. Особенно острая борьба развернулась в рядах республиканской партии. Деятели радикального крыла партии, опираясь на созданную ими Национальную прогрессивную республиканскую лигу, еще до начала избирательной кампании заявили о своем намерении добиваться утверждения представителя прогрессистов официальным кандидатом республиканской партии на пост президента США. Предполагалось, что таким кандидатом может стать сенатор Р. Лафоллет. Но одновременно в предвыборную борьбу вступил и Теодор Рузвельт, вновь заявивший претензии на выдвижение его республиканским кандидатом на президентский пост. Опытный, умный и хитрый политик, Рузвельт примкнул к прогрессистам, оттеснил сенатора Лафоллета на второй план и перетянул на свою сторону большинство деятелей Национальной прогрессивной республиканской лиги. С их помощью Рузвельт начал в 1912 г. энергичную агита-

ционную кампанию, пропагандируя уже опробованную им либерально-реформистскую программу «нового национализма» и претендуя на роль руководителя всех течений в партии, ставших в оппозицию консервативному курсу президента Тафта.

Однако руководство республиканской партии категорически отвергло предложенный Теодором Рузвельтом либерально-реформистский курс. Предвыборный съезд республиканцев в июне 1912 г. выдвинул кандидатом партии на пост президента не Рузвельта, а Тафта как ставленника консервативной фракции партии. Тогда Рузвельт и объединившиеся вокруг него прогрессисты решились на разрыв с республиканской партией. В августе 1912 г. на съезде в Чикаго они объявили о создании новой политической организации — прогрессивной партии и о выдвижении Т. Рузвельта ее кандидатом.

В основу предвыборной платформы прогрессивной партии была положена рузвельтовская идея государственного регулирования трестов. Поскольку тресты по-прежнему рассматривались как «неотъемлемая составная часть современной экономической системы», говорилось лишь о необходимости ликвидации злоупотреблений трестов. Наряду с этим платформа прогрессивной партии предусматривала ряд важных мер социального законодательства (введение 8-часового рабочего дня, предоставление рабочим права на компенсацию за увечья на производстве, запрещение детского труда, поощрение фермерских кооперативов, улучшение условий сельскохозяйственного кредита) и выдвигала широкую программу политической демократизации (предоставление избирательных прав женщинам, повсеместное введение системы первичных выборов и признание права избирателей на законодательную инициативу и референдум).

Предвыборная кампания прогрессивной партии и ее кандидата нашла широкий отклик в массах избирателей. Но на выборах 1912 г. у Теодора Рузвельта оказался серьезный соперник, который выступил со своим собственным вариантом программы либерального реформизма. Им стал кандидат демократической партии Вудро Вильсон (1856—1924), известный ученый-историк, долгое время занимавший пост президента престижного Принстонского университета, а после избрания его в 1910 г. губернатором штата Нью-Джерси завоевавший популярность в демократических кругах страны своей активной борьбой против коррупции.

Предвыборная платформа демократической партии, получившая название «новой свободы», была разработана на основе идей виднейшего представителя юридической науки США Луиса Брандейса. Конкретная программа социально-политических реформ, которую обещали осуществить демократы в случае своего прихода

к власти, была весьма схожей с предложениями прогрессивной партии. Но в центр предвыборной агитации В. Вильсона была поставлена актуальная проблема трестов. В противовес рузвельтовской концепции регулирования трестов кандидат демократов выдвинул доктрину «ропуска трестов» и «разумного регулирования свободной конкуренции». Однако вильсоновский вариант этой доктрины был весьма далек от бескомпромиссного осуждения крупных корпораций и от радикальной интерпретации концепции роспуска трестов. Вильсон утверждал, что далеко не всякая организация крупного бизнеса является трестом. Он основывался при этом на выдвинутой Л. Брандейсом теории о разграничении между производственной концентрацией, являющейся результатом внедрения новейшей техники и других эффективных методов увеличения производства, и финансовой концентрацией, осуществляемой за счет различных финансовых махинаций. Из этих посылок Вильсон вслед за Брандейсом делал вывод, что крупный бизнес, использующий законные методы увеличения эффективности производства, достоин всяческого поощрения и поддержки общественности, тогда как крупные корпорации, возникшие в результате финансовых махинаций, приобретают характер трестов и должны решительно преследоваться. Отсюда и исходил парадоксальный тезис, который был выдвинут кандидатом демократов: «Я поддерживаю крупный бизнес, но выступаю против трестов».

Разумеется, разницу между «добропорядочными» крупными корпорациями и трестами можно было проводить лишь в агитационных предвыборных выступлениях, а не в практической деятельности по ограничению монополистической практики крупных фирм. Тем не менее активная пропагандистская кампания Вильсона на выборах 1912 г., в которой на первый план был выдвинут лозунг «ропуска трестов», оказалась очень популярной в массах избирателей. В большинстве своем они явно предпочитали вильсоновские антитрестовские лозунги рузвельтовской пропаганде, говорившей о «хороших» и «дурных» сторонах трестов.

Эффективная кампания кандидата демократов в немалой степени способствовала его успеху на выборах. Вильсон получил в 1912 г. 6,3 млн голосов и обеспечил себе подавляющее большинство выборщиков (435 из 531). Но решающую роль в его победе сыграл раскол республиканской партии, в результате чего оказались раздробленными и голоса ее традиционных приверженцев: за Т. Рузвельта голосовали 4,1 млн избирателей, а за У. Тафта — 3,5 млн.

Но особенно характерной чертой выборов 1912 г. было огромное преобладание голосов избирателей, отданных кандидатам,

выступавшим с программами либеральных и даже радикальных реформ. Три кандидата, выдвигавшие различные варианты этих реформ (В. Вильсон, Т. Рузвельт и Ю. Дебс) получили в совокупности 11,3 млн голосов, т. е. в три с лишним раза больше, чем консерватор Тафт. Подобный исход выборов 1912 г. наглядно свидетельствовал о том, насколько настоятельной стала уже в начале XX в. задача глубокого реформирования американского общества, его приспособления к новым условиям, созданным переходом к системе корпоративного капитализма.

Эволюция либерально-реформистской политики в первые годы администрации Вильсона. В 1913 г. с приходом Вудро Вильсона в Белый дом в Соединенных Штатах начался новый тур либерального реформаторства. Основа для первых шагов новой администрации по пути реформ была создана еще в предшествующие годы. Так, в феврале 1913 г., еще до вступления Вильсона на президентский пост, вошла в силу 16-я поправка к Конституции США о введении для всего населения страны подоходного налога. На основании этой поправки правительство Вильсона провело через конгресс закон об установлении прогрессивно-подоходного налогового обложения. Вводился налог в размере 1% с доходов свыше 3 тыс. дол. в год, а по мере увеличения доходов ставки налога постепенно увеличивались вплоть до установления максимальной ставки в 6% для доходов, превышавших 500 тыс. дол. в год. В мае 1913 г. было осуществлено другое важное преобразование: вступила в силу 17-я поправка к Конституции, согласно которой сенаторы федерального конгресса стали впредь выбираться не законодательными собраниями штатов, как это было ранее, а путем прямого голосования избирателей.

Но основные усилия президента Вильсона в первые месяцы деятельности его администрации были направлены на проведение через конгресс нового тарифного билля, который предусматривал существенное снижение протекционистских таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров. По мнению Вильсона и других лидеров демократической партии, промышленность США в начале XX в. уже не нуждалась в политике строжайшего протекционизма. Тарифный билль, инициатором которого был конгрессмен-демократ Оскар Андервуд, быстро получил одобрение палаты представителей, но надолго застрял в сенате. Вновь, как обычно, Вашингтон наводнили лоббисты крупных корпораций, которые пытались добиться сохранения высоких тарифов. Но на сей раз действия лоббистов были решительно пресечены президентом. Вильсон оказал давление и на фракцию демократов в сенате. В октябре 1913 г. тарифный билль Андервуда стал законом, что

впервые после Гражданской войны привело к значительному снижению тарифных ставок.

Еще более важное значение в политике правительства Вильсона приобрел вопрос о необходимости реформы банковской системы. По сравнению со структурой банковской системы крупнейших европейских стран тогдашняя банковская система Соединенных Штатов была чрезвычайно хаотичной и раздробленной. В стране насчитывалось более 30 тыс. банков. Какой-либо системы централизованного контроля за их операциями не существовало. В начале XX в., на новой стадии экономического развития США, это стало уже настоящим анахронизмом.

Первые попытки реорганизации банковской системы США были предприняты еще в 1908 г. Проект, разработанный под руководством сенатора-республиканца Нельсона Олдрича, непосредственного представителя корпоративного капитала, предусматривал создание центрального банка с системой зависящих от него филиалов в различных регионах. Однако в стране существовала давняя, исторически сложившаяся еще со времен Т. Джефферсона и Э. Джексона сильная оппозиция широких слоев населения созданию центрального банка. Против проекта Олдрича решительно выступили прогрессистские группировки в обеих политических партиях. Администрация Вильсона не могла не считаться со столь сильной оппозицией. Поэтому закон о реорганизации банковской системы США, разработанный правительством и принятый в декабре 1913 г. конгрессом, представлял собой определенный компромисс. По условиям закона, в Соединенных Штатах создавалась Федеральная резервная система. Территория страны была разделена на 12 округов, в каждом из которых был организован резервный банк, объединявший значительную часть банков региона. Во главе этой системы было поставлено Федеральное резервное управление, состоявшее из представителей крупных банков и федерального правительства. Хотя по своему формальному построению Федеральная резервная система имела децентрализованный характер, ее создание означало на практике консолидацию финансово-банковской системы США. Постепенно она стала превращаться в важнейший аппарат централизованного контроля государства над экономической жизнью страны.

В первые же годы президентства Вильсона было проведено несколько новых мер по ограничению операций трестов. Так, в сентябре 1914 г. в соответствии с программой «новой свободы» администрация Вильсона провела через конгресс антитрестовский закон Клейтона, который предусматривал введение ряда дополнительных мер запрета монополистической практики крупных фирм. В частности, им запрещалось продавать свою продукцию

различным покупателям по неодинаковым ценам. Запрещалась также широко распространившаяся тогда в США система «перекрещивающегося директората», с помощью которой небольшая группа финансовых магнатов держала под своим жестким контролем деятельность сотен промышленных и финансовых объединений. Однако и после принятия закона Клейтона антитрестовское законодательство Соединенных Штатов по-прежнему оставалось малоэффективным, а то и просто блокировалось решениями Верховного суда.

Другим мероприятием антитрестовского характера стало создание в октябре 1914 г. Федеральной торговой комиссии. Ей предписывалось, по закону, выявлять все случаи монополистической практики крупных корпораций, расследовать их, а затем передавать в судебные органы для принятия решения. Практическая деятельность Федеральной торговой комиссии, по сути дела не выходявшая за рамки рузвельтовской политики регулирования трестов, отнюдь не отличалась большой эффективностью и нередко сводилась на нет решением судов.

Более важное принципиальное значение имели положения закона Клейтона об изъятии профессиональных союзов рабочих и кооперативных организаций фермеров из сферы действия антитрестовского законодательства и об ограничении судебного вмешательства в трудовые конфликты. Демократическая общественность США приветствовала это важное решение. Президент АФТ С. Гомперс даже назвал эту статью закона Клейтона «великой хартией труда», хотя ее интерпретация Верховным судом нередко блокировала ее практическое осуществление. Предстояла еще долгая и трудная борьба за реализацию этих положений закона Клейтона.

Наконец, в течение первого срока президентства Вильсона были проведены первые элементарные меры в сфере федерального социального законодательства, которые при всей их ограниченности все же закладывали первоначальные основы современной социальной политики американского государства. Так, было несколько ограничено применение детского труда, был установлен 8-часовой рабочий день для железнодорожников, учреждена система компенсации за увечья на производстве рабочим, занятым на предприятиях, выполняющих государственные заказы. В составе федерального правительства было создано специальное министерство труда. Активизировалась и аграрная политика федеральных властей. В 1914 г. конгресс принял закон об агротехнической помощи фермерам и о создании с этой целью сети правительственных представителей — сельскохозяйственных агентов в графствах. За ним последовал принятый в 1916 г. сельскохозяйственный

кредитный акт, который создавал систему государственных и акционерных земельных банков, получивших право выдавать фермерам ипотечные займы при значительном увеличении сроков погашения долга и сокращении процентных ставок по долгам.

Таким образом, либеральные реформы, проведенные в течение первых полутора десятилетий XX в., стали важным этапом в истории Соединенных Штатов, в социальном прогрессе страны. Не случайно этот период вошел в историю США как «прогрессивная эра». При всей своей ограниченности эти реформы представляли собой первые шаги к внедрению в структуру традиционного капитализма социального фактора, к созданию первоначальных основ системы социальной защиты граждан, а значит, к приспособлению американского общества к назревшим потребностям социального прогресса, к новой обстановке, созданной превращением Америки в страну корпоративного капитализма.

Глава 15

АВСТРО-ВЕНГРИЯ в 1900—1914 гг.

Кризис дуализма. На рубеже веков обнаружилось, что дуалистической формой существования империи недовольны все — и австрийцы, и венгры, и другие национальности. Дуализм препятствовал централизаторским тенденциям австрийской буржуазии и придворных кругов, с одной стороны, и сепаратистским устремлениям венгерской элиты — с другой. В конце XIX в. возникли первые трещины в австро-венгерских отношениях. С укреплением венгерской государственности, наращиванием экономической мощи королевства и усилением его позиций в общеимперском масштабе в Венгрии стали проявляться тенденции, направленные к изменению соотношения сил в системе дуализма в пользу восточной половины монархии. Венгерский правящий класс стал настойчиво добиваться установления своей гегемонии в империи. Трансформированный в таком духе мадьярский шовинизм в последние десятилетия XIX в. стал все чаще апеллировать к национальным лозунгам времен революции 1848 г. В политическом отношении венгерский правящий класс разделился на два лагеря — сторонников дуализма и сторонников самостоятельности Венгрии. Политические партии, представлявшие эти лагеря, назывались соответственно «Партия 67 года» (либеральная) и «Партия 48 года» (Партия независимости). В последнем случае речь на деле шла лишь об ослаблении уз, связывавших страну с Австрией, а не о полном разрыве, ибо и самые ретивые сторонники независимости Венгрии отчетливо сознавали, что без Австрии им не сохранить своей власти в многонациональном государстве.

Эта двойственность венгерской политики проявилась при первом же серьезном кризисе в австро-венгерских отношениях, который случился в 1897—1898 гг. В 1897 г. истек срок действия очередного экономического соглашения. Венгерская сторона отказалась заключить новое соглашение, но и не провозгласила своей экономической независимости, хотя венгерский текст дуалистического соглашения 1867 г. позволял сделать это.

Кризис дуализма совпал с обострением внутривнутриполитической борьбы, существенным элементом которой стал вопрос о реформе архаичного избирательного права. Согласно закону 1874 г., право голоса имели владельцы земли (не менее четверти надела) или трехкомнатного дома (квартиры) в городе, или граждане, плативший налог не менее 105 крон, самостоятельные ремесленники, использовавшие не менее одного подмастерья, дипломированные интеллектуалы; голосование было открытым. За реформу избирательной системы, которая оставляла за бортом легальной политической жизни 95% населения, рабочие Венгрии боролись не менее самоотверженно, чем их австрийские собратья по классу. Важнейшей политической целью социал-демократической партии Венгрии с самого начала было завоевание всеобщего избирательного права. Во имя достижения этой цели в 1890—1913 гг. было проведено бесчисленное множество собраний, многотысячных митингов и массовых политических забастовок в Будапеште и других городах. Особого размаха движение за всеобщее избирательное право достигло под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг.

В ход политической борьбы в 1905 г. неожиданно вмешался император и венгерский король Франц-Иосиф, причем в пользу избирательной реформы. Сделано это было в кульминационный момент кризиса дуализма, получившего название «венгерского кризиса», суть которого сводилась к следующему. Партия независимости во главе с сыном легендарного Лайоша Кóшута Ференцем Кошутом начиная с 1902 г. развернула интенсивную кампанию под «национальными лозунгами»: создание самостоятельной таможни и Национального банка, введение венгерского командного языка в австро-венгерской армии (с перспективой ее разделения), ограничение связей с Австрией персональной унией. Сплотившаяся вокруг этой националистической партии коалиция оппозиционных партий сорвала принятие парламентом правительственных законопроектов об увеличении численности армии и расходов на вооружение, а также заключение экономического соглашения с Австрией на очередное десятилетие. В январе 1905 г. оппозиция одержала решающую победу на парламентских выборах. Король отказался поручить формирование нового кабинета победителям и своей властью назначил антиконституционное правительство во главе с командиром лейб-гвардии генералом Г. Фейервари. Тогда-то династия и решилась на отчаянный шаг — политический союз с венгерской социал-демократией. Между министром внутренних дел, представлявшим корону, и лидером партии был заключен секретный пакт, по которому кабинет взял на себя обязательство осу-

шествовать радикальную избирательную реформу. Взамен социал-демократы должны были резко усилить свои выступления против оппозиции и национальных лозунгов.

Партия честно выполнила взятые на себя обязательства, тем самым дискредитировав себя в глазах патриотов как противника венгерской независимости и подкрепив клеймо «безродной сволочи», которым без устали крестила социалистов враждебная им пропаганда. Династией же всеобщее избирательное право с самого начала рассматривалось лишь как орудие воздействия на венгерскую оппозицию с целью ее шантажа. (На всякий случай одновременно Генеральным штабом в Вене был разработан план вторжения армии в Венгрию, но до этого дело не дошло.) В феврале 1906 г. был насильственно разогнан парламент, а спустя два месяца национальная оппозиция согласилась прекратить «пассивное сопротивление» и сформировать правительство. Коалиция оппозиционных партий сформировала конституционный кабинет на условиях, продиктованных Веной, удовлетворившись незначительными уступками формального характера.

После «примирения нации с королем», как гласила официальная пропаганда, в 1907 г. удалось также восстановить статус-кво в австро-венгерских отношениях. Было заключено новое экономическое соглашение на следующее десятилетие. Общий имперский рынок был сохранен, но в угоду самолюбию венгров таможенный союз между двумя государствами стал отныне называться торговым договором. Таможенные тарифы были, однако, одинаковыми в обеих половинах империи. Австрия добилась значительного преимущества, вырвав согласие Будапешта на увеличение венгерской доли (квоты) в общих расходах на 2 процента — с 34,4 до 36,4%. Так временно удалось сохранить дуализм, но трещина в австро-венгерских отношениях осталась. Она бы, несомненно, углубилась, если бы не внезапно разразившийся боснийский кризис 1908—1909 гг.

В 1907 г. наступил новый этап обострения межнациональных отношений в Венгерском королевстве. Он был связан с ужесточением националистической политики коалиционного кабинета. Его неуклюжая попытка распространить политику принудительной мадьяризации на Хорватию буквально взорвала ситуацию в этой автономной области. В августе Франц-Иосиф утвердил закон, вводивший употребление венгерского языка на всех железных дорогах королевства. Правда, в Хорватии допускалось употребление наряду с официальным языком также и хорватского. Но эта оговорка не удовлетворила возмущенных хорватов. Они потребовали не только немедленной отмены зло-

получного закона, но и ревизии венгеро-хорватского соглашения 1868 г.

С тех пор политический кризис в Хорватии и напряженность в ее взаимоотношениях с метрополией стали до самой войны хроническими. С этим ничего не могли поделать сменявшие друг друга баны (правители), которые назначались Будапештом из числа омадьярившихся хорватских аристократов, так называемых мадьяронов, и были все как на подбор непригодными для этой должности. Растущее отчуждение между Будапештом и Загребом сопровождалось возрождением прогабсбургских и австрофильских настроений среди части местного истеблишмента. Одновременно среди хорватов усилились идеи ориентированного на Сербию варианта югославизма, т.е. не только этнокультурного, но и политического единения югославянских народов под сербским руководством. Все же до мировой войны здесь доминировал хорватский вариант югославизма, т.е. идея объединения югославянских народов империи вокруг Хорватии и под скипетром династии Габсбургов. При этом речь шла о присоединении не только Далмации, но также и южных областей самой Венгрии, населенных преимущественно сербами, т.е. территорий, которые позднее образовали югославскую провинцию Воеводину. Часть сербских партий, напротив, выступала за присоединение к Сербии всех югославянских земель империи, включая Хорватию.

Все законы о школе, изданные в Венгрии после 1867 г., в той или иной степени отражали мадьяризаторские тенденции. Государство таким способом пыталось реализовать химерическую мечту венгерского шовинизма о 30-миллионной нации. В конечном счете принудительная мадьяризация не дала заметных результатов, существенно более успешной на рубеже веков была интеграция в венгерское общество немцев, словаков и евреев, в первую очередь в городах. В 1880—1910 гг. ассимилировалось 21% немецкого населения Венгрии и 14% словаков. В 1895—1914 гг. было ассимилировано 2,2—2,4 млн; половину ассимилированных составляли немцы, 700 тыс. евреи и около 300—400 тыс. словаки. Немцы и евреи идентифицировали себя с венгерской нацией сознательно, а словаки спонтанно. В основном это были жители Будапешта и Большой Венгерской равнины, оторванные от словацкого этнического ядра. В словацких этнических областях ассимиляция шла главным образом через школу и армию.

«Эра Франца-Иосифа». Франц-Фердинанд — наследник престола. Последний этап почти четырехсотлетнего существования империи Габсбургов историки нередко называют «эрой Фран-

ца-Иосифа». Ни один монарх мира не правил так долго — целых 68 лет! Заняв престол в 1848 г., он вплоть до своей смерти (в ноябре 1916 г., ровно за два года до краха империи) оставался полновластным вершителем судеб империи, без него не решался ни один важный вопрос даже в конституционную эпоху, наступившую в 1867 г. В конце концов с течением времени в сознании миллионов людей он превратился в живой символ монархии.

«Последний европейский монарх старой школы», как он сам себя не без иронии называл, был человеком недостаточно образованным, хотя владел, кроме родного, еще и французским, итальянским и венгерским языками. За всю свою долгую жизнь он никогда, ни разу, не выдвинул ни одной идеи, которая бы отдаленно напоминала мысль о реформах и преобразованиях. Человек средних способностей, старший Габсбург отличался твердостью в своих убеждениях, последовательностью в поступках. Будучи глубоко верующим католиком, он неукоснительно соблюдал все церковные праздники и обряды. При всех недостатках эта была, несомненно, натура цельная и в высшей степени нравственная. Император, превыше всего ставивший долг и честь, демонстрировал особо строгое отношение к себе и к своим обязанностям — по отношению к семье, династии, империи и ее многочисленным народам. Он вполне искренне верил, что предназначен самим Господом Богом править империей и заботиться о благе «своих» народов. Серия тяжелых внешнеполитических провалов и травма 1848—1849 гг. предопределили его откровенно негативное отношение к переменам и новшествам. Кредо его заключалось в простейшей формуле — ничего без крайней нужды не менять! На рубеже двух веков престарелый император-король Франц-Иосиф стал едва ли не главным гарантом сохранения дуализма и его неизменности.

Единственный сын Франца-Иосифа, эрцгерцог Рудольф, погибший в 1889 г. при невыясненных обстоятельствах, слыл либералом. Ни для кого не было секретом благоволение наследника к Венгрии, унаследованное от матери. Магьяры, со своей стороны, не скрывали, что охотнее видели бы на троне именно его. Это объясняет, отчего Франц-Иосиф упорно отказывал эрцгерцогу в праве доступа к сферам высокой политики.

Не сложились у Франца-Иосифа отношения и с племянником Францем-Фердинандом, вынужденно, в силу обстоятельств возведенным им в ранг наследного принца после смерти Рудольфа. Неприязнь к новому наследнику переросла в открытую враждебность, когда эрцгерцог вопреки ясно выраженной воле царственного дяди посмел вступить в неравный брак с

чешской аристократкой. Глава австрийского дома признал морганатический брак лишь после того, как наследник подписал документ, удостоверявший отказ от прав на престол Габсбургско-Лотарингской династии своих будущих детей.

Честолюбивый эрцгерцог, однако, был полон желания вернуть былой блеск Австрийскому дому и империи, для чего, как он считал, надо было ломать очень многое в архаичных структурах монархии. Путь к этому он видел в ликвидации особого положения Венгрии. Дворец Бельведер, его венская резиденция, стал средоточием влиятельных антидуалистических политических сил. Вокруг эрцгерцога сплотилась небольшая, но влиятельная группа, получившая известность как «бельведерская клика». В нее входили не только сливки высшего общества, министры и высокопоставленные чиновники, генералы и влиятельные журналисты, но и многие руководящие деятели национальных движений, в особенности из Венгрии — румыны, словаки, хорваты, сербы. Именно в этой среде рождались планы переустройства империи. Наибольший резонанс получил проект венгерского румына Ауреля Поповичи, журналиста и одного из приближенных эрцгерцога. В 1906 г. он опубликовал нашумевшую книгу под многозначительным названием «Соединенные Штаты Великой Австрии», в которой изложил детализированный план федерализации империи по этническому принципу.

Начиная с 1906 г. неуклонно росло влияние кронпринца на имперские дела. Осуществлялось оно через его сторонников в высших эшелонах власти, многие из которых своим назначением были обязаны ему. Военная канцелярия эрцгерцога в эти годы превратилась в легально функционировавший параллельный центр власти. Сам он стал генералом от кавалерии, а в 1913 г. генеральным инспектором австро-венгерской армии. Однако своей заветной цели — разрушения «мадьярской гегемонии», как он выражался, и упразднения дуалистической системы — ему так и не удалось добиться, несмотря на то что союзниками его в этом деле были такие влиятельные персоны, как генерал Конрад (начальник Генштаба), Макс Владимир Бек (австрийский премьер в 1906—1910 гг.), министр иностранных дел в 1906—1912 гг. Алоиз Лекса Эренталь, один из способнейших дипломатов предвоенной Европы.

Международное положение и внешняя политика. В начале XX в. международное положение Дунайской империи больше чем когда-либо определялось ее сложными взаимоотношениями с Россией. Обе державы стремились не допустить радикальных изменений ситуации на Балканах, где сталкивались их интересы. В 1903 г. Николай II вновь посетил Австрию. В ходе этого

визита императоры подписали Мюрцштегское (по названию местечка к югу от Вены) соглашение по вопросу о Македонии. В этой османской провинции годами не прекращались беспорядки, вызванные бесчинствами вооруженных групп, засылавшихся из соседних стран, которые претендовали на эту территорию. С согласия султана обе великие державы с конца XIX в. совместно проводили здесь реформы с целью возвращения края к нормальной жизни. Соглашения относительно готовности их продолжить удалось достичь во многом благодаря усилиям В.Н. Ламздорфа, российского министра иностранных дел. Через четыре года, в сентябре 1907 г., дело дошло до заключения нового формального договора. Стороны подтвердили свою решимость навести порядок в Македонии и обратились к Болгарии, Греции и Сербии с требованием прекратить засылку вооруженных отрядов в эту страну. Этот последний в истории двух империй договор подписали новые министры иностранных дел — А. Эренталь и А.П. Извольский.

А. Эренталь, призванный к руководству иностранными делами Австро-Венгрии в 1906 г., был политиком гибким, энергичным, с широким кругозором. Перед тем как занять ответственный пост министра иностранных дел и «министра императорского и королевского дома», он более 20 лет провел в России — в качестве атташе, первого секретаря посольства и посла (1899—1906).

Неудивительно, что Эренталь достаточно хорошо ориентировался в русских делах и русской политике, лично знал многих сановников и близко общался с вершителями судеб северного гиганта. Он с почтением относился к Николаю II, но считал его государем «слабохарактерным, поддающимся влиянию, колеблющимся». Из русских министров иностранных дел Эренталь особо выделял графа Ламздорфа как «опытного и дружелюбно расположенного» дипломата, но с самого начала невзлюбил А.П. Извольского из-за его англофильских симпатий, опасаясь, что «при царском дворе вновь возьмут верх либерализирующие течения, кокетничающие с панславизмом». Еще в 1905 г. Эренталь выступил с идеей сближения с Россией, предложив королю-императору оказать ей эффективную, вплоть до вооруженной интервенции, помощь в подавлении революции. Он призывал восстановить монархическую солидарность консервативных держав, с тем чтобы пресечь возможность распространения «революционной заразы» на Дунайскую монархию и другие страны. Вся его концепция зиждилась на идее регенерации «Союза трех императоров», который, согласно его замыслу, должен был служить также инструментом влияния на Берлин. Действуя в рам-

ках союза, Австро-Венгрия и Россия должны были сдерживать глобальные экспансионистские амбиции германского кайзера, заставить его «играть в ансамбле». Однако предложения посла были отвергнуты тогдашним министром А. Голуховским.

Венгерский кризис 1903—1906 гг. убедил Эренталя в том, что «дуализм в перспективе сохранить нельзя». Монархия, писал он в августе 1905 г., «должна базироваться на более прочной основе, чем Соглашение 1867 г.». Предложенный им в начале 1907 г. проект триализма имел в виду создание в составе империи мощного югославянского блока, ядром которого должна была стать Хорватия—Славония. Этот план был направлен едва ли не в первую очередь против Венгрии, против ее особого статуса в империи.

Предложенный Эренталем и поддержанный эрцгерцогом югославянский вариант триализма обещал сразу, одним ударом избавить Вену от нескольких головолomных проблем: приструнить Венгрию и положить конец ее сепаратистским устремлениям, приглушить освободительные движения югославян и возродить их традиционную лояльность к Австрии и, наконец, подорвать растущее влияние Сербии на соплеменников в монархии, лишить ее ореола новоявленного югославянского Пьемонта в глазах сербов, хорватов и словенцев Венгрии и Австрии.

Начиная с 1906 г. Сербия, опираясь на Россию, заняла позицию, откровенно враждебную Австро-Венгрии. Правительство в Белграде демонстративно разместило крупный заказ на вооружение во Франции, на заводах «Шнейдер—Крезю» (до этого сербскую армию обычно обслуживали пльзенские заводы «Шкода»). В ответ монархия прервала переговоры о заключении торгового договора с Сербией и закрыла свои границы перед сербским скотом — основной статьей экспорта страны. Ненависть к северному соседу стала в Сербии всеобщей, ибо за счет этого экспорта кормилось много крестьян. Среди югославян империи, в особенности в оккупированной ею Боснии, усилилась деятельность агитаторов из белградских организаций, проповедовавших идеи объединения всех сербов, хорватов и словенцев в одном государстве. Вена неоднократно требовала от Белграда прекращения великосербской агитации, но тщетно.

Аплексия Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия и Балканы. В 1908—1909 гг. Европу потряс так называемый Боснийский кризис, в связи с которым впервые после окончания наполеоновских войн континент оказался на грани большой войны. Он был первым общеевропейским кризисом, в котором столкнулись несколько великих держав, возникла реальнейшая угроза

вооруженного конфликта между Габсбургами и сербско-русской коалицией.

За время австро-венгерской оккупации Босния и Герцеговина значительно продвинулись по пути модернизации. Развивались добывающая промышленность и переработка местных сырьевых ресурсов. В начале XX в. боснийская металлургическая промышленность смогла составить конкуренцию венгерской металлургии, а деревообрабатывающая отрасль — австрийской лесной промышленности. Были созданы сеть железных дорог, система телефонной и телеграфной связи, кредитно-банковская система. Впечатляющим было развитие городов и их благоустройство, качественное улучшение санитарно-гигиенических условий.

Результатом индустриализации и урбанизации явились радикальные изменения в социальном и этническом составе городского населения. Города европеизировались, теряя свой восточный колорит, менялся старинный безмятежный, спокойно-медлительный уклад жизни, быстро разрушались условия существования старинных ремесел, которыми так славилась Мостар, Травник, Сараево. Высокохудожественные изделия боснийских мастеров из кожи, меди, железа, дерева — ножи, кинжалы, сабли, обувь и т.д. — вытеснялись с рынка незатейливой, зачастую примитивной, но зато много более дешевой продукцией заводов и фабрик Австрии, Чехии и Венгрии. Конкуренция больно задела интересы в первую очередь мусульман, так как именно они доминировали в городском ремесле. В меньшей мере от нее пострадали сербы, которые были заняты преимущественно в торговле. Упадок мусульманского ремесла, отток части мусульман и турок в Османскую империю, а также иммиграция из Австрии и Венгрии в Боснию и Герцеговину немцев, чехов, мадьяр, итальянцев, поляков, русинов и т.д. привели к падению удельного веса мусульман в составе населения, прежде всего городского.

Утверждение австро-венгерского господства не сопровождалось, однако, падением социального престижа и влияния мусульман, сохранилась и мусульманская гегемония в городском самоуправлении. Управление провинциями осуществлялось администрацией, подчиненной непосредственно общему министру финансов империи. Монархия прилагала большие усилия, в том числе материальные и финансовые, для того чтобы ускорить интеграцию и европеизацию Боснии и Герцеговины. Реализация этих целей тормозилась неопределенностью статуса провинций. Соперничество между Австрией и Венгрией делало невозможной интеграцию провинций в состав той или другой.

Обострение ситуации вокруг провинций произошло после очередной смены династий на королевском престоле Сербии. С приходом к власти в 1903 г. династии Карагеоргиевичей официальный Белград от прежних тесных и дружественных отношений с Австро-Венгрией перешел к резко враждебной политике, стал активно поощрять сепаратистские устремления сербов империи, в особенности Боснии и Герцеговины.

Ключевое значение для Вены приобрел вопрос о закреплении за собой Боснии. Случай к тому представился в 1908 г., когда произошла младотурецкая революция. Введение в Османской империи конституции предполагало проведение выборов во всех ее владениях, в том числе и в оккупированной Австро-Венгрией Боснии. Тем самым отпадало формально-правовое обоснование дальнейшего сохранения оккупационного мандата. Все эти соображения заставили Вену и Будапешт действовать незамедлительно.

5 октября 1908 г. император-король Франц-Иосиф своим указом объявил об аннексии провинций. Российский министр А.П. Извольский выразил бурный протест. За две недели до того вопрос конфиденциально обсуждался им с его австро-венгерским коллегой, причем речь велась об открытии черноморских проливов для русского флота в качестве компенсации России за Боснию.

Между тем ключи от проливов лежали отнюдь не в придуманной столице, а на берегах Темзы. Решающее слово в этом вопросе принадлежало Англии; Извольский допустил непростительную ошибку, что действовал без ведома Лондона. Компенсации Россия не получила и потому отказалась признать аннексию. Формальные основания для этого были достаточно весомы. Действительно, империя Габсбургов нарушила конвенцию, согласно которой судьбу провинций правомочны были решать только державы—участницы Берлинского конгресса 1878 г. Разразившийся дипломатический кризис едва не привел к войне двух континентальных империй. Однако Россия, потерпевшая в 1905 г. поражение в войне с Японией и ослабленная революцией, не была еще готова к новому крупному вооруженному конфликту. В поддержку Австро-Венгрии выступила Германия. Царскому правительству пришлось проглотить боснийскую пилюлю и в конце концов признать аннексию. Но отношения между двумя державами были безнадежно испорчены. Сербь, громче всех выражавшие негодование, протрубили отбой после того, как Австро-Венгрия провела частичную мобилизацию, призвав под ружье резервистов.

За боснийский провал российская дипломатия взяла реванш в 1912 г., когда был создан Балканский союз — антитурецкая коалиция в составе Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. Началась первая Балканская война, результатом которой стала ликвидация многовекового османского владычества в Юго-Восточной Европе. Вслед за ней сразу же последовала вторая Балканская война — война победителей между собой за передел добычи.

Проигравшей в итоге балканских войн стороной была не только Турция, но и Австро-Венгрия. Она была унижена, пострадала. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия империи Габсбургов. Авторитету ее как великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно югославянских. В результате двух этих войн расширились территориально и значительно усилились Сербия и Румыния. Обе выиграли за счет Болгарии — единственной потенциальной союзницы Австро-Венгрии на Балканах.

Осенью 1913 г. из-за стремления Сербии получить выход к морю на албанском побережье Адриатики мир вновь оказался на волосок от войны. Петербург оказал Белграду дипломатическую поддержку, однако российская дипломатия действовала осмотрительно. Царское правительство не пожелало прикрывать марш-бросок сербских войск на адриатический порт Дуррес (Дураццо). В конце октября 1913 г. русские дипломаты предупредили Белград, что Россия на вооруженное столкновение с Австро-Венгрией и ее союзниками «из-за вопроса о сербском порте» не пойдет. Поскольку сербы продолжали наступление на Дураццо, Лондон в еще более резкой форме потребовал прекращения наступательных операций, заявив, что вопрос о выходе Сербии на Адриатику подлежит исключительно компетенции великих держав. В конце ноября, когда Белград объявил оккупированные албанские территории на побережье аннексированными, Австро-Венгрия, угрожая войной, провела частичную мобилизацию. С решительным протестом против сербской агрессии выступила и Италия. Лондонская конференция послов великих держав единодушно отклонила сербские притязания и подтвердила свое решение от 27 декабря 1912 г. о создании независимого албанского государства. Угроза войны временно отступила.

Глава 16

ИТАЛИЯ в 1900—1914 гг.

«Либеральная эра» Джолитти. «Кровавое десятилетие» 90-х годов закончилось поражением политических сил, пытавшихся урезать конституционные свободы и перейти к авторитарно-диктаторским методам управления. В правящем лагере взяла верх противоположная тенденция — в сторону дальнейшей либерализации политического курса. Она явственно обозначилась с приходом к власти в начале 1901 г. правительства Джузеппе Дзанарделли, в котором виднейшую роль играл занявший пост министра внутренних дел Джованни Джолитти. Два года спустя Джолитти возглавит кабинет и с перерывами останется у власти вплоть до кануна Первой мировой войны. Прошедший под знаком его реформаторской деятельности предвоенный период итальянской истории обычно называют «либеральной эрой».

Джолитти, в конце 90-х годов сыгравший видную роль в противодействии натиску реакции, яснее чем кто-либо другой из итальянских политических деятелей видел, что курс Криспи—Пеллу не только не дал желаемых результатов, но привел к опасным для самих правящих классов потрясениям. Осуществленный им политический поворот объяснялся, однако, не только этим. В итальянском обществе к началу XX в. созрели и выявились важные изменения. В правящем блоке буржуазии и крупных землевладельцев влияние наиболее консервативной его части (латифундистов Юга) постепенно слабело. На первый план выдвинулись динамичные предпринимательские круги, стремившиеся взять на вооружение новейшие достижения в области техники и технологии производства, а отношения с рабочими строить под флагом классового сотрудничества. Такой подход диктовался тем, что рабочий класс к этому времени уже не был аморфной, склонной к слепому бунтарству массой — он превратился в организованную на политическом и профессиональном уровне силу, с которой нельзя было не считаться.

В политике Джолитти нашло характерное выражение проявившееся к началу XX в. в ряде стран усиление либерализма в его социально ориентированной, демократической разновид-

ности. Джолитти был противником таких действий, которые толкают на враждебные государству позиции «классы, составляющие огромное большинство населения». Он выступил за признание законного характера деятельности профсоюзов и свободы стачек, провозгласив принцип невмешательства государства в трудовые конфликты между рабочими и предпринимателями. Последнее означало, что против стачечников, выдвигающих экономические требования, не должна использоваться вооруженная сила государства (полиция, воинские части). Более высокий уровень зарплаты, доказывал Джолитти, ссылаясь на опыт передовых индустриальных стран, не противоречит, а вполне соответствует интересам промышленного прогресса.

На протяжении 1901—1904 гг. по инициативе Джолитти началось проведение реформ в социальной сфере. Был повышен минимальный возраст детей, допускаемых к работе на промышленных предприятиях (12 лет вместо 9) и в шахтах (14 лет вместо 10). На детей в возрасте до 12 лет было распространено обязательное школьное обучение в объеме 6 классов (вместо 2—4 классов по закону 1877 г.). Был дополнительно ограничен рабочий день женщин-работниц, вводились льготы по беременности, а женский труд в шахтах запрещался полностью. Был подтвержден обязательный характер страхования рабочих на случай производственных травм (на этот счет существовал закон 1898 г., но он не соблюдался предпринимателями). Курс на социальное реформаторство выразился и в создании при правительстве таких органов, как Бюро труда (под руководством одного из социалистов), Высший совет труда (с участием представителей профсоюзов, рабочих кооперативов и обществ взаимопомощи) и Комиссариата по делам эмигрантов.

Проведение подобной политики имело целью общее снижение социальной напряженности и прежде всего обеспечение классового мира в промышленности, в котором были заинтересованы новые, выдвинутые ускорившимся индустриальным развитием слои буржуазии. Именно к началу XX в. в Италии сложилась передовая по тому времени крупная промышленность, по темпам роста продукции (в 1896—1908 гг. — в среднем на 6,7% в год) занимавшая одно из первых мест в Европе. За 1901—1913 гг. объем промышленного производства по Европе в целом увеличился на 56%, в Италии же — на 87%.

Качественный скачок в развитии итальянской промышленности был достигнут прежде всего за счет новых отраслей. Одной из них, особенно важной для Италии при ее ограниченных запасах других энергетических ресурсов, было производство электроэнергии, выросшее за 1900—1908 гг. более чем в 7 раз.

Итальянские электростанции работали с использованием двигательной силы воды и в начале XX в. считались самыми крупными и лучшими по уровню в Европе. Исключительно быстро развивалось производство автомобилей (всего 6 автомашин в 1900 г. и 1283 — в 1907 г.). В этой области Италия успешно конкурировала с другими странами. Модернизировалась черная металлургия. За 1898—1907 гг. увеличилась в 4 раза выплавка стали — в частности, за счет использования железного лома.

В условиях промышленного подъема среди акционерных обществ стали выделяться крупнейшие, претендующие на монопольное положение, — **ФИАТ** в автомобилестроении, «Эдисон» в электроэнергетической отрасли, «Пирелли» в производстве резины, «Ильва» в черной металлургии и др. Государство в годы «либеральной эры» активно поощряло процесс монополизации с помощью протекционистских тарифов на соответствующие виды товаров, предоставления ведущим компаниям льготных условий добычи сырья или выгодных правительственных заказов. Либерал в политике, Джолитти отнюдь не был приверженцем либеральной доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь. С таким курсом вполне согласовывалась и его установка на широкое государственное регулирование трудовых отношений.

Джолитти стремился сделать опорой правительственной политики те фракции парламента, которые в конце 1890-х годов совместно выступили против чрезвычайных мер кабинета Пеллу, в том числе так называемую «Крайнюю левую» (республиканцы, радикалы, социалисты). В 1901 г. именно их голосами получил вотум доверия кабинет Дзанарделли. Но когда Джолитти, став в 1903 г. премьером, попытался пойти дальше и предложил представителям радикалов и лидеру ИСП Ф. Турати войти в правительство, то получил отказ. Тем не менее участие в парламентской поддержке кабинета левых партий, до социалистов включительно, было важным политическим новшеством «либеральной эры».

Однако либеральные реформы Джолитти, ощутимо продвигая вперед приблизившуюся к уровню передовых стран Северную Италию с ее динамично развивавшейся промышленностью, сильными рабочими организациями и т.д., не затрагивали (особенно на начальном их этапе) все более отстававший в своем развитии Юг. Для Юга имела пагубные последствия проводимая Джолитти экономическая политика (государственное покровительство промышленным магнатам Севера, отвечавший их интересам таможенный протекционизм). Провозглашенный Джолитти отказ от использования вооруженной силы в классовых конфликтах и

сам по себе не был безусловным (представителям исполнительной власти на местах вменялось в обязанность пресекать действия забастовщиков, нарушающие «свободу труда» штрейкбрехеров), а на стихийные выступления южноитальянских крестьян и батраков вообще не распространялся. На Юге и в годы «либеральной эры» сохранялись засилье латифундистов, отношения типа клиентелы (личной зависимости от влиятельных персон), всевластие отдельных кланов, нередко связанных с мафией и другими преступными сообществами.

Да и на главном направлении своей внутренней политики (расширение социальной опоры государства путем создания «промышленного блока», т.е. привлечение к сотрудничеству с новой промышленной буржуазией организованного рабочего класса Севера) Джолитти в какой-то мере получал результаты, обратные желаемым. Более либеральный подход к стачкам и деятельности профсоюзов стимулировал быстрый рост профсоюзного движения, организованного как в крупные отраслевые федерации, так и в Палаты труда, которые объединяли в масштабе города или провинции местные отделения профсоюзов различных профессий. «Замирения» между рабочими и предпринимателями не последовало: число стачек и их участников в начале XX в. выросло в несколько раз по сравнению с предыдущим десятилетием.

В сентябре 1904 г. в Италии произошла всеобщая политическая стачка, объявленная в ответ на кровавую расправу с бастующими рабочими-горняками в Сардинии и сицилийскими батраками. С нее началась цепь событий, которые приведут к перерыву в правительственной деятельности Джолитти.

Реакцией на стачку стали усиление в обществе консервативных настроений и обострение разногласий между партиями «Крайней левой». В этих условиях Джолитти добился проведения досрочных парламентских выборов в расчете на создание нового, более умеренного большинства в поддержку правительства. Партии «Крайней левой» выступили на этих выборах порознь и понесли потери. С другой стороны, впервые после объединения Италии был снят официальный папский запрет на участие в выборах католиков: преемник Льва XIII Пий X (1903—1914) отменил принцип *«non expedit»*.

После выборов кабинет Джолитти стал опираться в парламенте на блок с более консервативными группировками и оказался под сильным давлением справа. В феврале 1905 г. правительство в связи с истечением срока конвенций с частными железнодорожными компаниями внесло в парламент законопроект, предусматривавший полное огосударствление железных дорог, а для их персонала — фактическое запрещение стачек (суро-

вые санкции за «нарушение нормальной работы транспорта»). Железнодорожники вступили в борьбу за свое право на стачку, используя своеобразный метод: они вышли на рабочие места, но настолько скрупулезно выполняли все должностные инструкции, что это вызвало полную дезорганизацию движения (такую «работу по правилам» стали называть «итальянской забастовкой»). Джолитти не захотел компрометировать себя применением против железнодорожников силы (на чем настаивало парламентское большинство) и подал в отставку, но его преемник А. Фортис вновь внес в парламент лишь немного смягченный законопроект и добился его одобрения.

Возвращение Джолитти к власти произошло весной 1906 г., когда было создано его «долгое министерство» (1906—1909). В этот период новым моментом в его политике стало большее внимание к проблемам Юга. В 1906 г. были образованы специальные парламентские комиссии для обследования положения на Юге (включая Сицилию и Сардинию), год спустя они опубликовали результаты своей работы. Был принят ряд законов, относившихся к отдельным областям Юга и предусматривавших прокладку дорог, строительство портов, сооружение системы водоснабжения в Апулии, развитие промышленности в Неаполе и т.д., выделены средства на оказание помощи населению в связи с постигшими Юг стихийными бедствиями (землетрясение в Калабрии в 1905 г., извержение Везувия в 1906 г., мессинское землетрясение 1908 г.). Но подобные частичные меры в пользу Юга были несоизмеримы с тем, в чем действительно нуждалась эта «внутренняя колония» Италии. Именно тогда, когда у власти находилось «долгое министерство», Джолитти подвергся наиболее резкой критике из лагеря так называемых меридионалистов (сторонников экономического, социального, культурного возрождения Юга): в 1909 г. был опубликован памфлет видного публициста и историка Г. Сальвемини, характеризовавший премьера как «министра-преступника».

Реформы в области трудового законодательства были продолжены введением в 1907 г. еженедельного воскресного отдыха для рабочих. В то же время «долгое министерство» Джолитти расширило сферу, в которой действовал запрет на стачки. В 1907 г. он был специальным законом подтвержден для персонала железных дорог, а по закону 1908 г. о государственных служащих распространен на все их категории, хотя тем же законом признавалось право государственных служащих на профессиональную организацию.

Новая отставка Джолитти в конце 1909 г. была связана с оппозицией в парламенте некоторым правительственным зако-

нопроектам, а его последний предвоенный кабинет находился у власти с марта 1911 по март 1914 г. Из реформ, проведенных в это время, наиболее важными были две: принятие в 1912 г. закона о государственной монополии страхования жизни (с обращением доходов от нее в фонд пенсий по старости и инвалидности) и значительная демократизация избирательной системы. По избирательному закону 1912 г. мужчины в возрасте с 21 до 30 лет получали право голоса, если были грамотными или отслужили действительную службу в армии, а после 30 лет — без этих ограничений. В результате избирательный корпус увеличился с 3,5 до 8 млн чел. Тем же законом было установлено жалование депутатам парламента.

Первые выборы по новому избирательному закону прошли в 1913 г. при существенно изменившейся расстановке политических сил. При формировании правительства в 1911 г. Джолитти не удалось склонить к участию в нем представителя реформистского крыла ИСП Л. Биссолати, но парламентская фракция социалистов поддержала правительственную программу. Однако вскоре политическому сотрудничеству Джолитти с социалистами положила конец итало-турецкая война 1911—1912 гг., которую ИСП осудила. Возглавляемый Джолитти либеральный лагерь стремился поэтому не допустить, чтобы ставшее практически всеобщим избирательное право сработало в пользу социалистов, и нашел союзников против них в лице католиков, которые могли рассчитывать на голоса впервые допущенных к выборам неграмотных крестьян.

Выборы не привели к ослаблению позиций социалистов (они получили в палате депутатов 80 мест — почти вдвое больше, чем в предыдущем составе), но создание предвыборного блока либералов и католиков на антисоциалистической основе было многозначительным фактом. Оно свидетельствовало, с одной стороны, о постепенном смягчении конфликта между этими силами, восходившего к периоду объединения Италии, а с другой — о том, что в итальянском обществе нарастала поляризация по линии глубинных классовых интересов, которой не могла сдержать или преодолеть либеральная политика Джолитти.

Внешняя политика Италии в начале XX в. Период от начала 900-х годов до Первой мировой войны озаглавлен постепенным изменением внешнеполитической ориентации Италии и активизацией ее экспансионистских устремлений.

В 1902 г. Италия в четвертый раз подтвердила свое участие в Тройственном союзе, но все больше тяготилась союзническими отношениями с Австро-Венгрией. Ирредентисты использовали любой повод для напоминания о «неискупленных землях», что

иной раз приводило к дипломатическим инцидентам. Италия становилась соперницей Австро-Венгрии в экономическом проникновении на Балканы — особенно в железнодорожном строительстве. Совершенная в 1908 г. Австро-Венгрией аннексия Боснии и Герцеговины вызвала со стороны Италии резкий протест, сопровождавшийся требованием территориальных компенсаций. Но Австро-Венгрия заявила, что условия Тройственного союза не обязывают ее к этому, и согласилась лишь отдельно договориться о таких компенсациях в будущем — в случае если она окажется «вынужденной» оккупировать Нови-Пазарский сан-джак.

Усилия Германии были направлены к тому, чтобы по возможности сглаживать противоречия между двумя ее союзницами. Но и в отношениях Италии с Германией наступило известное охлаждение. На международной конференции, созванной в 1906 г. в связи с угрозой франко-германского конфликта из-за Марокко, Италия поддержала не Германию, а Францию.

Такая позиция Италии не была случайностью. Ее отношения с Францией после признания в конце 90-х годов французского протектората над Тунисом и прекращения таможенной войны существенно улучшились. В 1901—1902 гг. между двумя странами были заключены два важных соглашения. Первое из них касалось колониальных проблем: Италия обязывалась не препятствовать Франции в захвате Марокко и в обмен на это заручилась поддержкой с ее стороны своих притязаний на североафриканские владения Турции — Триполитанию и Киренаику. По условиям второго Италия обещала Франции свой нейтралитет в случае, если та подвергнется нападению или «вследствие прямого вызова» сама начнет войну. В качестве противника Франции подразумевалась, конечно, Германия, так что фактически этим соглашением перечеркивались обязательства Италии перед Германией по Тройственному союзу.

Параллельно шло сближение Италии с Англией и Россией, уже формировавшими вместе с Францией блок, который противостоял Тройственному союзу. С Англией в 1904 г. была подписана конвенция о разграничении колониальных владений в Восточной Африке — на полуострове Сомали. В российскую столицу Виктор-Эммануил III нанес в 1902 г. свой первый официальный визит после вступления на престол. Ответный визит Николая II намечался на 1903 г., но был отложен, т.к. в Италии началась кампания протеста против приезда царя и его могли встретить враждебными манифестациями. Этот визит состоялся лишь в 1909 г. Свидание двух монархов произошло не в Риме, а в замке Раккониджи (Пьемонт) — летней королевской резиден-

ции. Его результатом стало соглашение, по которому Италия и Россия обязывались проводить общую линию в политике на Балканах и в отношениях с Австро-Венгрией, а также обещали друг другу поддержку соответственно в вопросах об оккупации Триполитании и о черноморских проливах.

Италия, таким образом, обеспечила себе благожелательную позицию и Франции, и России в отношении своих колониалистских планов в Северной Африке. С другой стороны, еще в 1902 г., о своем намерении не препятствовать действиям Италии в Триполитании и Киренаике заявила Австро-Венгрия. В самой Италии ширилось распространение великодержавных экспансионистских идей. Они пропагандировались некоторыми влиятельными журналами, циркулировали в сфере литературы и искусства (ими было пронизано, например, творчество известного писателя Габриэле Д'Аннунцио), стали знаменем движения националистов, которое в 1910 г. оформилось в Националистическую ассоциацию. Создавался психологический климат, благоприятный для войны с Турцией за новые африканские колонии.

Война началась в октябре 1911 г. и продолжалась ровно год. Италия официально мотивировала оккупацию Триполитании и Киренаики необходимостью «охраны своего достоинства и интересов», а также стремлением вывести эти области «из состояния беспорядка и заброшенности». Нанеся (хотя и ценой большого напряжения) военное поражение Турции, Италия аннексировала Триполитанию и Киренаику и объявила их своей колонией под названием Ливия (поэтому итало-турецкую войну 1911—1912 гг. именуют еще ливийской). Но ей не удалось закрепить за собой по мирному договору оккупированные в ходе войны Додеканесские острова в Эгейском море, хотя обязательство очистить их Италия, воспользовавшись новыми осложнениями на Балканах, так и не выполнила.

Воздействие войны на внутриполитическую ситуацию в Италии проявилось по разным направлениям. Правительство Джолитти, пожинавшее плоды победы над Турцией, на какое-то время получило небывалую поддержку охваченной шовинистическими настроениями части общества, но, с другой стороны, лишилось возможности рассчитывать на сотрудничество с влиятельнейшей левой партией — социалистами. Главное же — война подхлестнула великодержавные амбиции и выдвинула на авансцену политической жизни Италии такие фракции правящего класса, которые были готовы на безоглядные и самые жесткие действия во имя дальнейшей экспансии. Их уже не устраивал Джолитти с его осторожностью, умением маневрировать и идти на

компромиссы. В марте 1914 г. Джолитти ушел в отставку, и пост премьера занял правый либерал Антонио Саландра.

Социалистическое движение. «Красная неделя» 1914 г. В начале XX в. социалистическая партия и другие рабочие организации Италии, еще недавно подвергавшиеся ожесточенным преследованиям, получили широкие возможности для легальной деятельности. Проводимый Джолитти либеральный курс способствовал усилению внутри ИСП реформистского крыла, к которому принадлежал и сам лидер партии Ф. Турати. Влечение Турати и других основателей ИСП к реформизму подкреплялось тем, что свойственное им понимание марксизма с самого начала было окрашено сильной примесью позитивистско-эволюционистских идей.

Единомышленники Турати еще в период совместной с левыми либералами борьбы против чрезвычайных законов Пеллу увидели в Джолитти политика, с которым возможно далеко идущее сотрудничество (один из них, К. Тревес, писал тогда: «На том берегу есть человек, который понял нас»). Необходимостью сохранять блок с леволиберальными кругами в защиту демократии против возможного возрождения угрозы справа обосновывалось и беспрецедентное для ИСП голосование ее парламентской фракции (состоявшей преимущественно из реформистов) за доверие правительству Дзанарделли—Джолитти. Проводимые Джолитти социальные реформы поддерживались социалистами-реформистами в соответствии с представлением о социализме как продукте длительного эволюционного развития и о реформах как реальных шагах по пути постепенного продвижения к нему.

Придавая главное, если не исключительное, значение парламентской деятельности, реформисты в ИСП настороженно относились к массовым действиям любого, а в особенности политического характера. Они имели сильные позиции в профсоюзном движении (в отраслевых федерациях, а также в созданной в 1906 г. Всеобщей конфедерации труда), и в ходе стачек с экономическими требованиями реформистские профсоюзные лидеры обычно стремились ограничить их размах, не допустить обострения борьбы и по возможности склонить обе конфликтующие стороны к уступкам и компромиссу. Против повторявшихся кровавых расправ «сил порядка» с участниками массовых выступлений реформисты протестовали в форме временного отказа правительству в парламентской поддержке, высказывались за то, чтобы запретить подобные действия специальным законом (что так и не было осуществлено), но лишь неохотно и во многом декларативно солидаризировались со всеобщей по-

литической стачкой 1904 г., объявленной в ответ на очередное кровопролитие.

Сотрудничая с правительством Джолитти на парламентском уровне, реформисты тем не менее не хотели участвовать в нем и дважды отклоняли подобные предложения (в 1903 и 1911 гг.). В конечном счете это объяснялось опасениями, что принятие социалистическими лидерами министерских постов дискредитирует их в глазах рядовых членов партии.

О том, что такие опасения не были беспочвенны, свидетельствовали оппозиционные реформизму настроения в ИСП, первым выразителем которых стало сложившееся к 1904 г. синдикалистское течение. Его идеологами были социалисты-южане во главе с Артуро Лабриолой (не путать с Антонио Лабриолой).

Итальянские синдикалисты многое восприняли от родоначальника французского анархо-синдикализма Жоржа Сореля, но не во всем разделяли его позиции. Они не были сторонниками полного отказа от политической борьбы, не отвергали в принципе такую форму организации, как политическая партия, и сами сначала выступали как течение внутри ИСП. Их критика направлялась против политического действия по-реформистски — чисто парламентского, пронизанного идеей сотрудничества во имя демократии с прогрессивными фракциями буржуазии. Синдикалисты противопоставляли этому классовую непримиримость и прямое массовое действие в экономической и политической сферах. Для них было неприемлемо и реформистское истолкование марксизма как такой теории, согласно которой ход общественного развития зависит только от объективных закономерностей и не подвластен воле людей. Сами они, наоборот, преувеличивали возможности волевого воздействия на объективные условия и у Маркса искали аргументы в подтверждение этой точки зрения.

Именно по инициативе синдикалистов была начата всеобщая стачка 1904 г., в которую включились и другие левые политические силы и в ходе которой возникли требования законодательного регламентирования действий должностных лиц при вооруженных столкновениях, запрещения законом вмешательства вооруженных сил в конфликты между трудом и капиталом, отставки правительства, несущего ответственность за гибель людей. В стачках экономического характера и профсоюзном движении итальянские синдикалисты также проявляли значительную активность, хотя в отличие от их единомышленников в других странах не замыкали свою деятельность только в этих рамках. Опорой синдикалистского влияния в профсоюзах были преимущественно Палаты труда, которые по сравнению с отраслевыми федерациями отличались более боевым, свободным от корпоративной зам-

кнутости духом. Но стачки рассматривались синдикалистами не столько как средство достижения каких-то конкретных целей, сколько как своего рода «революционная гимнастика», а потому они зачастую вступали в борьбу безрассудно, не взвешивая шансы на успех и не задумываясь о цене поражения.

В 1908 г. на очередном съезде ИСП реформисты добились исключения синдикалистов из партии. Но питавшие синдикализм настроения (стихийное неприятие реформизма, склонность к бескомпромиссным, решительным действиям) на низовом партийном уровне продолжали существовать и теперь искали себе другое выражение. На этой основе в ИСП стало складываться течение, оформившееся организационно в так называемую «революционную фракцию» со своим центральным комитетом и печатным органом. Эта фракция выступала против реформистской политики сотрудничества с либеральным правительством, провозгласив своим принципом «антипоссибилизм и антиминистериализм», демонстративно подчеркивала свою приверженность учению Маркса, поддерживала связи с левыми в германской социал-демократии.

Борьба течений в ИСП особенно обострилась в связи с итало-турецкой войной. Ожили антимилитаристские традиции итальянского социалистического движения, закладывавшиеся еще в годы первых колониальных экспедиций, когда по инициативе А. Косты была начата кампания за вывод итальянских войск из Африки. Произошло размежевание внутри реформистского течения, которое разделилось на правых и левых реформистов. Правые реформисты во главе с Л. Биссолати и И. Бономи поддерживали войну против Турции, тогда как возглавляемые Турати левые реформисты ее осудили, обосновывая свою позицию доводами пацифистского характера. Решительно выступила против войны «революционная фракция». По ее настоянию в октябре 1911 г. в г. Модена был созван чрезвычайный съезд ИСП, принявший большинством голосов антивоенную резолюцию. Тем временем в рядах «революционной фракции», первоначально возглавлявшейся Джованни Лерда и Одой Ольберг, стал выдвигаться на авансцену новый лидер — Бенито Муссолини.

Этот человек, который всего через несколько лет станет основателем фашистского движения, а затем первым фашистским диктатором, начинал свою политическую деятельность в рядах социалистической партии и притом на ее левом крыле. Он был родом из области Романья, где сохранились сильные анархистские традиции. К анархизму был близок и его отец, кузнец по профессии, участник социалистического движения. Взгляды Муссолини не отличались систематичностью и последователь-

ностью. Он был довольно поверхностно знаком с идеями Маркса, Сореля, Ницше, Шопенгауэра, анархистских теоретиков (Бакунин, Штирнер, Кропоткин) и эклектически сочетал те их элементы, которые находил пригодными для собственных целей. А его цели определялись неумным честолюбием, стремлением к самоутверждению и к власти над людьми. Во имя этого Муссолини мог круто менять свои политические позиции. Первоначальную известность он снискал публикациями в социалистической печати и своим ораторским искусством: на малоискушенную аудиторию безотказно действовали его грозно звучащие «революционные» фразы, грубая лексика, специфические жесты и другие актерские приемы. В ИСП он увлек за собой многих из тех, кто раньше поддерживал синдикалистов, в особенности же стал популярен среди социалистической молодежи.

На съезде ИСП в г. Реджо-Эмилия (май 1912 г.) Муссолини оказался уже центральной политической фигурой. По его предложению было принято решение исключить из партии лидеров правых реформистов (Биссолати, Бономи и некоторых других) за поддержку ими войны с Турцией. Самого Муссолини съезд назначил на пост главного редактора газеты «Аванти!» («Вперед!») — центрального органа партии.

Антивоенное движение в Италии активизировалось по мере того, как за цепью локальных конфликтов все яснее просматривалась надвигающаяся на Европу угроза мировой войны. В нем участвовала не только социалистическая партия, но и синдикалисты, анархисты, республиканцы. Намеченные на 7 июня 1914 г. антивоенные митинги и демонстрации были запрещены правительством А. Саландры и разогнаны силой там, где они все же состоялись (в г. Анкона при этом были жертвы среди манифестантов). В ответ была объявлена общенациональная стачка протеста, положившая начало событиям так называемой «красной недели». В ряде местностей дело не ограничивалось стачками, митингами, шествиями: воздвигались баррикады, происходили столкновения рабочих с полицией и войсками, а в двух областях Центральной Италии (Романья и Марке) движение приняло антимонархический характер и были провозглашены республики.

К порогу мировой войны Италия подошла в условиях глубокого политического кризиса, проявлениями которого были как этот беспрецедентный по масштабам взлет массового движения, так и наступивший незадолго до того конец «либеральной эры» Джолитти.

Глава 17

ИСПАНИЯ в 1898—1914 гг.

Испанская экономика в 1898—1914 гг. Поражение Испании в войне 1898 г. оказало огромное влияние на жизнь общества. Потеря Кубы и Филиппин лишила испанскую промышленность гарантированного колониального рынка (особенно пострадала текстильная промышленность) и обострила борьбу за внутренний рынок. После 1898 г. начинается «репатриация капитала» — возвращение в Испанию капиталов, вложенных в экономику Кубы, Филиппин, Пуэрто-Рико, так как там сложилась крайне неблагоприятная для испанских предпринимателей политическая ситуация.

Таким образом, постепенный процесс концентрации промышленного и банковского капитала, происходивший на протяжении последних десятилетий XIX в., получил в 1898 г. новый импульс. В начале XX в. в Испании появились первые монополии. В 1902 г. в результате слияния трех крупнейших металлургических компаний образовалась монополия «Альтос орнос де Бискайя». В 1907 г. был создан картель, объединивший предприятия, производившие более 80% испанского текстиля. В 1900 г. был учрежден «Банко испано-американо», в 1901 г. — «Банко де Бискайя» в 1902 г. — «Банко эспаньол де кредито». Эти новые банки сразу заняли ведущее место в банковской сфере Испании. Однако процесс монополизации только начинался; рядом с первыми монополиями продолжали существовать средние и мелкие предприятия. В некоторых отраслях легкой и пищевой промышленности не был еще завершен промышленный переворот.

В начале XX в. усилился приток иностранного капитала, некоторые монополии были созданы при его участии.

Политический кризис и правящие круги. «Катастрофа 1898 г.» привела к затяжному политическому кризису. Вся ответственность за поражение в войне и потерю колоний легла на правящие партии, которые определяли внутреннюю и внешнюю политику государства в последней четверти XIX в. Усиление разногласий среди руководителей как консервативной, так и

либеральной партий приводит к их дроблению на многочисленные фракции. Ожесточенная внутрипартийная борьба влекла за собой неустойчивость правительств: в 1899—1906 гг. сменились 12 кабинетов. Некоторая стабилизация наступает только в 1907 г. с приходом к власти консервативного правительства А. Мауры. «Катастрофа 1898 г.» пошатнула, но не разрушила политическую систему Реставрации. Отлаженный механизм касикизма помог правящим партиям сохранить политическую монополию.

В среде политической элиты Испании были деятели, сознававшие необходимость перемен, однако реформистские устремления наиболее дальновидных политиков столкнулись с непреодолимым сопротивлением тех сил, которые составляли социальную основу режима Реставрации и выступали за сохранение и упрочение существующего порядка. Так, в 1903 г. А. Маура, занимавший пост министра внутренних дел, попытался провести «честные выборы» в кортесы. Попытка уничтожить касикизм закончилась поражением. Впоследствии ни консерваторы, ни либералы не ставили вопрос о реформировании политической системы. Несмотря на остроту социальных противоречий в деревне, никаких реформ в сфере аграрных отношений проведено не было. Вместе с тем под давлением рабочего движения правящие круги пошли на осуществление реформ в области трудовых отношений. В 1900 г. был запрещен труд детей младше 10 лет и введен 6-часовой рабочий день для подростков. В 1906 г. был установлен 9-часовой рабочий день для металлургов, в 1910 г. — 9-часовой рабочий день для шахтеров, в 1913 г. — 10-часовой рабочий день для трудящихся текстильной промышленности. В 1904 г. был принят закон о воскресном отдыхе, в 1908 г. — закон о защите женщин-работниц, в 1907 г. были запрещены фабричные лавки. В 1903 г. правительство учредило Институт социальных реформ, который должен был изучать положение трудящихся и готовить проекты социального законодательства. В апреле 1909 г. консервативное правительство А. Мауры провело закон о забастовках, который, несмотря на многочисленные оговорки, признавал право рабочих на экономическую забастовку.

Утрата старых колониальных владений привела к активизации колониальной политики в Северной Африке. Правительство поощряло так называемое «мирное проникновение» в Марокко, выражавшееся в создании горнорудных и железнодорожных компаний, учреждении «испано-марокканских торговых центров», проведении Африканистских конгрессов, издании пропагандистской литературы. Одновременно Испания вступает в борьбу за сферы влияния в Марокко. В англо-французском соглашении

1904 г. были зафиксированы права Испании на часть территории Марокко, Испания отстаивала свои интересы на Альхесирасской конференции 1906 г. (см. гл. 19). В ходе борьбы за сферы влияния в Марокко происходит сближение на антигерманской основе между Испанией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. В то же время Испания по-прежнему оставалась за рамками военно-политических блоков.

Политическая борьба в 1898—1909 гг. В начале XX в. произошла перегруппировка в лагере республиканцев. Наибольшим влиянием пользовалась Радикальная республиканская партия, распавшаяся к концу 80-х годов и вновь созданная А. Леррусом. Лейтмотивом деятельности радикалов был антиклерикализм. Критика церкви и духовенства зачастую переходила в грубые нападки, оскорблявшие чувства верующих. Антиклерикальная истерия, разжигаемая партией Лерруса, провоцировала взаимную нетерпимость в отношениях между католиками и атеистами. Радикалы вели активную агитационную работу, стремясь обрести поддержку не только в среде интеллигенции и мелкобуржуазных слоев, но и среди рабочих. Другой влиятельной республиканской организацией была Реформистская республиканская партия, выступавшая за демократизацию политической жизни и расширение трудового законодательства. Попытки объединить раздробленное республиканское движение не увенчались успехом; созданный Н. Сальмероном в 1903 г. блок республиканских партий оказался недолговечным.

Все большее влияние на политическую жизнь Каталонии и Страны Басков оказывали националисты. Недовольство политикой Мадрида, давно зревшее в каталонском обществе, усилилось после «катастрофы 1898 г.», лишившей текстильную промышленность Каталонии колониального рынка. В 1901 г. была образована Каталонская регионалистская лига, опиравшаяся на поддержку промышленной буржуазии и провозгласившая своей целью автономию. На парламентских выборах 1907 г. Лига одержала победу в Каталонии, оттеснив консерваторов и либералов. Укрепила свои позиции и Баскская националистическая партия, хотя ей не удалось стать ведущей силой в Стране Басков.

Характерной чертой политической жизни Испании начала XX в. было обострение борьбы между сторонниками церкви и антиклерикалами. Знаменем церкви в этот период стали идеи выдающегося историка М. Менендеса Пелáйо, в трудах которого католицизм рассматривался как духовная основа нации. С критикой церкви выступали весьма различные политические силы — от либералов до анархистов. Социально-политический консерватизм церкви, безразличие высшего духовенства к нуждам про-

стых людей подрывали ее авторитет. В городской среде церкви часто воспринимались как главный оплот реакции.

Ареной борьбы между сторонниками и противниками церкви стала школа. В 1908 г. в Испании насчитывалось около 25 тыс. государственных школ, в которых катехизис был обязательным предметом, и примерно 5 тыс. церковных школ. Им противостояло около сотни частных светских школ, организованных Свободным институтом просвещения. Еще одна попытка создать альтернативную систему школьного образования была связана с именем крупного педагога, идеолога испанского анархизма Ф. Феррера. В начале XX в. в Испании работали более 30 школ, основанных Феррером и его учениками.

«Поколение 1898 г.». «Катастрофа 1898 г.» стала величайшим потрясением для испанского общества. Насаждаемые официозной прессой иллюзии относительно процветания и величия страны сменились глубоким разочарованием.

Настроения, охватившие испанское общество, были сформулированы «поколением 1898 г.» — так стали называть группу молодых литераторов, общественных деятелей, ученых, выступивших на рубеже веков с серией разоблачительных публикаций. К «поколению 1898 г.» принадлежали такие крупные деятели культуры, как М. де Унамуно, П. Бароха, Х. Ортега-и-Гассэт, Р. Маэсту, Асорин. Они с горечью писали об экономической отсталости, нищете, которая была уделом большинства населения, резко критиковали политику правящих кругов, не отвечающую национальным интересам, псевдodemократическую политическую систему, основанную на обмане и коррупции, засилье церкви в духовной жизни. Однако конкретной программы социально-экономических и политических преобразований у «поколения 1898 г.» не было, его идеологи ограничивались призывами к модернизации экономики, использованию европейского опыта, демократизации политической жизни, замене дискредитированных политиков молодыми, энергичными, компетентными и честными лидерами.

Особое место в публицистике этого периода заняла небольшая книга Х. Косты «Олигархия и касикизм как современная форма правления в Испании». Коста писал о том, что в Испании отсутствует правовое государство, что власть находится в руках противостоящей народу олигархии. Корень зла Коста видел в частной собственности на землю и считал необходимым передел земли, ее передачу крестьянам в вечное и неотчуждаемое владение.

Рабочее движение. В начале XX в. все более активным и массовым становится рабочее движение. Самые крупные стачки

проходили в Каталонии и Стране Басков. Забастовочно движение начало распространяться в деревне: в 1903 г. на юге страны прошла первая в истории Испании забастовка батраков. Ведущую роль в рабочем движении играли, как и в предшествовавший период, анархистские организации и ИСРП. Постоянное соперничество социалистов и анархистов ограничивало потенциал рабочего движения. Так, в 1902 г., когда анархо-синдикалисты организовали всеобщую забастовку в Барселоне, требуя установления 9-часового рабочего дня, руководство ИСРП отказалось поддержать ее, хотя в программных документах ИСРП фигурировало требование 8-часового рабочего дня. Лидеры анархистов также, как правило, не поддерживали забастовки, начатые социалистами.

Анархистское движение в начале XX в. оставалось раздробленным, единой организации не существовало. В анархистской среде усилилось влияние анархо-синдикализма, считавшего главной задачей организацию «всеобщей революционной забастовки», которая должна была смести существующий строй. Анархо-синдикалисты занимали бескомпромиссную позицию в отношении стачек, считая необходимым в любых ситуациях поддерживать забастовки, даже если они не имели шансов на успех. Они энергично вели агитационную и просветительскую работу в среде промышленных рабочих и ремесленников. На юге страны продолжали существовать группы сторонников «чистого анархизма».

Испанская социалистическая рабочая партия и руководимый ею Всеобщий союз трудящихся постепенно наращивали силы: к 1910 г. в ВСТ состояли уже около 40 тыс. человек. В этот период в руководстве ИСРП и ВСТ начали появляться реформистские настроения, лидеры ВСТ все чаще отказывались поддерживать забастовки, начатые по инициативе местных организаций ВСТ.

«Трагическая неделя» в Барселоне и ее последствия. В 1909 г. правительство А. Мауры перешло от «мирного проникновения» в Марокко к военным действиям. Обвинив местные племена рифов в нападении на железную дорогу, принадлежавшую испанской горнорудной компании, правительство ввело войска на территорию Марокко. Испанская армия не была готова к войне и в 20-х числах июля 1909 г. в столкновениях с рифами понесла тяжелые потери (около 1200 человек убитыми).

Колониальная война в Марокко вызвала мощное движение протеста. Подавляющее большинство населения восприняло военные действия в Марокко как «войну банкиров», призванную защитить экономические интересы олигархии. Распоряжение пра-

вительства о призыве на военную службу резервистов еще более накалило обстановку, по всей стране проходили массовые демонстрации и митинги под антивоенными лозунгами. В этой обстановке ИСРП выступила с инициативой организовать всеобщую антивоенную забастовку.

Наибольшего размаха антивоенное движение достигло в Барселоне. Организованные властями 18 июля 1909 г. торжественные проводы резервистов были сорваны, огромная толпа родственников и друзей солдат, отправляемых в Марокко, скандировала: «Бросайте оружие! Пусть воюют богачи! Пусть воюют священники!». 19—25 июля на площадях и бульварах Барселоны ежедневно возникали стихийные митинги. 24 июля в Барселоне был образован забастовочный комитет, в состав которого вошли как социалисты, так и анархисты. Забастовка началась 26 июля — в Барселоне и ее промышленном поясе остановились предприятия, закрылись магазины. Вскоре события вышли из-под контроля забастовочного комитета. Участники забастовки захватывали оружие, началось строительство баррикад. Забастовка превратилась в народный бунт. В некоторых городах промышленного пояса Барселоны восставшие провозглашали республику. В Барселоне гнев толпы обратился против церкви: были разгромлены и подожжены около 40 церквей, монастырей, церковных школ, зданий церковных организаций. 30—31 июля армия восстановила порядок в городе, 2 августа забастовка прекратилась. События 26 июля — 2 августа вошли в историю как «трагическая неделя» или «кровавая неделя» в Барселоне. Эти события продемонстрировали не только силу антивоенных и антиклерикальных настроений, но и опасную степень социальной напряженности в испанском обществе.

Правительство А. Мауры провело массовые аресты в Барселоне. Военный трибунал приговорил пятерых обвиняемых к смертной казни. Одним из казненных был известный деятель анархистского движения Ф. Феррер. Казнь Феррера, который не участвовал в событиях «трагической недели», была воспринята как расправа Мауры, ненавидевшего анархистов, над политическим противником. Лозунг «Мауре — нет!» объединил самые различные политические силы, от анархистов до либералов. В октябре 1909 г. Маура вынужден был уйти в отставку.

События июля—октября 1909 г. привели к многообразным политическим последствиям. В ходе политического кризиса 1909 г. либералы нарушили условия «Пакто дель Пардо», вступив в союз с республиканцами против правительства Мауры, что привело к обострению противоречий между политическими партнерами — консервативной и либеральной партиями. Кризис 1909 г. повлек

за собой раскол в консервативной партии: в 1913 г. Маура и его сторонники вышли из партии. Попытаясь расширить политическую базу режима Реставрации путем привлечения Каталонской регионалистской лиги, правительство Э. Дато в 1913 г. предоставило ограниченную автономию Каталонии.

События «трагической недели» побудили испанских социалистов изменить свое отношение к республиканцам. В октябре 1909 г. было заключено соглашение между республиканцами и социалистами о совместном участии в выборах, благодаря этому в 1910 г. в конгрессе депутатов появился первый депутат-социалист — лидер ИСРП П. Иглесиас. Правительственные репрессии подтолкнули анархо-синдикалистов к объединению: в 1910—1911 гг. образовалась Национальная конфедерация труда (НКТ). Несмотря на то что до 1914 г. НКТ вынуждена была действовать нелегально, она сразу же превратилась в крупнейшую (наряду с ВСТ) профсоюзную организацию Испании.

Казнь Феррера и последующие преследования анархистов привели к тому, что часть анархистов вновь обращается к методам индивидуального террора — в 1912 г. был убит премьер-министр Х. Каналехас. Предвоенные годы ознаменовались дальнейшим ростом рабочего движения: в 1910 г. крупные забастовки прошли в Стране Басков, Астурии, Галисии, в 1911 г. — вновь в Стране Басков и Кадисе. В 1912 г. Испанию потрясла мощная забастовка железнодорожников, которую правительство подавило с помощью армии. В 1913 г. забастовки охватили Каталонию и район рудников Рио-Тинто.

Поражение испанской армии в Марокко и массовое антивоенное движение приостановили проникновение Испании в Марокко, но не заставили правящие круги отказаться от продолжения колониальных захватов. В 1911 г. Испания вновь вводит войска на территорию Марокко. В 1912 г. был подписан договор о разделе Марокко между Францией и Испанией; испанский протекторат был примерно в 20 раз меньше французских владений в Марокко.

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ во второй половине XIX — начале XX в.

Экономическое и социально-политическое развитие (общая характеристика). Середина XIX в. явилась переломной эпохой в истории Латинской Америки. В 50—60 годы в большинстве стран континента сложились новые экономические и социально-политические условия, которые во многом определили их будущее развитие.

В Мексике, Аргентине, Колумбии, Венесуэле и ряде других стран завершился процесс консолидации национальных государств, сложились полиэтнические нации. В борьбе против внутренней реакции и иностранной интервенции во всех независимых государствах, за исключением Бразилии, сохранился республиканский строй, хотя нередко под покровом демократических конституций существовали жесткие диктаторские режимы.

В социально-экономическом развитии и в политической истории стран континента во второй половине XIX — начале XX в. есть немало общих черт, однако каждой из них присуще и значительное своеобразие. Особенно ярко оно проявляется в характере, особенностях и темпах развития капитализма.

Уже много лет эти проблемы являются предметом острых дискуссий. В научной литературе существует несколько определений, с помощью которых историки, экономисты и социологи пытаются выявить специфические черты латиноамериканского капитализма. Но сделать это очень трудно, т.к. существуют огромные различия в уровне развития и степени капиталистической трансформации общества в различных странах.

Чаще всего по отношению к капитализму в Латинской Америке применяются термины «запоздалый», «зависимый», «периферийный». Каждый из этих терминов не является всеобъемлющим, а, скорее, раскрывает различные стороны этого сложного и неоднозначного явления. Но важно отметить, что специфические условия развития капитализма сложились окончательно в 70—90-е годы XIX в. и на них оказали влияние не только внутренние, но и внешнеполитические факторы.

К внутренним факторам следует прежде всего отнести незавершенность буржуазно-демократических преобразований. Войны за независимость в Латинской Америке закончились компромиссом между латифундистами и крупной торговой буржуазией. Эти слои пришли к власти и образовали правящую традиционную олигархию, которая в течение долгого времени была тормозом для проведения аграрных преобразований и протекционистской политики, без чего было невозможно развитие капитализма.

Тем не менее уже в 40-е годы в рамках многоукладной системы хозяйства, сложившейся еще в колониальный период, началось ускоренное развитие капиталистического уклада, возникли первые фабричные предприятия в обрабатывающей промышленности. Начавшийся промышленный переворот долгое время оставался незавершенным и растянулся на целое столетие.

В 70—80-е годы ускорилось вовлечение латиноамериканских стран в мировой рынок, в систему мирового капиталистического производства. Завершение промышленного переворота в крупнейших европейских странах и в США в 70—80-е годы привело к углублению международного разделения труда, обострению борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала. В связи с этим усилилось проникновение иностранного капитала в Латинскую Америку.

Вследствие более позднего вовлечения стран континента в систему мировой торговли и отсутствия в них собственной капиталистической промышленности закреплялось их зависимое положение в системе мирового хозяйства как поставщиков сырья, продовольствия и тропических продуктов в более развитые страны. В период Гражданской войны в США и Реконструкции Юга (1865—1877) усилилось проникновение в латиноамериканскую экономику английского капитала. Англия не стремилась к прямому захвату в Латинской Америке сколько-нибудь значительных территорий, предпочитая методы экономической экспансии и финансового закабаления.

Латинская Америка в 70—80-е годы оставалась регионом, где в большинстве стран существовала многоукладная экономическая система:

- 1) традиционный сектор — крупные латифундии, поставлявшие продукцию на мировой рынок и основанные на применении докапиталистических форм эксплуатации (рабство, псотаж, издольная аренда, отработки);

- 2) капиталистический уклад в промышленности и торговле (с участием иностранного капитала);

3) мелкотоварное хозяйство крестьян-собственников, ремесленников;

4) патриархальный сектор (хозяйства индейских общин, мало связанные с рынком и сохранившие натуральный характер).

Эта экономическая структура сохранялась во всех странах континента, но соотношение укладов и их роль в экономике отдельных государств были неодинаковы. В силу экспортного направления хозяйства в большинстве стран крайне медленно происходил процесс специализации отдельных районов в рамках внутреннего рынка. Торговля между отдельными странами континента вследствие их однобокой специализации была слабо развита и составляла всего 3—4% от общего объема внешней торговли.

В политической жизни главной проблемой был вопрос о путях дальнейшего экономического и социально-политического развития.

Во всех странах существовали политические партии либерального и консервативного направления. Каждая из них отстаивала свое понимание принципов демократии, направление социальной и экономической политики и отношение к иностранному капиталу.

Среди сторонников либерализма получила широкое распространение теория, согласно которой процесс развития латиноамериканских стран являлся борьбой взаимоисключающих сил — «цивилизации» и «варварства». Либералы считали «варварством» состояние латиноамериканского общества после завоевания независимости. Силой, враждебной цивилизации, они объявляли не только коренное население Америки — индейцев, но и креолов и испанцев, которых они считали отсталым народом Европы. Либералы выступали за осуществление в латиноамериканских странах западноевропейской или североамериканской модели развития, основанной на принципах индивидуализма. В политическом плане они склонялись к парламентаризму, а в экономическом — к свободе торговли и предпринимательства.

Один из крупнейших идеологов теории «цивилизация — варварство» аргентинский политический деятель Д. Сармьенто считал, что США являются образцом для Южной Америки и, если она хочет встать на путь прогресса, необходимо, чтобы сами южноамериканцы произвели реколонизацию Южной Америки, иначе это сделают другие державы. «Испанцы, индейцы, негры, метисы — все вместе и каждый в отдельности являют собою варварство», — писал Д. Сармьенто. Ему вторил его современник Л.Б. Альберди: «В Америке все, что не является европейским, и

есть варварство». С этой теорией связаны экономические и политические программы либералов: республиканский строй, основанный на принципах федерализма, установление буржуазной собственности на землю, ликвидация общинного землевладения, отделение церкви от государства и т.д.

На противоположном полюсе находилось другое политическое течение — консерватизм. Сторонники его выступали против внедрения либеральной модели политического устройства, призывали больше внимания обратить на исторические традиции и специфику социально-экономического развития стран континента, они считали недопустимым разрушение сложившихся форм экономической жизни и культурной самобытности во имя торжества индивидуализма и свободного предпринимательства и выступали против немедленной отмены рабства, за постепенный переход от рабства к наемному труду путем принятия законов, ограничивающих использование рабского труда. В отличие от либералов, рассматривавших общество как совокупность индивидумов, наделенных неотъемлемыми правами, консерваторы выдвигали понятие «социального человека», который получает свои права от общества и должен их использовать на благо общества.

В документах консерваторов неизменно присутствовало осуждение «эгоистического индивидуализма» либералов. Эти идеи находили отклик среди мелких собственников, ремесленников, крестьян, выделившихся из общины и лишенных защиты, которую им давали различные корпорации: цех, община и т.д. Им чужды были идеи индивидуализма, и они искали у общества защиты от произвола, конкуренции, стихии рынка. Этим объясняется тот факт, что во время многочисленных гражданских войн часть городского и сельского населения поддерживала консерваторов.

Консерваторы выступали за сохранение местной ремесленной промышленности, за ограничение свободы торговли, проведение торговой политики государства, направленной на примирение различных политических сил.

В политическом плане консерваторы были против создания континентальной латиноамериканской федерации, идею которой в свое время поддерживал С. Боливар и его сподвижники, и против создания государства на принципах федерализма, противопоставляя ему унитаризм — политическую систему с сильной центральной властью. Это нашло свое отражение в конституциях, принятых в 60—80-е годы XIX в. в большинстве тех стран, где после ожесточенных гражданских войн к власти пришли консерваторы. Характерной чертой этих конституций был высокий

имущественный ценз, приоритет исполнительной власти по сравнению с законодательной, сильная президентская власть.

В 70—80-х годы во всех странах, где сохранялся республиканский строй, восторжествовал принцип унитаризма.

В Мексике, Колумбии, Венесуэле, Перу, в странах Центральной Америки возникли режимы «личной власти». Нередко их устанавливали местные политические и военные лидеры — каудильо, многие из которых приобрели популярность в период гражданских войн. Они старались опереться на широкий спектр различных политических сил. Эта модель устраивала складывающуюся торгово-промышленную буржуазию, ибо при существовании таких режимов консерваторы легче могли осуществить экспроприацию крестьянства в пользу крупных латифундистов, аграрной буржуазии и иностранного капитала.

Проводившаяся как либералами, так и консерваторами экономическая политика способствовала развитию прежде всего экспортных отраслей, укреплению частной собственности. В этом либералы и консерваторы ничем не отличались друг от друга.

Режимы «личной власти» — как либеральные, так и консервативные — содействовали углублению процессов первоначального накопления и экспроприации трудящихся, в первую очередь крестьянства. Получая поддержку от иностранного капитала, они закрепляли зависимое положение стран Латинской Америки в международном разделении труда.

Во всех странах сохранялось политическое влияние традиционной олигархии — союза крупных латифундистов и торговой буржуазии. Интересы этих двух групп были очень близки. Те и другие были заинтересованы в сохранении монокультурной экономики — экспорте сырья и тропических продуктов и ввозе высококачественной промышленной продукции из Европы и США. Так создавалась основа для их сотрудничества с иностранным капиталом.

Промышленная буржуазия была еще слаба и не могла играть самостоятельной роли. Иностранный капитал по-прежнему опирался на традиционную олигархию и всячески поддерживал реакционные режимы.

Именно эти силы пытались сохранить свою монополию в политической жизни латиноамериканских стран в последней четверти XIX в., оттеснить нарождавшуюся промышленную буржуазию. Их интересам была подчинена экономическая политика диктаторских режимов и консервативных правительств.

Тем не менее в середине XIX в. начался переход к фабричному производству, который, как и в других регионах мира, развернулся в первую очередь в текстильной и пищевой про-

мышленности. Важнейшим явлением экономической жизни во второй половине века был быстрый рост железных дорог, происходивший при активном участии английского капитала. В большинстве стран железные дороги были направлены преимущественно к морским портам, через которые сырье и тропические продукты вывозились в Европу и США.

Во всех странах промышленный переворот привел к усилению влияния промышленной буржуазии, что способствовало приходу к власти в конце XIX — начале XX в. либеральных правительств. Их экономическая политика, основанная на привлечении иностранного капитала, позволила вернуться к «либеральной модели» экономического развития и обеспечить более быстрый рост и усиление капиталистического уклада в экономике. Однако традиционные латифундии в первые десятилетия XX в. все еще сохраняли свое значение в экспортных отраслях.

В специфических условиях латиноамериканских стран в последней четверти XIX — начале XX в. особенно остро проявились негативные последствия промышленного переворота и первоначального накопления капитала.

При медленных темпах роста национального капиталистического производства расслоение крестьянства, разорение ремесленников приводили не к пролетаризации, а к пауперизации населения, что было одной из причин сохранения узкого внутреннего рынка. Как и в других странах, исчезновение и разрушение традиционных форм хозяйства (в том числе и общинного землевладения) приводили не к расширению, а к сужению внутреннего рынка. Эти обстоятельства являлись причиной существования очень неоднородной социальной структуры с высоким удельным весом маргинального населения, традиционного ремесленного производства и мелкой городской промышленности.

На политическую обстановку во второй половине XIX — начале XX в. в большинстве стран оказывали влияние необычайная острота социальных противоречий, ожесточенное соперничество между различными политическими группировками внутри партий и между самими партиями. В течение последних десятилетий XIX в. большинство стран континента сотрясали гражданские войны, нередко внешне принимавшие форму соперничества между либералами и консерваторами.

К концу XIX в. во многих странах установились диктаторские режимы, получившие название режимов «революционного каудильизма». Это был особый тип диктатуры крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, когда во главе государства стояли диктаторы, вышедшие из числа военных руководителей эпохи

гражданских войн. Такие режимы возникли в последней четверти XIX в. в Мексике, Венесуэле, Колумбии и других странах. Причиной явилось то, что наиболее реакционные силы были разгромлены в гражданских войнах второй половины XIX в., а либеральные движения и радикальные массовые выступления были слишком слабы и неорганизованны. Во многих странах сложилось равновесие сил, образовался «политический вакуум», который «заполняли» военные лидеры, завоевавшие популярность в широких слоях населения.

Но эта система несла в себе источник нестабильности. Чрезмерное усиление власти военных на местах нередко приводило к сепаратистским мятежам, которые представляли опасность для единства страны.

В борьбе за сохранение своей власти каудильо часто проводили популистскую политику, стремясь привлечь на свою сторону средние слои, часть рабочего класса и маргинального населения. По методам проведения социальной политики эти режимы напоминали европейский бонапартизм. Их характерной особенностью было то, что они опирались на пестрый конгломерат политических сил.

В последней четверти XIX в. все большее значение в странах континента приобретает иммиграция из Европы. Главный поток иммигрантов направлялся в этот период в Аргентину (за 1857—1924 гг. — 5,5 млн) и в Бразилию (за 1821—1924 гг. — 3,9 млн).

Сторонники либеральных теорий преодоления отсталости латиноамериканских стран, в том числе последователи концепции «цивилизация — варварство», считали усиленную иммиграцию одним из методов приобщения народов латиноамериканских стран к цивилизации. Выходцы из Европы должны были, по их мнению, занять место неспособных к прогрессу креолов, индейцев и метисов. Известный политический деятель Аргентины Х. Альберди писал: «...Нам необходимо иметь трудолюбивое население, железные дороги, оживленные речные пути ради того, чтобы наши страны стали богатыми и сильными. А эта задача может быть выполнена американцами только с помощью европейцев, которые не должны будут иметь никаких ограничений в своей деятельности... Осыпайте их выгодами, всяческими привилегиями, всеми воображаемыми милостями, при этом не стесняйтесь себя в средствах».

Однако последствия иммиграции были неоднозначны. При избытке неквалифицированной рабочей силы в странах континента ощущался недостаток в квалифицированных рабочих для развивающихся отраслей промышленности. Часть иммигрантов обла-

дала более высоким уровнем грамотности, профессиональной подготовкой. Но основную их массу составляли пролетаризированные слои, пополнявшие рынок неквалифицированной рабочей силы Аргентины, Бразилии, Чили, Уругвая. Предприниматели и латифундисты предпочитали нанимать иммигрантов, которые были лишены всякой социальной защиты и не могли существовать, не нанимаясь на работу. Таким образом, иммигранты были более конкурентоспособными на рынке труда по сравнению с местным населением.

БРАЗИЛИЯ

Итоги развития страны к середине XIX века. В 1822 г. была провозглашена независимость Бразилии. Закончился трехсотлетний колониальный период. На месте прежней португальской колонии возникло огромное южноамериканское государство, которое, по словам Стефана Цвейга, следовало бы называть «не страной, а целым континентом».

Природа, климат и географическое положение Бразилии на западном побережье Атлантики открывали огромные возможности для успешного экономического развития и выгодной торговли со странами Европы. Однако становление капиталистических отношений и формирование основ буржуазного общества происходили очень медленно.

В отличие от других стран Латинской Америки, где в результате Освободительной войны (1808—1826) установился республиканский строй, Бразилия была объявлена монархией.

В 1824 г. была принята первая бразильская конституция, закрепившая политическую независимость страны и режим конституционной монархии. Однако в социальном отношении завоевание независимости не принесло ощутимых изменений. Сохранение рабства оказывало огромное влияние не только на экономическую, но и на политическую жизнь страны.

Особенностью бразильского государства было то, что вплоть до 80-х годов XIX в. там не сложился центр экономической жизни, вокруг которого могли бы объединиться отдельные районы. Значительная часть страны не была освоена. Различные области Бразилии переживали экономический подъем в зависимости от изменения спроса на тот или иной продукт на мировом рынке.

В XVI—XVII вв. основой бразильской экономики было производство тростникового сахара. Возникли крупные латифундии

(фазенды), основанные на использовании труда рабов. При них же находились предприятия по переработке тростника (энженьо). Основная часть рабовладельческих плантаций и энженьо была сосредоточена в прибрежных районах северо-востока. В этом регионе, занимавшем всего 5% от общей территории колонии, была сосредоточена основная часть всего населения и с каждым годом возрастал приток африканских невольников. По мнению бразильских историков, сюда было ввезено от 6 до 8 млн рабов.

Положение изменилось в конце XVIII в., когда экономический центр колонии переместился к югу, в провинцию Минас-Жерайс, где были открыты залежи золота и алмазов. Эта область стала приблизительно на полвека главным центром притяжения населения, что привело к упадку и запустению северо-востока страны, натурализации его хозяйства, сокращению численности рабов на плантациях.

Кратковременному подъему провинции Минас-Жерайс способствовал также рост спроса на хлопок в конце XVIII — начале XIX в. в связи с промышленным переворотом в Европе. Наряду с южными штатами США Бразилия стала одним из крупнейших поставщиков хлопка на мировой рынок, что дало новый импульс к расширению использования рабского труда и росту работорговли. Только за 30 лет — с 1820 по 1850 г. — в Бразилию было ввезено свыше 1 млн рабов.

В 30—40-е годы XIX в. главным направлением бразильской экономики становится монокультура кофе в связи с быстрым ростом спроса на кофе на мировом рынке. Центр экономической жизни страны перемещается на юго-восток, в провинции Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро; к 50-м годам здесь возникают крупные кофейные латифундии. Уже в 40-е годы XIX в. Бразилия поставляла на мировой рынок до 40% всего кофе, в последнее десятилетие XIX в. на долю Бразилии приходилось до 2/3 всего мирового экспорта кофе, а к концу Первой мировой войны — до 4/5. «Кофейные бароны» Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро стали самой богатой и влиятельной частью землевладельцев. Начиная с 30—40-х годов постоянно росло применение рабского труда на кофейных плантациях, что стимулировало развитие работорговли. В середине века география кофейных плантаций еще больше расширилась, включив в себя Минас-Жерайс и некоторые другие провинции.

Под давлением владельцев кофейных плантаций экономическая политика правительства направлялась на поддержание высоких цен на кофе на мировом рынке путем скупки излишков кофе за счет государственных средств.

Во второй половине XIX в., когда в развитых странах Европы и США завершался промышленный переворот, Бразилия — огромная страна с богатейшими природными ресурсами — в полной мере испытывала на себе последствия неравноправного положения в мировой торговле. Сохранение рабства задерживало развитие внутреннего рынка, так как значительная часть населения — негры-рабы — ничего не покупала. Медленно складывался рынок рабочей силы и буржуазные формы собственности. Горная промышленность в восточных районах пришла в упадок в связи с истощением месторождений и оттоком населения в «кофейные» районы.

Промышленность сохраняла мануфактурный и полуремесленный характер. Так, доходы от полукустарного производства сахара, водки и рома были выше, чем от хлопчатобумажной промышленности. И это происходило в стране, где в изобилии производился самый дешевый в мире хлопок.

Начиная с колониального периода и на протяжении всего XIX в. Бразилия была мощным источником накопления капиталов в Европе. Бразильские ученые подсчитали, что за три века из Бразилии в Европу португальскими колонизаторами и европейскими компаниями было вывезено свыше 1000 т золота и алмазов, что превысило по стоимости вывоз драгоценного металла из испанских колоний в Америке за весь период существования испанской колониальной империи.

Согласно Конституции 1824 г. Бразилия считалась конституционной монархией, но на деле власть императора (в 1822—1831 гг. — Педру I) была неограниченной. Во внутренней политике Педру I (особенно в начальный период) преобладали авторитарные методы.

В 1825—1828 гг. Бразилия вела войну с Уругваем и Аргентиной с целью захватить часть территории Уругвая, но потерпела поражение. Это способствовало падению престижа монархии. В 1831 г. в результате народного восстания в Рио-де-Жанейро и в ряде других городов, поддержанного военными, Педру I был вынужден отречься от престола в пользу своего пятилетнего сына и покинуть страну. Для управления государством от имени несовершеннолетнего Педру II был создан регентский совет.

В период регентства (1831—1840 гг.) стала особенно острой борьба между монархистами и республиканцами — двумя политическими течениями, возникшими в Бразилии после провозглашения независимости. Те и другие представляли прежде всего интересы владельцев кофейных плантаций и торговой буржуазии, связанной с работоторговлей и экспортом кофе.

Стремясь разрушить институт регентства, монархисты добились одобрения парламентом законопроекта, объявлявшего наследника престола совершеннолетним в 14 лет. После непродолжительной борьбы в ближайшем окружении наследника новый регент распустил парламент, и к власти пришли умеренные монархисты. Но республиканцы не сложили оружия: в 30—40-е годы республиканское движение приняло характер народных восстаний.

Первые крупные выступления против монархии начались в 1832—1833 гг. на северо-востоке Бразилии, в провинции Пара, а затем перекинулись в другие районы. Наибольших успехов республиканцы добились в провинции Рио-Гранди-ду-Сул. В 1836 г. они провозгласили здесь республику, избрали президента и сформировали правительство, призвав население других восставших провинций присоединиться к ним на основе федерации.

Республика Рио-Гранди-ду-Сул просуществовала почти целое десятилетие. Основную массу восставших составляли вольнонаемные пастухи гаушо и крестьяне-арендаторы. К ним присоединились восставшие рабы. Среди руководителей восстания были представители либерально настроенной интеллигенции, мелкобуржуазных слоев, выходцы из среды крупных землевладельцев. Большую помощь восставшим оказали добровольцы из ряда стран Латинской Америки.

Либеральные руководители республиканского движения были сторонниками федерализма, предполагающего четкое разделение властных полномочий между центром и провинциями. В движении участвовали латифундисты, склонные к идеям сепаратизма и децентрализации власти. Массовую же базу движений 30—40-х годов составляли низы города и деревни, маргинальное население, разорившиеся ремесленники, которые считали монархию главным злом и причиной своей нищеты и бесправия.

Политическое развитие Бразилии во второй половине XIX в. Отмена рабства. Свержение монархии. Республиканские выступления 30—40-х годов расшатали правящий блок и ослабили влияние центрального правительства. В 1834 г. был принят Дополнительный акт к Конституции 1824 г.: он упразднял Государственный совет, назначавшийся императором, расширял полномочия нижней палаты парламента. В результате этой реформы правящий блок раскололся. Умеренная его часть образовала партию либералов и поддержала реформы. Одновременно начала оформляться партия консерваторов, которая также вышла из рядов правящего блока. Их главное отличие от либералов на

этом этапе состояло в том, что в то время как либералы были сторонниками федерализма, консерваторы выступали за унитарное государство. Они полагали, что усиление самоуправления провинций создаст угрозу целостности государства и приведет к усилению сепаратизма.

Важнейшим способом борьбы против либералов-федералистов консерваторы считали ограничение демократических институтов, усиление центральной власти и подавление недовольства военной силой. Находясь у власти в 1840—1845 гг., они восстановили Государственный совет и распустили нижнюю палату. Сменившие их у власти либералы пытались приглушить зреющие в стране конфликты путем уступок и компромиссов.

Большое влияние на бразильское общество оказала отмена рабства в США в результате Гражданской войны 1861—1865 гг. и на Кубе в результате Десятилетней войны 1868—1878 гг. В Бразилии стали возникать многочисленные abolitionистские организации, во главе которых стояли представители демократической интеллигенции; в них входили предприниматели, торговцы, ремесленники, в их деятельности участвовали не только белые, но также негры и мулаты.

Движение против рабства становится частью движения против монархии за республику. Лидерам abolitionизма на этом этапе удалось соединить демократическое движение свободного населения с освободительной борьбой негров-рабов. В программы многочисленных республиканских клубов включались требования отмены рабства.

По свидетельствам современников, идеи республиканизма пронизывали всю атмосферу в стране. Один из них писал в те годы о столице: «Это был Рио республиканских клубов и обществ, выступавших за отмену рабовладения, их члены заполнили галереи парламента, требуя освобождения людей черной расы».

В результате подъема abolitionистского движения в 1871 г. был принят закон «О свободе чрева», на основании которого дети рабов, рожденные после его принятия, считались свободными. Ставился также вопрос о постепенном выкупе государством рабов, еще оставшихся у своих хозяев. Однако дети, родившиеся в рабстве, должны были оставаться у своих владельцев до совершеннолетия. После принятия закона число рабов сократилось. Уже в середине века свободное население в два раза превышало численность рабов, а в 1886 г. на 14 млн населения Бразилии оставалось только 700 тыс. рабов. На северо-востоке и в других районах труд рабов постепенно заменялся наемными рабочими. С 60-х годов в «кофейных» районах стали широко

использоваться издольная аренда и отработочная система. В провинциях Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро появились иммигранты из Германии и Португалии. Но рабочей силы не хватало, а приток иммигрантов был еще незначительным.

В 80-е годы борьба против рабства достигла высшей точки, рабы покидали фазенды, объединялись в отряды и оказывали сопротивление карателям. Повсеместно они встречали поддержку свободного населения, солдаты и офицеры отказывались от участия в поимке беглых рабов. Это свидетельствовало о том, что аболиционистские настроения проникли в армию, всегда считавшуюся главной опорой монархии. Они охватили и значительную часть офицерства.

Особенно большое влияние среди прогрессивно настроенных офицеров приобрел преподаватель военной академии в Рио-де-Жанейро Бенжамен Констан Ботельо де Магальяес. Среди офицеров большой популярностью пользовались идеи позитивизма, требования свободы экономической деятельности и организации государства на основе федерализма. Однако большинство из них не разделяли идеи революционной борьбы. Официальным девизом бразильских республиканцев был лозунг позитивистов «Порядок и прогресс».

В 1887 г. правительству Педру II было передано заявление об отказе военнослужащих участвовать в карательных экспедициях, подписанное известным сторонником республиканцев маршалом Деодоро да Фонсека. 3 мая 1888 г. открылась очередная сессия парламента. Толпы народа окружили здание, требуя полной и немедленной отмены рабства. Через несколько дней под давлением общественности и военных подавляющим большинством палаты был принят закон о немедленной отмене рабства. 13 мая он был подписан принцессой Изабеллой, дочерью Педру II, которая была в то время регентшей в связи с болезнью императора. Этот закон получил громкое название «Золотого закона», и с его принятием начался отсчет последних часов существования империи.

Отмена рабства стала большой победой демократических сил, она укрепила авторитет республиканских лидеров. Перегруппировка сил внутри республиканского лагеря закончилась созданием национальной Республиканской партии (май 1889 г.). Руководство партии начало подготовку к выступлениям с целью свержения монархии и установления республики. Во главе заговора оказались наиболее известные руководители республиканского движения: Бенжамен Констан Ботельо де Магальяес, Аристидис Луобу, Руй Барбоза. Маршал Деодоро да Фонсека возглавил военный переворот.

15 ноября 1888 г. заговорщики вывели на центральную площадь Рио-де-Жанейро войска, поддерживавшие лозунг республики. Руководители переворота объявили о смещении правительства. Они планировали начать переговоры с императором Педру II о его добровольном отречении, но требование войск и народа было единодушным: «Никаких переговоров! Долой императора! Да здравствует республика!»

Руководители выступления не могли пойти наперекор требованиям народа. Здесь же на площади была провозглашена республика под названием Соединенные Штаты Бразилии. В тот же день было сформировано временное правительство; через два дня Педру II навсегда покинул страну.

Бразилия в конце XIX — начале XX в. В 1891 г. была принята первая буржуазно-демократическая конституция страны. Законодательная власть передавалась двухпалатному конгрессу, который избирался прямым голосованием. Избирательное право имели все грамотные мужчины с 21 года. Исполнительная власть осуществлялась президентом, обладавшим очень широкими полномочиями. Он назначал министров, высших государственных чиновников, высший командный состав армии.

Фактически конституция носила унитаристский характер. Президент обладал правом военного вмешательства в дела штатов, введения чрезвычайного положения. Под давлением унитаристов штаты были лишены права выхода из союза. В то же время они имели свои конституции, судебную систему и военизированные отряды.

Конституция 1891 г. провозгласила основные демократические свободы. Однако в условиях Бразилии, где главной политической фигурой был латифундист, сохранивший безраздельное господство над сельским населением, провозглашенные права и свободы представляли собой лишь программу на будущее, за которую нужно было бороться. Образовательный ценз был по существу имущественным цензом, т.к. грамотными были только состоятельные люди.

Формирование новой политической системы происходило в условиях ожесточенной борьбы между региональными буржуазно-помещичьими группировками наиболее развитых штатов Сан-Паулу и Минас-Жераис.

Уже на первой сессии конгресса выявилось стремление сепаратистских группировок установить контроль над финансовой деятельностью центральной власти. Сторонники сильной власти, входившие в окружение президента Деодоро да ФONSEКА, решили произвести государственный переворот с целью сохранения всей полноты власти.

В ноябре 1891 г. президент издал декрет о роспуске конгресса и введении осадного положения. Однако против путчистов выступили жители столицы, рабочие Центральной железной дороги, армия и флот. Президент Деодоро да Фонсека ушел в отставку, передав власть вице-президенту.

Под влиянием этих событий подняли голову сепаратисты, не признавшие нового президента; начались мятежи на флоте и в военных гарнизонах в провинции. В сентябре 1893 г. восстал бразильский флот в бухте Рио-де-Жанейро, мятежники захватили ряд морских крепостей и блокировали столицу.

Только к весне 1894 г. правительству удалось прекратить военные действия, была проведена реорганизация флота и смещены со своих постов участники заговоров. Осенью были проведены новые выборы и избран конституционный президент — Пруденте де Мораис.

Восстания в армии и флоте происходили на фоне непрекращающихся крестьянских волнений на северо-востоке страны. В 1896 г. произошло мощное крестьянское восстание в местечке Канудос (штат Баия), которое удалось подавить только в конце 1897 г.

В конце XIX в. Бразилия продолжала оставаться крупнейшим производителем кофе на мировом рынке. Структура кофейного хозяйства не изменилась. Отмена рабства привела к замене труда рабов трудом наемных рабочих, но сохранила господство фазендейро, державших в своих руках огромные земельные владения. Избрание президента Пруденте де Мораиса положило начало политическому господству в стране кофейных плантаторов. В последнее десятилетие возросли иностранные капиталовложения в производство и переработку кофе, что еще более укрепило влияние «паулистов» — фазендейро из штата Сан-Паулу, производивших до 60% всего кофе. Иностранные займы давались под залог целых отраслей хозяйства и огромных земельных массивов.

Однако уже в 1896 г. появились грозные признаки кризиса перепроизводства кофе. Правительство Бразилии было вынуждено прекратить выплаты по иностранным займам и обратилось к иностранным инвесторам с просьбой о моратории на выплату процентов.

Курс бразильского милрейса упал в несколько раз. Получив у английских банков заем на финансовую стабилизацию, правительство Бразилии было вынуждено сдать в арсенду государственные железные дороги, передать под контроль иностранцев таможни, распродать военные корабли. Лондонский банк

получил право «наблюдать» за выполнением финансовых соглашений.

До 1914 г. главная роль в инвестициях в Бразилии принадлежала Англии, на второе место в 90-е годы выдвигается Франция. Вложения североамериканского капитала начались позднее — после Первой мировой войны. В целом задолженность Бразилии с 1900 по 1910 г. выросла почти в три раза (с 45 до 129 млн ф. ст.). В связи с ростом задолженности неуклонно возрастал ввоз иностранных промышленных товаров, что наносило тяжелый удар местному производству.

Отмена рабства, накопление капиталов в кофейном производстве, увеличение иммиграции и приток иностранных инвестиций создавали условия для роста местной промышленности и численности рабочих.

Если в последние годы существования империи в стране было 636 предприятий (из них 60% — текстильные), то в 1907 г. насчитывалось 3250 предприятий, из которых текстильные составляли лишь 20%. В 1890 г. было только 10 тыс. км железных дорог, в 1913 г. — 24 613 км.

Развитие бразильской промышленности сдерживалось сохранением докапиталистических отношений в деревне. Негативную роль играли иностранные компании, политика которых определялась стремлением сохранить Бразилию как рынок сбыта своей промышленной продукции и поставщика ценного сырья и тропических продуктов. По отдельным районам промышленность развивалась крайне неравномерно. На столичный федеральный округ приходилось 33% промышленной продукции, на Сан-Паулу и Рио-Гранде вместе 31%, на остальные штаты в среднем по 5%. Доходы от промышленности составляли в 1910-1913 гг. всего 12% в национальном доходе страны.

Как и в колониальный период, в первые десятилетия XX в. основной статьей дохода Бразилии оставался кофе, по-прежнему составлявший 50% экспорта, что ставило страну в тяжелую зависимость от конъюнктуры мирового рынка. После 1906 г. правительству, чтобы стабилизировать цены на кофе, приходилось систематически выкупать его излишки, поступавшие на рынок. С этой целью были заключены иностранные займы, выплаты по которым Бразилия не могла завершить вплоть до 1945 г. Таким образом, существовала и укреплялась тесная связь между кофейными плантаторами и иностранным капиталом. В последнее десятилетие XIX в. и вплоть до Первой мировой войны все избранные президенты и высшие государственные чиновники выдвигались из числа кофейных магнатов штатов Сан-Паулу и Минас-Жераис.

С конца XIX в. увеличивалась численность бразильского рабочего класса. В 90-х годах она составляла около 50—60 тыс. (включая рабочих ремесленных мастерских по 3—4 работника), в 1907 г. — 160 тыс. Национальный состав рабочих был разнородным, т.к. рабочий класс формировался главным образом за счет иммигрантов (португальцев, итальянцев, немцев). На его облик и активность оказывали влияние низкий образовательный уровень, расовые предрассудки, засилье церкви и политическое бесправие. В первые годы республики положение рабочих в промышленности и сельском хозяйстве было тяжелым: нищенская зарплата, 12—14-часовой рабочий день, произвол предпринимателей, отсутствие рабочего законодательства.

В 90-е годы увеличился поток иммигрантов из Европы, многие из которых искали убежища в связи с полицейскими репрессиями. Среди иммигрантов было немало людей, знакомых с социалистическими идеями и участвовавших в деятельности I и II Интернационалов.

Одна из первых стачек, закончившихся победой рабочих, произошла в 1891 г. в Петрополисе, ее возглавляла профсоюзная организация Рабочий центр. В 1891 г. начали выходить рабочие газеты «Операрио» и «Примеро де Майо». В 1892 г. была предпринята попытка создать рабочую партию. В том же году возник Социалистический центр, организовавший первую первомайскую демонстрацию. Газета «О социалиста» (1896) ставила своей целью не только пропаганду социализма, но и сплочение рабочих разных национальностей, она публиковала статьи на португальском, итальянском и немецком языках.

В начале XX в. отмечается подъем рабочего движения. В Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу произошли крупные стачки. Одним из выдающихся деятелей бразильского социалистического движения того времени был выдающийся писатель и философ Эуклидис да Кунья (1866—1909). Военный инженер по образованию, он еще в ранней молодости стал известен своими антимонархическими выступлениями, за что был уволен из армии, участвовал в крестьянском восстании в Канудосе. В начале XX в. да Кунья сблизился с социалистическими организациями и основал первую социалистическую группу в Сан-Паулу. По своим взглядам он был революционным демократом. Его политическим идеалом была демократическая республика, в то же время основой прогресса он считал борьбу рабочего класса и крестьянства.

Из различных идейных течений, существовавших в рабочем движении, в Бразилии в начале XX в. наибольшим влиянием пользовался анархо-синдикализм.

Установление диктатуры Порфирио Диаса. Победа над французскими интервентами в войне 1861—1867 гг. открыла возможности для национального возрождения Мексики и укрепления ее государственности на основе Конституции 1857 г.

21 июня 1867 г. по главной площади столицы Пласа Майор торжественно прошли войска-победители. Наводнения и ливни, обрушившиеся на страну в то дождливое лето, на целый месяц задержали прибытие в Мехико президента Бенито Хуареса.

Обращаясь к народу в день своего возвращения, Б. Хуарес говорил о необходимости сохранить внутренний мир, добиться национального согласия, строго следовать Конституции 1857 г. «Между отдельными людьми, как и между целыми странами, — говорил президент, — основой прочного мира является уважение прав друг друга». Президент подчеркивал, что только проведение в жизнь принятых в ходе революции 1854—1860 гг. «законов о реформе» обеспечит политическую стабильность и облегчит жизнь всех слоев мексиканского общества.

Победа над интервенцией укрепила авторитет Б. Хуареса и либеральной партии.

В сентябре 1867 г. состоялись выборы в конгресс, а в 1871 г. — президентские выборы, на которых были выдвинуты три кандидатуры: Б. Хуареса, видного деятеля либеральной партии Себастьяна Лердо де Техада и генерала Порфирио Диаса — активного участника борьбы с интервенцией. Однако ни один кандидат не получил большинства, и конгресс объявил Хуареса президентом на период 1871—1876 гг.

Генерал П. Диас не признал этого решения и начал вооруженную борьбу против правительства, его поддержали военные гарнизоны в некоторых штатах. Вскоре сопротивление мятежников было подавлено, но в июне 1872 г. Хуарес скончался. Временным президентом стал председатель Верховного суда Себастьян Лердо. На досрочных президентских выборах в том же году Лердо добился победы, выступая в поддержку «законов о реформе» и обещая амнистию участникам мятежа.

С. Лердо принадлежал к правому крылу либеральной партии, за время гражданской войны и интервенции он стал крупным землевладельцем, сблизился с верхушкой земельной олигархии и покровительствовал спекуляциям земельными участками. За годы президентства он вызвал всеобщее недовольство, проявляя диктаторские замашки и пренебрегая законами. Вы-

движение им своей кандидатуры в президенты на новый срок (1876—1880) было сдержанно встречено мексиканцами.

П. Диас и его сторонники не сложили оружия, они выступили против С. Лердо и выдвинули свою программу, в которой требовали внести в конституцию поправку, запрещающую переизбрание президента на второй срок. Правительство Лердо обвинялось в злоупотреблении властью и в проведении не отвечающей национальным интересам политики по отношению к иностранному капиталу.

Противники Лердо создали свои вооруженные силы под командованием П. Диаса и нанесли поражение правительственным войскам (1876). Начав борьбу за власть, П. Диас широко использовал демократические и популистские лозунги, выступал как поборник демократии и защитник конституции, сторонник создания сильного, стабильного мексиканского государства, под девизом «Свобода, порядок и прогресс».

Потерпев поражение в столице и в провинции, С. Лердо эмигрировал в США. В мае 1877 г. по решению нового конгресса Диас стал президентом Мексики.

Порфирио Диас де ла Крус (1830—1915) принадлежал к числу военных руководителей — выходцев из народа. Он родился в штате Оахака в семье сапожника и рано остался сиротой. Окончив начальную школу, он пробовал учиться различным ремеслам, а затем поступил в духовную семинарию в Оахаке, подрабатывая в свободное время как сапожник или плотник. Окончив семинарию, он не захотел принять сан, стал библиотекарем и поступил в Институт наук и искусств, где ректором в это время был Б. Хуарес.

Во время войны за реформу (1854—1860) Диас сражался на стороне либералов и в течение пяти лет стал капитаном, а затем полковником национальной гвардии, участвовал в борьбе с сепаратистами в провинции. После окончания войны он был избран депутатом в конгресс. Однако вскоре началась англо-французская интервенция, и Диас снова взялся за оружие. Он участвовал во многих сражениях с французами, два раза попал в плен, дважды бежал и возглавил партизанскую войну в своем штате.

После разгрома интервенции Диас находился в зените своей славы и пользовался большой популярностью в войсках. Он вернулся на свое ранчо и возглавил местный муниципалитет.

Дважды Диас пытался стать президентом, выставив свою кандидатуру в 1867 и 1871 гг., но оба раза потерпел поражение. Он понял, что путем демократических выборов ему не достичь президентства, так как он не имеет социальной опо-

ры. Диас искал себе опору среди радикально настроенных молодых либералов, которым не нашлось места в администрации Лердо.

Бегство Лердо привело к новой ситуации: эти молодые интеллигенты были привлечены в администрацию, Диаса поддерживала военная молодежь. В лозунгах либералов — «свобода в условиях порядка» — она делала акцент на требования «порядка», а не «свободы». На выборах 1879 г. в конгресс были избраны преимущественно сторонники Диаса — «порфиристы». Они же заняли посты глав администрации штатов и высшие командные должности в армии. С их помощью Диас одержал верх над каудильо-сепаратистами, подавлял бандитизм и анархию.

В стране фактически установилась диктатура Порфирио Диаса. Отвергнув собственную поправку к конституции о непериодическом избрании на второй срок, Диас находился у власти с 1877 по 1911 г., за исключением 1880—1884 гг., когда президентом был его ставленник. Опорой режима стали латифундисты, бюрократия, духовенство и военные.

«Мозговым центром» для разработки основных направлений политики стала группа так называемых «сьентификос» («ученых»). На самом деле они не были учеными в полном смысле этого слова. Это были выходцы из провинциальной либеральной интеллигенции, принадлежавшие к семьям со средним достатком. Группа «сьентификос» оформилась в 80-е годы. Большинству из них было тогда от 32 до 48 лет. Лидером «сьентификос» стал министр внутренних дел Ромеро Рубио. Все они имели университетское образование, среди них были адвокаты, университетские профессора, многие служили в банках и министерствах. Почти все они были хорошими ораторами.

Эта группа служила как бы связующим звеном между правительством и иностранным капиталом. «Сьентификос» вступали в контакт с различными иностранными банками в связи с привлечением в Мексику иностранных инвестиций. Разделяя теорию «цивилизация — варварство», они склонялись не к североамериканской, а к французской модели общества и были приверженцами философии О. Конта и его теории об экономической эволюции как условии прогресса. Объективно «сьентификос» были проводниками политики в интересах крупных земельных собственников и банковской олигархии. В 1892 г. они образовали специальный совещательный орган при президенте, который получил название Конвента.

«Сьентификос» сделали опорой режима. Привлекая их к управлению страной, П. Диас пристально следил за тем, чтобы

они не стали самостоятельной силой и не могли использовать свое положение в собственных интересах. Диас обладал великолепным умением манипулировать людьми, учитывать и использовать их интересы, сталкивать их между собой.

С 1888 г. началось единоличное правление П. Диаса. Он стремился предстать в образе президента — умиротворителя и реформатора, неподкупного и опирающегося на поддержку всего народа. На самом же деле в Мексике сформировался режим личной власти, в конгрессе оппозиция хранила молчание, парламентские дебаты не публиковались. Репрессии обрушивались на всех, кого власти подозревали в нелояльности режиму. Часто арестованных убивали якобы «при попытке к бегству».

Экономическое развитие Мексики на рубеже XIX—XX вв. В конце XIX — начале XX в. Мексика оставалась аграрной страной. По переписи в 1910 г. из 15 млн мексиканцев 77% составляли сельские жители. Разрушение общин и распродажа общинных земель на основании «законов о реформе» не сопровождалось ростом и укреплением крестьянского землевладения, а привели к обезземеливанию крестьян и невиданному росту крупной земельной собственности. Секуляризированные церковные земли также распродавались целыми поместьями и оказались в руках спекулянтов и крупных латифундистов. К невиданному разграблению крестьянских земель привел изданный П. Диасом в 1888 г. «декрет о колонизации» заброшенных земель («пустошей») и создании компаний по их размежеванию. Индейские крестьяне, жившие на своих общинных землях, не имели документов и не могли доказать юридически своих прав. В этом случае земли объявлялись «пустошами» и пускались в продажу, сами компании получали треть «пустующих земель». Одним из активных участников осуществления этого декрета был зять Диаса Ромеро Рубио. Министры Диаса, его друзья и члены семьи стали владельцами миллионов гектаров земли.

Огромные земельные богатства достались иностранным компаниям. Так, в Нижней Калифорнии североамериканские компании получили 10,5 млн гектаров. Газетный магнат Херст владел в Мексике 2,5 тыс. акров земли. По переписи 1894 г. 70% земельного фонда находилось у 20 земельных собственников. За годы диктатуры в руки крупных землевладельцев перешло 54 млн гектаров земли. Всего же в их владении находилось свыше 100 млн гектаров.

В результате аграрной политики Диаса к 1910 г. 96,6% сельского населения оказалось без земли. Трудившиеся в поместьях батраки-пеоны с их семьями составляли 2/3 населения

страны. Это была самая обездоленная и бесправная часть жителей Мексики. 84% мексиканцев были безграмотны.

Вложение капитала в сельское хозяйство зачастую не означало внедрения новой агротехники и наемного труда. Иностранные компании производили экспортную продукцию — кофе, табак, цитрусовые. Сохранялась плантационная система, где работали пеоны, испольщики и издольщики. Иностранный капитал сохранял эти докапиталистические формы эксплуатации. При этом сокращалось производство продовольственных культур на внутренний рынок, что в недалеком будущем привело к необходимости импорта зерновых для внутреннего потребления.

В последнее десятилетие XIX в. сельское хозяйство Мексики сильно пострадало: в 1892 г. — от урагана, в 1897 г. урожай погиб из-за снегопадов. В начале XX в. многие районы страны были охвачены эпидемиями оспы и бубонной чумы. Повсеместно приходила в упадок система орошения. Особенно пострадали мелкие хозяйства, где преобладал ручной труд.

Упадок и сокращение числа мелких хозяйств, которые были поставщиками продовольствия на внутренний рынок, привели к тому, что Мексика во все больших объемах стала ввозить продовольствие из США, особенно зерновые и бобовые.

Постепенно стала развенчиваться легенда о «богатстве и процветании страны», которую пыталась создать порфиристская пропаганда. В связи с ухудшением положения народа была реанимирована концепция «цивилизация — варварство». «Сьентификос» выступали за интенсивное привлечение иностранного капитала и поощрение иммиграции из Европы. В выступлениях идеологов порфиризма с новой силой зазвучала тема о неблагоприятном климате Мексики, о бесплодной тропической зоне, лениности индейцев и т.д. Правительство вновь взяло курс на расширение иммиграции из Европы. Однако она не приобрела такого размаха, как в Аргентине. В 1900 г. из 13,5 млн жителей только 60 тыс. были иммигрантами, но подавляющее большинство из них не занималось сельским хозяйством.

Вместе с тем в 90-е годы были проведены некоторые реформы, целью которых было дать простор развитию капитализма в промышленности и банковском деле. По инициативе министра финансов Хосе Пимантура были отменены налоги, сохранившиеся с колониальных времен, введен золотой паритет мексиканского песо, созданы центральная банковская система и служба государственного долга. Был введен ряд новых налогов на мексиканских производителей, тогда как налоги на иностранные предприятия были минимальными, что должно было содействовать привлечению иностранных инвестиций.

В начале XX в. в Мексике стала развиваться металлургия, возникли новые отрасли промышленности — химическая и электротехническая. Однако развитие национальной обрабатывающей промышленности отставало от добывающей. Если продукция текстильной промышленности, остававшейся ведущей отраслью, с 1877 по 1910 г. увеличилась в 2,7 раза, то в горной промышленности она выросла в 9 раз. В 1910 г. в Мексике было 150 фабрик; всего же насчитывалось свыше 3 тыс. предприятий, но большинство из них составляли мелкие ремесленные мастерские.

Промышленное развитие Мексики в 1880—1910 гг. свидетельствует, что капиталистический уклад стал в ее экономике главенствующим. Однако при прямом покровительстве порфиристского режима ведущие отрасли мексиканской промышленности перешли в руки иностранного капитала.

Рост горнодобывающей промышленности был связан с принятием в Мексике закона о праве собственников земель на недра (1892). Результатом явился невиданный приток иностранных капиталов в эту отрасль. С 1892 по 1910 г. ее продукция увеличилась в 4 раза. Мексика вышла на второе место в мире по экспорту меди, в 3 раза увеличилась добыча свинца, в 5 раз — цинка.

Постепенно оттеснив Англию, на первое место во внешней торговле Мексики вышли США, в то время как Англия сохраняла первенство по инвестициям капитала.

В начале XX в. США играли главную роль в нефтедобыче и вывозе нефти. Это было связано с политикой сохранения природных ресурсов в самих Соединенных Штатах, которая проводилась в тот период. Добыча и экспорт нефти из Мексики выросли с 1900 по 1910 г. в 1200 раз.

Так называемое «процветание», прославляемое порфиристской пропагандой, на деле, по мнению современников, означало, что наступил «золотой век для иностранного капитала».

Мексика в последние годы диктатуры П. Диаса. В начале XX в. порфиристский режим вступает в полосу глубокого кризиса. Диас не собирался уступать президентское кресло. Более того, в 1904 г. была принята еще одна поправка к конституции, согласно которой срок полномочий президента увеличивался с 4 до 6 лет. В 1905 г., когда Диасу исполнилось 75 лет, он снова выставил свою кандидатуру на президентских выборах и добился избрания. Но годы прошли, диктатор постарел, одряхлел, стал забывчив и подозрителен. Вместе с ним старело и его окружение, которое составляли такие же старики, как он сам. Крашенные бороды и вставные зубы не могли скрыть их

возраст. Средний возраст министров, сенаторов и губернаторов составлял 70 лет, только в нижней палате парламента преобладали «молодые» — шестидесятилетние. В Верховном суде заседали ровесники «войны за реформу». Да и «сэнтификос» перешагнули пятидесятилетний рубеж. Наступила эпоха геронтократии.

А жизнь шла вперед, пришли новые поколения, начиналась новая эпоха. По данным переписи 1900 г., 42% населения Мексики составляли люди моложе 20 лет, а еще 42% — те, кому было от 21 до 49 лет. По словам одного мексиканского историка, «Мексика была страной детей и молодежи, которыми управляли старики».

Диктатура все больше теряла поддержку в стране. Ее прежние сторонники — средние городские слои, фермеры-ранчеры, часть интеллигенции, для которых Диас долгое время был «защитником народа», носителем идеи «прогресса в условиях порядка», — испытывали глубокое разочарование. С каждым днем усиливалось движение протеста в деревне, поднимал свой голос против диктатуры нарождавшийся мексиканский пролетариат.

Противники режима, особенно молодежь, становились все более активными, сурово критиковали президента, осуждая его прежде всего за проведение антинародной политики и уступки иностранному капиталу. Общественность была потрясена просочившимся в прессу сообщением о том, что 50 млн гектаров плодородных земель были скуплены 28 лицами из ближайшего окружения президента. Ненависть к режиму диктатуры усугублялась ростом коррупции в государственном аппарате, беззастенчивым разграблением богатств страны, накоплением огромных средств в результате финансовых махинаций, в которых участвовали родственники президента. Наиболее выгодные сделки и доходные места Диас передавал своему сыну Порфирито и племяннику Феликсу Диасу.

Не лучше обстояло дело и в провинциях. На посты губернаторов в штатах назначались лица, лично преданные диктатору и бывшие, как правило, крупными латифундистами. Многие из них оставались на своих местах по 25—30 лет.

В 90-е годы вспыхнуло крестьянское движение в штатах Чиуауа, Мичоакан, Сонора, Морелос. Эти выступления жестоко подавлялись силами сельской полиции. Бедственное положение народа остро переживала передовая демократическая интеллигенция.

Постепенно оформилось главное политическое требование оппозиции: отставка П. Диаса и проведение досрочных выборов.

В 1900 г. деятелями мелкобуржуазной оппозиции во главе с братьями Рикардо и Энрике Флорес Магон на территории США была создана Хунта Либеральной партии. Возникло несколько десятков либеральных клубов и тайных обществ в самой Мексике.

В первых документах либерального движения признавались только акции в рамках конституции. Рикардо и Энрике Флорес Магон стали представителями более радикального крыла в либерально-демократическом движении.

Рикардо Флорес Магон и многие его единомышленники испытывали влияние анархизма и выступали за социальную революцию. Основой революционной тактики они считали «прямое действие» — вооруженную борьбу против существующего режима как самый эффективный метод «излечения больного буржуазного общества», одновременно настаивая на бесперспективности политической борьбы.

Магонисты выступали от имени пролетариата, понимая под этим термином всех трудящихся города и деревни. В мексиканском обществе того времени они видели два класса: тех, кто имеет частную собственность, и тех, кто ее лишен, не выделяя как самостоятельные классы пролетариат и крестьянство. Ликвидацию частной собственности и замену ее коллективной магонисты считали главным условием освобождения людей от эксплуатации.

В начале XX в. в Мексике отмечалось обострение классовой борьбы, связанное с подъемом аграрного движения и борьбы между крестьянством и латифундистами, с господством иностранного капитала в ведущих отраслях экономики. В движение против диктатуры включились крестьяне, рабочие, молодая национальная буржуазия, широкие слои демократической интеллигенции. Всплеск забастовочного движения в 1906 г. сопровождался ужесточением репрессий против забастовщиков, арестами руководителей рабочих союзов. Происходившие в тот момент забастовки в большинстве случаев были направлены против засилья иностранного капитала, они развертывались под лозунгом «Мексика для мексиканцев».

В 1907—1908 гг., когда вооруженные акции против диктатуры начали магонисты, возникло повстанческое крестьянское движение. Батраки-пеоны, бежавшие от притеснителей в леса и горы, объединялись в партизанские отряды и совершали налеты на усадьбы. На юге, в штате Морелос, отряды повстанцев возглавил Эмилиано Сапата (1879—1919), на севере, в штате Чиуауа, — Франсиско (Панчо) Вилья (1877—1923). Оба они

были из бедных крестьянских семей, не получили образования, но проявили себя способными вожаками народной борьбы.

Признанным лидером либерально-демократической оппозиции диктатуре стал Франсиско Мадеро (1873—1913). Это был образованный интеллигентный человек, занимавшийся благотворительной деятельностью, приверженный демократическим убеждениям. Резко осуждая диктаторский режим, Мадеро пытался бороться с ним конституционными методами. В 1909 г. он основал партию «антирезексионистов» — противников переизбрания Диаса президентом на очередной срок. Резко критикуя политику диктатуры, они надеялись отстранить Диаса от власти с помощью выборов и таким образом избежать гражданской войны.

В апреле 1910 г. съезд «антирезексионистов» выдвинул Ф. Мадеро кандидатом в президенты от оппозиции на предстоявших выборах. Но через два месяца во время предвыборной поездки по стране Мадеро был арестован по обвинению в подготовке мятежа. 80-летний Диас в июне 1910 г. вновь «единодушно» был переизбран президентом. В стране усилились преследования противников диктатуры. Опасаясь за жизнь своего лидера, сторонники Мадеро организовали его побег из-под домашнего ареста, и он обосновался на территории США в городе Сан-Антонио. Он убедился на собственном опыте, что оппозиция исчерпала все мирные способы борьбы против диктатуры и что свергнуть ее можно только с помощью оружия. Под руководством Мадеро его сторонники начали подготовку восстания.

Мексиканская революция 1910—1917 гг. Программа, обнародованная Мадеро 15 октября 1910 г., предусматривала свержение диктатуры, восстановление демократического конституционного режима, возврат крестьянам незаконно отнятых у них земель. Вооруженное восстание намечалось на 20 ноября.

20 ноября 1910 г. стало официальной датой начала мексиканской революции, хотя предпринятые правительством Диаса аресты заставили мадеристов начать вооруженные выступления на два дня раньше. Вооруженные акции мадеристов поначалу были разрозненными и неудачными. Но постепенно восстание ширилось. Поддержавшие Мадеро крестьянские отряды Сапаты и Вильи быстро выросли в народные армии.

Мадеро получил поддержку в США, где были недовольны поворотом Диаса к более тесному сотрудничеству с британскими компаниями в ущерб американским. Кроме того, Вашингтон не желал поддерживать непопулярный, доживавший век режим и предпочел укрепить влияние в Мексике поддержкой революцио-

неров, которые получили возможность свободно действовать с территории США и закупать там оружие.

В феврале 1911 г. Мадеро перешел границу и присоединился к повстанцам в северном штате Чиуауа, ставшем центром боевых действий. На сторону Мадеро перешли многие магонисты. Однако сам Р. Флорес Магон отказался от совместных действий с мадеристами и начал самостоятельные выступления, оказавшиеся в основном неудачными.

Пламя восстания разгоралось при растущей поддержке населения. Правительственные войска терпели неудачи, в их рядах усилилась деморализация.

В апреле 1911 г. крестьянская Освободительная армия с севера блокировала правительственные войска в пограничном с США городе Сьюдад-Хуарес. 8—9 мая Сьюдад-Хуарес был взят штурмом повстанцами. С юга к столице Мексики подступила крестьянская Освободительная армия Э. Сапаты. 21 мая было подписано соглашение о прекращении военных действий и уходе диктатора в отставку. В Мехико начались демонстрации под лозунгами: «Долой Диаса! Да здравствует Мадеро!» 25 мая 1911 г. престарелый диктатор ушел в отставку и той же ночью бежал в Веракрус, откуда отбыл в Европу на немецком пароходе. 7 июня в столицу вступили отряды Мадеро.

На этом закончился первый этап революции (ноябрь 1910 — май 1911 гг.), когда главной ее целью было свержение диктатуры Диаса и силы революции выступали единым фронтом — от либеральных помещиков и предпринимателей до рабочих и крестьянских масс под политическим руководством либерально-демократического течения во главе с Ф. Мадеро.

2 октября 1911 г. Франсиско Мадеро подавляющим большинством голосов был избран президентом и 6 ноября сформировал новое правительство. В стране были восстановлены демократические свободы и конституционный режим. Это удовлетворило пришедшие к власти либерально-демократические круги. Но крестьяне требовали земли. Мадеро медлил с решением аграрного вопроса, ограничившись созданием комиссии по изучению проблемы и подготовке рекомендаций. Начался отход крестьянства от Мадеро.

28 ноября 1911 г. Э. Сапата провозгласил «План-де-Айяла» (по названию местечка, где он был принят), подтверждавший решимость Освободительной армии Юга продолжать борьбу, пока крестьяне не получат землю. Против него были двинуты правительственные войска, но их действия были безуспешными.

В 1911—1912 гг. не прекращались выступления рабочих, добивавшихся введения трудового законодательства. В 1912 г.

властями был принят «регламент работы на фабриках», рабочий день ограничивался 10 часами, запрещались штрафы и выдача зарплаты талонами.

Против Мадеро активизировалась консервативная оппозиция, которая сохранила влияние в армии, почти не затронутой переменами.

Осложнились отношения с Вашингтоном, т.к. Мадеро, отстаивая национальные интересы, стал несколько ограничивать привилегии американских компаний. Посол США в Мехико Генри Вильсон поддержал заговорщицкую деятельность консерваторов.

9 февраля 1913 г. в столице вспыхнул военный мятеж против Мадеро. Г. Вильсон потребовал от Мадеро уйти в отставку, угрожая интервенцией США. Мадеро ответил отказом, обвинив посла США во вмешательстве во внутренние дела Мексики. 18 февраля к мятежникам присоединился командовавший правительственными частями генерал Викториано Уэрта, сам тайный заговорщик, имевший собственные виды на власть. Он арестовал Мадеро и членов его кабинета. По соглашению между лидерами мятежа, при посредничестве посла США временным президентом стал В. Уэрта. 22 февраля Мадеро был убит.

Так закончился второй этап революции (май 1911 — февраль 1913 гг.), когда у власти находились либеральные демократы во главе с Мадеро. В этот период единство революционных сил было нарушено, что облегчило захват власти контрреволюционерами. В Мексике установилась диктатура генерала Уэрты, означавшая возврат к власти тех, кто был опорой режима Диаса. Уэрта стремился с помощью армии репрессиями навести порядок в стране. Однако с самого начала диктатура натолкнулась на сопротивление. Губернатор северного штата Коауила, богатый помещик, сторонник Мадеро Венустиано Карранса (1859—1920) осудил мятеж и отказался признавать Уэргу. 26 марта 1913 г. он обратился с призывом к борьбе против Уэрты и восстановлению конституции. На северо-западе, в штате Сонора, его поддержал молодой генерал Альваро Обрегон (1880—1928). Карранса был объявлен верховным главнокомандующим армией конституционалистов, как стали называть его сторонников.

Народное сопротивление в штате Чиуауа снова возглавил крестьянский лидер Панчо Вилья, признавший Каррансу верховным лидером революции. Армия Вильи стала именоваться «Северной дивизией» конституционалистов, хотя фактически он действовал самостоятельно. «Северная дивизия» Вильи одерживала победу за победой и к концу 1913 г. освободила весь штат

Чиуауа. В освобожденных районах Вилья организовал собственное управление, конфисковал крупнейшие латифундии, обеспечивал местное население продуктами, одеждой, деньгами. В начале 1914 г. Вилья перенес боевые действия на другие северные территории. В Соноре успешно действовала конституционалистская армия Обрегона. На юге одерживала победы Освободительная армия Юга во главе с Э. Сапато. Он отказывался признавать лидером революции Каррансу. Действия Вильи и его успехи вызывали тревогу у Каррансы, намеревавшегося ограничить цели борьбы восстановлением конституции и законности и опасавшегося народной социальной революции. Тем не менее именно «Северная дивизия» Вильи превратилась в многотысячную армию и стала решающей силой борьбы с Уэртой. В конце марта 1914 г. Вилья штурмом овладел г. Торреон и установил контроль над обширными территориями мексиканского севера. Бои приближались к столице.

Не сложились у Уэрты и отношения с Вашингтоном. Новый президент Вудро Вильсон отозвал из Мексики скомпрометировавшего себя участием в заговоре посла Генри Вильсона и воздержался от признания режима Уэрты, тем более что Уэрта склонился к пробританской ориентации. Когда диктатор оказался на грани краха, США решили вмешаться в события в Мексике под предлогом помощи в восстановлении конституционного порядка в стране. 21 апреля 1914 г. морская пехота США высадилась в районе главного мексиканского порта Веракрус. Курсанты военно-морского училища и жители города оказали сопротивление, но после нескольких дней боев интервенты захватили Веракрус.

Интервенция США вызвала широкие протесты в Мексике и за ее пределами. Лидер конституционалистов В. Карранса решительно отказался от такой «помощи». Он осудил интервенцию и потребовал вывести американские войска. Победы революционеров над войсками Уэрты и их твердая позиция против вмешательства США заставила Вашингтон прекратить интервенцию. В ноябре 1914 г. американская морская пехота покинула Веракрус.

15 июля 1914 г. Уэрта отказался от власти и бежал из страны. (В 1915 г., находясь в эмиграции в США, он был убит агентами мексиканских революционеров).

Закончился третий этап революции (февраль 1913 — июль 1914 гг.), когда снова главной ее целью стало свержение диктатуры и восстановление конституционного режима. И опять революционные силы выступили единым фронтом. Но теперь осо-

бенно возросла роль крестьянских масс, они явно выходили из-под контроля умеренных сил.

13 августа 1914 г. конституционалистская армия Обрегона вступила в Мехико. Карранса взял на себя функции главы правительства с чрезвычайными полномочиями. Старая армия была расформирована. Часть ее вступила в конституционалистскую армию. Но обширные территории страны контролировали крестьянские армии Вильи и Сапаты, которые отказались подчиняться Каррансе.

Для решения вопроса о власти и о предстоящих преобразованиях Карранса согласился созвать Конвент представителей революционных армий. Он открылся 1 октября 1914 г. в Мехико. Однако сторонники Вильи и Сапаты на него не прибыли, что лишило Конвент представительности и эффективности. 10 октября Конвент переместился в нейтральный город Агуаскальентес, где в его работе приняли участие и представители армии Вильи и Сапаты, оказавшиеся в большинстве. Карранса туда не явился. Вилья и Сапата не считали возможным занять руководящие посты в республике. «Я недостаточно образован, чтобы стать президентом», — говорил Вилья.

1 ноября Конвент избрал временным президентом одного из повстанческих генералов и лишил полномочий Каррансу. Вилья был назначен командующим Конституционной армией Конвента, которая двинулась к столице. Карранса не признал решений Конвента. Он перебрался из Мехико в Веракрус, где обосновалось его правительство. Командующим своими войсками он назначил генерала Обрегона. В конце ноября в Мехико вошли части крестьянских армий, затем туда перебрался Конвент, а 6 декабря 1914 г. состоялось торжественное вступление войск Вильи и Сапаты в столицу.

Началась открытая гражданская война между революционными крестьянскими армиями и сторонниками Каррансы — умеренными либералами-конституционалистами. Крестьянские армии контролировали большую часть страны и столицу, но их лидеры не сумели организовать новую революционную центральную власть, объединить все свои силы. Они не представляли ясно, как закрепить свою победу. Пребывание в столице, многолюдном, чуждом крестьянам городе, тяготило их. Они не озабочивались налаживанием связей с городской беднотой, рабочими. Сапата вернулся в свой штат Морелос, где занялся раздачей помещичьих земель крестьянам.

Карранса поспешил перехватить инициативу. 12 декабря 1914 г. он подписал декрет о намерении созвать Учредительное собрание и разработать революционные законы, в том числе по

аграрному и рабочему вопросам. 6 января 1915 г. правительство Каррансы издало аграрный закон, предусматривавший экспроприацию крупных поместий и наделение землей крестьян.

Фактически эти решения явились результатом борьбы крестьян. Но Карранса опередил неискушенных крестьянских лидеров в законодательном оформлении аграрной реформы, в то время как в Конvente обсуждение аграрной реформы затянулось. В январе 1915 г. Карранса издал декрет, ограничивавший права иностранных нефтяных компаний в стране. Этими мерами он укрепил свой авторитет.

В начале 1915 г. Карранса обещаниями улучшить положение трудящихся добился подписания «Пакта о сотрудничестве» между его правительством и «Домом рабочих мира» — основной организацией мексиканских рабочих, созданной в 1912 г. и стоявшей на анархо-синдикалистских позициях. Один из лидеров «Дома рабочих» получил пост министра внутренних дел в правительстве Каррансы. Рабочий центр обязался создать вооруженные пролетарские «отряды самообороны» в поддержку «революционного правительства» Каррансы. В городах, подконтрольных каррансистам, власти осуществляли программы помощи беднейшему населению, в том числе раздачу одежды, продуктов.

Все это способствовало изменению соотношения сил в пользу Каррансы. Армия Обрегона перешла в наступление. В конце января 1915 г. Вилья без боя ушел из столицы, что было еще одной большой ошибкой. В Мехико вступили войска Обрегона. Но лишь в середине 1915 г. каррансисты окончательно закрепились в столице, куда вернулся и сам Карранса.

После нескольких лет опустошительных военных действий в стране царила разруха, запустели поля, были разрушены транспорт и снабжение. Народ устал. После падения диктатуры и новых мер и обещаний правительства Каррансы крестьянские массы уже не видели необходимости продолжать борьбу. Весной и летом 1915 г. в упорных многодневных боях крестьянская армия Вильи была разбита Обрегоном и распалась. В этих боях на стороне каррансистских войск сражались шесть «красных батальонов» из рабочих, которые были направлены против Вильи «на защиту революции». Поражению крестьян способствовали также разобщенность и размолвки между Вильей и Сапатой, проявившиеся в это время. Прекратилась работа Конвента.

К концу 1915 г. вся территория, бывшая под контролем Вильи, была занята правительственными войсками, после чего Вилья с остатками своих сил перешел к партизанской войне в

Чиуауа. Разгромив Вилью, правительственные части повели наступление на юге против Сапаты. Он также вынужден был перейти к партизанским действиям. Карранса закрепился у власти. Теперь уже ненужные властям рабочие «красные батальоны» были распущены.

В марте 1916 г. началась новая вооруженная интервенция США в Мексике. Предлогом послужил налет отряда Вильи на пограничный американский городок Колумбус. На мексиканскую территорию был направлен 12-тысячный экспедиционный корпус генерала Першинга «для преследования Вильи». Но основной целью интервенции было заставить изменить политику в отношении американских компаний. Правительство Каррансы не поддавалось давлению и заявило протест против нарушения суверенитета Мексики. Начались вооруженные столкновения правительственных мексиканских войск и партизан Вильи с американскими войсками. В январе — начале февраля 1917 г. корпус Першинга ушел с мексиканской территории. Прекращению интервенции способствовало и то, что США готовились вступить в мировую войну.

22 октября 1916 г. прошли выборы в Конституционный конгресс, который открылся в г. Керетаро 21 ноября. Итогом его работы стало принятие новой конституции, провозглашенной 5 февраля 1917 г.

Это завершило последний, четвертый этап революции (июль 1914 — февраль 1917 г.), основным содержанием которого была гражданская война между радикальным революционно-крестьянским и умеренным либеральным крылом. Радикальный фланг революции в борьбе за власть потерпел поражение, победа досталась ее умеренному крылу. Но в тексте Конституции 1917 г. нашли отражение важные чаяния мексиканского народа.

Конституция 1917 г. провозглашала демократические свободы и права граждан, всеобщее избирательное право. Она учреждала республику с сильной президентской властью, но запрещала переизбрание президента на второй срок. Создавался двухпалатный национальный конгресс. В стране устанавливалось федеративное устройство с автономией штатов и муниципальным самоуправлением.

Статья 27 предусматривала проведение аграрной реформы с разделом латифундий и наделением крестьян землей. За государством закреплялось право верховной собственности на национальную территорию. Земельные недра объявлялись народным достоянием. Право на концессии могло предоставлять только центральное правительство с соблюдением мексиканского зако-

нодательства. В приграничных зонах иностранцам запрещалось владеть землей.

Статья 123 провозглашала 8-часовой рабочий день, ограничивала применение труда подростков и женщин. Предусматривалось установление минимума заработной платы в соответствии с уровнем жизни. За рабочими признавалось право на создание профсоюзов и на забастовки.

Конституция 1917 г. не столько закрепляла достигнутые результаты, сколько была программой, которую еще предстояло осуществить. Но конституционное оформление такой программы само по себе было очень важно. Это была самая передовая в Латинской Америке конституция, открывшая путь к дальнейшему прогрессивному развитию Мексики.

Глава 19

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в 1898—1914 гг.

Расстановка сил на мировой арене и развитие международных отношений в конце XIX — начале XX в. (общая характеристика). Новый этап в развитии международных отношений — с испано-американской (1898) до Первой мировой войны — был прямым отражением качественно иного социально-экономического состояния, которого достиг мировой капитализм на грани двух веков. Вместе с тем и в этот период отчетливо проявилась специфика межгосударственных отношений, на которые воздействовали не только социально-экономические факторы, но и мотивы внеэкономического характера (стратегические и национально-государственные интересы, особенности внешнеполитического курса того или иного правительства, роль общественных движений и средств массовой пропаганды и др.).

К числу отличительных черт международной обстановки конца XIX — начала XX в. можно отнести следующие наиболее общие ее характеристики.

Первое. Фундаментальные сдвиги в структуре капиталистического общества, связанные с переходом в стадию монополистического капитализма, внесли в систему международных отношений изменения принципиальной важности. Интересы финансовой олигархии, крупных монополистических объединений, игравших решающую роль в хозяйственной жизни, во многом становились главенствующими интересами и в области внешней политики капиталистических государств.

Возросшее влияние монополий на ход международных событий проявлялось во всех регионах мира. В Европе, где центральным узлом противоречий оставался вопрос об Эльзасе и Лотарингии, франко-германское противоборство получило новый мощный импульс в связи с усилением соперничества за обладание лотарингской железной рудой между сталелитейной фирмой Круппа и крупнейшим французским металлургическим объединением «Комитэ де форж».

В Западном полушарии ряд международных конфликтов на рубеже двух веков, включая испано-американскую войну, во

многим был спровоцирован деятельностью крупного монополистического капитала США, стремившегося при помощи государства освободиться от иностранных конкурентов в Латинской Америке. Существенную роль в принятии внешнеполитических решений играли такие компании, как «Стандард ойл», «Юнайтед фрут компани», «Шугар рифайнинг компани» и др.

На Дальнем Востоке в процессе раздела Китая на сферы влияния активное давление на правительство Великобритании оказали представители английской монополистической буржуазии, входившие в состав так называемой «Китайской ассоциации». Крупный капитал был кровно заинтересован и оказывал всестороннюю поддержку своим правительствам в проведении колониальной политики на Африканском и Азиатском континентах.

Обострялась борьба за экономический раздел мира между крупнейшими международными монополистическими союзами. Конкретными примерами этой борьбы явились совместные операции англо-американского капитала в Латинской Америке, франко-русского — в Китае, австро-германского — на Балканах.

Соперничество международных монополистических союзов в поисках источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала еще более осложняло международную обстановку, так как экономический раздел далеко не всегда совпадал с разделом территориальным, что усиливало межгосударственные противоречия. С другой стороны, объединение усилий монополистов различных стран создавало определенные предпосылки к политическому сближению, как это и произошло между Англией и США, Россией и Францией, Германией и Австро-Венгрией.

Яркую международную окраску приобрела и еще одна характерная особенность монополистической стадии капитализма — вывоз капитала. Являясь одним из основных рычагов в проведении колониальной политики и укреплении колониального господства, экспорт капитала оказывал существенное воздействие и на взаимоотношения великих держав. Так, англо-французские инвестиции в экономику России во многом предопределили ее участие в Антанте.

И, наконец, самое непосредственное отношение к радикальным изменениям в международной обстановке имела и такая характеристика империализма, как завершение территориального раздела мира между крупнейшими капиталистическими державами. Отныне определяющей чертой развития международных отношений становилась борьба за передел уже поделенного мира.

Таким образом, законы формирования начальной фазы империализма действовали не только в социально-экономической сфере, но и в сфере международных отношений. Однако в последней они проявлялись опосредованно, т.к. главными субъектами международных отношений являлись не монополии, а государства. Капиталистическое государство, выражая интересы не отдельных монополий, а господствующего класса в целом, учитывало в своей внешнеполитической практике как расстановку социальных сил внутри страны, так и баланс сил на мировой арене. Оно испытывало воздействие многочисленных «немонополистических факторов». Это нисколько не уменьшало влиятельной, а иногда и определяющей роли монополистического капитала во внешней политике великих держав, но подчеркивало всю сложность ее проявления на международной арене.

Второе. Основные международные конфликты и противоречия в 1898—1914 гг., как и в предыдущий период, во многом были обусловлены неравномерностью развития капиталистических стран, которая приобрела еще более контрастный характер. В начале XX в. «молодые» капиталистические государства уже значительно превосходили «старые» европейские державы как по темпам роста, так и по достигнутому экономическому уровню. Достаточно сказать, что в 1913 г. доля США и Германии в мировом промышленном производстве составляла почти 44%, тогда как на долю Англии и Франции приходилось 22%, т.е. в два раза меньше. Реальный баланс сил великих держав оказался в противоречии с исторически сложившимся распределением между ними колоний, рынков сбыта и сфер влияния. Это несоответствие и стало главной пружиной борьбы за передел мира.

Логика этой борьбы предполагала использование силовых методов разрешения противоречий. Поэтому она неминуемо вела к гонке вооружений, к образованию военно-политических блоков, к подготовке и развязыванию прямых военных столкновений. Такова была прямая связь между неравномерностью развития капиталистических стран, изменениями в соотношении сил и империалистическими войнами.

Однако общая картина международной обстановки была значительно сложнее любых логических построений. Период конца XIX — начала XX в. не только «обогатился» новыми международными противоречиями, но и унаследовал ранее существовавшие. Соперничество и сближение, сотрудничество и конфликты не всегда были напрямую связаны с делением великих держав на «старые» и «молодые». И те, и другие вели поиски наиболее выгодного для них баланса сил и надежных союзников вне

зависимости от их «возраста» — при безусловном сохранении и усилении глобального противоборства, вызванного неравномерностью развития.

Одним из центральных в начале XX в. оставался франко-германский конфликт. Продолжали оказывать большое влияние на международную жизнь противоречия между Россией и Германией, Австро-Венгрией и Россией. Сохранялась напряженность в англо-французском и англо-русском колониальном соперничестве. Однако в первое десятилетие нового века противоречия Англии с Россией и Францией потеряли былую остроту. Это объяснялось не столько достижением соглашений о колониальных сферах влияния, сколько появлением общего для всех трех держав противника. Перманентный конфликт Германии с Францией и резкое ухудшение ее отношений с Россией дополнились с конца XIX в. англо-германским антагонизмом, ставшим одним из важнейших в происхождении Первой мировой войны. Этот антагонизм предопределил не только урегулирование конфликтов Англии с франко-русским союзом, но и сближение с ним, а затем и образование Тройственной Антанты.

На рубеже двух веков британская политика «блестящей изоляции» зашла в тупик. Международное положение складывалось так, что у Великобритании в целом мире не оказалось ни одного надежного союзника, зато было предостаточно потенциальных противников, главным из которых становилась Германия. «Блестящая изоляция» превратилась в изоляцию опасную. Этим и объяснялся новый курс Англии на сотрудничество с Францией и Россией, что привело к окончательному формированию двух противоборствующих коалиций великих держав: Тройственного союза и Антанты.

В этот же отрезок времени вызревают противоречия между «молодыми» капиталистическими державами. С конца XIX в. усилилось американо-германское соперничество в Западном полушарии, когда в отличие от Великобритании Германия наотрез отказалась признать лозунг «Америка для Соединенных Штатов». Конфликт с Германией дал дополнительный импульс англо-американскому сближению.

С начала XX в. нарастала напряженность в отношениях между США и Японией.

Третье. Помимо изменений в расстановке сил на мировой арене и в содержании международных конфликтов и противоречий рассматриваемый период привнес в международную практику и качественно новые методы внешнеполитической деятельности.

В конце XIX в. при активной поддержке правительственных кругов Великобритании администрация Соединенных Штатов провозгласила доктрину, или политику, «открытых дверей» в Китае. Главная причина выработки этой политики состояла в том, что США, опоздав к разделу Китая, стремились тем не менее укрепить свои экономические и политические позиции на Дальнем Востоке. В сентябре—ноябре 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй направил правительствам Англии, Германии, Франции, России, Японии и Италии циркулярную ноту, в которой, осуждая практику раздела Китая на сферы влияния, потребовал соблюдать на его территории принципы «открытых дверей» и «равных возможностей». Невзирая на более чем уклончивые ответные ноты великих держав, Дж. Хэй объявил в марте 1900 г., что они присоединились к новой американской политике.

Несмотря на географически конкретный повод провозглашения, доктрина «открытых дверей» носила надрегиональный, общестратегический характер. Вместе с новым толкованием доктрины Монро она означала, что Соединенные Штаты добивались «равных прав» при неравных возможностях. Иными словами, стратегическая линия, предложенная американским правительством, заключалась в том, чтобы, опираясь на экономические преимущества и не прибегая к широким территориальным захватам, вытеснить иностранных конкурентов и обеспечить себе господствующее положение в том или ином районе мира. Так родился американский колониальный феномен. В отличие от Англии и Франции, успевших захватить огромные территории и установивших там свое полное политическое господство, и в отличие от Германии, выступавшей с открытыми требованиями передела мира и пытавшейся отвоевать колонии на полях сражений, Соединенные Штаты стремились достичь своих целей главным образом при помощи экономических и финансовых рычагов.

Политика «открытых дверей» помимо решения этой основной задачи имела и еще ряд существенных преимуществ перед открытым аннексионизмом. Она позволяла избегать чрезмерных затрат на военные нужды и использовать демократические, национально-освободительные и антиимпериалистические традиции, поскольку главной целью провозглашалась не военное, а «мирное» финансово-экономическое подчинение. Эта политика, наконец, давала возможность осуждать колониальную практику европейских держав и вызывала определенное сочувствие политически эксплуатируемых и угнетаемых стран и народов. Доктрина «открытых дверей», таким образом, представляла собой теорию

и практику экономического колониализма, уже тогда содержащего в себе элементы неоколониалистской политики, которая окончательно сложилась после Второй мировой войны.

Четвертое. Характерной особенностью мирового развития в конце XIX — начале XX в. стало усиление экономической взаимозависимости государств. Образование международных монополистических союзов, вывоз капитала, прогресс в развитии транспорта и средств связи — все это обусловило переход к новому состоянию мирового хозяйства. К началу XX в. сложился единый мировой капиталистический рынок. Эти процессы могли стать основой экономического и политического сотрудничества стран и народов мира, что в определенной мере и проявилось в практике международных отношений (расширение и укрепление хозяйственных связей и контактов в области культуры, мирное урегулирование спорных международных вопросов, созыв конференций по обеспечению мира и безопасности государств, создание интернациональных общественных организаций и т.д.).

Однако мир не только становился взаимозависимым, но и оставался противоречивым и конфликтным, причем вторая тенденция преобладала над первой. В этом смысле политика как бы отставала от экономики. Конфликтность национально-государственных интересов, обусловленная неравномерностью развития и изменениями в соотношении сил, оставалась главенствующим процессом в развитии международных отношений. Более того, образование мирового капиталистического рынка не стало основой политического сближения и создания цивилизованного миропорядка, а превратило этот рынок в главный объект дельжа и борьбы между великими державами.

Пятое. Влиятельным фактором в развитии международных отношений в конце XIX — начале XX в. становилось антиимпериалистическое и пацифистское движение, сопротивление силовой политике империализма и колониальным захватам.

Возрастало воздействие на международную жизнь социальной борьбы и революций. Особенно велико было международное значение первой русской революции 1905—1907 гг. Она дала мощный толчок национально-освободительному движению в колониях и полуколониях (революционные выступления против иностранного господства в Иране в 1905—1911 гг., в Индии в 1907 г., в Турции в 1908 г., в Китае в 1911—1912 гг.), а также в многонациональных государствах (на Балканах и в Австро-Венгрии). С этого момента национально-освободительное движение превратилось в постоянно действующий фактор мировой политики.

С другой стороны, революция 1905—1907 гг. в России и антиколониальная освободительная борьба создавали основу для совместных действий капиталистических держав в подавлении антиимпериалистических выступлений. Так, уже в период первой русской революции все великие европейские державы, несмотря на взаимное соперничество, оказали помощь царскому правительству в его борьбе против революционно настроенных масс, включая предоставление крупных займов.

Большую роль в антивоенной и антиимпериалистической борьбе сыграло международное рабочее и социалистическое движение. На конгрессах II Интернационала было выдвинуто немало позитивных идей по вопросам сохранения мира между народами, борьбы против милитаризма и за разоружение, колониальной политики и национально-освободительной борьбы (см. гл. 20).

Пацифизм как организованное антивоенное движение зародился еще в начале XIX в., а во второй его половине уже проходили международные пацифистские конгрессы. Роль пацифизма и примыкавших к нему антиимпериалистических организаций в международной жизни на грани веков не была однозначной. Ленинские характеристики антиимпериалистов как «последних могикан буржуазной демократии» и пацифизма как «одной из форм одурачивания рабочего класса» страдают определенной упрощенностью. Антиимпериалистические «могикане» конца прошлого столетия оказались далеко не последними, а теория и практика пацифизма отнюдь не сводилась к «одурачиванию рабочего класса».

К откровенно слабым сторонам пацифистского движения относилась прежде всего утопичность основных его идей. Пацифисты ограничивались осуждением аморального характера войны, что, кстати, не так уж и мало, не проводили четкой разграничительной линии между войнами справедливыми и захватническими и, самое главное, оказались бессильными обнаружить глубинные социально-экономические пружины империалистической экспансии.

Тем не менее, в целом пацифистское и антиимпериалистическое движения носили, безусловно, прогрессивный характер. В теоретическом плане пацифизм с его центральным тезисом о том, что мир — это высший идеал и естественное состояние человека, внес существенный вклад в гуманистические и нравственные ценности цивилизации. Во внешнеполитической практике значение антивоенного движения состояло в том, что оно ставило определенные преграды на пути открытой империалистической агрессии. Так, деятельность американских анти-

империалистов была одним из факторов, повлиявших на отказ правительственных кругов США от классической колониальной политики. Большую роль сыграл пацифизм в создании межгосударственных организаций и проведении международных конгрессов по обеспечению мира. Особое место в предвоенной истории международных отношений занимали Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., созданные по инициативе российского правительства, на которых были приняты 13 конвенций, касавшихся законов и обычаев ведения войны и мирного урегулирования межгосударственных столкновений. Некоторые из этих конвенций не утратили своего значения и до сего дня (так, учрежденный первой Гаагской конференцией Международный арбитражный суд функционирует уже более ста лет).

Вместе с тем, несмотря на известные успехи антиимпериалистического и антивоенного движений, соотношение сил в тот период было явно не в их пользу. Ход международных событий определялся правящими кругами великих держав. Сопrotивление империалистической политике не было и не могло быть эффективным по причине слабости международной социал-демократии и пацифистских организаций, непоследовательности либеральной интеллигенции и недостаточной организованности национально-освободительного движения. Борьба за передел мира и империалистические войны стали неизбежными.

Первые войны за передел мира. Новая эпоха в истории международных отношений не случайно открылась военным столкновением Соединенных Штатов и Испании (апрель—август 1898 г.). Это была война экономически самой мощной капиталистической державы, опоздавшей к разделу мира, с одной из самых слабых и отсталых европейских стран, которая чудом сохранила за собой богатые колонии, завоеванные в лучшие для нее, но безвозвратно ушедшие годы.

Главным объектом схватки стали испанские колонии: Куба, Пуэрто-Рико и Филиппинские острова. Американские правительственные круги, поддерживаемые крупным бизнесом, неоднократно подчеркивали особую заинтересованность США в этих территориях. В экономическом плане они представляли собой удобные рынки сбыта и прибыльные сферы приложения капитала. Это было хорошо известно американским промышленникам и финансистам, которые уже к этому времени занимали господствующее положение в сахарной и табачной промышленности Кубы, вкладывали средства в строительство железных дорог, вели горные разработки. Но еще более существенными были стратегические интересы США в этом районе мира. Куба, являвшаяся ключом к Мексиканскому заливу, занимала исклю-

чительно важную позицию для распространения влияния Соединенных Штатов в Латинской Америке. Филиппинский архипелаг мог стать опорной базой в Тихом океане для американского проникновения на Дальний Восток.

Войне США против Испании благоприятствовали по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, подавляющий перевес сил в пользу Соединенных Штатов. Во-вторых, занятость великих европейских держав взаимным противоборством в других регионах, что лишало Испанию всяких надежд на какую-либо серьезную помощь. В-третьих, немаловажную роль сыграли вооруженные восстания на Кубе и Филиппинах против испанского владычества, чем Соединенные Штаты воспользовались как в пропагандистском, так и в военном отношениях.

Военные действия продолжались три с половиной месяца и завершились капитуляцией Испании после разгрома ее военноморского флота американской эскадрой под командованием адмирала Дж. Дьюи. 10 декабря 1898 г. в Париже был подписан мирный договор, согласно которому Испания отказывалась от своих прав на Кубу и остров Гуам, а Пуэрто-Рико и Филиппинские острова переходили к США. «Блестящая маленькая война» закончилась для США не менее «блестящими» результатами. Отняв у Испании Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам, оккупировав Кубу и оформив в том же 1898 г. совершенный ими за пять лет до этого захват Гавайских островов, США превратились в колониальную державу.

Тем не менее и после испано-американской войны, несмотря на прямые колониальные приобретения, основным стратегическим курсом США оставался экономический колониализм, но уже с существенными оговорками, позволявшими Соединенным Штатам осуществлять не только экономический, но и политический контроль над теми или иными странами и территориями. Наиболее ярким примером в этом отношении стала судьба Кубы. После войны 1898 г. она была провозглашена независимой республикой. Однако независимость эта больше походила на американский протекторат благодаря так называемой поправке сенатора О. Платта, включенной в Конституцию Кубы 1901 г. и в постоянный американо-кубинский договор 1903 г. По этой поправке Соединенные Штаты получали право на вооруженное вмешательство в дела республики «в целях обеспечения ее независимости».

К числу первых империалистических войн относилась и англо-бурская война 1899—1902 гг. Главной причиной этой войны стало стремление Великобритании, и без того осуществлявшей экономический контроль над богатыми золотом и алмазами бур-

скими республиками, установить над ними полное политическое господство.

За поводом дело не стало. Знаменитый Сесил Родс развернул в британской прессе широкую пропагандистскую кампанию против буров, обвиняя их в жестоком обращении с туземным населением и в ущемлении прав английских колонистов. К границе бурских республик стали стягиваться английские войска. Чтобы предупредить агрессию Англии, президент Трансвааля П. Крюгер 9 октября 1899 г. первым объявил ей войну. Вскоре к военным действиям против Великобритании присоединилась и Оранжевая республика. Несмотря на то что первыми военные действия начали бурские республики, характер войны не вызывал сомнений ни у современников, ни у большинства историков: буры вели войну справедливую и освободительную, Англия — агрессивную и империалистическую.

Превосходство Англии в военных силах и в вооружении над бурами было еще большим, нежели превосходство США над Испанией. В 1900 г. английская армия под командованием фельдмаршала Китченера насчитывала до 450 тыс. человек, что почти в 6 раз превышало численность бурских вооруженных отрядов. Тем не менее война началась крупными поражениями англичан. Лишь с февраля 1900 г. британская армия, применяя все методы «цивилизованных разбойников», перешла в наступление и окружила основные подразделения буров. Бурские отряды капитулировали, когда их положение стало безвыходным. 1 июня 1902 г. в Претории (Трансвааль) был подписан мир, по которому бурские республики теряли свою независимость.

Испано-американская и англо-бурская войны, помимо сходных черт в мотивах, ведении и результатах военных действий, имели и еще одну общую особенность. В ходе этих войн отчетливо проявились изменения в расстановке сил на мировой арене. В них, в частности, нашел свое яркое подтверждение процесс англо-американского сближения, а также связанное с ним усиление противоречий обеих англосаксонских держав с Германией.

Великобритания и Соединенные Штаты не просто сохраняли благожелательный нейтралитет по отношению друг к другу. Администрация США, например, решительно отказала бурским республикам в их просьбе о помощи в борьбе с Англией. Великобритания, со своей стороны, заняла явно проамериканскую позицию в войне 1898 г. Когда Германия, надеясь получить свою долю из испанского наследства, послала в Манильскую бухту эскадру контр-адмирала Дидерикса, английский адмирал Чичестер поставил свои военные суда между германски-

ми и американскими кораблями, которые как раз в эти дни готовили высадку десанта для штурма Манилы. Этот небольшой эпизод времен испано-американской войны ясно продемонстрировал, какую из двух держав Великобритания считала своим неофициальным союзником, а какую своим потенциальным противником.

Обострение англо-германских противоречий. Одним из важнейших явлений международной жизни конца XIX — начала XX в., имевшим стратегические последствия, стало формирование англо-германского антагонизма. Соперничество между Великобританией и Германией приобретало всесторонний характер.

После экономического кризиса начала 90-х годов и затянувшейся депрессии Англия столкнулась с резко усилившейся германской торговой конкуренцией. Более быстрые темпы экономического роста, техническое превосходство и низкая себестоимость товаров позволяли Германии сравнительно легко преодолевать таможенные барьеры. Появление столь мощного конкурента, угрожавшего английской гегемонии в мировой торговле, вызывало болезненную реакцию в Великобритании. Однако серьезное отставание в темпах промышленного развития существенно ограничивало эффективность ответных действий. Британским правительственным кругам оставалось либо пассивно наблюдать за экономическим наступлением Германии, либо противопоставить ей свою колониальную монополию. Выбор пал, естественно, на второй вариант.

Но и здесь, в традиционно надежной для Великобритании области, возникли крупные осложнения. После короткого перерыва, вызванного обострением политической ситуации в Европе, правительство Германии во второй половине 90-х годов вновь выдвинуло лозунг создания обширной колониальной империи. Причем в выступлениях германских лидеров открыто называлось и главное препятствие в борьбе за территориальный передел мира в пользу Германии — колониальная монополия Великобритании. Вот почему в своей внешнеполитической практике Германия резко активизировала противодействие британской политике во многих регионах мира.

В *Восточной и Юго-Западной Африке* германские правящие круги стали домогаться приобретения португальских колоний — Анголы и Мозамбика, чтобы превратить свои колониальные владения на Африканском континенте в единый сплошной массив. На пути осуществления этого плана стояла Англия, имевшая в этой части Африки значительные интересы и рассчитывавшая на услуги экономически зависимой от нее Португалии. В *Эква-*

ториальной Африке в вопросе о бассейне Конго и на Дальнем Востоке при решении японо-китайского конфликта Германия выступила на стороне Франции и России, но против Англии и ее политики в этих районах.

В Южной Африке Германия активно заигрывала с бурами, поощряя их к борьбе с английскими завоевателями. Еще в январе 1896 г., после того как буры отразили вооруженный налет отряда Л. Джемсона на Трансвааль, Вильгельм II оказался единственным из лидеров великих держав, который направил президенту П. Крюгеру поздравительную телеграмму. В Англии не без оснований оценили послание кайзера как антибританскую провокацию и открытый вызов.

Еще одним регионом англо-германского противоборства стал Ближний и Средний Восток. В 1898 г. «путешествующий кайзер», как называли в Европе Вильгельма II, нанес визит турецкому султану. Главной целью посещения Константинополя было желание добиться усиления экономического и политического влияния Германии в Турции, а следовательно, и в странах Востока. Заявив, что между немцами и мусульманами существует близкое родство, кайзер договорился с султаном о концессии на сооружение Багдадской железной дороги, которая и была получена германским синдикатом Сименса—Каулла в 1899 г. Проектируемая железная дорога задевала кровные интересы Англии, так как благодаря ей Германия приближалась к Египту и Суэцкому каналу и выходила на берег Персидского залива. Великобритания, усмотрев в германском проникновении в Турцию прямую угрозу своим позициям на Ближнем и Среднем Востоке, противодействовала планам Германии чем только могла. Однако результаты этого противодействия значительно уступали затраченным на него усилиям.

Ареной острых англо-германских противоречий оставался и Европейский континент, где Германская империя отнюдь не отказалась от своих претензий на руководящую роль. К началу XX в. новый смысл для Германии приобрела балканская проблема, которая рассматривалась в общих рамках планируемого «похода на Восток». Только через Балканы Германская империя могла проложить себе ближайший путь к портам Средиземного моря. Используя экономические позиции как свои, так и Австро-Венгрии, Германия активизировала балканскую политику. Но и здесь ее планы пришли в столкновение с интересами Англии и России.

Таким образом, спектр англо-германских противоречий к началу нового века был чрезвычайно широк. Но наибольшую опасность правительственные круги Англии почувствовали тог-

да, когда в марте 1898 г. рейхстаг одобрил первую широко-масштабную военно-морскую программу и Германия приступила к созданию мощного военного флота, что могло подорвать основу могущества Великобритании как великой мировой державы. Выдвинутый Вильгельмом II и морским министром Альфредом фон Тирпицем лозунг «Будущее Германии -- на морях» находил свое материальное воплощение в строительстве 33 новейших военных кораблей. Это означало, что Германская империя бросила вызов и военно-морскому первенству Великобритании.

Так уже в конце XIX — начале XX в. возникла угроза открытого англо-германского столкновения. Однако тогда его удалось избежать. Обострение противоречий с Францией на Африканском континенте и с Россией на Дальнем Востоке, а также затянувшаяся война с бурскими республиками — все это заставило Великобританию проявить осторожность и не доводить дело до военного конфликта с Германией. Более того, вскоре после приобретения Россией Порт-Артура министр колоний Дж. Чемберлен вел с германскими дипломатами переговоры о совместном противодействии Российской империи в ее продвижении на Дальнем Востоке и в зоне проливов. Фактически речь шла о создании на этой основе англо-германского союза (март 1898 г.). Англия предложила Германии в качестве компенсации за ее вступление в этот союз раздел португальских владений в Африке. В августе 1898 г. была даже подписана конвенция о предположительном разделе колоний Португалии. И все же соперничество двух держав оказалось слишком острым и, главное, более фундаментальным, нежели тактические соображения, которыми руководствовались правительственные круги Великобритании. Определенную роль в отказе Германии от союзнических отношений с Англией сыграл Николай II, который конфиденциально сообщил германскому кайзеру, что аналогичные предложения о союзе, но уже против Германии, были сделаны британским правительством и России. Дипломатические игры Англии в обоих случаях к успеху не привели.

Дальневосточный вопрос в начале XX в. Русско-японская война 1904—1905 гг. В 1900 г. внимание правительств всех великих держав было приковано к Дальнему Востоку. Безудержная эксплуатация Китая привела к подъему национально-освободительного движения, кульминацией которого стало восстание, известное в Европе как «боксерское» — по названию тайного религиозного общества «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже названное восстанием Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»). Восставшие заняли Пе-

кин, стали уничтожать имущество иностранных компаний и приступили к осаде «посольского квартала», которая продолжалась 56 дней.

Восемь крупнейших держав мира, проявив на этот раз полное взаимопонимание, направили для подавления восстания 60-тысячный международный карательный корпус под общим командованием германского фельдмаршала А. Вальдерзее. Восстание было подавлено быстро и с особой жестокостью. 15 августа 1900 г. международные каратели заняли Пекин. В сентябре 1901 г. в столице Китая был подписан так называемый Заключительный протокол. На китайское правительство была наложена огромная контрибуция в «возмещение понесенного иностранцами ущерба». В обеспечение уплаты контрибуции все важнейшие государственные доходы были поставлены под международный контроль. Уже одно это довершало превращение Китая в полуколонию великих держав. Заключительный протокол запретил также ввоз оружия в Китай и предоставил иностранным государствам право содержать войска на его территории «для защиты интересов своих подданных».

Подавление ихэтуаньского восстания усилило стремление крупнейших держав прочнее обосноваться в Китае. Россия еще до прихода международного корпуса оккупировала часть Манчжурии. Великобритания заняла Шанхай — главный торгово-финансовый центр Китая. Конфликт между Россией и Англией на Дальнем Востоке разгорелся с новой силой.

Стремясь вытеснить Россию из Манчжурии и одновременно не желая доводить дело до прямого с ней столкновения, Великобритания обратилась к доктрине «открытых дверей». Цель этого внешнеполитического маневра состояла в том, чтобы обвинить Россию в нарушении «общепризнанных» принципов «открытых дверей» и «равных возможностей», а затем найти союзника, который заставил бы русский царизм уважать эти принципы, то есть уйти из Северного Китая. Первоначально выбор Англии пал на Германию. В октябре 1900 г. в Лондоне было подписано англо-германское соглашение, по которому обе державы обязывались сохранять территориальную целостность Китайской империи и не создавать препятствий «свободной торговле и любой другой экономической деятельности иностранных государств». Для Германии это соглашение было выгодно, так как открывало дорогу в английскую сферу влияния в Китае. Вильгельм II не смог скрыть своих эмоций и в одной из речей в связи с англо-германским договором провозгласил британский народ самым великим после германского.

Однако когда дело дошло до практического претворения в жизнь второй части английского плана, Великобритании ждало разочарование. Отказ царского правительства вывести свои войска из Манчжурии заставил Англию обратиться к Германии с требованием, чтобы она в соответствии с соглашением приняла надлежащие меры против России. В ответе из Берлина говорилось, что, по мнению императорского правительства, англо-германский договор не распространялся на Северный Китай. Со своей стороны, Германия настаивала на эвакуации английских войск из Шанхая. Этот ответ еще раз продемонстрировал всю силу англо-германских противоречий. Германия преследовала на Дальнем Востоке только свои интересы и не желала идти на конфликт с Россией ради интересов Великобритании.

Потерпев неудачу с Германией, Англия предложила заключить антирусский союз Японии и сразу же нашла благожелательный отклик, так как последняя уже давно стремилась подчинить себе не только Корею, но и Манчжурию. 30 января 1902 г. в Лондоне был подписан англо-японский союзный договор на следующих условиях. Во-первых, обе державы объявляли своей целью поддержание статус-кво на Дальнем Востоке, охрану независимости и территориального единства Китая и соблюдение принципа «открытых дверей». Эти «высокие цели» были направлены против других держав и прежде всего России, но отнюдь не против интересов самих договаривавшихся сторон, сохранивших за собой сферы влияния в Китае. Во-вторых, участники договора присваивали себе право «на вмешательство», если их «особым интересам» в Китае и Корее будет угрожать опасность из-за «беспорядков» внутри этих стран или извне. И наконец, в-третьих, договор предусматривал строгий нейтралитет одного из союзников в случае войны другого с какой-либо третьей державой и вооруженную помощь союзнику, если к его противнику «присоединится одно или более государств». Реальный смысл последнего положения состоял в том, что Англия в случае русско-японской войны под угрозой своего военного вмешательства гарантировала Японии нейтралитет других великих держав. Хотя в тексте соглашения Россия нигде прямо не упоминалась, его антирусская направленность была очевидной. Тем самым договор развязал руки Японии и стал непосредственной предпосылкой русско-японской войны.

Англия не только подтолкнула Японию к войне против России, она вместе с Соединенными Штатами оказала ей широкую финансовую и экономическую поддержку, обеспечив перевооружение японской армии. При общей сумме затрат Японии на войну в 2 млрд иен Великобритания и США через кредиты

и займы предоставили ей более 1 млрд иен, тем самым взяв на себя более половины военных расходов японского правительства. Огромную роль англосаксонские державы сыграли в военно-технической подготовке японских войск и в поставках контрбандного оружия. В результате экономически и в военном отношении Япония оказалась гораздо более подготовленной к войне, чем Россия.

Предыстория войны была такова. В 1903 г. Япония потребовала от российского правительства подписать соглашение, по которому ей предоставлялось бы исключительное право «покровительства» Кореи, а затем предъявила ультиматум о безоговорочном признании ее прав и в Манчжурии. В России обсуждение ответных действий в отношении Японии проходило в острой борьбе двух влиятельных политических группировок: так называемой «партии силы», или «безобразовской клики» (по имени отставного ротмистра А.М. Безобразова, мнившего себя великим стратегом), и сторонников осторожного курса, среди которых выделялись наиболее дальновидный из российских политиков того времени председатель Комитета министров С.Ю. Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф. Легко поддававшийся влиянию Николай II на этот раз уступил давлению первой группировки. Одним из решающих аргументов стали известные слова министра внутренних дел В.К. Плеве о необходимости «маленькой и победоносной войны», чтобы отвлечь общественность от внутренних трудностей и ослабить революционное движение.

Русско-японская война началась 9 февраля 1904 г. неожиданным нападением военно-морских соединений Японии на русскую эскадру в гавани Порт-Артура. Ход военных действий продемонстрировал гнилость и ущербность царского режима, что проявилось в неподготовленности русской армии и в низком уровне военного руководства. К началу войны сухопутные силы Японии превосходили по численности русские войска в 1,5 раза. Еще более разительными были не количественные, а качественные преимущества японской армии и флота в вооружении и военной технике. О военно-технических возможностях России свидетельствовал хотя бы тот факт, что во всей русской армии в Манчжурии насчитывалось лишь 8 пулеметов.

Не упуская стратегической инициативы на протяжении всей войны, Япония добилась сдачи в декабре 1904 г. Порт-Артура, а затем нанесла сокрушительные поражения России в двух генеральных сражениях: на суше — под Мукденом в марте 1905 г. и в морской битве — у островов Цусима в конце мая того же года. После этого обе стороны были готовы пойти на мирные

соглашение: Россия — по причине полного разгрома армии, а также начавшейся революции, Япония — в силу успешного решения основных военных задач, а также истощения людских и материальных ресурсов.

К такому же исходу склонялись Англия и США, взявшие на себя роль посредников в урегулировании русско-японского конфликта. Политические цели этих двух держав в русско-японской войне во многом совпадали, что вписывалось в общую канву англо-американского сближения. Поддерживая Японию и стремясь при ее помощи остановить русское продвижение на Дальнем Востоке, они отнюдь не желали ни полного разгрома России, ни чрезмерного усиления Страны Восходящего Солнца. Наилучшим для них результатом было взаимное истощение и максимальное ослабление противоборствующих стран, что давало им возможность укрепить собственные позиции в дальневосточном регионе. Не последнюю роль в активизации посреднических усилий англосаксонских держав сыграла и революция в России.

Главным арбитром при обсуждении условий мирного договора между Японией и Россией стал президент США Теодор Рузвельт, получивший вскоре за свое посредничество Нобелевскую премию мира. Договор был подписан в Портсмуте (штат Нью-Хэмпшир) 5 сентября 1905 г. Благодаря твердой позиции главы русской делегации С.Ю. Витте Япония была вынуждена отказаться от ряда своих требований (Россия не согласилась на ограничение своих военно-морских сил на Дальнем Востоке, отвергла требование о контрибуции). По Портсмутскому мирному договору Россия и Япония обязались полностью и одновременно эвакуировать свои войска из Манчжурии и «возвратить ее в исключительное управление Китая». В этом положении отчетливо просматривался англо-американский принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. Остальные статьи договора предусматривали серьезные территориальные и политические уступки России: она признавала Корею сферой «преобладающих интересов Японии»; переуступала ей арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним; передавала Японии Южно-Манчжурскую железную дорогу, а вместе с ней и контроль над Южной Манчжурией; «уступала» японскому правительству южную часть острова Сахалин до 50° с.ш.

Русско-японская война, таким образом, привела к изменению баланса сил на Дальнем Востоке в пользу Японии, Англии и Соединенных Штатов. Однако новое соотношение сил породило и новые противоречия. Уже очень скоро президент Т. Рузвельт, так много сделавший для Японии, смог констатировать

серьезное несовпадение американских и японских интересов в Китае и на Тихом океане.

Международная обстановка на Американском континенте в начале XX в. В начале нового столетия в развитии международных отношений в Западном полушарии наиболее значимыми были два взаимосвязанных направления. Первое определялось стремлением правительственных кругов США претворить в жизнь лозунг «Америка для Соединенных Штатов». Второе характеризовалось укреплявшимся англо-американским сотрудничеством, которое создавало благоприятные международные условия для реализации континентальных планов США. Борьба за влияние между Англией и Соединенными Штатами в ряде стран Латинской Америки продолжалась. Но по мере обострения англо-германского антагонизма и в связи с усилением торговой и экономической конкуренции между США и Германией на латиноамериканских рынках англо-американское сближение становилось все более реальным фактором мировой политики. Причем до Первой мировой войны наибольшие выгоды от этого сближения получали Соединенные Штаты.

Центральное место в международной жизни Западного полушария в начале века занимала проблема межокеанского канала. Соединенные Штаты прилагали огромные усилия, чтобы добиться права на строительство и единоличное управление каналом. Это объяснялось прежде всего стратегическими соображениями. Проектируемый канал представлял собой «ключ от ворот» двух океанов, он позволял установить полный контроль над странами Центральной Америки и Карибского бассейна, давал важные торговые и военные преимущества, значительно сокращая расстояния для перевозки товаров и переброски войск.

Однако на пути достижения этой цели было два препятствия: англо-американский договор 1850 г., гарантировавший нейтрализацию будущего канала (договор Клейтона — Булвера), и сопротивление со стороны правительства и народа Колумбии, через территорию которой планировалось провести этот канал. Первое препятствие удалось преодолеть при помощи дипломатических методов, второе потребовало применения силового давления.

В ноябре 1901 г. американский государственный секретарь Дж. Хэй и посол Англии в США лорд Паунсфот подписали в Вашингтоне новый договор о порядке сооружения канала и о будущем его режиме. Согласно договору Хэя — Паунсфота, в основу статуса канала был положен «генеральный принцип нейтрализации» (этот неопределенный принцип — единственное, что осталось от договора 1850 г., фактически же новое соглашение

аннулировало его). Соединенным Штатам предоставлялось исключительное право на сооружение, эксплуатацию и управление каналом. США разрешалось держать в зоне канала военную полицию для его защиты «от беспорядков» и строить там укрепления. Что касается принципа нейтрализации и свободного прохождения через канал торговых и военных судов всех наций, то он превращался в фикцию, так как «нейтрализация» обеспечивалась не коллективной гарантией великих держав, а только гарантией США. Таким образом, договор Хэя — Паунсфота предоставлял Соединенным Штатам полную свободу действий в отношении канала. Этот договор стал крупной дипломатической победой США и не менее крупной уступкой Великобритании — во имя англо-американского сближения.

В 1902 г. администрация США выкупила концессионные права на сооружение канала у французской компании за 40 млн долларов. В январе 1903 г. был заключен американо-колумбийский договор (договор Хэя — Эррана), по которому правительство Колумбии передавало США все права на строительство, контроль и охрану будущего канала. Для его сооружения Соединенным Штатам предоставлялась территория Панамского перешейка шириной в 10 миль в аренду сроком на 99 лет.

Но неожиданно возникли новые трудности. Сенат Колумбии отказался ратифицировать договор, так как он фактически нарушал суверенитет страны над Панамским перешейком. Тогда США, используя сепаратистские настроения местной буржуазии и интеллигенции, организовали «восстание народных масс» Панамы, и под наблюдением американского военного судна «Нэшвилл» в ноябре 1903 г. было провозглашено образование Панамской республики. Неприлично быстро признав эту республику, Соединенные Штаты тогда же, в ноябре 1903 г., подписали с ней договор (договор Хэя — Бюно-Варильи), согласно которому они получали те же права, что и по соглашению Хэя — Эррана, но уже бессрочно. Администрацию США не смутило и то обстоятельство, что в качестве посла Панамы выступал авантюрист высокого международного класса Ф. Бюно-Варилья — французский инженер и предприниматель, один из организаторов «панамской революции» и посредник между Соединенными Штатами и панамскими заговорщиками (после подписания договора от имени Панамской республики он вскоре возвратился во Францию).

Чтобы юридически оформить незыблемость своих позиций в Панамской республике, США, как и в случае с Кубой, внесли в Конституцию Панамы (1904 г.) положение, фиксировавшее право Соединенных Штатов на вмешательство «для поддержания

порядка» на перешейке. Все хитросплетения борьбы за канал уместились в одной короткой фразе президента Т. Рузвельта: «Я взял Панаму». Панамский канал был открыт в 1914 г. Этот важнейший морской путь, соединивший Атлантику с Тихим океаном, оказался полностью в руках Соединенных Штатов.

В начале XX в. завершился процесс формирования специфических методов американской внешней политики, при которых политически независимые латиноамериканские страны в финансово-экономическом отношении превращались в полуколонии Соединенных Штатов.

Эта политика тогда же была названа «дипломатией доллара» (впервые сам термин был употреблен в 1912 г. президентом США Уильямом Тафтом). Она характеризовалась широким использованием разнообразных форм финансово-экономического закабаления, таких как экономическая помощь и экономические санкции, кабальные займы и установление контроля над финансами той или иной страны. Первыми испытать на себе страны Центральной Америки, на которые к 1914 г. приходилось более половины прямых инвестиций Соединенных Штатов. То, что США сосредоточили свое внимание на Центральной Америке и бассейне Карибского моря, было обусловлено стратегической важностью этого региона. К тому же финансово-экономическое проникновение в Южную Америку оставалось для Соединенных Штатов пока малодоступным в силу более жесткой конкуренции со стороны европейских держав.

«Дипломатия доллара» была не просто дипломатией вложений капитала. В ее основе лежал общестратегический расчет на образование в будущем так называемой неформальной империи США в Западном полушарии. Создание подобной империи предполагало определенные политические компенсации отсутствию у США колониальных владений классического типа. Выход был найден в провозглашении политики «большой дубинки» (от известной фразы Т. Рузвельта: «Говори мягко, но в руках держи большую дубинку»). Смысл этой политики заключался в присвоении Соединенными Штатами права на превентивное вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран для поддержания там «надлежащего порядка». Идеологическим обоснованием политики «большой дубинки» вновь стала доктрина Монро. В качестве предлога для новой интерпретации этой доктрины Т. Рузвельт воспользовался двумя международными событиями на американском континенте: вторым Венесуэльским кризисом (1901—1902) и конфликтом 1904 г. из-за долгов Доминиканской Республики. В обоих случаях не погашенные лати

ноамериканскими государствами долговые обязательства стали поводом для военно-морской блокады и угрозы интервенции со стороны европейских держав. Это и побудило Т. Рузвельта изложить общие принципы политики США в Западном полушарии. В своем послании конгрессу от 6 декабря 1904 г. президент заявил, что в случаях «финансового бессилия и хронических беспорядков» в латиноамериканских республиках приверженность США доктрине Монро может «принудить их выступить в роли международной полицейской силы». Так появился знаменитый «вывод Рузвельта» из доктрины Монро, или доктрина Т. Рузвельта. Таким образом, круг империалистического толкования доктрины Монро замкнулся. «Полновластный хозяин» континента, как были названы США еще в 1895 г. госсекретарем Р. Олни при его трактовке монроистской теории, возложил на себя обязанности полицейского Западного полушария. Доктрина Т. Рузвельта как теоретическая основа политики «большой дубинки» преследовала две главные цели: всемерное уменьшение европейского влияния и укрепление главенствующего положения Соединенных Штатов на Американском континенте. Практическим воплощением этой доктрины и этой политики явились вооруженные интервенции США на Кубу (1906—1909), в Никарагуа (1909.), в Доминиканскую республику (1912).

Сочетание «дипломатии доллара» и политики «большой дубинки» требовало усиления военной мощи Соединенных Штатов, что и стало осуществляться на практике. Только за 10 лет, с 1895 по 1905 г., расходы на военно-морские нужды США возросли в 3,5 раза.

Еще одной отличительной особенностью международной обстановки в Западном полушарии в начале века были попытки Соединенных Штатов «панамериканизировать» свои действия, придать им многосторонний характер. Для принятия согласованных решений регулярно созывались межамериканские конференции. На этих конференциях Соединенные Штаты методично укрепляли свою лидирующую роль, хотя отдельные их внешнеполитические шаги подвергались резкой критике со стороны латиноамериканских государств. Важным этапом в развитии международных отношений на континенте стала 4-я Межамериканская конференция, прошедшая в Буэнос-Айресе в 1910 г. Она завершила формирование Панамериканского союза, в котором доминирующее положение заняли Соединенные Штаты.

Образование англо-французской Антанты. Несмотря на всю значимость международных событий на Дальнем Востоке и в Западном полушарии, центром формирования мировой политики оставался Европейский континент. К числу важнейших из-

менений в международной обстановке в первые годы XX в. относилось англо-французское сближение. Это сближение для обеих сторон стало не только возможным, но и необходимым.

К 1902 г. в международном положении Великобритании произошли существенные перемены. Завершилась англо-бурская война, которая сковывала силы Британской империи около трех лет. С заключением в том же 1902 г. англо-японского союзного договора Англия получила возможность использовать Японию в борьбе против России и тем самым поддерживать выгодный для нее баланс сил на Дальнем Востоке. Все это побуждало британское правительство отказаться от ведения бесплодных переговоров о союзе с Германией и создания видимости «дружелюбных намерений» в отношении этой страны, тем более что в реальной действительности англо-германские противоречия все более обострялись, выдвигаясь на первый план. Развязав себе руки на юге Африки и получив союзника против России, Англия стремилась обзавестись таковым и против Германии. При этом она чрезвычайно нуждалась в континентальных войсках на случай войны с Германской империей. Из великих держав Европы в этих целях можно было использовать прежде всего Францию, обладавшую крупной сухопутной армией и имевшую остроконфликтные отношения с Германией.

Франция, со своей стороны, перед лицом германской угрозы также испытывала потребность в сильном союзнике, которым могла стать Великобритания. Дело в том, что в это время франко-русский союз отчасти потерял свое значение по причине занятости России на Дальнем Востоке и резкого ухудшения русско-японских отношений. Это ограничивало возможности Российской империи в Европе и ослабляло позиции Франции.

Таковы были предпосылки англо-французского союза. Однако процесс его формирования проходил далеко не безмятежно. Давала себя знать долголетняя колониальная вражда, достигшая своего апогея в период фашодского конфликта, когда возникла реальная опасность войны.

Урегулирование колониальных противоречий и составило сердцевину процесса англо-французского сближения. Еще в 1899 г. Англия и Франция заключили договор о размежевании сфер влияния в Африке, чем был исчерпан инцидент в Фашоде. Из оставшихся на начало XX в. спорных проблем, затрагивавших англо-французские отношения, наиболее сложной была проблема Марокко.

Разделу этой части Северной Африки долгое время препятствовало соперничество сразу нескольких великих держав. На Марокко претендовали Франция, Англия, Германия, Италия и

Испания. Столь пристальное внимание к этой африканской стране объяснялось как экономическими интересами, так и в еще большей степени учетом стратегической важности Марокко, расположенного на побережье Средиземного моря и Атлантического океана. Борьба за Марокко была составной частью борьбы за господство на морях.

Франция, стремившаяся к полному захвату Марокко, сумела в качестве первого шага сговориться с Италией. Прекратив в 1898 г. разорительную для Италии таможенную войну и предоставив ей в 1900 г. во время экономического кризиса крупные кредиты, Франция подтолкнула Итальянское королевство на подписание двух весьма важных соглашений. По тайному договору 1901 г. Италия признала французские притязания на Марокко, а Франция — итальянские на Триполитанию. В 1902 г. было заключено еще одно соглашение, по которому Франция и Италия обязались соблюдать строгий нейтралитет, если одна из сторон подвергнется нападению или будет «вынуждена принять на себя инициативу объявления войны». Этот договор означал, что Италия готова идти на сближение с Францией, и по существу обесценивал ее участие в Тройственном союзе.

Успех в переговорах с Италией, однако, никак не мог компенсировать известное ослабление франко-русского союза. Не до конца был решен и марокканский вопрос. Переговоры с Испанией о разделе Марокко закончились для Франции неудачей. С Германией французское правительство и не пыталось вступать в контакт в силу острейших франко-германских противоречий и значительных интересов Германии в Марокко. В этих условиях многое зависело от позиции Англии.

Начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война ускорила англо-французское сближение. 8 апреля 1904 г. в Лондоне между правительствами Англии и Франции было подписано соглашение по основным колониальным вопросам (в форме конвенции и двух деклараций), известное в истории международных отношений как англо-французская Антанта. Почти все спорные проблемы удалось уладить полюбовно. Согласно Конвенции о Ньюфаундленде и Западной Африке Франция отказывалась от монопольных прав на рыболовство у берегов Ньюфаундленда, за что обрела свободу плавания по реке Гамбия, а также право управления в свою пользу границы в Восточной Нигерии. В Декларации о Сиаме устанавливалось его разделение на английскую и французскую сферы влияния по реке Менам: англичане получали западную часть, а французы — восточную. Наиболее важное значение имела Декларация о Египте и Марокко. Франция обязалась не чинить препятствий действиям Англии в Египте «ка-

ким бы то ни было образом». Со своей стороны, Англия признавала «преимущественные права» Франции в Марокко. При этом провозглашалась «неизменность» их политического статуса. Однако в секретной части Декларации, впервые опубликованной в 1911 г., предусматривалось обоюдное невмешательство в случае проведения английским и французским правительствами политических и административных «реформ» на этих территориях. Иными словами, Франция признавала за Великобританией право на полное колониальное господство в Египте, а Британская империя фактически дала согласие на французский захват Марокко. В тексте секретной части Декларации содержалась одна оговорка: стратегически важнейший район марокканской территории с выходом к Гибралтарскому проливу должен был отойти к Испании, которая из всех претендовавших на Марокко держав была наиболее слабой и потому наиболее безопасной как для Англии, так и для Франции (эта оговорка и составила основное содержание франко-испанского договора 1904 г. о разделе сфер влияния в Марокко).

В договоре о «сердечном согласии» условия военного союза установлены не были. Но это нисколько не снижало его принципиального значения в международной жизни начала нового века. Англо-французская Антанта была направлена непосредственно против Германии, сыграв, таким образом, существенную роль в изменении расстановки сил перед Первой мировой войной. Это соглашение наряду с англо-японским союзом 1902 г. означало окончательный отход Великобритании от политики «блестящей изоляции». Франция оказалась связанной одновременно двумя договорами — с Россией и Англией. И хотя англо-русские отношения продолжали оставаться натянутыми, Французская республика могла стать своеобразным посредником по превращению этих двух соглашений в единый союз трех европейских держав.

Свидание императоров в Бьёрке. Первый марокканский кризис (1905—1906). Образование англо-французской Антанты резко активизировало ответные внешнеполитические действия Германской империи. Ей противостояли уже два союза: Франции и России, а также Англии и Франции. В целях ослабления этого антигерманского фронта Германия попыталась привлечь на свою сторону Российскую империю, воспользовавшись ее трудностями в войне с Японией. Германия была единственной великой державой, которая оказывала России поддержку на протяжении всей русско-японской войны. Она продавала России оружие и боеприпасы, открывала порты для русских военных кораблей, снабжала углем балтийскую эскадру адмирала З.П. Рожественского,

следовавшую на помощь Порт-Артуру. При этом Германия имела в виду двойную цель: разорвать франко-русские союзные обязательства и еще больше разжечь конфликт между Россией и Англией. В результате отношения Германии с Францией и Англией, и без того напряженные, были вконец испорчены.

В 1904 г. германское правительство, используя военные поражения России на Дальнем Востоке и подчеркивая «значимость» своей помощи русским войскам, выступило инициатором переговоров с Российской империей о военном союзе. Российское правительство на этот союз не пошло. Франко-русские связи оказались намного прочнее, чем они представлялись германским дипломатам. Эти связи базировались на финансово-экономической зависимости России от Франции. Германии, однако, удалось подписать в 1904 г. крайне выгодный для нее торговый договор с Россией, предоставлявший германским промышленникам большие преимущества на российском внутреннем рынке. Позже, в июле 1905 г., Германия предприняла вторую попытку уговорить царское правительство пойти на союз с Германской империей. По предложению Вильгельма II в финляндских шхерах близ острова Бьёрке состоялась его встреча с отдохавшим там Николаем II. Кайзер рассчитывал на известную податливость Николая II чужому влиянию, а также на значимость родственных связей между германским и российским царствовавшими домами (в письмах к петербургскому родственнику, где содержались детальные советы, как вести российскую внешнюю политику, Вильгельм ласково называл Николая «дорогой Ники», а подписывался «любящий тебя Вилли»). Как бы там ни было, германский кайзер вынудил российского императора поставить свою подпись под заранее подготовленным текстом русско-германского союзного договора. В договоре указывалось, что если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны какой-либо третьей европейской державы, то союзница этой империи обязывается оказать ей поддержку всеми своими вооруженными силами. Бьёркское соглашение, будь оно принято, резко изменило бы соотношение сил в пользу Германии. Однако Вильгельм II недолго праздновал победу. После возвращения в Петербург Николай II по категорическому требованию председателя Совета министров С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа отказался от своей подписи под договором, о чем и было сообщено в Берлин. В письме Николая II от 26 ноября 1905 г. подчеркивалось, что договор может вступить в силу только при условии соглашения с ним Франции, а это было равносильно расторжению Бьёркского соглашения. Таким образом, франко-русская солидарность и русско-герман-

ские противоречия даже в условиях войны России с Японией оказались сильнее всякого рода дипломатических ухищрений Германии.

Свидание в Бьёрке вызвало крайнее беспокойство в правительственных кругах Франции. Однако гораздо более значимой стала прямая атака Германии на англо-французскую Антанту и ее центральное положение о «правах» Франции в Марокко. Поводом к этой атаке послужили предпринятые в начале 1905 г. попытки Франции вынудить султана Марокко провести ряд выгодных ей государственных реформ (организация полиции и создание банка под руководством французских советников) и предоставить французским фирмам крупные концессии. 31 марта 1905 г. Вильгельм II во время «морской прогулки» посетил марокканский порт Танжер. Там он выступил с речью перед представителями марокканского султана, в которой заявил, что Германская империя рассматривает Марокко как независимое и свободное государство, открытое для мирной конкуренции всех наций на основе абсолютного равенства. Эта речь прозвучала как вызов, ибо была направлена на фактическую отмену англо-французского соглашения о разделе Марокко. Германия противопоставила ему американский принцип «открытых дверей» и «равных возможностей». Так же как администрация США в Китае, германское правительство рассчитывало, что при «равных возможностях» в Марокко перевес будет на стороне экономически самого мощного государства в Европе — Германии.

Речь кайзера в Танжере положила начало острому международному конфликту, известному под названием первого марокканского кризиса.

Вскоре Германия предложила созвать международную конференцию по вопросам правового и политического статуса Марокко. В предложении содержались ссылки на Мадридскую конвенцию 1880 г., согласно которой ни одно иностранное государство не могло иметь никаких преимущественных прав на марокканской территории. Эта конференция, по мнению германских дипломатов, должна была подтвердить принцип «равных возможностей» и тем самым аннулировать англо-французский сговор о Марокко. Дипломатическое наступление Германии на Антанту привело к тому, что международная обстановка в Европе приобрела предвоенный характер. Правительство Великобритании предложило Франции военную помощь, а с апреля 1905 г. начались переговоры между французским и английским Генеральными штабами. Однако в правительственных кругах Франции мнения разделились. Министр иностранных дел Т. Делькассé был готов принять германский вызов и действовать твердо вплоть

до военного столкновения. Более осторожной позиции придерживался президент республики Э. Лубе. Он справедливо полагал, что помощь Англии не могла компенсировать военного ослабления России. Делькассе проиграл внутриправительственное сражение и ушел в отставку. Франция уступила, дав согласие на проведение международной конференции. На этом начальном этапе марокканского кризиса успех был на стороне Германии. Но итоги работы самой конференции скорее можно рассматривать как ее полное дипломатическое поражение.

Конференция собралась в январе 1906 г. в испанском городе Алхесирасе. Надежды Германии на то, что она будет иметь большинство голосов, не оправдались. Более того, из 12 участников конференции Германию полностью поддержала только Австро-Венгрия. Самый тяжелый удар германскому престижу нанес полноправный член Тройственного союза — Италия. Связанная с Францией секретными соглашениями 1901 и 1902 гг., она выступила на ее стороне практически по всем обсуждаемым вопросам. Россия также придерживалась профранцузской ориентации, что было воспринято как ее публичное отречение от Бьёркского соглашения. В знак признательности Франция к концу конференции предоставила России новый крупный заем. Что касается антигерманской позиции Англии и США, то по этому поводу у Германии не было никаких сомнений еще до начала обсуждения марокканского вопроса. В итоге германским представителям не удалось навязать свой план Алхесирасской конференции и вытеснить Францию из Марокко.

Заключительный акт конференции был подписан 7 апреля 1906 г. Хотя Марокко признавалось независимым, суверенным государством, это признание сводилось на нет целой программой «благих пожеланий» из 123 пунктов. Так, организация марокканской полиции фактически отдавалась в руки Франции и Испании (каждой — в ее сфере интересов). Это давало им, и прежде всего Франции, возможность осуществлять политический контроль над Марокко под предлогом «предупреждения беспорядков». Исключительно важной для Франции стала последняя 123-я статья, сохранившая в силе все соглашения между Марокко и европейскими державами, а следовательно, и все кабальные договоры, навязанные французским правительством марокканскому султану. Явно антигерманский характер носило положение об ограничении предоставления концессий на марокканской территории. В пользу Германской империи были сделаны незначительные и по большей части декларативные уступки: провозглашение «свободы и полного равенства» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении», создание Марокканского государствен-

ного банка под контролем Англии, Франции, Германии и Испании, установление международного контроля над марокканскими таможнями. Все эти финансово-экономические уступки в значительной степени обесценивались усилением военно-политических позиций Франции в Марокко.

Итоги Алхесирасской конференции, которой завершился первый марокканский кризис, были многозначными. Во-первых, превратив Марокко в свою полуколонию, европейским державам не удалось осуществить окончательный раздел этой страны на сферы влияния. Поэтому, уступив на этот раз Франции, Германия не ослабила, а наоборот, активизировала свою антифранцузскую политику в Северной Африке. Борьба за Марокко продолжала оставаться одним из источников международной напряженности. Новое обострение франко-германских противоречий произошло в 1907 г., когда французские войска в борьбе с «беспорядками» оккупировали марокканские города Касабланку и Уджду. Только в 1909 г. после двух лет взаимных угроз конфликт был урегулирован подписанием франко-германского соглашения, в котором вновь провозглашалось «экономическое равенство» французских и германских фирм в Марокко при одновременном признании Германией «особых» политических интересов Франции в этой стране. Однако, как показали последующие события, и это урегулирование носило временный характер.

Во-вторых, Алхесирасская конференция еще более сплотила англо-французскую Антанту и укрепила франко-русский союз, обострив их противоречия с Германией. Соперничество европейских коалиций вступило в новую фазу — фазу интенсивной подготовки к войне. А это, в свою очередь, привело к двум важным последствиям: к усилению заинтересованности Антанты в России и к новому витку гонки вооружений и военных приготовлений. Правительство Великобритании в период первого марокканского кризиса приняло решение о создании сухопутных вооруженных сил, пригодных не только для колониальных экспедиций, но и для переброски на континент в случае большой европейской войны. Германия, со своей стороны, имея сильную сухопутную армию, сосредоточила свои усилия на создании высококлассного военно-морского флота.

Англо-германское морское соперничество. Борьба за военно-морской приоритет была важнейшей составной частью англо-германского антагонизма. Потеряв промышленную монополию, Великобритания была кровно заинтересована в сохранении основы своего могущества — монополии колониальной. Гарантеей ее сохранения в условиях обострения всего комплекса между-

народных противоречий и угрозы войны являлся самый мощный в мире военный флот. Вот почему вызов Германии в области военно-морского строительства стал причиной особой тревоги в правительственных кругах Великобритании.

Программа создания германских военно-морских сил, изложенная в законах 1898 и 1900 гг., вначале воспринималась в Англии с большой долей иронии и сомнения в возможности ее реализации. Тем не менее под жестким контролем морского министра Германии фон Тирпица все пункты программы выполнялись с немецкой тщательностью и строго по графику. В результате к 1905 г. Англия, удерживая первенство по количеству военных кораблей, стала проигрывать Германии по темпам роста морского бюджета и военно-морского строительства. Преимущество Германской империи состояло также в том, что ее флот при меньших размерах был более концентрированным, британский же был разбросан по всему миру. Учитывая это, британское Адмиралтейство перебросило часть судов из Тихого и Индийского океанов в Северное море. Эта мера была направлена непосредственно против Германии.

Одновременно английские правительственные круги предприняли и еще один крупный шаг. Отставая по темпам наращивания количества военных судов, Англия решила превзойти Германию по их качественным показателям и мощности. В 1905 г. в Великобритании был заложен броненосец принципиально нового типа, значительно превосходивший прежние скоростью хода (17 и более узлов) и водоизмещением (18 тыс. тонн и более). Его огневая мощь в сравнении с силой артиллерии любого броненосца старого типа увеличилась в 2,5 раза. По имени первого судна (*Dreadnought* — «Неустршимый») весь класс этих кораблей получил название дредноутов. Британское Адмиралтейство полагало, что этот рывок Англии в военно-морском соревновании парализует Германию. Но расчет оказался ошибочным. Вскоре в Германии был спущен на воду дредноут «Нассау». К 1908 г. в английском военно-морском флоте насчитывалось 12 дредноутов, а в германском — уже 9. Между тем появление линейных кораблей класса дредноутов во многом сводило на нет значение судов прежних типов и морское соперничество как бы получило новую точку отсчета. Господство на море определялось теперь наличием и количеством этих гигантов. И если соотношение сил Англии и Германии по старым броненосцам составляло 63 к 26, то по дредноутам — 4 к 3. Иными словами, уровень военно-морских сил Германии был поднят с 41% от уровня английского флота до 75%.

Исключительно важным являлось и то обстоятельство, что гонка морских вооружений напрямую зависела от реальной мощности промышленной и технической базы. А здесь преимущества были на стороне Германии. В связи со строительством dreadnoughtов военные расходы обеих стран поднялись до неслыханных ранее размеров, что ложилось тяжелейшим бременем на налогоплательщиков.

Учитывая все эти факторы и под давлением общественности английское правительство начиная с 1909 г. не раз предлагало Германии подписать соглашение об ограничении сооружения военных судов и прежде всего dreadnoughtов. Однако в ходе переговоров обе державы предлагали взаимонеприемлемые формулы соотношения военно-морских сил. К тому же в качестве важного дополнения к соглашению Германия требовала принятия взаимных обязательств о соблюдении «благожелательного нейтралитета» в случае войны каждого из участников договора с третьим государством или группой государств. По понятным причинам Англия отвергла эти встречные предложения. Англо-германское морское соперничество принимало все более острый и непримиримый характер.

Англо-русское соглашение (1907). К 1907 г. сложились предпосылки еще одного фундаментального изменения в международной обстановке в Европе — наметилось англо-русское сближение.

Поворот России от вражды к улучшению взаимоотношений с Великобританией был обусловлен целым рядом причин. Важнейшей из них явилось резкое обострение русско-германских противоречий. Достигнув известной внутривнутриполитической стабильности после подавления революции 1905—1907 гг. и потерпев поражение в войне с Японией, русский царизм вновь активизировал свою политику на Балканах и Ближнем Востоке. Однако и здесь его ожидали неблагоприятные перемены: возросло влияние Германии в Турции и усилилась балканская экспансия Австро-Венгрии, которая опиралась на поддержку все той же Германской империи. В результате главным противником России на Ближнем Востоке и в зоне проливов стала теперь уже не Англия, а Германия. Приобретение ею концессии на строительство Багдадской железной дороги создавало прямую угрозу интересам России. Царизм десятилетиями отстаивал бездорожье в Персии, считая его лучшей гарантией незыблемости своих позиций в этой стране. Теперь же при помощи железнодорожных линий к границе Персии подбирался мощный соперник — Германия. Серьезную озабоченность у российского правительства вызывало и то, что германо-турецкое сближение могло превратить Тур-

цию в сферу единоличного влияния Германской империи, а это, в свою очередь, открывало возможность для установления германского контроля над проливами.

Нарастанию этой взаимной вражды во многом способствовал русско-германский торговый договор 1904 г., который был подписан Россией под давлением Германии, воспользовавшейся ее тяжелым положением в период русско-японской войны. Невыгодный для России договор привел к стремительному захвату Германией российского внутреннего рынка. Русская промышленность не выдерживала конкуренции немецких товаров. В то же время германский рынок был недоступен для экспорта сельскохозяйственных продуктов из России в силу высоких таможенных пошлин. Экономическая конкуренция еще более обостряла русско-германские политические отношения.

Немаловажную роль в англо-русском сближении сыграла Франция, которая была связана договорами как с Англией, так и с Россией. Огромные затраты на войну с Японией и на подавление революционных сил внутри страны увеличили финансовую зависимость царизма от французского капитала. Миллиардный заем, полученный из Парижа, спас самодержавие в самый трудный для него момент, но не давал возможности залатать все прорехи бюджета. Франция же не хотела и слышать о новых займах, пока не будут урегулированы отношения России с Англией. Русское правительство, со своей стороны, стремилось добиться финансовой помощи не только от Франции, но и от Великобритании, что подталкивало его к политическому союзу со своим бывшим противником.

Царское правительство стало склоняться к союзу с Англией еще и потому, что надеялось путем дипломатического соглашения с ней поднять свой международный престиж, подорванный русско-японской войной. Поддержка Великобритании, как рассчитывали в правительственных кругах России, могла явиться гарантией сохранения старых и получения новых сфер влияния в качестве компенсации за российские союзнические обязательства.

Для Великобритании курс на улучшение отношений с Россией был продиктован радикальными изменениями баланса сил в Европе и прежде всего обострением англо-германского антагонизма.

Поражение России в войне с Японией и ее конфликт с австро-германским блоком на Балканах и в зоне проливов не без оснований расценивались в английских политических кругах как ослабление опасного соперника на Ближнем и Дальнем Востоке. Англо-русские противоречия сохранялись, но теперь они

отступали на второй план. На первом же стояла угроза со стороны Германии, в том числе в азиатском регионе. Стратегический замысел Великобритании состоял в том, чтобы использовать старого противника в борьбе с новым.

Правительство Англии рассматривало Россию как двойного союзника — в будущей войне с Германией и в деле подавления революционного и национально-освободительного движения на Востоке. Во втором случае расчет оправдался очень скоро. Уже в 1908 г. царская Россия и Великобритания совместно выступили против революции в Персии.

Все эти факторы и привели к заключению англо-русского соглашения, в котором были четко разграничены сферы влияния двух держав на Ближнем и Среднем Востоке. Соглашение было подписано 31 августа 1907 г. в Петербурге. В нем были выделены три вопроса: о Тибете, Афганистане и Персии.

Стороны согласились признать территориальную неприкосновенность Тибета, который оставался под суверенитетом Китая.

Наибольшие разногласия на переговорах вызвал вопрос об Афганистане. Англия требовала признать его своей единоличной сферой влияния. Россия отказывалась. Лишь включив в текст соглашения обязательство не нарушать территориальную целостность Афганистана и неофициально пообещав России поддерживать ее в решении вопроса о праве прохода русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы, Англия добилась от российского правительства признания афганской территории сферой интересов Британской империи.

В отношении Персии была достигнута договоренность о ее разделе на три зоны: преобладающего российского влияния (наиболее населенная и развитая северная часть страны); преобладающих английских интересов (юго-восточный Иран, богатый природными запасами нефти и прикрывавший доступ к Индии и Персидскому заливу); расположенная между ними нейтральная зона (центральная Персия, оставшаяся полем англо-русской конкуренции).

Англо-русское соглашение 1907 г. явилось важным этапом в развитии международных отношений начала XX в. Его значение заключалось в том, что оно, разрешив основные и наиболее спорные вопросы в отношениях между Англией и Россией, сделало возможным сотрудничество двух держав в борьбе с Германской империей. При наличии франко-русского (1891—1893) и англо-французского (1904) договоров англо-русское соглашение 1907 г. завершило создание военно-политического блока, направленного против коалиции держав во главе с Германией. Косвенным доказательством антигерманской направленности этого

блока явился первый в истории англо-русских отношений визит короля Великобритании Эдуарда VII в Россию, во время которого он вел переговоры с Николаем II о возможной совместной войне с Германской империей. Так закончился процесс формирования Тройственного Соглашения, или Тройственной Антанты, в составе Англии и недавних ее грозных соперников — Франции и России.

Боснийский кризис 1908—1909 гг. В 1908 г. вновь обострилась международная обстановка на Балканах — разразился так называемый боснийский кризис.

Его причиной была аннексионистская политика Австро-Венгрии, стремившейся укрепить свои позиции на Балканском полуострове. Одна из важнейших стратегических задач австрийской внешней политики состояла в том, чтобы обеспечить себе выход в Эгейское море через македонский порт Салоники. Решение этой задачи предполагало захват южнославянских земель.

Главным препятствием на пути реализации внешнеполитических планов Австро-Венгрии было национально-освободительное движение балканских народов. Ситуация осложнялась целым рядом факторов. После государственного переворота 1903 г., приведшего к власти династию Карагеоргиевичей, новое сербское правительство взяло твердый курс на сотрудничество с Россией и освобождение от австро-венгерского финансово-экономического господства. Экономическая блокада, объявленная Сербии Австро-Венгрией, закончилась полным провалом, так как сербское правительство сразу же заключило торговые соглашения с Россией, Францией, Италией и некоторыми балканскими государствами. По тем же причинам победой Сербии завершилась таможенная война с Австро-Венгрией, начавшаяся в 1906 г. Сербские руководители выдвинули лозунг собирания южнославянских земель, что не могло не привести к еще большему обострению австро-сербских отношений. Сильнейшее беспокойство в австро-венгерских правительственных кругах вызвала младотурецкая революция 1908 г. и введение в Османской империи конституционного строя, что дало дополнительный толчок освободительной борьбе на Балканах.

В этих условиях в целях реализации своих стратегических замыслов и подавления антиавстрийского движения южных славян монархия Габсбургов перешла в решительное наступление. 5 октября 1908 г. был опубликован рескрипт императора Франца-Иосифа об аннексии Боснии и Герцеговины. Это было прямым нарушением постановлений Берлинского конгресса 1878 г., по которым эти провинции переходили под временное управле-

ние Австро-Венгрии, но формально оставались частью Османской империи.

Турция, испытывая растущие внутренние затруднения, после короткого сопротивления подписала с Австро-Венгрией соглашение, по которому признала аннексию под видом выкупа этих земель за 2,5 млн ф. ст. Более твердую позицию заняла Сербия. Сербское королевство рассматривало Боснию и Герцеговину как часть будущего южнославянского государства и поэтому восприняло их аннексию как ущемление своих национальных интересов. Сербское правительство заявило протест и потребовало автономии для Боснии и Герцеговины. Одновременно оно обратилось за помощью к России, которая поддержала сербские требования и предложила рассмотреть вопрос об австрийской аннексии на конференции стран — участниц Берлинского конгресса. Вмешательство России привело к эскалации конфликта, к подключению к нему всех великих европейских держав.

В феврале—марте 1909 г. кризис достиг своей кульминации. Австро-Венгрия сосредоточила на границе с Сербией крупные армейские подразделения. Не осталась в стороне от конфликта и Германская империя. В поддержку своей союзницы она предприняла дипломатический демарш. Канцлер Б. Бюлов направил в Петербург два послания (март 1909 г.). В первом он предложил России санкционировать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также добиться признания этой аннексии от Сербии. Во втором содержался ультиматум: Германия требовала немедленного ответа, дав понять, что если он будет отрицательным, это повлечет за собой нападение Австро-Венгрии на Сербию при поддержке со стороны Германской империи.

Позиция Германии решила исход Боснийского кризиса. Россия, а затем и другие государства, подписавшие Берлинский трактат, приняли германское «предложение». Вопрос о конференции отпал. Антанта отступила в силу неподготовленности России к войне и отказа Англии и Франции от активного противодействия Тройственному союзу. В российских политических кругах это отступление называли «дипломатической Цусимой».

Боснийский кризис 1908—1909 гг. явился еще одним важным этапом на пути к Первой мировой войне. Одержав дипломатическую победу, центральноевропейские державы не желали останавливаться на достигнутом. Их дипломатические усилия все более подчинялись решению военных задач. В правительственных кругах Австро-Венгрии разрабатывался план войны против Сербии, являвшейся наиболее серьезной преградой на пути австро-венгерской экспансии на Балканах. Германия, стремясь ук-

репить свои позиции в Турции, стала оказывать ей не только финансово-экономическую, но и военно-техническую помощь. С 1909 г. качественно иное содержание принимает военное сотрудничество в рамках австро-германского блока, о чем свидетельствовали регулярные совместные совещания Генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии.

Весьма очевидным было и другое последствие Боснийского кризиса: резко возросла напряженность в отношениях России и ее союзниц по Антанте с Австро-Венгрией и Германией. Дипломатическое поражение Тройственного Соглашения, а также усиливавшиеся военные приготовления австро-германского блока не могли не привести к ответным мерам как политического, так и военного характера. Россия готовилась возобновить борьбу за влияние на Балканах и в зоне черноморских проливов. С 1909 г. стала осуществляться так называемая большая военная программа, предполагавшая реорганизацию российской армии, оснащение войск современным оружием и техникой, восстановление военно-морского флота, почти полностью уничтоженного в период русско-японской войны. В Англии правительство Асквита провело через парламент бюджет со значительным увеличением расходов на военные нужды. Чуть позже аналогичные шаги предприняло и французское правительство.

И, наконец, еще одно важное последствие кризиса состояло в том, что он дал новый мощный импульс освободительному движению на Балканах. Аннексия Боснии и Герцеговины усилила стремление балканских народов к объединению. Сербия не отказалась от идеи создания южнославянского государства, рассчитывая при этом на поддержку Российской империи. Боснийский кризис ускорил образование Балканского союза, направленного против Турции и Австро-Венгрии. В этом контексте можно говорить о сомнительности дипломатической победы австро-германского блока в 1909 г.

Балканы оставались регионом сложного переплетения противоречий великих держав, национально-освободительной борьбы и международной напряженности.

Второй марокканский кризис (1911). Итало-турецкая война. В предвоенной истории международных отношений последним относительно спокойным был 1910 год. Начиная со следующего 1911 г. международные конфликты и кризисы возникали один за другим с нарастающей быстротой, вылившись в войну мирового масштаба.

В мае 1911 г., воспользовавшись восстанием марокканских племен и под классическим предлогом защиты своих подданных, Франция оккупировала столицу Марокко город Фес. Этот акт

фактически означал захват всей страны. Опасаясь контрмер со стороны Германии, французское правительство несколько раньше предложило ей часть своих колониальных владений в Конго в обмен на ее отказ от притязаний на Марокко. Стремясь получить большую компенсацию и следуя традициям противодействия французской политике в Северной Африке, правительство Германии направило в начале июля 1911 г. в атлантический порт Марокко Агадир два крейсера и канонерскую лодку «Пантера». Так называемый прыжок «Пантеры» должен был, по мнению германских правительственных кругов, заставить Францию пойти на более серьезные уступки.

Франко-германские отношения вновь оказались на грани войны. Англия в целях укрепления Антанты выступила на стороне Франции. В разгар кризиса английское правительство в резких тонах предупредило Германию, что оно окажет Франции полную поддержку — не только дипломатическую, но и, если понадобится, военную (публичная речь министра финансов Ллойд Джорджа 21 июля 1911 г.).

Вильгельм II и его правительство вынуждены были отступить. В ноябре 1911 г. было подписано франко-германское соглашение, признававшее преимущественные права Франции в Марокко в обмен на передачу Германии части Французского Конго и предоставление ей в Марокко режима «открытых дверей» сроком на 30 лет. Франция отказалась удовлетворить требование Германии и уступить ей свое предпочтительное право на покупку Бельгийского Конго. В марте 1912 г. согласно Фесскому договору над Марокко был установлен французский протекторат. Франко-германская борьба в Марокко завершилась победой Франции.

Агадирский кризис усилил напряженность в международной обстановке. Германская империя, столкнувшись с более твердым сопротивлением Англии и Франции и чувствуя себя обделенной, еще энергичнее стала готовиться к войне за коренной передел мира.

В том же 1911 г. острый конфликт из-за Триполитании и Киренаики привел к войне между Италией и Турцией. К этому времени Италия добилась от великих держав признания своих «прав» на эти две турецкие провинции (по соглашению с Францией 1901 г. и соглашению в Раккониджи с Россией 1909 г.). 28 сентября 1911 г. Италия предъявила Турции ультиматум с требованием в течение 24 часов дать согласие на оккупацию Триполитании и Киренаики итальянскими войсками. Турецкое правительство ответило примирительной нотой, проявив стремление решить этот вопрос мирным путем. Не желая тратить вре-

мя на дальнейшую дипломатическую переписку, итальянское правительство на следующий день объявило Османской империи войну.

Италия относительно быстро разбила турецкие гарнизоны в Триполитании, хотя еще долго не могла подавить сопротивление арабских племен. Согласно Лозаннскому мирному договору 1912 г. Триполитания и Киренаика отторгались от владений Османской империи и фактически превращались в итальянскую колонию, позже названную Ливией.

Триполитанская война еще раз показала, что члены Тройственного союза, в данном случае Италия, целенаправленно и последовательно вели борьбу за перераспределение колоний и сфер влияния, приближая глобальное столкновение великих держав.

Первая Балканская война (1912—1913). В марте—октябре 1912 г. сложился Балканский союз в составе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории (на основе договоров и военных конвенций о взаимной помощи, заключенных между его участниками). Объективно важнейшей целью союза являлось освобождение от османского гнета тех балканских территорий, которые еще оставались под господством Турции. Надежду на решение этой задачи пробуждала прогрессирующая слабость Османской империи, проявившаяся, в частности, в аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также в захвате Италией Триполитании и Киренаики. О том же свидетельствовали возобновившиеся с новой силой национально-освободительные движения в Македонии, Албании и на острове Крит. Одновременно Балканский союз если не формально, то по существу был направлен и против Австро-Венгрии. Так, в болгаро-сербском договоре от 13 марта 1912 г. прямо говорилось о совместных действиях против «какой-либо великой державы», если она попытается захватить балканские территории, принадлежавшие Турции. Подобные положения были внесены в договоры и других участников союза. Понятно, что в условиях австро-венгерской экспансии на Балканах под «какой-либо великой державой» подразумевалась прежде всего Австро-Венгрия.

Вместе с тем, помимо этих освободительных задач, правительства стран — участниц Балканского союза преследовали и свои особые внешнеполитические цели. Болгария путем присоединения Салоник и Западной Фракии рассчитывала получить выход к Эгейскому морю, а также, выступая вместе с Сербией, овладеть большей частью Македонии. Греция претендовала на территориальные приобретения в Южной Македонии и Западной Фракии, а также на остров Крит и другие островные тер-

ритории в Эгейском море. Сербия, помимо претензий на Македонию, стремилась вместе с Грецией осуществить раздел Албании и тем самым обеспечить себе выход к Адриатическому морю. Стратегической целью Сербии было создание под своей эгидой единого южнославянского государства. Различные интересы участников Балканского союза осложняли его борьбу против иностранного господства на Балканах, однако на первом этапе этой борьбы преобладали общие национально-освободительные цели и устремления, что и предопределило успех.

Образование военно-политической коалиции балканских государств вызвало различную реакцию со стороны великих европейских держав. Австро-Венгрия и Германия восприняли ее создание негативно. Первая — в силу традиционно враждебного отношения к национально-освободительному движению, которое представляло угрозу не только турецкому, но и австро-венгерскому владычеству на Балканах. Вторая — по причине стратегической заинтересованности в сохранении Османской империи, которая все в большей степени подпадала под германское влияние. Что касается держав — участниц Тройственного Соглашения, то их согласие в этом вопросе было далеко не полным. Россия поддержала образование Балканского союза, так как видела в нем преграду австро-германскому продвижению на Балканах и в зону проливов. Отношение к Балканскому союзу Англии и Франции можно назвать двойственным. С одной стороны, оно определялось боязнью усиления позиций России на Ближнем Востоке, а с другой — остротой противоречий с австро-германским блоком. Однако в это время последние соображения превалировали над первыми и поэтому в целом Антанта благосклонно отнеслась к объединению балканских государств и деятельности Балканского союза.

Поводом к войне послужил отказ турецкого правительства от своего обещания предоставить автономию Македонии и Фракии. Военные действия начались в октябре 1912 г. В первый же дни войны определилось полное превосходство армий союзников над турецкими войсками, что объяснялось значительным перевесом в численности вооруженных сил (600 тыс. у балканских государств и 400 тыс. — у турок), более подготовленным офицерским составом, освободительным характером войны и помощью местного населения. Союзные войска повели решительное наступление на всех фронтах. Турки столь же решительно отступали. Болгария, чья армия нанесла главный удар, устремилась к Константинополю, остановившись в 45 км от турецкой столицы. Греки очистили от противника Эпир и одновременно с болгарями в начале ноября заняли Салоники. Греческий флот гос-

подставовал в Эгейском море, блокировав выход из Дарданелл. Сербские войска освободили большую часть Македонии, Северную Албанию и вышли на побережье Адриатики. Потеряв всего лишь за один месяц почти все свои европейские владения, Турция запросила перемирия.

16 декабря 1912 г. в Лондоне открылась конференция представителей воюющих сторон и заинтересованных держав. Обсуждение условий мирного договора было долгим и трудным из-за сопротивления Турции, вмешательства великих европейских держав и обострения противоречий между самими странами-победительницами. При всей многосложности споров и столкновений на мирных переговорах за ними отчетливо просматривался конфликт двух военно-политических блоков и прежде всего России и Австро-Венгрии.

Российская дипломатия решала две группы задач. Первая сводилась к тому, чтобы закрепить результаты одержанных балканскими государствами побед (что соответствовало интересам укрепления позиций России на Ближнем Востоке). Вторая состояла в том, чтобы противодействовать стремлению Австро-Венгрии к исключительному влиянию на Балканах.

Австро-Венгрия, по понятным причинам, преследовала прямо противоположные цели. Габсбургские дипломаты стремились внести раздор между балканскими союзниками, обещая каждому из них, за исключением Сербии, различные привилегии и территориальные уступки за счет других участников коалиции. При этом задачей первостепенной важности считалось максимальное ослабление Сербии, применение всех средств для того, чтобы воспрепятствовать ее выходу к Адриатическому морю и созданию крупного южнославянского государства. По этой причине, отказавшись от традиционно негативного отношения к образованию самостоятельных балканских государств и используя естественное желание албанцев, Австро-Венгрия настаивала на образовании независимой Албании, дабы преградить доступ Сербии к морю (независимость Албании была провозглашена в ноябре 1912 г.). Другим средством достижения этой цели стали прямые военные угрозы в адрес сербского правительства. Сербия была вынуждена уступить, так как она и поддерживавшая ее Россия не были готовы к открытому вооруженному столкновению с Австро-Венгрией, которая в этом вопросе находила полное взаимопонимание с Германской империей.

Тем временем Турция, вдохновленная антисербской позицией Австро-Венгрии и Германии, отвергала на переговорах одно за другим все требования Балканского союза. Это привело к тому, что в январе 1913 г. военные действия возобновились.

Войска Османской империи вновь были быстро разгромлены, что сделало ее более сговорчивой.

В мае 1913 г. в Лондоне состоялось подписание мирного договора, по которому Турция уступала балканским государствам значительные территории к западу от линии Мидия—Энос. Иными словами, юридически оформлялось отторжение от Османской империи всех европейских территорий, за исключением ее собственной столицы и небольшой части Восточной Фракии.

Помимо очевидных военно-политических итогов первая Балканская война имела важные международные последствия стратегического характера. Во-первых, к бесспорно прогрессивным ее результатам следует отнести окончательное освобождение Балкан из-под власти Османской империи. Во-вторых, итоги войны усилили напряженность в отношениях великих держав и резко обострили противоречия между балканскими государствами. Балканы неминуемо должны были стать ареной нового военного столкновения.

Вторая Балканская война (1913). Сразу же после подписания Лондонского договора разногласия между союзниками из-за делажа завоеванных территорий, обозначившиеся уже во время мирных переговоров, вступили в стадию открытой вражды. Усилению этой вражды активно способствовали великие державы, искавшие пути установления своего господства на Балканах.

Первым свое неудовлетворение результатами войны с Турцией высказало королевское правительство Сербии. Не получив Северной Албании и выхода к Адриатическому морю, оно в качестве компенсации потребовало от Болгарии передачи части македонской территории — так называемую Вардарскую Македонию. Болгария отвергла эти притязания. Греция претендовала на Салоники и Эгейское побережье. Болгария отказала и грекам. «Исправления» своей границы за счет Болгарии потребовала и Румыния. Она рассчитывала на присоединение Южной Добруджи и крепости Силистрия. Болгария и в этом случае дала отрицательный ответ. Логика последующих событий была вполне предсказуема: Сербия заключила антиболгарский союз с Грецией, к которому вскоре присоединилась Румыния, а затем и Турция, надеявшаяся отторгнуть от Болгарии хоть что-то из потерянного в предыдущей войне.

Попытки правительства России примирить бывших союзников и сохранить Балканский союз к успеху не привели. Болгария не желала идти ни на какие уступки. В этом она находила полное понимание со стороны Австро-Венгрии и Германии, стремившихся разрушить Балканскую коалицию, которая рассмат-

ривалась ими как орудие Антанты и в первую очередь России. Ободренный поддержкой австро-германского блока, болгарский царь Фердинанд I Кобургский в июне 1913 г. открыл военные действия против Сербии. Так началась вторая Балканская война.

Несмотря на то что болгарские войска считались лучшими на Балканском полуострове, силы были неравными и Болгария потерпела поражение. Война завершилась подписанием 10 августа Бухарестского и 29 сентября 1913 г. — отдельно между Болгарией и Турцией — Константинопольского мирных договоров. Условия этих договоров были крайне невыгодны для побежденного. Болгария утратила почти все приобретения в Македонии, исключая небольшой район — Пиринский край. Сербия получала западную и центральную части македонской территории (Вардарская Македония), Греция — ее южную часть, включая Салоники (Эгейская Македония). К Греции отходили также почти все острова Эгейского моря и Эпир. Румыния приобретала Южную Добруджу и Силистрию. Турция возвращала себе большую часть Восточной Фракии с Адрианополем. Хотя Болгария и сохраняла выход в Эгейское море, у нее не осталось ни одного сколько-нибудь значительного порта.

Вторая Балканская война изменила расстановку сил в этом районе. Она содействовала сближению Румынии, Греции и Сербии с Антантой и переходу Болгарии на сторону австро-германского блока. За преимущественное влияние в независимой Албании разгорелась борьба между двумя членами Тройственного союза — Австро-Венгрией и Италией.

В истории международных отношений конца XIX — начала XX в. Балканские войны, несмотря на свой региональный характер, стали событиями общемирового значения. Они довели до логического завершения национально-освободительную борьбу балканских народов против турецкого господства и вместе с тем явились прологом Первой мировой войны. Балканы превратились в самый взрывоопасный район мира. Освободительное движение на Балканах было направлено не только против турецкого, но и любого другого иностранного господства. А это ставило под вопрос само существование Габсбургской монархии. Бесспорным лидером освободительной борьбы южнославянских народов была Сербия. Правительственные круги Австро-Венгрии уже давно пришли к важному политическому выводу: чтобы подавить сопротивление южных славян и спасти империю, необходимо было если не уничтожить, то максимально ослабить сербское государство посредством войны. Но австро-сербский военный конфликт не мог быть локальным, так как за спиной

Сербии стояла поддерживавшая ее Россия и, следовательно, Антанта, а за спиной Австро-Венгрии — Германия, имевшая свои, и немалые, интересы на Балканах. Международная обстановка складывалась так, что любой острый инцидент в этом районе был чреват войной всевропейского масштаба. Не случайно великий стратег и дальновидный политик Бисмарк еще в конце XIX в. предсказывал, что искрой большой войны явится «какая-нибудь проклятая глупость на Балканах».

Непримиримость противоречий на Балканах проявилась и в том, что со времен франко-прусской войны Балканские войны 1912—1913 гг. стали самыми кровопролитными. Прямые военные потери в них составили 224 тыс. человек. Важнейшим итогом Балканских войн было то, что они резко ускорили военную и дипломатическую подготовку Первой мировой войны.

Нарастание военной опасности. Усиление неравномерности развития капиталистических стран и ожесточенная борьба за передел мира, обострение межгосударственных противоречий и образование военно-политических блоков великих держав — все это говорило о неизбежности глобального военного столкновения. Об этом же свидетельствовали многочисленные локальные войны и острые дипломатические конфликты (всего в период с 1898 по 1914 г. их было 36). Важнейшим показателем готовившегося силового противоборства стало усиление гонки вооружений (с 1905 по 1914 г. военные расходы шести крупнейших европейских держав ежегодно увеличивались в среднем на 7,5%).

В накаленной противоречиями и конфликтами международной атмосфере оба военно-политических блока — Тройственный союз и Тройственное Соглашение — приступили к непосредственной подготовке «большой войны».

Наиболее впечатляющими были военные приготовления Германской империи. К 1914 г. Германия имела целый ряд военных преимуществ перед своими противниками из Антанты: комплектование резервов второй и третьей очереди; создание многочисленного офицерского корпуса в расчете на широкомащтабные военные действия; расширение производственной базы, превосходившей по своей мощности французскую и российскую вместе взятые; развитую сеть железных дорог, которая могла быть с успехом использована для военных нужд. Во всяком случае по темпам мобилизации и срокам переброски войск Россия и Франция уступали Германии в 2—3 раза. Что касается военного флота, то после принятия морской программы 1906 г. Германская империя, отказавшись от строительства броненосцев старого типа, стала ежегодно закладывать по три дредноута. А в 1912 г.

сверх этой программы рейхстаг ассигновал средства на постройку в ближайшие пять лет еще трех dreadnoughtов. Угроза британскому господству на морях приобрела материальные очертания.

Одним из свидетельств всесторонней подготовки Германии к европейской войне стала миссия Лимана фон Сандерса. В ноябре 1913 г. было подписано германо-турецкое соглашение о направлении в Турцию новой германской военной миссии. Глава этой миссии генерал О. Лиман фон Сандерс стал командующим турецкого корпуса, расположенного в районе Константинополя и проливов. Последовали резкие протесты со стороны государств Антанты и прежде всего России. С огромным трудом российской дипломатии удалось в начале 1914 г. добиться от Германии и Турции перевода фон Сандерса на другую должность. Но это было уступкой по форме, а не по существу. Германские власти вскоре повысили фон Сандерса в звании, а власти турецкие назначили его генерал-инспектором всей своей армии. Таков был еще один открытый вызов Германии Антанте.

План войны был разработан германским Генеральным штабом еще в 1891—1905 гг. и по имени его начальника получил название «план Шлиффена». Альфред фон Шлиффен исходил из того, что Германии придется воевать одновременно с Россией и Францией. Учитывая медлительность мобилизации русской армии, он предложил начать с молниеносного разгрома Франции (в течение первых четырех недель военных действий), а затем уже перебросить главные германские силы на Восточный фронт, чтобы в течение следующих четырех недель добиться победы и над Россией. Удар по Франции предполагалось нанести через Бельгию, где не было такого количества оборонительных сооружений, как на франко-германской границе.

Страны Антанты, хотя и с опозданием, также включились в интенсивную подготовку к войне. Россия при помощи французских займов медленно, но последовательно осуществляла свою «большую военную программу». Франция в 1913 г. перешла от двухлетней к трехлетней военной службе, что позволяло ей к 1916 г. увеличить численность армии на одну треть. Французский военный план в качестве первоочередной задачи предполагал организацию массированной обороны против немцев по всей линии франко-германской границы. Так называемый «План XVII», разработанный Генеральным штабом Франции, по существу был планом ответных действий по отражению немецкого наступления, направление которого французы не могли с твердой уверенностью предсказать заранее. Поэтому он должен был представлять возможность, как выразился начальник Генерального штаба Ж. Жоффри, «для внесения изменений задним

числом и исходя из реальной обстановки». При всей абстрактности этого плана предполагалось, что одновременно с усилением обороны Франции русская армия будет активно действовать с востока. После достаточного ослабления Германии французские войска должны были перейти в решительное наступление в районе Эльзаса и Лотарингии. России в этом плане отводилась весьма «почетная» роль «парового катка» Антанты.

Готовилась к сухопутной войне и Англия, увеличив по военному закону 1907 г. свои регулярные войска с 25 до 166 тыс. человек и создав из них экспедиционный корпус для возможной высадки на континент. Возросла численность и базовой территориальной армии для непосредственной защиты Британских островов. В условиях обострившегося морского соперничества с Германией Англия еще более усилила внимание к развитию своего военного флота. В 1912 г. она заключила секретную морскую конвенцию с Францией, в которой предусматривались совместные действия против Германии на море. В том же году аналогичная конвенция была подписана между Францией и Россией.

В дипломатической предыстории Первой мировой войны особой политической активностью отличалась Великобритания. В 1912—1914 гг. английское правительство предприняло целый ряд попыток смягчить англо-германские противоречия. Цель, которая при этом преследовалась, заключалась в том, чтобы в случае успеха обеспечить Великобритании выгодную роль арбитра между континентальными группировками держав.

Еще в начале 1912 г. во время визита в Берлин военный министр Англии лорд Холден предложил германскому правительству отказаться от выполнения новой военно-морской программы в обмен на английские уступки в колониальном вопросе. Германия отклонила это предложение. В следующие два года по инициативе правительственных кругов Великобритании проходили англо-германские переговоры по более широкому кругу международных проблем. После долголетнего сопротивления Англия дала согласие на строительство Багдадской железной дороги, но при условии, что ее конечный участок — от Багдада до Персидского залива — будет передан под британский контроль. Великобритания возобновила переговоры с Германией и по вопросу о разделе португальских колоний.

Все эти шаги английского правительства создавали в Берлине впечатление, что Англия ищет примирения с Германией и что она во всяком случае останется нейтральной в случае войны центральноевропейских держав с Россией и Францией.

Однако надежды на британский нейтралитет не имели под собой сколь-нибудь серьезной основы. Англо-германский антагонизм оставался одним из решающих факторов приближавшейся мировой войны и не шел ни в какое сравнение с тактическими маневрами Великобритании. «Миротворческая» деятельность английской дипломатии отнюдь не имела своими целями ни умиротворение Германии, что было невозможно, ни англо-германское сближение, что было противоестественно при столь острых противоречиях. Скорее всего она была направлена на обеспечение для Великобритании выгодного баланса сил. В любом случае эта деятельность создавала в германских политических кругах иллюзию, что противниками Германии среди великих держав будут только Россия и Франция. Объективно это провоцировало Германскую империю на развязывание войны. С другой стороны, заигрывая с Германией, Англия оказывала давление на Францию и особенно на Россию, с которой у нее к этому времени вновь возникли разногласия по вопросу о разделе Персии (из-за английских притязаний на так называемую нейтральную зону, установленную соглашением 1907 г.).

Свой вклад в умиротворение Германии попытался внести и российский император. В мае 1913 г. он нанес свой последний визит в Берлин. На переговорах с кайзером Николай II заявил, что Россия готова отказаться от своих притязаний на черноморские проливы и согласиться на преобладающее влияние Германии в Турции, если Германская империя, со своей стороны, удержит Австро-Венгрию от политики захватов на Балканах. Никакой ответной реакции на это предложение не последовало, а Вильгельм II ограничился разговорами на общие темы. Исход переговоров еще раз продемонстрировал, что германские правительственные круги отдают предпочтение не политическому, а военному «урегулированию» международных проблем и конфликтов.

Накануне войны заметно укрепились политические связи между Францией и Россией. Важную роль здесь сыграли поездки в Петербург в 1912, 1913 и в июле 1914 г. премьер-министра, а затем президента Французской республики Раймона Пуанкаре. Во время последнего визита стороны твердо договорились поднять перчатку, если она будет брошена им Германией и Австро-Венгрией, и не отступать даже под угрозой военных действий.

Что касается дипломатической подготовки войны со стороны Германской империи, то она в основном свелась к поискам удобного момента и обеспечения благоприятных условий для начала агрессии. При этом Германия была вынуждена спешить в силу целого ряда причин. Одна из них — все более очевидная

ненадежность союзников. Италия продемонстрировала это еще в период первого марокканского кризиса, когда выступила на стороне Франции и против Германии. Австро-Венгрия находилась в состоянии перманентного внутреннего брожения вследствие усиления национально-освободительной борьбы угнетаемых ею народов, составлявших большую часть населения габсбургской монархии. Во-вторых, Германия стремилась использовать появившиеся к 1914 г. серьезные трения внутри Тройственного Соглашения, связанные с англо-русским конфликтом в Персии. И, наконец, в-третьих, соотношение сил в Европе, которое складывалось пока в пользу Германии, могло стать для нее гораздо менее благоприятным через 2—3 года, когда Россия и Франция должны были завершить выполнение своих военных программ. Поэтому Германская империя в 1914 г. активно подталкивала свою союзницу Австро-Венгрию к разжиганию крупного военного конфликта. Дело оставалось за поводом, и он вскоре был найден.

Сараевское убийство и июльский кризис 1914 г. стали прологом войны мирового масштаба. Язык нот и дипломатических демаршей был переведен на язык пушек и военных кампаний. Первая мировая война явилась результатом соперничества двух военно-политических блоков, итогом развития противоречий великих держав. Для обеих враждующих сторон война носила несправедливый, империалистический характер. Но при этом наибольшую долю вины и ответственности за развязывание мировой войны нес Тройственный союз и прежде всего Германская империя, выступившая главным инициатором коренного передела уже поделенного мира. Отличительной чертой стратегических установок и внешнеполитической практики центральноевропейских держав было то, что среди всех политических методов достижения своих целей они отдавали предпочтение силовому давлению и открытой агрессии.

Вместе с тем не отличалась миролюбием и внешняя политика стран Антанты. Требованиям передсла мира они противопоставили оборонительно звучащие лозунги сохранения статус-кво. Однако по своему реальному содержанию эти лозунги означали не что иное, как борьбу за сохранение уже захваченного, во-первых, и максимальное ослабление своих конкурентов, во-вторых. Борьба эта не только не исключала, но и предполагала применение вооруженной силы.

Первая мировая война стала важнейшим историческим рубежом, подводя итоги одному этапу в развитии международных отношений и открыв новый этап, унаследовавший многие черты предыдущего, но уже с иной расстановкой сил и иными международными проблемами.

Глава 20

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ с конца 90-х годов до Первой мировой войны

Рабочий класс: изменения в составе, положении, сознании.
К началу XX в. формирование класса наемных рабочих вышло далеко за первоначальные географические рамки Западной Европы и США. Этот процесс охватил страны, находившиеся в разных частях мира и имевшие разный политический статус, в том числе некоторые колонии. Различные его стадии проходили Канада, Австралия, Новая Зеландия, из азиатских стран — Турция, Япония, Китай, Индия, из стран Латинской Америки — в первую очередь Аргентина, Чили, Бразилия, Мексика. На Африканском материке, тогда почти полностью поделенном между европейскими колонизаторами, коренное население внутренних областей жило еще в условиях традиционной экономики и докапиталистических отношений. Но в Египте и на крайнем юге Африки возникали капиталистические предприятия с использованием наемного труда.

В становлении капиталистического производства в большинстве названных стран важнейшую роль играл иностранный капитал. Наемные рабочие были заняты по преимуществу в сельском хозяйстве (на фермах и плантациях), на погрузочных и земляных работах, в добывающей промышленности и в наименьшей части на предприятиях обрабатывающей промышленности, обычно мелких и применявших ручной труд. Состав рабочего класса (особенно в Латинской Америке) был пестрым в этническом отношении: помимо местных уроженцев он широко пополнился иммигрантами из Европы. Условия труда рабочих напоминали те, которые существовали в Европе на заре фабричного производства (как правило, не ограниченная законом продолжительность рабочего дня, зарплата не выше уровня физического выживания), профессиональные организации лишь начинали создаваться или не были официально признаны, проявления коллективного протеста жестко пресекались.

Но численность рабочего класса в глобальном масштабе росла не только за счет новых его отрядов, возникавших в результате развития капитализма вширь. Она быстро увеличивалась и там, где капиталистические отношения давно господствовали. В восьми главных капиталистических странах общее количество лиц наемного труда возросло за первое десятилетие XX в. с 89,6 млн до 114 млн, из которых около 100 млн (45—46% самодеятельного населения) приходилось на долю рабочего класса в собственном смысле слова.

Облик рабочего класса этого региона менялся, в его рядах происходила дифференциация. Подобно тому, что уже раньше отмечалось в Англии, также и в других ведущих капиталистических странах появился такой слой рабочих, который стали называть «рабочей аристократией». В Англии его удельный вес в конце XIX в. колебался в пределах 10—15% от общего числа рабочих, в Германии к 1907—1908 гг. составил примерно 9%, но его абсолютная численность на протяжении 1898—1910 гг. выросла в 5 раз.

К этому слою принадлежали рабочие квалифицированных, лучше оплачиваемых профессий. Но то, что ставило их в привилегированное положение по отношению к основной массе рабочих, не сводилось к естественному при квалификационных различиях более высокому уровню заработков. До начала XX в. почти исключительно квалифицированным рабочим было доступно членство в профсоюзах, которые раньше всего укоренились в их среде и именно на них ориентировались при определении размера взносов. А значит, фактически только верхний слой рабочих выигрывал от достигнутых к этому времени благодаря профессиональной организации социальных завоеваний (практика коллективных трудовых соглашений, система пособий, дополнявшая страхование в формах, установленных законом). Находившиеся на жалованье профсоюзные функционеры различных рангов также входили в состав «рабочей аристократии» и во многом формировали характерный для нее стиль социального поведения. Ей была свойственна склонность защищать лишь собственные узкогрупповые интересы, по возможности избегая конфликтов с предпринимателями, приверженность ценностям и образу мысли господствующего класса. Например, лидеры Американской федерации труда в начале XX в. стремились заручиться поддержкой «дружественных работодателей» в борьбе за сохранение принципа «закрытого цеха» (прием на работу только рабочих, входивших в соответствующий профсоюз) и выступали против стачек солидарности. Два ежегодных конгресса британских тред-юнионов (1900 и 1901 гг.) большинством голосов отвергли пред-

ложение осудить англо-бурскую войну. В лице «рабочей аристократии» часть рабочего класса начинала, таким образом, интегрироваться в капиталистическое общество.

Но эту часть нельзя полностью отождествлять с квалифицированными рабочими как таковыми. Последние далеко не всегда и не везде проявляли характерную для «рабочей аристократии» тенденцию к корпоративной замкнутости, отрыву от собственно пролетарской среды и сотрудничеству с предпринимателями. В таких странах, как Франция или Италия, квалифицированные рабочие в начале XX в. отличались, наоборот, развитым чувством классовой солидарности и активным участием в стачечном движении.

В тех отраслях промышленности, где внедрялась технология поточного производства, удельный вес квалифицированных рабочих снижался. Для обслуживания конвейера или автоматических линий станков требовалось лишь небольшое число рабочих высокой квалификации (наладчики, механики по ремонту оборудования), а в основном работники, предназначенные выполнять немногочисленные, простые, строго определенные операции.

Уровень жизни рабочих внутри группы ведущих стран был неодинаков. Это зависело от различной покупательной способности зарплаты и структуры бюджета рабочих семей (в США жилье и потребляемые рабочими промышленные товары стоили дороже, а продукты питания — дешевле, чем в Европе). С учетом этих различий реальная часовая зарплата рабочего одной и той же квалификации была в начале 900-х годов в США на 70% выше, а в Германии и Франции — соответственно на 32% и 38% ниже, чем в Англии.

Отмечавшийся в последней трети XIX в. в развитых странах рост реальной заработной платы с середины 90-х годов замедлился или приостановился, а в США и Англии она в начале нового столетия несколько снизилась. Вопросы заработной платы сохраняли в это время жгучую остроту для основной массы рабочих: из-за них возникало абсолютное большинство стачек в Англии, Франции, Бельгии, Италии, а в некоторые годы также и в Германии.

Отличительной чертой рынка труда в США был массовый и продолжавший нарастать поток иммигрантов — в особенности из Восточной Европы (за 1906—1914 гг. — 2 млн чел. против 455 тыс. в 1881—1895 гг.) и стран Средиземноморья (соответственно 2320 тыс. против 640 тыс.). По большей части они оставались в США на постоянное жительство. Недавно прибывшие иммигранты «без языка» соглашались на любую работу за самую

низкую плату. Постоянный избыток дешевой рабочей силы иммигрантов вынуждал также и местных рабочих неквалифицированных профессий быть уступчивее перед лицом хозяйского нажима и питал в их среде недоброжелательство к приезжим. Это было выгодно предпринимателям, но, с другой стороны, они были заинтересованы в скорейшей ассимиляции иммигрантов для более эффективного включения последних в механизм крупного промышленного производства, требующий от работников точных и согласованных действий. В годы Первой мировой войны в США стали приниматься специальные меры в этом направлении (создание школ и классов «американизации» на предприятиях и т.п.).

Накануне и во время войны трудящиеся-иммигранты в США уже не были замкнутой в себе, наиболее обездоленной и покорной частью рабочего класса. В их среде находила отклик агитация левых течений американского рабочего движения (Индустриальные рабочие мира, социалисты), они стали участвовать в забастовочной борьбе.

В европейских странах взаимоотношения между рабочими разных национальностей складывались неодинаково. В Венгрии, входившей в состав двуединой монархии Габсбургов, рабочий класс изначально сформировался как многонациональный. В начале XX в. на уровне массового сознания рабочих здесь не наблюдалось сколько-нибудь значительных националистических тенденций. Примерно четверть всех промышленных рабочих Венгрии была сосредоточена в Будапеште, где многие из них кроме своего родного языка могли объясняться на других (иногда нескольких), так что общение не затруднялось «языковым барьером». Иначе обстояло дело в странах с постоянной иммиграцией иностранных рабочих — например, во Франции, где в промышленности было занято немало итальянцев (на юге) и бельгийцев (на севере). Еще в конце XIX в. со стороны рабочих-французов нередко проявлялась ксенофобия — вплоть до вспышек насилия против итальянских иммигрантов. Иммигрантов винили в том, что из-за них хозяева меньше платят всем остальным, рассматривали как штрейкбрехеров (они, боясь потерять работу и быть высланными на родину, неохотно присоединялись к стачкам). Но постепенно пробивало себе дорогу сочувствие к иммигрантам, понимание их специфических проблем и мотивов поведения, стремление помочь им. Так, в 1906 г. во время стачки на шелкоткацкой фабрике в окрестностях Гренобля, где из 500 работниц было 350 итальянок, профсоюз вступился за них перед предпринимателем, грубо обманувшим их при найме на работу. В результате им (как было обещано) оплатили дорожные расхо-

ды, выдали сумму, ассигнованную фирмой на их обучение, а тем, кто сохранил оставленные вербовщиком документы, и недополученную за три года зарплату.

Перед Первой мировой войной приобрели известность проводившиеся с конца XIX в. опыты американского инженера Ф.У. Тейлора в области так называемого научного управления производством. Для этих опытов среди занятых определенным видом труда (в том числе и неквалифицированного) отбирались наиболее выносливые и умелые рабочие. Время, затрачиваемое ими на отдельные трудовые операции и на паузы в работе, учитывалось с помощью хронометра. Различные движения в процессе труда оценивались с точки зрения их рациональности. Изучалась эффективность употребляемых в данном производстве рабочих инструментов для стандартизации их веса, формы и других качеств по оптимальному уровню. На основе всех этих данных специалисты, выступавшие от лица администрации предприятия, предлагали рекомендации, которые должны были обеспечить максимальную выработку при наименьшей утомляемости работника. Каждый рабочий ежедневно получал от них соответствующее этим рекомендациям персональное задание (урок), выполнение которого вознаграждалось существенной прибавкой к заработной плате сравнительно с прежним.

Несмотря на, казалось бы, очевидные выгоды, которые система Тейлора давала не только предпринимателям, но и рабочим, она внедрялась при упорном противодействии со стороны последних. Раньше администрация не вмешивалась в производственный процесс как таковой: в рамках установленного общего распорядка рабочие выполняли свою работу так, как подсказывал унаследованный и накопленный ими самими профессиональный опыт. Система Тейлора лишала их какой бы то ни было самостоятельности в процессе труда, ставя в полную зависимость от «научно обоснованных» заданий администрации и под постоянный контроль многочисленного штата инспекторов. С другой стороны, тейлоровская система поощряла в среде рабочих стремление к личному выдвижению, дух индивидуализма, вступавший в противоречие с коллективистскими ценностями. Сам Тейлор рассказал о характерном в этом смысле случае: работницы, выполнявшие одну из операций в производстве велосипедов, в индивидуальных беседах о новой системе отзывались о ней с одобрением, но единодушно высказались против нее при общем голосовании. Сопротивление тейлоризму и другим методам интенсификации труда выражалось в стремлении рабочих поставить производство под собственный контроль, в первых попытках создать институты такого контроля на предприятиях (избрание

комиссий или делегатов), а иногда и в крупных массовых выступлениях типа стачек 1912—1913 гг. на автомобильных заводах «Рено» во Франции, направленных против введения хронометража.

Рабочие сопротивлялись хозяйскому диктату и в пассивной форме, уходя с предприятия при малейшей возможности найти другую работу. Состав работников не оставался постоянным и менялся иногда очень быстро. В США в 1907 г. состав рабочих текстильной промышленности Юга (в основном выходцев из сельской местности) обновился на 176%, а в 1913 г. на автомобильных заводах Форда в Детройте с их изматывающим ритмом работы — на 370%.

В европейских странах в начале XX в. продолжала расширяться система законодательных мер в области охраны труда и социального страхования рабочих. В Испании, вставшей на этот путь позже других стран, были введены первые законы, ограничивавшие применение женского и детского труда, а также длительность рабочего дня металлургов, шахтеров, текстильщиков. Законом был установлен еженедельный воскресный отдых для рабочих (Италия, Испания). В Бельгии, Англии, Франции, Нидерландах, Швеции рабочие стали получать пенсии по старости. Англия, а также Норвегия и Швейцария приняли законы о страховании рабочих на случай болезни или инвалидности (в Германии, Франции и ряде других стран подобные законы были приняты раньше). С 1911 г. в Англии начали выплачиваться за счет государства пособия по безработице (до этого страхование по безработице с участием государства существовало, но не являлось обязательным во Франции, Норвегии, Дании).

Более либеральным стало законодательство о рабочих организациях и стачках. Законом 1901 г. об ассоциациях было окончательно легализовано существование профсоюзов во Франции. В Италии была признана свобода стачек и провозглашен принцип невмешательства государства в трудовые конфликты, означавший, что против бастующих не должны использоваться полицейские и военные силы. В Англии тред-юнионы получили право вести внутри предприятия мирную агитацию за стачку, а предпринимателям было запрещено требовать через суд возмещения убытков, причиненных стачками. В Испании стачки экономического характера были разрешены специальным законом 1909 г. В США принятый в 1914 г. закон Клейтона покончил с подведением профсоюзов и фермерских организаций под действие антитрестовского законодательства.

Между тем размах стачечного движения продолжал шириться. Среднегодовое число стачек и их участников в 1901—1913 гг.

по сравнению с 90-ми годами XIX в. увеличилось в Италии — соответственно более чем в пять и более чем в четыре раза, в США — более чем в два и более чем в полтора раза, во Франции — более чем вдвое по обоим показателям. В Англии среднегодовое число охваченных стачками рабочих выросло сравнительно с предыдущим десятилетием более чем в 1,4 раза, несмотря на одновременное сокращение почти в 1,7 раза среднегодового числа самих стачек (иными словами, они происходили реже, но стали значительно более массовыми).

Стачки в огромном большинстве случаев возникали по таким поводам, как уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия труда на предприятиях. Но там, где деятельность рабочих организаций все еще наталкивалась на какие-то ограничения, немалое число стачек возникало в связи с так называемыми профсоюзными вопросами, т.е. было направлено на защиту и расширение прав профсоюзов. Например, в Испании в период между 1905 и 1913 гг. доля таких стачек колебалась от 24% до почти 42% общего числа тех, причины которых учтены статистикой.

При известной тенденции к смягчению законодательства о трудовых конфликтах власть предпринимательского класса над производством оставалась неограниченной и на негосударственном уровне охранялась с помощью самых жестких методов. Начали практиковаться массовые увольнения за участие в стачке (как на заводах «Рено» во Франции, откуда в 1913 г. были уволены 400 рабочих), иногда они сочетались с локаутом — временным закрытием предприятия с целью принудить рабочих к покорности (вновь к работе допускали далеко не всех). В США предприниматели широко использовали против рабочих частный сыск, собственную полицию, услуги гангстеров.

Там, где массовые выступления рабочих приобретали политическую окраску (во Франции в 1905—1906 гг., в Испании в 1909 г., в Германии в 1910 г., в Италии в 1914 г.), против них по-прежнему пускалась в ход и вооруженная сила государства.

Профсоюзы и другие массовые организации. В начале XX в. качественно изменился уровень профессиональной организованности рабочего класса стран Запада. Рядом с численно небольшими, замкнутыми в узкоцеховых рамках профсоюзами традиционного типа стали возникать новые, рассчитанные на вовлечение неквалифицированных рабочих (в США — профсоюзы ИРМ в отличие от профсоюзов АФТ) или объединявшие работников разных специальностей в масштабе целой отрасли производства (отраслевые профсоюзные федерации в Италии). К 1912—1914 гг. по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов процент чле-

нов профсоюзов от общего числа занятых в промышленности увеличился в Германии и Франции в шесть с лишним раз, в Англии и США — более чем втрое.

В профсоюзном движении существовали различные течения. К наиболее значительному из них относились профсоюзы, так или иначе связанные с рабочими партиями. Они имели свое интернациональное объединение, первоначально именовавшееся Международным секретариатом профсоюзов, а затем — Международной профсоюзной федерацией (к 1913 г. в нее входили 19 национальных профцентров с общей численностью 7,7 млн членов). К Международному секретариату профсоюзов до 1909 г. примыкали и анархо-синдикалистские профсоюзы, которые позднее вышли из него с намерением организовать свой собственный интернациональный центр, но до Первой мировой войны так и не смогли сделать это. В 80—90-е годы XIX в. начали возникать христианские профсоюзы (католические — во Франции, Италии, Австро-Венгрии, Швейцарии, католические и евангелические — в Германии). Католическое профдвижение стало развиваться в особенности после энциклики папы Льва XIII *Rerum novarum* (1891), провозгласившей основные принципы социальной доктрины католицизма. Общая численность христианских профсоюзов к 1914 г. составляла немногим более 0,5 млн членов. Некоторое распространение получили (например, во Франции) и так называемые «желтые» профсоюзы, специально создававшиеся предпринимателями для отвлечения рабочих от классовых профсоюзных организаций.

Профсоюзы занимались прежде всего вопросами, составлявшими содержание экономической борьбы рабочих (зарплата, рабочий день, внутренний распорядок и санитарные условия на предприятиях и т.п.). Они поддерживали стачки с требованиями экономического характера, вели от имени рабочих переговоры об этих требованиях с хозяевами — как в ходе трудовых конфликтов, так и при заключении «коллективных сделок» с предпринимательскими объединениями. Практика «коллективных сделок», до начала XX в. известная главным образом в Англии, теперь стала распространяться и в других европейских странах. В Германии, например, к 1914 г. ими были охвачены около 1400 тыс. рабочих, но немецкие профсоюзы до Первой мировой войны так и не добились юридического признания в качестве договаривающейся стороны в подобных соглашениях. Английские же тред-юнионы в этот период стали активно добиваться регулирования трудовых отношений в законодательном порядке (раньше они признавали государственное вмешательство лишь в вопросы охраны женского и детского труда). Перед вой-

ной в Англии были приняты первые законы о гарантированном минимуме зарплаты в отдельных отраслях.

Для своих членов профсоюзы были и своеобразной службой социального страхования, при необходимости предоставляя им пособия по болезни, по случаю потери работы, на оплату жилья или другие срочные нужды. Нередко отделения профсоюзов становились очагами культурной жизни рабочих — при них создавались библиотеки, клубы, различного рода курсы и т.д.

На рубеже XIX—XX вв. в некоторых странах (США, Англия, Франция, Италия) рабочие начали нащупывать новые формы организации, отвечавшие их стремлению к контролю над производством. Для этого на предприятиях стали избираться рабочие делегаты или органы типа фабричных комиссий. Предприниматели видели в таких институтах рабочей демократии покушение на собственную безраздельную власть в сфере производства, но подчас оказывались вынуждены мириться с их существованием и во время стачек даже предпочитали иметь дело со «своими» рабочими делегатами, а не с профсоюзами (профсоюзы могли успешнее противостоять хозяйскому нажиму, т.к. действовали вне предприятий).

Выборные представительные институты на предприятиях заключали в себе возможности развития в разных направлениях, их сущность истолковывалась и осмысливалась по-разному. Реформаторски настроенные буржуазные политики и социалисты-реформисты рассматривали их как инструмент полюбовного разрешения трудовых споров, т.е. стремились направить их деятельность в русло сотрудничества классов. Такой подход нашел отражение, например, в проекте закона о регламентации стачек, предложенном в 1900 г. А. Мильераном, тогда министром в правительстве Вальдека-Руссо во Франции. Левому же крылу рабочего движения была близка смутно выражаемая подобными институтами идея рабочего контроля и шире — реальной власти производителей над производством в новой системе экономических отношений, которая заменит капитализм (ее оформил в концепцию индустриальной организации рабочего класса американский социалистический теоретик Д. Де Леон). Позднее — во время мировой войны и особенно в первые годы после нее — революционный потенциал самоорганизации рабочих по месту производства отчетливо выявится на опыте комитетов фабричных старост (шоп-стюардов) в Англии, внутренних комиссий и развившихся из них фабрично-заводских советов — в Италии.

Такие организации, как кооперативы, охватывали не только рабочих, но действовали при их активном и массовом участии. Рабочие вступали прежде всего в потребительские кооперативные

общества. Кооперативы, руководимые социалистами (куда входили преимущественно рабочие), перед мировой войной насчитывали в Европе около 9 млн членов.

С конца XIX в. широкое развитие в рабочей среде, особенно в Германии, получили самые разнообразные добровольные ассоциации, иногда имевшие социал-демократическую или конфессиональную окраску, иногда же нейтральные в идеологическом отношении. Это были всякого рода объединения «по интересам», которые становились формой организации внепроизводственной социальной жизни рабочих, способствовали проявлению их самостоятельной активности в сфере культуры, искусства, спорта, давали выход их потребностям в отдыхе и развлечениях.

Массовые рабочие организации различного характера ни по своим методам, ни по выполняемым ими функциям не были *только* инструментом классовой борьбы, хотя защита специфических интересов рабочего класса служила важнейшим импульсом к их возникновению. Поскольку они создавались по собственной инициативе рабочих, сами вырабатывали нормы своей внутренней жизни и управляли ею, постольку они действовали как институты гражданского общества и в начале XX в. играли уже заметную роль в этом качестве.

Социалистическое движение (организационные аспекты). К моменту основания II Интернационала уже сложившиеся социалистические партии существовали почти исключительно в Западной Европе. В конце XIX в. и в годы перед Первой мировой войной процесс создания таких партий продолжался, охватывая все новые страны и регионы — Россию, Японию, Турцию, балканские государства, Латинскую Америку (Аргентина, Бразилия, Куба, Уругвай, Чили). К концу 1912 г. во II Интернационал входили 27 партий от 22 стран. За полтора предвоенных десятилетия он провел пять общих конгрессов (1900 г. — Париж, 1904 г. — Амстердам, 1907 г. — Штутгарт, 1910 г. — Копенгаген, 1912 г. — Базель).

В странах с политической системой, дававшей достаточно широкий простор легальной деятельности социалистов, социал-демократия стала в начале XX в. значительной силой. Общая численность социал-демократических, социалистических, рабочих партий за 1900—1914 гг. возросла в 14 раз — с 300 тыс. до 4200 тыс. членов, а число избирателей, проголосовавших за них на последних перед войной парламентских выборах, достигло в совокупности примерно 12 млн (рост почти вдвое по сравнению с 1904 г.). В парламентах 24 стран насчитывалось к 1914 г. около 700 депутатов-социалистов.

Наиболее крупной и влиятельной из партий II Интернационала была Социал-демократическая партия Германии — СДПГ (название принято в 1890 г.): накануне войны она насчитывала 1085 тыс. членов и собрала на выборах 1912 г. в рейхстаг 38,5% всех поданных голосов. Среди французских социалистов из-за расхождений по поводу вступления А. Мильерана в правительство («казус Мильерана») на рубеже XIX—XX вв. образовались две партии: Французская социалистическая партия во главе с Ж. Жоресом и Социалистическая партия Франции во главе с Ж. Гедом. В 1905 г. в соответствии с решением Амстердамского конгресса II Интернационала, рекомендовавшим, чтобы в каждой стране была только одна социалистическая партия, эти две партии слились во Французскую секцию рабочего Интернационала (*Section française de l'Internationale ouvrière* — СФИО). Во исполнение этой же рекомендации РСДРП, расколовшаяся в 1903 г. на большевистское и меньшевистское крыло, провела в 1906 г. свой объединительный съезд. От России кроме РСДРП во II Интернационале была представлена образовавшаяся в 1902 г. партия эсеров.

В США помимо Социалистической рабочей партии, лидером которой стал в 90-е годы Д. Де Леон, с 1901 г. существовала возглавляемая Ю. Дебсом Социалистическая партия. В двуединой Австро-Венгрии социал-демократы Цислейтании и Транслейтании были организованы в две отдельные партии. Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДРПА) в 1897 г. была преобразована в федерацию шести национальных партий (австро-немецкая, чешская, польская, украинская, южнославянская, итальянская). Тенденция к разделению по национальному признаку проявлялась и внутри Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), но более слабо.

Первой попыткой создать политическую рабочую партию в Англии было основание в 1893 г. Независимой рабочей партии (НРП), которая стала участвовать в созываемых II Интернационалом международных социалистических конгрессах. В начале 900-х годов обозначился поворот в отношении к политической деятельности английских тред-юнионов, выразившийся в создании Комитета борьбы за рабочее представительство в парламенте. В 1905 г. он был преобразован в Рабочую (лейбористскую) партию. Эта партия строилась на началах коллективного членства, включив в себя тред-юнионы, НРП, а также некоторые социалистические организации. Вхождение в состав лейбористской партии тред-юнионов придало ей массовый характер. От рабочих партий других стран ее отличало отсутствие в ее платформе социалистических принципов и неопределенность позиции в отноше-

нии классовой борьбы. Поэтому вопрос о том, можно ли принять лейбористскую партию во II Интернационал, вызвал разногласия в Международном социалистическом бюро (органе, созданном в 1900 г. по решению Парижского конгресса для связи между партиями отдельных стран в промежутках между конгрессами), но в конечном счете был решен положительно.

Международное социалистическое бюро (МСБ) находилось в Брюсселе. Оно состояло из представителей отдельных национальных секций, имело исполком и секретариат, собиралось (обычно раз в год) на пленарные заседания и первоначально было наделено главным образом корреспондентскими функциями. Но постепенно рамки его деятельности расширились. МСБ заявляло о позиции социалистического движения по поводу важнейших политических событий (в частности, на протяжении 1905—1906 гг. оно 14 раз выступало в поддержку революции в России, а также организовало сбор средств в помощь русским революционерам), разработало проект принятого в 1907 г. устава II Интернационала, решало вопросы, связанные с приемом в него новых организаций, предварительно обсуждало повестку дня общих конгрессов. В 1911—1913 гг. в условиях нараставшей взрывоопасности международной обстановки МСБ поддерживало и координировало действия европейских социал-демократических партий по организации массовых антивоенных выступлений. Экстренное заседание МСБ состоялось перед самым началом мировой войны — 29—30 июля 1914 г.

Перед партиями II Интернационала так или иначе вставал вопрос о характере их взаимоотношений с массовыми организациями, прежде всего профсоюзами и кооперативами. Он обсуждался и на международных социалистических конгрессах (Штутгартском и Копенгагенском).

В отношениях между социалистическими партиями и профсоюзами некоторых западноевропейских стран проявлялась (хотя и по-разному) тенденция не столько к взаимодействию, сколько к разграничению соответствующих сфер деятельности: партиям — политическая борьба, профсоюзам — экономическая. Во Франции социалисты гедистского направления при образовании в 1905 г. Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) отстранились от какого-либо участия в профсоюзном движении, что привело к преобладающему влиянию в ВКТ анархо-синдикалистов. В Германии лидерами наиболее сильных профсоюзов были социал-демократы реформистского толка, которые сами тяготились контролем со стороны партии и настаивали на нейтральности профсоюзов, т.е. их полной автономии и неучастии в каких-либо политических акциях.

Однако на Штутгартском конгрессе II Интернационала идея нейтральности профсоюзов не встретила поддержки большинства делегатов и не вошла в принятую резолюцию. В этой резолюции указывалось на необходимость тесных связей между партиями и профсоюзами и подчеркивалось, что профсоюзы «смогут выполнить свой долг в освободительной борьбе рабочего класса только при том условии, если во всех своих действиях они будут руководствоваться социалистическим духом».

Подобным же образом на Копенгагенском конгрессе было отклонено выдвигавшееся немецкими и некоторыми французскими делегатами требование нейтральности кооперативов. В принятом решении конгресс заявил: «...Интересы рабочего класса, борющегося против капитализма, требуют, чтобы отношения между политическими, профсоюзными и кооперативными организациями становились все более тесными — без нарушения при этом их самостоятельности». Социал-демократам вменялось в обязанность быть активными членами потребительских кооперативных обществ и действовать внутри них в социалистическом духе.

Итак, с точки зрения организационной социалистическое движение в начале XX в. достигло больших успехов. Оно начало проникать и за пределы наиболее развитых капиталистических стран, а во многих из этих стран завоевало поддержку значительной части электората и сильные позиции в парламентах и муниципальных органах. Во II Интернационале не было какой-то системы жестко регламентированных связей социалистических партий с массовыми рабочими организациями, однако в ряде стран социалисты активно участвовали в их деятельности и оказывали на нее существенное влияние.

Но в новое столетие социалистическое движение вступало с серьезными внутренними проблемами, связанными с состоянием его идейной оснащенности.

Бернштейнизм и ревизия марксизма. За полвека, прошедшие после возникновения марксизма, мир существенно изменился. Социал-демократические лидеры не могли не задаваться вопросом о том, в какой мере эти изменения учитывались основоположниками марксистского учения и отвечали их прогнозам. С другой стороны, в истолковании марксизма успели сложиться и получить хождение определенные стереотипы, придававшие тем или иным теоретическим положениям отпечаток упрощения, вульгаризации. Вскоре после смерти Энгельса (1895) в социалистическом движении началась острая дискуссия по программным и тактическим вопросам, застрельщиком которой стал живший тогда в эмиграции в Англии немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн (1850—1932).

Бернштейн был известен в социалистических кругах как один из ближайших друзей Энгельса и его литературный душеприказчик, т.е. лицо, ответственное за последующую публикацию произведений и самого Энгельса, и Маркса. Его голос звучал весомо и авторитетно, и это способствовало широкому резонансу сначала его статей, появившихся в 1896 и 1898 гг. в теоретическом журнале СДПГ, а затем написанной на их основе книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899).

Главная мысль этих и других публикаций Бернштейна заключалась в том, что исторический опыт не подтвердил кардинальных положений учения Маркса, лежащих в основе программы СДПГ (речь шла о программе, принятой в 1891 г. на съезде в Эрфурте взамен Готской программы 1875 г.). Эти положения он считал необходимым подвергнуть критике, а партийную программу — пересмотру (ревизии; отсюда — возникший в связи с выступлениями Бернштейна термин «ревизионизм»).

Бернштейн полагал, что свойственное Марксу понимание общественного развития имело в основе идею жесткой предопределенности всего хода истории действием экономического фактора, тогда как роль «железной исторической необходимости» становится все более ограниченной. Будущий переход к социализму не должен обосновываться исходя из «принудительной силы экономики»: «Зачем принижать значение разума, правосознания, воли людей? ... Уже сейчас общество делает многое не потому, что это абсолютно необходимо, а потому, что это лучше. И в социалистическом движении правосознание, стремление к еще более справедливому строю является по меньшей мере столь же действенным и важным фактором, как и материальная необходимость».

Объектом критики Бернштейна стала и так называемая «теория краха». Этим понятием он обозначал распространенное в социал-демократическом движении представление, согласно которому капитализм рухнет в результате неизбежно предстоящего гигантского экономического кризиса.

Ссылаясь на данные об экономическом развитии конца XIX в., Бернштейн настаивал на том, что реальный его ход не согласуется с ожиданиями Маркса и опровергает «теорию краха»: концентрация капитала далека от уровня, позволяющего обобществить производство, продолжает существовать множество мелких предприятий, число собственников не сократилось, а выросло, не подтверждается и тезис о прогрессирующем ухудшении положения рабочего класса («теория обнищания»). В совокупности получалась картина постепенного смягчения свойственных капитализму противоречий. Из этих посылок Бернштейн

делал заключение, что социал-демократия должна отказаться от тактики, «основанной на ожидании катастроф», отбросить революционную фразеологию и открыто стать тем, чем она в сущности и является: демократически-социалистической партией реформ.

Бернштейн рекомендовал социал-демократии умерить враждебность по отношению к либерализму, считая, что социализм по своему идейному содержанию является его законным преемником. С другой стороны, он оспаривал основанное на известной мысли Маркса положение Эrfуртской программы, согласно которому социалистическое преобразование общества может быть делом только рабочего класса. При такой постановке вопроса теряло смысл существование социал-демократии как классовой пролетарской партии: она должна была превратиться в широкое объединение всех сторонников демократических реформ.

В условиях демократии, как представлялось Бернштейну, классы как таковые не перестанут существовать, но классовое господство исчезнет, т.к. ни один класс не будет пользоваться политическими привилегиями по отношению ко всему обществу. Подобный взгляд на демократию, в сущности, исключал идею завоевания рабочим классом политической власти. К тому же Бернштейн полагал, что рабочий класс не созрел и еще очень долго не созреет для этого. Тем более беспредметным оказывался, с его точки зрения, вопрос о том, при каких условиях и как именно осуществится переустройство на социалистических началах всей системы общественных отношений. Он писал: «Я твердо убежден в том, что уже ныне живущее поколение увидит осуществленным очень многое из социализма — если и не в его патентованной форме, то на деле... Я открыто признаю, что не вижу большого смысла и крайне мало интересуюсь тем, что обычно понимают под “конечной целью социализма”. Эта цель — что бы она ни означала — для меня ничто, движение же — все. А под движением я понимаю как всеобщее движение общества, т.е. социальный прогресс, так и политическую и экономическую агитацию и организацию для осуществления этого прогресса».

Бернштейн, таким образом, не отбрасывал вообще идею социалистического переустройства общества, но мыслил социализм как результат постепенной, очень длительной эволюции и слишком отдаленную перспективу, чтобы черпать в ней импульс для реальной практической деятельности социал-демократов. Такая политическая позиция сама по себе не была новой в социалистическом движении и во многом напоминала реформистские идеи, имевшие хождение еще с конца 70-х — начала

80-х годов. Но у Бернштейна она опиралась на критику марксизма как теории, причем эта критика исходила не из буржуазного лагеря, а от социал-демократа, который имел репутацию марксиста и сам считал себя таковым.

Публикации Бернштейна сразу же вызвали активный отклик, прежде всего потому, что социал-демократия ощущала настоятельную потребность заново сверить свой идейный багаж с изменившимися историческими реалиями. Бернштейн нашел немало единомышленников как в СДПГ и других рабочих партиях, так и в кругах либеральной интеллигенции, заговорившей в связи с его выступлениями о кризисе марксизма (Б. Кроче в Италии, Т. Масарик в Австро-Венгрии, «легальные марксисты» в России). Но в социал-демократической среде преобладало несогласие с тем, как ответил Бернштейн на поставленные временем вопросы. С критикой его идей выступили в печати или на партийных съездах социалистические лидеры и теоретики как старшего, так и более молодого поколения: А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, К. Цеткин, Р. Люксембург (Германия), Ж. Гед, П. Лафарг (Франция), Антонио Лабриола (Италия), Г.В. Плеханов, В.И. Ленин (Россия). СДПГ подтвердила свою приверженность принципам Эрфуртской программы и отказалась пересмотреть ее в предложенном Бернштейном направлении. Из партий II Интернационала такой пересмотр осуществила (в 1901 г.) только австрийская социал-демократия.

Оппоненты Бернштейна справедливо обратили внимание на шаткость многих доводов, которыми он обосновывал свою позицию. Подвергая критике марксизм, Бернштейн зачастую не проводил различия между взглядами самого Маркса и их позднейшими вульгарными истолкованиями. Не соответствовало истине утверждение, будто, по Марксу, положение рабочего класса в капиталистическом обществе лишь неизменно ухудшается — Маркс всегда учитывал также, что рабочий класс своей борьбой противодействует этой тенденции. Оспаривалась и доказательность статистических данных, которыми Бернштейн подкреплял свои соображения о том, в каком направлении развивается современная ему экономика.

Но тонкости теоретической полемики с Бернштейном вряд ли воспринимались теми, кто составлял массовую базу социалистического движения в Германии и других европейских странах. Для рядовых социал-демократов главное заключалось в том, сохранит ли их партия самостоятельную политическую роль или откажется от нее. Поэтому на низовом уровне находили поддержку прежде всего призывы социал-демократических лидеров (таких как Бе-

бель) к верности партийным традициям и принципам классовой борьбы.

Позиции обеих сторон в дискуссии между ревизионистами и их противниками следует оценивать с учетом как условий того времени, так и позднейшего исторического опыта. И та и другая опирались на реальные, но разнонаправленные тенденции, которые начали проявляться на стыке двух столетий.

Так, изменения в положении рабочего класса носили неоднозначный характер: верхний его слой интегрировался в капиталистическую систему, основной же массе рабочих по-прежнему приходилось добиваться отвечающего возросшим потребностям улучшения условий своего труда и жизни в упорной борьбе с хозяевами, испытывать болезненные последствия капиталистической рационализации производства, лишения, связанные с безработицей, и т.д. В странах Запада наблюдался прогресс в осуществлении реформ и развитии демократических институтов, но считать его необратимым и делать отсюда чисто эволюционистские выводы было по меньшей мере преждевременным (90-е годы ознаменовались в Германии угрозой нового исключительного закона против социалистов, во Франции — атаками клерикально-монархических сил против республиканского строя, в Италии — авторитарными действиями кабинетов Криспи и Пеллу). По-разному в разных странах складывалась судьба мелкого производства в земледелии, которому ревизионисты приписывали не предвиденную Марксом устойчивость. Подобным же образом и по другим вопросам, оказавшимся на пороге XX в. в центре споров в социалистическом движении, каждая из сторон могла найти в тогдашней действительности доводы в пользу собственной точки зрения.

Лишь в более длительной исторической перспективе могло выявиться, какие из наметившихся тенденций возобладают и закрепятся. Многие утверждения Бернштейна имели спорное обоснование и не были адекватны реальности начала XX в., но в чем-то обогнали время, предвосхитив определенные черты другой, более поздней эпохи. Тот эволюционный путь общественного развития, который Бернштейн считал магистральным для стран Запада, как таковой утвердился в Западной Европе преимущественно во второй половине XX столетия. И это произойдет после затронувших также и Запад исторических потрясений огромного масштаба, которые не вписывались в эволюционистские прогнозы.

Вопросы тактики на Парижском и Амстердамском конгрессах II Интернационала. Дискуссия вокруг поставленных Бернштейном проблем имела продолжение в спорах о тактике социалис-

тического движения, ее принципиальных основах и конкретных способах осуществления.

На Парижском (1900) конгрессе II Интернационала центральное место занял вопрос о путях завоевания политической власти и о блоках с буржуазными партиями. Отчасти он уже затрагивался на предыдущих конгрессах, но в такой развернутой постановке обсуждался впервые. Непосредственным поводом к этому стали выступления Бернштейна и «казус Мильерана» во Франции.

Вызванные участием Мильерана в правительстве расхождения среди французских социалистов касались как принципиальной допустимости, так и практической целесообразности подобного шага. Ж. Жорес оправдывал действия Мильерана прежде всего интересами защиты республики, с ним были солидарны все, кто — как и он сам — тяготел к реформистским позициям. Противников министерализма (т.е. принятия социалистом министерского поста) возглавляли Ж. Гед, П. Лафарг, участник Парижской Коммуны Э. Вайян. Анкета, направленная Жоресом видным социал-демократическим деятелям других стран, выявила и среди них различные точки зрения на этот счет. На вопрос, могут ли социалисты вступать в буржуазные правительства, ответили положительно Э. Бернштейн, Г. Фольмар (Германия), Д. Кейр Гарди, Т. Манн (Англия), Л. Бертран (Бельгия), Г. Ван-Кол (Нидерланды); отрицательно — В. Либкнехт, А. Бебель, К. Каутский, Б. Шенланк (Германия), Г. Гайндман, Г. Квелч (Англия), Э. Вандервельде (Бельгия), Э. Ферри, Антонио Лабриола (Италия), П. Иглесиас (Испания), Г.В. Плеханов (Россия).

По обсуждаемому вопросу конгрессу были представлены два проекта резолюции. Один из них разработал Каутский, другой — Гед при участии Ферри.

В проекте Каутского вопрос о пути пролетариата к власти в общем виде излагался в формулировках, приемлемых для реформистов (длительная работа в области политической и экономической организации пролетариата, постепенное завоевание мест в представительных органах). Но при этом отмечалось, что вступление отдельного социалиста в буржуазное правительство «не должно рассматриваться как нормальное начало завоевания политической власти и может быть лишь временным и исключительным шагом, к которому вынуждают обстоятельства». Имеются ли налицо такие обстоятельства, предлагалось считать «вопросом тактики, а не принципа», относящимся к компетенции лишь партии, которая с ним встретится.

Альтернативный проект Геда—Ферри допускал возможность как мирного, так и насильственного завоевания пролетариатом

власти, уточняя, что в любом случае оно будет означать «политическую экспроприацию класса капиталистов». Авторы этого проекта настаивали на том, что по отношению к буржуазным правительствам социалисты должны оставаться в «непримиримой оппозиции» и всякое их участие в таких правительствах следует запретить.

Имя Мильерана ни в том, ни в другом проекте не упоминалось, но в ряде выступлений (Ж. Жореса, немецкого реформиста И. Ауэра, бельгийца Э. Анселя) он получил поддержку. При голосовании проект Каутского был принят. Противники резолюции Каутского, намекая на ее компромиссный характер, окрестили ее «каучуковой».

После Парижского конгресса противостояние двух линий в вопросах тактики не прекратилось, а стало еще более явным. Участие социалиста в правительстве, которое «каучуковая» резолюция признавала как допустимое при особых обстоятельствах исключение, министриалисты во главе с Жоресом стали трактовать как имеющий принципиальное значение «новый метод», применение которого желательно везде, где это возможно. С другой стороны, с резкой критикой «нового метода» выступили не только традиционные противники министриализма — гедисты во Франции, но и представители левого крыла СДПГ (Карл Либкнехт, Роза Люксембург). На съезде СДПГ в Дрездене (1903) подавляющим большинством голосов была принята резолюция, предложенная Бебелем, где осуждались требования ревизионистов изменить тактику партии в реформистском духе и министриалистские поползновения.

По инициативе гедистов в повестку дня Амстердамского конгресса (1904) был включен первым пунктом вопрос о международных правилах социалистической тактики, а резолюция Дрезденского съезда СДПГ принята за основу при выработке соответствующего проекта решения. Большинство сначала в комиссии, а затем и на пленуме конгресса поддержало проект, основанный на дрезденской резолюции.

Принятое конгрессом решение формально не отменило «каучуковой» резолюции 1900 г., но по существу означало отказ от компромисса с реформистами. В нем высказывалось принципиально отрицательное отношение к министриализму и к поддержке социалистами бюджетных ассигнований, служащих сохранению власти за господствующим классом. Конгресс заявил, что он «самым решительным образом отвергает ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и успешную, основанную на классовой борьбе тактику таким образом, чтобы на место завоевания политической власти в результате победы над нашими

противниками поставить политику уступок существующему порядку».

Тактика блоков с буржуазными партиями на парламентском уровне и в форме участия социалистов в коалиционных правительствах будет прочно освоена западноевропейской социал-демократией лишь в Новейшее время. В предвоенный же период даже те, кто стоял на реформистских позициях, сами еще не были готовы к такому сотрудничеству, хотя в принципе и стремились к нему. Вплоть до Первой мировой войны «казус Мильерана» так и остался единственным в своем роде. Также и парламентская поддержка социалистами проводивших реформаторскую политику правительств даже там, где она в начале XX в. какое-то время практиковалась (в Италии, во Франции), не приобрела систематического характера и не дала заметных результатов.

Споры о тактике возникали на Парижском и Амстердамском конгрессах и в другой связи — при обсуждении вопроса о всеобщей стачке. На предыдущих конгрессах II Интернационала идея всеобщей стачки уже выдвигалась, но в специфически анархистском или полуанархистском истолковании (всеобщая экономическая стачка как средство покончить с капитализмом, всеобщая стачка в ответ на объявление войны), что и определило отрицательное отношение к ней. Однако постепенно накапливался реальный опыт использования всеобщей стачки как средства политической борьбы, побуждавший взглянуть на нее по-иному. В Бельгии в 1893 г. всеобщая политическая стачка привела к первому, хотя и частичному успеху в борьбе за демократизацию избирательной системы, а в 1902 г. с той же целью была применена снова. Подобный же путь борьбы за избирательную реформу начиная с 90-х годов находил широкую поддержку в Австрии, в 1902 г. был испробован в Швеции. С другой стороны, массовая или всеобщая стачка стала использоваться как форма политического протеста (против проектов антирабочего законодательства — в Нидерландах в 1903 г., против кровавых расправ с участниками массовых выступлений на Юге — в Италии в 1904 г.).

Большинство этих событий имело место уже после Парижского конгресса, который в истории дискуссий о всеобщей стачке во II Интернационале примечателен главным образом тем, что впервые занялся этим вопросом специально. При его обсуждении выявилась несколько иная расстановка сил, чем в дебатах вокруг «казуса Мильерана». Среди тех, кто высказывался за всеобщую стачку как средство не только борьбы за реформы, но и революционного ниспровержения капитализма, были сочувст-

вовавшие Мильерану Ж. Жорес и А. Бриан, тогда как самыми активными ее противниками были реформистские профсоюзные деятели, опасавшиеся, что она может привести к разгрому профсоюзов (их общую точку зрения защищал К. Легин, Германия). В принятой конгрессом резолюции со ссылкой на предшествующие решения отрицалась возможность всеобщей стачки интернационального масштаба.

Однако к моменту Амстердамского конгресса ситуация во многом изменилась. За применение массовой политической стачки высказались съезды или руководящие органы Социалистической партии Франции (гедисты), Бельгийской рабочей партии, Социал-демократической рабочей партии Нидерландов.

Амстердамский конгресс в своей резолюции признал абсолютно всеобщую стачку неосуществимой, но высказался в поддержку массовой стачки, считая, что она может быть «крайним средством для достижения значительных общественных изменений или для отпора реакционным покушениям на права рабочих». Резолюция предостерегала рабочих от увлечения анархистской пропагандой в пользу всеобщей стачки и от пренебрежения повседневной борьбой в русле профсоюзной, политической и кооперативной деятельности. Специально в отношении политической стачки подчеркивалось, что в тех случаях, когда она представляется необходимой и полезной, ее успех зависит от единства, силы, организованности рабочего класса. Тем самым II Интернационал начал вводить в арсенал признаваемых им тактических средств одну из важных форм массового политического действия.

Международная социал-демократия и российская революция 1905—1907 гг. С началом в 1905 г. революции в России в социал-демократической печати стран Запада стали появляться материалы о ней, предпринимались попытки уяснить ее характер, особенности, возможные перспективы, ставился и вопрос о том, каково ее значение в интернациональном плане.

Обсуждение проблем русской революции способствовало более отчетливой кристаллизации течений во II Интернационале. Реформисты считали эту революцию аномалией, обусловленной тем, что отсталая, являющаяся деспотическим государством Россия не может (по словам единомышленника Бернштейна Р. Кальвера) идти «путем органических реформ, который мы признаем наилучшим для Германии и культурных государств вообще и который ведет к цели...» Противники же реформизма увидели в русской революции стимул к пробуждению революционной активности также и на Западе и сильнейший довод в опровержение эволюционистских взглядов. Наиболее яркий пример тому —

позиция Р. Люксембург. Отмечая, что почти одновременно с революцией в России началась всеобщая стачка горняков Рура в Германии, она писала, что наступает конец «долгой фазы малой парламентской войны», ей на смену идет «период стихийных массовых битв».

В оценках содержания и возможных результатов русской революции среди западноевропейских социалистов разных направлений преобладало мнение, что речь идет о значительно запоздавшей сравнительно с Западом буржуазной революции, которая в случае победы утвердит в России подобный же либерально-парламентский строй. Очевидной для всех (в том числе и для реформистов) была более значительная, чем в западных странах, роль в российской революции рабочего класса, но из этой констатации делались различные выводы.

Бернштейн настаивал на том, что буржуазные рамки революции жестко предопределены уровнем экономического развития России, и делал упор на предупреждении от попыток выйти за эти рамки. Примерно так же рассуждали лидеры итальянских реформистов. Гедисты во Франции тоже считали, что русская революция, «прежде чем стать социалистической, должна по необходимости пройти через либеральный этап», но в России он может оказаться менее длительным, чем на Западе, так как «действительно революционным элементом в русском обществе является пролетариат» (Ш. Дюма).

Каутский с самого начала русской революции отметил как то, что она «по своим последствиям может быть лишь буржуазной», так и решающий вклад в ее осуществление рабочего класса. В дальнейшем он яснее других представителей европейской социал-демократии разглядел роль крестьянства как одной из движущих сил революции и пришел к выводу о необходимости союза между рабочим классом и крестьянством. С другой стороны, Каутский прямо исключил из числа движущих сил российской революции либеральную буржуазию, поскольку она «проникнута к революции большей ненавистью, чем к самодержавию, и требует политической свободы прежде всего в надежде положить с ее помощью конец революции». Ввиду этого он считал правильным рассматривать революцию в России «не как буржуазную в традиционном смысле — но и не как социалистическую революцию, а как совершенно своеобразный процесс, который происходит на стыке между буржуазным и социалистическим обществом, способствует исчезновению первого, подготавливает возникновение второго и во всяком случае сильно продвигает вперед развитие всей той части человечества, которая живет в условиях капиталистической цивилизации».

Высказывалась — но как редкое исключение — и такая точка зрения, согласно которой рабочий класс в состоянии сделать путь от буржуазной к социалистической революции в России практически непрерывным (Э. Вайян во Франции, Ф. Меринг в Германии). Наконец, Р. Люксембург считала, что происходящая в России революция буржуазна лишь по своей политической форме, а по глубинному содержанию уже является пролетарской, социалистической.

Подобная оценка не отвечала действительному характеру революции 1905—1907 гг., но по крайней мере отчасти проистекала из того, что Р. Люксембург острее многих других чувствовала, как непохожа эта революция на предшествующие и по степени самостоятельности рабочего класса, и по методам его борьбы. Настаивая на беспрецедентности, своеобразии русской революции, представители левого крыла СДПГ подчеркивали этим ее значение как источника нового опыта, который европейским социалистам следует изучать и осваивать. Они были убеждены в том, что русская революция приближает эпоху новых революционных битв также и на Западе.

Революция в России наглядно продемонстрировала эффективность такого способа борьбы, как всеобщая политическая стачка, и дала новый импульс обсуждению этого вопроса социал-демократическими партиями Запада. Всеобщую политическую стачку теперь часто называли «русским методом». В СДПГ ее активно пропагандировали левые, призывая рабочих «заговорить по-русски» с правящими классами собственной страны. На съезде СДПГ в Иене в 1905 г. была принята резолюция в поддержку массовой политической стачки. Такую стачку предполагалось использовать в борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии (пруссский ландтаг избирался по реакционной трехклассной системе). Под воздействием русской революции развернулось массовое движение за всеобщее избирательное право в обеих частях Австро-Венгрии. В Австрии социал-демократия на своем съезде 1905 г. высказалась за всеобщую стачку с этим требованием. В конце ноября 1905 г. в день открытия сессии парламента стачка была объявлена, в крупнейших городах она сочеталась с многотысячными демонстрациями. Правительство было вынуждено приступить к подготовке избирательной реформы (закон о всеобщем избирательном праве будет принят в январе 1907 г.). В Венгрии массовые выступления также могли вылиться во всеобщую стачку, но правительству удалось предотвратить ее обещанием ввести всеобщее избирательное право, так и оставшимся невыполненным.

Однако в условиях, когда использование массовой стачки из предмета отвлеченных споров стало превращаться в вопрос практической политики, усилилось и исходившее от реформистов противодействие ее применению. В частности, крупнейшая партия II Интернационала — СДПГ — стала в этом пункте все более явно переходить на реформистские позиции. Партийное руководство под нажимом реформистских профсоюзных лидеров отказалось от пропаганды массовой политической стачки.

К 1910 г. от идеи массовой стачки отказался и ведущий теоретик СДПГ К. Каутский. Еще за год до этого он писал (как и во время русской революции) о «наступающей революционной эре», а теперь выступил против активных массовых действий («стратегии низвержения») в пользу «стратегии измора».

Перед партийным съездом 1910 г. Каутский опубликовал статью, где в аллегорической форме призвал СДПГ не идти ни за крайне правыми, ни за левыми и занять позицию между теми и другими. Защищаемая Каутским линия нашла сторонников и в других партиях II Интернационала (часть гедистов во Франции, меньшевистское крыло РСДРП). Он стал идеологом формирующегося нового течения в международной социал-демократии, которое получит наименование центристского.

Главные же расхождения в социалистическом движении начала XX в. проявлялись в понимании задач, связанных с ростом военной угрозы.

II Интернационал и проблемы войны, мира, борьбы против милитаризма (1900—1914). К вопросу о войнах и средствах противодействия им II Интернационал обращался постоянно с самого своего основания. Но особую актуальность это направление его деятельности приобрело в XX в., начавшемся под знаком резкого усиления международной напряженности.

Парижский конгресс собрался в момент, когда лишь недавно закончилась испано-американская и еще продолжалась англо-бурская война, а буквально перед самым конгрессом совместными усилиями великих держав было подавлено антиимпериалистическое восстание в Китае. Этими событиями подсказывалось обсуждение на конгрессе двух взаимосвязанных вопросов: о мире между народами, о милитаризме и о постоянных армиях (докладчик Р. Люксембург) и о колониальной политике капиталистических государств (докладчик Г. Ван-Кол).

Резолюция по докладу Р. Люксембург была принята единогласно. В ней говорилось о необходимости «перейти от более или менее платонических демонстраций интернациональной солидарности в политической области к энергичному международному действию, к совместной борьбе против милитаризма и

...мировой политики». Рекомендовалось вести систематическую антимилитаристскую пропаганду среди молодежи. От социалистов-парламентариев резолюция требовала голосовать против расходов на любые военные нужды, включая колониальные экспедиции. В резолюции по докладу Ван-Кола указывалось на связь конфликтов между правительствами, шовинизма и милитаризма с колониальной экспансией, против которой конгресс призвал бороться всеми средствами, имеющимися в распоряжении организованного пролетариата.

На Амстердамском конгрессе, проходившем во время русско-японской войны, она была единодушно осуждена как война правительств, а не народов двух стран. Символическим выражением этой интернационалистской позиции стало избрание вице-председателями конгресса Г.В. Плеханова и японского социалиста Сен Катаямы и их рукопожатие, встреченное бурной овацией делегатов.

Однако со стороны реформистского течения уже тогда стали проявляться идущие вразрез с принципами интернационализма великодержавные, националистические тенденции. В повестке дня и Амстердамского, и следующего — Штутгартского конгресса (1907) вновь значился вопрос о колониальной политике. Докладчиком в обоих случаях опять был Ван-Кол, но теперь он говорил не только о зверствах колонизаторов, ограблении «туземцев» и т.п. Все более отчетливо у него звучала мысль, что колонии не готовы к самоуправлению, что даже при социализме их немедленное освобождение невозможно, что и сам победивший рабочий класс не сможет обойтись без них.

В выработанном при участии Ван-Кола проекте резолюции Штутгартского конгресса было сказано, что конгресс «не отвергает в принципе и на все времена всякую колониальную политику; при социалистическом режиме она может оказать цивилизующее воздействие». В комиссии этот проект поддержало большинство ее членов (в том числе Бернштейн), но на пленарном заседании он был принят с поправкой, перечеркнувшей положение о совместимости колониализма с социалистическим строем.

Еще раз интернационализм подвергся испытанию на прочность при обсуждении на Штутгартском конгрессе вопроса об эмиграции и иммиграции. Реформисты из стран, куда направлялся значительный поток иммигрантов (США, Австралия), под флагом защиты интересов коренных рабочих требовали запрещения или ограничения иммиграции — прежде всего из Азии. Но большинство делегатов отвергло эту позицию. Принятая резолюция осуждала всякую дискриминацию иммигрантов по нацио-

нальному или расовому признаку, требовала повсеместно обеспечить им неограниченный доступ в профсоюзы, обязывала социал-демократические партии бороться в защиту их прав и заботиться об их нуждах.

Главное место на Штутгартском конгрессе занял вопрос о борьбе с милитаризмом и военной опасностью (докладчик А. Бебель). При его обсуждении обнаружился особенно большой разброс мнений, дискуссия была продолжительнее и острее, чем когда-либо раньше. На этот раз в нее вместе с Р. Люксембург и другими западноевропейскими левыми активно включился В.И. Ленин, с 1905 г. являвшийся представителем РСДРП в МСБ и впервые участвовавший в конгрессе II Интернационала.

В комиссию, где первоначально обсуждался доклад Бебеля, были представлены четыре проекта резолюции — самим Бебелем, Жоресом и Вайяном (от большинства СФИО), Гедом (от ее меньшинства) и Г. Эрве — французским делегатом, близким к анархо-синдикализму. Проект Бебеля был наиболее обстоятельным, он давал марксистское теоретическое обоснование антивоенной позиции социалистов, но лишь в самой общей форме говорил о том, как эта позиция должна преломляться в практической деятельности: «В тех случаях, когда грозит война, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламентах обязаны употребить все самые действенные средства к тому, чтобы воспрепятствовать ее возникновению, а если война все же разразится — стремиться к быстрому ее окончанию». По этому пункту Бебеля наиболее резко возражал Эрве, настаивавший на активных антивоенных действиях, но понимаемых в духе его ультра-левых взглядов (в своем проекте Эрве предлагал ответить на всякое объявление войны массовым отказом от явки на призывные пункты и восстанием). Проект Жореса—Вайяна обязывал социалистов бороться против милитаризма и военной угрозы, добиваясь радикальной демократизации армии (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа), а в случае возникновения войны солидаризироваться со страной, подвергшейся нападению. Наконец, проект Геда по общей направленности был близок к проекту Бебеля, но связь между капитализмом и войнами трактовал более прямолинейно и с фаталистическим оттенком. Гед считал, что поскольку милитаризм и войны порождаются капиталистическим строем, единственным средством борьбы с ними является направленная на свержение капитализма социалистическая организация рабочих всех стран; при капитализме же социалисты могут добиваться лишь ослабления военной опасности с помощью частичных мер в духе прежних решений II Интернационала.

При рассмотрении этих проектов в комиссии предметом острых споров стал вопрос об отношении социалистов к защите отечества, о том, совместима ли интернационалистская антивоенная позиция с патриотизмом. На фоне целой серии локальных войн и международных кризисов было уже очевидно, что надвигается война, не похожая на предыдущие, что к ней готовятся все великие державы, что одной из сильнейших пружин, толкающих к войне, является их соперничество в борьбе за господство над колониями. В социалистическом движении уже имели хождение такие понятия, как «империализм» (в общеупотребительном тогда смысле, связанном с колониальной экспансией), «империалистическая война». Но и Бебель, и в особенности Жорес оценивали предстоящую войну лишь с точки зрения того, кто ее начнет, будет ли она оборонительной или наступательной. Из этих посылок представитель правого крыла СДПГ Г. Фольмар сделал вывод, что в случае объявления войны немецкие социал-демократы должны защищать свое отечество от нападения и проявить себя «хорошими немцами». Противоположной крайностью была позиция Эрве. Он считал (ссылаясь при этом на «Коммунистический манифест»), что для рабочего класса лишено смысла само понятие отечества, и поскольку для пролетариев безразлично, в какой стране и при каком политическом строе они живут, их ответ на любую войну должен быть повсюду одинаковым.

Делегаты конгресса от российской социал-демократии, германских и польских левых совместно выработали четыре поправки к проекту Бебеля, которые были представлены в комиссию Лениным, Ю.О. Мартовым и Р. Люксембург. В конечном счете поправки были приняты комиссией. В них указывалось на то, что проповедь национализма отвлекает рабочий класс от долга международной классовой солидарности, на необходимость социалистической пропаганды среди молодежи и военнослужащих, а главное — конкретизировалась чересчур абстрактная заключительная часть проекта Бебеля. В отношении мер, которые надлежит принять в ответ на грозящее объявление войны, было сказано, что они, «естественно, изменяются и усиливаются соответственно обострению классовой борьбы и общей политической обстановке». И, наконец, в случае, если война все же начнется, рабочим вовлеченных в нее стран и их представителям в парламентах вменялось в обязанность не только выступать за быстрое ее окончание, но и «всеми силами стремиться использовать порождаемый войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов».

Дополненный поправками проект Бебеля был принят в качестве резолюции Штутгартского конгресса. По сравнению с предыдущими документами II Интернационала по вопросам антивоенной борьбы она отличалась значительно большим радикализмом. В ней была выдвинута более широкая программа действий, направленных на предотвращение войны, и впервые намечена перспектива революционного выхода из войны в случае, если предотвратить ее не удастся.

На Копенгагенском конгрессе (1910) правое крыло в лице немецкой и австрийской делегаций попыталось усилить в антивоенных установках Интернационала крен в сторону чисто парламентских средств борьбы, а часть французских и английских делегатов отстаивала как наиболее эффективное средство для предотвращения войны всеобщую стачку (особенно в отраслях производства, работающих на военные нужды). Но в итоге были подтверждены основные тактические положения штутгартской резолюции — с дополнением, обязывавшим социалистические партии и их представителей в парламентах добиваться от правительств сокращения вооружений и разрешения межгосударственных конфликтов третейским судом.

Вскоре после Копенгагенского конгресса международная напряженность снова усилилась: возник чреватый франко-германским столкновением второй марокканский кризис, началась итало-турецкая война, вот-вот мог вспыхнуть пожар на Балканах. В ответ на это в Европе стало разворачиваться массовое, являвшееся ярким выражением интернационалистских чувств антивоенное движение — собрания, митинги, встречи рабочих сопредельных стран в пограничных местностях и т.д. Крупнейшие из таких антивоенных манифестаций охватывали десятки тысяч человек, перед собравшимися выступали лучшие социалистические ораторы, иногда — из разных стран. МСБ призывало все социалистические партии возглавить и усилить движение протеста против военной угрозы.

После начала первой Балканской войны был созван чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле. Он занимался единственным вопросом: международное положение и объединение действий против войны. Речь шла не только о прекращении войны на Балканах, но и о том, как предотвратить ее расширение до общеевропейского масштаба.

К этому времени в социалистическом движении помимо уже определившихся раньше взглядов на войну и антивоенную деятельность выявилась еще одна позиция, которую отстаивал К. Каутский и некоторые другие деятели СДПГ. Они считали, что гонка вооружений разорительна для самих господствующих клас-

сов и это в конце концов заставит правительства договориться между собой и предпочесть войне мирное соглашение. Антивоенную деятельность социалистов Каутский предлагал ограничить чисто пропагандистской кампанией, отвергая массовые действия как обреченные на неудачу и пагубные по возможным последствиям (особенно во время войны, если она все же начнется).

Но на конгрессе возобладал другой настрой. Вмещавший несколько тысяч человек собор, где предполагалось провести связанный с конгрессом митинг, оказался слишком тесен, рядом на площади пришлось организовать второй митинг, собравший около 15 тыс. участников. Все выступавшие — а это были представители разных течений — говорили о нависшей над миром небывалой опасности, о всемирном масштабе надвигающейся войны, об ее империалистическом, захватническом характере, о том, что отвлечь эту угрозу могут только объединенные усилия рабочих всех стран.

Итоговым документом Базельского конгресса стал единодушно принятый манифест, который содержал именно такую оценку войны, подготовляемой господствующими классами. В смысле тактических рекомендаций он вообрал в себя все, что было закреплено в предшествующих решениях II Интернационала, в том числе и на случай, если дело дойдет до войны. Напоминая о том, что в свое время франко-прусская война способствовала возникновению Парижской Коммуны, а русско-японская война — началу революции в России, манифест предупреждал: «Если правящие власти, уничтожая всякую возможность нормального развития, тем самым толкнут пролетариат на отчаянные шаги, то они сами понесут ответственность за последствия вызванного ими кризиса».

Начавшаяся летом 1914 г. мировая война станет для международной социал-демократии решающей практической проверкой ее готовности следовать взятым на себя обязательствам. В сущности, с войной завершится деятельность II Интернационала в его прежнем виде, «эпоха II Интернационала» в международном социалистическом движении.

Глава 21

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ХОД военных действий и дипломатическая борьба

ПЛАНЫ СТОРОН И РАССТАНОВКА СИЛ

Противоречия между основными державами, созревшие на рубеже XIX—XX вв. и резко обострившиеся в первое десятилетие нового века, вывели всю систему отношений между ними на грань войны. Начиная с 1910 г. участники противостоящих друг другу коалиций вступили в стадию непосредственной подготовки к войне. Были скорректированы стратегические планы, резко увеличены ассигнования на военные цели, осуществлялись дополнительные, притом весьма интенсивные программы вооружения. Принятые в 1910—1912 гг. новые законы о воинской обязанности, увеличивавшие сроки действительной службы и снижавшие призывной возраст, позволяли основным участникам будущей войны в течение двух-трех лет резко увеличить численность кадровых частей. Пересмотрены были мобилизационные планы, схемы развертывания, выдвижения войск. Принимались на вооружение и энергично осваивались новые образцы военной техники. Наконец, Балканские войны окончательно уточнили расстановку сил и в этом районе Европы, способствовали в значительной степени завершению формирования противостоящих коалиций.

Наиболее конкретными и разработанными были военные планы Германии. Утвержденный еще в 1905 г. план будущей войны был сформулирован Альфредом фон Шлиффеном, начальником германского Генерального штаба в 1891—1906 гг. Основные черты плана Шлиффена определялись необходимостью для Германии вести войну на два фронта — против Франции и России. Понимая трудность борьбы на два фронта, германские военачальники планировали разгромить противников по отдельности. На первом этапе войны наибольшую опасность представляла для Германии французская армия. Немцы хорошо знали, что русская армия, обладавшая численным превосходством, может приступить к активным действиям только через шесть недель после

объявления Россией всеобщей мобилизации. Таким образом, ставилась задача стремительного, «молниеносного» разгрома Франции. Однако франко-германская граница была прикрыта линией долговременных укреплений, создававшихся на протяжении многих лет. Преодоление линии «крепостей», а практически мощных укрепленных районов, расположенных по линии Верден — Туль — Эпиналь — Бельфор, удачно расположенных на местности, могло привести к чрезмерным потерям, обескровить немецкую армию.

По плану Шлиффена Западный фронт делился на две неравные части. Левый фланг армии должен был состоять всего из 8 дивизий и занимать всю сильно укрепленную франко-германскую границу на протяжении 275 км. Правый фланг, составлявший так называемую «армию захождения», состоял из 70 дивизий и должен был постоянно подпитываться новыми соединениями. Опираясь своим левым крылом на укрепленный район Мец — Тионвиль, правое крыло армии захождения должно было занять Бельгию, нарушив нейтралитет этой страны, и, стремительно продвигаясь по северофранцузской низменности, а затем вдоль морского побережья, повернуть севернее Руана на юго-восток. В результате немецкая армия выходила бы к Парижу с запада. Французская армия была бы отброшена к укрепленным позициям на реке Мозель, стиснута между лотарингскими укрепленными районами немцев, Юрским горным массивом, швейцарской границей и уничтожена. Занятие бельгийского и французского побережья практически обезвредило бы Англию. Все это время русский фронт должен был удерживаться минимальным количеством немецких частей и всей мощью австро-венгерской армии. После разгрома Франции основная часть немецкой армии была бы переброшена на Восточный фронт для совместных с австро-венгерской армией действий против России.

Участь войны, таким образом, должна была решиться на Западном фронте, на сравнительно ограниченном пространстве в минимальное время. Немецкие военные вложили много сил в техническую подготовку плана Шлиффена. Прекрасно дисциплинированная и отлично подготовленная немецкая пехота представляла собой грозную силу. Германская армия обладала подавляющим превосходством в тяжелой артиллерии. Отлично разработанная была и система переброски войск по железным дорогам. Однако к 1914 г. возможности успешной реализации этого плана снизились. Возросшая боевая мощь русской армии потребовала усиления немецкой группировки на Восточном фронте. Даже временное вторжение русских войск в Силезию грозило Германии тяжелейшими экономическими последствиями. Практически исчезла возможность войны между Россией и Японией, что

заставило бы Россию распылить силы. Австро-Венгрия не могла сдерживать Россию даже всей мощью своей армии, поскольку часть ее сил отвлекал бы Сербский фронт.

Не лучше для Германии складывались дела и на западе. Участие Италии в войне на стороне Германии становилось все более проблематичным, французы могли без опасений перебрасывать войска с юго-восточной границы на главное направление. Возросшее экономическое значение для Германии Эльзаса — Лотарингии и Рура, без которых ведение ею войны было практически невозможным, потребовало усиления левого крыла немецкой армии, т.е. прямого нарушения плана Шлиффена.

Руководствуясь этими соображениями, преемник Шлиффена граф Г. Мольтке-младший (племянник победителя французов в 1870—1871 гг.) усилил левый фланг. Если по первоначальному плану соотношение сил правого и левого флангов было 7:1, то к 1914 г. — всего 3:1.

Французский план, так называемый «план XVII», строился на нескольких ошибочных предположениях. Во-первых, считалось, что германские армии будут сосредоточены вдоль франко-германской границы. Во-вторых, количество противостоящих немецких войск грубо занижалось. В результате план французов предусматривал решительную атаку в Лотарингии, где и сосредоточивались основные их силы.

Французский и британский Генеральные штабы рассматривали возможность наступления германской армии через территорию Бельгии и Люксембурга. Однако при этом не предполагалась значительная глубина вхождения немцев на территорию Бельгии. Не были предприняты меры по укреплению франко-бельгийской границы. Ни французы, ни англичане не собирались первыми вторгаться в Бельгию, не желая взваливать на себя политические последствия нарушения бельгийского нейтралитета. Не было предусмотрено ни использование бельгийской территории, ни взаимодействие с бельгийской армией. Слабо отработано было и взаимодействие между французами и англичанами (перевоска английских войск на континент началась только после начала войны).

Стратегический план русской армии также не отличался большой определенностью. На русско-германском фронте предполагалось занять Восточную Пруссию, переправиться через реку Вислу и завладеть ее устьем. Тем самым были бы созданы благоприятные предпосылки для действий с территории Царства Польского даже на берлинском направлении (вместе с тем русское командование не решалось в полной мере использовать польский плацдарм, опасаясь за его политическую надежность). На другом стратегическом направлении ставилась задача разгромить австро-венгер-

ские армии, занять карпатские перевалы, отсечь австрийцам пути отступления на Краков.

Рядовой, унтер-офицерский и младший офицерский состав кадровой русской армии не уступал потенциальному противнику, однако высший командный состав был буквально заражен безынициативностью, нерешительностью. Главной проблемой была слабость управления крупными соединениями. Силы между германским и австрийским фронтами делились примерно поровну, русское командование так и не сумело выбрать направление главного удара и согласовать его с союзниками. Другой серьезнейшей слабостью русской стороны была неразвитость связи и коммуникаций, прежде всего железных дорог, вблизи предполагаемого театра военных действий.

Таким образом, стратегические планы всех без исключения сторон строились в расчете на скоротечную, маневренную войну. Подавляющее большинство политических и военных деятелей полагали, что возросшая экономическая взаимозависимость стран, их интегрированность в мировую экономику не позволят надолго порвать связи между ними, что делает если не войну вообще, то затяжную войну маловероятной. Недостаточно внимания уделялось подготовке промышленности к войне. Ошибочные расчеты относительно характера будущей войны вели к появлению нереальных норм снабжения армий.

Планы боевой подготовки войск при всей их тщательности игнорировали или очень слабо учитывали изменения, связанные с переходом от раннего к зрелому индустриальному обществу. При транспортировке упор делался на железные дороги, а в России и Австро-Венгрии немалую роль в снабжении армии играл и гужевой транспорт. Возможности, открытые появлением автомобиля, самолета, автоматического оружия, использовались слабо. Во всех армиях, за исключением немецкой, недоставало тяжелой артиллерии. Ни в одной армии всерьез не прорабатывались проблемы позиционной войны, прорыва устойчивого фронта, глубокой обороны. Уроки англо-бурской, русско-японской и Балканских войн не были должным образом изучены.

Сроки начала войны в немалой степени определялись готовностью сторон. К 1914 г. Германия завершила свою программу перевооружения, включая создание дополнительных железных дорог, позволявших в короткий срок перебрасывать войска с Западного фронта на Восточный. Не было большим секретом, что Франция и Россия должны были завершить аналогичные программы к 1917 г. Таким образом, с германской точки зрения соотношение сил в 1914 г. было наилучшим для Германии, а в дальнейшем оно могло только ухудшаться. С другой стороны,

Англия была откровенно обеспокоена ростом военно-морского могущества Германии. Хотя по количеству верфей, по мощности судостроительной промышленности Англия намного превосходила Германию, разрыв между ними сокращался. Применяя новые технологии, немцы строили свои крупные корабли быстрее. После завершения работ по расширению Кильского канала немцы могли перебрасывать свои самые крупные военные суда из Балтийского моря в Северное и обратно, не подвергая их опасности. Принцип «двухдержавного стандарта», согласно которому флот Британии должен был равняться двум следующим за ней по мощи флотам вместе взятым, находился под угрозой. Это обстоятельство во все большей степени подталкивало английскую внешнюю политику к поискам решительного выхода из англо-германского конфликта. К 1914 г. английский флот еще сохранял преимущество над немецким, в дальнейшем оно должно было сокращаться. В случае войны британские адмиралы могли рассчитывать на победу на море, однако Англия не обладала сухопутной армией, способной нанести поражение Германии. В рамках Антанты эта задача возлагалась на Россию и Францию.

Таким образом, ведущие державы в каждой коалиции рассматривали 1914 год как наиболее выгодное для военного конфликта время. Именно эта готовность к военному конфликту обеих сторон, противоречия между которыми во все большей степени определяли развитие международных отношений начала XX в., формировала всю совокупность обстоятельств развертывавшегося кризиса. Исход кризиса в конечном счете определялся готовностью обеих сторон к конфликту и даже стремлением к нему, нежеланием искать компромисса. В подобной обстановке дело было лишь за подходящим предлогом.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Июльский кризис. Непосредственным поводом для разворачивания международного кризиса стали события в Сараево 28 июня 1914 г. Город Сараево — столица Боснии, аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г., значительную часть его населения составляли сербы. 28 июня — день Св. Вита — был святой для сербов датой: в этот день в 1389 г. сербское войско потерпело поражение от турок в битве на Косовом поле, что привело к многовековому османскому игу. Именно в этот день в город прибыл наследник австрийского престола эрцгерцог

Франц-Фердинанд с супругой. В Боснии и Герцеговине действовали националистические организации разной степени радикализма. Некоторые из них были прямо или косвенно связаны со спецслужбами Сербии, России и других государств. Радикально настроенные сербские националисты склонны были рассматривать эрцгерцога как одного из главных своих врагов, своего рода олицетворение антисербской политики в ее наиболее одиозных, оскорбительных формах. Премьер-министр Сербии Н. Пашич, зная о деятельности тайных организаций, предупреждал австрийское правительство о возможности покушения на наследника австрийского престола. Австрийские службы безопасности также были в курсе дела, но не сочли нужным предпринимать что-либо. Дальнейший ход событий подтвердил предположение о том, что сараевское убийство носило во многом запланированный характер, готовилось как продуманная широкомасштабная провокация, рядовые исполнители и даже прямые организаторы которой не подозревали о действительных вдохновителях.

Во время проезда автомобиля с эрцгерцогом через город на него было совершено неудачное покушение: брошенная бомба не достигла цели. Однако визит не был прерван, кортеж продолжал следовать по установленному и заранее известному маршруту. Следующий покушавшийся, гимназист-серб Гаврила Принцип, достиг цели — эрцгерцог и его жена были застрелены. На первом же допросе Принцип заявил, что действовал из националистических побуждений.

Еще 12 июня в Конопиште, имении эрцгерцога, состоялось его свидание с кайзером Вильгельмом II. Во время этого свидания германский император одобрил план войны Австро-Венгрии с Сербией, завоевания ее, обещав полную поддержку. Маневры австрийской армии в Боснии, на которые спешил эрцгерцог, были прямой подготовкой к такой войне. Война против Сербии в значительной мере была predetermined и без сараевского убийства. Она должна была не только способствовать укреплению позиций германо-австрийского блока на Балканах, но по возможности и послужить детонатором общеевропейского конфликта.

Сразу же после покушения, 5 июля, во время встречи германского и австрийского императоров в Потсдаме кайзер одобрил план расправы с Сербией, т.е. фактически был взят курс на провоцирование войны. Первоначально Россия, теснее всех связанная с Сербией, склонна была к тому, чтобы не обострять конфликт — по причине незавершенности своей программы вооружения и из боязни внутренних потрясений. Только во время визита президента Франции Р. Пуанкаре в Петербург, начавше-

гося 20 июля, было принято окончательное решение о том, что в случае чрезвычайных обстоятельств Россия поддержит Сербию и в свою очередь будет поддержана Францией.

Во второй декаде июля уже достаточно ясно оформилось непосредственное противостояние Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, России и Франции — с другой. Решающую роль играла позиция Англии. Займи Англия ясную и определенную позицию, Германия не смогла бы действовать с такой безоглядной решительностью. Но английские представители подчеркнуто дистанцировались от разгоравшегося кризиса, уходили от высказывания четкой позиции.

В день отъезда Пуанкаре из России, 23 июля 1914 г., австрийский посол барон Гизль вручил сербскому премьеру Пашичу ноту, носившую характер ультиматума. Принятие австрийских требований (ответ надо было дать через 48 часов) означало бы отказ Сербии от политической самостоятельности. Сама нота была составлена в нарочито оскорбительном тоне. Сербские дипломаты сумели, не уронив престижа своей страны, дать удовлетворительный ответ на все требования, кроме одного, касавшегося допущения деятельности австрийских полицейских властей на территории Сербии с целью пресечения антиавстрийского движения. В целом ответ был выдержан в примирительных тонах. Даже Вильгельм II посчитал его, высказываясь неофициально, вполне удовлетворительным. Однако 25 июля австрийский посол покинул Белград. Отношения были разорваны. Это был первый шаг к прямому конфликту.

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и на следующий день начала бомбардировку Белграда. 29 июля Россия, опасаясь, что дальнейшая уступчивость приведет к потере ею всякого влияния на Балканах, объявила частичную мобилизацию.

Германия, в свою очередь, вплоть до 29 июля надеялась на нейтралитет Англии. Однако утром 29 июля британский министр иностранных дел Э. Грей заявил германскому послу, что в случае, если в войну будут втянуты Франция и Германия, Англия выступит на стороне французов. До этого времени германская дипломатия, скорее, провоцировала войну, теперь же она попыталась побудить австрийцев к компромиссу. Попытки канцлера Бетман-Гольвега были в буквальном смысле пресечены военными. Начальник Генерального штаба Г. Мольтке-младший настаивал на ускорении начала военных действий, т.к. дальнейшие проволочки, с его точки зрения, лишали Германию преимуществ. В самой Германии уже неделю-полторы шла скрытая мобилизация, особенно в области экономики. В той фазе развития, т.е. на переходе к зрелому индустриальному обществу, были

созданы такие военно-технические, организационные структуры, которые, будучи единожды приведены в действие, уже не могли быть остановлены. Они начинали развиваться по своей собственной логике, выходя из-под контроля своих создателей. Эта система включала в себя множество звеньев — транспортные структуры и связь, аппарат мобилизации, механизм развертывания войск, их снабжения и т.п.

29 июля германское правительство пригрозило, что если Россия не прекратит мобилизацию, то и Германия прибегнет к мобилизации. По сути дела Германия ставила российскую дипломатию в безвыходное положение. 30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию, Австро-Венгрия также решила объявить всеобщую мобилизацию, а России был предъявлен ультиматум с требованием прекратить военные приготовления. В ответ на отказ российской стороны Германия объявила 1 августа войну России.

Германское наступление. Такое начало войны ставило план Шлиффена с ног на голову. Все попытки немецкой стороны спровоцировать французов успеха не имели. Несмотря на взвинченную, накаленную атмосферу, французские спецслужбы не допустили ни единого инцидента в отношении германского дипломатического персонала, а французские войска были оттянуты на 30 км от франко-германской границы. Тогда Германия обвинила французскую сторону в бомбардировке немецкой территории, не указав при этом конкретного места и времени. 3 августа Германия объявила Франции войну, и тут же ударные корпуса германской армии нарушили нейтралитет Бельгии и Люксембурга.

Первоначально немецкая сторона хотела потребовать у Бельгии права использовать ее территорию, мотивируя это необходимостью спасти бельгийский нейтралитет от французов и англичан. Бельгия не только отказалась, но и решила оказать сопротивление, чего немцы совершенно не ожидали. График движения немецких войск по плану Шлиффена сорвался.

Только в момент вторжения немецких войск в Бельгию Англия показала свою действительную готовность идти до конца, потребовав прекратить нарушение нейтралитета Бельгии и вывести оттуда все вошедшие войска. Это требование Англии осталось невыполненным, и 4 августа она объявила Германии войну. Соответственно в состоянии войны с Германией оказалась и вся Британская империя.

В результате уже в самом начале августа в Европе были созданы три фронта, сохранявшие свое значение до самого конца войны. С декабря 1914 г. Западный фронт тянулся от Северного моря до Швейцарии и имел протяженность около 700 км.

От Балтийского моря до Румынии тянулся Восточный, или Русский, фронт, а вдоль рек Дунай и Сава образовался фронт Балканский, или Сербский.

Во всех странах — главных участниках разразившейся войны — ее начало сопровождалось невиданным взлетом шовинистических настроений. Особенно характерно это было для крупных городов, прежде всего столиц. Многотысячные толпы буквально бесновались на площадях Берлина и Санкт-Петербурга (переименованного в Петроград), Парижа, Лондона и Вены. Такие настроения следует признать большим достижением тогдашнего пропагандистского аппарата, бывшего составной частью тех самых структур, которые, будучи приведенными в действие, работали уже по собственной логике.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЕВРОПЕ В 1914 г.

Сражения на Западном фронте. Упорное сопротивление бельгийской армии было сломлено немцами только к 13 августа. Немецкий правый фланг продолжал движение по линии Люксембург—Намюр—Брюссель—Антверпен, охватывая левый фланг французской армии. Главнокомандующий же французской армией генерал Ж. Жоффри, реализуя предвоенные планы, с 7 по 20 августа бесцельно гнал свои армии в наступление в Верхнем Эльзасе и Лотарингии, причем наступление это кончилось поражением французов. Лишь в середине августа Жоффри начал постепенно перегруппировывать свои войска на левый фланг.

21 августа в пограничном сражении у Шарлеруа, южнее реки Самбры, 5-я французская армия и английский экспедиционный корпус были разбиты, несмотря на упорное сопротивление. Важную роль в исходе этого сражения сыграла огневая мощь немецкой армии, ее превосходство в артиллерии, особенно тяжелой, в пулеметах. После битвы у Шарлеруа немецкое командование (прежде всего Мольтке-младший) сочло кампанию выигранной и начало нарушать план Шлиффена. Часть войск была оставлена для блокирования в Антверпене остатков бельгийской армии, часть — для блокады французской крепости Мобеж, а 25 августа два пехотных корпуса и кавалерийская дивизия были отправлены в Восточную Пруссию. Тем не менее немецкое командование отдало приказ о наступлении по всему фронту, и пять армий, составлявших правый фланг, продолжали двигаться на Париж.

Французская армия понесла тяжелые потери, терпела неудачи, но вовсе не была разбита. Ее командование подтягивало силы для контрудара. С правого фланга французского фронта перебрасывались войска. Французское командование постоянно и удачно маневрировало, войска оказывали стойкое сопротивление. В результате немецким частям так и не удавалось обойти их левый фланг. Угроза окружения Парижа с северо-запада была устранена. Более того, Париж — мощный транспортный узел, оставаясь у немцев на фланге, сам становился потенциальной угрозой для немецких армий. Защита Парижа была поручена энергичному и храброму генералу Ж. Галлиэни.

Продолжая двигаться на юг, немецкие войска перешли реку Марну, но и здесь им не удалось отрезать путь отступления французам. Однако сам Жоффри еще не считал возможным дать сражение немцам и отстоять столицу. По его требованию 2 сентября правительство пересехало в Бордо.

Битва на Марне в действительности распадалась на две достаточно самостоятельных битвы. Одна шла на пространстве от передовых укреплений Парижа до Вердена, другое сражение шло от линии Верден—Нанси и далее до самой швейцарской границы. Увидев, что ему грозит опасность флангового удара со стороны Парижа, Мольтке-младший отдал приказ центру и левому флангу перейти в наступление.

С большим трудом Галлиэни убедил Жоффри прекратить отступление и дать сражение. 5 сентября французы перешли в наступление. В образовавшуюся в немецком фронте брешь шириной 50 км, прикрытую только небольшим кавалерийским заслоном, вклинился английский экспедиционный корпус. Немцы уходили на правый берег Марны и, чтобы избежать дальнейшего охвата, далее на северо-восток, на реку Эн.

В боях на восточном участке фронта немцы тоже не достигли решающего результата. Жоффри опасался, что завязавшиеся вокруг Вердена бои приведут к его окружению и прорыву фронта. Верден было приказано оставить, но генерал Сарайль не подчинился приказу и отстоял крепость. 10 сентября Мольтке-младший приказал прекратить наступление на участке Верден—Нанси. Теперь германская армия отступала по всему фронту. Битва на Марне была выиграна французами. Хотя Жоффри и не сумел в полной мере воспользоваться плодами своей победы, не последовал совету Галлиэни и преждевременно приостановил наступление, дав немцам закрепиться на реке Эн, первоначальный немецкий план войны был, в сущности, сорван.

В битве на Марне приняли участие более 1522 тыс. бойцов. Французы потеряли убитыми 21 тыс. человек и ранеными 122 тыс. Немцы потеряли 43 тыс. убитыми и 173 тыс. ранеными.

Никогда прежде работа штабов, связи, управление войсками не играли столь большой роли.

Исход битвы на Марне создали Ж. Жоффру, несмотря на совершенные им ошибки, небывалый авторитет в стране, армии и у союзников. Жоффр был способен ломать сопротивление подчиненных и союзников: он почти насильно заставил британского главнокомандующего Дж. Френча повернуть отступавший за Сену английский экспедиционный корпус против немцев и в то же время принял верные решения, подсказанные Галлиени. После сражения на Марне Жоффр в течение двух лет фактически подчинил своей воле правительство, парламент, лидеров основных политических партий. Глава германского Генштаба Г. Мольтке-младший оказался гораздо менее волевым военачальником. Он не сумел противостоять требованиям восточнопрусских юнкеров, требовавших защиты их поместий, и промышленных кругов, опасавшихся вторжения французов в Лотарингию. В решающей фазе сражения на Марне Мольтке позволил Жоффру навязать ему свою волю, выпустил инициативу из рук. 13 сентября Г. Мольтке-младший был заменен генералом Э. Фалькенгайном.

Фалькенгайн попытался вновь провести в жизнь план Шлиффена. Основная часть Западного фронта — от швейцарской границы до р. Уазы — уже начала застывать, война там становилась позиционной. Поэтому обе стороны начали интенсивно снимать с этого участка войска и перебрасывать их на север от Уазы, пытаясь вести маневренные бои, к которым армии еще сохраняли способность. Фалькенгайн поставил себе целью возобновление наступления на Париж, захват бельгийского и французского побережий. Овладение Дюнкерком, Брюгге, Па-де-Кале и Булонью позволило бы немцам практически изолировать Англию от Франции. Союзники, в свою очередь, стремились не допустить немцев к побережью и вытеснить их из Франции и Бельгии. Результатом стали почти трехмесячные непрерывные бои, в которых приняли участие более 100 дивизий пехоты с обеих сторон и почти вся кавалерия, находившаяся на Западном фронте. В этом последнем сражении маневренной войны, известном как «Бег к морю», противники старались обойти друг друга с фланга. Фронт вытянулся от Уазы до Ньюпорта. В результате этого сражения немецкая сторона оккупировала ранее не занятую северо-западную часть Бельгии, расширила захваты в северной Франции, но цели не добилась. К декабрю на всем Западном фронте маневренная война уступила место позиционной.

Основные операции Русского фронта. Начало войны на Восточном, или Русском, фронте знаменовалось неожиданным вторжением русских армий в Восточную Пруссию. Не завершив

мобилизации и развертывания, русское командование, уступая просьбе французского руководства, бросило в наступление в Восточной Пруссии 1-ю и 2-ю армии. В середине августа они сумели в сражениях у Гумбинена и Гольдапа нанести поражение 8-й немецкой армии. Эти сражения практически открывали русским дорогу на Кенигсберг. В случае захвата русскими Восточной Пруссии под угрозу попадали не только интересы восточнопрусских юнкеров. Выход к устью р. Вислы укрепил бы позиции русских войск в Царстве Польском, страховал их от флангового удара и открывал возможности действий на берлинском направлении.

Командующий 8-й немецкой армии был снят и замещен возвращенным из отставки генералом П. фон Гинденбургом, начальником штаба при котором стал молодой и энергичный генерал-майор Э. Людендорф. Получив подкрепления, снятые с Западного фронта, германское командование, используя разобщенность 1-й и 2-й русских армий, 26 августа навязало сражение 2-й армии генерала Самсонова. В продолжавшихся два дня боях фланговые корпуса армии Самсонова были разгромлены, армия попала в окружение. 30 августа с ней было покончено — командующий застрелился, два с половиной корпуса погибли в районе Мазурских озер, более 90 тыс. человек попало в плен, множество пропало без вести, еще два с половиной корпуса были рассеяны.

Затем германское командование обрушилось на 1-ю армию генерала Ренненкампа. Эта армия сумела избежать окружения и ушла за р. Неман, но понесла при этом большие потери — около 110 тыс. человек. Немцы же сумели перенести военные действия на русскую территорию. Для Германии этот факт имел особенное политическое значение — за исключением кратковременных эпизодов августа 1914 г. германская армия все время вела войну на чужой территории. Это помогало поддерживать в войсках и населении веру в успех, в компетентность командования, глушило протесты.

В Галиции русские армии успешно отразили попытки австрийцев наступать с юга на Царство Польское и сами перешли в наступление, заняв в первых числах сентября Львов и Галич. В упорных боях австро-венгерские армии были отброшены за р. Сан, была окружена крепость Перемышль. Однако отрезать австрийцам путь отступления и занять Краков русские войска не смогли. Стремясь оказать помощь союзнику, Фалькенгайн перебросил на Русский фронт несколько корпусов, перешедших в конце сентября в наступление.

С сентября до ноября шла упорная борьба за обладание Средней Вислой, итогом которой стал значительный успех рус-

ских армий. Им открывались пути на Познань, в Верхнюю Силезию и Моравию. Однако русское командование не сумело использовать наметившийся успех.

В тот момент, когда русские армии готовились перейти в общее наступление, немецкое командование упредило русское, начав наступление в районе Лодзи. Оно стремилось ликвидировать угрозу Восточной Пруссии, Верхней Силезии и, потенциально, Венгрии. Завязалось встречное сражение. Группировка генерала А. фон Макензена попыталась отрезать и окружить 2-ю (вновь сформированную) и 5-ю русские армии, но те, получив подкрепление, сами начали охват прорвавшихся немцев. Образовался «лодзинский слоеный пирог», в котором перемежались русские и немецкие части. Только 25 ноября Макензену удалось уйти из западни.

К середине декабря наступление выдохлось, и на Восточном фронте установилось положение, близкое к позиционной войне. Возможности для продолжения маневренной войны здесь по-прежнему были выше, нежели на Западном фронте. Однако из-за технической слабости русской армии и безынициативности ее командования эти возможности не были использованы в полной мере.

Сербский фронт. Подавляющее превосходство австрийских войск над сербской армией в людях и технике позволило им с начала августа перейти в наступление в Сербии. Австро-венгерские войска перешли р. Дрину. Однако после четырехдневного ожесточенного боя сербы 24 августа отбросили противника на другой берег Дрины, и Сербия была очищена от австро-венгерских войск. 17 сентября была столь же успешно ликвидирована вторая попытка вторгнуться в Сербию.

Победы русских армий в Галиции в значительной мере повлияли на ход событий на Сербском фронте. Даже сконцентрировав значительные силы, австрийское командование не могло в должной мере развить успех, оно должно было все время оглядываться на Русский фронт. В свою очередь сербские солдаты дрались с полной самоотдачей, для них эта война была защитой родины от давнего и ненавистного врага. 5 ноября пять австро-венгерских корпусов в третий раз перешли в решительное наступление. В результате неудачного для сербов боя 17 ноября они вынуждены были вторично оставить Белград и отвести свои войска на восток, к р. Мораве. Однако в декабре сербы сумели прорвать австро-венгерский фронт и не только освободить столицу, но и захватить в плен около 50 тыс. австрийцев и большие трофеи. После этого на Сербском фронте установилось затишье до октября 1915 г.

Расширение сферы военных действий. Вступление в войну Японии и Турции. Начало войны в Европе создавало благоприятные предпосылки для активизации действий Японии на Дальнем Востоке, имеющих цель захватить германскую сферу влияния. 15 августа японское правительство в ультимативной форме потребовало от Германии передать ему без всяких условий и компенсаций бухту Цзяочжоу под предлогом возвращения ее в будущем Китаю. Германское правительство отказалось удовлетворить эти требования, и 23 августа Япония объявила Германии войну.

Военные действия свелись к осаде крепости Циндао, которая началась в начале сентября и 7 ноября завершилась сдачей крепости японцам, которых с моря поддерживали англичане. Серьезных военных целей Япония при этом достичь не удалось — эскадра адмирала Шпее, единственное морское соединение Германии, предназначенное для действий в океане, сумело улизнуть из этой базы еще до японского ультиматума. В начале октября Япония заняла Маршалловы, Каролинские и Марианские острова, была захвачена провинция Шаньдунь. В дальнейшем участие Японии в военных действиях свелось к участию в охоте на немецкие крейсеры в Индийском и Тихом океанах, конвоированию воинских транспортов из Австралии и Новой Зеландии и отправке небольших соединений устаревших кораблей в Средиземное море. В 1915 г. англичане предложили японцам отправить в европейские воды их линейные крейсеры, бывшие в то время сильнейшими в мире кораблями этого класса. Получив отказ, Англия предлагала взять их в аренду и даже выкупить, но Япония каждый раз отвечала отказом, накапливая силы для предстоящей борьбы за влияние на Тихом океане и в Китае.

Вступление в войну Турции на стороне Германии обсуждалось еще до начала войны. 2 августа турецкое правительство, подталкиваемое прогермански настроенными кругами, во главе которых стоял военный министр Энвер-паша, заключило с Германией союзный договор. Согласно договору, Турция должна была начать войну на стороне Германии. Однако потрепанные в ходе Балканских войн вооруженные силы Турции не были готовы к немедленному выступлению. Под прикрытием вооруженного нейтралитета Турция вела лихорадочные военные приготовления, получая из Германии оружие, снаряжение, инструкторов. Германские офицеры руководили развертыванием войск, укреплением Босфора и Дарданелл. Колебаниям турецкого правительства был положен конец проходом через Дарданеллы германского линейного крейсера «Гебен» и сопровождавшего его легкого крейсера «Бреслау». Эти корабли с большим трудом сумели уйти от преследования английской средиземноморской эскадры. В ответ

на требования послов Антанты разоружить корабли и интернировать моряков турецкое правительство заявило, что корабли куплены у Германии, и на них был поднят турецкий флаг. Сторонники Энвер-паши получили реальную возможность оказывать влияние на колеблющихся членов правительства. Присутствие «Гебена» в Черном море меняло соотношение сил в пользу Турции, сковывало активность русского Черноморского флота.

План войны, разработанный для Турции германским генералом Лиманом фон Сандерсом, предусматривал несколько целей: оборону Дарданелл; завоевание Египта со стороны Суэцкого перешейка, захват канала; завоевание Кавказа, изгнание русских и англичан из Персии; угрозу Индии. К середине октября сосредоточение войск и их развертывание были закончены, Турция выставляла около 500 тыс. солдат и офицеров. 27 сентября были закрыты и минированы проливы. 29 октября «Гебен» и «Бреслау» обстреляли Феодосию, Новороссийск, Одессу и Севастополь. Турция, таким образом, вступила в войну с Россией. Стремясь побудить Турцию отказаться от войны со странами Антанты, англо-французский флот 3 ноября бомбардировал внешние береговые укрепления Дарданелл. Достигнутые результаты были прямо противоположны желаемому — 5 ноября Турция объявила войну Англии и Франции.

В результате образовались несколько новых фронтов — кавказский, месопотамский, дарданелльский и палестино-сирийский. Вскоре турецкие, русские и английские войска перенесли военные действия на территорию Персии, формально остававшейся нейтральной.

Пользуясь вступлением Турции в войну на стороне Германии, Англия объявила Египет, находившийся под ее фактическим контролем с 1880-х годов, независимым от Турции и установила над ним свой протекторат.

31 октября части русской кавказской армии перешли турецкую границу. Двигаясь в направлении Эрзерума, русская армия столкнулась с превосходящими турецкими силами. В упорных боях, разыгравшихся в районах Эрзерум — Батум, Ардаган — Карс, Кагезман — Кепри-Кей, успех первоначально сопутствовал турецкой армии, которая не только вытеснила русских из турецкой Армении, но и сама вторглась в пределы Кавказа. Однако в сражении под Саракамышем, продолжавшемся с 9 по 24 декабря, турецкая армия была разгромлена, а один из ее корпусов взят в плен. Первоначальные успехи турок были ликвидированы, русские заняли Тавриз (Тебриз). Русский Черноморский флот активно способствовал продвижению армии вдоль побережья, нарушал турецкие перевозки морем. Русские войска

закрепились в приграничных районах Турции и готовились двинуться вглубь страны.

Военные действия на морях и в колониях. Первым серьезным столкновением на море стал бой у о. Гельголанд 23 августа 1914 г. Тщательно разведав с помощью подводных лодок организацию охранения Гельголандской бухты, англичане атаковали немецкие дозорные корабли. Немцы потеряли три легких крейсера. Главной же целью, достигнутой при проведении этой операции, англичане ставили обеспечение безопасной переброски своего экспедиционного корпуса на континент. С самого начала войны, согласно довоенным соглашениям, британский флот взял на себя действия в Северном море и Атлантике, а французский — в Средиземном море, обеспечивая переброску колониальных войск.

Неожиданным фактором стало эффективное использование подводных лодок. 17 сентября 1914 г. в районе Доггер-банки устаревшая немецкая лодка U-9 уничтожила находившиеся там в дозоре английские броненосные крейсера «Хог», «Абукир» и «Кресси». За полчаса британский флот потерял больше людей, чем в Трафальгарском сражении.

В целом же британский флот сумел прочно заблокировать немцев в их базах. Действия германских военных судов в Мировом океане носили эпизодический характер. Эскадра адмирала Шпее, вовремя сумевшая уйти из Циндао и состоявшая из 2 броненосных и 3 легких крейсеров, преследовалась пятью английскими крейсерскими эскадрами, одной японской, отдельными французскими и русскими кораблями. Немецкая эскадра искусно избегала столкновений с превосходящими силами, и 1 ноября в бою у мыса Коронель (Чили) ею была разгромлена английская эскадра. Британское Адмиралтейство бросило против эскадры адмирала Шпее два линейных крейсера; они настигли ее у Фолклендских островов и в бою 8 декабря уничтожили. После этого отдельные немецкие военные суда, раскиданные по Мировому океану, были уничтожены в течение нескольких месяцев. Сквозь английскую блокаду с большим трудом могли прорываться лишь отдельные, замаскированные под нейтральные суда вспомогательные крейсера. Единственной надеждой в борьбе на морях для Германии оставались подводные лодки, но немцы в это время не имели их в достаточном количестве.

Одновременно с военными действиями в Европе началась война на территории германских колоний в Африке. Разумеется, военные действия здесь практически не могли оказать влияния на ход войны в целом. Они свелись к ликвидации незначительных немецких вооруженных формирований превосходящими силами англичан, главным образом колониальных войск.

Соппротивление германских сил было ликвидировано: в Того — в 1914 г., в Германской Юго-Западной Африке — в 1915 г., Камерун был захвачен союзниками в 1916 г. Дольше всех оказывали сопротивление немецкие части в Германской Восточной Африке, они прекратили его по приказу из Берлина в связи с концом войны.

Некоторые итоги 1914 г. К ноябрю 1914 г. военные действия велись в Европе, Азии, Африке, в омывающих их морях и океанах. Отчетливо наметилась тенденция к постепенному сокращению числа нейтралов, к втягиванию в войну все новых и новых стран. Однако главным театром военных действий, определявшим ход войны, был все же европейский. Именно здесь схватились основные силы противостоящих коалиций.

С самого начала выявилась полная несостоятельность большинства предвоенных расчетов и прогнозов, касавшихся сроков и характера войны. Все без исключения участники войны совершенно неожиданно для себя оказались перед перспективой затяжной войны, к которой никто из них не был готов.

Надежды на скоротечную войну связывались с войной маневренной. Однако широкое применение пулеметов и скорострельной артиллерии сделало стремительные атаки сомкнутых построений в стиле XIX в. чудовищно кровопролитными, потери превышали все мыслимые нормы, обученные резервы таяли на глазах. Продукты машинной индустрии — колючая проволока и пулеметы — преобразили поле боя. В считанные часы в чистом поле стали возникать мощные укрепления. Многорядные проволочные заграждения, защищаемые пулеметным огнем, оказались непреодолимыми для пехоты. Кавалерия окончательно утрачивала значение ударной силы — по крайней мере на Западном фронте.

Уже в первые дни войны выявилась особая роль артиллерии. Артиллерийский огонь решал исход боев. Невиданная плотность артиллерийского огня вела к тому, что накопленные в мирное время запасы снарядов (2—2,5 тыс. снарядов на орудие, в России — не более 1 тыс.) стремительно таяли, со всей остротой вставали проблемы снабжения боеприпасами, развертывания производства. Еще большее значение приобрела тяжелая и сверхтяжелая артиллерия, которой пренебрегали накануне войны во всех странах (единственным исключением была Германия).

Первые недели войны выявили и значение авиации. Те несколько сотен самолетов, которые имелись во всех воюющих странах, использовались с максимальной интенсивностью: первоначально — для разведки, однако все больше и больше — для нанесения бомбовых ударов.

Другим аспектом событий августа 1914 г. стало крушение достаточно прочных понятий и представлений о ведении войны, сложившихся в XIX — начале XX в. Немецкое вторжение в Бельгию и Францию было не просто нарушением международных соглашений, норм международного права. Это вторжение сопровождалось целенаправленными репрессиями против гражданского населения. Немецкая армия практиковала сожжение деревень и небольших городов, разрушение и уничтожение памятников культуры. Начались взятия и расстрелы заложников. Все это не было отдельными эксцессами, вызванными ожесточенностью боев. Это была хорошо продуманная и направляемая система мер, нацеленная на подавление малейшего сопротивления. Немецкое командование рассчитывало запугать не только население оккупированных территорий, но и противника в целом. Нарушение норм и обычаев войны, международных договоров немецкая сторона пыталась оправдать не столько вымышленными случаями коварства и жестокости противной стороны, сколько «правом» Германии как «более развитой», «более культурной и цивилизованной» страны добиваться собственных целей. Крушение образа добропорядочной, культурной и честной Германии было немалым шоком для мирового общественного мнения. С другой стороны, пропаганда стран Антанты, умело используя действительные или мнимые жестокости немцев, факты нарушения международных договоров, способствовала не только разжиганию антигерманских настроений в нейтральных странах, но и организации собственного населения, сплочению его, приглушению социальных противоречий и конфликтов, недопустимых перед лицом безжалостного врага.

В первые же дни войны появилась проблема интернированных — десятки тысяч мирных граждан (сезонные рабочие, учащиеся, отдыхающие, больные и т.п.) внезапно оказались на территории враждебных стран, они с огромным трудом выбирались оттуда, причем в Германии все мужчины призывного возраста автоматически были зачислены в категорию военнопленных. После первых месяцев войны военнопленные во всех воюющих странах исчислялись сотнями тысяч, их размещали в специально созданных лагерях. Условия содержания пленных были тяжелыми, смертность высока; в худшую сторону опять-таки выделялась Германия. Вскоре после вступления в войну Турции там началась резня армянского населения.

Воздействие событий первых месяцев войны на массовую психологию было огромно. Они в буквальном смысле перевернули сознание среднего европейца, особенно более или менее образованного, привыкшего верить в традиционные «ценности прогресса, культуры и цивилизации». Крушение системы между-

народных отношений, массовая истерия последних дней июльского кризиса и первых дней мобилизации, крах всех «классических» представлений о войне и роли человека в ней, стирание с лица земли в считанные дни городов, использование для разрушения последних достижений науки и техники и, наконец, массовое механизированное убийство солдатской массы, бросаемой на пулеметы командованием, которое само не слишком еще осознало характер происходящего, — все это было шоком для европейского обывателя, воспитанного на устоявшихся представлениях о «ценности человеческой личности», «нормах гуманности». Подобные крутые сдвиги в массовом сознании привели к тому, что после августа 1914 г. дальнейшие потрясения и перемены — какими бы жестокими, кровавыми и необычными они ни были — уже не представлялись чем-то из ряда вон выходящим.

По распространенному выражению, «XX век для Европы начался в 1914 году».

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В 1915 г.

Планы сторон. Кампании 1915 г. в значительной мере определялись той конфигурацией фронтов и расстановкой сил, которая сложилась после первых четырех—пяти месяцев войны. Центральные державы стремились, используя естественное преимущество сомкнутого единого пространства, громить своих противников поодиночке. Страны Антанты, в свою очередь, стремились не только еще плотнее сжать кольцо вокруг Центральных держав, но и раздробить сомкнутый массив территории своих противников. Генералы обеих сторон мечтали вырваться из тисков позиционной войны и снова выйти на маневренный простор. Обе коалиции были крайне заинтересованы в привлечении на свою сторону новых союзников.

Считая, что прорвать немецкий Западный фронт невозможно, многие руководители Антанты начали выдвигать еще с конца 1914 г. идею нанесения решающего удара противнику на каком-нибудь второстепенном фронте. Таким районом должны были стать Балканы. Появление там союзной армии могло побудить Грецию и Румынию перейти на сторону Антанты. Нанесение удара с юга по Австро-Венгрии могло заставить противника снять силы с Русского фронта и облегчить русским переход через Карпаты, выход к Вене и Будапешту. Сторонники перенесения

центра тяжести борьбы на Балканы получили название «восточников», а их оппоненты, сторонники продолжения наступлений на Западном фронте, — «западников».

Английский военный министр лорд Китченер был сторонником перенесения военных действий на восток: он предлагал высадить армию в Сирии, разгромить турецкую армию, нацеленную на захват Египта и Суэцкого канала. У. Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, предложил только силами флота форсировать Дарданеллы, прорваться в Мраморное море и угрожать столице Турции. Тем самым было бы обеспечено расчленение территории, контролируемой германо-австро-турецким блоком. План Черчилля был сочтен лучшим средством защиты Египта и примирил «западников» с «восточниками», поскольку практически не требовал снятия сил с Западного фронта.

Русское командование считало свое господство в Галиции упроченным, а австро-венгерскую армию разгромленной, малоспособной к серьезным операциям. Юго-Западный фронт должен был перейти Карпаты, обойти Краков, проникнуть в Силезию, выйти на венгерскую равнину, житницу германо-австрийского блока. За Карпатами лежала Словакия. Решив эти задачи, русская армия открывала себе дорогу на Вену и Будапешт. Одновременно предполагалось овладеть Восточной Пруссией и нижним течением Вислы, снова выйти на берлинское направление.

Германское командование в 1915 г. ставило перед собой три взаимосвязанные цели. Предполагалось мощным ударом прорвать русский фронт, захватить значительную территорию, важную в экономическом отношении, и принудить Россию к сепаратному миру. Изоляция России должна была облегчить подчинение Балканского полуострова, открытие прямого пути в Турцию, превращение Малой Азии в плацдарм и оперативную базу против Египта и Индии, для борьбы за контроль над Средиземным морем. Руководствуясь этими соображениями, германское командование в начале 1915 г. усилило войска Гинденбурга на Восточном фронте испытанными в боях корпусами, снятыми с Западного фронта. Численность немецких войск на Русском фронте выросла по меньшей мере в два с половиной раза.

Восточный фронт. В феврале 1915 г. русские войска попытались вторично ворваться в Восточную Пруссию, но потерпели неудачу у Мазурских озер и были окончательно изгнаны оттуда. Однако и немцы не сумели развить успех: отодвинувшись на собственную территорию, русские армии прочно стояли, опираясь на треугольник крепостей Гродно—Ковно (Каунас)—Осовец.

Закрепившись в Галиции, русские войска сумели принудить к сдаче австрийскую крепость Перемышль, захватив много пленных и трофеи. Одновременно русские войска завязали бои за карпат-

ские перевалы. Бои носили крайне ожесточенный характер. Русские войска потеряли убитыми и ранеными около 750 тыс. человек, противник — около 500 тыс., но первоначальная цель операции была достигнута. Теперь можно было выходить в Словакию и на венгерскую равнину. Однако в этот самый момент разразился кризис снабжения: довоенные запасы боеприпасов были окончательно исчерпаны, а военное производство еще не развернуто в должной мере. Выйти на оперативный простор русская армия не смогла, дальнейшее продвижение вперед грозило обернуться катастрофой.

Кризис со снабжением боеприпасами пережили все страны. Одни справились с этой проблемой раньше, другие позже. Исключение составила Германия, первой перестроившая производство и смело использовавшая запасы снарядов своих оказавшихся в глубоком тылу пограничных крепостей.

Для отвлечения внимания русского командования от направления главного удара немецкие войска предприняли 27 апреля комбинированное наступление с суши и с моря на правом фланге русской армии. В треугольнике Шавли (Шауляй)—Митава (Елгава)—Либава (Лиепая) завязались ожесточенные бои. Тем временем 2 мая был нанесен главный удар. Его осуществляла ударная группировка генерала Макензена, обильно снабженная тяжелой артиллерией и боеприпасами. Пользуясь своим перевесом в тяжелой артиллерии, она буквально выжгла участок прорыва, в который и вошли ударные корпуса немцев. Фронт между Горлицей и Тарновом был прорван на протяжении 30 км, это вызвало поспешное отступление русских войск на фронте протяженностью 160 км. Немцы продолжали наступать до сентября, заняли Перемышль и Львов, овладели рядом русских крепостей (Ивангород, Новогеоргиевск, Осовец). Их продвижение остановилось лишь после взятия Брест-Литовска, Гродно и Вильно (Вильнюс).

В результате «великого отступления» Россия утратила не только все то, что было завоевано в 1914 — начале 1915 г., но и часть территории самой империи: Царство Польское, Литву, часть Прибалтики и Волыни. С мая по октябрь 1915 г. русская армия потеряла 151 тыс. человек убитыми, 683 тыс. ранеными и 985 тыс. пленными. (Значительное число пленных говорило о слабости управления войсками — стойко сопротивлявшиеся части не отходили вовремя при угрозе окружения). Такое положение было результатом слабой работы связи, недостатка офицеров. Германские операции в это время очень часто были неожиданностью для русского командования, его мероприятия опаздывали, упреждались немцами.

Однако немцы вынуждены были остановить свое наступление не только из «страха перед необъятными русскими пространствами». В сентябре 1915 г. 4-я австро-венгерская армия, двигавшаяся из района Луцка на линию Дубно—Ровно, была остановлена мощным русским контрударом. Она была настолько ослаблена и дезорганизована, что германское командование вынуждено было объединить ее с армейской группой немецкого генерала А. Лизингена. Австро-венгерская армия, ее командование начали утрачивать оперативную самостоятельность. Вместе с тем возможности русской армии далеко не были исчерпаны, она, несмотря на ошибки командования, представляла серьезную боевую силу.

Дарданелльская операция. 19 февраля 1915 г. союзники начали первый этап Дарданелльской операции, предусматривавший прорыв к Константинополю только силами флота. План предполагал последовательное разрушение внешних, промежуточных и внутренних фортов, траление мин и прорыв флота в Мраморное море. К 26 февраля внешние укрепления были подавлены, турки оставили их, а высаженные десанты окончательно вывели их из строя. Однако уже при атаке промежуточных укреплений начались неудачи, несмотря на подавляющее превосходство корабельной артиллерии союзных эскадр. Корабли получили большое количество повреждений, турецкие укрепления остались неподдавленными. До войны мало кто заботился о строительстве специализированных судов-тральщиков, десантных кораблей. Одни же сверхмощные пушки линкоров не в силах были решить поставленную задачу. Турки эффективно препятствовали ликвидации минных заграждений. 18 марта при попытке атаковать внутренние укрепления разразилась катастрофа. По-прежнему уступая в крупной артиллерии, турки, руководимые немцами, существенно усилили свою легкую и среднюю артиллерию. Три линкора союзников затонули, еще три были выведены из строя. Это было крупное военное и политическое поражение. Стало ясно, что прорыв германо-турецкой позиции в Дарданеллах невозможен без высадки сухопутного десанта.

Десант предполагалось высадить на Галлиполийский полуостров и на противоположный малоазийский берег. 80-тысячный экспедиционный корпус прибыл туда 25 апреля. На острие удара шел АНЗАК — австралийско-новозеландский армейский корпус, хорошо снабженный, обладавший высоким боевым духом, но не имевший боевого опыта и понесший в этих боях очень большие потери.

После ожесточенных боев к 9 мая союзники овладели южной оконечностью Галлиполийского полуострова, но дальше продвинуться не смогли, здесь тоже установилась позиционная вой-

на, подобная той, что шла на Западном фронте. После появления в конце апреля в районе высадки немецких подводных лодок помощь десанту со стороны флота была серьезно затруднена. Десант нес огромные потери. В августе англичане подвезли еще 100 тыс. войск и неожиданно для противника высадили их в бухте Сувла, надеясь прорваться к бухтам Килия и Медос. С 8 по 22 августа они сумели захватить небольшой плацдарм. К 27 августа у англичан оставалось всего 54 тыс. бойцов против 110 тыс. турок, преграждавших им путь. На плацдармах шла ожесточенная борьба, но в итоге сама операция провалилась. Одним из немногих реальных результатов стал прорыв в Мраморное море английских подводных лодок и почти полное уничтожение и без того немногочисленного турецкого флота, от которого уцелели практически только «Гебен» и «Бреслау».

Военные действия на Западном фронте. На Западном фронте союзники безуспешно пытались реализовать план Жоффра — решить исход войны наступлением. Предполагалось прорвать немецкий фронт и отбросить немцев за р. Маас, тем самым приблизив конец войны. В соответствии с этим планом зимой и весной англо-французские войска пытались наступать на различных участках фронта. Ожесточенные бои, шквал артиллерийского огня, продолжавшийся несколько дней, а то и недель, огромные потери — все это вело к незначительному продвижению: занятию окопа, высоты, сотни метров территории. В этих бесплодных боях было потеряно 250 тыс. солдат и 5 тыс. офицеров, растрочены последние предвоенные запасы боеприпасов и снаряжения.

При наступлении немцев в районе Ипрского канала 22 апреля 1915 г. были применены отравляющие газы — две французские дивизии погибли, немцы совершили прорыв на три с половиной километра, но оказались не готовы к использованию собственного успеха. На следующий день при помощи отравляющих газов они отразили контратаку французов. В боях за Ипр немцы четыре раза массированно применяли боевые ОВ. Союзники понесли большие потери, прежде чем восстановили положение. Только англичане потеряли 60 тыс. человек.

Прорыв немцев под Горлицей вынудил русское командование просить помощи у союзников. 9 мая Жоффри предпринял наступление в Артуа. Кроме французов в наступлении приняли участие англичане и бельгийцы. За 18 дней боев наступавшие продвинулись на фронте шириной 10 км на глубину 4 км, а затем были оттеснены обратно. Это было типичное сражение тупиковой позиционной войны. Однако ни Жоффри, ни Френч не желали признать порочность своих планов. Они стали готовить еще более масштабные наступления в Артуа и Шампани, начавшие-

ся в конце сентября, т.е. тогда, когда русским армиям уже нельзя было помочь. Эти наступления не принесли значительных результатов, а потери были огромны. Вместе с тем упорство Жоффра в подготовке и проведении кровопролитных наступлений, в которых были заняты сотни тысяч солдат, не позволило союзникам вовремя перебросить подкрепления на Галлиполийский полуостров, достичь там успеха, когда противник еще не собрался с силами. Возможность вырваться из позиционного тупика была упущена.

Вступление в войну Италии. Образование Итальянского фронта. В самом начале войны, 3 августа 1914 г., итальянское правительство заявило о своем нейтралитете. Экономическая слабость Италии, ее зависимость от положения на Средиземном море, в котором господствовал флот Антанты, зависимость от ряда ввозимых видов сырья (включая энергоносители) и продуктов ... все это заставляло итальянское правительство быть весьма осторожным в выборе позиции. Эта осторожность сочеталась с непомерной алчностью, стремлением получить в разгоравшемся конфликте гораздо больше, нежели Италия могла бы добыть сама. Германскому послу в Риме было заявлено, что выполнение Италией ее обязательств перед своими союзниками будет прямо зависеть от удовлетворения итальянских интересов. Одновременно начались переговоры с послами Антанты о выступлении против Австро-Венгрии. Условием вступления Италии в войну первоначально было приобретение Трентино (южная часть Тироля), Триеста и албанской Валоны (Влёры). 12 августа 1914 г. правительства Антанты согласились на эти требования, но итальянское правительство потребовало еще больше: Россия должна была гарантировать удержание в Галиции определенного числа австро-венгерских дивизий, а англо-французский флот должен был оказать помощь итальянцам в борьбе с австро-венгерским флотом. Однако неудачи Антанты на фронтах в августе 1914 г. поколебали уверенность Италии в том, что именно в этом блоке она сумеет добиться удовлетворения своих вожеланий. На время возобладали нейтралистские настроения.

Новый тур переговоров с обеими воюющими сторонами, носивший характер откровенного торга, последовал в начале 1915 г. Итальянское правительство рассматривало переговоры с Центральными державами в качестве средства давления на Антанту. В свою очередь, Германия начала оказывать все большее давление на Австро-Венгрию, чтобы сделать ее более уступчивой. Однако для Австро-Венгрии, несмотря на давление Германии, мысль о возможности «добровольной» передачи Италии части территории была неприемлемой. В Вене резонно полагали,

что в условиях многонационального государства, каким являлась Австро-Венгрия, такого рода уступки будут иметь роковые последствия, кроме того, они могли стать поощряющим прецедентом для Румынии.

Антанта была гораздо более сговорчивой. В качестве платы за свое вступление в войну Италия требовала теперь в Европе Трентино, Тироль до самого Бреннерского перевала, Триест, Истрию, Далмацию до р. Нарента, прилегающие к Далмации острова, Валону и о. Сасено. В Малой Азии Италия требовала район Адалии, а в Африке — часть английских и французских колоний, прилегающих к Эритрее и Ливии. Если Англия и Франция согласны были удовлетворить эти претензии, то Россия выступила против притязаний Италии на земли, заселенные южными славянами, на которые претендовала Сербия.

Переговоры вошли в критическую фазу, когда 8 марта коронный совет в Вене решил, следуя настояниям Берлина, пойти навстречу итальянским требованиям. Под давлением Англии и Франции Россия дала согласие на ведение переговоров на базе итальянских предложений. 26 апреля в Лондоне было подписано четырехстороннее соглашение, по которому Италия добилась удовлетворения почти всех своих требований и обязывалась вступить в войну через месяц. 3 мая был расторгнут союзный договор между Италией, Австро-Венгрией и Германией. 23 мая Италия объявила Австро-Венгрии войну.

Первоначально Италия выставила 39 пехотных дивизий. Довольно серьезные бои происходили вдоль всей р. Изонцо — от истоков до впадения ее в Адриатическое море. С 8 июня по 23 ноября итальянцы предприняли там четыре последовательных наступления, были потеряны сотни тысяч солдат, но существенного успеха достичь не удалось. Боевые качества итальянской армии оказались крайне низкими. В то же время открытие нового фронта заставило германо-австрийский блок распылять силы, растрачивать резервы, сократило его возможности получать через нейтральные страны необходимое сырье и продовольствие.

Положительным для Антанты фактом было то, что вступление в войну Италии окончательно заблокировало базы австро-венгерского флота, находившиеся в Адриатическом море. Господство флота Антанты в Средиземном море стало еще более полным.

Вместе с тем вступление Италии в войну и связанные с этим условия серьезно ослабили некоторые межсоюзнические связи. Сербия была откровенно озлоблена большими уступками Италии в Далмации, нажимом Антанты с целью уступить Болга-

рии сербскую Македонию. В то время когда русская армия вела тяжелые оборонительные бои, отступала, сербская армия не проявляла большой активности, что позволяло австрийцам снимать с сербского фронта войска для переброски на итальянский фронт. С другой стороны, война с Италией в известной мере затормозила процесс внутреннего разложения Австро-Венгрии. Сербь, хорваты и словенцы, жившие в Австро-Венгрии и настроенные по отношению к ней если не враждебно, то оппозиционно, испытывали еще меньше желания попасть под власть Италии. Чехи и словаки, русины и румыны, оказавшиеся в австро-венгерской армии, неохотно дрались против русских, часто добровольно сдавались в плен. На итальянском же фронте они дрались упорно и ожесточенно, а победы над итальянцами вдохновляли австро-венгерские войска, укрепляли их боевой дух и внутреннюю спайку. С точки зрения коалиционной стратегии участие Италии стало для Антанты довольно сомнительным приобретением.

Вступление в войну Болгарии. Образование Салоникского фронта. Разгром Сербии. В борьбе дипломатий двух противостоящих группировок за вовлечение в войну Болгарии победить могла та сторона, которая способна была предложить ей большую долю при разделе послевоенной добычи. Шансы Центральных держав здесь были явно выше. Болгарское правительство ясно дало понять, что примкнет к той коалиции, которая гарантирует возвращение территорий, потерянных по Бухарестскому договору 10 августа 1913 г.: части Македонии, отошедшей к Сербии, районов Серес и Кавала, перешедших к Греции, Южной Добруджи, захваченной Румынией. Поскольку Антанта добивалась привлечения на свою сторону Греции и Румынии (а Сербия уже сражалась на ее стороне), то фактически предложить Болгарии было нечего. Давались туманные обещания передать Болгарии турецкую Фракию, если она вступит в войну с Турцией. Переход к Болгарии сербской Македонии обещали в случае, если Сербия получит соответствующие компенсации в Боснии и Герцеговине, а также на Адриатике. Все это было весьма расплывчато, в то время как Австро-Венгрия обещала Болгарии ту же сербскую Македонию только за нейтралитет. Сербское правительство не собиралось уступать Македонию, оно заявило представителям Антанты, что скорее пойдет на заключение мира с Австро-Венгрией, после чего развернет свои войска против Болгарии. Германское правительство действовало быстро и решительно — оно заставило турецкое правительство пойти на территориальные уступки Болгарии и обещало ей сербскую Македо-

нию, как только Болгария завоюет ее вместе с Центральными державами.

Колебания болгарского правительства были окончательно решены изменением обстановки на Восточном фронте. Отход русских армий из Галиции, неудачи союзников на Западном фронте породили в Болгарии веру в непобедимость австро-германской коалиции. 3 сентября 1915 г. был подписан договор, превращавший австро-германо-турецкий блок в Четверной союз. Одновременно была заключена секретная конвенция. За свой благожелательный нейтралитет до вступления в войну Болгария получала часть турецкой территории до р. Марица. Ей была обещана сербская территория до р. Моравы включительно. В случае перехода на сторону Антанты Греции и Румынии Болгария могла претендовать на часть греческой Македонии и Добруджу. 21 сентября болгарское правительство под предлогом охраны собственного нейтралитета объявило мобилизацию.

Развитие событий на Балканах в немалой степени зависело от положения в Греции. Там развернулась отчаянная борьба между антантофильскими кругами, группировавшимися вокруг лидера либеральной партии Венизелоса, и прогерманской группировкой во главе с королем Константином. Группировка Венизелоса исходила из того, что Средиземное море находилось под полным контролем англо-французского флота, и, выступив на стороне Антанты, возможно получить Восточную Фракию, малоазиатское побережье Эгейского моря и Эгейские острова, а при благоприятных условиях — и Константинополь с проливами. Группировка короля Константина могла помочь Германии путем сохранения нейтралитета Греции.

В марте 1915 г. король отставил Венизелоса, ожесточенная борьба между двумя группировками вылилась в фактическую гражданскую войну и разделение Греции на две части. При поддержке Антанты Венизелос образовал в Салониках собственное правительство, которому подчинялись провинции, приобретенные в результате Балканских войн. Старые провинции оставались под властью короля Константина. (Король был свергнут при помощи Антанты только в июне 1917 г., на престол был посажен его малолетний сын. Только после объединения всей Греции под властью Венизелоса она вступила в войну.)

В августе 1915 г. Венизелос, который снова встал во главе греческого (афинского) правительства, заявил, что греческая сторона готова выполнить греко-сербский союзный договор 1913 г., т.е. выступить против врагов Сербии, если союзники пришлют в Салоники армию в 150 тыс. человек. Союзники

согласились послать армию под командованием генерала Сарайля для совместной с греческой армией помощи Сербии.

Тем временем король снова сместил Венизелоса и заявил, что будет отстаивать нейтралитет Греции силой оружия. 5 октября французы успели высадить в Салониках войска, ставшие позже ядром Восточной армии. Генерал Сарайль с 65 тыс. французов и 15 тыс. англичан успел выйти в долину р. Черны, стремясь соединиться с сербами, однако было уже поздно — путь ему преградили болгарские войска. Участь Сербии была практически решена.

К концу сентября на австро-сербской границе было сосредоточено 350 тыс. австрийских и германских войск, располагавших многочисленной тяжелой и горной артиллерией. На болгаро-сербской границе была сосредоточена 300-тысячная болгарская армия. Всему этому Сербия могла противопоставить не более 250—300 тыс. солдат. После успехов 1914 г. сербское руководство находилось в состоянии эйфории, явно переоценивало собственные возможности. В дипломатических переговорах оно проявляло неуступчивость, граничившую с упрямством. Не было проведено никаких мер по реорганизации армии с учетом опыта войны.

5 октября немецкие войска начали наступление с севера, заняли Белград и теснили сербов на юг. Одновременно австрийская армия наступала из Боснии и отжимала сербскую армию на восток. 12 октября начали наступление болгары. Двигаясь с востока на запад, они заходили сербам в тыл. Ввиду численного перевеса и подавляющего преобладания противника в артиллерии, особенно тяжелой, сербы вынуждены были отступить. Когда 16 октября болгары заняли Вранью, путь на Салоники был окончательно отрезан. В захваченном болгарами г. Нише в ноябре была организована торжественная встреча болгарского царя Фердинанда с Вильгельмом II.

Зажатая в кольцо сербская армия в последний раз попыталась вырваться, пробить себе дорогу на юг, в Салоники. Однако в шестидневной кровопролитной битве у Качаника она была окончательно разбита, теперь она была отрезана и от Салоник, и от Адриатики. Уничтожив артиллерию, остатки боеприпасов и техники, сербы небольшими группами пробивались через горы к албанскому побережью. По горным тропам в условиях зимы уходили остатки армии, призывники и гражданское население, вели пленных и скот. В пути от голода и холода, ран и болезней погибли более 100 тыс. человек. Примерно столько же сумели пробиться. Истощенные и израненные люди, расположившись вдоль албанского побережья, безжалостно уничтожались вражеской авиацией. Эвакуация сербов шла медленно. Особую неорга-

низованность проявили итальянцы, хотя именно им, согласно межсоюзнической морской конвенции, принадлежало руководство операциями на Адриатике. В конце концов дело взяли в свои руки англичане и французы, которые вывели остатки сербской армии и правительство на о. Корфу. Там сербские части были реорганизованы, переформированы и впоследствии влиты в состав Восточной армии, сражавшейся в Македонии.

В результате военного поражения Сербии в феврале 1916 г. капитулировала Черногория, которая была оккупирована австрийскими войсками.

Война на море. 24 января 1915 г. у Доггер-банки в Северном море произошло сражение между крупными боевыми кораблями Англии и Германии. Несмотря на очевидный перевес англичан в количестве судов, скорости хода и артиллерии, немцы сумели избежать полного разгрома и потеряли всего один корабль. Этот бой продемонстрировал ряд технических слабостей немецких кораблей — немцам пришлось принять экстренные меры для их устранения. Позже это принесло свои плоды, но было очевидно, что надводный флот Германии не может существенно помочь армии.

Учитывая крушение надежд на успех действия надводных крейсеров, германское командование решило прибегнуть к использованию для блокады Англии подводных лодок. 18 февраля 1915 г. Германия объявила, что все воды, омывающие Англию, являются военной зоной, в которой любое неприятельское судно подлежит уничтожению без всякого ограничения, тогда как согласно международным нормам призового права для уничтожения или захвата гражданского судна требовалось установить наличие на его борту военного груза, а уничтожить судно можно было только обеспечив спасение команды. Теперь для безопасного плавания нейтральных судов была оставлена узкая полоса в восточной части Северного моря. Германские подводные лодки начали действия на западных подходах к Британским островам, в Ла-Манше, в Северном море, где вели настоящую охоту за торговыми судами. Однако одновременно в море могли находиться на позиции не более 6—7 германских лодок. Это делало блокаду нереальной. К тому же действия подлодок вызвали протесты нейтральных стран, в первую очередь США.

Серьезный кризис в американо-германских отношениях возник уже в мае 1915 г. в связи с потоплением «Лузитании» — большого трансатлантического лайнера, принадлежавшего Англии. 7 мая он был торпедирован у берегов Ирландии немецкой подводной лодкой, при этом погибло около 1200 человек, из них более 120 американцев. Последовал резкий протест американской стороны. Оправдания немцев, указывавших на то, что на

«Лузитании» находился военный груз, не были сочтены достаточно обоснованными, от немцев потребовали специальных извинений, а в ноте от 21 июня, носившей характер ультиматума, американское правительство заявило, что повторение подобных действий будет расценено как «заведомо недружественный» акт. Это привело к тому, что к осени 1915 г. германское командование стало вводить все больше ограничительных мер, подводным лодкам было приказано действовать в рамках призового права.

За 1915 г. германским флотом было потоплено торговых судов общим водоизмещением 1438 тыс. тонн, при этом было потеряно всего 19 лодок. Такие результаты объяснялись главным образом неподготовленностью других флотов к противодействию подлодкам. Только в 1915 г. началось создание средств противолодочной обороны, разработка способов их применения. Началось формирование отрядов судов — охотников за подводными лодками, создание мощных минных и сетевых заграждений. Более интенсивным стало использование морских мин. Все участники войны, имевшие к тому возможность, не только густо минировали собственные воды, но и стремились выставить плотные заграждения на подходах к побережью противника, на путях его военного и торгового флотов.

Итоги кампании 1915 г. Война продолжала расширяться, втягивая все новые и новые страны. Главным театром по-прежнему оставался европейский. Однако там наметились существенные изменения. Во-первых, никому из участников войны не удалось преодолеть позиционного тупика, возникшего на Западном фронте. Возможности маневренной войны на Восточном фронте и на Балканах не были использованы в полной мере. Во-вторых, несмотря на то что Германии удалось сомкнуть территориальный массив союзных с ней стран, все большее беспокойство германского командования вызывала перспектива затяжной войны, которую страна не могла выдержать. Германское руководство всемерно укрепляло собственную коалицию. 10—11 ноября в Берлине был подписан договор между Германией и Австро-Венгрией об экономическом и политическом союзе двух государств сроком на 30 лет. Австро-Венгрия по сути превращалась в сателлита Германии.

Стремясь уйти от перспективы неизбежного поражения в случае затяжной войны, германское командование все чаще и чаще хваталось за разного рода авантюристические предложения, осложнявшие положение страны и не дававшие из-за недостаточных технических возможностей должного эффекта, а то и приводившие к прямо противоположному результату. Ярким примером является подводная война. Начиная ее без достаточного для выполнения поставленных задач числа подлодок, немцы в

политическом отношении больше потеряли, дав англичанам материал для антигерманской пропаганды в нейтральных странах, особенно в США. В самой же Англии подводная война использовалась для сплочения населения, укрепления его решимости, воли к победе. Отлично выполненный плакат «Могила медицинской сестры», на котором изображалось торпедированное немецкой подлодкой госпитальное судно, буквально гнал англичанина на вербовочный пункт. Та же тема была развита в простом, без всяких иллюстраций плакате, состоявшем из одного текста: «Немцы топят госпитальные суда. Англичане никогда не будут делать этого. Англичане никогда не забудут этого». До самого конца войны пропаганда такого рода продолжала оказывать серьезное воздействие на войска и население.

Все более менялся характер боевых действий. По мере истребления кадровых армий готовность пехоты идти в бой снижалась, требовались дополнительные технические средства, способные подкрепить ее решимость и боевые возможности. Войска насыщались автоматическим оружием, огнеметами, траншейной артиллерией, минометами. Началось использование отравляющих веществ. Шли интенсивные эксперименты с гусеничной бронетехникой. Бронеавтомобили, имевшиеся во всех армиях в начале войны, сослужили полезную службу в маневренный период военных действий, но не годились для действий вне дорог, в поле. Продолжало нарастать значение артиллерии, особенно тяжелой. Никого уже не удивляло присутствие на фронте орудий калибром 300 и более миллиметров. Возросла плотность огня — на решающих участках уже собирали 50—100 орудий на километр фронта.

Все большее значение приобретала авиация. Наряду с разведкой и нанесением бомбовых ударов по противнику началась борьба за господство в воздухе — сражения самолетов с самолетами. С марта 1915 г. немцы начали систематические налеты дирижаблей на Лондон, дав задание экипажам — «предать Англию огню и терроризировать население». Война становилась все более жестокой, одновременно приобретая черты войны эпохи индустриального общества. Машины дрались на море и в воздухе, машины готовились выйти на поля сражений. Состояние и уровень развития крупной машинной промышленности прямо определяли уровень боеспособности армий. Существенно менялись требования к подготовке войск, общей грамотности призывных контингентов, возрастало значение технически подготовленных, специальных частей.

В то же время именно тогда проявились первые признаки начавшегося еще более фундаментального переворота в военном деле. Использование отравляющих веществ поставило по-новому

вопрос о самой природе оружия подобного рода. Химическое оружие показало, что оно способно к массовому уничтожению, но пораженные участки трудно будет использовать даже в боевом отношении. Использование боевой химии было логичным применением новейших достижений науки в военных целях — XIX век был назван «веком химии». Однако наметившийся логический тупик в использовании оружия массового поражения не был в полной мере осознан. Разработки боевой химии продолжались — конец войны сопровождался появлением еще более мощных ОВ. Применение их носило взаимный характер, часто в виде ответной меры.

Позиционный тупик и желание преодолеть его породили еще одну проблему. Стремление усилить мощь артиллерийского удара вело и к повышению мощи орудий, и к росту их числа. Многодневная артиллерийская подготовка выдавала противнику направление предстоящего удара, поэтому усилилось стремление нанести удар одним мощным артиллерийским кулаком и в минимальное время. Менялся сам характер поражения — теперь неприятельского солдата поражали не только и не столько осколками, шрапнелью, но и фугасным действием, которое должно было сокрушить долговременные укрепления, зарытые в землю, и уничтожить находящихся там людей. Все попытки создать принципиально иные виды боеприпасов, способные в минимальное время нанести удар максимальной разрушительной силы, пока не имели успеха. Новые виды взрывчатых веществ, создаваемые в ходе Первой мировой войны, были более эффективными, но не обеспечивали желаемого качественного скачка. Как известно, задачу эту удалось решить только обратившись к ядерной физике, к концу Второй мировой войны. Однако основные принципы, идеи и задачи, приведшие через три десятилетия к созданию ядерного оружия, в самом общем виде были сформулированы уже на втором году Первой мировой войны.

КАМПАНИЯ 1916 г.: НАЧАЛО ПЕРЕЛОМА

Оформление политических целей войны. Планы сторон. Подготовка к кампании 1916 г., происходила в иных, нежели прежде, условиях. Война опрокинула все прежние представления о ходе военных действий, степени напряжения экономики, нормах «международного права» и «гуманности». Позиционному тупику, казалось, не было видно конца. В то же время ежедневно война

в чудовищных количествах пожирала войска, снаряжение и боеприпасы. Кадровые армии были либо выбиты, либо, пройдя фронт, во многом изменили свои качества. Став более опытными, закаленными, они требовали иных методов руководства, идейной обработки. Резко возростала роль унтер-офицерского и младшего офицерского состава, росли требования к их подготовке. Нарращивание численности вооруженных сил за счет ополченцев, призванных и обученных уже в ходе войны, в целом не только снижало боевые качества войск, но и делало их восприимчивыми для настроений, которые охватывали широкие слои населения в тылу. Эти настроения, в свою очередь, все более определялись растущими потерями на фронтах, отсутствием перспективы завершения войны, нараставшей нехваткой предметов первой необходимости и продовольствия, переходом к рационарированию, карточной системе, введением жестких мер государственного регулирования производства, трудовых отношений. В экономике в дело были запущены невиданные доселе программы наращивания военного производства — становилось просто невозможно бросать в бой войска, не подкрепив их колоссальным количеством техники и снаряжения.

Все это во весь рост ставило проблему политического и военного руководства, к власти шли новые лидеры, решительные и жестокие, претендовавшие на то, что именно они смогут привести свои страны к победе. Ужесточение руководства войной, в которой все более проглядывали элементы тотальности, ставило перед странами-участницами проблему более четкого определения целей войны.

Первоначально Германия, выдвигая лозунги вроде: «Раздавить Францию», «Три миллиарда долларов и французские колонии», предъявила ряд требований, общий смысл которых сводился у следующему:

- резкое усиление германского влияния повсюду, за исключением Северной Америки. Переход к Германии английских, французских, бельгийских и португальских колоний, Южной Африки;

- в Европе планировалась аннексия железнорудных районов, расположенных на территории Франции. Бельгия должна была находиться в фактической зависимости от Германии. Главным требованием в Европе было установление «прочных стратегических границ». Захваченным и попавшим в зависимость землям надлежало снабжать Германию сырьем, продовольствием и рабочей силой. На завоеванных территориях немцы должны были пользоваться политическими и юридическими преимуществами. В экономике Германия достигла бы автаркии, решилась бы проблема эмиграции;

— Россию следовало оттеснить от Балтийского и Черного морей.

Все эти требования не только были включены в «мирную программу», официально сформулированную Германией в ноябре 1916 г., но и дополнены новыми. Теперь Германия требовала передачи ей всего Конго, возмещения за разрушенную и конфискованную государственную и частную германскую собственность за границей, заключения с Россией торгового договора, предоставляющего максимальные выгоды Германии, передачи Германии английских горных концессий в России.

Союзники Германии также достаточно ясно сумели сформулировать свои цели и требования. В их число вошли «стратегическое улучшение» границ Австро-Венгрии за счет России, Италии, Сербии и Румынии, присоединение к Австро-Венгрии Черногории и установление протектората над Албанией. Предусматривались также территориальные приращения Болгарии за счет Сербии и Румынии.

Эти требования оставались неизменными до самой осени 1918 г.

Военные цели Антанты первоначально были сформулированы в наиболее полном виде российским министерством иностранных дел еще в сентябре 1914 г. Политический и территориальный смысл этих требований сводился к расчленению Германской империи и Австро-Венгрии. Россия претендовала на нижнее течение р. Неман, т.е. по крайней мере часть Восточной Пруссии, Познань, Силезию и Галицию. Эльзас и Лотарингия возвращались Франции, к ней же переходили прусская Рейнская область и Палатинат. Территория Бельгии должна была вырасти за счет Германии, Шлезвиг и Гольштейн возвращались Дании, восстанавливалось королевство Ганновер. Австро-Венгрия предполагалось преобразовать в триединую монархию, состоящую из Австрийской империи, королевства Чехии и королевства Венгрии. К Сербии присоединялись Босния, Герцеговина, Далмация и Северная Албания. Болгария, если бы ее удалось удержать от присоединения к германскому блоку, должна была получить сербскую Македонию, Греция — Южную Албанию, а Италия — Валону. Германские колонии подлежали разделу между Англией, Францией и Японией. Германия и Австро-Венгрия должны были уплатить большую контрибуцию.

Несмотря на такую инициативу русского правительства, ведущая роль в политическом руководстве Антанты принадлежала Англии — в силу ее экономической, финансовой и морской мощи. Именно поэтому, предлагая предоставить России гарантии

свободного прохода через черноморские проливы, российский МИД еще не предъявлял прямых претензий на турецкую территорию. Английская сторона, в свою очередь, не возражая против расчленения Центральных держав, сделала к этой программе ряд существенных поправок. Требовалось в большей степени учесть территориальные претензии Италии и Румынии. Англия категорически выступила против перехода Рейнской области к Франции. Кильский канал подлежал нейтрализации, главные силы германского военного флота — сдаче для последующего уничтожения. Турция в случае выступления против Антанты вообще должна была перестать существовать.

В сентябре 1914 г. к этой программе присоединилась и Франция, заявив при этом, что не ищет в Европе других территориальных изменений, кроме возвращения Эльзаса и Лотарингии. Главной своей целью Франция провозгласила решительное сокрушение политического и военного могущества Германской империи в целом и Пруссии, в частности.

После вступления в войну Турции в практическую плоскость был поставлен вопрос о разделе «турецкого наследства» между союзниками. Начиная с поздней осени 1914 г., когда появились первые признаки затяжной войны, германские эмиссары в нейтральных странах стали обхаживать российских представителей, суля за сепаратный мир радикальное решение вопроса о Дарданеллах на максимально выгодных для России условиях. Это заставило представителей Англии и Франции действовать решительно — далее отделяться неопределенными предложениями и обещаниями становилось не просто невозможно, но и опасно. В марте 1915 г. было достигнуто соглашение, согласно которому Константинополь, проливы и Мраморное море переходили в руки России. Условием такого перехода была реализация планов Англии и Франции не только в других районах Османской империи, но и вообще «в других местах». Таким образом, был поставлен вопрос и о разделе Азиатской Турции.

Неудачи русских войск весной и летом 1915 г. на германо-австрийском фронте заставили русское командование уделять больше внимания военным действиям в Азии — на турецком и персидском фронтах. В условиях неудач на европейском театре эти операции должны были обеспечить России ее долю «турецкого наследства». К началу 1916 г. русской армии удалось достичь на этом направлении значительных успехов — 3 февраля 1916 г. был взят Эрзерум. На фронте протяженностью в 350 км — от Черного моря до озера Ван — русская Кавказская армия открыла себе путь на Трапезунд, Эрзиджан и Сивас. 18 апреля Приморский отряд при поддержке Черноморского

флота занял Трапезунд. В Персии южнее Урмийского озера русская армия, разбив турок и прогерманские вооруженные формирования, заняла провинции Рамадан и Керманшах. Конечной же целью операции было концентрическое наступление на Багдад и решительное овладение им.

Начальник штаба русской Ставки генерал М. Алексеев разработал хорошо продуманный план овладения всей Турцией совместными усилиями союзников. Успехи русской Кавказской армии и появление плана Алексеева совпали с неудачами англичан у Кут-эль-Амарны в Месопотамии, на Галлиполийском полуострове и на подступах к Суэцкому каналу. С одной стороны, успешные операции русской армии могли существенно облегчить положение англичан. С другой стороны, занятие русскими Южной Персии и Месопотамии выводило их в непосредственную близость к Индии, а это вызывало у англичан очень большую тревогу. Именно поэтому ни Жоффр, ни новый английский главнокомандующий Д. Хейг не только не поддержали план Алексеева, но и прямо выступили против любой переброски войск в Малую Азию, утверждая, что это ослабит французский фронт. Таким образом, победы России в Азии не только не способствовали уменьшению противоречий между странами Антанты, но еще больше разожгли их.

Стремясь подстраховаться против растущих претензий России, Англия и Франция предпочли сначала договориться между собой, а затем начать переговоры с Россией. В апреле 1916 г. было достигнуто соглашение между Францией и Россией о разделе Азиатской Турции. В сентябре аналогичное соглашение было подписано между Россией и Англией. По этим соглашениям Россия должна была получить, помимо ранее обещанных ей территорий вокруг Константинополя и проливов, так называемую Большую Армению, включавшую Эрзерум, Трапезунд, Ван, Битлис, Урмию и Курдистан. России была обещана и обширная полоса черноморского побережья западнее Трапезунда, причем границы этой области русское правительство намеренно точно не определяло. (Союзникам, тем не менее, притязания российского правительства в Азии представлялись чрезмерными.)

К Франции должна была отойти так называемая Малая, или Римская, Армения, расположенная западнее предполагаемых русских владений и суживавшаяся по мере приближения к Средиземному морю. К ней же отходили Сирия и Киликия с Александрийским заливом, включая порты Александрию и Мерсину. Палестина преобразовывалась в автономную область. Англия получала южную часть Месопотамии, а в Палестине два крупных порта — Аккру (Акку) и Хайфу.

Аравийский полуостров и примыкавшие к нему на севере территории отводились еще не оформившейся федерации арабских государств, причем территория этой федерации изначально делилась на две сферы влияния. Французская сфера примыкала к будущим французским владениям, в нее входила Северная Месопотамия с Мосульской областью, богатейшим нефтеносным районом. Английская зона влияния находилась южнее, вновь образованные арабские государства заведомо попадали в зависимость главным образом от Англии.

Уже в апреле 1917 г. Англия и Франция без участия России выкроили из «турецкого наследства» кусочек и для Италии, признав за ней право на захват всего средиземноморского побережья Малой Азии от границ французских владений на востоке до Смирнского залива включительно — на западе. Северная граница итальянских владений должна была пройти по прямой от Смирнского залива до Кайсари (ныне г. Кайсери).

В результате всего этого дележа для собственно «независимой Турции» оставался бы жалкий клочок в северной половине Малоазиатского полуострова.

В ноябре 1915 г. генерал М. Алексеев предложил английскому и французскому Генеральным штабам план кампании 1916 г., который исходил из реального опыта первых полутора лет войны. Поскольку было очевидно, что на главных фронтах решающей победы в ближайшем будущем будет добиться трудно, едва ли возможно, предлагалось перейти там к прочной обороне, а главный удар перенести южнее, на наиболее опасное для германо-австрийского блока направление, туда, где противник менее всего ожидал его. Высвободившиеся в результате перехода к обороне на французском фронте десять англо-французских корпусов планировалось перебросить в Салоники. Наступая оттуда, они должны были отбросить австро-германские силы за Дунай и Саву. Сербия становилась плацдармом для наступления англо-французской армии на Будапешт, реорганизованная и пополненная сербская армия взяла бы на себя болгарскую армию. Одновременно с англо-французским наступлением 10 русских корпусов нанесли бы удар по Венгрии, облегчая союзным армиям выход к Будапешту. Эта совместная операция открывала итальянской армии путь на Вену. В результате союзные войска должны были достичь линии Брест-Литовск—Львов—Будапешт, создавались предпосылки для решительного поворота в ходе войны. Ради достижения поставленной цели Алексеев предлагал даже заключить сепаратный мир с Турцией, чтобы высвободить больше войск для главного удара.

План Алексева был отвергнут. Военную часть отвергли английский и французский Генеральные штабы. Политическая часть плана — мир с Турцией — была отклонена высшим российским политическим руководством. На конференции союзных штабов в Шантильи в декабре 1915 г. было решено, что главными фронтами, на которых может быть выиграна война, по-прежнему являются французский, русский и итальянский. Жоффр и Хейг упорно отказывались изменить стратегическую линию. Было решено, что весенние наступления на фронтах должны согласовываться и проводиться по возможности одновременно, чтобы помешать противнику перебрасывать войска с одного фронта на другой. В феврале 1916 г. было решено начать наступление весной по обеим сторонам р. Соммы на фронте в 70 км.

К началу 1916 г. германский блок установил непосредственную связь между всеми своими участниками. Германия получила возможность снабжать техникой, снаряжением и инструкторами армии Турции и Болгарии, получая оттуда продовольствие и сырье. Реальной становилась угроза перехода Румынии на сторону Центральных держав, с перспективой овладения Германией румынскими хлебом и нефтью.

После того как англичане потерпели неудачу в Дарданелльской операции, высвободилась для действий на других фронтах закаленная в боях турецкая галлиполийская армия. В конце 1915 — начале 1916 г. турки перешли в наступление против англо-индийской армии в Южной Месопотамии и стали угрожать Египту.

Германия к началу 1916 г. имела в тылу полтора миллиона вновь обученных войск, резервов, готовых к использованию на любом фронте. В плане кампании 1916 г. Фалькенгайн исходил из того, что силы России надломлены, Франция находится на грани истощения своих сил, Сербия уничтожена, а Италия, убедившись в бесперспективности своих планов, рада будет более или менее приличным способом выбраться из авантюры, в которую легкомысленно ввязалась. Лишь Англия не ослабевала и внушала своим союзникам твердость и уверенность в победе. Германия могла легко расправиться с Италией, тем самым существенно улучшив положение Австро-Венгрии, но военная ценность Италии была невелика. На Русском фронте наступление было возможно не раньше конца апреля из-за климатических условий и состояния дорог. Достаточных сил для операций на русском театре с его обширными пространствами и слабыми путями сообщения у немцев не было. Даже при достижении такой значимой цели, как, например, захват Петрограда, Германия создавала себе больше проблем, чем решала. Она уповала на

то, что Россия сама выйдет из строя, подточенная изнутри революционным движением, которое, по сведениям германского Генерального штаба, неуклонно нарастало. Оставалась, следовательно, только Франция. Нужно было лишь ускорить процесс, в результате которого ослабленная Франция рухнет, из рук Англии будет «выбит меч». Для этого было решено выбрать один стратегически важный пункт, которым не смогут пожертвовать французы, навязать в нем французской армии сражение, окончательно перемолоть ее, заставить французское командование бросить туда свои последние резервы. Таким пунктом стал Верден. Приготовления к наступлению на него начались уже в декабре 1915 г.

Западный фронт. Верден и Сомма. Тщательная подготовка к наступлению на Верден, стягивание ударных корпусов, тяжелой артиллерии, боеприпасов старательно скрывались — подготовка к наступлению имитировалась почти на всем Западном фронте. Немцы были столь уверены в успехе, что уже назначили на конец февраля парад на центральной площади Вердена, который должен был принять кайзер. Французское командование, уже чуть не сдавшее Верден в августе — сентябре 1914 г., в августе 1915 г. приступило к разоружению крепости, вывозу оттуда тяжелой артиллерии. Несмотря на то что французская разведка дала достаточно информации о германских планах относительно Вердена, войска не были готовы к отражению удара. Соотношение сил складывалось в пользу немцев: у них было 270 тыс. солдат при 1 тыс. орудий (из них 640 тяжелых и сверхтяжелых) против 100 тыс. французов, имевших всего 130 полевых и 140 тяжелых орудий.

21 февраля немцы начали наступление чудовищной артиллерийской подготовкой. На укрепления по правому берегу Мааса в кратчайший срок было обрушено более 2 млн фугасных, бетонобойных, зажигательных и химических снарядов. 22 февраля немцы пошли в атаку. Французская пехота, не щадя себя, пыталась остановить немцев, но не имела успеха и несла огромные потери. 25 февраля был взят один из фортов — казалось, что план немцев близок к завершению. Однако через несколько часов под Верден для руководства его обороной прибыл командующий 2-й французской армией генерал Ф. Петэн, который станет славой Франции в Первой мировой войне и ее позором во Второй.

К моменту прибытия Петэна немецкая артиллерия дробила французскую оборону, все пути, особенно железнодорожные, связывавшие укрепленный район с тылом, были либо уже перерезаны, либо находились под огнем немецкой артиллерии. Нуж-

но было выиграть время и перебросить подкрепления. Жестокими мерами был наведен порядок, восстанавливались существовавшие шоссейные дороги, спешно созданные ремонтные части строили новые. По новому шоссе, прозванному «Священной дорогой», пошел поток, состоявший из 3900 автомобилей: 1 грузовик каждые 14 секунд. С 27 февраля по 6 марта было переброшено 190 тыс. человек подкреплений и 25 тыс. тонн боеприпасов. Вскоре у Петэна было 420 тыс. солдат и 16 тыс. офицеров, продолжали прибывать тяжелая артиллерия и боеприпасы. В удержании Вердена немалую роль сыграли автомобильные перевозки. Немцы, чрезмерно полагавшиеся на свои железные дороги с их превосходной организацией, не сумели вовремя учесть появление нового, гораздо более гибкого транспортного средства, эффект его массового применения.

Несмотря на то что Верден был хотя бы на время спасен, положение французской армии оставалось достаточно тяжелым. Обращение за помощью к союзникам имело лишь частичный успех. Англичане не перешли в наступление на своем участке фронта, но заняли участок, ранее занятый французами. В результате под Верден была переброшена французская 10-я армия. Итальянцы, ссылаясь на неблагоприятные погодные условия, ничем не помогли. В середине марта русская армия начала наступление в районе озера Нарочь в направлении на Вильно. Не оказав большого влияния на ход дел на Восточном фронте, оно заставило германское командование вновь перебросить часть сил против русских, ослабив нажим на Верден.

Кульминационная стадия сражения за Верден началась 6 марта, когда немцы начали новое наступление вдоль левого берега Мааса. Ожесточенная борьба развернулась за несколько высот, переходивших из рук в руки, в этой борьбе были погублены десятки тысяч солдат и истрачены сотни тысяч снарядов. 7 июня ценой невероятных усилий немцы взяли еще один форт на правом берегу Мааса, но это был их последний успех, наступление русского Юго-Западного фронта и английское на Сомме уже не позволяли им в должной мере наращивать усилия. Продолжали расти количество и мощь используемой под Верденом артиллерии — в дело вступали все более и более мощные артиллерийские системы, вплоть до 380 и 420-мм пушек и гаубиц.

1 июля началось наступление англо-французских сил на Сомме. Союзники имели первоначально 86 полнокровных дивизий против 67 немецких. Наступлению предшествовала тщательнейшая подготовка английской пехоты на специальных полигонах и полосах препятствий. Превосходным был людской состав — в бой

должна была идти «армия Китченера», части которой в значительной мере состояли из добровольцев, набранных из квалифицированных рабочих и среднего класса Англии и ее белых доминионов, физически отлично развитых, прекрасно снабженных, обладавших высоким боевым духом.

Тем более страшными были результаты первых дней наступления. 24 июня началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся целую неделю, однако бетонированные пулеметные точки немцев не были полностью подавлены. Когда на одном из участков прорыва 1 июля в атаку встало 60 тыс. англичан, менее чем через час почти треть из них уже лежали мертвыми в нейтральной полосе или умирали на остатках немецких проволочных заграждений. Очень скоро сражение приняло уже привычную форму медленного «прогрызания» фронта ценой огромных потерь. Одна атака сменяла другую, контратака следовала за контратакой — ощутимого результата не было. Не помогло и введение в дело 15 сентября первых танков: их было слишком мало, методика применения не была отработана, танки выходили из строя не столько от неприятельского огня, сколько из-за неисправностей двигателя и ходовой части. Именно поэтому немецкое командование не обратило внимания на новое оружие. Танк сочли неудачной «механической игрушкой».

Сражение на Сомме продолжалось до ноября. Достигнутые результаты были несопоставимы с потерями: у немцев было отвоевано около 180 кв. км территории, потери англичан составили 420 тыс. человек, французов — 200 тыс., а немцев — 600 тыс. человек.

Бои на Сомме и наступление русских войск против Австро-Венгрии заставили немцев уменьшить напор под Верденом. В результате французы 18 августа начали контрнаступление, инициатива в верденском сражении перешла к ним. Они сумели вернуть себе ряд пунктов, жизненно важных для всей системы обороны. Немцы не сумели ни взять Верден, ни устроить французской армии «мясорубку». Когда к 21 декабря битва затихла, потери были примерно равными — примерно по 400 тыс. человек с каждой стороны.

Восточный фронт. Брусиловский прорыв. Первоначальные планы русского командования предусматривали наступление против немецких войск на Западном и Северо-Западном фронтах. Именно там были сконцентрированы основные подкрепления, резервы, туда направлялась основная масса тяжелой артиллерии и боеприпасов, которых русская армия с каждым днем получала все больше. Однако вмешались дополнительные обстоятельства, заставившие досрочно перейти в наступление, притом вовсе не

там, где планировался главный удар. Во-первых, союзники требовали помочь французской армии, истекавшей кровью под Верденом. Во-вторых, в очень тяжелое положение попала итальянская армия. 15 мая австрийцы начали наступление в Трентино, между озером Гарда и рекой Brenta. За несколько дней они не только захватили три линии итальянских укреплений, но и нанесли итальянцам ощутимые потери, к тому же создалась угроза прорыва австро-венгерской армии на венецианскую равнину, в тыл позициям на Изонцо. Итальянский командующий генерал Л. Кадорна и сам король требовали помощи, хотя 1200 тыс. итальянцев противостояло не более 600 тыс. австрийских войск. Англичане и французы также настаивали, чтобы Россия оказала Италии немедленную помощь. Результатом стало наступление Юго-Западного фронта, тянувшегося на 400 км — от Пинских болот до румынской границы.

К началу наступления фронт, которым командовал генерал А. Брусилов, не имел численного превосходства над противостоявшими ему австро-венгерскими войсками. У германских и австрийских войск было больше тяжелой артиллерии, располагались они в долговременных, тщательно построенных укреплениях, при создании которых был учтен опыт войны. Командование Центральным державам считало, что если русская армия на что-то и способна после отступления 1915 г., то во всяком случае не на этом участке фронта. Русское же командование тщательно готовилось к удару, сумев не только в полной мере соблюсти секретность при подготовке наступления, но и вскрыть систему противостоявшей ему обороны противника на всю ее глубину.

Рано утром 4 июня Юго-Западный фронт начал артиллерийскую подготовку. Она шла на широком фронте по заранее вычисленным целям — короткий и мощный огневой удар подавил вражескую оборону, ее огневые точки, но не дал противнику времени понять, где же, собственно, удар наносится. Уже к 5 июня австро-венгерский фронт восточнее Луцка был прорван, через пару дней в нем зияла брешь в 50 км шириной. От 4-й австро-венгерской армии остались в буквальном смысле клочья, по всему фронту отступала 7-я армия. Армии Брусилова шли вперед, захватывая пленных, трофеи, они заняли всю Буковину, часть Южной Галиции, вновь достигли карпатских перевалов. После взятия Луцка открывалась дорога на Ковель. Дальнейшее продвижение русских в Галиции грозило Центральным державам потерей галицийской нефти и вторжением в Венгрию.

Германское командование вынуждено было перебрасывать силы с одного фронта на другой. Решительно сняв часть войск

с Западного фронта и с других участков Восточного фронта, Фалькенгайн быстро создал новую мощную армию, брошенную против Брусилова, и уже 16 июня эта армия перешла в наступление против русского Юго-Западного фронта. Однако он продолжал продвигаться вперед вплоть до 18 сентября. Наступление других русских фронтов, которые должны были нанести главный удар, не имело успеха, а передать их резервы и запасы Брусилову русское верховное командование вовремя не сумело.

Тем не менее результаты наступления были огромными: в плен были взяты почти 9 тыс. офицеров и 408 тыс. солдат, большая часть Галиции была занята русскими. Политические результаты наступления были еще больше. Австро-Венгрия в военном отношении очутилась на грани поражения, ее спасло только прибытие немецких войск. 27 июля все австро-венгерские войска на Восточном фронте были подчинены Гинденбургу, австрийское командование полностью утратило оперативную самостоятельность. Отныне австро-венгерские войска допускались к широкомасштабным действиям против русских только будучи «затянутыми в жесткий корсет», состоявший из немецких частей. В самой Австро-Венгрии резко обострился политический кризис, усилились позиции сторонников сепаратного мира.

К другим военным последствиям наступления Юго-Западного фронта можно отнести и ослабление натиска на Верден, и приостановку австро-венгерского наступления в Трентино, и итальянское контрнаступление, начатое 16 июня, и, наконец, вступление Румынии в войну на стороне Антанты. Перед лицом столь серьезных событий в немецком верховном командовании начались крутые перемены. 28 августа Фалькенгайн был заменен на посту начальника Генерального штаба Гинденбургом. Генерал-квартирмейстером при нем был назначен Людендорф. Фалькенгайн же был назначен командующим армией, действовавшей против Румынии. Дело это выходило за рамки простой смены лиц — менялся курс ведения войны. К управлению пришли наиболее последовательные представители прусского милитаризма. В стране фактически была установлена диктатура Гинденбурга—Людендорфа, кайзер превратился в игрушку всемогущих генералов, канцлер как политический руководитель все более терял свое значение. Через год Бетман-Гольвег был заменен бесцветным и безликим чиновником Г. Михаэлисом. В экономике в дело была запущена «большая программа Гинденбурга» — жесткая система мер военного государственно-монополистического регулирования, целью которой было нарастить военное производство и обогнать союзников по выпуску оружия, боеприпасов и снаряжения.

Наконец, германское командование сделало решающий шаг в деле создания органов управления коалиционной войной. 6 сентября было организовано Верховное военное управление Центральных держав — Германии было передано военное руководство австро-венгерской, болгарской и турецкой армиями на всех фронтах.

Разгром Румынии. Успехи русской армии, занявшей почти всю Буковину, оказали определяющее влияние на решение румынского правительства вступить в войну. Румынская армия была откровенно не готова к войне, ее командование и не думало учитывать опыт военных действий, которые велись уже третий год. Столь же алчная, сколь и некомпетентная правящая верхушка Румынии сочла момент подходящим для реализации своих помыслов о захвате Трансильвании и Баната.

Настроениям румынского правительства потворствовали правительства и командования Англии и Франции. Они всерьез полагали, что переход Румынии на сторону Антанты может заставить Болгарию отойти от Центральных держав и ускорить присоединение Греции к Антанте, т.е. фактически поставит Балканы под их контроль и изолирует Турцию. Русское командование считало, что для союзников будет лучше, если Румыния останется нейтральной, т.к. она не сможет оказать Антанте никакой серьезной помощи, но потребует существенных сил русской армии для ее спасения. Однако англо-французская сторона продолжала настаивать на своем, она обещало румынам начать наступление на Салоникском (Македонском) фронте, которое должно было оттянуть на себя болгаро-турецкие войска, а от России добилась согласия на посылку двух дивизий для обороны Добруджи против Болгарии.

17 августа 1916 г. Румыния заключила договор с Францией, Италией, Англией и Россией, по которому ей предоставлялось право аннексировать Трансильванию и Банат, она же обязывалась начать войну против Австро-Венгрии. Румыния объявила войну Австро-Венгрии 28 августа. Уже 6 сентября болгарская армия нанесла румынам в Добрудже серьезный удар, и те потребовали помощи от союзников. Наступление Салоникского фронта могло бы исправить положение, но, начавшись 9 августа, оно к 17 августа завершилось неудачей. Теперь от России требовали уже не посылки двух дивизий, но гораздо более масштабной помощи.

Салоникская армия после августовской неудачи бездействовала, болгарские и немецкие дивизии, переброшенные в Добруджу, энергично оттесняли румын — России против собственной воли пришлось брать на себя всю тяжесть кампании на ру-

мынской территории. Чтобы помочь Румынии, русский Юго-Западный фронт возобновил наступление на всем участке от пинских болот до румынской границы в направлении на Владимир-Волынский и Галич. В Румынию была послана целая армия, русская сторона взяла на себя снабжение румын военным снаряжением. Однако исправить положение было очень трудно — румынская армия оказалась мало боеспособной. 29 сентября австро-германская армия под командованием Фалькенгайна начала стремительное наступление из Трансильвании, вытеснила вторгшихся туда румын и сама вторглась в Валахию. Германско-болгаро-турецкая армия, руководимая Макензеном, возобновила наступление в Добрудже и вошла в Валахию с юга. Теперь Фалькенгайн с севера и Макензен с юга зажали в тиски плохо вооруженную, слабо обученную и нестойко сражавшуюся румынскую армию. Румыны не сумели сдержать противника ни в горных проходах, ни на водных преградах — путь на Бухарест был открыт.

6 декабря немцы взяли Бухарест. Русские войска противостояли теперь войскам Фалькенгайна и Макензена в Молдавии. Русский фронт вырос на лишних 500 км, наступательный порыв войск Юго-Западного фронта был растрочен без необходимости, растрочены были и столь необходимые резервы. Румынская катастрофа имела и политические последствия — она вызвала отставку Жоффра, положила конец его диктатуре во Франции. В Англии был ускорен приход к власти Д. Ллойд-Джорджа. Однако и Германия не извлекла из поражения Румынии особых выгод. Немецкая сторона растратила последние резервы, явно исчерпанные за время кампании 1916 г.

Война на море. Германский флот продолжал попытки вовлечь в бой часть английского флота и уничтожить англичан превосходящими силами. С этой целью осуществлялись набеги на английское побережье, проводились демонстративные действия линейных крейсеров, поддерживаемых главными силами флота Открытого моря с привлечением подводных лодок и дирижаблей.

В результате одной из подобных демонстраций, 31 мая — 1 июня 1916 г., состоялось Ютландское сражение, единственное за войну сражение основных сил флотов противников. Первый и последний раз встретились крупные линейные флоты — предмет гордости и заботы великих держав накануне войны, участники гонки морских вооружений, «съевшей» сотни миллионов золотом. В сражении приняли участие с английской стороны 28 линкоров, 9 линейных крейсеров, 8 броненосных и 26 легких крейсеров, 79 лидеров и эскадренных миноносцев; с немец-

кой — 16 линкоров, 5 линейных крейсеров, 6 линкоров-додреднуотов, 11 легких крейсеров и 61 эскадренный миноносец.

Бой начался со столкновения эскадр линейных крейсеров — кораблей с мощной артиллерией, повышенной скоростью хода и облегченной, по сравнению с линкором, броневой защитой. В этой фазе боя успех, несмотря на превосходство англичан в калибрах артиллерии и численный перевес, сопутствовал немецкой стороне. Неудачно расположенная и недостаточно толстая броня английских кораблей не выдерживала немецких снарядов, а чрезмерно чувствительное содержимое английских боеприпасов детонировало в собственных артиллерийских погребах. Громадные корабли один за другим мгновенно исчезали во вспышках чудовищных взрывов. Немецкие корабли, напротив, хорошо выдерживали попадания более крупных английских снарядов. Казалось, что у немцев появилась реальная возможность уничтожить часть, притом лучшую, британского флота. Однако в решающий момент к месту боя подошли 24 линкора — основные силы британского флота. Проявив мастерство истинного флотоводца, немецкий адмирал Р. Шеер сумел буквально «выдернуть» свой флот из-под артобстрела, спасая его от неминуемого уничтожения, и увести под покровом ночи.

В результате сражения английской флот потерял 3 линейных крейсера, 3 броненосных крейсера, 8 лидеров и эсминцев; немецкий флот потерял линейный крейсер, линкор-додредноут, 4 легких крейсера и 5 эскадренных миноносцев. Потери англичан были больше, но общее превосходство британского флота сохранялось. Немцам не удалось ни прорвать блокаду, ни тем более добиться перелома в ходе войны на море. Английский флот по-прежнему сохранял высокую боевую готовность.

19 августа германский флот снова предпринял попытку навязать бой части сил английского флота и уничтожить их. Однако на сей раз выход флота Открытого моря, усиленного группами подводных лодок и дирижаблей, не привел к бою.

Германские подводные лодки продолжали действовать на морских путях в рамках призового права. Действия подводного флота, на который теперь возлагалось все больше надежд, стали предметом острых разногласий в германском руководстве. Наиболее непримиримо настроенные круги верховного командования и поддерживавшие их лидеры политических партий упрекали канцлера Бетман-Гольвега в слабости, порицали его за удаление адмирала А. Тирпица, сторонника беспощадной подводной войны. В вину канцлеру ставилось данное правительству США обещание не топить больше торговые суда без предупреждения и до спасения их экипажей. В октябре 1916 г. верховное командование вновь

поставило вопрос о беспощадной подводной войны. Канцлер сопротивлялся, не видя в ней большой пользы для Германии и опасаясь обострения отношений с Соединенными Штатами. Большинство рейхстага приняло сторону верховного командования. 6 октября рейхстаг принял резолюцию, гласившую, что в своих решениях канцлер должен опираться на мнение верховного командования, и если оно примет решение о беспощадной подводной войне, то канцлер может быть уверен в согласии рейхстага. Таким образом, были санкционированы наиболее решительные и, следовательно, жестокие методы ведения морской войны. Военное руководство Германии все больше подминало под себя политическое руководство страны.

Итоги кампании 1916 г. Кровопролитнейшие бои под Верденом и на Сомме, на Восточном и Кавказском фронтах, Ютландское сражение и подводная война не дали пока решающего перевеса ни одной из сторон. Германская армия не потерпела ни одного поражения, но резервы ее были исчерпаны. Австро-Венгрия могла держаться только благодаря поддержке Германии. Захват Румынии упрочил положение немецкой армии на Балканах, но Македонский фронт стабилизировался, союзная армия в Македонии крепла, набирала силы и ждала своего часа.

Усилия немцев прорвать морскую блокаду не увенчались успехом, англичане продолжали господствовать на море. Союзное командование создало эффективную систему экономической войны, нейтралов кнутом и пряником побуждали свертывать всякую торговлю с Германией. Немецкая военная экономика задыхалась без цветных металлов, каучука, топлива, продовольствия. В марте 1916 г. на стороне Антанты в войну вступила Португалия. Ее вооруженные силы были невелики, дело ограничилось посылкой во Францию нескольких дивизий, однако теперь все ресурсы Португалии были в распоряжении Антанты, захлопнулась еще одна щель, через которую Германия могла добывать столь нужные ей сырье и продовольствие.

Растратив в 1916 г. свои резервы, Германия так и не добилась перелома в войне в свою пользу. Для Антанты 1916 год был в отношении резервов очень тяжелым, но к концу года кризис был в целом преодолен — наладилось не только правильное обучение войск и их закаливание в боях, но и производство вооружений. Становившееся все более реальным вступление в войну Соединенных Штатов должно было окончательно решить вопрос о перспективах затяжной войны.

Вместе с тем окончательное истребление кадровых армий, тяготы военной экономики, подспудный рост недовольства населения — все это с необычайной силой ставило вопрос о руковод-

стве войной. В Германии он был решен установлением диктатуры Гинденбурга—Людендорфа — представителей наиболее агрессивных милитаристских кругов. Сентябрьское решение французской палаты депутатов, отвергнувшей любую возможность заключения компромиссного мира, означало победу сторонников стратегии сокрушения, «решительного удара». В английском правительстве возник было серьезный кризис, вызванный выступлением Ллойд-Джорджа, призвавшего к такой же линии — курсу на «сокрушительный удар». Однако в результате дискуссии в недрах правительства так называемая «пораженческая линия» была отвергнута, англичане также отказались обсуждать любую возможность переговоров с Германией до нанесения ей полного военного поражения.

Вместе с тем обострение внутреннего положения толкало руководство тех стран, где оно было наиболее опасным, на поиски путей к сепаратному миру. Обострились разногласия в правящих кругах Австро-Венгрии. После смерти императора Франца-Иосифа его преемник Карл начал демонстрировать стремление отойти от жесткой прогерманской ориентации, выйти из-под немецкого контроля.

Через несколько дней после взятия Бухареста немецкое правительство обратилось к правительствам противостоящей коалиции с предложениями о мире. Предложения эти, ничего не говорившие о судьбе Бельгии, Сербии, занятых немцами русских территорий, были направлены на раскол союзников. Они были скорее всего элементарным зондированием, стремлением ослабить противостоящий блок. Характерно, что с наибольшим вниманием к ним отнеслись в некоторых политических кругах России, где нарастание революционного кризиса предопределяло податливость в отношении подобных предложений.

Более добросовестный характер носили предложения о мирных переговорах, выдвинутые в это время нейтральными странами — Данией, Норвегией, Швейцарией. Эти пацифистские по своей природе инициативы не встретили отклика ни в одной из воюющих стран. Предложения, исходившие от США (президент В. Вильсон призвал воюющие стороны официально заявить о своих целях), были связаны с тем, что американское правительство, готовясь вступить в войну, было озабочено идеологическим, пропагандистским обеспечением этого шага.

Война вступала в такую фазу, в которой как никогда прежде возрастала роль руководства, его способность вести страну к победе, учитывать собственные силы и возможности противостоящей стороны.

1917 ГОД: РЕВОЛЮЦИИ И КАТАСТРОФЫ

Планы сторон. Итоги кампании 1916 г. поставили перед военным и политическим руководством Антанты вопрос о более тесной координации боевых операций в наступающем году. На конференциях военных и политических руководителей Антанты в конце 1916 г. были приняты решения начать весной 1917 г. одновременное наступление на Западном, Русском, Итальянском и Македонском фронтах. В условиях роста военного производства, успешного накопления боеприпасов и снаряжения, когда вступление в войну Соединенных Штатов стало практически решенным делом, такое скоординированное наступление могло принести удачу. Антанта вступала в кампанию 1917 г., имея наиболее мощную за все годы войны материально-техническую базу. Ее армии превосходили противника по численности на 40 процентов.

Для Германии и ее союзников кампания 1917 г. носила характер стратегической обороны. Германская Ставка признала, что она не в состоянии добиться победы усилиями одной армии. На заседании Коронного Совета 9 января 1917 г. было решено, под давлением Ставки и вопреки мнению канцлера, перейти к неограниченной подводной войне, в том числе и против судов нейтральных стран. Верховное командование обещало через шесть месяцев поставить Англию на колени. Возражения, сводившиеся к тому, что такие меры ускорят вступление в войну США, не возымели действия. Немецкое военное руководство считало, что США еще не имеют боеспособной армии, а когда она появится, немецкие подлодки не допустят в Европу ни одного американского солдата. Стратегическая оборона на суше должна была сочетаться с ударом по главному противнику — Англии — на море. Одновременно германский Генштаб планировал широкое развертывание воздушной войны. Нанесением ударов по крупным городам Англии и Франции, прежде всего Лондону и Парижу, немецкое командование предполагало вызвать панику среди широких слоев населения, спровоцировать политические потрясения и ускорить поражение союзников. Оборона на земле, наступление на море и в воздухе — таков был германский план на 1917 год.

Одновременно Германия готовилась к решительным сухопутным операциям в 1918 г., имевшим целью разгром Франции. Все хозяйство страны было подчинено выполнению «большой программы Гинденбурга», направленной на достижение матери-

ально-технического перевеса над противником. В стране была введена всеобщая трудовая повинность для граждан с 16 до 60 лет; несмотря на напряженное положение на фронте, значительное число квалифицированных рабочих было возвращено из армии в промышленность. Очень тяжелым было продовольственное положение страны, ощущалась постоянная нехватка энергоресурсов и сырья, широко распространилось применение эрзацев — всевозможных заменителей. При выполнении «программы Гинденбурга» в Германии пускали в переплавку оборудование легкой промышленности.

Положение Австро-Венгрии было еще хуже — она официально заявила своим союзникам, что вряд ли сумеет продержаться дольше осени 1917 г., и начала непосредственные попытки поисков сепаратного мира. Другие союзники Германии находились в столь же отчаянном положении, их судьба должна была решиться в боях на основных фронтах мировой войны.

Однако все стратегические расчеты сторон были в значительной мере перечеркнуты событиями в России.

Революция в России и военные действия на Восточном фронте. События, начавшиеся в феврале (марте по новому стилю) 1917 г. в России, в значительной мере были подстегнуты войной. С одной стороны, чисто военное положение России к началу 1917 г. никак нельзя было назвать катастрофическим: фронт стабилизировался в западной части Белоруссии, Украины, была потеряна часть прибалтийских губерний, но позиции под Ригой успешно удерживались более полутора лет. Стратегические склады были заполнены боеприпасами — к марту 1917 г. их производство в стране достигло максимальной за всю войну величины. Нарастивалось производство артиллерийских орудий и пулеметов, в строй вступали новые заводы. Развертывали производство созданные в ходе войны отрасли — авиа- и моторостроение, радиотехника, производство боевых ОВ, появились первые образцы собственной бронетехники. Несмотря на серьезность проблемы, в стране еще имелся достаточный запас продовольствия. Слабым местом экономической структуры России был транспорт, но он в целом не подвергался серьезным ударам противника, удалось даже построить несколько стратегически важных железных дорог. Проблема состояла скорее в эффективности его использования.

Гораздо серьезнее была проблема комплектования армии. К 1917 г. при 170 млн населения Российской империи в армию были мобилизованы 19 млн человек (мобилизации подлежали в первую очередь жители собственно России, жители же «национальных окраин» призывались выборочно, в основном на добро-

вольной основе). Это означало, что людские ресурсы были практически исчерпаны. Бездумное бросание в бой плохо подготовленных частей вело к огромным потерям, в пехоте состав некоторых частей сменился по 8—10 раз. В армию было призвано много далеко не молодых, обремененных семьей и хозяйством людей, в основном крестьян. Все попытки русского командования как-то разрешить эту сложную ситуацию, демобилизовав старшие контингенты, вернув их в народное хозяйство, улучшив снабжение армии и ее подготовку, блокировались категорическим несогласием союзников. Они требовали наращивания численности русской армии, превращавшего ее в слабо обученное пушечное мясо, в котором должна была вязнуть немецкая военная машина. Нехватка офицерского и унтер-офицерского состава приняла размеры бедствия. Неуклонно ухудшалось качество руководства войсками, особенно непосредственно на поле боя, падал и без того малоэффективный контроль за морально-политическим состоянием. И все же, несмотря на все проблемы, положение еще не было катастрофическим, возможности для продолжения войны не были исчерпаны.

С другой стороны, к концу 1916 г. в России были очевидны признаки надвигающегося поражения. В стране начался распад системы управления, «самоликвидация старой власти», о которой говорили современники. Архаичные управленческие структуры не были готовы к решению задач первой в истории войны, развивавшейся по законам индустриального общества. Понимание таких проблем, как организация работы экономики, ее отдельных отраслей, их взаимодействия в масштабе, отвечающем потребностям войны, почти полностью отсутствовало в высшем эшелоне власти. Он-то и оказался дезорганизован первым, развал шел от высших уровней государственного аппарата к низшим, от тыла к фронту. Тогдашние правители России проявили неспособность использовать даже находившийся в их распоряжении людской, продовольственный и промышленный потенциал страны. С этой точки зрения Россия к концу 1916 г. стояла перед серьезнейшим кризисом.

В условиях очевидной социальной напряженности либеральные думцы и представители военной бюрократии подготовили переворот, целью которого было установление твердой власти, способной, по их мнению, эффективно подавить недовольство внутри страны, использовать имеющиеся ресурсы и довести войну до конца. Союзники России по Антанте поддерживали эти планы. Во-первых, они опасались возможности сговора царской России и кайзеровской Германии. Во-вторых, Великобритания и Франция надеялись, что новое русское правительство будет более

уступчивым в отношении раздела Турции, где, по их мнению, Россия достигла в 1916 г. чрезмерных военных и дипломатических успехов. Все эти усилия стали особенно интенсивными с осени 1916 г. Однако к концу февраля 1917 г. развитие политического кризиса вырвалось за эти рамки. В дело начали включаться все более широкие слои населения и такие политические силы, о которых вначале не могло быть и речи. Процесс стал развиваться по собственной логике, логике революции.

Важнейшим последствием Февральской революции для Восточного фронта стало ускорение развала русской армии. Уже с 1915 г. хронической проблемой была нехватка офицерских и унтер-офицерских кадров, тогда же начались случаи массовой сдачи в плен. С 1916 г. не менее острой проблемой стало дезертирство, упадок боевого духа войск. Неспособность русского командования использовать успехи весны—лета 1916 г. — лишь одно из проявлений общего кризиса руководства армией и страной. Теперь все эти процессы приняли лавинообразный характер. Русская армия стремительно теряла боеспособность. На русско-германском фронте до лета установилось фактическое перемирие. Немецкое командование резонно полагало, что активные военные действия могут затормозить процесс разложения русской армии, и сознательно не вело их. В апреле 1917 г. немцы провели успешную операцию в районе Ковеля, имевшую целью ликвидацию русского плацдарма на р. Стоход, были захвачены пленные и трофеи. Однако этот успех вызвал тревогу в правительственных кругах Германии, стремившихся заключить с Россией компромиссный «мир по соглашению». Имперский канцлер обратился к Людендорфу с просьбой как можно меньше рекламировать победу. Германское верховное командование по соглашению с правительством запретило командующему Восточным фронтом предпринимать какие-либо широкомасштабные действия.

18 июня началось наступление русского Юго-Западного фронта, имевшее целью овладение Львовом. В нем приняли участие четыре армии, обильно снабженные артиллерией и боеприпасами. Русские войска превосходили противника по тяжелой артиллерии более чем в два раза, а по легкой — в три. В первые дни наступление развивалось удачно, оно велось главным образом отборными, преданными Временному правительству и генералитету ударными частями. Были прорваны три линии неприятельской обороны, взято много пленных и трофеев. Но при этом и русские войска понесли большие потери, ударные части были обескровлены, глубокого прорыва осуществить не удалось. Тогда в дело были введены новые силы, призванные развить намечав-

шийся успех. Однако по мере развития русского наступления темп его падал, ударные части истекали кровью. Остальные части не желали идти в бой, митинговали, убивали офицеров. К этому добавилась ставшая уже традиционной для русской армии несогласованность действий отдельных соединений.

Немецкое командование начало готовить контрудар, стремясь не допустить, чтобы удачное наступление усилило позиции сторонников продолжения войны внутри России. В распоряжение генерал-фельдмаршала Леопольда Баварского были предоставлены дополнительные части, переброшенные с Западного и Македонского фронтов, а также австро-венгерские части с Итальянского фронта. Ударная группировка, сосредоточенная в районе Злочева, должна была нанести удар вдоль железной дороги Львов—Тарнополь в стык русских армий. Дальнейшие события, названные современниками «тарнопольским погромом», имели огромные последствия для внутривойсковой ситуации в России.

6 июля ударная группировка немцев начала артиллерийскую подготовку. При этом широко использовалось химическое оружие, включая новый сильнодействующий газ «желтый крест», от которого не спасали противогазы. Перешедшие в наступление немецкие войска отбросили противостоявшие им русские части и начали развивать удар в юго-восточном направлении. Все попытки русского командования остановить прорыв не имели результата: атакованные русские части несли большие потери, не могли оказывать серьезного сопротивления, отступали, отход одних частей обнажал фланги других. Солдаты из-за опасности окружения, зачастую воображаемой, бросали позиции и уходили в тыл, даже не дожидаясь атаки противника. Немецкое наступление стремительно развивалось. Только к 21 июля, когда немцы овладели г. Черновцы, их удалось остановить на р. Збруч. Главной причиной остановки германского наступления было отсутствие достаточного количества боеспособных дивизий, потери и трудности снабжения.

Русская армия в итоге закончившегося неудачей наступления Юго-Западного фронта потеряла более 132 тыс. солдат и офицеров.

Не принесло русской армии успеха и наступление на Румынском фронте, предпринятое в соответствии с решениями межсоюзнической конференции в Шантильи (ноябрь 1916 г.). Вскоре после этой конференции румынская армия в очередной раз потерпела поражение, она практически перестала существовать как боевая сила, остатки ее были отведены в русский тыл. Румынский же фронт практически удерживали русские части,

притом русскому командованию пришлось перебросить туда около четверти всех своих войск, ослабляя другие фронты. Летнее наступление русской и восстановленной румынской армии должно было вестись одновременно с наступлением Салоникского фронта и в случае успеха привести к разгрому Болгарии.

Сроки наступления неоднократно переносились, оно было начато только 9 июня. Первоначально русские войска, преодолевшие укрепленные позиции немцев, продвинулись вперед. Однако именно в это время начал откатываться назад Юго-Западный фронт, открывая фланг Румынского фронта. Было принято решение приостановить наступление. Нестойкие румынские части все чаще приходилось заменять русскими. Пользуясь паузой, фельдмаршал Макензен, вступивший в командование немецкими войсками на этом участке, предпринял наступление, имевшее целью окружение русских и румынских войск, овладение всей Молдавией и остатками румынской территории, захват нефтеносных и хлеботородных районов, выгодных плацдармов для дальнейших действий против Юга России. 24—27 июля разгорелись упорные и кровопролитные бои, атаки и контратаки следовали одна за другой, доходило до рукопашного боя. Не выполнив из-за общей несогласованности поставленных при наступлении задач, войска Румынского фронта тем не менее сорвали планы немецкой стороны, предполагавшие соединение с войсками, наступавшими в Буковине и Галиции. Тем самым были несколько смягчены последствия поражения Юго-Западного фронта.

Еще более плачевными были результаты наступления русских войск Западного и Северного фронтов, которые должны были наносить вспомогательные удары, способствуя наступлению Юго-Западного фронта. Несмотря на тщательность подготовки, командование не имело ни малейшей веры в боеспособность собственных частей, которые открыто выносили постановления не наступать. Лишь под угрозой расформирования и разоружения дивизии трех армий заняли позиции. 6 июля на Западном фронте началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся три дня, а 9 июля — наступление в общем направлении на Вильно. Продвижение русских войск продолжалось всего несколько часов: немцы пришли в себя, начали контратаковать, в дело вступили неуничтоженные огневые точки. Но русские войска редели не столько из-за огня неприятеля, сколько из-за того, что солдаты попросту разбегались. Чтобы не усугублять положения, русское командование отдало 10 июля приказ о переходе к обороне. На Северном фронте наступление продолжалось два дня — с 8 по 10 июля. Успешно прорвав вражескую оборону, русские войска отказались двигаться дальше, причем в ряде мест солдаты препят-

ствовавали ведению по немцам артиллерийского огня. Применить же оружие для наказания нарушителей приказа командование не могло, поскольку на всем Северном фронте не было достаточно надежных частей.

Отразив летнее наступление русской армии, немецкое командование в конце августа — начале сентября предприняло операцию по овладению Ригой. Плацдармы, прикрывавшие подступы к городу, удерживались русской армией с 1915 г., они были хорошо оборудованы. Город защищали стойкие части. Под Ригой бок о бок дрались латышские стрелки и добровольческие батальоны, включая офицерские. Для прорыва обороны немцы использовали тактическую новинку, прежде не применявшуюся ни на одном из фронтов. В атаку были брошены штурмовые группы, составленные из отборной, опытной и отлично обученной пехоты. Эти ударные группы умело просачивались между опорными пунктами оборонявшихся, блокировали и уничтожали их. (Применяя подобную тактику, но в большем масштабе, немцы весной 1918 г. успешно прорвали оборону союзников на Западном фронте). Русские части, занимавшие подступы к Риге, оказали яростное сопротивление, но, понеся большие потери, не получили подкрепления и были вынуждены отойти. Рига считалась дальним подступом к Петрограду, между немцами и столицей не было теперь крупных естественных рубежей.

Овладев Ригой, немецкое командование не могло в полной мере воспользоваться плодами своей победы, использовать рижский порт и весь транспортный узел, взять под контроль Рижский залив, пока в руках русских находился Моонзундский архипелаг. Поэтому германское командование организовало крупномасштабную операцию по прорыву в Рижский залив, составной частью которой стал десант на Моонзундский архипелаг. К операции были привлечены большие силы флота, авиации и десантных частей. Несмотря на храброе и умелое сопротивление отдельных кораблей и частей береговой обороны, немцы в октябре овладели островами, понеся при этом немалые потери. Успех немцев был обусловлен не столько численным перевесом, сколько общим состоянием русских вооруженных сил, их развалом.

К осени 1917 г. русской армии как боевой силы более не существовало. Отдельные части еще сохраняли боеспособность, но армии как единого организма, единой системы, организованной, управляемой и снабжаемой, не было. Оставались миллионы людей в шинелях и бушлатах, огромные материальные запасы, инфраструктура и даже много хорошо подготовленных специалистов. Все это могло пригодиться для создания новой армии, но в тот момент Россия фактически не имела вооруженных сил. Выход

ее из войны, притом на условиях, продиктованных Германией, стал только вопросом времени. Такое положение воодушевляло германское верховное командование, порождало представления о том, что твердая оборона и умелые контрудары могут вызвать в тылу противника неизбежные политические и социальные потрясения, что намеченных целей можно будет достичь, не овладевая важнейшими экономическими и политическими центрами противника, а лишь нанося ему сокрушительные удары непосредственно во фронтовой полосе.

Вступление в войну Соединенных Штатов. После президентских выборов в ноябре 1916 г. курс США на вступление в войну стал вполне определенным. Соединенные Штаты видели в дальнейшем усилении Германии угрозу своим интересам. На Дальнем Востоке американским интересам не отвечало ослабление позиций Великобритании, поскольку в ней видели противовес дальнейшему усилению Японии. Ослабление России и особенно начавшаяся там революция также заставили американцев беспокоиться об исходе войны. В свою очередь, действия Германии (прежде всего неограниченная подводная война в Атлантике) давали обильную пищу для широкой антинемецкой пропаганды в США.

6 апреля 1917 г. Соединенные Штаты объявили войну Германии. В военном отношении США представляли собой до известной степени неопределенную величину. Кадровая армия была очень мала, не существовало ни отвечающей требованиям времени системы подготовки резервов, ни системы воинского учета. Очень слабой была техническая база вооруженных сил: первое время американские пехотинцы у себя на родине занимались подготовкой, используя вместо винтовок и орудий деревянные макеты. Офицерский корпус не обладал навыками ведения современной войны, его опыт был ограничен карательными экспедициями в страны Латинской Америки. Сухопутную армию практически предстояло создавать. Американский флот был многочисленным и хорошо оснащенным, он мог сразу же включиться в борьбу в Атлантике, но нужно было около года, чтобы в Европе появилась американские части в количестве, способном повлиять на ход войны. Тем не менее вступление Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты во многом меняло и непосредственный ход событий. В борьбу включались финансовые ресурсы США, их практически неограниченные по тем временам возможности в области промышленности и сельского хозяйства. Если американскую армию еще предстояло создать, то огромные количества новейшего наземного транспорта, текстиля, горючего, боеприпасов и стратегического сырья, продовольствия были готовы хлы-

нуть в Европу. К перевозкам грузов через Атлантику подключался весь американский торговый флот.

Вступление в войну Соединенных Штатов еще больше увеличивало разрыв между экономическим и людским потенциалом Антанты, с одной стороны, и блоком Центральных держав — с другой. Фактор времени снова начинал работать на Антанту. Германия для достижения выгодного для нее исхода войны имела крайне ограниченное время — фактически меньше года.

Западный фронт в позиционном тупике. Весной 1917 г. согласно решениям конференции в Шантильи французская армия готовилась к широкомасштабному наступлению. Генерал Р.-Ж. Нивель, сменивший в конце 1916 г. Жоффра на посту главнокомандующего французскими армиями на западном театре, решил прорвать немецкий фронт на реке Эн между Реймсом и Суассоном. Началась невиданная по масштабам подготовка. В ударе должны были принять участие восемь армий — шесть французских и две английские, 500 самолетов и 132 первых французских танка. Для 11 тыс. орудий всех типов было заготовлено 33 миллиона снарядов — в пять раз больше мобилизационного комплекта, которым располагала вся французская армия в 1914 г.

Французы не сумели соблюсти секретность, подготовка была замечена немцами, успевшими принять ответные меры. В тылу выступа, на который должны были обрушиться французские войска, была создана прочная оборонительная позиция — «линия Зигфрида». Многие французские генералы не были уверены в успехе. Только настойчивость Нивеля и поддержка, оказанная ему Пуанкаре, решили исход дела. Операция была превращена в вопрос внутривойсковой борьбы. С одной стороны, это позволило привлечь дополнительные силы и средства, но, с другой стороны, еще больше затянуло сроки подготовки и окончательно похоронило расчеты на внезапность.

Операция началась 7 апреля в худших традициях позиционной войны: до 16 апреля длилась артиллерийская подготовка. Немецкая сторона, будучи теперь окончательно уверенной в направлении главного удара французов, спокойно отвела основные силы за «линию Зигфрида», оставив на позициях лишь небольшие силы, укрытые в хорошо защищенных бетонированных убежищах. Когда, наконец, французская пехота пошла в атаку, ее встретил огонь неподдавленных огневых точек. Печальным был дебют французских танковых сил: из 132 танков из первой атаки вернулись только 11 машин. Нивель на протяжении нескольких дней возобновлял атаки. К 5 мая наступление окончательно выдохлось. Незначительное продвижение, 40 тыс. немецких пленных и небольшие трофеи были дорого оплачены. Союзники

потеряли около 500 тыс. человек убитыми и ранеными. Операция, в которой Антанта использовала небывалое количество сил и средств, потерпела крах. Немцы были ослаблены, их фронт перенес существенное потрясение, но устоял, сила его обороны не была сломлена.

В области внутривосточной последствия «битвы Нивеля», как была прозвана эта операция, оказались огромны. Генерал Нивель, имя которого стало олицетворением кровавой неудачи на реке Эн, был смещен. На его место был назначен Ф. Петэн — «Лев Вердена». Во французских войсках, возмущенных бессмысленными потерями, начались антивоенные выступления. Возмущением были охвачены не тыловые части (как это было в феврале того же года в Петрограде), а закаленные фронтовые дивизии. Выступления были жесточайшим образом подавлены, при этом широко применялось оружие. Русские части, воевавшие в составе французской армии на Западном фронте и понесшие особенно тяжелые потери в ходе наступления, были настроены наиболее радикально и потребовали отправки домой. После расправы их перевели фактически на положение штрафных.

Вместе с тем для успокоения масс французское правительство вынуждено было официально объявить, что оно отказывается от наступления впредь до того момента, когда будет подготовлена армия, снабженная могущественной техникой, чтобы «не требовать невозможного от человека». Тем самым французы отказывались от крупных наступательных операций на вторую половину 1917 — начало 1918 г.

Столь же неудачным было и английское наступление у Ипра, продолжавшееся с мая по август 1917 г. Англичане пытались «прогрызть» немецкую оборону, им удалось продвинуться всего на 6—8 км, но они потеряли убитыми и ранеными 400 тыс. человек, а немцы — 240 тыс. 216 английских танков были брошены в атаку на явно непригодной, болотистой местности и не имели успеха.

До конца 1917 г. на Западном фронте союзники провели еще две операции. Наступление у деревни Мальмезон имело целью срезать выступ между Реймсом и Суассоном, остававшийся в руках немцев, улучшить позиции французских войск. Хорошо организованная артиллерийская подготовка продолжалась шесть дней, французы широко использовали химические снаряды, полузадушенный немецкий гарнизон фактически оказался не способен к сопротивлению. 23 октября французская пехота пошла в атаку и после четырехдневных боев овладела мальмезонским выступом. Операция у Мальмезона помогла французской армии восстановить веру в себя и в свое командование.

Иначе завершилась операция 3-й английской армии у Камбрэ. Идея этой операции принадлежала сторонникам использования танков, которых не обескуражила неудача у Ипра. 3-я английская армия наносила удар на 12-километровом участке фронта, ограниченном с флангов двумя каналами. 20 ноября после артиллерийской подготовки, длившейся всего один час, в атаку пошли танки (380 машин), за ними шла пехота, английская авиация громила немецкую артиллерию и штабы. Фронт немцев был прорван, за 10 часов англичане продвинулись на 8—10 км. Однако они сами не предполагали такого успеха — к вводу в прорыв был готов только кавалерийский корпус. Продолжавшиеся до 26 ноября попытки развить успех не дали результата. 30 ноября немцы нанесли удар и срезали выступ у Камбрэ по основанию. К 7 декабря бои затихли примерно по прежней линии фронта.

Не дав ожидавшегося стратегического эффекта, не повлияв на общий ход войны, операция у Камбрэ продемонстрировала пути преодоления позиционного тупика, новые формы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации.

Итальянский фронт: катастрофа при Капоретто. После ряда неудачных наступлений итальянской армии на р. Изонцо 24 октября австро-германские войска перешли в наступление, увенчавшееся полным успехом. Итальянская армия была разбита при Капоретто. В несколько дней австро-венгерские части преодолели все горные рубежи и обратили итальянские войска в бегство. Путь в Венецианскую низменность был открыт. Не менее 300 тыс. итальянских солдат и офицеров открыли фронт и беспорядочными толпами бежали вглубь страны, бросая оружие и снаряжение. Потери итальянцев убитыми и ранеными были ничтожны, но в плен попали около 200 тыс. человек, были потеряны 3 тыс. орудий, 1,5 тыс. минометов. Итальянская армия оказалась полностью деморализована, никакими мерами, вплоть до самых жестоких, не удавалось привести ее в чувство. Итальянское командование проявило полную беспомощность. 30 октября в Италию прибыли 11 англо-французских дивизий, возглавляемых генералами Фошем и Робертсоном. Убедившись в малой боеспособности итальянских войск и некомпетентности командования, Фош и Робертсон, завершив перегруппировку прибывших сил, организовали контрудар и стабилизировали фронт.

Катастрофа при Капоретто имела крупные политические последствия. Италия оказалась на грани выхода из войны. Если бы это случилось, то Франция и Великобритания остались бы вдвоем из всей коалиции, вступившей в борьбу в 1914 г. Переброска

англо-французских дивизий на Итальянский фронт ослабила Западный фронт, но удержала Италию в союзе до конца войны. Однако австро-германское наступление быстро выдохлось, так как немцы, бывшие его ударной силой, хотя и закрепили за собой захваченную территорию, но не смогли развить свой неожиданно крупный успех. Германское командование уже не имело достаточных резервов, сказывалось чрезмерное распыление сил. Вместе с тем разгром итальянцев при Капоретто по крайней мере на год обеспечил безопасность Австро-Венгрии со стороны Италии, укрепил моральное состояние ее армии.

После Капоретто был создан Верховный военный совет союзников. На конференции премьер-министров Антанты в Рапалло 5—7 ноября было решено, что совет будет заниматься координацией военных действий на Западном фронте. В совет вошли премьер-министры и по одному министру от каждого правительства, а также военные советники из каждой армии. Местонахождением совета был определен Версаль. Создание совета стало первым существенным шагом к объединению командования Антанты.

Македонский фронт. Несогласованность действий союзников, столь характерная для операций Антанты в 1917 г., привела к провалу наступления на Македонском фронте, продолжавшегося с 24 апреля по 21 мая. Понеся чрезмерные потери в ходе неудачного наступления, многие французские полки взбунтовались, находившиеся здесь русские части потребовали отправки на родину. Эти выступления были подавлены с той же жестокостью, что и на Западном фронте. (Реальностью этой фазы войны стала не только раздача спиртного перед наступлением, но и заградительные отряды с пулеметами позади атакующих войск).

Осложнения на Македонском фронте ускорили развязку политического кризиса в Греции. Союзники способствовали свержению прогермански настроенного короля Константина. 11 июня на трон был посажен его сын Александр. Фактическим хозяином страны стал Венизелос, ориентировавшийся на Антанту. В результате Греция 29 июня 1917 г. разорвала отношения с Центральными державами и выступила на стороне Антанты.

Внеевропейские театры. На азиатских театрах войны 1917 г. был удачным для Антанты. В феврале англичане улучшили свои дела в Месопотамии, вторично захватив Эль-Амарну. В марте англичанами был взят Багдад. Попытки переведенного в Турцию Фалькенгайна остановить их продвижение не увенчались успехом. Продвинувшись на целых 120 км к северу от Багдада в направле-

нии Мосула, английские войска в марте установили контакт с русскими войсками, двигавшимися на юг.

На Палестинском фронте, где турецкими войсками командовали немецкие генералы, англичане также добились серьезных успехов. 6 ноября была взята Газа, затем Аскалон и Яффа, 9 декабря пал Иерусалим. Суэцкий канал и весь ближневосточный нефтяной район, столь важный для ведения войны, прочно контролировались англичанами. Успех английских войск в этом районе был в немалой степени обусловлен эффективной агентурной работой британских спецслужб среди арабских племен. Повстанческие движения этих племен подрывали и без того непрочный турецкий тыл.

Война на море и в воздухе. После Ютландского боя в 1916 г. немецкому командованию стало очевидно, что германский надводный флот, запертый в южной части Северного моря, не в силах решить возлагавшиеся на него стратегические задачи. Эти задачи перешли к подводным лодкам, нарушавшим коммуникации англичан в Атлантике. На подводном флоте меньше сказывались отрицательные стороны военно-географического положения Германии. Подводные лодки скрытно преодолевали Северное море и выходили в Атлантику, несмотря на номинальное господство английского надводного флота. 1 февраля 1917 г. Германия возобновила неограниченную подводную войну. Потери английского торгового флота были огромны. В апреле англичане потеряли 870 тыс. тоннажа — это был пик успехов немецких подводников, поставивших Англию на грань поражения. Английские адмиралы откровенно впали в панику, считая, что под угрозой находится судьба государства, что против этой формы войны так и не найдено никаких мер и, быть может, не будет найдено.

На самом деле положение Англии не было безвыходным. Вместо своевременного развертывания строительства подводного флота немецкая сторона после Ютландского боя упорно продолжала строить суперлинкоры с еще более мощными броней, артиллерией и машинами. Это абсолютно бесполезное с военной точки зрения строительство «сожрало» металл, энергоресурсы, производственные мощности, рабочую силу, которых хватило бы и на создание подводного флота для войны на море, и для развертывания производства танков, в котором немцы явно отставали от своих противников. К тому же надводный флот становился небезопасным в политическом отношении. Крупные корабли, отстаивавшиеся в гаванях и лишь изредка и ненадолго выходившие в море, становились плавучими казармами, в которых зрело недовольство. Уже летом 1917 г. на трех крупных

линкорах были подавлены революционные выступления. Малые корабли и подводные лодки, постоянно несущие опасную службу, были лучше застрахованы от подобных проблем.

В свою очередь англичане вели интенсивные поиски способов борьбы с подводной опасностью. Выставлялись грандиозные минные и сетевые заграждения. Знаменитый Дуврский патруль — группа судов, обеспечивавшая переброску сил между Англией и Францией, — сумел свести потери на этом важнейшем участке до минимума. Были разработаны и успешно внедрены гидролокаторы и шумопеленгаторы, на борьбу с подводными лодками брошены сначала сотни, а потом тысячи небольших противолодочных судов, авиация.

Решающее значение приобрела система конвоев, введенная в 1917 г. (и известная еще с XVII—XVIII вв.). Эта система требовала организации сбора транспортов, их совместного движения в океане и входа в порт, а также выделения большого числа кораблей и самолетов для их охранения. Атаки подводными лодками конвоев иногда продолжались в течение нескольких суток, но число потопленных судов составляло небольшую долю состава конвоев. В то время как одни противолодочные суда защищали конвои, другие, организованные в специальные группы, занимались поиском лодок, их перехватом и уничтожением. По базам подводных лодок, особенно на побережье Фландрии, систематически наносились, невзирая на потери, удары с моря и воздуха. Воды, омывавшие Британские острова и берега Западной Европы, буквально кипели в ежечасной ожесточенной борьбе, продолжавшейся в любое время суток, при любой погоде.

Система конвоев осложнила деятельность флота Англии и ее союзников, увеличила время доставки грузов. Однако, сократив потери транспортов, она уменьшила напряженность в работе судостроительной промышленности и потери перевозимых грузов. В ноябре потери англичан составили 393 тыс. тонн. Всего же с апреля по декабрь немецкие подводные лодки потопили 4700 тыс. морского тоннажа. Но к концу 1917 г. подводная война, наносившая союзникам ощутимые потери, уже не представляла угрозы для существования Англии. В 1918 г. приращение числа транспортов союзников в результате усиленного строительства стало выше числа уничтоженных подводными лодками.

С момента вступления США в войну немцам не удалось потопить ни одного американского военно-транспортного судна. Перевозка американской армии в Европу осуществлялась практически без потерь. Это положительно влияло на моральное состояние не только американских, но и англо-французских войск.

На Средиземном море борьба не носила столь напряженный характер. Участие Италии и Греции в войне на стороне Антанты вкупе с наличием развитой системы военно-морских баз Англии и Франции позволило резко ограничить возможности морских сил блока Центральных держав. Остатки германо-турецкого флота были прочно заперты в Мраморном море. С 1916 г. до осени 1917 г. на Черном море практически господствовал русский флот. Довольно мощный австро-венгерский флот был эффективно блокирован в Адриатике совместными усилиями английского, французского и итальянского флотов (последний, в отличие от сухопутной армии, представлял собой реальную силу). Из баз, расположенных в Австро-Венгрии и Турции, в Средиземное море прорывались немецкие подводные лодки, но их действия не представляли такой угрозы, как в Атлантике.

Существенно продвинулось вперед боевое использование авиации. Без нее не обходилась ни одна фронтовая операция, авиаразведка стала неременным условием войны. Обычным явлением стали удары авиации по тыловым объектам, причем немецкая авиация в соответствии с установками своего командования наносила бомбовые удары по Лондону и Парижу. Первоначально немецкое командование использовало для этих целей дирижабли, но начиная с лета 1917 г. из-за усилившегося противодействия зенитной артиллерии и истребительной авиации их сменяли самолеты. Последний крупный налет на Лондон немецкие дирижабли совершили 19 октября 1917 г., причем из 11 дирижаблей 3 были сбиты и 1 потерпел аварию.

Ряд успешных воздушных налетов на Лондон летом 1917 г. заставил английское правительство всерьез заняться ПВО столицы. К 1918 г. на обороне Лондона англичане имели 280 истребителей, 260 зенитных орудий, 353 зенитных прожектора, 30 аэростатов заграждения. Была усовершенствована система ПВО, реорганизовано ее управление, развернута широкая сеть оповещения, наблюдения и связи, в которой были заняты десятки тысяч людей. В результате немецкая авиация стала нести большие потери и переключилась на более доступную цель — Париж.

Налеты немецкой авиации преследовали цель в первую очередь деморализовать население, вызвать политические потрясения в тылу у противника, принудить его к мирным переговорам. Однако бомбежки городов, стиравшие грань между фронтом и тылом, стали, наряду с неограниченной подводной войной, материалом для правительственной пропаганды стран Антанты, убеждавшей население в невозможности достижения мира с Германией, ведущей войну подобными методами.

Итоги. Драматические события 1917 г. не изменили общей тенденции, наметившейся еще в предыдущем году. После вступления в войну Соединенных Штатов даже фактический выход из войны России и разгром Италии не меняли общего соотношения сил. Германское командование, отбивая плохо скоординированные наступления Антанты и нанося контрудары, растратило последние резервы. Силы же союзников продолжали неуклонно нарастать. Германское руководство оказалось лицом к лицу с проблемой поиска путей приемлемых условий мира. Однако действие военно-политических, экономических, демографических и географических факторов существенно модифицировалось назреванием революционного кризиса. Разрастание войны, ужесточение военных действий постоянно способствовали этому.

1918 ГОД: ФИНАЛ

Планы сторон и соотношение сил. Готовясь к кампании 1918 г., германское руководство сознавало, что этот год станет для него решающим. Внешне положение германской коалиции казалось достаточно устойчивым. Развал русской армии, вынудивший Россию к миру, разгром итальянцев, успешная стратегическая оборона на Западном фронте — все это, по мнению Гинденбурга, Людендорфа и других руководителей германской армии, создавало благоприятную обстановку для достижения победы.

В самом начале года количественное соотношение сил на Западном фронте выглядело неплохо для Германии. В марте 1918 г. Антанта имела на французском театре 181 дивизию, а Германия — 193; общее число бойцов Антанты достигало 2158 тыс. а Германии — 2037 тыс., т.е. силы были почти равными. Почти равны были и силы артиллерии — 15750 орудий у Антанты (из них 6370 тяжелых) и 15 800 — у Германии (из них 6100 тяжелых). В авиации и танках у Антанты было очевидное преимущество: 3780 самолетов и 893 танка против 2890 самолетов и практического отсутствия бронетанковых сил у Германии. Немецкое командование недооценило этот вид оружия. В германской армии использовались трофейные машины и считанные единицы собственной, во многом еще экспериментальной техники.

Сравнительная мощь Антанты и Германии измерялась, однако, не только количеством войск. Фактически силы Германии были на грани истощения. Источники пополнения армии бы-

ли исчерпаны, пополнений не хватало. Ощущалась нехватка рабочей силы в ключевых отраслях производства, непроемкий труд военнопленных не мог покрыть дефицита. Население голодало, армия недоедала. Военная промышленность ценой крайнего перенапряжения всего народного хозяйства еще могла удовлетворять потребности в боеприпасах и вооружении, однако немцам приходилось думать и о снабжении вооружением своих союзников.

Положение Австро-Венгрии, Болгарии и Турции было неизмеримо хуже. Уже во второй половине 1916 г. ряд немецких частей был отведен на отдых вглубь Австро-Венгрии. Официально — для отдыха, неофициально — для того, чтобы «подкормиться», используя местные ресурсы, а фактически — для контроля над внутрисполитическим положением. Продолжал набирать силу Салоникский фронт, грозя ударом в наиболее слабую часть германо-австрийской коалиции.

Антанта изо дня в день становилась сильнее. Уже в конце 1917 г. в Европу начали прибывать первые транспорты с американскими войсками. В конце марта 1918 г. во Франции были сформированы первые 6 американских дивизий очень сильного состава — по 28 тыс. бойцов в каждой. Они не имели еще достаточного боевого опыта, но их можно было использовать на второстепенных участках, снимая оттуда испытанные в боях английские и французские части. Американцы прибыли в хорошем физическом состоянии, охотно шли в бой и были слабо восприимчивы к радикальной пропаганде. К концу войны из общего числа 3750 тыс. призванных американцев 2087 тыс. были сосредоточены во Франции, составив 41 дивизию.

По сравнению с Центральными державами экономическое и внутрисполитическое положение Антанты было гораздо более прочным. Несмотря на серьезные трудности, переживаемые Англией из-за подводной войны, а Францией из-за потери северо-восточных районов, общие ресурсы союзников возросли ввиду вступления в войну США. О соотношении экономических возможностей наглядно говорит калорийность фронтового солдатского пайка: германская армия — 2500 калорий, французская — 3816, английская — 4193, американская — 4714 калорий. Внутренняя нестабильность в Германии и Австро-Венгрии сказывалась в значительно большей степени. Утомление войной давало себя знать и в странах Антанты, но в меньшей мере. Наиболее остро оно сказывалось во Франции, правительству которой было все труднее удерживать под контролем армию и население.

В таких условиях германское верховное командование решило добиться в 1918 г. победы. Победа была необходима скорая и

решительная, одержанная до прибытия в Европу основных сил американской армии. Время работало против Германии. Достичь поставленных целей можно было только сокрушительным наступлением на французском фронте. Подготовка к нему началась в конце 1917 г. Германский Генеральный штаб, фактически подмывший под себя политическое руководство страны, был твердо намерен использовать захваченные ресурсы Румынии, Прибалтики, Украины и Закавказья — продовольствие, металл, минеральное сырье и топливо.

План Антанты в 1918 г. сводился к выжиданию. Ее руководство опасалось повторения неудач 1917 г. и последовавших за ними внутренних потрясений, поэтому расчеты строились с большой осторожностью. В январе 1918 г. новый премьер-министр Франции Ж. Клемансо прямо заявил, что Антанта рассчитывает победить к осени 1919 г. Союзное командование выбрало метод измора, стягивая вокруг Германии кольцо голодной блокады и выжидая, когда соотношение сил позволит нанести ей решающий удар.

«14 пунктов» Вильсона и Брестский мир. Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, и последовавшее за этим опубликование Советским правительством секретных договоров России с союзниками с новой силой поставили вопрос о целях войны. В условиях, когда обе стороны готовились к финальной схватке, необходимо было максимально успокоить собственный тыл, сплотить население, провозглашая такие цели войны, которые были бы достойны жертв и страданий. Необходимо было смягчить эффект, произведенный большевиками. Кроме того, необходимо было уточнить цели войны с учетом фактического выхода из нее России.

На межсоюзнической конференции в Париже 29 ноября — 3 декабря 1917 г. союзники так и не смогли договориться об общей точке зрения. Первым заявление о целях войны сделал глава английского правительства Д. Ллойд-Джордж. Выступая 5 января 1918 г. перед представителями лейбористской партии и профсоюзов, он говорил о необходимости восстановления суверенитета захваченных Германией стран, наказании виновников войны, уважении права на самоопределение. О последнем, учитывая положение в Ирландии, английский премьер высказывался довольно туманно. Однако его выступление заставило американского президента В. Вильсона поторопиться с оформлением собственной позиции.

В послании конгрессу 8 января 1918 г. В. Вильсон в качестве «единственно возможной программы» заключения мира, приемлемой для Соединенных Штатов, выдвинул 14 пунктов, включав-

ших: 1) открытые мирные договоры, отказ от тайной дипломатии; 2) полную свободу морей, независимо от наличия войны или мира, за исключением запрещения мореплавания в целях претворения в жизнь международных договоров; 3) свободу торговли — устранение таможенных барьеров; 4) установление твердых гарантий, обеспечивающих сокращение вооружений; 5) «полностью независимое разрешение колониальных вопросов», основанное на равенстве интересов населения колониальных территорий и правительства метрополии; 6) освобождение Германией всех оккупированных российских территорий и предоставление России возможности самой определять свою политику; 7) освобождение Бельгии и восстановление ее суверенитета и границ; 8) возвращение Франции оккупированных территорий, включая Эльзас—Лотарингию; 9) установление границ Италии по ясно выраженным национальным признакам; 10) предоставление народам Австро-Венгрии права автономии, независимого развития; 11) освобождение Германией территории Румынии, Сербии и Черногории, восстановление их суверенитета, предоставление Сербии выхода к морю; 12) самостоятельное существование турецкой нации и автономию, свободное развитие других национальностей, входящих в Османскую империю, международные гарантии свободного прохода через черноморские проливы для судов всех стран; 13) создание независимого польского государства, включающего в себя бесспорные польские территории и имеющего выход к морю; 14) создание особой системой договоров «всеобщего союза наций» в целях «предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности равно большим и малым странам».

Такая программа послевоенного урегулирования, с одной стороны, обеспечивала Соединенным Штатам максимально выгодные условия в соперничестве с другими державами — Великобританией, Японией, Францией, поскольку главным фактором соперничества становилась не военная, а экономическая мощь, т.е. та область, где США бесспорно лидировали. С другой стороны, программа, выдвинутая Вильсоном, в наибольшей степени учитывала изменения, произошедшие в настроениях широких слоев населения воюющих стран под влиянием войны и революции в России. Именно поэтому «14 пунктов» намеренно дистанцировались от традиционных, империалистических методов ведения внешней политики, таких, например, как тайная дипломатия, диктат по отношению к малым народам. Вместе с тем «14 пунктов» могли служить некоторой общей платформой для стран Антанты. Не случайно многие их положения стали основой для будущей мирной конференции, положившей начало со-

зданию Версальско-Вашингтонской системы. Эта программа была фактически предложена Германии, но поскольку она содержала неприемлемые для немцев пункты (очищение оккупированных территорий), вероятность того, что немцы примут ее, была невелика. Однако пропагандистский эффект как появления «14 пунктов», так и отказа Германии вести переговоры на этой основе был весьма велик.

В начале 1918 г. германское руководство было слишком поглощено своим успехом на переговорах в Брест-Литовске. Продиктовав Советской России аннексионистский, грабительский мир, оно фактически отрезало себе путь для дальнейших переговоров с правительствами стран Антанты, дискредитировав себя как сторону, неспособную к разумному компромиссу. На оторванных от России территориях Германия создавала систему вассальных государственных образований. Ставшая независимой Финляндия была оккупирована немцами, чье вмешательство сыграло решающую роль в короткой, но крайне ожесточенной и кровопролитной гражданской войне в этой стране. На территории бывших прибалтийских губерний России немцами было создано Балтийское герцогство, находившееся в личной унии с домом Гогенцоллернов, а затем, в условиях немецкой оккупации, была провозглашена «государственная независимость» Эстонии, Латвии и Литвы. На Украине была восстановлена власть Центральной Рады, вернувшейся в Киев на немецких штыках. Советское правительство обязано было признать мирный договор Рады с Германией и ее союзниками и в свою очередь заключить договор с Радой, определяющий границы между Россией и «самостийной Украиной». Правда, уже к концу апреля немецкое командование заменило режим Рады властью гетмана П. Скоропадского, спешно избранного главой «Украинской Державы». Суть установленного на Украине, как и в других местах, режима сводилась к обеспечению германской экономики и армии сырьем, продовольствием и топливом. Донская область также была оккупирована немецкими войсками.

Особое положение сложилось на южном фланге бывшего русско-германского фронта. В мае 1918 г. был подписан Бухарестский мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Румынией — с другой. Румыния возвращала Болгарии полученную по договору 1913 г. Южную Добруджу с «исправлением границ» в пользу Болгарии. Над Северной Добруджей устанавливался condominium держав Четверного союза, обязывавшихся обеспечить Румынии торговый путь к Черному морю по линии Чернавода—Констанца. Договор фактически превращал Румынию в австро-германскую колонию,

предусматривал передачу на 50 лет в полное пользование Германии всех природных богатств, всего «излишка» урожая, всех портов и железных дорог. Главное значение для Германии имела румынская нефть. Договор не был ратифицирован румынским королем, хотя проводился в жизнь, особенно в части экономической, силами немецких оккупационных властей. (После поражения держав германского блока он был отменен). Со своей стороны германский блок санкционировал оккупацию Румынией Бессарабии, проведенную в апреле.

В апреле 1918 г. Германия навязала Турции секретное соглашение о разделе Закавказья, имея целью поставить под свой контроль чиагурский марганец и бакинскую нефть. Опорным пунктом германского влияния в Закавказье стала провозгласившая независимость «Грузинская Демократическая республика». В ней были размещены немецкие гарнизоны, ее экономические ресурсы и транспортная сеть были взяты под контроль немецким командованием.

Действуя подобным образом, германское командование стремилось, с одной стороны, к достижению наиболее амбициозных, экстремистских целей, поставленных накануне войны, отторжению от России Прибалтики, Украины, Кавказа. С другой стороны, налицо было стремление в кратчайшие сроки обеспечить себя ресурсами для успешного завершения войны. Эта попытка в минимальное время взять под контроль максимальную территорию очень дорого обошлась Германии, здесь снова проявился авантюризм ее высшего военного и политического руководства. Во-первых, для эффективного контроля над огромной территорией нужны были значительные силы. Во-вторых, вся эта масса задействованных войск — от 35 до 50 дивизий — находилась в охваченной революцией стране, их морально-политическое состояние само по себе превращалось в проблему. В-третьих, распыление сил неизбежно срывало использование экономических ресурсов оккупированных территорий. Так, на Украине началось яростное сопротивление крестьян, вылившееся в партизанскую, повстанческую войну. Для борьбы с ней требовались все новые и новые силы, которые, в свою очередь, надо было кормить. В итоге, даже создав эффективный аппарат для эксплуатации оккупированных территорий, немцы так и не смогли получить ожидаемого результата. Сырье и продовольствие поступали в количествах, едва ли способных коренным образом изменить соотношение сил. Высвободить значительные силы для Западного фронта в тех масштабах, которые предполагались первоначально, не удалось. Оттягивать переход в наступление на Запад-

ном фронте германское командование больше не могло — время работало теперь против него.

Западный фронт: последнее наступление немецкой армии. 21 марта 1918 г. немецкие войска начали первое из серии мощных наступлений, продолжавшихся до середины июля. Сосредоточив на участке Аррас — Ла-Фер 3 армии (62 дивизии), 6800 орудий и 1000 самолетов против 29 дивизий союзников, немцы после короткой артиллерийской подготовки начали взламывать оборону противника.

Первоначальный план операции предусматривал рассечение фронта союзников и оттеснение англичан к морю. Тем самым германское командование стремилось развалить коалицию: зажатые у моря, отрезанные от портов англичане, как полагало немецкое руководство, охотнее пойдут на мирные переговоры. Однако ход битвы внес в план неожиданные изменения. Несмотря на упорные атаки, две ударные немецкие армии сумели овладеть лишь передним краем английской обороны, но дальше не продвинулись. Зато вспомогательная армия, наносившая отвлекающий удар в направлении Амьена, добилась крупного успеха. Англичане были отброшены за день сразу на 7 км и понесли тяжкое поражение.

Немецкое командование торжествовало: прорыв фронта стал реальностью, хотя и не в том месте, где первоначально намечалось. Оно всеми силами стремилось развить тактический успех и продолжить наступление. В результате изменился весь план операции: вместо того, чтобы прижать англичан к морю, немцы наносили теперь главный удар в обход левого фланга французского фронта, в конечном счете угрожая Парижу. В Париже началась паника, премьер Ж. Клемансо вновь собрался эвакуировать правительство в Бордо. Английский главнокомандующий Хейг всерьез начал готовить планы эвакуации англичан с континента.

Однако германское командование, как это уже не раз бывало, переоценило свой успех, собственные силы и недооценило силы противостоящей стороны. В непосредственной близости от атакованного фронта у союзников имелись крупные резервы. К 27 марта германские армии продвинулись на 60 км, вернув позиции, оставленные в 1917 г., до Амьена оставалось 18 км. Но на следующий день соотношение сил начало меняться — к англичанам и французам постоянно прибывали свежие подкрепления. Союзники в полной мере использовали свое преимущество в автомобильном транспорте, немецкие же части устали, ослабли от потерь, нарушалась связь и координация действий с артиллерией, сама артиллерия страдала от нехватки боепри-

пасов, подвоз которых по перепаханной снарядами местности был затруднен.

В конце концов немцы решили ограничиться захватом Амьена, важного узла путей, ведущих к Парижу, но не преуспели и в этом. Перед немецкими войсками снова стоял сплошной позиционный фронт англичан и французов. В операции немцы потеряли 160 тыс. человек, еще 60 тыс. человек были потеряны в марте на всем остальном фронте. За один месяц германская армия, уже исчерпавшая свои пополнения, ощутимо сократилась.

Во время этого немецкого наступления Антанта решила объединить командование союзными силами в руках французского генерала Ф. Фоша. 14 апреля он был утвержден главнокомандующим всеми союзными силами Западного фронта. Долго противился формальному подчинению Фошу командующий американской армией генерал Дж. Першинг. Пришлось согласиться на формально независимые (но фактически в рамках общего плана) действия американских сил и одновременно форсировать переброску американских войск в Европу — то было единственное средство создать численный перевес над немцами.

Тем временем германское командование предприняло новое наступление против англичан. 9 апреля был нанесен удар на р. Лис, нацеленный по кратчайшему направлению на побережье и имевший целью захват портов и полный разгром англичан. К 12 апреля положение союзников стало угрожающим, 8 английских и 2 португальские дивизии, находившиеся на этом участке, полностью утратили боеспособность. Общественное мнение Антанты было потрясено новым ударом — англичане вынуждены были очистить выступ у Ипра, за который в 1917 г. было отдано столько жизней.

Положение спасли быстро прибывшие к месту прорыва французские резервы. Прорваться к побережью немцам не удалось.

Немецкие наступления строились по принципу мощных таранных ударов по отдельным ограниченным участкам фронта. Операции отделялись друг от друга значительными промежутками времени. Окончательной победы они принести не могли — каждое наступление начиналось успехом, но быстро захлебывалось. Антанта успевала сосредоточивать резервы, часто снимая их с других участков фронта. Поскольку резервы союзников росли, они имели перевес в автотранспорте, бронетанковой технике, горючем, стратегия таранных ударов имела все меньше шансов на успех.

Однако признать это немецкое командование не могло. Оно продолжало строить наступательные планы. Следующее крупное

наступление было начато 27 мая на участке Суассон—Реймс в направлении Шато-Тьерри — Париж. К его началу на Западный фронт были стянуты все резервы, включая те части, которые удалось снять с востока. Всего немцы имели 205 дивизий, из них 80 — в резерве. Это был предел возможностей измученной, изголодавшейся, истекавшей кровью, но все еще не желавшей признать поражение страны. Армия и ее командование решили победить во что бы то ни стало.

Новое немецкое наступление угрожало Парижу. В первой своей фазе оно должно было перерезать железную дорогу Париж—Верден, жизненно важную для всей французской армии. После короткой, но мощной артиллерийской подготовки немцы прорвали фронт на участке в 80 км, продвинулись на десяток километров, подошли к реке Эн, разбили французские резервы, брошенные к месту атаки. К концу дня прорыв достигал 20 км в глубину. В тот же день немецкая сверхдальнобойная артиллерия начала обстрел Парижа. Фронт был почти в полутора сотнях километров от Парижа, на город падали снаряды «Больших Берт». Все это вместе с участвовавшими налетами авиации повлияло на моральное состояние французов. Масштабы германского успеха панически преувеличивались. Эти обстрелы и налеты были составной частью немецкой стратегии, стратегии отчаяния, имевшей целью если не добиться успеха непосредственно на фронте, то по крайней мере вызвать потрясения в тылу у противника, принудить его начать переговоры на приемлемых для Германии условиях.

Во время этого наступления немецкие войска снова вышли на Марну, перешли ее и прошли дальше того места, где они были разбиты в сентябре 1914 г. Однако к 31 мая наступил перелом. 2 июня многочисленные свежие французские дивизии преградили немцам путь на Париж, и 5 июня бои замерли.

Стремление германского командования исправить дело отвлекающим ударом на Компьен, предпринятым 9 июня, не помогло. Французская 10-я армия впервые после долгого перерыва пошла в атаку, обратив наступающих в бегство и взяв пленных. В целом же за май—июнь германская армия сократилась еще почти на 300 тыс. человек.

Последнюю попытку переломить в свою пользу ход событий германское командование предприняло 15—17 июля в ходе операции, получившей название «Сражение за мир». Пропаганда сумела в последний раз внушить немецким солдатам, что успех этого наступления может привести к почетному миру. Как обычно, немцы тщательно к нему готовились: было заготовлено большое количество боеприпасов, проведены железнодорожные ве-

ки, готовились понтоны для форсирования Марны. Однако Фош заранее знал о времени и месте готовящегося удара. Когда 15 июля после короткой артиллерийской подготовки три немецкие армии пошли в атаку восточнее и западнее Реймса, они не встретили серьезного сопротивления и продвинулись вперед, но на самом деле они смяли только незначительные заслоны. Как только немецкие войска оторвались от собственной артиллерии, они наткнулись на мощное сопротивление свежих французских сил, занимавших глубоко эшелонированную оборону. Немецкие батальоны еще шли вперед, кое-где переправились через Марну, но уже 16 июля стало ясно, что наступление проиграно. 17 июля Гинденбург отдал приказ прекратить бесплодные атаки и готовиться к отходу. Однако было поздно. 18 июля между реками Урк и Эн в атаку перешла 10-я французская армия. Впереди пехоты шел танковый кулак — около 250 машин, в воздухе господствовала многочисленная французская авиация. Удар пришелся по правому флангу германского выступа, образованного предыдущими наступлениями. Одновременно перешли в наступление три французские армии, теснившие центр и левый фланг германского фронта. В результате немцы очистили южный берег Марны, начали отходить за реки Урк, Эн и Вель. К 4 августа операции прекратились — немцы были отброшены на 20—30 км, потеряв с таким трудом завоеванное пространство, а главное — утратили инициативу. Соотношение сил продолжало меняться в пользу Антанты.

Поражение и распад австро-германского блока. В результате весенних и летних боев германская армия истратила последние резервы. Постепенно расформировывались наиболее потрепанные дивизии, за их счет шло пополнение убыли в других частях. В самые критические моменты приходилось отправлять из армии десятки тысяч людей для работы в ключевых отраслях экономики, задыхавшихся без рабочей силы. На фронт поступало недостаточно боеприпасов и вооружения, чтобы компенсировать потери в боях и износ. После почти пяти месяцев непрерывных боев немецкая армия находилась практически на пределе своих физических возможностей.

Силы Антанты продолжали нарастать. В мае во Францию прибыли 250 тыс. американцев, в июне — 300 тыс. Резко выросло количество боевой техники, особенно артиллерии, танков и авиации. Наличие обильного по тем временам автотранспорта позволяло гибко и быстро перебрасывать подкрепления и грузы. Фош медленно, но верно копил силы для наступления. Бои второй половины июля дали, наконец, инициативу в руки союзного командующего. В отличие от таранных ударов Гинден-

бурга, направленных на отдельные участки фронта и бывших во многом следствием того отчаянного положения, в котором оказалась Германия, Фош выдвинул план последовательных непрерывных операций, связанных единством цели.

Первой из серии намеченных операций стала Амьенская операция, преследовавшая вначале весьма скромную цель — отбросить немцев от Амьена и обеспечить безопасность железной дороги Париж—Калé. Она предпринималась ограниченными силами, но у союзников было более чем четырехкратное превосходство в артиллерии, а более чем пятистам их танкам немцы вообще ничего не могли противопоставить. Начатое утром 8 августа наступление застало германскую армию врасплох. Пользуясь туманом, без предварительной артиллерийской подготовки танки прорвали оборону, ворвались на артиллерийские позиции. Оборонительные линии немецких войск были рассечены, гарнизоны отдельных узлов сопротивления отрезаны и окружены. Именно тогда начал сказываться упадок боевого духа германской армии, дала о себе знать общая усталость от войны. Многие солдаты, не желая далее драться, сдавались в плен. Германское командование было особенно потрясено случаем, когда шедшие в атаку резервные подразделения были встречены отступающими частями криками: «Штрейкбрехеры! Им еще мало войны!» К 13 августа операция завершилась. 30 тысяч взятых союзниками пленных и захваченные трофеи наглядно говорили о падении стойкости немецкой армии, об упадке ее воли к сопротивлению.

14 августа на совещании Коронного Совета в Спа (резиденции германской Ставки) Гинденбург и Людендорф прямо заявили императору Вильгельму, что победить германская армия не может, что выход необходимо искать в переходе к стратегической обороне, добиваясь тем временем мира на основе переговоров. Германские генералы надеялись, перейдя к обороне, переждать зимнюю кампанию и дотянуть до весны следующего года. Это заседание, на котором был признан факт военного поражения, означало и фактический конец диктатуры Гинденбурга—Людендорфа, установленной в конце лета 1916 г. Исключительное положение генерал-квартирмейстера Э. Людендорфа, руководившего Генеральным штабом, а фактически и престарелым фельдмаршалом П. Гинденбургом, в значительной мере основывалось не только на его профессиональных качествах, но и на том, что именно он утверждал на протяжении двух лет, что может привести Германию к победе. Теперь он сам признался в том, что победа невозможна. Страну между тем продолжали уверять в обратном. Такому положению вещей способствовало

то, что немецкие войска по-прежнему находились на чужой территории, а информация, поступавшая с фронта, строжайшим образом контролировалась. Людендорф оставался на своем посту еще почти полтора месяца, до конца сентября. За это время он сумел подготовить и провести свою последнюю операцию, в которой выступал уже как политик. Теперь он планировал завершение войны. Военное поражение не должно было превратиться в разгром, в дискредитацию военной касты. Немецкий народ не должен был увидеть свою армию, о непобедимости которой ему говорили на протяжении всех четырех лет войны, бредущей в колоннах военнопленных, не должен был увидеть победоносные союзные войска, входящие в Германию. Подписать перемирие и мир, следующий за поражением, должны были не те, кто отказывался делать это, обещая победу, а те, кто предлагал начиная с 1917 г. начать переговоры о мире, — партия оппозиции, социал-демократы, выступавшие с «мирными резолюциями». Это было тем более важно, что президент В. Вильсон в нотах неоднократно заявлял о необходимости изменения политического строя Германии как одном из первейших условий начала переговоров.

Эти мероприятия были тем более неизбежны, что положение на фронте ухудшалось. Фош сумел провести в жизнь первую часть своего плана. В результате серии частных операций немецкая армия была отеснена по всему фронту. За два месяца боев — с середины августа до середины октября — фронт выпрямился, сократившись с 910 до 740 км, Германия потеряла только пленными 150 тыс. человек, в руки союзников попали 2 тыс. орудий и 13 тыс. пулеметов. Способность германской армии к сопротивлению на глазах падала. В этих условиях Фош решил начать последнее наступление с решительной целью — прорвать германский фронт на всем его протяжении, окружить и уничтожить немецкие армии; все союзные армии — французские, английские, американские, бельгийские — должны были наносить концентрический удар на протяжении от моря до Мааса. Антанта никогда еще не была такой сильной, она имела 220 дивизий против 182 истощенных дивизий немцев. Союзники вывели в резерв 87 дивизий и всю кавалерию, во Франции уже сражались 1,5 млн американцев, а в портах разгружались все новые и новые войска. Германская сторона могла противопоставить всему этому только пассивную оборону. 26 сентября началось общее наступление на 420-километровом фронте. 12 союзных армий наступали против 10 германских. Особенно рвались в бой не проученные горьким опытом поражений американские дивизии, неся при этом огромные потери. Немецкие войска упорно сопротивлялись,

первые пять дней союзники не имели успеха. Однако затем началось отступление, одновременный медленный отход всей германской армии, продолжавшийся до самого 11 ноября, до заключения перемирия.

Немецкие войска не были ни уничтожены, ни окружены. Несмотря на усталость, они отходили в порядке, разрушая за собой мосты, дороги. Союзники медленно двигались за ними по опустошенной местности.

На Коронном Совете в Спа 29 сентября Гинденбург и Людендорф заявили, что армия не в состоянии более выдерживать натиск противника, начинает выходить из повиновения и что единственное спасение — в быстром заключении перемирия. Сам же Людендорф, подготовив смену правительства, ловко спровоцировал собственную отставку. Рейхсканцлером был назначен принц Макс Баденский, имевший репутацию либерала. Изменен был статус правительства — теперь оно было ответственно перед рейхстагом, в его состав были введены социал-демократы (все это осуществлялось под четким контролем Генштаба). Одновременно, 29 сентября, Германия обратилась к президенту США с просьбой о мире. Союзники, уверенные в победе, не спешили с ответом. 4 октября В. Вильсону была направлена новая нота с предложением о перемирии. Германская сторона еще надеялась положить в основу переговоров «14 пунктов». Однако еще до того, как были обнародованы условия перемирия, Германию заставили принять предварительные требования, включавшие прекращение подводной войны и отзыв лодок в их постоянные базы, эвакуацию всех оккупированных областей. Одновременно германской стороне дали понять, что дальнейших переговоров не будет до тех пор, пока не устранен Вильгельм II и верховное командование не подчинено политической власти. Возник вопрос об отречении Вильгельма и кронпринца. Кайзер отбыл в Ставку под защиту Гинденбурга.

Несмотря на поражение немецкой армии на Западном фронте, положение ее еще не стало катастрофическим, перевес Антанты не был подавляющим. Перемирие сделало неизбежным развал блока Центральных держав, начавшийся в середине сентября в самой слабой его части.

15 сентября армии Салоникского фронта начали наступление в Македонии. Этот фронт, на создание, сохранение и усиление которого Антанта потратила столько сил, дипломатических интриг, золота, оружия и крови, начал наконец играть отведенную ему роль. «Заноза» в территориальном массиве австро-германского блока, болезненная, но не слишком опасная, превратилась в стальной клинок, беспощадно кромсавший «мягкое балканское

подбрюшье» Центральных держав, нарушавший жизненно важные для них связи. Через 10 дней после начала наступления болгарская армия была полностью разгромлена и капитулировала. Царь Фердинанд был свергнут. 26 сентября германское командование распорядилось послать в Болгарию 5 германских и 3 австро-венгерские дивизии, но было уже поздно. 29 сентября Болгария сдалась на милость победителя. В тот же день 11-я германская армия в Македонии была взята в плен. В результате существенно ухудшилось положение Турции, было поставлено под угрозу снабжение Германии румынской нефтью. План германского командования — занять жесткую оборону на Западном фронте и, дождавшись весны, бороться за приемлемый мир — затрещал по швам.

Турецкая армия была окончательно разгромлена. 31 октября Турция подписала в Мудросе, на острове Лемнос, капитуляцию, продиктованную Великобританией.

Ухудшение положения австро-германского блока на Балканах немедленно сказалось на Габсбургской монархии. Стремясь достичь компромисса с национально-освободительным движением, правящие круги Австро-Венгрии, следуя примеру старшего партнера, Германии, также пытались осуществить «революцию сверху». Манифест 16 октября превращал Австро-Венгрию в союзное государство. Еще раньше «коронные области» империи стали создавать свои Национальные советы. 28 октября чешский Национальный совет провозгласил в Праге полную независимость Чехословакии. Национальные советы Хорватии и Словении высказались за объединение с Сербией. Венгерский Национальный совет провозгласил независимость Венгрии. Положение в Будапеште было отчаянным — голодная толпа захватывала баржи с зерном, шедшие по Дунаю в Германию, и разбивала их.

После перехода власти на местах к Национальным советам все бывшие коронные области Австро-Венгрии порвали связь с Веней. Образовавшиеся национальные правительства потребовали отзыва войск с фронта. Разделу армии способствовал тот факт, что большинство австро-венгерских частей, как правило, формировались из уроженцев одних и тех же местностей и от туда же пополнялись. Австро-венгерская армия изначально была разделена по национальному признаку. С 20 октября войска начали самовольно уходить с фронта. В такой обстановке 24 октября Италия начала наступление против уже не существовавшей австро-венгерской армии (правда, все ответственные участки были заняты английскими и французскими частями). Венгерские, чешские, югославянские и румынские солдаты отказались оборонять фронт. Лишь кое-где продолжали сопротивле-

ние германские части и те подразделения австрийской армии, которые были сформированы из немцев. Однако даже в таких условиях вперед продвинулись только англичане и французы. Итальянцы пошли вперед, когда фронт стало уже некому оборонять, когда с него ушли последние части противника.

29 октября восстали моряки на судах австро-венгерской адриатической эскадры. Флот был передан югославянскому Национальному совету в Загребе, а дунайская военная флотилия — Венгрии. Флот вслед за армией распался. Пока югославы овладевали эскадрой, итальянские ВМС провели одну из немногих своих удачных операций. Диверсанты-подводники, проникнув в неохраемую базу, подорвали несколько крупных судов, на которых уже были спущены австрийские флаги. Это была не столько боевая, сколько политическая операция — Италия не желала, чтобы у будущей Югославии был сильный военный флот. 3 ноября Австро-Венгрия подписала в Падуе перемирие и сдалась на милость итальянского «победителя», не одержавшего ни единой победы. Теперь с юго-востока Германии угрожал кулак ударных английских и французских корпусов. Рушились последние планы лишившейся всех союзников Германии выстоять, добиться сколько-нибудь приемлемого мира.

Компъенское перемирие. Антанта не спешила с ответами на германские ноты от 29 сентября и 4 октября: время работало на нее. Германии оставалось лишь уступать все больше и больше. Ответ на обращение к президенту США В. Вильсону с просьбой о мире был суров: Германия должна была заранее согласиться на любые условия перемирия, которые предложат ей союзники.

27 октября такое согласие было получено. Началась подготовка к переговорам о перемирии. Депутаты рейхстага лишь в самом конце сентября — начале октября получили реальное представление о масштабах военного поражения, их растерянности и ярости не было предела. В свою очередь наиболее авантюристически настроенные представители командования пытались продолжить войну, утверждая, что безвыходное положение заставит все население включиться в борьбу за собственное существование и терпеть любые лишения.

Частью этой авантюрной стратегии стал приказ флоту Открытого моря выйти из баз и напасть на английский флот. На недоуменные вопросы матросов о подготовке кораблей к выходу в море — ведь правительство уже ведет переговоры — офицеры отвечали, что это «их правительство» ведет переговоры, а они, офицеры, выполняют приказы своего командования. В результате нарастающего напряжения команды двух линкоров взбунтова-

лись. Их выступление было подавлено, более тысячи матросов были арестованы и свезены на берег, их ждали военный суд и расстрел. На базе начались митинги команд, демонстрации. Ответом на аресты стало восстание на большинстве крупных кораблей в Киле и Вильгельмсгафене. Матросы залили котлы своих кораблей, подняли красные флаги, сошли с оружием на берег, к ним присоединились солдаты морской пехоты. Эти события 3—4 ноября стали началом революции в Германии.

Попытки верховного командования бросить фронтовые войска для подавления распространявшейся революции не имели успеха. 9 ноября берлинский гарнизон и гвардия перешли на сторону восставшего населения, принц Макс Баденский объявил об отречении Вильгельма II. 10 ноября Вильгельм II бежал в Голландию.

Когда германская делегация прибыла к главнокомандующему союзников на Западном фронте Фошу и, желая начать беседу, спросила его об условиях перемирия, тот прямо сказал, что условий нет, есть только одно требование — Германия должна встать на колени. На его стороне была сила, сопротивляться не было практически никакой возможности. Народ не хотел продолжения войны, армия разваливалась, флот восстал, союзники были потеряны. Условия перемирия, вступившего в силу в 11 часов утра 11 ноября 1918 г., были неумолимы. Германия обязывалась в течение 31 дня после подписания перемирия очистить левый берег Рейна, Бельгию, Люксембург, Эльзас и Лотарингию. Надлежало освободить всех пленных, вернуть трофеи, включая захваченный в Бельгии золотой запас. Германия была обязана выдать странам-победительницам 5 тыс. орудий, 25 тыс. пулеметов, 3 тыс. минометов, 1700 самолетов и все дирижабли, 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 5 тыс. автомобилей, всю броневую технику, химическое оружие. Немецкий флот с небольшими командами на борту должен был идти сдаваться в указанные Антантой порты.

Это были всего лишь условия перемирия. Вплоть до заключения мира Антанта оставляла за собой право сохранять блокаду Германии. Такие условия сами по себе говорили о том, какой мир будет продиктован разоруженной, обессиленной стране.

Война закончилась. Прошли четыре с лишним года небывалого напряжения, жертв и страданий. Ценой войны стали почти 10 млн убитых и умерших от ран, более 20 млн искалеченных (63,6% всех потерь — убитые, 14,0% — умершие от ран, 0,4% — умершие от отравления газами). Появились невиданные формы вооруженной борьбы, организации экономики, манипуляции человеческим сознанием. Прежние представления о возможном и

невозможном, допустимом и недозволенном рухнули. Необходимо было создавать новую систему международных отношений, предстоял долгий и мучительный период экономического восстановления, приспособления к новым реалиям, к разорванным экономическим связям.

Вступление государств в Первую мировую войну

На стороне Антанты:

Сербия — 28 июля 1914 г.
Россия — 1 августа 1914 г.
Франция — 3 августа 1914 г.
Бельгия — 4 августа 1914 г.
Великобритания — 4 августа 1914 г.
Австралия — 4 августа 1914 г.
Канада — 4 августа 1914 г.
Южно-Африканский Союз — 4 августа 1914 г.
Черногория — 7 августа 1914 г.
Япония — 23 августа 1914 г.
Египет — 17 декабря 1914 г.
Италия — 23 мая 1915 г.
Португалия — 9 марта 1916 г.
Румыния — 27 августа 1916 г.
США — 6 апреля 1917 г.
Панама — 8 апреля 1917 г.
Куба — 10 апреля 1917 г.

Боливия — 14 апреля 1917 г.
Греция — 30 июня 1917 г.
Сиам — 22 июля 1917 г.
Либерия — 4 августа 1917 г.
Китай — 14 августа 1917 г.
Бразилия — 25 октября 1917 г.
Гватемала — 30 апреля 1918 г.
Никарагуа — 8 мая 1918 г.
Коста-Рика — 23 мая 1918 г.
Доминиканская Республика — 16 июля 1918 г.
Гондурас — 19 июля 1918 г.

На стороне Центральных держав:

Австро-Венгрия — 28 июля 1914 г.
Германия — 1 августа 1914 г.
Турция — 29 октября 1914 г.
Болгария — 14 октября 1915 г.

Глава 22

ОСНОВНЫЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ И США в период мировой войны

АНГЛИЯ

Распространенное в предвоенные годы мнение о скоротечном характере надвигающейся большой европейской войны исключало саму мысль о необходимости подготовки к войне экономики. Генералы разрабатывали планы будущих боевых операций, но почти никто не задумывался о проблемах мобилизации хозяйства. В Англии единственным исключением из этого правила был железнодорожный транспорт. Еще на опыте англо-бурской войны британское правительство убедилось, что при организации массовых перевозок войск оно имеет не больше прав, чем любой другой клиент почти трех десятков английских железнодорожных компаний. В результате закон 1912 г. наделил правительство полномочиями в чрезвычайных обстоятельствах временно устанавливать собственный контроль над железнодорожными перевозками.

Вступление Великобритании в мировую войну немедленно поставило перед страной две главные проблемы: мобилизации людей и мобилизации финансов. Согласно секретному «плану W», Англии предстояло сформировать и перебросить во Францию 150-тысячный экспедиционный корпус. Но в Англии, в отличие от других стран, отсутствовала всеобщая воинская повинность и вооруженные силы комплектовались на добровольной основе. Мобилизация людей в этих условиях прямо зависела от отношения населения к начавшейся войне. Нарушение Германией нейтралитета Бельгии, гарантом которого выступала Англия, дало британскому правительству желанный повод, а прессе — уникальную возможность убедить массы англичан в справедливости войны в защиту «маленькой несчастной Бельгии». Действительно, патриотический энтузиазм англичан в первые недели войны был необычайно велик, а у дверей вербовочных пунктов по всей стране стояли очереди добровольцев.

Совсем другая очередь выстроилась в те же августовские дни у дверей Английского банка в лондонском Сити. С началом

войны люди бросились обменивать свои бумажные деньги на золотые монеты. Была парализована работа фондовой биржи, прекратили нормальную работу многие банки. Возникла «августовская финансовая паника». По инициативе канцлера Казначейства (министра финансов) Д. Ллойд-Джорджа парламент разрешил Английскому банку выпустить в обращение две новые банкноты (достоинством в фунт и в полфунта стерлингов), не подлежащие свободному обмену на золото. Тем самым Англия де-факто отказалась от золотого стандарта национальной валюты, но паралич финансовой системы был преодолен.

В первые дни войны британский парламент принял основополагающий «Закон о защите королевства» (DORA), провозгласивший приоритет общенациональных интересов перед частными и призвавший население объединить усилия в защите «короля и страны». Этот закон стал юридическим выражением настроений национального единения перед лицом врага, а в дальнейшем — фундаментом всего чрезвычайного законодательства военного времени.

Атмосфера патриотического подъема определила и еще одно важное решение: руководство британского профсоюзного движения провозгласило состояние «мира в промышленности» (т.е. отказа от стачечной борьбы) вплоть до окончания военных действий. Свободный набор добровольцев в армию облегчил исполнение этого решения: уже к концу 1914 г. в Англии практически исчезла безработица.

Ожидания скорого окончания войны побуждали правительство к отказу от сколько-нибудь серьезной перестройки хозяйства на военный лад. Оно всерьез полагало, что победа будет достигнута тем скорее, чем меньше государство будет вмешиваться в традиционный экономический порядок. Эта позиция, выраженная в краткой формуле «бизнес как обычно», вместе с объявленным тред-юнионами «промышленным миром» составили основу внутренней жизни страны в первое военное полугодие.

Ситуация серьезно изменилась к весне 1915 г. Переход от маневренной к позиционной войне на Западном фронте выдвинул на первый план задачу мобилизации уже не только людских, но и производственных ресурсов — армии требовалось все больше нового вооружения и боеприпасов. Разразившийся весной 1915 г. в воюющих странах по обе стороны фронта «снарядный кризис» в Англии привел к кризису политическому. В начале мая либеральное правительство Г. Асквита было преобразовано в коалиционное: либералы сохранили в нем ключевые министерские посты (а сам Асквит — кресло премьер-министра), но в правительство вошли также консерваторы и, впервые, лейбористы.

В составе правительства был учрежден новый пост министра вооружений, и получивший этот портфель Д. Ллойд-Джордж уже 2 июня 1915 г. провел через парламент «Закон о производстве вооружений».

Закон предоставил правительству широкие чрезвычайные полномочия по организации и регулированию производства в стратегических отраслях промышленности. Подобно «Закону о защите королевства» он стал основой огромного количества подзаконных актов, циркуляров, директив и распоряжений, детально регламентировавших всю деятельность стратегических отраслей экономики. Причем в категорию стратегических постепенно попадали все новые и новые отрасли, и к концу войны под контролем министерства вооружений работало не менее 80% промышленности страны.

«Закон о производстве вооружений» не давал правительству права национализировать предприятия стратегических отраслей, но разрешал временно «вступать во владение» ими с выплатой владельцам компенсации (обычно в размере средней довоенной прибыли). Государство активно пользовалось этим правом, беря под свой контроль не только машиностроительные заводы, но и предприятия многих других отраслей. Так, например, в конце войны государство «вступило во владение» пекарнями, мукомольными и масложировыми заводами. Одновременно рос и собственно государственный сектор экономики: строились новые государственные предприятия и расширялись уже существующие. Число рабочих, занятых на крупнейшем государственном оборонном заводе — Ипсвичском арсенале, — за годы войны выросло с 10 тыс. до 80 тыс. человек.

На контролируемых государством предприятиях устанавливался жесткий режим работы: рабочий день достигал 10—12 часов, отменялась оплата сверхурочных, сокращались или совсем ликвидировались выходные дни и отпуска. Особым циркуляром министерства вооружений были введены «отпускные свидетельства»: пожелавшие уволиться с военного предприятия рабочие должны были получить у администрации такое свидетельство, без которого они не могли устроиться ни на какую другую работу. Создание системы государственного регулирования промышленного производства, таким образом, сопровождалось фактически полным исчезновением рынка труда, огосударствлением рабочей силы и широким использованием методов внеэкономического принуждения, хотя и без формального введения всеобщей трудовой повинности.

Проблема мобилизации людских ресурсов страны была во многом решена после введения в Англии в мае 1916 г. всеобщей

воинской повинности (конскрипции). Постепенное расширение сферы действия «Закона о производстве вооружений» в сочетании с конскрипцией создало в последние два года войны ситуацию, когда мобилизованным оказалось практически все мужское население страны, а государственные органы по своему усмотрению решали, где именно, в тылу или на фронте, лучше использовать каждого человека. Эта система государственного регулирования трудовых ресурсов в Англии получила название системы «национальной службы». Она в определенной мере позволила упорядочить государственное распределение и использование рабочей силы, но не решила проблемы нехватки рабочих рук. Главным источником пополнения трудовых ресурсов стало широкое применение женского труда. За годы войны на фабрики и заводы, в торговлю и на транспорт, в другие отрасли хозяйства на смену ушедшим на фронт мужчинам пришли миллионы женщин. Их труд во многом обеспечил и потребности фронта, и жизнь страны. Привлечение женщин на производство одновременно меняло и их социальный статус, и их роль в политической жизни, косвенным (но далеко не равноценным) признанием чего стало принятие в феврале 1918 г. нового избирательного закона, впервые предоставлявшего женщинам старше 30 лет право участвовать во всеобщих парламентских выборах.

Вызванная войной дезорганизация мирохозяйственных связей и транспортных коммуникаций наряду с необходимостью наращивания военного производства объективно ослабляли зависимость различных частей огромной Британской империи от метрополии. Экономические и политические позиции местной буржуазии быстро укреплялись не только в британских доминионах, но и в крупнейших колониях — Индии, Египте и др. Это создавало условия для роста центробежных тенденций и подъема национально-освободительной борьбы в Британской империи после окончания мировой войны.

Впрочем, первое выступление нового этапа национально-освободительного движения произошло еще в годы войны совсем рядом с метрополией — в Ирландии. Сторонники ирландской независимости — республиканцы и социалисты — в апреле 1916 г. готовили вооруженное восстание. Они опирались на вооруженные отряды «ирландских волонтеров» и рабочие дружины «ирландской гражданской гвардии» и рассчитывали на помощь ирландских организаций в США и германского правительства. В пасхальный понедельник вооруженный отряд волонтеров занял центральный почтамт Дублина. Была провозглашена независимая Ирландская республика и образовано Временное правительство во главе с П. Пирсом. Хотя восстание в Дублине не

получило широкой поддержки в стране и помощи извне, английским войскам понадобилось пять дней для его подавления. Все лидеры «пасхального восстания», включая П. Пирса, Ш. Мак-Дэрмотта и выдающегося революционера, социалиста Дж. Конноли, были казнены. Неудача восстания тем не менее коренным образом изменила ситуацию в Ирландии: до него большинство участников национально-освободительного движения видели свою цель в установлении «гомруля», теперь «гомруль» становился лишь исходным пунктом борьбы, а ее целью — независимая Ирландская республика.

К концу 1916 г. Англия, как и другие воюющие страны, оказалась в критической ситуации. Год не принес заметных успехов на фронте, жизнь в тылу становилась все труднее, а окончание войны не приближалось. В прессе развернулась дискуссия о целях войны, в которой все чаще звучали призывы к ее скорейшему окончанию. Требовалось сделать выбор: продолжать войну до победного конца или добиваться заключения мира. Правительство Г. Асквита по обыкновению медлило с принятием решения, а Ллойд-Джордж предложил собрать все силы страны в кулак и завершить войну одним «нокаутующим ударом». Правительственный кризис в начале декабря привел к отставке Асквита и формированию нового коалиционного кабинета во главе с Д. Ллойд-Джорджем.

Приход к власти правительства Ллойд-Джорджа не был простой перетряской министерских портфелей. Началась глубокая перестройка всей британской партийно-политической системы. Либеральная партия раскололась на сторонников Ллойд-Джорджа и сторонников Асквита, причем последние вслед за своим лидером вышли из правительства и пересели на скамьи оппозиции в парламенте. Великая либеральная партия XIX в. вступила в полосу глубокого кризиса, от которого, в сущности, так и не оправилась. Напротив, лейбористы не последовали за либералами, а остались в правительстве. Тем самым они решительно отказались от роли послушного младшего партнера либералов, закрепившейся за ними в довоенные годы, и сделали серьезную заявку на самостоятельную роль в политике. В новом правительстве значительно укрепили свои позиции консерваторы: теперь им принадлежали почти все ключевые министерские посты. Но изменились и сами консерваторы: министерские кресла в новом кабинете заняли не только представители традиционной (чаще всего аристократической) политической элиты, в них появились представители деловых кругов (крупные промышленники, судовладельцы, угольные магнаты, финансисты) — люди, непосредственно знающие хозяйство и умеющие им управлять. Часть из

них формально даже не были членами консервативной партии и ранее не избирались в парламент. Они считались беспартийными, но их политические симпатии были на стороне консерваторов. Ширококонсервативные настроения лидеров делового мира отчетливо проявились и в деятельности созданной в те же дни декабрьского политического кризиса 1916 г. новой организации крупного бизнеса — Федерации британской промышленности.

Формирование коалиционного правительства Д. Ллойд-Джорджа, таким образом, положило начало глубоким социально-политическим преобразованиям в Англии и означало приход непосредственно к управлению страной представителей крупного капитала, взявших курс на достижение любой ценой победы над главным конкурентом — Германией. Это событие кратко и точно оценил видный английский историк А.Дж.П. Тейлор, назвавший его «революцией в британском стиле».

С этого момента и вплоть до окончания войны правительство Ллойд-Джорджа создает новые органы государственного управления: учреждаются министерства и ведомства, департаменты и управления, комитеты и подкомитеты, комиссии и подкомиссии. Так, были образованы: ведомство контролера угледобычи (с февраля 1918 г. — министерство шахт), департамент контролера морского транспорта, министерство «национальной службы» (наряду с уже существовавшими министерствами труда и пенсий), министерство продовольствия и многие другие. В результате к концу войны той или иной формой государственного контроля оказалась охвачена практически вся национальная экономика Великобритании. Государство регулировало почти все промышленное производство страны, морской и железнодорожный транспорт, лицензировало 95% внешней торговли, осуществляло политику стимулирования сельскохозяйственного производства, распределяло трудовые ресурсы и продовольствие (продовольственные карточки на некоторые продукты были введены в Англии с февраля 1918 г.).

Строительство огромного механизма государственного контроля происходило хаотично, появление каждой новой проблемы влекло за собой создание нового государственного органа. Так, объявление Германией с 1 февраля 1917 г. «неограниченной подводной войны» потребовало введения жесткого государственного контроля над сокращающимся тоннажем морского транспорта и государственного лицензирования импорта. Сокращение ввоза продовольствия, в свою очередь, вызвало необходимость его государственного учета и распределения, что было поручено созданному летом 1917 г. новому министерству продовольствия, и т.д.

За годы войны гигантски вырос государственный аппарат. Характерный пример: в начале войны снабжением войск ведал один из департаментов армейского министерства, в котором работали 56 сотрудников, — к концу войны штат министерства вооружений, занятый решением тех же проблем, составлял 62 тыс. человек. Соответственно возросли и расходы государства на содержание огромной армии чиновников, а вместе с постоянно растущей стоимостью ведения войны это составило едва ли не главную заботу правительства — проблему финансирования государственных расходов.

В первые месяцы войны правительство всерьез надеялось решить эту проблему за счет увеличения налогообложения, «чтобы не перекладывать наши расходы на плечи будущих поколений», как сформулировал эту цель бывший в то время министром финансов Ллойд-Джордж. Действительно, за годы войны были повышены ставки довоенных и введены новые прямые и косвенные налоги: прогрессивно-подоходный, налог на военную сверхприбыль, ставка которого в конце войны составляла 80%, акцизы на пиво, табак и ряд других продуктов, сборы за покупку предметов роскоши (включая велосипеды) и развлечения (включая театр и кинематограф). Общий объем налогообложения по сравнению с довоенным вырос в 6 раз. Но даже до предела завинтив налоговый пресс, правительство в итоге смогло покрыть за счет налогов лишь менее трети своих расходов. Еще более скромные результаты принесла денежная эмиссия. Реальное исчезновение золота из оборота внутри страны заставило правительство неоднократно включать печатный станок в течение всей войны, и к концу ее объем бумажных денег в обращении вырос почти в 12 раз. Но поскольку львиная доля роста лишь замещала выводимую из оборота звонкую монету, покупательная способность фунта стерлингов упала всего на треть, а правительству удавалось погашать за счет эмиссии только некоторые текущие платежи.

Главным источником покрытия государственных расходов в годы войны стали внутренние и внешние займы. Результатом этого явился быстрый рост государственного долга, составившего к концу войны огромную сумму в 7,8 млрд ф. ст., причем 85% этой суммы приходилось на внутренний долг, а остальные — на внешние заимствования (из них около 850 млн ф. ст. — на долг США). Другим важным следствием этого было усиление роли государственного бюджета в экономике страны. Если до войны, когда отсутствовала постоянная армия, а правительство было «делцевым», через государственный бюджет перераспределялось не более 5% ВВП, то к концу войны уже не менее половины ВВП

проходило через госбюджет. Более того, огромный государственный долг и связанная с этим необходимость его обслуживания, т.е. уплаты процентов и других текущих платежей, не давали оснований надеяться ни на облегчение налогового бремени, ни на скорое сокращение бюджета после окончания войны.

Проблемы переходного от войны к мирной жизни периода стали волновать и общественность, и правящие круги Великобритании задолго до ее окончания. Первый комитет по реконструкции (такое название получил этот переход в Англии) был учрежден либеральным правительством еще в марте 1915 г. Ллойд-Джордж в начале своего правления значительно изменил его состав, но работа комитета была продолжена, а в июле 1917 г. он был преобразован в министерство реконструкции. Это было новое, весьма необычное учреждение. Располагая солидным штатом сотрудников во главе с ближайшим соратником премьер-министра К. Аддисоном, имея возможность получать информацию из других министерств и привлекать консультантов любого уровня, наконец, будучи органом исполнительной власти, министерство реконструкции на деле не получило никаких властных полномочий. Вся его деятельность сводилась к подготовке планов и законопроектов для послевоенного периода, большинство из которых даже никогда не были рассмотрены парламентом, не говоря уж об их осуществлении, иными словами — к строительству «воздушных замков». И на то были веские причины.

Перенесшие невиданные ранее тяготы и испытания массы населения, естественно, связывали с окончанием войны надежды на новую и непременно лучшую жизнь в послевоенном мире. И как бы ни были порой смутны и неконкретны эти ожидания, в них неизменно присутствовало новое отношение к государству — именно ему отводилась ведущая роль и в устройстве послевоенного мира, и в решении хозяйственных проблем, и в проведении социальных реформ. Основой этого служила реальная практика государственного регулирования (со всеми ее изъянами и недостатками), понимание того, что без государственного вмешательства войну такого масштаба нельзя было бы не только выиграть, но даже просто вести.

Широкую популярность среди рабочих получила идея национализации производства. Отдельные профсоюзы (например, Федерация горняков) выдвигали ее и до войны, но к концу войны требование национализации поддерживали почти все британские тред-юнионы. Значительное распространение получило и новое требование введения рабочего контроля над производством и распределением. Его, в частности, активно отстаивало профсоюзное Движение меньшинства, объединявшее к концу войны

более миллиона рабочих. Немало сторонников было и у идеи глубоких социальных реформ, особенно в сфере пенсионного обеспечения и государственного страхования по безработице, ведь после войны предстояло демобилизовать и трудоустроить пятимиллионную армию.

Настроения масс в известной мере нашли отражение в программных документах лейбористской партии, принятых в 1918 г. Впервые с момента основания Комитета рабочего представительства лейбористское руководство сочло необходимым определить цели движения и программу действий. Первая задача была выполнена в феврале принятием Устава лейбористской партии, содержавшего специальный раздел «Цели партии», четвертый пункт которого, в частности, называл задачей лейбористов «обобществление средств производства, распределения и обмена». Другим документом стала принятая в августе того же года лейбористская программа «Труд и новый социальный порядок», суть которой выражал ее подзаголовок — «Доклад о реконструкции». Лейбористский вариант послевоенной реконструкции предусматривал проведение государством ряда социально-экономических реформ, однако популярное требование национализации было сведено в нем к огосударствлению лишь нескольких отраслей, а термин «рабочий контроль» был заменен на более расплывчатый «демократический контроль».

Деловой мир и лидеры других ведущих политических партий Великобритании также признавали роль государственного регулирования для достижения победы в войне. Однако, оценивая перспективы сохранения государственного контроля на послевоенный период, они обращали внимание в первую очередь на его главные недостатки: бюрократическую косность и непомерную дороговизну. После Октябрьской революции в России к этому добавились и политические опасения: считалось, что предельная централизация руководства экономикой страны сделает правительство заложником «случайной» расстановки политических сил, если не прямого заговора «группы экстремистов». Эти опасения в решающей степени определили крайне негативное отношение правящих верхов к сохранению государственного контроля после окончания войны. Напротив, лишь скорейшее и полное избавление от всех государственных ограничений военного времени, восстановление довоенного порядка в стране, в империи и в мире представлялось им главной задачей реконструкции. По выражению одного из консервативных политиков, нужно было вернуться «назад к 1914 году».

Деятельность министерства реконструкции в этой обстановке, с одной стороны, должна была успокоить массы, убедив их

в том, что в готовящихся планах реконструкции будут учтены все их чаяния, а с другой — служила прикрытием реальной подготовки к окончанию войны. И такая подготовка действительно велась: детальные планы завершения своей деятельности и самоликвидации в последние месяцы войны были составлены (но не оглашались) в министерствах вооружений, продовольствия, транспорта и многих других государственных ведомствах, готовилась также программа приватизации большей части государственных военных заводов.

Сложившееся к концу войны противоречие между стремлением широких масс британских граждан к решительным социально-экономическим реформам и желанием правящих верхов максимально восстановить довоенный статус-кво во многом определило и характер послевоенной реконструкции, и остроту социальных конфликтов, да и все развитие Англии в последующие годы.

ФРАНЦИЯ

«Священное единение». Первая мировая война, явившаяся для Франции, равно как и для других стран, трагическим испытанием, преподнесла немало неожиданностей. Вопреки стратегическим планам решающая битва кампании 1914 г. разыгралась не на границе с Германией в Лотарингии, где были сосредоточены основные силы французской армии, а в глубоком тылу, почти у стен Парижа, куда она была вынуждена отступить под ударами немцев. Да и сама война не закончилась до наступления зимних холодов, а растянулась на четыре с лишним года. Совершенно непригодной оказалась «наполеоновская» тактика маневренной войны, которой придерживалось командование: осенью 1914 г. французо-германский фронт стабилизировался, и война приобрела позиционный характер.

Победа на Марне в сентябре 1914 г. позволила Франции избежать разгрома. Но чтобы продолжать войну, ей предстояло еще избежать экономического краха, на грани которого она оказалась вскоре после начала военных действий. Довоенные запасы вооружения и других важных материалов, на которых правительство и командование рассчитывали продержаться до скорой победы, быстро растаяли. Между тем экономика не могла удовлетворить всех нужд армии и населения. В связи с массовой мобилизацией призывных возрастов и параличом железнодорожного транспорта, занятого перевозками войск, еще в августе

закрылась половина всех промышленных и торговых предприятий. Положение усугублялось тем, что немцы оккупировали 10 северо-восточных департаментов Франции, доля которых в производстве основных видов промышленной продукции составляла: угля — 74%, чугуна — 81%, стали — 63%, цинка — 76%, продукции машиностроения — 25%, шерстяных тканей — 81%, сахара — 76%.

Не полагаясь в этих условиях на обычные рыночные механизмы, правительство прибегло к чрезвычайным мерам регулирования экономики. Все экспортно-импортные и валютные операции были поставлены под контроль чиновников, осуществлена реквизиция торгового флота. Государство стало распределять и ратиионировать сырье, топливо и продовольствие. Для управления отдельными отраслями промышленности были образованы специальные органы власти, в состав которых вошли владельцы крупнейших предприятий. Вследствие нехватки рабочей силы правительство неоднократно принимало решения об отзыве мобилизованных рабочих, крестьян, специалистов различного профиля для работы в тылу. Широко применялся труд военнопленных, число которых к концу войны превысило 300 тыс. В целях предотвращения трудовых конфликтов правительство ввело контроль над условиями труда, заработной платой и ценами на основные потребительские товары. В результате этих мер к концу войны государственное регулирование экономической жизни и социальных отношений приобрело всеобъемлющий характер.

Французам пришлось решать и сверхсложную задачу организации политического управления страной в условиях войны. 4 августа 1914 г. парламент без обсуждения принял серию законов, обеспечивающих национальную оборону, в том числе закон об осадном положении, после чего прервал свою работу на неопределенное время. При приближении германских войск 2 сентября правительство покинуло Париж и временно перенеслось в Бордо. В условиях, когда было приостановлено действие законов о свободе печати и собраний, введена цензура и другие ограничения политической деятельности и распространения информации, военное командование сосредоточило в своих руках огромную и бесконтрольную власть. Большинство граждан и политических партий были готовы принять эту «диктатуру» военных, но лишь при условии скорой победы. Однако командование это условие не выполнило, а отсутствие гражданского контроля часто использовало для сокрытия своих ошибок и просчетов. Так, благодаря цензуре в первые недели войны общественное мнение пребывало в уверенности, что французские

войска успешно атакуют немцев на границе, и лишь в разгар сражения на Марне узнало горькую правду об отступлении. Поэтому парламент, возобновивший в конце декабря 1914 г. свои заседания в Париже, куда к этому времени вернулось и правительство, принял решение не прерывать работу до конца войны. Его борьба за контроль над военными властями в конечном счете привела к отставке генерала Жоффра с поста главнокомандующего в конце 1916 г.

Весьма неожиданным для властей оказалось поведение в начале войны анархо-синдикалистов и революционных социалистов, лидеры которых были предусмотрительно занесены в списки лиц, подлежащих аресту после объявления мобилизации. Даже такие отъявленные «антимилитаристы», как Эрве, поддержали войну, признав ее справедливой и оборонительной со стороны Франции и других стран Антанты. 4 августа депутаты-социалисты единогласно вотируют законопроекты, представленные правительством. Тем самым они окончательно обнаружили свою беспомощность перед войной. Примером самоотверженной борьбы с ее угрозой остался в памяти французов Ж. Жорес, подло убитый 31 июля 1914 г. маньяком-националистом Р. Виллэном (суд, состоявшийся после войны, оправдал убийцу).

Широко распространенные в обществе настроения выразил президент Пуанкаре, который в своем послании парламенту 4 августа призвал всех французов к «священному единению» перед лицом внешнего противника. Этот призыв был поддержан всеми основными политическими силами, которые, невзирая на свои разногласия, проявили готовность к сотрудничеству в интересах национальной обороны. В парламенте крайние партии — социалисты слева, монархисты и националисты справа — отказались от систематической оппозиции правительству. Кабинет министров, который с июня 1914 г. возглавлял Вивиани, был реорганизован. 26 августа в него впервые вошли члены Объединенной социалистической партии Ж. Гед и Марсель Самбá. Пришедший ему на смену в октябре 1915 г. кабинет А. Бриана представлял еще более широкий спектр политических сил. Кроме радикалов, левых республиканцев и социалистов он включал правого республиканца и монархиста.

Так под влиянием внешней опасности впервые в истории Третьей республики был создан общенациональный блок основных партий, известный под названием «священного единения». Его роль как политического механизма управления страной была велика. Благодаря ему упростились отношения между кабинетом министров и парламентом. Обычные в мирное время столкновения фракций на идеологической почве больше не мешали пра-

вительству сосредоточить внимание на осуществлении мер, продиктованных нуждами национальной обороны. Пример сотрудничества разных партий в правительстве и парламенте поддерживал дух «священного единения» на местах: большинство политических организаций приостановили свою деятельность или ограничили ее филантропическими задачами. Но главное — правительству удалось наладить сотрудничество с руководством ВКТ, которую с 1909 г. возглавлял Леон Жуо. В прошлом анархо-синдикалист, он после провала попыток организовать всеобщую стачку разочаровался в революционной тактике и воспользовался началом войны, чтобы повернуть профсоюзное движение в русло реформизма. В рамках «священного единения» Жуо участвовал в осуществлении социальной политики правительства, помогая ему улаживать путем переговоров и компромиссов споры между рабочими и предпринимателями. Во многом благодаря его позиции забастовки во второй половине 1914—1916 гг. были исключительно редки.

Политический кризис 1917 г. Ура-патриотические настроения, с особой силой проявившиеся в момент объявления войны Германией, сохранялись недолго. Неудачное начало войны, а затем и провалы наступательных операций союзников в Шампани и Артуа в 1915 г., а также на реке Сомме в 1916 г. отрезвляюще действовали на французов. Гнетущее впечатление производили на них огромные потери армии (всего за время войны — 1,5 млн убитыми и 3 млн ранеными) и постоянное ухудшение условий жизни гражданского населения в тылу и особенно на оккупированной немцами территории. Мысль о том, что путь к победе будет долог и вымошен неисчислимыми жертвами, глубоко проникла в сознание людей.

На третьем году войны общественное мнение явственно разделилось в оценке ее перспектив. Неудачи и трудности не смущали националистов и сторонников реванша, выступавших за победу любой ценой. В парламенте и стране они образовали разношерстную и неорганизованную «партию войны». Среди ее лидеров выделялся Клемансо, который в первые годы войны не входил в правительство и поэтому в глазах людей не нес ответственности за его ошибки и неудачи. С другой стороны, немало французов, которые придерживались пацифистских взглядов, все чаще задавали себе вопрос: если за победу приходится платить так дорого, то не лучше ли договориться с Германией о прекращении бессмысленного кровопролития? Из них постепенно составила «партия мира», столь же пестрая по составу, как и «партия войны», но гораздо менее сплоченная вокруг общих целей и лидеров.

Особенностью движения за мир во время войны было то, что сторонники революционных методов борьбы (например, всеобщей стачки) и вообще массовых действий не пользовались в нем особым влиянием. Антивоенные настроения были распространены главным образом в Объединенной социалистической партии. В ней возникла оппозиция как участию социалистов в правительстве, так и поддержке его курса на победу любой ценой. Это антивоенное «меньшинство», как его называли, выступало за совместные действия социалистов всех воюющих стран с целью заключения всеобщего справедливого мира путем давления на «свои» правительства. На съезде СФИО в декабре 1916 г. меньшинство почти сравнялось с большинством, которому лишь с незначительным перевесом удалось сохранить руководство партией.

Весьма болезненно переживала войну и значительная часть радикалов, воспринимавших ее как крах не только пацифистских, но и демократических идеалов. С ужасом наблюдали они, как под предлогом военной целесообразности генералитет сосредоточивает в своих руках все больше власти, как попираются права и свободы граждан, а ксенофобия и национализм превращаются в разновидность официальной идеологии. Их недовольство вызывало и то, что благодаря «священному единению» влияние на политику правительства стали оказывать крайне правые партии и движения, казалось, навсегда отстраненные от кормила власти. Надежду на возможность изменить ход событий им подавал Кайо, развернувший в годы войны бурную деятельность. Хотя он и старался держаться в тени, избегая публичных акций, общественное мнение указывало на него как на главу «партии мира».

Ряд событий послужил причиной того, что едва заметные до поры разногласия внезапно переросли в острую политическую борьбу с непредсказуемым результатом. Мирная инициатива Центральных держав в декабре 1916 г. впервые сделала вопрос о войне и мире предметом публичных дискуссий, что было равносильно перевороту в общественном сознании. Неудача наступления союзников на Западном фронте в апреле 1917 г. заставила многих французов распрощаться с остатками надежд на скорое победное завершение войны. А последовавшие затем массовые отказы солдат фронтовых частей от подчинения командирам (этими выступлениями в той или иной степени были затронуты две трети всех французских дивизий на Западном фронте) повергли в панику правящие круги. С большим трудом генералу Петэну, новому главнокомандующему французской армии, удалось, сочетая репрессии с мерами по улучшению быто-

вых условий солдат, восстановить дисциплину. Одновременно подвергся испытанию на прочность и тыл, где по крупным городам прокатилась волна забастовок.

На этом фоне огромный политический резонанс приобрело решение СФИО принять участие в международной конференции, о созыве которой совместно объявили социалистические партии нейтральных стран и представительный орган революционной демократии России — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Правительство дважды — по собственной инициативе и по согласованию с западными союзниками — отказывало делегатам партии в выезде за границу. Социалисты сочли это достаточным основанием для выхода из правительственной коалиции. Из кабинета Рибо, пришедшего к власти после отставки Бриана в марте 1917 г., был отозван Альбер Тома, занимавший пост министра вооружений и приложивший немало усилий, чтобы не допустить забастовок в военной промышленности.

С уходом социалистов в оппозицию «священное единение» утратило одно из своих основных звеньев. Политический механизм управления страной, исправно работавший в течение трех лет, застопорился. Кабинеты Рибо и сменившего его в сентябре 1917 г. республиканского (независимого) социалиста Поля Пенлеве, известного математика и теоретика авиастроения, потеряли устойчивость: они оказались под сильным давлением как слева, так и справа. Руководство социалистической и радикальной партий приступило к консультациям с целью формирования «однородно» левого правительства, на ведущую роль в котором намечался Кайо. Со своей стороны, националисты разыграли против кабинетов Рибо и Пенлеве беспроигрышную карту патриотизма. В июле 1917 г. Клемансо публично обвинил министра внутренних дел Мальви в попустительстве «пораженческой» пропаганде, как представители «партии войны» квалифицировали любое выражение сомнений в победе. Его обвинения подхватила националистическая и реваншистская пресса, развернувшая шумную «антипораженческую» кампанию. Особенно усердствовала «Аксьон франсэз», утверждавшая, что пацифизм неизбежно ведет к предательству. Ее разоблачения выглядели достоверными в свете ставших достоянием гласности данных о контактах Кайо с разного рода сомнительными дельцами, арестованными по подозрению в связях с противником.

В условиях, когда над Кайо нависла угроза следствия и суда, большинство парламентской фракции радикалов не поддержало своего лидера и отказалось пойти на соглашение с социалистами. После того как Пенлеве объявил о своей отставке, никто уже не мог помешать приходу к власти Клемансо, на «твердую

руку» которого уповали большинство парламентариев и значительная часть общественного мнения.

От поражений к победе. Кабинет Клемансо был сформирован 16 ноября 1917 г., когда военное положение Антанты и особенно Франции резко ухудшилось. В Петрограде власть захватили большевики, призвавшие немедленно начать всеобщие мирные переговоры. И хотя правящие круги Франции не очень-то верили в способность этих «ультрареволюционеров» договориться с кайзеровской Германией, надежд на скорое восстановление боеспособности русской армии, подорванной со времени Февральской революции, почти не осталось. На грани поражения осенью 1917 г. оказался и другой союзник — Италия, для помощи которой пришлось перебросить несколько французских и британских дивизий. Французы жили в ожидании наступления основных сил германской армии на Западном фронте. Некоторый оптимизм внушало лишь прибытие во Францию войск США, вступивших в апреле 1917 г. в войну на стороне Антанты. Однако их активное участие в боевых действиях ожидалось не ранее лета 1918 г.

Возглавив кабинет, Клемансо пообещал, что вся его внутренняя и внешняя политика будет починена одной цели — во что бы то ни стало победить. Главной его заботой было укрепление армии. Клемансо добился назначения на пост главнокомандующего союзными войсками генерала Фоша. Под предлогом охраны военной тайны парламентарии были отстранены от контроля над действиями военных, который всецело сосредоточился в руках главы правительства (взявшего себе также портфель военного министра). Авторитет Клемансо был настолько велик, что молва наградила его после войны лестным прозвищем «отца победы».

Внутриполитический курс в правление Клемансо не претерпел серьезных изменений. «Священное единение», из которого добровольно исключили себя социалисты и часть радикалов, по-прежнему оставалось непререкаемой догмой для большинства политиков. Преследуя поднявших голову революционных синдикалистов, правительство тем не менее предпочитало не ссориться с официальным руководством ВКТ в лице Жуо. Однако по отношению к тем политическим деятелям, которых Клемансо считал виновными в подрыве веры народа в победу, были приняты жесткие меры. Бывший министр внутренних дел Мальви, сам обратившийся в Верховный суд с просьбой рассмотреть выдвинутые против него обвинения, был в августе 1918 г. признан виновным и приговорен к 5 годам изгнания. Кайо подвергся в январе аресту по обвинению в связях с противником и в заговоре

против безопасности государства (хотя следствие, растянувшееся на два года, не нашло убедительных улик, в 1920 г. он был осужден на три года тюремного заключения с последующим лишением политических прав). Оба эти дела создали опасный для демократии прецедент преследования неугодных лиц по политическим мотивам. Одновременно с повышенной интенсивностью заработали военно-полевые суды, вынося обвинительные приговоры по делам о «предательстве» и «шпионаже» (некоторые из них, как неправосудные, были отменены после войны). Наконец, в самом начале своего правления Клемансо подверг суровой чистке государственный аппарат, особенно полицию, от лиц, замеченных в чрезмерной мягкости по отношению к антивоенной пропаганде.

В марте 1918 г. началось ожидавшееся наступление германских войск, которое поэтапно продолжалось в течение нескольких месяцев. Противник приблизился на опасное расстояние к Парижу, подверг его обстрелу дальноточной артиллерии и ночным налетам авиации. В июле—августе развернулось грандиозное сражение с применением артиллерии, авиации и танков. В результате немцы были остановлены, а затем под ударами союзных войск принуждены к отступлению по всей линии фронта.

Когда в октябре 1918 г. Германия запросила у союзников перемирия, в правящем блоке, который олицетворяли два высших должностных лица — президент и премьер-министр, — возникли серьезные разногласия. Пуанкаре решительно возражал против переговоров с Германией, пока не уничтожена ее военная мощь. Он умолял Клемансо «не ставить подножку» наступающим союзным войскам. Однако тот, вынужденный считаться с мнением союзников, согласился на перемирие, которое и было подписано 11 ноября в ставке главного командования союзных войск в Компьене. Этот день и по настоящее время отмечается во Франции как одно из основных событий истории страны.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

США вступили в Первую мировую войну лишь в апреле 1917 г. До этого они проводили политику нейтралитета, которая открыла перед американским капитализмом небывалые возможности усиления своей мощи и влияния в мире. В августе 1914 г., декларируя американский нейтралитет, президент В. Вильсон призвал граждан США соблюдать одинаковую лояль-

ность ко всем воюющим державам. Прошло, однако, немного времени, и логика войны в Европе и стремление к обогащению оказались сильнее пацифистских деклараций.

Война оказала огромное воздействие на экономику США. Разразившийся в 1913 г. промышленный кризис был вскоре преодолен, и начался подъем производства. Военные заказы стали главным фактором развития экономики. Военные закупки стран Соглашения с 1914 по 1917 г. оценивались в 3—5 млрд. дол. В 1916 г. США давали 52% мирового производства чугуна и стали, 42% добычи угля. Война стимулировала рост таких важных отраслей промышленности, как нефтяная, автомобильная, судостроительная. В промышленности было создано свыше 2 млн новых рабочих мест. Многие фирмы получали от 100 до 800% прибыли на вложенный капитал. Значительная часть золотых запасов европейских стран перекочевала в кладовые американских банков. В 1916 г. золотой запас США составил 2,7 млрд дол., т.е. треть мирового.

Из страны-должника, какой они были до войны, США превратились в государство-кредитора. За годы войны капиталовложения США за границей выросли с 3,5 млрд дол. до 6,5 млрд. Воспользовавшись тем, что европейские соперники США были вовлечены в войну, американский капитал распространил свое влияние на значительную часть Латинской Америки. С 1913 по 1920 г. торговля США со странами этого региона выросла почти в четыре раза. Не ограничиваясь экономической экспансией, США направляли линкоры, солдат, морскую пехоту на Гаити (в 1914—1915 гг.), в Доминиканскую Республику (в 1916 г.), на Кубу (в 1916—1917 гг.) и в Мексику (в 1914 и 1916 гг.), действуя в поддержку сил, угодных Вашингтону. Гораздо менее успешно развивалась экономическая экспансия в дальневосточном регионе и бассейне Тихого океана, где она натолкнулась на сильное противодействие нового соперника — Японии.

В годы нейтралитета государственное вмешательство в экономическую жизнь страны значительно возросло. Развитие событий подталкивало к тому, что государство брало на себя новые функции по контролю и регулированию экономических процессов. Начавшее функционировать с 1914 г. Федеральное резервное управление способствовало мобилизации денежных средств внутри страны и облегчило проведение операций с золотом и иностранными ценными бумагами за рубежом.

Объектом государственного вмешательства стал прежде всего транспорт. Военные перевозки в европейские страны вызвали огромный спрос на морской транспорт. Между тем американский торговый флот был устарелым и сравнительно небольшим

(по тоннажу он уступал английскому в 10 раз). Принятый в 1916 г. закон о создании Федерального управления судоходством предоставил ему широкие полномочия в деле строительства и эксплуатации новых кораблей. В результате к 1917 г. американские верфи спускали на воду судов не меньше, чем английские.

Сходные меры были предложены правительством на железнодорожном транспорте. Огромная система железных дорог США, составлявшая к этому времени почти половину железнодорожной сети мира, в результате ожесточенной конкуренции и роста социальной напряженности в этой отрасли находилась в состоянии, близком к параличу. Вильсон выдвинул план федеральной инкорпорации дорог, согласно которому правительство брало на себя обязательство поддерживать порядок и эффективность отрасли на время войны.

В преддверии войны администрация Вильсона и конгресс с каждым годом увеличивали расходы на армию и флот, на производство вооружений. Государство выступало в этой сфере экономики как крупнейший покупатель промышленной продукции.

Таким образом, государственное вмешательство в годы нейтралитета США было более многообразным и масштабным, чем до начала Первой мировой войны. Государственное регулирование экономики прокладывало себе путь через сложное переплетение противоречий между партиями и партийными группировками, между интересами различных социальных слоев, прежде всего групп монополистической и нетрестированной буржуазии, подготавливая почву для правительственного контроля над экономикой в годы участия США в войне.

Гораздо более либеральную окраску носила политика конгресса и правительства в социальной области. Отражая как давление народных масс, так и стремление иметь в канун вступления США в войну крепкий тыл, она продолжала реформаторскую линию «прогрессивной эры».

В первые годы нейтралитета конгресс провел ряд законов, шедших навстречу трудящимся. В 1915 г. был принят закон Лафоллета о морях. Закон улучшал условия труда 150 тыс. моряков торгового флота. Правда, его принятие было обусловлено скорее необходимостью обеспечить бесперебойные поставки в страны Антанты.

Определенным шагом вперед был и закон Китинга—Оуэна, запрещавший применение детского труда в производстве товаров, предназначенных для межштатной торговли, хотя закон охватывал лишь 150 тыс. из 1850 тыс. детей и подростков, занятых в

производстве (в 1918 г. Верховный суд объявил закон Китинга—Оуэна неконституционным). В 1916 г. стал законом билль о компенсации при несчастных случаях лицам, занятым на предприятиях, выполнявших государственные заказы. Заслуживает также упоминания закон, запрещающий применение системы Тейлора и ей подобных систем «выжимания пота» на государственных предприятиях. Это было давнее требование профсоюзов, и ярости консервативной части прессы не было предела.

Наиболее радикальным актом в области трудовых отношений стал закон Адамсона о введении 8-часового рабочего дня на железных дорогах. Он явился плодом трехлетней борьбы железнодорожных профсоюзов и был принят в сентябре 1916 г. под угрозой общенациональной железнодорожной забастовки, а с ней и паралича всего транспорта да и промышленности в канун вступления США в войну. Закон Адамсона, несомненно, улучшал положение рабочих-транспортников. Кроме того, введение 8-часового рабочего дня на железных дорогах создавало прецедент для других отраслей.

Значительных уступок добились фермеры. Интенсификация сельскохозяйственного производства требовала больших капиталовложений, между тем фермер мог получить заем под заклад фермы только под большие проценты. Фермеры требовали создания системы дешевого кредита, улучшения хранения, сбыта и транспортировки сельскохозяйственной продукции под федеральным контролем. Первый, но явно недостаточный шаг в удешевления кредита правительство Вильсона сделало при формировании Федеральной резервной системы. Но лишь с оживлением, а затем и радикализацией фермерского движения, особенно после создания в 1915 г. новой фермерской организации — Беспартийной лиги (сначала в Северной Дакоте, а затем и в масштабе страны), дело продвинулось вперед. В 1916 г. Вильсон подписал закон, удовлетворявший главное требование фермеров о дешевом кредите.

К середине 1916 г. стало очевидно, что нейтралитет изжил себя и США вскоре вступят в войну. Конечно, имели значение огромные средства, вложенные США в годы войны в страны Антанты, но определяющей причиной вступления США в войну было истощение материальных и людских ресурсов обеих воюющих группировок. Теперь США, опираясь на огромный экономический потенциал, рассчитывали стать арбитром, диктующим свои условия послевоенного мира.

За годы нейтралитета настроения многих американцев приобрели пробританский характер. Немалую роль сыграла при этом английская пропаганда, снабжавшая сотни местных газет США

материалами о ходе войны. Немецкая военщина сама давала материал для антигерманской пропаганды. Общественное мнение было возбуждено диверсиями немецких агентов в Америке, взрывавших заводы, склады боеприпасов и корабли, отплывавшие в Европу. Особый резонанс в США вызывали действия германских подводных лодок. 1 мая 1915 г. от Нью-Йорка отчалил английский пассажирский корабль «Лузитания», считавшийся самым комфортабельным пароходом Атлантики. 7 мая лайнер был торпедирован немецкой подводной лодкой. Среди 1198 погибших 123 пассажира являлись гражданами США. Все эти события подготавливали общественное мнение США к вступлению страны в войну.

Немалую роль в этом сыграло шовинистическое и милитаристское движение, выступившее под лозунгом «готовности к обороне». Оно объединяло представителей националистически настроенной части интеллигенции, бизнесменов и политиков. Самое активное участие принял в нем Т. Рузвельт. В 1916 г. были проведены «парады готовности» в крупнейших американских городах. И все же большинство американцев не приняло идей «готовности», превалировали изоляционистские настроения. Это показали президентские выборы 1916 г. Республиканская партия, восстановившая прежнее единство, ибо к этому времени распалась прогрессивная партия Т. Рузвельта, тем не менее не смогла предложить конструктивной программы в сфере внутренней политики, ограничившись критикой отдельных аспектов внешней политики Вильсона. Демократы же опирались на весьма обширный список своих социальных реформ, проведенных в 1913—1916 гг. Но лейтмотивом избирательной кампании Вильсона стал девиз «Он удержал нас от войны». На выборах 1916 г. Вильсон победил кандидата республиканской партии, члена Верховного суда Чарлза Эванса Хьюза.

События развивались стремительно. С 1 февраля 1917 г. Германия объявила в целях усиления блокады Англии неограниченную подводную войну. К апрелю были потоплены восемь американских судов. Вместе с полученными Белым домом сведениями о попытках Германии втянуть в союз против США Мексику и, возможно, Японии предлогов для отказа от нейтралитета было более чем достаточно. 6 апреля 1917 г. США официально вступили в войну на стороне Антанты. Центральное место в послании президента Вильсона конгрессу занимало положение о необходимости защитить демократию.

Правительство США немедленно приступило к формированию вооруженных сил и переводу на военные рельсы экономики страны. Мобилизация людских ресурсов оказалась особенно не-

легкой задачей. Страна с ее малочисленной армией (к апрелю 1917 г. она насчитывала немногим более 100 тыс. человек) не была подготовлена к большой сухопутной войне в Европе. Принятый в мае 1917 г. закон о воинской повинности предусматривал регистрацию мужчин в возрасте от 21 до 30 лет (позднее — до 45). Призывались в армию лишь те, на кого выпадал жребий. К концу войны численность американской армии достигла 4,8 млн человек.

Интересам войны была подчинена и финансовая политика Белого дома. Для пополнения военного бюджета были введены новые прямые и косвенные налоги. Важным источником финансирования явились «займы свободы». Всего в 1917—1918 гг. была проведена подписка на четыре «займа свободы» и один «заем победы» на общую сумму 21,3 млрд дол.

Война потребовала внесения новых элементов в функционирование экономики: ее регулирования, руководства из единого центра. Правительство США пошло по пути вмешательства в деятельность бизнеса, уже проторенному воюющими европейскими державами. В мае 1917 г. конгресс США принял закон, в котором были заложены правовые основы государственного контроля над экономикой на время войны. Ключевым органом, подчиненным непосредственно президенту, явилось Военно-промышленное управление во главе с крупным бизнесменом Б. Бэрроу. Были также созданы отраслевые органы — Продовольственная, Топливная и Железнодорожная администрации, Военно-торговое управление. Вместе с организованными ранее Федеральным управлением судоходства и Федеральной резервной системой это давало правительству мощные рычаги государственного контроля.

Военно-промышленное управление осуществляло общий надзор за гигантским хозяйственным механизмом США посредством 184 тыс. местных промышленных советов. Управление не только следило за ценами на сырье и промышленные изделия, но и координировало снабжение армии США и союзников, определяло приоритеты военного производства и распределения рабочей силы.

Каждая из администраций решала специфические задачи в своих сферах. Проблема снабжения продовольствием вооруженных сил, населения и союзников стояла особенно остро. Американский посол весной 1917 г. докладывал из Лондона, что продовольствие в Англии на исходе. Глава Продовольственной администрации — незаурядный администратор Герберт Гувер (впоследствии президент США) провел несколько кампаний под лозунгом «Продовольствие выиграет войну». В США

были объявлены бесхлебные и безмясные дни. Поощрялось увеличение посевных площадей под пшеницу. Кампания по экономии продовольствия содействовала принятию «сухого закона». В декабре 1917 г. обе палаты конгресса приняли 18-ю поправку к Конституции (она была ратифицирована 3/4 всех штатов лишь в 1919 г.). Наряду с нравственными аргументами агитация в пользу «сухого закона» опиралась на довод о недопустимости переработки зерна в алкоголь в то время, когда народ вынужден «затянуть пояса».

Сходной по характеру была деятельность Топливной администрации: учет сырья, нормирование его распределения. Железнодорожная администрация взяла на время войны под свой контроль железные дороги страны. Их владельцы, сохраняя право собственности, получали гарантированную прибыль довоенного времени. В каждой из регулируемых хозяйственных отраслей государство фактически опиралось на самые мощные предприятия, прежде всего тресты, заинтересованные в устранении независимых конкурентов.

Среди новых учреждений, созданных в период войны, немалую роль играл Комитет общественной информации. Им руководил известный журналист Дж. Крил, привлечший к его деятельности писателей, университетских профессоров, художников. В тысячах кинотеатров перед сеансами, в университетах, на фабриках и заводах выступали 75 тыс. ораторов. Комитет распространял миллионы листовок и памфлетов, обосновывавших необходимость участия США в этой «последней из войн» за демократию.

В системе военного государственного регулирования важное место занимали трудовые отношения. Отправной позицией Вильсона была установка на «партнерство труда и капитала». Когда стало очевидным, что вступление США в войну лишь вопрос времени, курс на сотрудничество на «патриотической платформе» правительства с руководством АФТ проявился вполне явственно. В 1916 г. президент назначил С. Гомперса членом Совета национальной обороны.

С вступлением США в войну правительство, провозгласив принцип «сражайся или работай», выступило против стачек и локаутов. Вместе с тем, стремясь поставить под контроль трудовые отношения, правительство шло подчас на серьезные уступки рабочим. В немалой степени это объяснялось тем, что в 1917 год был временем подъема стачечного движения. В стране произошло около 5 тыс. забастовок, в которых участвовали свыше 2,3 млн рабочих.

В ходе войны стала складываться централизованная система чрезвычайных институтов в проведении рабочей политики. В апреле 1918 г. президент издал прокламацию о создании Национального военно-трудового управления, главная задача которого состояла в недопущении стачек. Управление, состоявшее из представителей профсоюзов и предпринимателей, было призвано заниматься посреднической деятельностью, разрешением трудовых конфликтов прежде всего в военной промышленности. Управление сделало также ряд важных шагов навстречу требованиям рабочих. За ними было признано право на организацию в профсоюзы и заключение коллективных договоров с предпринимателями. Последним было рекомендовано установить равную оплату за равный труд для мужчин и женщин и признать 8-часовой рабочий день базовым для отсчета заработной платы.

С вступлением США в войну по всей стране прокатилась волна шовинизма. В антипатриотизме были обвинены «подозрительные иностранцы», организации «бдительных» нагнетали атмосферу страха, из университетов изгонялись пацифистски настроенные профессора. Но основным удар наносился по радикальным профсоюзным организациям и социалистам, выступившим против участия США в войне. Антирадикализм получил выражение в репрессивном законодательстве ряда штатов, а затем и на федеральном уровне. В 1917 г. были приняты закон о шпионаже, вводивший суровые меры наказания за «помехи военным операциям», и закон о мятежах. Теперь преступлением считались не только призывы к неподчинению законам военного времени, но и неуважение к государственному строю США и вооруженным силам страны. Органы юстиции обрушили репрессии на рабочие организации. Профсоюзное объединение «Индустриальные рабочие мира» было фактически разгромлено. В ходе полицейских налетов на отделения ИРМ по всей стране были арестованы около 4 тыс. его членов. Они были признаны виновными в том, что выступали против войны, и большинство из них было приговорено к тюремному заключению от 10 до 20 лет. Жестокому преследованию подверглись и социалисты. Были закрыты десятки газет социалистической партии. В тюрьме оказались виднейшие лидеры социалистов — Ю. Дебс, Ч. Рутенберг, В. Бергер.

Разгул шовинизма и военная истерия, поднявшаяся в стране, в немалой мере предопределили отношение официального Вашингтона к Октябрьской революции. США отнеслись к ней с нескрываемой враждебностью и вместе с союзниками по Антанте участвовали в интервенции на Севере и Дальнем Востоке России.

ИТАЛИЯ

В августе 1914 г. Италия, с начала XX в. постепенно отдалявшаяся от Тройственного союза и сближавшаяся со странами Антанты, не вступила в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и объявила о своем нейтралитете. Помимо ухудшения отношений с ее бывшими союзниками сделанный в тот момент выбор в пользу нейтралитета объяснялся и иными обстоятельствами. Италия лишь недавно закончила войну с Турцией, которую хотя и выиграла, но нелегкой ценой, и ни в военном, ни в экономическом отношении не была готова к большой войне. С другой стороны, всего за несколько недель до начала мировой войны произошли события «Красной недели», возникшие как продолжение антимилитаристской кампании и показавшие, насколько сильны в Италии антивоенные настроения.

Но в вопросе об отношении к войне внутри правящего лагеря существовали расхождения. Сторонников нейтралитета возглавлял отстраненный от власти, но пользовавшийся огромным влиянием Джолитти. По своим внешнеполитическим симпатиям он был германофилом, однако отдавал себе отчет в том, что в Италии была бы крайне непопулярна война в союзе с Австро-Венгрией. В этом смысле нейтралитет был для Джолитти наиболее приемлемым вариантом, поскольку означал, что Италия не присоединяется к противникам Германии, но и не помогает Австро-Венгрии. В то же время Джолитти как опытный и осторожный политик яснее чем кто-либо другой понимал, к каким внутривнутриполитическим потрясениям может привести вступление Италии в войну на любой стороне. Силы, стоявшие за правительством Саландры, в августе 1914 г. также предпочли нейтралитет, но по соображениям чисто тактического характера, как позицию, позволяющую выиграть время и оттянуть окончательное решение до более благоприятного момента.

Таким окончательным решением могла стать лишь война на стороне Антанты. Уже с августа 1914 г. ее стали активно пропагандировать так называемые интервентисты (*intervento* — вмешательство, участие). Они повели шумную кампанию, в которой помимо антиавстрийских ирредентистских мотивов использовали распространенные в демократических кругах симпатии к республиканской Франции, призывая выступить вместе с ней против германского блока. Интервентистское движение вбирало в себя разнородные силы — от откровенно правых (националисты) до синдикалистов, рассматривавших войну как средство

подтолкнуть революцию, — и постепенно приобретало массовую базу.

Интервентистской агитации противостояла позиция социалистической партии, выступившей с первых дней войны за абсолютный нейтралитет Италии, т.е. за ее неучастие в войне при любых условиях. Но вскоре вразрез с этой позицией начал действовать Б. Муссолини, сперва в завуалированной форме, а затем и прямо поддержавший интервентистов. Он был снят с поста главного редактора центрального органа ИСП «Аванти!» и в конце 1914 г. исключен из партии. Еще до этого Муссолини основал собственную газету «Пополо д'Италия» («Народ Италии»), которая стала рупором интервентизма.

В правительственных кругах колебания между сохранением нейтралитета и присоединением к Антанте принимали тот или другой оборот в зависимости от переменчивого хода событий на фронтах и закулисных переговоров с обеими воюющими коалициями. Германский блок, заинтересованный в том, чтобы Италия осталась нейтральной, обещал ей в обмен на нейтралитет территориальные приобретения за счет Франции (Савойя, Ницца, Корсика, Тунис). Страны Антанты хотели участия Италии в их военных усилиях и предполагали вознаградить ее за это из владений Австро-Венгрии и Турции. Но Италия запрашивала больше, чем они соглашались уступить: она стремилась получить не только «неискупленные земли» (Триест и Южный Тироль), но и весь полуостров Истрия с портом Фиуме, далматинское побережье Адриатики, албанский порт Влёра с превращением Албании в итальянский протекторат, Адалию (Анталию) и Смирну (Измир) на побережье Малой Азии, а также окончательно закрепить за собой оккупированные во время войны с Турцией Додеканезские острова. В конце концов страны Антанты заключили с Италией соглашение (Лондон, апрель 1915 г.), по которому обещали ей почти все, что она требовала, за исключением прилегающих к Адриатическому морю земель с югославянским населением, Италия же обязывалась не позднее чем через месяц вступить в войну на их стороне.

Конкретные условия соглашения держались в тайне, но решение о вступлении в войну предстояло провести через парламент. В палате депутатов большинство составляли сторонники нейтралитета. В этих условиях интервентистские круги могли добиться желаемого лишь с помощью внепарламентских средств. Правительство Саландры в мае 1915 г. подало в отставку, предоставив этим полную свободу действий интервентистам. Несколько дней (их потом назовут «лучезарными майскими днями») в Риме и других крупных городах происходили инспирированные интервен-

тистами бурные уличные манифестации, сопровождавшиеся прямыми угрозами по адресу нейтралистов и выпадами против парламента. В ряде мест интервентистам оказывали отпор участники антивоенных выступлений. Но парламентарии-нейтралисты не решились искать поддержки в массовом антивоенном движении и уступили нажиму интервентистов. Король отклонил отставку Саландры и вернул его правительство к власти, а парламент большинством голосов предоставил правительству неограниченные полномочия, что означало согласие на войну. Три дня спустя, 23 мая 1915 г., Италия объявила войну Австро-Венгрии (война Турции и Болгарии будет объявлена на протяжении 1915 г., Германии — в августе 1916 г.).

После вступления Италии в войну ИСП в отличие от ряда других социал-демократических партий не встала на позицию ее поддержки, но и не предприняла каких-либо активных действий антивоенного характера. Руководство партии заявило: «Мы добровольно отходим в сторону — пусть буржуазия сама ведет свою войну». В парламенте социалистические депутаты при голосовании военных кредитов воздержались, что соответствовало сформулированному секретарем партии К. Ладзари лозунгу: «Не поддерживать войну и не саботировать ее». В поддержку войны выступили лишь находившиеся с 1912 г. вне партии правые реформисты во главе с Биссолати.

Правительство Саландры, при котором Италия вступила в войну, просуществовало до июня 1916 г., когда его сменило правительство Паоло Бозелли, названное «национальным». Это был итальянский вариант широкого правительственного блока, созданного на платформе поддержки войны: за исключением социалистов, в кабинет вошли представители всех фракций парламента, в том числе католиков.

Экономические последствия войны Италия начала испытывать еще тогда, когда сама не участвовала в ней. Вызванный войной разрыв традиционных торговых связей сразу же нанес тяжелый удар итальянской промышленности, находившейся в сильной зависимости от импорта угля, сырья и полуфабрикатов. Многие предприятия закрылись. Резко сократился и ввоз в Италию зерна, который раньше удовлетворял от 15 до 20% ее потребности в зерновых продуктах. Все это уже в период нейтралитета привело к росту безработицы, перебоям в продовольственном снабжении, дороговизне продуктов питания. Вступление Италии в войну повлекло за собой ускоренное развитие промышленности, связанной с военными поставками, при одновременном свертывании чисто гражданских ее отраслей. На состоянии сельского хозяйства катастрофически отразилась мобилизация в армию наи-

более трудоспособной части крестьянского населения. Характерные для Италии диспропорции в экономическом развитии (между промышленностью и сельским хозяйством, а в региональном отношении — между Севером и Югом) под воздействием войны усилились.

Очевидная связь между войной и новыми экономическими тяготами придавала антивоенную окраску и таким проявлениям социального протеста, которые возникали на почве безработицы или дороговизны. Массовые выступления подобного рода происходили зимой 1914—1915 гг. во многих провинциях Италии, переплетаясь с манифестациями в поддержку сохранения нейтралитета. Во время «лучезарных майских дней» главной силой, противостоявшей интервентистам, были рабочие. Начало всеобщей мобилизации сопровождалось стихийными антивоенными демонстрациями у призывных пунктов и на железнодорожных станциях, попытками помешать отправке воинских эшелонов (в этих выступлениях особенно активно участвовали женщины — матери и жены призванных).

После вступления Италии в войну здесь, как и в других воюющих странах, была осуществлена милитаризация предприятий, связанных с военным производством. Занятые на них рабочие (к 1917 г. — около 2/3 всех промышленных рабочих Италии) считались мобилизованными и получали отсрочку от призыва в армию, но подлежали наказаниям вплоть до отправки на фронт в случае каких-либо упущений в работе, а за участие в стачке — суду военного трибунала. Различного рода публичные манифестации (митинги, шествия) также были запрещены.

Однако эти меры лишь на время приглушили выражавшийся в стачках, народных волнениях и других формах протест против войны. По мере того как война затягивалась, антивоенное движение активизировалось снова — в частности, под воздействием Февральской революции в России, воспринятой трудящимися массами Италии как революция против войны, примеру которой нужно последовать.

В августе 1917 г. в Турине (крупнейшем промышленном центре Италии) волнения, начавшиеся из-за нехватки хлеба, переросли во всеобщую забастовку и восстание с ярко выраженной антивоенной направленностью. Это было первое в Западной Европе выступление такого рода за весь период войны. Усталость от войны все больше давала себя знать и в армии. Именно она привела в октябре 1917 г. к развалу итальянского фронта под Капоретто: солдаты начали в массовом порядке сдаваться в плен или отходить в тыл, складывая оружие по обочинам дорог.

Катастрофический для Италии оборот событий на фронте привел к отставке правительства Бозелли. На смену ему пришло правительство Витторио Эмануэле Орландо, которое останется у власти вплоть до окончания войны.

На исходе войны, когда являвшаяся главным противником Италии Австро-Венгрия начала уже распадаться на отдельные национальные государства, итальянские войска смогли перейти в наступление, занять Триест и Южный Тироль и выиграть сражение при Витторио-Венето, принудив австрийцев к капитуляции (3 ноября 1918 г.). Италия оказалась, таким образом, в числе стран-победительниц. Но то, что она реально получила в результате войны, далеко не соответствовало ее амбициозным внешнеполитическим притязаниям. С другой стороны, война привела к возникновению в Италии глубокого социально-политического кризиса, который получит свое дальнейшее развитие в первые послевоенные годы и в конце концов разрешится приходом к власти фашизма в 1922 г.

ГЕРМАНИЯ

Империя в начале войны. В августе 1914 г. Германию охватил патриотический подъем. Если еще в июле в Берлине, Кёльне, Мангейме и других индустриальных центрах Германии проходили многолюдные антивоенные демонстрации, то после начала войны она предстала в глазах значительной части населения как национальная и оборонительная, как война за само существование немецкого государства. Сказались плоды многолетней националистической пропаганды. Словами кайзера: «Я не знаю больше партий, я знаю только немцев», была провозглашена политика «гражданского мира» и согласия.

Первыми среди левых сил этот призыв поддержали лидеры профсоюзов, постановившие прекратить все трудовые конфликты и отказаться от стачечной борьбы. 4 августа социал-демократическая фракция рейхстага единодушно (хотя на предварительном обсуждении Карл Либкнехт решительно возражал) проголосовала за военные кредиты и призвала рабочих отдать все силы обороне отечества.

Установлением «гражданского мира» правительство Бетман-Гольвега стремилось укрепить тыл и создать необходимое единство всех слоев немецкого общества. Тем не менее в конце 1914—1915 г. в Германии произошло более 160 стачек.

Не было полного единства и в правящих кругах. Неуверенность Бетман-Гольвега в успешном исходе войны заставляла его быть осторожным и воздерживаться от откровенно агрессивных выступлений, присущих аннексионистам и пангерманцам. Канцлер сопротивлялся применению особенно жестоких средств ведения войны, опасаясь, что это увеличит число врагов Германии и настроит против нее мировое общественное мнение.

Негодование реакционеров вызывала также подчеркнутая предупредительность канцлера по отношению к лидерам социал-демократии, в которых он не без основания видел лучших проводников правительственного влияния на пролетариат.

После того как выяснилось, что война приобретает затяжной характер, основной задачей стала перестройка всей экономики на военный лад. Рассчитывая по плану Шлиффена на молниеносный разгром Франции и России, правящие круги не позаботились о создании в стране запасов стратегического дефицитного сырья и товаров, разработке планов мобилизации промышленности, распределения рабочей силы. Все это пришлось делать уже в ходе военных действий.

С другой стороны, структура экономики Германии была такова, что облегчала ее приспособление к нуждам войны и в какой-то мере компенсировала недостаток специальной и战благотворенной экономической подготовки. Этому благоприятствовали высокая степень концентрации, делавшая возможной быструю мобилизацию индустрии, новейшая техника, позволявшая перейти на новое производство, высокая квалификация и дисциплинированность рабочих. Государственный аппарат империи также имел неплохие навыки управления хозяйством, так как Пруссия давно обладала большой государственной собственностью в виде железных дорог, каменноугольных шахт и копей селитры. Такие особенности Германии дали ей возможность выдерживать длительную войну в условиях фактической блокады и недостатка собственных ресурсов значительно дольше, чем можно было рассчитывать.

Ахиллесовой пятой немецкого хозяйства было отсутствие сырья и нехватка собственного продовольствия. В этих условиях особое значение приобретала торговля с нейтральными странами, от которых Антанте так и не удалось ее отрезать. Швеция поставляла Германии железную руду, медь и лес, Норвегия — никель, Швейцария — алюминий, Дания и Голландия — продовольствие. В целом Германия почти до конца войны сохранила на довольно высоком уровне импорт важнейшего сырья и отчасти продовольствия. Широкое распространение получила система эрзац-продуктов (заменителей). Был изобретен способ получения искусст-

венного каучука, азота из воздуха, хлопок заменила обработанная особым способом целлюлоза, технические масла стали изготавливать из касторки и рыбьего жира. Конечно, это снижало качество продукции, но все вместе взятое — строгая экономия сырья, импорт и система эрзацев — позволило Германии вести войну на протяжении четырех лет вместо запланированных трех-четырёх месяцев.

Система военного хозяйства. Война потребовала крайнего напряжения всех сил страны, усиления государственного руководства экономикой, чтобы расширить военное производство. Его регулирование и распределение военных заказов осуществляло Центральное управление военным хозяйством, куда входили крупнейшие представители финансово-промышленных кругов, государственных органов и армии.

Специальное Управление военно-стратегического сырья получило право изъятия сырья у мелких и средних предпринимателей и передачи его в военные отрасли промышленности.

В 1915 г. военное производство составляло 38% всей промышленной продукции, в 1917 г. — три четверти ее. Резко возросли прибыли крупных предприятий и объединений, занятых этим производством.

Война потребовала огромных финансовых затрат. Ежедневные расходы на нее составляли до марта 1915 г. 36 млн марок, до марта 1916 г. — 67 млн, а позднее — около 100 млн марок в день, что частично было связано и с начавшейся в стране инфляцией. Были значительно сокращены все социальные выплаты, а косвенные налоги возросли почти вдвое.

Однако нехватка сырья и квалифицированной рабочей силы, снижение производительности труда (на заводах и фабриках ушедших на фронт мужчин заменяли женщины и подростки) вели к неуклонному снижению объема промышленной продукции. Добыча угля упала с 190 млн т в 1913 г. до 159 млн т в 1916 г., выплавка стали — с 16,9 млн т. до 13 млн т, чугуна — с 16,7 млн т до 11,3 млн т. Постоянно сокращался национальный доход, в 1914 г. он составлял 84% от уровня 1913 г., в 1917 г. — 67%. Это происходило несмотря на замораживание заработной платы и увеличение продолжительности рабочего дня до 11—12 часов.

Тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве, продукция которого в 1915—1916 гг. сократилась почти вдвое. Это катастрофически сказывалось на снабжении не только населения, но и армии. Поэтому здесь требовались особенно решительные меры со стороны государства.

Осенью 1914 г. была введена единая система максимальных цен на хлеб, картофель, сахар и жиры, а в начале следующего года — хлебная монополия, вызвавшая негодование и протесты крупных аграриев. Все запасы зерна поступали в распоряжение Военного общества зерновых продуктов. Постепенно государственное регулирование охватило все важнейшие продовольственные продукты и контролировалось Военно-продовольственным управлением, подчиненным непосредственно канцлеру.

Для наведения порядка в распределении продуктов правительство было вынуждено ввести карточную систему в 1915 г. на хлеб, а к концу 1916 г. — на все важнейшие продукты питания (картофель, мясо, молоко, сахар, жиры). Широкое распространение получили суррогаты: брюква вместо картофеля, маргарин вместо масла, сахарин заменил сахар, а зерна ржи или ячменя — кофе. Все это вело к ухудшению питания. Если до войны пищевое потребление в Германии в среднем составляло 3500 калорий в день, то в 1916—1917 гг. оно не превышало 1500—1600 калорий.

Некоторые мероприятия носили отпечаток непродуманности. Так, в начале 1915 г. правительство, обеспокоенное резким сокращением запасов картофеля, распорядилось провести массовый убой свиней и разрешило ландратам, управлявшим сельскими округами, даже отбирать их у хозяев в случае отказа выполнять это распоряжение. С присущей немцам обстоятельностью была проведена широкая пропагандистская кампания, в ходе которой экономисты и журналисты объявили свинью «внутренним врагом» империи, поедающим годное людям продовольствие, а потому ослабляющим «силу сопротивления» немецкого народа. В результате весной было забито около 9 млн свиней, а уже к концу года возник недостаток мяса и особенно жиров.

Война начала менять и демографическую ситуацию в сторону резкого ухудшения. К 1916 г. в армию было мобилизовано около 7 млн человек, или 20% мужского населения. А к декабрю этого года только на Западном фронте погибли почти 2,5 млн солдат и офицеров.

Все это усиливало антивоенные настроения, уже с августа 1915 г. во многих городах Германии начались стихийные выступления голодного и измученного населения. В СДПГ оформилось левое крыло во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, которое требовало немедленного прекращения войны и заключения мира.

Крах политики «гражданского мира». Военная кампания 1916 г. не принесла успехов немецкой армии. На Западе ее постигли неудачи под Верденом и на реке Сомма, на Востоке

пришлось срочно спасать австро-венгерского союзника от русского наступления в Галиции и Буковине. Не удалось и прорвать морскую блокаду в ходе Ютландского сражения с британским флотом 31 мая—1 июня 1916 г.

Вера руководящих деятелей империи в возможность добиться военной победы намного снизилась. Правительство Бетман-Гольвега, еще имевшее в 1916 г. шансы выйти из войны путем переговоров, пыталось заключить сепаратный мир с Россией, но не получило никакого определенного ответа.

Ответственность за неудачи на фронте была возложена на начальника Генерального штаба Эриха Фалькенгайна, вынужденного в августе 1916 г. подать в отставку. На его место кайзер назначил генерал-фельдмаршала Пауля Гинденбурга (1847—1934), заместителем которого являлся генерал Эрих Людендорф (1865—1937), непосредственный разработчик и руководитель всех военных операций. Новое верховное командование, еще более агрессивное и реакционное, чем два предыдущих, установило в Германии свою фактическую диктатуру.

Гинденбург немедленно представил военному министру свою программу с требованием удвоить производство вооружений и боеприпасов и утроить производство орудий, пулеметов и самолетов. Все предприятия, не связанные с производством вооружений, лишались запасов сырья и топлива, квалифицированные рабочие принудительно переводились с этих предприятий в военную промышленность.

В конце 1916 г. был принят закон «О вспомогательной патриотической службе», по которому трудовая повинность в военном производстве стала обязательной для всех мужчин от 16 до 60 лет. Запрещалось менять место работы по своему желанию. Война со стороны Германии приобретала тотальный характер. Окончательно сложилась система государственного капитализма, который реформисты в СДПГ рассматривали как «военный социализм». Лидер национал-либеральной фракции в рейхстаге Густав Штрэземан имел все основания констатировать, что «вся Германия превращается в единую военную фабрику».

Однако программа Гинденбурга, потребовавшая страшного напряжения всех сил, только ускорила истощение Германии и ее экономики. Выполнение программы неизбежно влекло за собой обострение противоречий и нарастание социальной напряженности. Сознывая, что это приведет к краху «гражданского мира», Бетман-Гольвег, хотя и признавал необходимость милитаризации экономики, возражал против жестких принудительных мер. Политика канцлера привела к резкому ухудшению отношений между

ним и верховным командованием, которое стало требовать от кайзера отставки канцлера.

Опасения Бетман-Гольвега оказались справедливыми. В Германии в течение всего 1916 г. волна антивоенных митингов и демонстраций постоянно нарастала, произошли массовые выступления рабочих в Берлине, Бремене, Штутгарте.

В этой обстановке для успокоения общества Бетман-Гольвег предложил провести умеренную реформу избирательной системы в Пруссии, но консервативно-милитаристское окружение кайзера решительно выступило против его проекта.

Более успешным было другое мероприятие правительства, объявившего в ноябре 1916 г. о создании независимого польского государства из тех земель, что входили в состав России и были теперь заняты немецкими войсками. Это должно было поднять морально-политический авторитет Германии. Однако создание независимой на словах Польши вызвало тревогу в Вене и негодование царского правительства, оно сорвало переговоры о мире с Россией, проходившие с лета 1916 г.

Наращение кризиса. Все более сомневаясь в возможности одержать победу, германское правительство в декабре 1916 г. обратилось ко всем государствам с заявлением о готовности немедленно начать переговоры о заключении мира. Однако страны Антанты отказались от этого предложения, воспользовавшись тем, что в немецкой ноте они были названы виновниками возникновения войны.

Провал мирного предложения усилил в Германии позиции сторонников беспощадной войны до победного исхода. Они требовали начать неограниченную подводную войну, чтобы полностью блокировать Англию и заставить ее капитулировать. Но такая война, официально объявленная 1 февраля 1917 г., резко обострила отношения Германии и США, которые получили удобный предлог и в апреле объявили Германии войну. Это заметно ухудшило положение Германии, стремившейся теперь поочередно разгромить своих европейских противников прежде, чем на Западный фронт начнут прибывать американские войска.

Но силы Германии были на исходе, она испытывала острейший недостаток сырья и продовольствия. Картофельный урожай 1916 г. повлек за собой страшную «брюквенную зиму», по сравнению с 1913 г. смертность возросла на 32,3%. Тем не менее Германия все еще продолжала наращивать производство оружия и боеприпасов. Так, производство взрывчатых веществ возросло с 8 тыс. тонн в месяц в 1916 г. до 14 тыс. тонн в 1917 г.

Консерваторы и верховное командование продолжали категорически отклонять все требования проведения внутривнутриполитических реформ, выдвигаемые левыми либералами, социал-демократами, Центром и отдельными национал-либералами. Отношения левых и правых политических сил перешли в стадию непримиримой конфронтации. Бетман-Гольвег, пытавшийся сгладить расхождения и примирить тех и других, потерпел неудачу и по требованию командования в июле 1917 г. был отправлен в отставку.

Вначале предполагалось назначить на пост канцлера либо Бюлова, либо адмирала Тирпица. Но для кайзера и его окружения оба они были слишком самостоятельными политическими фигурами. Поэтому канцлером стал совершенно бесцветный прусский чиновник Георг Михаэлис, удобная марионетка для верховного командования, одобдившего это назначение. Военщину активно поддерживала созданная пангерманцами осенью 1917 г. крайне агрессивная и аннексионистская Немецкая отечественная партия, оплот всех сил реакции.

В противовес пангерманцам либералы создали Народный союз за свободу и отечество. В него вошли представители свободных и католических профсоюзов, левые либералы, ряд университетских профессоров. Союз требовал заключения компромиссного мира, социально-политических реформ и тесного сотрудничества с лидерами СДПГ.

Михаэлис не смог наладить никакого сотрудничества с парламентским большинством из либералов, Центра и социал-демократов. Уже в октябре он был заменен 75-летним графом Георгом Гертлингом, бывшим до этого министром-президентом Баварии. Новый канцлер долгие годы играл активную роль в правом крыле партии Центра, имел большой парламентский опыт. Были основания полагать, что он сумеет улучшить отношения с либералами и социал-демократами, от которых к этому времени откололось левое крыло, создавшее весной 1917 г. Независимую социал-демократическую партию Германии во главе с Карлом Каутским и Георгом Ледебуром. В НСДПГ вошла на правах автономии и наиболее левая революционная группа «Спартак», возникшая в начале 1916 г. Раскол социал-демократии отражал растущее недовольство немецкого пролетариата, требовавшего немедленного окончания войны. Выступления с такими требованиями прокатились весной и летом почти по всем промышленным городам Германии. Волнения не могло успокоить и пасхальное послание кайзера, пообещавшего после окончания войны ввести в Пруссии всеобщее и равное избирательное право. Антивоенные настроения начали проявляться в армии и особенно на флоте, неподвижно

застывшем после Ютландского сражения в северогерманских гаванях.

Империя на пороге гибели. Октябрьский переворот в Петрограде и выход России из войны заметно усилили антивоенные и революционные настроения в Германии.

В январе 1918 г. всеобщая политическая стачка охватила основные индустриальные центры страны — Берлин, Гамбург, Бремен, Рейнско-Вестфальский район, Среднюю Германию. Свыше миллиона ее участников требовали заключения мира с Россией, амнистии политических заключенных, отмены военной диктатуры, улучшения продовольственного снабжения. Лишь введя осадное положение, власти через посредничество правых лидеров социал-демократии Фридриха Эберта и Филиппа Шейдемана добились прекращения стачки и сурово расправились с ее участниками.

После подписания Брестского мира с Россией возросли надежды на скорую победу на Западе. Усилились аннексионистские амбиции пангерманцев, рьяно требовавших германизировать Крым и Прибалтику.

Весной и летом 1918 г. германская армия предприняла четыре отчаянных мощных наступления, чтобы разгромить войска Антанты до прибытия в Европу свежих американских подкреплений. В ходе третьего наступления немецкие части вновь достигли берегов Марны в 70 км от Парижа. Но измотанные и обескровленные германские дивизии не выдержали контрудара англо-французских армий. 8 августа союзники прорвали немецкую оборону под Амьеном, а в сентябре начали методичное наступление по всему фронту, медленно оттесняя истощенные немецкие войска.

Провал наступления вызвал сильнейшее брожение в тылу. Экономика Германии трещала по всем швам, население окончательно утратило веру в кайзера и генералитет, происходили почти непрерывные забастовки, началось разложение армии и флота. В Германии назревал сильнейший социальный взрыв.

В конце сентября Гинденбург и Людендорф потребовали немедленного создания парламентского правительства, которое направило бы Антанте предложение о перемирии на основе «14 пунктов» президента США В. Вильсона. Требование мотивировалось тем, что Западный фронт может развалиться окончательно в любой момент.

В первые дни октября кайзер поручил создание нового кабинета принцу Максу Баденскому, имевшему репутацию либерала и сторонника широких реформ. В его правительство впервые вошли социал-демократы Бауэр и Шейдеман. В ночь с 3 на

4 октября правительство отправило Вильсону телеграмму с просьбой начать переговоры о перемирии. Поражение Германской империи свершилось.

Одновременно началась лихорадочная работа по демократизации политической системы. Но все эти меры слишком запоздали. 3 ноября вспыхнуло восстание матросов в Киле. В течение недели революция охватила всю Германию. Попытка императора и командования подавить революцию при помощи фронтовых частей выявила полную ненадежность последних. Тем не менее кайзер упорно отказывался отречься от престола, передать власть социал-демократам и назначить выборы в Национальное собрание, на чем настаивал Макс Баденский. Не добившись результатов, канцлер решился на свой страх и риск опубликовать прокламацию, где говорилось, будто император отрекся от власти и назначил новым канцлером Фридриха Эберта. Узнав об этом, Вильгельм II немедленно выехал в Голландию. 10 ноября власть в Берлине перешла к социал-демократическому Совету народных уполномоченных. Германская империя прекратила свое существование.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ

События, которые привели к мировой войне, начались с убийства в Сараево, столице австро-венгерской провинции Боснии, эрцгерцога Франца-Фердинанда, которого сербская пропаганда изображала как заклятого врага Сербии. На самом деле он был одним из тех немногих руководящих деятелей монархии, кто решительно выступал против антисербских акций. Он не только категорически возражал против уничтожения Сербии как государства, но даже настойчиво требовал, чтобы «ни под каким видом не аннексировать ни один квадратный метр ее территории».

От выстрелов в Сараево до принятия Австро-Венгрией решения об ультиматуме Сербии прошли две полных напряжения и ожидания недели. Начальник Генштаба генерал Конрад сразу же после покушения потребовал всеобщей мобилизации и объявления войны Белграду, ибо в противном случае, доказывал он, престижу монархии будет нанесен непоправимый ущерб и она перестанет существовать в качестве великой державы. Его склонен был поддержать и сам Франц-Иосиф. Единственный, кто мужественно и в одиночку боролся против охватившего всю австро-венгерскую верхушку военного психоза, был венгерский

премьер И. Тиса. По иронии судьбы, впоследствии он оказался единственным, кто понес кару за войну: его убили восставшие солдаты в Будапеште в ноябре 1918 г.

Начало войны для Австро-Венгрии оказалось крайне неудачным. Более чем дурным предзнаменованием явилось раскрытие шпионской аферы полковника Редля, разоблаченного агента русских спецслужб. За 15 месяцев до начала войны с Россией тщательно разработанные венским Генштабом планы военных операций, вплоть до оперативных схем развертывания сил на сербском фронте и карт укреплений и крепостей в Галиции, были выданы русским. Этот «подарок» преподнес им не кто иной, как начальник австро-венгерской военной контрразведки полковник Генштаба Альфред Редль. Уличенный в измене, он покончил с собой, но армии его предательство обошлось дорого.

Вопреки стратегическим планам вооруженным силам пришлось сразу же вести полномасштабную войну на двух фронтах — Сербском и Восточном, против России. Между тем разработанный Генштабом еще до начала войны план военных действий предусматривал нанести удар главными силами по Сербии, оставив в Галиции небольшие силы прикрытия. Неожиданная активность русских армий буквально с первых недель войны, нависшая над границами Галиции и Венгрии опасность заставили верховное командование в пожарном порядке снять с Сербского фронта до 20 дивизий и перебросить их в Галицию. Молниеносного разгрома сербского противника не получилось. Сербии удалось разгромить и оккупировать лишь в конце 1915 г. при решающем участии союзных германских войск. С их же помощью удалось несколько поправить дела на Восточном фронте и стабилизировать его.

Весной 1915 г. против империи открылся третий фронт. Италия, бывшая союзница, почти год колебавшаяся между двумя воюющими блоками, в ультимативной форме потребовала незамедлительной уступки ей не только населенного итальянцами Южного Тироля, но также Приморья с Триестом и далматинских островов и 23 мая объявила Австро-Венгрии войну. В 1916 г. объявила войну империи и Румыния. Ее войска вторглись на территорию Трансильвании, оставленной без прикрытия и защиты венским генералитетом. И здесь разгром румынской армии осуществила германская армия.

Однако эффективная военная помощь союзницы имела для Австро-Венгрии труднопоправимые негативные последствия. В ходе войны неуклонно усиливалась ее зависимость от Германии. В конечном итоге монархия прочно заняла место младшего партнера кайзеровской Германии в блоке Центральных держав, по-

теряв волю и способность вырваться из цепких объятий «старшего брата». Подчиненное положение монархии со всей очевидностью проявилось и для внешнего мира в связи с бесславно провалившейся попыткой Австро-Венгрии выйти из войны и заключить сепаратный мир с Антантой.

В роли исполнителя-посредника странной дипломатической миссии выступил офицер бельгийской армии, принц Сикстус Бурбон-Парма, брат жены нового императора Карла I, сменившего на престоле скончавшегося в ноябре 1916 г. Франца-Иосифа. 24 марта 1917 г. Карл I (он же венгерский король Карл IV) вручил брату своей жены собственноручно написанное письмо, фактически адресованное главе вражеского государства — президенту Франции Р. Пуанкаре. В нем император-король просил передать президенту свое и народов империи восхищение традиционной храбростью французской армии, стойкостью и духом самопожертвования всего французского народа. «Мою империю», писал Габсбург, с Францией «фактически не разделяют никакие противоречивые противоположные интересы». Исходя из этого, он выражал готовность употребить все средства и все свое влияние, чтобы побудить Германию выполнить «справедливое французское требование» возвращения Эльзаса и Лотарингии. Речь в письме шла также о восстановлении суверенности бельгийского государства и возвращении Бельгии всех ее колоний. Австро-Венгрия, писал монарх, готова не только восстановить государственный суверенитет Сербии, но и обеспечить ее выход к Адриатическому морю и сделать ей экономические уступки. От нее же взамен требовалось лишь одно: прекратить всякую агитацию против монархии в самой Сербии и вне ее границ, отмежеваться от организаций, стремящихся к раздроблению Австро-Венгрии. России же, только что пережившей Февральскую революцию, обещалось обеспечить лишь свободное судоходство через проливы.

9 мая последовало второе письмо в таком же духе. Однако о переписке вскоре стало известно в Берлине, и Вена была вынуждена оправдываться перед союзником. Министр иностранных дел граф Оттокар Чернин сделал это весьма неуклюжим образом. В опровержение его публичных заявлений по этому поводу во Франции был обнародован текст письма Сикстусу от 24 марта, и Чернину пришлось покинуть свой пост. Одновременно пришел конец и переговорам, которые Чернин вел с германским руководством параллельно с «делом Сикстуса». Ничего не зная о тайном демарше своего государя перед Францией, министр пытался убедить немцев отдать французам Эльзас—Лотарингию и незамедлительно подписать мир, ибо силы мо-

нархии на исходе и она не в состоянии вести войну дальше. Он предлагал присоединить Польшу к Германии, а Румынию к Австро-Венгрии.

Итогом «дела Сикстуса» было скандальное падение престижа империи и авторитета Карла I как перед Германией, так и перед странами Антанты. Ведомство по иностранным делам возглавил граф Иштван Буриан. 12 мая император-король совершил унижительную поездку в Спа, в главную квартиру германских вооруженных сил, на поклон к кайзеру Вильгельму. Тем самым была поставлена точка на всяких мирных инициативах со стороны монархии, дававших единственный шанс на спасение от надвигавшейся катастрофы.

Не смогли переломить ситуацию в пользу Австро-Венгрии и призрачные военно-политические успехи Центральных держав на Восточном фронте — разгром русских армий, выход из войны России, участие австро-венгерских войск в оккупации значительных территорий на Украине.

В первой половине 1918 г. Австро-Венгрия еще сохраняла некоторую надежду на выживание. 10-й пункт «14 пунктов» президента В. Вильсона, опубликованных в начале января 1918 г., гласил: «Народам Австро-Венгрии, чье место среди других наций мы хотели бы видеть гарантированным, должна быть предоставлена возможность для автономного развития». В конце февраля 1918 г. Карл I через испанского короля Альфонса XIII направил письмо президенту США, которым дал согласие принять «14 пунктов» с некоторыми оговорками. К лету 1918 г., однако, уже вполне определился курс Антанты на разрушение империи.

28 июня 1918 г. США публично декларировали необходимость освобождения всех славянских народов от германского и австрийского господства. На следующий день Франция объявила о признании чехословацкого Национального совета в качестве представителя «чехословацкой нации». 26 сентября Национальный совет провозгласил в Париже образование чехословацкого государства во главе с Т.Г. Масариком. 4 октября в Загребе сформировался Национальный совет хорватов, сербов и словенцев. Процесс распада империи начался за несколько недель до окончательного военного поражения Центральных держав.

Император-король признал факт поражения 16 октября. Опубликованный им в этот день манифест провозгласил империю федеративным образованием. Но было уже слишком поздно.

21 октября 1918 г. немецкоязычные депутаты рейхсрата конституировались как Временное национальное собрание Немецкой Австрии (*Deutschösterreich*), а спустя неделю, 30 октября,

было провозглашено ее присоединение к Германии в качестве составной части. Однако Антанта отменила этот акт, и Австрия стала суверенным государством.

30—31 октября в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, приведшая к окончательному расторжению ее уз с Австрией и династией. Последнюю точку поставил сам император-король Карл I Габсбург, подписавший документ о своем отречении от престола 11 ноября 1918 г.

Война стоило всем народам империи громадных усилий и потерь. В августе 1914 г. империя располагала армией всего в 450 тыс. штыков, а в 1917 г. под ружьем находились 5 млн человек. За 4 года войны было мобилизовано от 8 до 10 млн, т.е. 75% всего мужского населения империи в возрасте от 18 до 50 лет. Армия потеряла свыше 1 млн убитыми, около 2 млн ранеными и 1,7 млн пленными. В плену погибли почти 0,5 млн солдат и офицеров (в основном в России).

ИСПАНИЯ

Испания была одной из немногих европейских стран, избежавших участия в Первой мировой войне. Испанский нейтралитет был обусловлен целым рядом причин. Испания и ее соседи, Франция и Португалия, не имели территориальных претензий друг к другу. Испанские владения в Африке (небольшая часть Марокко и Испанская Гвинея) были слишком ничтожны, чтобы ради их защиты или расширения вступать в войну. Поражения 1898 и 1909 гг. продемонстрировали слабость вооруженных сил Испании, их неготовность к военным действиям. «Трагическая неделя» 1909 г. показала, насколько сильны в Испании антивоенные настроения; правящие круги сознавали, что вступление страны в мировую войну чревато непредсказуемыми для олигархии последствиями. Кроме того, к 1914 г. Испания не была связана договорами, которые бы обязывали ее к вступлению в войну. Испания была достаточно сильна и самостоятельна для того, чтобы оказать сопротивление попыткам воюющих стран втянуть ее в войну вопреки ее национальным интересам.

Среди консерваторов и либералов были как сторонники Антанты, так и германофилы; республиканские группировки безоговорочно поддерживали республиканскую Францию. Социалисты и анархисты осудили войну как порождение политики буржуазии и призывали к прекращению военных действий.

Первая мировая война создала выгодную для испанских правящих кругов экономическую конъюнктуру. Повышение спроса и цен на продукцию горнодобывающей промышленности, черной и цветной металлургии, текстильной промышленности привело к быстрому росту этих отраслей. Так, за годы войны добыча угля выросла на 75%, производство электроэнергии увеличилось в 5—6 раз. В довоенные годы большая часть машин и оборудования для испанской промышленности импортировалась, прекращение этих поставок дало толчок развитию машиностроения. Экономический бум 1914—1918 г. ускорил процесс монополизации в промышленности и банковском деле: в 1917 г. возник Национальный угольный консорциум, в 1918 г. был создан «Банко де Уркихо», в 1919 г. — «Банко Сентраль», сразу же занявшие место в ряду крупнейших испанских банков.

Невиданно быстрый рост испанской экономики и сказочное обогащение олигархии сопровождалось падением жизненного уровня населения. Резкое увеличение экспорта продовольствия привело к дефициту продуктов питания на внутреннем рынке и быстрому росту цен. Номинальная заработная плата в годы войны возросла, но ее рост значительно отставал от темпов инфляции, реальная заработная плата сократилась в среднем на 20%. Уже в 1915 г. многочасовые очереди за хлебом стали обыденным явлением, во многих городах происходили продовольственные волнения, выражавшиеся в нападениях на булочные, пекарни, благотворительные столовые.

Социальный эгоизм испанской буржуазии, вызывающая роскошь нуворишей на фоне хлебных очередей еще больше обостряли напряженность в испанском обществе. Ситуация усугублялась тем, что правительство Испании, в отличие от правительств воюющих стран Европы, не прибегало к мерам государственного регулирования в социально-экономической сфере, что могло бы несколько ослабить социальные противоречия.

Ухудшение положения трудящихся побудило социалистов и анархистов сделать шаг к примирению. В ноябре 1916 г. социалистический Всеобщий союз трудящихся и анархистская Национальная конфедерация труда приняли совместное решение о проведении всеобщей 24-часовой забастовки против дороговизны. Эта забастовка была проведена 18 декабря 1916 г. В марте 1917 г. ВСТ и НКТ заявили о начале подготовки к всеобщей стачке под лозунгом «коренного изменения системы». Одновременно углублялось сотрудничество между ИСРП и республиканскими группировками.

Явная неспособность консерваторов и либералов защитить интересы олигархии в условиях обострения социальных противо-

речий привела к тому, что на политическую арену вновь вышла армия. В конце 1916 — начале 1917 г. в войсках стали создаваться союзы офицеров — хунты, требовавшие от властей защиты интересов офицерского корпуса и наведения порядка в стране. В конце мая 1917 г. правительство арестовало руководителей хунт, вслед за этим хунты предъявили правительству ультиматум, требуя немедленного освобождения арестованных. Правительство вынуждено было уступить и фактически признать существование хунт. Еще одним симптомом политического кризиса была неустойчивость правительств: в 1917—1918 гг. сменилось семь кабинетов.

В начале августа 1917 г. руководители ВСТ и ИСРП призвали к организации «революционной забастовки» под лозунгом создания временного правительства и проведения демократических выборов в учредительные кортесы. Лидеры НКТ отказались поддерживать забастовку ввиду ее явно политического характера, однако рядовые члены НКТ приняли в ней участие. Забастовка состоялась 13—18 августа 1917 г. и охватила крупнейшие промышленные районы — Мадрид, Каталонию, Страну Басков, Астурию. В Барселоне забастовка сопровождалась вооруженными столкновениями с армией и полицией. Правительство ввело военное положение, руководители забастовки были арестованы, в подавлении забастовки приняли участие и хунты.

В конце 1917 и в 1918 г. продолжался рост числа стачек, развернулось движение за амнистию участников «революционной забастовки». С весны 1918 г. начались волнения в деревне: захват крестьянами помещичьей земли стал в Андалусии массовым явлением.

Таким образом, сумев сохранить нейтралитет, Испания не избежала социально-политических последствий Первой мировой войны. С августа 1917 г. в стране начался революционный подъем.

Режим Реставрации в Испании существовал с 1875 по 1923 г. За это время он пережил целый ряд кризисов (1898 г., 1909 г., 1917—1920 гг.), которые расшатывали его, но не могли сокрушить. Прочность режима обеспечивалась безоговорочной поддержкой его со стороны олигархии. Важную роль в сохранении режима сыграла отлаженная двухпартийная система и касикизм, а также раздробленность оппозиции. Отличительной особенностью испанской олигархии конца XIX — начала XX в. был ее глубокий консерватизм, стремление любой ценой сохранить то, что составляло основу существующего порядка — аграрный строй и систему политического господства. Отказ испанской элиты от

проведения реформ вел к накоплению нерешенных проблем и нарастанию напряженности, чреватой социальным взрывом.

ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

К началу мировой войны II Интернационал имел достаточно четко определенную антивоенную платформу. Охватившие ряд стран массовые антивоенные выступления 1912—1913 гг. эффективно способствовали тому, что Балканские войны не вылились в общеевропейский военный конфликт. Новая волна подобных же выступлений прокатилась по Европе во время июльского кризиса 1914 г. Активнейшую антимилитаристскую деятельность развил в последний предвоенный месяц Ж. Жорес, и раньше выступавший как один из самых страстных противников надвигающейся войны. Это снискало ему ненависть шовинистических кругов Франции — 31 июля Жорес был убит.

На 23 августа намечался созыв в Вене очередного конгресса II Интернационала. В связи с началом австро-сербской войны открытие конгресса было перенесено на более близкий срок (9 августа), а местом его проведения взамен Вены назначен Париж. В повестке дня значился вопрос «Война и пролетариат». Но конгресс так и не состоялся. Уже в первых числах августа столкнулись между собой великие державы Европы, и война стала превращаться в мировую, а в позиции самой социал-демократии по отношению к войне произошло коренное изменение.

В нарушение прямых рекомендаций международных конгрессов социал-демократические депутаты в парламентах большинства вступивших в войну стран одобрили запрошенные правительства ассигнования на военные нужды. 4 августа в германском рейхстаге за военные кредиты проголосовала вся фракция СДПГ, хотя накануне на ее заседании 14 депутатов высказались против этого. Подобным же образом действовали депутаты-социалисты во Франции и Бельгии, английские лейбористы. В Австро-Венгрии социал-демократы были представлены только в австрийском парламенте, который с началом войны не созывался и не проводил голосования по вопросу о военных кредитах, но печать СДРПА одобрительно комментировала поведение социал-демократических депутатов в Германии. Против военных кредитов проголосовали лишь социал-демократы в скупшине (парламенте) Сербии и обе фракции РСДРП (большевики и меньшевики) в российской Государственной думе.

Западноевропейские социал-демократические партии начали призывать рабочий класс к «гражданскому миру» с буржуазией собственной страны и к поддержке военных усилий своих правительств. Участие в войне каждой данной страны так или иначе оправдывалось ими (в Германии — интересами защиты демократии от российского самодержавия, во Франции — необходимостью обороняться от нападения Германии и т.д.). В некоторых странах (Франция, Бельгия, позднее Англия) представители рабочих партий вошли в правительства. Во Франции одним из министров-социалистов стал Ж. Гед, в свое время резко осудивший вступление в правительство Мильерана (Мильеран, к началу войны уже не входивший в СФИО, был в том же правительстве военным министром).

Поддержка войны официальным руководством большинства социал-демократических партий полностью противоречила линии, намеченной Базельским конгрессом 1912 г.: в его манифесте подготавливаемая правительствами война недвусмысленно определялась как империалистическая и от социалистов в случае ее возникновения требовались верность интернационализму и готовность к самым решительным антивоенным действиям. Отказ западноевропейской социал-демократии от интернациональной солидарности и от всей совместно выработанной антимилитаристской платформы дал основание В.И. Ленину говорить о произошедшем с началом войны крахе II Интернационала.

«Защиту отечества» в данной войне отстаивали в основном представители довоенного правого, реформистского крыла Интернационала, хотя были и исключения: вместе с правыми оказались Г.В. Плеханов, Ж. Гед (в предвоенные годы примыкавшие к центристскому направлению) и даже склонные к ультралевизне Э. Вайян и Г. Эрве, тогда как Э. Бернштейн, наоборот, занял в отношении войны не крайне правую, а центристскую позицию, близкую к К. Каутскому. Каутский осуждал войну и выступал за то, чтобы возможно скорее закончить ее демократическим миром, но полагал, что заключить такой мир способны сами развязавшие войну правительства. Это вытекало из тех представлений, которые начали складываться у Каутского еще перед войной, а в дальнейшем легли в основу его теории «ультраимпериализма». Интернационалистская точка зрения на войну в наиболее последовательном виде была сформулирована осенью 1914 г. Лениным: начавшаяся война со стороны всех ее главных участников ведется во имя захватнических целей; социалисты каждой страны должны стоять за поражение в этой войне «своего» империалистического правительства и ориентироваться на революционное свержение господства буржуазии (превращение империалистичес-

кой войны в войну гражданскую) как единственный путь к достижению справедливого и демократического мира. Эта позиция опиралась на решения Штутгартского и Базельского конгрессов и доводила до логического конца вытекавшие из них выводы.

Война не только внесла в международное социалистическое движение более глубокое, чем прежде, идейное размежевание, но и сделала невозможным его бывшее организационное единство. Партии воюющих друг с другом стран как таковые не поддерживали между собой никаких контактов и не предпринимали каких-либо общих начинаний. Международные конференции, в которых они официально участвовали, проводились по отдельности партиями стран Антанты, стран германского блока и нейтральных стран («внеблоковый» характер имели лишь состоявшиеся в 1915 г. конференции женщин-социалисток и социалистической молодежи). Попытка созвать «мирную конференцию» с участием партий и воюющих между собой, и нейтральных стран была предпринята лишь в 1917 г., но потерпела неудачу. Единственной сохранившейся от довоенного Интернационала организационной структурой было Международное социалистическое бюро, вынужденное переместиться из оккупированной германскими войсками Бельгии в нейтральные Нидерланды.

Лидеры отдельных партий рассматривали разрыв связей между ними как связанное с войной временное явление и полагали, что после ее окончания Интернационал может быть восстановлен в прежнем виде. Но война так далеко развела сосуществовавшие в Интернационале разные течения, что вновь собраться вместе в одной организации они уже не могли. Назревало создание нового интернационального объединения на основе отделения от традиционных партий тех течений и групп, которые были согласны между собой в непримиримой оппозиции войне и стремлении к революционному переустройству общества.

Левые элементы в социалистическом движении стали активизироваться с конца 1914 — начала 1915 г. В декабре 1914 г. К. Либкнехт проголосовал в рейхстаге против новых кредитов на войну. Свою антивоенную деятельность он и его единомышленники направляли прежде всего против германского империализма и милитаризма («Главный враг — в собственной стране»). В 1916 г. различные группы немецких интернационалистов объединились внутри СДПГ в союз «Спартак». Во Франции революционная оппозиция войне формировалась преимущественно в профсоюзах. Значительную роль в налаживании связей между интернационалистами разных стран играли социалисты нейтральной Швейцарии.

В сентябре 1915 г. по инициативе итальянских и швейцарских социалистов в местечке Циммервальд (Швейцария) собралась конференция с участием 38 делегатов от 11 стран (Россия, Польша, Италия, Швейцария, Болгария, Румыния, Германия, Франция, Нидерланды, Швеция, Норвегия). Там были представлены течения и группы, в той или иной степени оппозиционные войне; преобладали центристы, но присутствовали и левые, включая большевиков во главе с Лениным. Конференция приняла манифест, осуждавший войну, но не выразила своего отношения к позиции тех, кто поддержал ее, и не пришла к единству в вопросе о путях достижения мира. Она положила начало так называемому Циммервальдскому объединению, которое в дальнейшем провело еще две конференции (Кинталь, Швейцария, — апрель 1916 г. и Стокгольм — сентябрь 1917 г.).

Ленин стремился сплотить внутри Циммервальдского объединения тех, кто был ближе к антивоенной платформе большевиков, и таким образом положить начало движению за создание нового Интернационала. Но даже левые циммервальдцы не были готовы сделать первый шаг к этому — признать, что с началом войны II Интернационал потерпел крах. Вопрос о новом Интернационале встанет в практическом плане позже, когда в центре идейных разногласий в социалистическом движении окажется уже не война, а Октябрьская революция в России.

КУЛЬТУРА СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ в конце XIX — начале XX в.

Повседневная жизнь в Западной Европе и Северной Америке. Завершение промышленной революции в ведущих капиталистических государствах, заключительная ее стадия в странах Восточной Европы, Средиземноморья, ее начало в ряде регионов Азии, Южной и Центральной Америки существенным образом изменили условия повседневной жизни человечества. Обыденное бытие человека, включающее в себя осуществляемую изо дня в день деятельность в природной, биологической, производственной, социальной и духовной областях, определялось сложными и противоречивыми процессами формирования индустриальной цивилизации.

Развитие фабрично-заводского производства привлекало в его сферу широкие слои трудящихся, определяя их перемещение в пределах как отдельных стран, так и континентов. В ведущих государствах Западной Европы и в США шло быстрое перераспределение населения между аграрной и промышленной сферами.

Так, если в 1871 г. из 100 немцев 64 жили в сельской местности и только пять в крупных городах, то в первые десятилетия XX в. уже лишь 33 жили в деревне, а 30 — в крупных городах. Еще более ускоренными темпами шла урбанизация стран, ранее вступивших на путь индустриализации. Всего за 1880—1914 гг. 60 млн европейцев стали городскими жителями. Росла численность населения столичных городов, превращавшихся в мегаполисы. Население Лондона, к примеру, составляло на рубеже веков около 3 млн человек.

К началу XX столетия повседневная жизнь человека уже в полной мере определялась аграрной или же промышленной средой его обитания. Обыденность для сельского жителя по-прежнему была наиболее тесно связана с природными циклами сельскохозяйственных работ и традиционными способами организации своей жизни. Село начала XX в. мало отличалось по своей застройке от поселений предшествующих эпох.

Сельский дом сохранял связь с традициями прошлого. Наиболее зажиточные крестьяне могли строить его из лучших ма-

териалов, соломенные крыши постепенно сменялись кровлями из железа, черепицы. Больше внимания уделялось интерьеру. В крестьянских домах появились обои, декоративные ткани, мебель промышленного производства. Посуда, разнообразная домашняя утварь, ткани, часть одежды также приобретались в городах или на ярмарках. Усиление рыночных связей между городом и селом, которому способствовало дорожное строительство на рубеже веков, создавало благоприятные условия для модернизации сельского быта, усвоения сельскими жителями элементов городской повседневной культуры.

Однако степень влияния города на обыденную жизнь села в рассматриваемый период не следует преувеличивать, лишь после Первой мировой войны модернизаторские процессы станут более очевидными. Нельзя не учитывать неравномерность распространения этого влияния, его зависимость от размеров страны, наличия дорог, судоходных рек, близости крупных городов.

В крестьянской среде длительное время сохранялась привязанность к культурно-бытовым традициям, передаваемым из поколения в поколение. По-прежнему высоко ценились произведения народных промыслов. Они присутствовали в каждом сельском доме, придавая ему самобытность и национальный колорит. Изделия сельских мастеров пользовались любовью и городского населения.

Село хранило духовные традиции повседневной жизни народа. Крестьяне в подавляющем большинстве оставались религиозными, их мало коснулись секуляризационные настроения. Большое место в жизни сельских жителей занимали религиозные и светские праздники, семейные торжества.

Сохранялись традиции устного народного творчества (песни, сказки, легенды и т.д.). В конце XIX в. научный и общественный интерес к фольклору привел к организации многочисленных этнографических экспедиций, собиравших и фиксирующих устное народное наследие.

Эти факторы определяют противоречивое отношение современников к повседневной сельской жизни. Часть молодежи видела в ней анахронизм, патриархальность, тормоз на пути утверждения урбанистической цивилизации. Одновременно в обществе осознавалась роль этой культуры в сохранении индивидуальности, духовности, национальной специфики в условиях нарастающей угрозы нивелировки духовной жизни человека под влиянием «массовой культуры».

Формирование новых элементов повседневной жизни на рубеже веков было связано с быстрым ростом городов. Расширение старых и появление новых городов определили невиданный ранее

размах градостроительных работ. Создание новых строительных материалов, механизация труда, рост профессиональных навыков рабочих позволили архитекторам перейти от эклектики, копирования образцов архитектуры прошлого к экспериментальному проектированию, к разработке гуманистических принципов и норм архитектуры нового столетия. Л. Салливен и Ф.Л. Райт в США, А. ван де Вельде в Бельгии, О. Вагнер в Австрии, В. Гропиус, Й. Ольбрих в Германии, Г. Эйфель во Франции заложили основы современной архитектуры. Для построенных ими фабричных и административных зданий, вокзалов, больниц, библиотек, выставочных и концертных залов были характерны оригинальность и функциональность, новаторский подход к использованию стальных и железобетонных конструкций, стекла, алюминия, камня, рациональное соответствие экстерьера и внутреннего дизайна, простота.

Вновь создаваемые или перестраиваемые города приобретали четкую планировку, освобождаясь от районов трущоб. Старые обветшавшие дома сменили многоэтажные постройки, продуманно вписавшиеся в окружающую среду. При создании проектов новых городов архитекторы начали уделять внимание связи микрорайонов с ландшафтом.

Многоквартирные дома строились с учетом новейшего уровня дизайна. Их отличало удобство квартир с высокими потолками и окнами, продуманная связь комнат со служебными помещениями, учет гигиенических потребностей. В этих домах были централизованное водоснабжение и канализация. Однако еще крайне редко встречалось центральное отопление. Помещения обогревались в основном при помощи каминов и печей.

По мере развития бытовой техники в домах появлялись холодильники, газовое, а с 70-х годов XIX в. электрическое освещение, телефон (1877 г. — США, 1879 г. — Париж, 1880-е годы — Берлин, Петербург и др.). В наиболее дорогих домах тщательно отделывались фасады, лестницы, вестибюли.

Плотность застройки, объясняющаяся дороговизной земли в городах, не позволяла создавать обширные озелененные дворы. Во двор, как правило, выходили так называемые «черные лестницы», которыми пользовался обслуживающий персонал. Дворы-колодцы были плохо освещены.

Удобная квартира в доме подобного типа была доступна представителям высших и средних слоев общества. Но мансарды и полуподвальные помещения могли снять и менее обеспеченные. Многоэтажные дома появляются и в рабочих поселках при крупных промышленных предприятиях. Образцом может служить район «Сименсштадт» в Берлине, строительство которого нача-

лось перед Первой мировой войной. Однако большинство рабочих продолжали жить в домах-казармах с источником воды и «удобствами» во дворе. Лишь наиболее высоко оплачиваемая часть их могла приобрести свою квартиру или дешевый дом-коттедж.

Одно- или двухэтажный коттедж остается в это время вторым распространенным типом жилища небольших городов или городских окраин. Особую привязанность к дому такого типа сохраняет население англосаксонских стран.

Расширение городского пространства потребовало более внимательного отношения муниципалитетов к проблемам транспорта. Наиболее распространенными до конца XIX в. оставались конные экипажи типа кебов или фиакров и дилижансы, использовавшиеся для длительных межгородских поездок. В 1870-е годы появляются различные варианты рельсового транспорта, в которых вагон двигался с помощью конной тяги. После изобретения в конце 1870-х годов контактной штанги с токоснимателем и контактной петли стало возможно перейти к использованию электротяги. В 1881 г. городской трамвай появился на Западе, в 1892 г. — в России.

С 60-х годов XIX в. предпринимались первые попытки создания подземного скоростного сообщения. Первый радиус метро глубокого залегания был построен в Лондоне в 1891 г., вскоре метрополитен был построен в Париже.

В 1880-е годы появляется новый вид механического безрельсового транспорта, быстро завоевавший популярность во всем мире. Г. Даймлер изобрел двухколесный мотоцикл, К. Бенц — трехколесный автомобиль. В 1890 г. шотландцы Данлопы создали пневматические резиновые шины. Соединение этих изобретений с совершенствованием шоссейных дорог создало благоприятные условия для развития автомобилестроения в Германии, Франции, США. Массовое производство автомобилей было налажено в начале XX в. Г. Фордом. К началу Первой мировой войны в мире их было уже около 2 млн.

Наряду с развитием индивидуальных и внутригородских транспортных средств в последние десятилетия XIX в. шла модернизация железнодорожного и водного транспорта. За 1870—1913 гг. протяженность железных дорог увеличилась в 5,5 раза. Стальные рельсы заменили железные, появились многочисленные мосты (Бруклинский мост в Нью-Йорке, Фортский в Шотландии, Квебекский в Канаде), тоннели (Сен-Готардский в 1880 г., Симплонский в 1905 г.), выросли вес, размеры, сила тяги, скорость паровозов, были изобретены автоматические тормоза (1872), автосцепка (1876). В 1912 г. был введен в эксплуатацию первый дизельный тепловоз. В 90-е годы в США, Германии, Англии,

Швейцарии началось использование электротяги на железных дорогах, прежде всего промышленного назначения. Распространению ее в пассажирском транспорте в это время препятствовали лидирующие железнодорожные и угольные компании.

К концу XIX в. паровой флот начинает вытеснять парусный. Строятся все более мощные пароходы и крупнотоннажные суда, способные пересечь Атлантический океан за 5—6 дней. В 1912 г. на Западе началось строительство дизель-электроходов или теплоходов (в России — в 1903 г.). Развитию судоходства способствовало завершение строительства ряда каналов. Так, в 1914 г. вступил в строй Панамский канал (81 км).

Предвестием революции в области транспорта стало создание первых летательных аппаратов. Первоначально это были аэростаты и дирижабли, использующие двигатели внутреннего сгорания. Первым поднял в воздух самолет с паровым двигателем А.Ф. Можайский в 1884 г. Затем такие самолеты появились во Франции и США. В 1903 г. братья Райт в США испытали самолет с бензиновым двигателем. До Первой мировой войны самолеты осваивались лишь экспериментаторами и спортсменами. Транспортным средством самолет стал уже в межвоенный период.

В результате развития транспорта уменьшилась изоляция ранее малодоступных районов не только в Западной Европе, но и в Северной Америке, части Азии. Возникли более благоприятные возможности для освоения и заселения малонаселенных, но богатых природными ресурсами областей Севера, Центральной и Южной Америки, Азии и Африки. Росла мобильность населения, в поисках лучших условий жизни переселявшегося на другие континенты.

Невиданные ранее возможности возникли для изучения земного шара, его недр, океанов, растительного и животного мира. Ученые получили эффективные средства для проникновения в «затерянные миры», их исследования и описания.

Удешевление платы за проезд сделало доступными путешествия с целью посещения исторических мест и памятников культуры для людей, не обладающих большими доходами. Даже учитель, начинающий художник могли позволить себе поездки в Италию, Испанию, Францию.

Расширение связей между континентами сыграло огромную роль в развитии контактов между различными национальными культурами. Художественная культура Европы на рубеже XIX—XX вв. испытывала влияние японской, индийской, китайской, африканской культур. Экзотика искусства разных народов уживалась с новейшей техникой и дизайном. Стиль «модерн» приблизил элементы этих культур к обыденной жизни, включив

их в произведения прикладного искусства, отделку мебели, оформление интерьеров, моду.

Развитие биологии и химии во второй половине XIX в. привело к важным достижениям в области медицины, бактериологии и фармацевтики. Появились крупные, оснащенные новой техникой и использующие новую методику научно-исследовательские центры. В 1888 г. в Париже был открыт Институт Л. Пастера, создавший ряд эффективных вакцин против бешенства, сибирской язвы и ряда других эпидемических заболеваний. Р. Кох в Германии открыл возбудителей холеры, туберкулеза, дифтерии и создал сыворотки для борьбы с ними. На основе подобных исследований разрабатывалась методика преодоления болезней, столетиями считавшихся почти неизлечимыми. В результате уже в начале XX в. был зафиксирован некоторый рост продолжительности жизни.

Человек больше внимания стал уделять своему здоровью. Этому способствовало появление и массовое производство лекарственных и гигиенических средств, а также совершенствование и более широкое распространение централизованного водоснабжения. Совершенствовалась технология изготовления и хранения пищевых продуктов. По мере развития легкой промышленности доступными для самых широких слоев населения становились тарелки, вилки, ножи, скатерти. А это также улучшало бытовые условия и обеспечивало унификацию потребления как в городе, так и в селе.

Сохранению здоровья способствовали рост популярности и демократизация спорта. В 80-е годы XIX в. появилось огромное количество легкоатлетических, гимнастических, конькобежных и прочих обществ, доступных для представителей всех социальных слоев. Возникали многочисленные спортивные, рекреационные клубы. В 90-е годы постоянный характер приобрели соревнования по различным видам спорта и футбольные матчи как национального, так и международного уровня. Высшим достижением международного спортивного движения стало создание в 1894 г. Международного олимпийского комитета и проведение в 1896 г. в Афинах первых Олимпийских игр. Занятия спортом и посещение соревнований занимали все более значительное место в досуге горожан.

Принцип удобства и гигиены стал играть большую роль и в разработке новых моделей белья и одежды, подлинной революцией стал отказ от женского корсета (за что боролись и врачи, и широкая публика), утверждение брюк и носков в мужской одежде. После 1875 г. установился тот тип мужской одежды, который существует и сейчас, — брюки, жилет и пиджак из одной

ткани. Наиболее успешно мужская мода разрабатывалась в Лондоне. Женская мода в последней трети XIX в. определялась кутюрье и художниками Парижа, которые стремились придать ей очарование и повседневную праздничность. На смену кринолинам и турнюрам в 90-е годы приходят более простые модели, позволяющие женщине свободно двигаться. Так же как и мужская, женская мода быстро приобрела интернациональный характер. Ее высший уровень был доступен лишь наиболее обеспеченным слоям общества. Тем не менее и одежда низов претерпела в это время существенные изменения, в более простых вариантах отражая стилевые искания эпохи. Элементы народного костюма использовались умеренно, в основном в одежде сельского населения.

Меняющаяся среда определяла приоритеты в организации досуга горожанина, на нем сказалось и постепенное сокращение продолжительности рабочего дня. Свободное время отдавалось прежде всего семье, воспитанию детей, затем повышению образования, развлечениям (посещение праздников, кино, театров, танцевальных залов), общественной деятельности, религии, чтению, спорту, занятиям на дачном участке и т.д.

Одно из важнейших мест в повседневной жизни человека конца XIX в. заняло образование. Первые попытки создания общегосударственных систем образования были предприняты еще в XVIII в. Однако наиболее интенсивно системы народного образования формировались во второй половине XIX в. По Имперской конституции 1871 г. в Германии сохранялась контролируемая на имперском уровне, но субсидируемая ландтагами начальная школа. В период «культуркампфа» канцлер О. фон Бисмарк специальным законом вывел школы из-под контроля церковных конгрегаций. Количество начальных школ в стране быстро росло. Если в 1882 г. их было 20 440 (1 427 025 учащихся), то в 1901 — уже 36 745 (5 680 000 учащихся).

Законы 1881—1882 гг. ввели бесплатное и обязательное обучение детей в возрасте от 6 до 13 лет во Франции. И здесь потребовалось немало усилий для освобождения школ от церковного влияния. Светская школа утвердилась во Франции лишь в начале XX в. Законом 1905 г. церковь в стране была отделена от государства.

В 1870 г. английский парламент принял закон об образовании, в соответствии с которым страна была разделена на школьные округа. Государство субсидировало школу через муниципальные советы. Однако обязательным начальное образование в Великобритании стало лишь по закону 1880 г., а бесплатным по закону 1891 г. При этом оно не было законодательно освобождено от

церковного влияния. В «стране тысячи церквей» долго сохранялось влияние различных религиозных организаций в этой области.

Система начального образования была законодательно утверждена в 1842 г. в Швеции, в 1848 г. — в Швейцарии, в 1877 г. — в Бельгии и Италии, в 1878 г. — в Нидерландах.

Бесплатное, хотя и необязательное, начальное образование существовало в конце XIX в. в большинстве штатов Северной Америки. Американская начальная школа не была однородной как по экономическому положению, так и по программам, степени секуляризации. Образованию недостаточно была охвачена негритянская и мексиканская часть населения. Сохраняли свою специфику национальные школы, созданные иммигрантами из европейских стран.

Начальная школа давала лишь основы образования, продолжение которого зависело от материального положения, желания и упорства каждого. Насколько этот барьер был труднопреодолим, свидетельствует тот факт, что к 1914 г. в капиталистических странах менее 3% подростков посещали средние школы. Средняя школа давала обширные знания, позволяющие подготовиться к высшей школе и будущей профессиональной деятельности. Но и в ней господствовала методика авторитарного типа.

Элитарный характер имело в рассматриваемый период высшее образование. В высшей школе видели институт воспроизводства интеллигенции, подготовки молодых инженеров, ученых, литераторов, политических деятелей. Такую роль играли университеты в Оксфорде, Кембридже в Великобритании, Гарвард в США, Сорбонна в Париже и ряд других. Число студентов на рубеже веков заметно выросло. Так, в Пруссии оно увеличилось с 12 426 в 1850 г. до 37 677 в 1905 г. Наиболее быстро росла численность будущих инженеров и педагогов, подготовкой которых занимались вновь созданные технические высшие школы и педагогические колледжи и институты. Учительство стало в этот период массовым отрядом гуманитарной интеллигенции. Ее лучшие представители стремились прививать своим ученикам навыки самостоятельного творческого подхода к учебным дисциплинам, активный гуманизм.

Демократизация системы народного образования наряду со всеми рассмотренными выше изменениями в повседневной жизни населения стран Европы и Америки определила эволюцию его социальной психологии. Средняя и мелкая буржуазия, «рабочая аристократия», интеллигенция получили возможность для самореализации в результате повышения уровня жизни, улучшения и доступности медицинского обслуживания, образования, знакомства с культурным наследием человечества, наконец, использова-

ния демократических прав и свобод. Эти слои являлись источником и базой демократических настроений, способствовали сохранению и упрочению общечеловеческих ценностных ориентаций. Ценность жизни, здоровья, простого человеческого счастья, гуманистической морали понималась в этой среде ясно и глубоко и крайне редко подвергалась классовой интерпретации.

Вместе с тем именно эта среда породила и так называемого «массового человека». Экономический прогресс, развитие здравоохранения и просвещения вызвали в средних слоях своеобразное эйфорическое состояние, нашедшее выражение в удовлетворенности своим положением, уверенности, что только такой образ жизни достоин человека. Это состояние постепенно вырождалось в инертность, привычку жить в соответствии с определенными стереотипами, потребительское отношение к окружающему. Особенно высоко ценились успехи в бизнесе, престижное потребление, индивидуализм. Нивелировка повседневной жизни воспринималась как нечто само собой разумеющееся, нормальное. По справедливому заключению испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, человек массы «чувствует, что он точь-в-точь как все остальные и притом несколько этим не огорчен», он тот, «кто снисходителен к себе, доволен собою, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывет по течению». Для человека массы характерны, кроме того, неприятие всего непохожего, выделяющегося, а порой агрессивность. Многие из этих качеств станут очевидными в XX в., однако и в конце XIX в. современники видели опасность зарождающегося явления.

Приверженность среднего человека к привычному, комфортному, интеллектуально доступному привела к возникновению самостоятельной сферы духовного производства, создающей элементы так называемой «массовой культуры».

В последние десятилетия XIX в. ведущими средствами массовых коммуникаций являлись книгоиздательство, пресса, с 1895 г. — кино. В XX в. к ним присоединились радио и телевидение.

В конце XIX в. интенсивно развивалась полиграфическая промышленность, резко увеличилось количество и тиражи периодических изданий. Так, в стране с наиболее развитым полиграфическим производством — Германии — в начале XIX в. ежегодно выходило около 3900 наименований книг, в 1900 г. — 24 792, в 1905 — 28 886. Полиграфическая продукция стала предметом экспорта. В 1905 г. Германия вывозила за границу печатных изданий на 290 млн марок. Подобный процесс наблюдался в это время в Великобритании, Франции, России и др. странах.

Выросли престиж и тиражи газет ведущих политических партий. Так, консервативно настроенные англичане предпочитали «Таймс», не только сообщавший им последние политические новости, но и публиковавший интересные материалы о событиях национальной и мировой культурной жизни. Подобные же публикации, но в либеральной интерпретации появлялись в «Гардиан». Пресса рубежа XIX—XX вв. умело сочетала достаточно глубокий анализ текущих политических и международных событий с удовлетворением любопытства «среднего» читателя. На ее страницах много внимания уделялось светской, криминальной хронике.

В приложениях к крупным изданиям или самостоятельными сериями печатались романы-фельетоны самых разнообразных жанров. Среди них были серьезные реалистические романы, фантастика, детективы, историческая беллетристика и т.д. Наряду с ними процветала и «бульварная» литература, привлекавшая читателя экзотикой, захватывающим сюжетом, эмоциональностью. Этим объясняется всемирная популярность таких «героев» «серийных» романов, как Фантомас, граф Дракула, комиссар полиции Жюв, сыщик Нат Пинкертон и т.д. Приобрели популярность, особенно среди женской части читающей публики, произведения так называемого «розового реализма». Их авторы, повествуя о реальных перипетиях бытия, изображали их в «розовом» свете, вселяя в читателя веру в неизбежное счастливое разрешение всех проблем.

Со страниц прессы и книг герои «бульварной» литературы перекочевывали на подмостки «бульварных» театров, но подлинным их реаниматором стало новое средство массовых коммуникаций — кинематограф. Изобретение киносьемочной и кинопроекционной техники, над которым работали сотни ученых в Европе и Америке, завершилось в 90-е годы XIX в. Официальная демонстрация фильмов братьев Люмьер в Париже в конце декабря 1895 г. положила начало существованию кино. В последующее десятилетие шло дальнейшее совершенствование кинотехники, создание кинофирм («Патэ», «Гомон» во Франции, «Байограф», «Вайтограф» в США и др.), формирование жанров, становление режиссерского и актерского искусства.

Кинопроизводство приобретало массовый характер, ибо по мере превращения из аттракциона в искусство у кино становилось все больше поклонников. Быстро росло количество стационарных кинотеатров. В 1911 г. в США их было свыше 10 тысяч. Специфика создания и тиражирования фильмов потребовала укрупнения производства и определила появление мощной кинопромышленности уже в первые десятилетия XX в.

Доступность восприятия кинохроники и немого фильма даже для неграмотных и не владеющих иностранными языками открывала огромные возможности для влияния на сознание и вкусы широчайших масс населения. Кинематограф создавал условия для расширения межрегиональных контактов и интернационализации массовой духовной жизни. Герои и актеры немых лент приобретали поистине всемирную популярность.

Последующая привязанность человечества к новой музе определялась постепенным приобретением ею жанрового и стилистического своеобразия. Синтезируя достижения литературы, изобразительного искусства, миманса, театра, позднее музыки, кино сумело выработать свой язык, открыть специфические принципы фотогении, т.е. особой визуальной выразительности, неведомой ни одному из искусств старого типа.

До Первой мировой войны появились основные жанры киноискусства и первые творческие коллективы, в которых режиссеры искали свои методы отражения мира и воспитывали актеров нового типа, способных преодолевать условность театральной игры и добиваться раскованности и эмоционального правдоподобия перед кинокамерой. Так, рождение жанра кинокомедии неотделимо от экспериментов Ф. Зекка, У. Мак Сеннета, М. Линдера, Ч. Чаплина; вестерна — Э. Портера, Т. Инса, У. Харта; мелодрамы — С. Бернар, У. Гада и А. Нильсен, Д.У. Гриффита и Л. Гиш, М. Пикфорд; приключенческого фильма — Ф. Фейада, Р. Уолша и Д. Фербенкса, П. Уайт; фантастики — Ж.Мельса и многих других. Их открытия ускорили переход кино к стадии становления искусства, способного глубоко и художественно точно ставить острые проблемы жизни. Это позволило кино сделать шаг за пределы «массовой культуры» в сторону высокого гуманистического искусства.

Эволюция прессы, книгоиздательства, кинематографа на рубеже веков оказала огромное влияние на повседневную духовную жизнь человечества. До неведомых ранее масштабов расширилась степень информированности человека. К традиционным методам образования присоединились новые способы получения знаний и аргументов для суждения об окружающей реальности. Все это создавало основы для интернационализации духовной жизни населения различных стран мира. Вместе с тем средства массовых коммуникаций уже в это время широко использовались правящими кругами в целях манипулирования сознанием масс. С их помощью велась активная пропаганда милитаристских, расистских, шовинистических доктрин. Усилия эти, как известно, не были бесплодными, что и продемонстрировал 1914 год.

Таким образом, формирование социальной психологии «массового человека» на рубеже XIX—XX вв. определяло развитие той системы этических и эстетических стереотипов, которая в XX в. под названием «массовая культура» приобрела такое распространение и влияние. Эти явления заняли значительное место в повседневной духовной жизни прежде всего городского населения. Они медленнее проникали в сельскую среду, долгое время и после Первой мировой войны сохранявшую привязанность к традиционной народной культуре.

Философская и научная мысль. Понимание происходивших в меняющемся мире процессов могло определяться в рассматриваемый период наиболее распространенными типами мышления — рационалистическим и религиозным. Традиционным для значительной части человечества оставался теологический подход ко всему происходящему.

Влияние церкви на сознание масс оставалось в последние десятилетия XIX в. достаточно сильным. Сохраняли свой престиж различные протестантские конфессии, особенно лютеранская, англиканская. Действовали многочисленные секты. Наиболее влиятельными они были в США и ряде европейских стран.

Более сложным было положение католической церкви. Позиции папства были подорваны в 1870 г. после взятия Рима итальянскими войсками и лишения папы светской власти. Кроме того, Ватиканский собор 1869—1870 гг. принял догмат о папской непогрешимости, что вызвало раскол в католической церкви. Меньшинство, не признавшее новый догмат, образовало группировку «старокатоликов», наиболее активную в Швейцарии, Австрии, Германии. В 1915 г. в этих странах было более 150 тыс. «старокатоликов».

Усложнилось положение католиков в Германии, где по инициативе канцлера Бисмарка в 70-е годы католическая церковь была отстранена от многих сфер деятельности. «Культуркампф», направленный на ослабление сепаратистских тенденций среди польских и немецких католиков, не смог, однако, ослабить влияние католицизма в стране.

В 1878 г. папой стал Лев XIII, стремившийся восстановить бывшее влияние католицизма и расширить политическую деятельность церкви. В 1888 г. он выпустил энциклику «*Libertas*» о возможности сотрудничества с либеральными и республиканскими режимами, если последние учитывают интересы церкви. В 1891 г. появилась энциклика «*Rerum novarum*», в которой осуждались социализм и классовая борьба, а рабочим предлагалось терпеть и сотрудничать с предпринимателями, проявляя смирение, прилежание и бережливость. Энциклика призывала созда-

вать христианские рабочие организации. Лев XIII и сменивший его в 1903 г. Пий X пытались представить католическую церковь как поборницу научного и технического прогресса, покровительницу искусств и ремесел, одновременно выступая против любых проявлений модернистской ереси.

Наряду с традиционными конфессиями в Западной Европе и Северной Америке в начале XX в. приобрели известность, особенно среди интеллигенции, религиозные воззрения Востока. Усилился интерес к исламу, буддизму, ламаизму, конфуцианству. Переводились и издавались разнообразные материалы религиозного характера. Большой популярностью пользовались теософские общества, распространилось увлечение различными видами мистицизма и оккультными науками. Широко публиковались произведения мистиков прошлого, руководства по черной и белой магии. Религиозные искания занимали общество до Первой мировой войны. Поддержанию интереса к религии способствовала также примитивность антиклерикальной политики ряда правительств и вульгарность атеистической пропаганды.

Тем не менее при сохранении традиций религиозного мышления в обществе все более распространялись секуляристские настроения. Основой секуляризма стал рационализм. Секуляризация (*secularis* — мирской, светский) — процесс освобождения индивидуального, общественного и группового сознания от влияния религии — нашла отражение в распространении атеизма, в последовательной борьбе не только демократов, но и весьма консервативно настроенных политических лидеров за утверждение светского характера образования, ограничение прав церкви, господство светского искусства.

Секуляристские настроения конца XIX в. объясняются значительными успехами естественных наук. Эти успехи нанесли удар по всем типам догматического, авторитарного мышления, требуя отказа от механического отображения действительности. Особое место среди естественно-научных открытий этого периода занимали выводы биологов, касавшиеся проблемы происхождения и развития человека. Огромную роль в формировании нового подхода общественного сознания к проблемам человека сыграла публикация в 1859 г. работы Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», в которой рассматривалась эволюция живых организмов. Современники высоко оценили как научное, так и идеологическое значение его поисков и открытий.

Дальнейшая разработка проблемы Ч. Дарвином, Т. Гексли, Э. Геккелем способствовала утверждению в сознании различных слоев общества нового понимания процесса формирования чело-

века как биологического существа и его эволюции в трудовой и общественной жизни. Формировался новый взгляд на категорию «время» как длящуюся миллионы лет эволюцию мира и человека. Последующие поиски и открытия археологов и палеонтологов подтвердили правильность догадок о значительной временной протяженности существования жизни на земле.

Параллельно этому процессу шло обновление рационалистического подхода к пониманию новейших открытий в области физики и химии. Менялись представления о строении материи, пространстве, времени, движении. Открытия М. Планка, В. Рентгена, М. и П. Кюри, Э. Резерфорда, Н. Бора, Л. Больцмана и, наконец, А. Эйнштейна произвели подлинную революцию в физике, начали «героическую... стадию современной физики», как оценил ее английский философ Д. Бернал. Открытие рентгеновского излучения, радиоактивности, сложной структуры атома, его микрочастиц, создание квантовой теории изменили представления о микроструктуре материи, процессах в ее частицах, их внутренней энергетике. Открытие микромира поколебало принципы классической физики, казавшиеся вечными и всеобщими. А. Эйнштейн писал позднее: «Ощущение было такое, как если бы из-под ног ушла земля, и нигде не было видно твердой почвы, на которой можно было бы строить».

Сам А. Эйнштейн внес существенный вклад в разрушение привычных представлений о строении материи. В 1905 г. в статье «К электродинамике движущихся тел» он изложил основные положения специальной теории относительности, из которых следовал вывод об относительности массы и возможности ее наличия даже у такой частицы, как электрон.

А. Эйнштейн предложил новый взгляд на время и пространство, провозгласив, что не существует абсолютного времени, независимого от системы отсчета. Оно, как и размеры тел, изменяется в зависимости от скорости движения. Время относительно и зависит от конкретной системы координат, оно не существует без пространства и находящихся в нем тел.

Теория эволюции и новейшие открытия в области естественных наук оказали значительное влияние на развитие всех направлений философии рассматриваемого периода. Они требовали нового подхода и новых ответов на все коренные мировоззренческие вопросы, требовали объединения в этих поисках усилий экспериментаторов и теоретиков. Некоторые естествоиспытатели, подобно химику В. Оствальду, сами выступали в качестве философов. Однако значительная часть ученых, увлеченных экспериментаторством, оставляла в стороне философское осмысление своих открытий. Между тем незавершенность новой картины мира, от-

крившиеся сложность строения материи, вероятностный характер действия законов природы вызвали появление множества разнообразных и противоречивых попыток их обобщения и объяснения.

В качестве философии науки в этот период по-прежнему выступал позитивизм. Возникшее в середине XIX в. философское течение, наиболее видными представителями которого были О. Конт (1798—1857), Г. Спенсер (1820—1903), Дж.Ст. Милль (1806—1873), развивало рационалистические концепции предшественников применительно к эпохе утвердившегося капитализма. Философы этого направления чрезвычайно высоко оценивали достижения естественных наук, считая, что они способны дать необходимые в практической жизни знания о мире, человеке и обществе. Основной задачей науки они считали описание явлений, а не постижение первоначал бытия. Признавая существование некоей абсолютной реальности, являющейся источником и причиной появляющихся у человека впечатлений и идей, Г. Спенсер считал эту реальность непредставимой, непостижимой. Сфера познаваемого ограничивалась им различными состояниями сознания.

Значительное место занимало в позитивизме учение об эволюции. Эволюция в позитивистской трактовке — постепенное перераспределение вещества и движения. Пределом эволюции может стать состояние равновесия эволюционирующей системы. Однако это состояние временно и может смениться кризисом и разложением системы («эры эволюции и распада чередуются между собой»). Г. Спенсер считал общество живым организмом, развивающимся естественным, эволюционным путем, отрицая возможности его искусственного создания или совершенствования. Отсюда отрицание роли революций в его преобразовании и скептическое отношение к роли личности в истории.

Г. Спенсер распространил на общество дарвинистскую теорию «естественного отбора», биологически обосновывая социальное неравенство, трудности существования и гибель представителей низших слоев населения. Он считал, как и Дж.Ст. Милль, что преобразование капитализма возможно лишь в результате компромисса между различными социальными группами в отдаленном будущем.

Идеи Г. Спенсера, как и других родоначальников позитивизма, оказали значительное влияние на современников, отразились в произведениях философов, историков и литераторов.

Научно-технические достижения рубежа веков определили дальнейшую эволюцию позитивизма. Попытки его обновления были предприняты австрийским физиком Э. Махом, немецким философом Р. Авенариусом, английским биологом и физиком

К. Пирсоном, французским математиком А. Пуанкаре. Вторая стадия в развитии позитивизма получила название махизма, или эмпириокритицизма, и была подробно рассмотрена в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Э. Мах отвергал основные понятия механики и скептически относился к поискам ответа на вопрос о возможности познания существующего мира. М. Планк, Л. Больцман, позднее А. Эйнштейн не приняли идеи махистов, видя в них отход от свойственных ранее позитивизму элементов материализма. С глубокой и разносторонней критикой махизма выступили марксисты.

Признание реальных побед разума и удовлетворенность темпами и уровнем развития общества создали в конце XIX — начале XX в. благоприятную почву для появления нового направления философии — прагматизма. Его возникновение обычно связывают с именем американского философа, математика, астронома, химика Ч. Пирса (1839—1914). Ученый, но и глубоко религиозный человек, Ч. Пирс попытался дать новую интерпретацию научных понятий, позволяющую примирить под влиянием позитивизма теорию эволюции Ч. Дарвина, наследие И. Канта и «здравый смысл» буржуазной Америки с его крайним утилитаризмом.

Термин «прагматизм» традиционно производят от древнегреческого «прагма» — дело, действие, но Ч. Пирс связывал его с предложенным И. Кантом понятием «прагматическая вера». Критерием ее правильности является практический успех. Для Ч. Пирса вопрос о сущности знания превращается в вопрос о том, как «закрепить» верование, чтобы оно стало надежным орудием действия, не вызывающим никаких сомнений. При этом для него не существенны истинность или ложность избранной веры, ее соответствие реальной действительности, она должна лишь быть результатом общего согласия, определяющим ее авторитет. В 1903 г. в «Лекциях о прагматизме» Ч. Пирс определил прагматизм как «учение о том, что каждое понятие есть понятие о мыслимых практических последствиях».

В начале XX в. идеи Ч. Пирса получили расширительное толкование в публикациях его приверженцев. Апология полезности действия постепенно превращала категорию «польза» в главный принцип теории познания. Ч. Пирс пытался отстоять свое понимание прагматизма, но так как его ограничения не были приняты последователями, он даже объявил в 1905 г. о своем отказе от термина «прагматизм».

Дальнейшее развитие это учение получило в трудах У. Джемса и Д. Дьюи. У. Джемс отрицал материализм и считал, что человеку нужно религиозное чувство как источник сил для жизненной

борьбы, чувства безопасности, защищенности в устройстве своей личной судьбы. Бог, по его мнению, должен быть ближе к человеку, помогать ему в осуществлении его планов, быть соратником в его борьбе, т.е. должен приносить пользу. При этом У. Джемс считал само существование бога не более чем гипотезой.

Большое значение придавалось Джемсом индивидуальности, «Я», «миру живых индивидуальных чувств». Человек в его понимании — это организм, находящийся в определенной среде, стремящийся выжить и приспособиться к меняющимся условиям. Вопрос не в том, каков окружающий нас мир сам по себе, а в том, как наилучшим образом устроиться в нем, чтобы «чувствовать себя как дома во Вселенной», пребывая при этом в рамках существующего общественного порядка. В связи с этим истинность теории для Джемса проверяется не ее соответствием реальности, но ее полезностью для достижения той или иной цели, возможностью ее реализации.

Вера в силы человека, его опыт, оптимизм и гуманизм американского прагматизма, его демократизм определили его популярность в широкой общественной среде на протяжении всего XX столетия. В США он практически сразу превратился в официальную философию бизнеса, а позднее стал философской основой «массовой культуры». После Первой мировой войны он находит приверженцев и в европейских странах, хотя его невнимание к проблемам гносеологии и онтологии, его утилитаризм не устраивали значительную часть интеллигенции, искавшей более глубокие ответы на волновавшие ее мировоззренческие вопросы. Прагматизм был подвергнут резкой критике философами-марксистами за отход от материалистического к субъективно-идеалистическому объяснению мира, за превращение «полезности» в главный принцип теории познания.

Марксизм на рубеже XIX — XX вв. превращался по существу в единственную философскую школу, которая последовательно отстаивала принципы диалектического материализма. В произведениях В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, К. Каутского, Ф. Меринга, П. Лафарга, Ант. Лабриолы и других марксистов продолжалась разработка ведущих проблем материалистического направления философии.

Между тем наряду с материализмом и школами, балансирующими между рационализмом и иррационализмом, в конце XIX в. приобрели популярность теории, открыто отрицавшие адекватность рационалистического подхода к действительности. Некоторые из них вырастают из попыток модернизированной интерпретации наследия И. Канта. Наиболее ярко эти тенденции проявились в деятельности философов Марбургской (П. Наторп, Э. Кас-

сирер, Ф. Ланге и др.) и Баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) школ. Для них характерны резкое неприятие материалистического подхода к истории, особенно его марксистского варианта, попытки создания собственной методологии для исторической науки, интерес к истории культуры, разработка аксиологических проблем. Неокантианцы считали, что наука не в состоянии построить всеохватывающую рациональную картину действительности. Познаваемы лишь части, целое является предметом творческого вымысла. Ими признавалась возможность выявления закономерностей в естественно-научной сфере и отрицалась в области наук об обществе. Задачу истории они видели в выявлении и описании отдельных фактов и процессов.

Значительное место занимало в неокантианстве учение о ценностях — аксиология. В трактовке В. Виндельбанда и Г. Риккерта ценности — это существующие вне человека и общества нормы, вечные и априорные. Мир состоит из действительности и ценностей. Ценности не обладают бытием, но они «значат», т.е. имеют для человека значение абсолютных норм, которым подчиняются мышление, воля и эстетическое чувство. Ценности выше действительности, потому что действительность, реализуемая в поступках и творчестве человека, подчинена им и зависит от них.

Неокантианство оказало значительное влияние на процессы в художественной культуре конца XIX — начала XX в. Художники нередко полярных направлений использовали его для обоснования как следования традиции, «норме», так и свободного поиска ценностных ориентаций.

Среди новейших философских школ иррационалистического направления во второй половине XIX в. все большую известность наряду с неокантианством приобретала «философия жизни», особенно в ее немецком и французском вариантах. Наиболее крупные ее представители Ф. Ницше, В. Дильтей, О. Шпенглер, А. Клагес, А. Бергсон рассматривали жизнь как первичную реальность, целостный органический процесс, в котором не разделены материя и дух, бытие и сознание. Жизнь представлялась им процессом творческого становления и развития в биологической, космологической и культурно-исторической сферах, находящимся в постоянном конфликте со всем застывшим, определенным, с разнообразными механическими образованиями.

В понимании Ф. Ницше (1844—1900) «настоящий» мир — «целостность», которую можно обозначить словом «жизнь», единственным признаком которой является «становление», изменчивость. Мир отличает активное взаимодействие сил, проявляющееся в познании, религии, морали, эстетике. Ф. Ницше разли-

чал органический и неорганический миры, провозглашая основной способностью первого способность к творению. Отрицая развитие от низшего к высшему, философ предлагал идею «вечного возвращения»: «Все идет, все возвращается, вечно катится колесо бытия. Все умирает и все расцветает вновь... Кругло колесо вечности».

Человек для Ф. Ницше — мимолетность, «болезнь» природы, «высокомерное насекомое», обладающее тем не менее «волей к власти». При этом близость к животному миру и наличие качеств животного, по его мнению, не худшее, а лучшее в человеке, то, что позволяет двигаться к «сверхчеловеку», обладающему в еще большей степени этими качествами «белокурому животному», свободному от «очеловеченности» традиционной моралью. Для «высших» людей допустима позиция «по ту сторону добра и зла», честность только по отношению к себе.

Историю Ницше представлял как совокупность героических усилий выдающихся индивидов, отвергая значение развивающихся во второй половине XIX в. демократических и социалистических движений. В будущем он допускал взлет в развитии техники, медицины, средств информации, появление «массовой» культуры, но связывал с ними возможность саморазрушения культуры. Выходом, по его мнению, могло стать воспитание новых пород людей — «философов-законодателей» и послушных им масс, образующих динамичное единство, с господством в нем «сверхчеловека».

Ф. Ницше — философ и художник отразил в своих произведениях противоречия своей эпохи, бунт личности против утверждающегося массового общества. Этим объясняется популярность его идей в среде творческой интеллигенции. Однако его наследие давало возможность и для интерпретации в самом реакционном духе.

Значительное воздействие на творческую практику интеллигенции оказали идеи французского философа А. Бергсона (1859—1941), хотя он и не создал своей философской школы. Работы А. Бергсона «Непосредственные данные сознания» (1889), «Материя и память» (1896), «Творческая эволюция» (1907) и др. отличали оригинальность и блестящая литературная форма. Он попытался совместить элементы позитивизма и метафизики, предлагал свой вариант отношения к познанию действительности.

Мир А. Бергсон понимал как «длительность», как «непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и расширяющееся по мере движения вперед». Поэтому «время» — основное сущностное качество мира. Жизнь воспринималась им как движение, постоянное творчество новых форм, взаимопроникновение

явлений прошлого и будущего. Человеческий разум «производит почти мгновенные снимки с неделимой подвижности реального». Методом познания мира-длительности, по его мнению, является интуиция, противопоставляемая интеллекту. Основу жизни философ видел в «сверхсознании», «абсолютном». Оно — непрерывность, «порыв», обладающий творческой потенцией, способностью к различным воплощениям. Сознание субъекта, будучи проявлением «сверхсознания», использует мозг лишь как свое убежище, орудие. «Сверхсознание», влившись таким образом в материю, проявляется в двух формах. Одна из них — инстинкт, форма приспособления к материальным условиям своего «пробытия», обладающая автоматизмом, способностью органически действовать. Вторая — интеллект, определяющий действия человека в мире в соответствии с уже известными образцами. Интеллект пытается разложить «жизненный порыв», постоянно создающий новое, на отдельные «неизменные моменты». Интеллект «не может мыслить истинную непрерывность, взаимную проникновенность, словом, творческую эволюцию, которая и есть жизнь». Ни инстинкт, ни интеллект не могут, следовательно, постигнуть жизнь. Это постижение может, по мнению А. Бергсона, дать лишь интуиция, т.е. простое, «наивное», не обремененное рассуждениями, непосредственное восприятие любого объекта. Интуиция — «род интеллектуальной симпатии, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с ним, постигнуть то, что в нем есть единственного и, следовательно, невыразимого». Интуиция дает «абсолютное» знание объекта, и потому она, а не наука может стать основой художественного творчества.

Оригинальны взгляды А. Бергсона на эволюцию мира и человека. Началом ее он считал некий исходный «взрыв». Он отвергал идею «вечного возвращения», признавая постоянные качественные изменения в природе и обществе. В перспективе философ видел возможность постепенного перехода с помощью динамичных, обеспечивающих социальное развитие форм морали и религии к обществу, которое создает условия для дальнейшей эволюции человечества.

Идеи А. Бергсона оказали значительное влияние на таких философов начала XX в., как Э. Ле Руа, У. Джемс, А. Тойнби, П. Тейяр де Шарден, литераторов-психологов (М. Пруст и др.), художников-авангардистов. Критика их материалистами, марксистами в частности, скорее, способствовала расширению внимания интеллигенции к его работам. Идеи А. Бергсона превратились в неотъемлемый элемент духовной жизни первой половины XX в. В бергсонизме привлекали неприятие устоявшегося,

апология изменчивости, признание права философа-художника на ничем не ограниченный субъективизм в поисках «сущности», «абсолютного».

Все более очевидная конфронтация рационалистических и иррационалистических философских школ, возникновение множества новых концепций эволюции природы и общества отразили сложность и противоречивость процессов, идущих в этот период во всех областях науки, техники, производства, социальных отношений, политики, морали, искусства и т.д. Неустойчивость, изменчивость бытия неизбежно порождали плюрализм откликов. Представляется неправомерной оценка этого плюрализма как признака кризиса буржуазной культуры на рубеже XIX—XX вв. Для Нового времени характерна множественность философско-мировоззренческих позиций. Хотя сохранялось противостояние двух основных философских направлений — материализма и идеализма, уже в эпоху Просвещения начали появляться и такие объяснения действительности, которые невозможно было отнести ни к тому, ни к другому течению. Реальность второй половины XIX в. усилила проявления этой тенденции. Это многообразие — свидетельство определенного интеллектуального подъема, духовной активности общества в поисках новых, нетрадиционных объяснений для новых явлений. Бурная конфронтация между философскими школами разной ориентации, отсутствие консенсуса как в обществе, так и в культуре, возможно, и воспринимались современниками как свидетельство кризиса. Последующая эволюция, рост влияния некоторых философских течений на общественное сознание в XX в. свидетельствовали об их соответствии общественным настроениям и способности к саморазвитию.

Эволюция реалистического направления в художественной культуре Запада. Мировоззренческие искания в обществе конца XIX — начала XX в. определили и многообразные процессы в развитии художественной культуры. Они создали общий идеологический фон для новых течений в области литературы и искусства. Искусство, в свою очередь, играло важную роль в популяризации философских построений. Плюрализму в философии соответствовало многообразие художественных стилей и школ.

В XVIII — первой половине XIX в. последовательно сменяли друг друга периоды более или менее выраженного господства какого-то одного стиля (барокко, рококо, классицизм). В первой половине XIX в. сосуществовали реализм и романтизм. В 1860-е годы начался период активного стиливого экспериментирования, реализму пришлось сосуществовать с неоромантизмом, неоклассицизмом и другими художественными направлениями. С этого времени такое стилистическое многообразие

превратилось в норму и проявлялось на протяжении всего XX в. При этом если авангардистские течения с большой скоростью сменяли друг друга, то реалистическое направление почти два столетия оставалось успешно функционирующим и развивающимся.

Важнейшим вопросом, ответ на который определял размежевание в художественном мире, являлся вопрос об отражении действительности. Рационализм эпохи Просвещения закономерно привел к распространению реалистического метода отражения мира и отношений в человеческом обществе. Этот метод не позволял видеть в утвердившихся общественных отношениях нечто идеальное, напротив, он помогал выявлять их слабости и противоречия. В области художественного творчества эти задачи пытался решать критический реализм, который в конце XIX в. продолжал привлекать художников и широкую демократическую публику.

Критический реализм, прежде всего в литературном творчестве, приобретал новые черты по сравнению с наследием блестящей плеяды прозаиков первой половины и середины столетия. Социально-политический опыт общества к концу XIX в. был уже столь значителен и в такой степени сконцентрирован в обобщениях реализма, что сказать какое-то свежее слово казалось очень трудным. Однако реалисты этого периода сумели внести свой вклад в развитие всемирной литературы. Они пошли по пути дальнейшей психологизации и интеллектуализации литературы, драматизации романа, обогащения его формы путем использования достижений других видов искусства. Более глубоким, многоракурсным стал анализ современного им общества. Больше внимания уделялось сложным идейным и психологическим конфликтам эпохи. Менялся характер повествования, описательность уступила место анализу, внутренней напряженности, более определенно выраженной трагической, иронической, комедийной окраске произведения.

К числу крупнейших реалистов конца XIX — начала XX в. принадлежат Ги де Мопассан, Р. Роллан, А. Доде, Э. Золя, А. Франс во Франции, Дж. Мередит, С. Батлер, Т. Гарди, Дж. Голсуорси, Б. Шоу, Р. Киплинг в Англии, Т. Манн, Г. Манн, Я. Вассерман, Г. Гауптман, Б. Келлерман в Германии, М. Твен, Дж. Лондон, Т. Драйзер в США и многие другие.

Ги Де Мопассан (1850—1893), ученик Г. Флобера, выступал с резкой критикой буржуазии за ее продажность, трусость, творческую ограниченность. Героем своего известного романа «Милый друг» он сделал «невежду, лишенного совести и стремящегося лишь к наживе». Анализируя психологические последствия

утверждения буржуазного мира, писатель в своих новеллах с горечью писал о растлении человеческих душ, опошлении любви, утрате чувства собственного достоинства, продажности как мужчин, так и женщин. Мопассан был противником имперских притязаний французской буржуазии. Впечатления франко-прусской войны определили его последовательный антимилитаризм.

Значителен опыт Ги де Мопассана в развитии жанров и форм литературного произведения. Он возродил новеллу как популярный вид литературы. Среди почти двухсот новелл писателя есть реалистические зарисовки, памфлеты, эссе, лирические стихотворения в прозе, психологические этюды, новеллы-анекдоты и т.д. Они многообразны по настроению, тону повествования, стилю, языку. Мастерство писателя оригинально и блестяще. Героями новелл часто выступали люди из народа, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях. В новеллах, посвященных франко-прусской войне, именно они проявляют патриотизм, мужество, человечность («Пышка», «Тетка Соваж», «Пленные» и др.). И новеллы, и романы Мопассана («Жизнь», «Милый друг», «Монт-Ориэль», «Пьер и Жан») отличает глубокий психологизм. Именно это качество, несмотря на скептицизм писателя, не позволяет ему ограничиваться пессимистическим сарказмом, но определяет появление в его произведениях многогранных и сложных характеров, вплоть до настоящего времени вызывающих интерес читателей всего мира.

Не менее реалистичен в своем отношении к миру великий французский писатель Анатоль Франс (1844—1924). С юных лет его привлекало интеллектуальное наследие прошлого. Поэтому героями его произведений были ученые, исследователи, «книжники». Так, герой романа «Преступление Сильвестра Боннара» (1881) — старый ученый, столкнувшийся с реальной жизнью, для которой он слишком мягок и неопытен.

В 90-е годы героем романов А. Франса становится Жером Куаньяр, эпикурец, «естественный человек» эпохи Просвещения, воспитанный произведениями философов-просветителей, не приемлющий гнет и насилие. Куаньяр осуждает государственный произвол и бессилие законов, милитаризм и колониализм. Этот скептик и «свободная душа» внимателен к миру и последователен в своем осуждении общественного зла.

Позже А. Франс обратился к социальной проблематике («Современная история», «Кренкебиль» и др.). Рисуя героев современной ему действительности, он высмеивал многие ее черты. После сближения с Ж. Жоресом и социалистами писатель увидел в рабочих строителей нового общества. Газета «Юманите́» с

первого номера в 1904 г. публиковала философско-политические «беседы» Франса, в которых представления о будущем он связывал с надеждами на создание более справедливого и гуманного общества.

Расширение политического опыта у А. Франса сопровождалось постоянными поисками новых эстетических средств, новых форм повествования. Отсюда блестящий синтез сатиры, фантастики, пародии, философии в его романах начала XX в.: «Боги жаждут», «Остров пингвинов», «Восстание ангелов». История и современность, столь интересовавшие писателя, оригинально и глубоко интерпретируются им в этих произведениях.

Одной из лучших работ этого периода является роман «Боги жаждут», посвященный Великой французской буржуазной революции. Его герои — участники революции, мужественно ведущие борьбу за спасение республики, но не лишенные догматизма и фанатизма. А. Франс не приукрашивает их, его мудрая ирония не позволяет идеализировать их действия, но до конца жизни он сохраняет отраженную в романе веру в огромные творческие возможности народа, в его способность преобразовать мир.

Заметное место среди ведущих писателей-реалистов Франции начала XX в. занимает также Ромен Роллан (1866—1944). Роллан — знаток театра, истории искусств. Среди первых его произведений — исследование «Народный театр. Опыт эстетики нового театра» (1903) и циклы драм «Трагедии веры» («Людовик Святой», «Аэрт», «Настанет время») и «Театр революции» («Волки», «Дантон», «14 июля» и др.). Пьесы этих лет не свободны от романтических преувеличений, идеализации мощи, смелости, одаренности героев, ведущих борьбу с отжившими порядками. Вместе с тем они интересны по интерпретации сложных проблем истории Франции.

Великим мастерам, революционизировавшим литературу, музыку, живопись, Р. Роллан посвятил романы-исследования «Жизнь Бетховена», «Жизнь Микеланджело», «Жизнь Толстого». Его восхищал их нравственный подвиг, могучие характеры, высота души.

В 1904 г. писатель начал публикацию десятитомного романа «Жан Кристоф». Это гигантская симфония, «поэма в прозе», сочетающая монументальность и лиризм. Герой романа, гениальный музыкант, отражает внутренний мир автора, его духовную эволюцию. Он размышляет о своем времени, о «новом поколении, переходящем от одной войны к другой: от 1870 к 1914», о духовных тупиках эпохи, ее страстях. «Жан Кристоф» — эпо-

пея, сравнимая по своей силе и мастерству с вершинами реалистического романа XIX столетия.

В 1914 г. появилась еще одна значительная работа Р. Роллана — роман «Кола Брюньон», герой которого — мастер из Кламси, живший в начале XVII в. в разоряемой войной Бургундии. Впервые в творчестве писателя героем романа стал человек из народа, талантливый, мудрый и гуманный, яркий и самобытный, обладающий лучшими чертами галльского характера. Герои романов Р. Роллана — рафинированный интеллигент начала XX в. Жан Кристоф Крафт и Кола Брюньон оказываются близки друг другу своими размышлениями о судьбе родины и мира, своей любовью к человеку.

Таким образом, французская реалистическая литература второй половины XIX — начала XX в. может служить примером использования разнообразных возможностей обновления содержания и формы романа, его приближения к исканиям и проблемам своего времени.

Реалистический роман развивается и в других странах. Так, всемирную известность приобрело творчество Генриха и Томаса Маннов, выдающихся немецких писателей. Генрих Манн (1871—1950) уже в ранних произведениях («В одной семье», «Земля обетованная», «Учитель Унрат») выступил как критик эгоизма, цинизма и безнравственности бюргерства. Гротеск, сатира преобладают в этих романах.

В 1914 г. Г. Манн завершил роман «Верноподданный», содержащий столь смелое обличение вильгельмовской Германии, что его публикация оказалась возможной лишь в 1918 г. (любопытно, что его русский перевод появился уже в 1914 г.). Жизнеописание Дидериха Геслинга, дельца и политика, воспитанного в верноподданническом духе, позволило писателю показать состояние различных и прежде всего высших слоев немецкого общества в предвоенный период. Почтение к власти и силе, преклонение перед тевтонским национализмом и шовинизмом сочетаются у Геслинга с презрением к людям, стоящим ниже его на социальной лестнице или зависимым от него. Автор безжалостен к своему герою и окружающим его лицам. Он ярко и жестко высвечивает все античеловеческие черты дельцов и политических деятелей новой эпохи, причем делает это без прямолинейной назидательности, умно и тонко. Все это превращает «Верноподданного» в крупнейший сатирический роман, предсказавший многие повороты немецкой новейшей истории. Автор чувствовал возможность, естественность перехода «верноподданных» к тоталитаризму и пытался заставить своих читателей задуматься о будущем Германии.

Томас Манн (1875—1955) первоначально оттачивал мастерство тонкого психологического анализа в новеллах. Их героями становятся интеллигенты, ощущающие бессмысленность окружающего мира, болезненную ущербность человека. Внимание к мировому литературному процессу, любовь к «святой русской литературе» определили приход молодого писателя к реалистической прозе.

В 1901 г. появилось его первое большое произведение — роман «Будденброки». В нем он рассказывал об истории своей семьи, принадлежавшей к патрицианской буржуазии Любека. Вместе с тем роман выходит за рамки автобиографического повествования. Показывая жизнь четырех поколений Будденброков, отмечая постепенное вырождение их, Т. Манн сочувствовал своим героям. Но он понимал и то, что порядочность и человечность превращаются в анахронизм в условиях все большего распространения в бюргерской среде эгоизма, алчности, жестокости.

В начале XX в. Т. Манна привлекли проблемы роли художника в современном обществе, взаимоотношения действительности и искусства. В новеллах «Тристан», «Тонио Крегер», «Смерть в Венеции» эти проблемы разрабатываются углубленно и оригинально. Писатель удивительно психологичен и гуманен в анализе душевного разлада своих героев. Психологизм ранних произведений, соединенный с глубокими философскими обобщениями в более поздних романах («Волшебная гора», «Доктор Фаустус», «Иосиф и его братья» и др.), определили место Т. Манна в немецкой и мировой литературе.

Каждая национальная литература внесла свой вклад в развитие реалистической прозы. Рассмотренные примеры позволяют определить основные направления эволюции реализма.

Литературный процесс на рубеже веков приобретает интернациональный характер. Произведения прозаиков и поэтов отдельных стран переводились на различные языки и быстро становились достоянием читателей всего земного шара. Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского с огромным интересом обсуждалось во Франции, Японии. В Европе с большим вниманием встречались новые работы американцев М. Твена, Дж. Лондона и многих других. Японец А. Рюноске читал А. Франса, Г. Ибсена и А. Стриндберга, а затем и его оригинальные новеллы стали одним из завоеваний мировой литературы.

Во второй половине XIX в. появилась социалистическая литература, представители которой попытались не только обличать буржуазный мир, но и предложить свое понимание возможностей его переустройства. Новый художественный метод искали рабо-

чие-поэты и участвующие в социалистическом движении писатели. Этот метод должен был соответствовать новому видению мира и ценностным ориентациям трудящихся, отражать их мечты о более справедливом обществе, где не было бы эксплуататоров и эксплуатируемых. Они искали нового героя, вышедшего из среды народа и ведущего борьбу за его освобождение, способного на самопожертвование и победоносного. Наряду с лучшими общечеловеческими качествами такой герой должен был обладать и новыми, порожденными его принадлежностью к рабочему классу.

Значительным достижением в освоении этой проблематики явилась поэзия, проза и публицистика Парижской Коммуны. В поэтических произведениях Э. Потье (1816—1887), Л. Мишель звучит мысль о братстве рабочих всех стран в их борьбе против угнетения. В них появляется новый лирический герой, отражающий настроения пролетариата. Драматургия и проза Жюль Валлеса отражает искания мелкобуржуазной интеллигенции, осознающей близость своих интересов мечтам и надеждам пролетариев. В конце столетия появляются произведения, посвященные французскому крестьянству (Э. Ле Руа — «Бедняк Жаку», Ж. Ренар — «Наши свирепые братья») и рабочему движению (Ж. Рони-старший — «Красная волна», и др.).

Социалистические идеи проникают и в английскую литературу. В прозе У. Морриса, Р. Трессела, Д. Коннела, Х.Дж. Бремсбери появляются рабочие-социалисты, преданные социалистическим идеалам. В 1880-е годы особой популярностью пользовались поэтические произведения — «Гимн для социалистов», «Пилигримы надежды», повесть «Сон про Джона Болла», а позже и утопический роман «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, прикнувшего к Социал-демократической федерации. Рисуя в утопическом духе облик будущего, писатель много внимания уделял этическим проблемам, пытаясь представить нравственную красоту человека социалистического общества, способного к радостному творческому труду.

Более близок к реальности в изображении жизни английского пролетариата Роберт Трессел в своем знаменитом романе «Филантропы в рваных штанах» (1914). Описывая труд и мастерство рабочих, их быт, положительные и далекие от идеала черты, писатель видит закономерность их прихода к идеям социализма и социалистическому движению. Герой романа рабочий-социалист Фрэнк Оуэн — представитель передовой части рабочего класса, сознательно ведущий борьбу против существующего строя.

Рабочие и интеллигенты-социалисты появились в качестве героев также в произведениях немецких поэтов М. Кегеля,

Л. Якоби, писателя М. Швейхеля, американского поэта У. Уитмена, писателей Э. Беллами («Взгляд назад»), У.Д. Хоуэллса («Превратности погони за богатством», «Путешественник из Альтурии» и др.), Дж. Лондона («Железная пята»), Э. Синклера («Джунгли», «Нефть», «Король Уголь» и др.).

Многое в названных произведениях носило еще иллюстративно-описательный характер. Необходимо было дальнейшее оживление образов героев нового типа, придание им психологической глубины, жизненной силы, яркости.

Не менее сложные и многоплановые процессы наблюдались в это время и в области театрального искусства. Театр столь же остро реагировал на изменения в общественном сознании, как и литература. Любовь к театру, стремление участвовать в спектаклях характерны в этот период для различных слоев населения. Появилось множество любительских трупп. Энтузиазм, интерес к современной драматургии, поиски новых форм в области сценографии, характерные для любительского театрального движения, создавали условия для воспитания в его среде подлинно талантливых людей, которых позднее принимала профессиональная сцена. Связь с демократической аудиторией также содействовала «театральной революции», постепенному отходу театра от окаменевших классицистических традиций и тривиальности бульварной драматургии. За пределами старых придворных и коммерческих театров возникала новая театральная культура. Пришли люди, способные возглавить борьбу за демократизацию театра.

Появились драматурги, обратившиеся к основной проблеме современной жизни — отношения личности и общества. Пьесы Г. Ибсена (1828—1906), Дж.Б. Шоу (1856—1950), Г. Гауптмана (1862—1946), О. Уайльда (1854—1900) и др. привлекали зрителя актуальностью и оригинальностью сюжета, яркостью характеров действующих лиц, психологической достоверностью поступков. Популярной в театральных кругах Запада становилась русская драматургия (Л.Н. Толстой, А.П. Чехов).

Начало преобразования театра во Франции связано с деятельностью актера и режиссера А. Антуана (1858—1943). В 1887 г. он создал Свободный театр, который быстро отошел от примитивного жизнеподобия и привлекал внимание критики и зрителей новаторством и мастерством своих актеров. Театру представления режиссер противопоставил театр сопереживания. Закономерным был приход Свободного театра к драматургии Г. Ибсена, наиболее полно и тонко отразившей изменения в психологии современников. В 1890 г. А. Антуан блестяще поставил его пьесу «Привидения».

В 1889 г. была создана Свободная сцена в Берлине, которую возглавил критик и режиссер О. Брам (1856—1912). Он, как А. Антуан, стремился к обновлению режиссуры и актерской игры, приближению их к жизни. На Свободной сцене шли пьесы Г. Ибсена, Г. Гауптмана и др.

В Лондоне в 1891 г. был создан Независимый театр под руководством Д.Т. Гейна. Наряду с пьесами Г. Ибсена здесь много внимания уделяли современной национальной драматургии, в частности была поставлена первая пьеса Б. Шоу «Дома вдовца». Независимый театр с успехом просуществовал до 1897 г. В 1899 г. его начинания были продолжены Сценическим обществом, утверждавшим принципы интеллектуального реалистического театра в Великобритании до Второй мировой войны.

Традиции свободных театров были поддержаны в России, где в 1898 г. возник Московский художественный театр, внесший огромный вклад в создание новой театральной культуры.

Свободные театры ориентировались на пьесы, сочетавшие высокий художественный уровень с постановкой важнейших проблем современности, на отказ от системы «звезд» и создание актерских ансамблей с демократическими отношениями в их среде и реализмом игры. Движение свободных театров открыло пути для дальнейшей театральной революции, коснувшейся старых профессиональных и даже ряда академических театров. В начале XX в. А. Антуан был приглашен на пост директора одного из самых престижных парижских театров — «Одеон». В Великобритании театр «Корт» возглавил драматург, актер и режиссер ибсеновского направления Х. Гренвилл-Баркер. Он вместе с Б. Шоу в короткий срок превратил «Корт» в театр нового типа, ставивший пьесы Г. Ибсена, Б. Шоу, Г. Гауптмана, Дж. Голсуорси и осуществлявший реформу актерского и режиссерского искусства. В 1894—1904 гг. О. Брам возглавлял Немецкий театр в Берлине. После его ухода в 1904 г. в «Лессинг-театр» руководителем Немецкого театра стал один из интереснейших режиссеров-экспериментаторов Макс Рейнгардт (1873—1943). Он не отказывался от реалистических традиций, но создавал свою их трактовку в духе европейского авангардизма начала века. Ряд критиков относит его творчество к художественному направлению, именуемому поэтическим реализмом.

Процессы, рассмотренные в этом разделе, были характерны для театрального движения многих стран мира. Обновление, принесенное ими, увеличило число театров, способных к эксперименту, и заложило основы для нового этапа театральной революции.

Процессы подобного рода затронули в этот период и музыкальный театр. Реалистические тенденции проявились в оперном искусстве. Они определили постепенный отход композиторов от романтического пафоса к более глубокой психологической разработке образов и широкому использованию народного музыкального наследия. Это проявилось в позднем творчестве Дж. Верди (1813—1901). Актуальная, мужественная оперная драматургия Дж. Верди достигает совершенства в «Фальстафе» и «Отелло», отличающихся гармонией мелодики оркестра и голосов, высокой эмоциональностью. Вокально-инструментальные ансамбли всех опер композитора непревзойденны по возможностям раскрытия силы и богатства человеческого голоса.

В 90-е годы XIX в. в итальянской опере появляется натуралистическое направление — веризм. Его лучшими проявлениями считаются «Сельская честь» П. Масканьи (1890) и «Паяцы» Р. Леонкавалло (1892). В меньшей степени оно повлияло на творчество Дж. Пуччини (1858—1924). В его операх «Богема», «Тоска», «Мадам Баттерфляй», «Турандот» сохраняются самостоятельность мелодической линии и реализм сценических образов, хотя они не свободны от эпизодов, где музыка является лишь иллюстрацией драматического действия.

Большую популярность приобрела на рубеже XIX—XX вв. французская опера. Элегантность и утонченность мелодий произведений Ж. Массне (1842—1912) «Манон», «Вертер», помпезный лиризм «Самсона и Далилы» К. Сен-Санса (1835—1921), страстность и экспрессия «Кармен» Ж. Бизе (1838—1875), изящная экзотика «Лакме» Л. Делиба (1836—1891) свидетельствовали об огромных возможностях и разнообразии дарований французских композиторов. После «Кармен» (1875) новым этапом эволюции французского оперного искусства стало появление в 1902 г. «Пеллеаса и Мелизанды» К. Дебюсси (1862—1918). Современники увидели в ней антивагнерианскую лирическую драму, интеллектуальный эстетизм и утонченная чувственность которой нашли выражение в изысканной и гармоничной музыке.

Во второй половине XIX в. огромным влиянием пользовался крупнейший немецкий композитор Р. Вагнер (1813—1883). Реформируя оперу, он добивался органического единства текста, сочетавшего героическое величие и простоту в духе древнего германского эпоса, с мощной, напряженной и оригинальной музыкой. Его оперы «Лозенгрин» (1847), «Тристан и Изольда» (1859), «Парсифаль» (1882) и многие другие — симфонические драмы с запоминающимися лейтмотивами, характеризующим драматические ситуации оркестром, полифонией, сложными речитативами. Лучшие музыкальные драмы Р. Вагнера восприни-

мались как синтез музыки, поэзии, живописи, танца, актерской виртуозности.

Эволюция оперы сопровождалась значительными изменениями в области симфонизма и инструментальной музыки. Музыканты различных стран и национальных школ внесли свой вклад в развитие мировой музыкальной культуры. Произведения Р. Штрауса (1864—1949), Э. Грига (1843—1907), Я. Сибелиуса (1865—1957), К. Дебюсси (1862—1918), Г. Малера (1860—1911), М. Равеля (1875—1937), А. Дворжака (1841—1904), Б. Бартока (1881—1945), А. Шенберга (1874—1951), И. Альбениса (1860—1909), наконец, русских композиторов А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского, А.К. Глазунова, А.Н. Скрябина, С.В. Рахманинова и многих других свидетельствовали о неисчерпаемости возможностей для расширения горизонтов инструментальной музыки и ее художественного развития. Симфоническая музыка этого периода воплотила значительнейшие философские и художественные идеи. Музыка оказалась способной охватить многообразные сферы духовной культуры, достигая удивительного синтеза национального и общечеловеческого в отражении эмоций современного человека.

Позиции реализма оставались достаточно прочными и в области изобразительного искусства. Однако его место в творческой практике художников Европы и Америки было различным. В Европе период его лидерства приходился на первую половину и середину XIX в. Позднее он сосуществовал с различными авангардистскими течениями.

Господствующие позиции занимал реализм в области скульптуры.

Мастера разных стран создавали пластические образы современников, искали новые формы и тематику. К примеру, во Франции в это время творили такие великолепные мастера, как О. Роден (1840—1917), Э.А. Бурдель (1861—1929), А. Майоль (1861—1944).

В Германии продолжал работать живописец А. Менцель (1815—1905), высоко почитаемый и на родине, и за ее пределами. Его традиции продолжали В. Лейбль, М. Либерман, Г. Балушек. Развивалась также ветвь живописи и графики, тематически связанная с изображением жизни низов общества. Балансируя между натурализмом и реализмом, Г. Цилле, К. Кольвиц, Г. Балушек и многие другие повествовали о жизни окраин больших городов, создавая образы «маленьких людей» с большим сочувствием к их судьбе, но без их идеализации. Добрая ирония рисунков Г. Цилле, суровый драматизм офортов К. Кольвиц определили их признание.

Социальные контрасты времени нашли отражение также в графике швейцарца Т.А. Стейнлена, бельгийца Ф. Мазереля, англичанина Ф. Бренгвина, мексиканцев Ф.К. Пачеко и Л. Мендеса. Реалистическая графика заняла значительное место в политической борьбе эпохи.

Самобытно и интенсивно развивалось реалистическое искусство в США. В 1877 г. от Национальной Академии в Нью-Йорке откололось Общество американских художников (О. Сент-Годенс, У. Итен и др.). В 70-е годы сформировалась «восьмерка» художников-реалистов во главе с Р. Генри (Дж. Слоун, У. Глаккенс, Э. Шинн, Дж. Лакс и др.). Эти нью-йоркские живописцы, получившие от критиков презрительную кличку «школа мусорных ведер», с большой искренностью стремились запечатлеть все многообразие американской жизни: огни больших городов и веселую сутолоку их улиц, грязные предместья и элегантную красоту аристократических районов, величие ландшафтов новых земель, мужество и незаурядность осваивающих их людей. Американские реалисты отражали яркие стороны жизни, радость бытия, способную сохранить в человеке надежду. Оригинальны цветовая гамма, художественный язык художников «восьмерки».

Реалистическое направление художественной культуры вместе с тем активно трансформировалось и явилось основой формирования ряда новых художественных движений, претендовавших на большую, чем в реализме, близость своего творческого метода действительности.

Во второй половине XIX в. возникло художественное направление, генетически связанное с реализмом, — натурализм. В соответствии с его идеями литераторы и художники натуралистической школы стремились внести в творчество научные методы, опираясь на выводы биологов, физиологов, медиков. В их интерпретации человеческого поведения доминировали физиологические мотивы. Утонченность человеческих душ не привлекала их.

Среди теоретиков натурализма ведущее место занимал И. Тэн (1828—1893), предлагавший относиться к литературному произведению как к закономерному порождению обусловленного определенными причинами состояния ума. Натуралистическая эстетика сосредоточивалась на «правде факта», призывая изображать явления как таковые, не стремясь проникнуть в их сущность. Абсолютизация «факта» приводила в художественной практике не к творческому отражению реальности, а к ее почти фотографическому воспроизведению. В поведении человека «натуралисты» подчеркивали биологические факторы, влияние наследственности, предопределяющей человеческие судьбы.

Примером литературных произведений, написанных в духе натурализма, мог служить ряд романов Эмиля Золя (1840—1902), входивших в цикл «Ругон-Маккары». В предисловии к «Терезе Ракен» Э. Золя подчеркивал, что намерен в своих «научных» романах изучать не «души», а «рок плоти», «нервы», своеобразные «истории болезни» своих героев. Подобная трактовка поведения героев очевидна в романах «Чрево Парижа», «Западня», «Накипь», «Нана», «Человек-зверь» и многих других. Однако талант Э. Золя, его художественное чутье не позволяли ему прямолинейно следовать своей доктрине. История семейства Ругон-Маккаров приобрела жизненную достоверность. Блестящее мастерство автора проявилось в создании галереи ярких социальных типов. Освобождаясь от натурализма, Э. Золя все более глубоко и неоднозначно рисовал своих героев, выделяя среди них людей, способных вести борьбу за истину и справедливость. В историю всемирной литературы он входит поэтому как крупнейший писатель-реалист, публицист и политический деятель.

Идеи натурализма нашли свое воплощение также в ряде театральных постановок 80-х и 90-х годов. Так, один из ведущих немецких драматургов Г. Гауптман исследовал влияние косной мещанской среды, стереотипов поведения, привычек, характерных для нее, на личность. Однако он, как и Э. Золя, нередко поднимался над натуралистической ограниченностью и создавал яркие гуманистические произведения («Одинокие», «Ткачи», «Роза Берндт» и др.).

Своеобразна итальянская разновидность натурализма — веризм (*vero* — правдивый). Его наиболее значительным представителем был писатель и драматург Джованни Верга, отразивший в своих произведениях отношения в сицилийской деревне конца XIX в. Создавая свою «социальную летопись», повествуя о нищете, грубости жизни крестьян, он много внимания уделил их внутреннему миру, психологии.

Оценивая натурализм, отмечая его слабые стороны, нельзя не отметить, что правдивое изображение жизни, особенно в сравнении с академической ее идеализацией, могло найти многочисленных приверженцев в демократических слоях общества, в том числе и в среде рабочих. В 90-е годы в прессе германской социал-демократии проходила дискуссия о натурализме, в ходе которой многие корреспонденты высказались в пользу натуралистического отражения действительности, отстаивая принцип абсолютной и беспощадной правдивости. На Готском съезде СДНГ в 1896 г. при обсуждении хода дискуссии В. Либкнехт поставил вопрос о дозволенности изображения «неприкрытой животности» и животных

функций человека, хотя и признавал необходимость верности натуре.

Против натурализма выступали в этот период марксисты Ф. Меринг, П. Лафарг, Г.В. Плеханов. Так, П. Лафарг, критикуя «золяизмы», подчеркивал недопустимость отказа от поисков новых форм отражения социальных закономерностей, от философского подхода к действительности. Марксистов не устраивал антиинтеллектуализм натурализма. Их поддерживали А. Франс и другие деятели культуры.

Отмеченные слабости определили судьбу этого художественного течения. Постепенно оно изжило себя, потеряло своих последователей. Наиболее значительные художники отходили от натурализма к иным творческим методам. Конечно, рецидивы «натуралистического» отношения к творчеству проявлялись на протяжении всего XX в., однако оно уже никогда не играло той роли в духовной жизни, какая выпала ему во второй половине XIX столетия.

Натурализм сыграл свою роль и в качестве возбудителя в творческой среде контрдвижения. Его серьезным противником явился импрессионизм. Импрессионисты вели борьбу против салонного, академического искусства. Они бунтовали против всякой лжи в обыденной жизни, политике, искусстве. П. Гоген справедливо видел в импрессионизме «одно из величайших интеллектуальных усилий, когда-либо делавшихся во Франции, произведенное горсткой людей, вооруженных в борьбе с могущественной властью, которую представляли государство, пресса и деньги, своей единственной силой — талантом».

Импрессионисты стремились зафиксировать прежде всего движение, динамизм жизни и свои впечатления (*impression*) от ее проявлений.

Произведения Э. Мане (1832—1883) «Завтрак на траве» и «Олимпия», выставленные в 1863 и 1865 гг., положили начало яростным дискуссиям о новом искусстве. Сохраняя композиционные схемы, полученные в наследие от старых мастеров, художник наполнил их новым содержанием, более эмоциональной и раскованной стала техника живописи, оригинальными чередования света и тени, сочетания цветов. Позднее Э. Мане в основном фиксировал разнообразные жанровые сцены, привлекавшие его внимание живописной игрой красок («В лодке», «Бар в Фоли-Бержер», портреты С. Малларме, А. Рошфора, натюрморты). В работах Э. Мане находили развитие традиции реалистов прошлого, обогащавшиеся новыми приемами изобразительности.

Произведениям Э. Дега (1834—1917), К. Моне (1840—1920), О. Ренуара (1841—1919), К. Писарро (1830—1903), А. Сислея (1839—1899) и др. были свойственны черты, проявившиеся в работах Э. Мане. Они также стремились передать непосредственное впечатление, произведенное на них окружающей природой, городской жизнью, людьми, подчеркнуть их своеобразие и красоту. Вечно меняющаяся жизнь изображалась ими с большой любовью и эмоциональностью, искренность чувств, захватывающее и зрителя ощущение полноты бытия, многозвучие красок, невиданных ранее тончайших оттенков, игра света постепенно завоевывали внимание и понимание современников. К концу столетия импрессионисты имели уже тысячи приверженцев. Они выступили в качестве революционеров не только в собственно творческой сфере, но и в области поиска путей к зрителю.

Импрессионизм проявил себя не только в изобразительном искусстве, но и в поэзии (сборники лирики «Романсы без слов», 1874 и «Некогда и недавно», 1884 П. Верлена), и в музыке (некоторые произведения К. Дебюсси, М. Равеля). Талант импрессионистов, художественная ценность их работ определили их влияние на формирование других художественных школ.

Последователями импрессионистов выступили молодые художники 1880—1900-х гг., разные по эстетическим пристрастиям и направлениям творческих поисков. В. Ван-Гога (1853—1890), А. де Тулуз-Лотрека (1864—1901), П. Сезанна (1839—1906), А. Матисса (1869—1954), П. Гогена (1848—1903), М. Утрилло (1883—1955), Ж. Сера (1859—1891) обычно называют постимпрессионистами.

Напряженны, экспрессивны по рисунку, композиции и сочетанию цветов, эмоциональны, тревожны, но и лиричны произведения одного из трагичнейших художников конца XIX в. В. Ван-Гога.

Полнокровны, гармоничны и индивидуальны не развращенные цивилизацией жители Таити, с любовью и мудростью запечатленные на полотнах П. Гогена. Полны боли, горечи, но не отчаяния герои А. де Тулуз-Лотрека. Им противостоят сильные, добрые и нежные артисты и гимнасты П. Пикассо (1881—1973), его ранних «голубого» и «розового» периодов.

Каждый художник этого направления — яркая индивидуальность, способная свежо и в оригинальных формах запечатлеть не только красоту и гармонию окружающего мира, как это делали импрессионисты, но и его противоречия, несовершенство, выразить свою душевную боль, тревогу и сострадание.

Импрессионизм и постимпрессионизм показали неисчерпаемость возможностей образной живописи, пути дальнейшей эво-

люции реалистического искусства. Они по-прежнему привлекали внимание как зрителей, так и художников и в начале XX в. Однако в это время им уже приходилось вести полемику с новыми художественными течениями, стремившимися фиксировать не столько окружающий мир, сколько свои субъективные представления о его сущности.

Авангардистские течения в художественной культуре. Проявление такого подхода к творчеству наблюдались уже на рубеже XVIII—XIX вв., являясь реакцией на «культ разума» в эпоху Просвещения и отражением стремления художников вести свободный поиск сюжетов, проблем, форм, проникать в глубины существующего, отражать не только внешний облик явления, но и свое эмоциональное восприятие его сути. Впервые о своем праве на сложное, иногда фантастическое отражение действительности заявили романтики. Как писал еще в 1807 г. немецкий поэт, драматург и критик Л. Уланд, «...предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом и есть романтическое». Хотя романтизм как многонациональное литературно-художественное движение пережил пик своего развития в первой половине XIX в., его влияние на духовную жизнь творческой интеллигенции сохранялось. В 80—90-е годы XIX в. предпринимались попытки возрождения этого течения.

Неоромантизм, однако, не обладал значительным влиянием на сознание современников, достижения его представителей не столь разнообразны. К ним можно отнести лишь английскую неоромантическую литературу (Р.Л. Стивенсон, Д. Конрад, А. Конан-Дойль), немецкую неоромантическую живопись (А. Беклин, А. Фейербах, М. Клингер) и ряд других явлений. Неоромантическое течение в целом не сделало крупных художественных открытий, между тем элементы эстетики романтизма широко использовались вновь возникающими художественными школами.

К числу последних прежде всего может быть отнесен символизм. Центром этого течения стал в 80-е годы салон французского поэта Стефана Малларме (1842—1898), который посещали французские поэты, художники, музыканты — Ш.Ж. Гюисманс, Э. Мане, К. Дебюсси, бельгийские поэты и драматурги Э. Верхарн и М. Метерлинк, английский художник Дж. Уистлер, английский писатель О. Уайльд, литературная и художественная молодежь. Позднее к символистам был близок поэт Г. Аполлинер (1880—1918). Символисты объявили целью своего творчества проникновение в таинственное и непознанное в мире и душе человека. Они изображали полумистические явления, порождае-

мые природой и обществом, трактовавшиеся ими как знаки абсолютного, сверхчувственного, вечного.

Так, С. Малларме писал: «Я изобретаю язык, который проистекал бы из совершенно новой поэтики: рисовать не вещь, но производимый ею эффект. Стихотворение в таком случае не должно состоять из слов, но из намерений, и все слова ступают перед впечатлением». Казалось бы, эстетика его близка импрессионистской. Однако он отрывает впечатление от наблюдаемого предмета, оставляя от последнего лишь субъективный образ, который и предлагается как символ, обладающий собственной ценностью. Этим определяется зашифрованность, загадочность произведения. Малларме и другие посетители его салона заявляли, что они творят для избранных, способных расшифровать символы и почувствовать их красоту. Поэтическое выражение красоты, культ которой занимает существенное место в эстетике символизма, рассматривалось как основа служения в храме искусства, открытом для понимающих.

Много внимания символисты уделяли форме своих произведений, классически строгой или разнообразно модернизированной. Большое значение придавалось ими взаимным отсветам слов, их музыкальности. Они сравнивали свои произведения с партитурами симфоний, писали об их близости «спонтанности оркестра». О музыкальности своих работ говорили не только поэты, но и художники. Французский художник Одилон Редон (1840—1916) писал: «Мои рисунки должны вдохновлять, а не определять. Они переносят нас, как и музыка, в зыбкий мир неопределенного».

Музыкальная бесплотность позволяла погрузиться в бездну подсознания, отразить его импульсы в туманных «нездешних» образах. Такие образы есть в произведениях С. Малларме, немецких поэтов С. Георге, Г. фон Гофмансталя, Р.М. Рильке. Культ утонченной красоты, изысканность форм характерны для их стихотворений. Особая музыкальность, искренность, эмоциональность отличают лирику Р.М. Рильке (1875—1926). Большую известность принес ему сборник «Часослов» (1905), стихи которого привлекали своим динамизмом, пластичностью и яркостью образов, философской глубиной. Лирический герой «Часослова», русский монах, мечтает о слиянии с природой, с Богом, трактуемым в духе пантеизма.

Однако в большинстве произведений символистов не сближение с природой изображалось как выход из тупиков цивилизации, а уход в эстетское любование созданиями изысканного ума и таланта. Искусство ставилось ими выше, чем природа, да и сама жизнь. Отношение к месту искусства в жизни сближает с символистами и такого противоречивого писателя, как О. Уайльд.

Для героя его романа «Портрет Дориана Грея» (1891) искусство выше жизни, наслаждение им — высшая радость человека, красота превышает морали. И хотя в романе осуждается эстетский гедонизм лорда Генри и Дориана, многие его страницы — настоящий гимн прекрасным творениям человеческого гения.

Символистской по содержанию и форме является пьеса О. Уайльда «Саломея», библейские герои которой изображаются в мистическом духе. Преступление и любовь принцессы Саломеи, потребовавшей у царя Ирода голову пророка Иоканиана, не ответившего взаимностью на ее страсть, изображались автором как нечто роковое, иррациональное. «Саломея» О. Уайльда получила большую известность. Написанная на французском языке для художественного театра Фора и Сары Бернар, она обошла многие театры Европы. Известна, в частности, ее блестящая постановка в Берлине в 1902 г. М. Рейнхардтом, превратившим спектакль в своеобразную манифестацию эстетизма.

Синтез поэзии, музыки, живописи был характерен и для режиссуры английского актера и режиссера Гордона Крэга (1872—1966). Именно им было введено в оборот понятие «сценография» для обозначения подобного синтеза. Огромным успехом пользовалась его постановка оперы английского композитора Г. Перселла «Дидона и Эней».

Благодатным материалом для постановок в символистском духе стали оперы великого немецкого композитора Р. Вагнера. Символисты видели в композиторе одного из своих предшественников и учителей, поклоняясь его музыке за стихийный иррационализм, глубокую эмоциональность, новаторство. Т. Манн писал позднее: «Эта музыка, которая кажется нам бьющей наподобие гейзера из древнейших, пракультурных глубин мифа, — к тому же пронизана мыслью, рассчитанна, — свидетельствует о высокой интеллектуальности, изощренно умна, столь же продуманна литературно, как музыкально продуманны ее тексты. Музыка, разложенная на первичные свои элементы, должна служить цели наирельефнейшего воплощения мифических философем».

Символистская эстетика воздействовала и на изобразительное искусство. Музыкальные, грациозные линии стилизованных рисунков английского графика О. Бердслея (1872—1898) воспринимались как символ прекрасного, возвышенного, иррационального.

Наиболее многообразна символистская живопись Германии, Австрии, Швейцарии. В произведениях Ф. Ходлера, М. Клингера, Ф. Штука, Г. Климта, П. Клее иллюстрировались основные тезисы символизма. Героями картин М. Клингера были фило-

софы, стремящиеся проникнуть в запредельное. Ф. Ходлер в своих работах также пытался «общаться с бесконечностью». Одна из его картин так и называлась «Взгляд в бесконечное» и изображала юношу, стоящего на скалистой вершине, возвышающейся над туманными далями, и напряженно всматривающегося в пространство.

Нарастание пессимизма в отношении к окружающему становится все более очевидным в живописи, драматургии, сценографии, поэзии символистской ориентации на переломе веков. Этот пессимизм определил связь символизма с декадентскими течениями эпохи. Декаданс рассматривается критиками как выражение кризисного состояния сознания, кризиса мировоззрения, с такими его характерными проявлениями, как идеализм, субъективизм, пессимизм, индивидуализм. Само понятие «декаданс» появилось после публикации в 1884 г. романа французского писателя Ж.К. Гюисманса «Наоборот», герой которого, воспитанный на романтических идеалах, постепенно превращается в законченного эгоиста. Критика определила настроения и действия героя как декадентские. Однако роман приобрел большую популярность в среде интеллигенции. О. Уайльд, в частности, делает эту книгу любимым произведением Дориана Грея. Во Франции молодежь из круга символистов основала журналы «Декадент» и «Декаданс», поэтизируя в них «упадок» и «упадочнические» настроения. Декаданс в определенной степени отразил растерянность интеллигенции перед новой, непривычной картиной мира, изменениями в психологии и поведении человека.

Тем не менее представляется неправомерным оценивать декаданс как свидетельство общего кризиса культуры — подобные явления в духовной жизни различных стран возникали неоднократно. Кризис ветшающих идеологических догм нередко вызывал к жизни многообразие нетрадиционных форм интерпретации противоречий и парадоксов действительности. Эпохи упадка, усталости следовали за периодами взлета в развитии культур древности и средневековья. Такие периоды спада имели различную протяженность и сменялись, как правило, новыми подъемами в развитии культуры.

Нельзя забывать при этом, что декаданс оставался лишь одним из направлений художественной культуры, не исчерпывая все богатство духовной жизни эпохи. Он сосуществовал с отнюдь не декадентским мировосприятием современников. Сохранялись тесные связи между творческой интеллигенцией, прилегающей к различным творческим объединениям. Постоянное общение позволяло преодолевать изоляционизм и побуждало искать художественное движение, которое попыталось бы совмес-

тить лучшие элементы противостоящих друг другу творческих направлений.

Одной из попыток деятельности такого рода стало формирование интернационального художественного течения, совмещавшего элементы реализма, импрессионизма, символизма. Это движение получило название «ар нуво» во Франции, «югендстиль» в Германии, «сецессион» в Австрии, «модерн» в России. В целом применительно к этому направлению в искусствоведении утвердился термин стиль модерн. Хотя некоторые элементы этого стиля появились уже в искусстве середины XIX в., временем его расцвета явились 1890-е годы и первые десятилетия XX в. Сокрушительный удар по этому направлению художественной жизни нанесла Первая мировая война, разрушившая утопические иллюзии его создателей. Однако ностальгия по изысканности и красоте искусства модерна сохранялась на протяжении всего XX в.

Ведущей идеей, лежавшей в основе этого движения, являлась идея синтеза всех сфер художественной культуры: архитектуры, живописи, скульптуры, графики, музыки, театра, дизайна, прикладного искусства, подчинения их единому стилю, осознанно формируемому творческой интеллигенцией в соответствии с историко-художественными особенностями эпохи.

Сама эпоха с ее стилевым многообразием, неканоническим стилевым мышлением, выработанным эклектикой середины XIX столетия, и одновременно высоким уровнем овладения натурой создавала благоприятные условия для свойственного модерну преобразования действительности. Вместе с тем модерн имел и определенные социальные корни, определявшие его внутреннюю противоречивость. Его мастера стремились, внося плоды своего творчества в жизнь, преодолеть противоречия между индивидуальным и массовым, приобретающим все большее значение в духовной жизни эпохи. Красота искусства должна была способствовать развитию массового вкуса, усовершенствованию действительности. Модерн сочетал демократизм, открытость с элитарными настроениями.

Выход за пределы «чистого искусства» в сферу быденности, стремление изменить ее, обогатить, поднять до высот подлинно художественных ценностей в соответствии с тезисом о единстве пользы и красоты характерны для большинства мастеров модерна. Таково творчество Дж. Уистлера, Г. Климта, А. ван де Вельде и многих других.

Основными чертами стиля модерн считаются балансирование между реализмом и условностью в отражении реальности, признание приоритета воображения в творческом осмыслении

окружающего, художественное творение «новой реальности», мифологизация, театрализация бытия с определенной долей иронии и самоиронии. Примерами такой театрализации могут служить архитектура и интерьер русского модерна, причудливые архитектурно-скульптурные творения испанца А. Гауди.

Мифологизм стиля модерн ориентируется на культурное наследие прошлого, использует нередко разнородные его элементы. Мифологическая и библейская тематика была близка В. Серову, Г. Климту, Г. Фогелеру и др. Элемент иронии и игры присутствовал в произведениях, имеющих сказочные и исторические сюжеты (К.А. Сомов, И.Я. Билибин, Г. Фогелер, Ф. Ходлер). Новый мифологизм модерна по своей сути близок сюжетным изысканиям символизма. Не удивительно, что одни и те же художники рассматриваются искусствоведами и как символисты, и как создатели стиля модерн. Однако общая эмоциональная окраска произведений «ар нуво», «югендстиля» отличается от символистской большим оптимизмом и даже гедонизмом. Модерн — стиль начала века, юность столетия отражается в работах его мастеров, обращающихся к темам весны, молодости, цветения.

Стремясь преобразовать среду, окружающую человека, художники модерна вместе с тем высоко чтили природу, поклонялись ей. Растительные орнаменты, изысканные изображения цветов и трав, прекрасные пейзажи, анималистика свидетельствуют об этом. Их привлекало естественное начало, естественная красота, которой так не хватало жизни больших городов.

Очень важен в иконографии модерна мотив стихийного, вихревого движения, порыва, ритмичного и музыкального. В живописи и графике модерна часто повторяются изображения смерчей, прибоя, танца.

Модерн сумел за короткий срок оказать значительное влияние на материальную культуру. Особняки богатых предпринимателей, многоквартирные дома, общественные здания, сооруженные по проектам А. ван де Вельде, Й. Ольбриха, О. Вагнера, А. Гауди, Ф.О. Шехтеля и многих других, заняли заметное место в городской среде, вписавшись в сложившийся облик улиц и вместе с тем меняя его.

Широкое распространение стиль модерн получил в моделировании и отделке одежды. Художники с увлечением рисовали для журналов мод, создавали рисунки для тканей. В историю искусств вошли имена крупнейших ювелиров этого времени (Р. Лалик, Т.К. Фаберже), фирм и мастеров фарфорового и стекольного производств (Л.К. Тиффани, А. Даум, В. Галле,

Ч.Г. Эшли и др.). Изящество, красота, изысканность культуры модерна не имели аналогов на протяжении XX столетия.

Тем не менее как целостное художественное направление модерн оказался недолговечным. Причинами этого послужили не только изменение ситуации с началом Первой мировой войны, но и внутренняя слабость движения, искусственность многих его начинаний. В условиях нарастания социальных конфликтов, открытой подготовки держав к войне эстетические эксперименты представителей модерна приобретали все более несвоевременный характер. Они приукрашивали действительность, становившуюся все более антигуманной и жестокой. Кроме того, высокий художественный уровень не спасал произведения мастеров модерна от тиражирования, вульгаризации в системе «массовой» культуры.

Уже в начале XX в. стиль модерн вызывал резкое неприятие со стороны части молодой творческой интеллигенции. Особенно решительно его отвергали молодые итальянские и немецкие художники. Критике подвергались эстетизм, рафинированность, созерцательность, стремление к приукрашиванию жизни. Новое поколение авангардистов стремилось отказаться от идеализации реальности и смело экспериментировать, преображая ее в невиданные ранее формы.

Рассудочно-аналитический подход к изображаемому предложил кубизм. Возникнув после посмертной выставки П. Сезанна (1907), кубизм просуществовал до Первой мировой войны. Стремление найти простейшие элементы формы, сочетанием которых можно было бы передать отношение художника к изображаемому, свойственно большинству кубистов (П. Пикассо, Ж. Брак, Ф. Леже и др.). Осуществление замысла нередко приводило к такой геометризации модели, которая превращала ее в бесплотные схемы. Деформирующая геометризация лишает женского обаяния знаменитых «Авиньонских девушек» П. Пикассо. Однако кубистский портрет А. Воллара Пикассо обладает необычной и выразительной индивидуальностью несмотря на однообразную гамму красок.

Разложение вещей в картинах кубистов на простейшие формы, образующие произвольные схемы в соответствии с волей художника, приводило к утрате эмоциональности и подлинного многообразия жизни. Ритмические диссонансы вызывали у зрителя чувство напряженности или равнодушие к этому миру «чистых форм». Вместе с тем эксперименты кубистов оказали значительное влияние на последующее развитие авангардистской живописи, открыв путь бесконечным поискам «первозлементов».

Свое видение действительности предложил и возникший в 1909 г. футуризм. Футуризм в отличие от модерна решительно отвергал любое, даже ироническое, использование элементов культуры прошлого. Он может рассматриваться как одно из первых радикально антитрадиционалистских, модернистских течений XX в.

Футуризм проявил себя не только в живописи, но и в музыке, прозе, поэзии. Футуристы провозгласили своей целью разрушение старой культуры и отражение в искусстве динамизма современных индустриальных городов. В первом манифесте футуризма Ф.Т. Маринетти, отвергая мифологию, мистику и «всхлипывания... вконец раскисших друзей природы», призывал: «Да здравствуют риск, дерзость и неукротимая энергия! ... Мы стоим на обрыве столетий! Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир Невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы уже живем в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость».

Воспевая скорость, футуристы идеализировали технику, машины. Художники У. Боччони, К. Карра, Дж. Северини, Дж. Балла пытались зафиксировать внутренний динамизм машин, элементы движения, передать ощущение времени с помощью дробления, ритмизации образов окружающего мира. Поэты и прозаики пытались найти такой язык, который смог бы передать стремление к действию, жесткий стиль поведения современной молодежи. Литераторы-футуристы идеализировали сильное государство, отрицали либерализм и демократию, призывали к действию, даже к войне, если это необходимо для восстановления величия Италии. Политическая ориентация привела их позднее в лагерь реакции, сделав активными участниками и создателями фашистского движения. Центральным пунктом их социологии и этики стал культ силы, а героем — человек, обладающий огромными физическими возможностями. Человек нивелировался в творчестве футуристов, где индивидуальность поглощалась техникой, городской средой, государством.

Вместе с тем нельзя недооценивать влияния футуризма на духовную жизнь молодежи предвоенной Европы. Его лозунги находили в этот период значительное число приверженцев. Активизм футуристов, культ прогресса, силы привлекали к себе еще и как жизнеспособный противовес упадку, пессимизму декаданса. Их формотворческие эксперименты, в частности с фиксацией динамики города, механического движения, увлекали молодых художников, стремящихся к яркой новизне творчества.

Значительным явлением среди новых художественных школ начала XX в. стал экспрессионизм (*expression* — выражение). Термин впервые был использован в 1911 г. немецким журналом «Штурм» при характеристике творчества Сезанна, Ван-Гога и Матисса, затем он появился в 1912 г. в каталоге первой выставки группы «Синий всадник» и был распространен также на художников группы «Мост», возникшей в 1905 г. С этого времени понятие «экспрессионизм» включало явления искусства, в которых изображение действительности деформируется ради выразительности в передаче духовного мира художника. Экспрессионизм возник как реакция на импрессионизм и модерн, пытаясь противопоставить им отказ от идеализации реальности, эмоциональное изображение хаоса и жестокости жизни, формы, соответствующие дисгармонии и деформированности окружающего. В условиях благополучия и гедонизма «прекрасной эпохи» экспрессионисты за десятилетие до катастрофы, разрушившей утопии предвоенного периода, почувствовали глубокую противоречивость реальности, ее диссонансы, способные привести к крушению. Поэтому в отличие от футуристов они не были оптимистами. Но их пессимизм имел иные оттенки, чем у символистов. В этом пессимизме больше стоицизма, силы, протеста, а не отчаяния. Бунтарский характер экспрессионизма проявился в период Первой мировой войны и Ноябрьской революции в Германии в произведениях Г. Гросса, О. Дикса, О. Нагеля и др.

Первоначально экспрессионисты попытались оформить в самостоятельное художественное движение, обладающее собственными эстетическими принципами. Много внимания они уделяли поискам новых средств выразительности. Художники отрицали красоту и эстетизировали уродливое, считая его господствующим в жизни и таким образом выражая протест против него. Картина должна была вызвать у зрителя физиологическое неприятие хаоса и уродливости окружающего. В связи с этим в области формы они шли на сознательное искажение образов отражаемого мира, эпатазирование зрителя резкими, болезненными сочетаниями цветов.

Экспрессионизм проявил себя с заметной плодотворностью практически во всех сферах художественной культуры: в поэзии, драматургии, музыке, театре, кинематографе. Но начальная стадия его связана прежде всего с экспериментами немецких художников.

В 1905 г. в Дрездене было создано объединение «Мост», в которое вошли Э.Л. Кирхнер, Э. Нольде, М. Пехштейн, А. Галлен-Каллела, К. Ван Донген и другие художники. Для их работ характерны упрощенные формы, деформация образов, отказ

от импрессионистской воздушной перспективы, использование крупных мазков неразложенного тона, резкость цветовых сочетаний. Ряд их произведений производил впечатление силы, привлекало внимание яркое колористическое дарование художников.

Второе объединение экспрессионистов возникло в Мюнхене в 1911 г. и получило название «Синий всадник» по имени альманаха, издававшегося русским художником В. Кандинским и немецким Ф. Марком. На выставке группы были представлены полотна В. Кандинского, Ф. Марка, А. Маке, французского художника Р. Делоне, композитора и живописца А. Шенберга. Позднее в выставках участвовали также П. Пикассо, М. Вламинк, А. Дерен, Д. и В. Бурлюки, К. Малевич, М. Ларионов. Интернациональное объединение «Синий всадник» решительнее группы «Мост» шло на отказ от реалистического подхода к натуре и художественных традиций, претендуя на открытие трансцендентной сущности вещей и явлений. Отсюда смелые эксперименты в области формы в творчестве В. Кандинского, Ф. Марка, Р. Делоне, доходившие до ухода в абстракцию. В. Кандинский и А. Шенберг искали цветовые и пластические аналогии музыкальным образам, открывая в «диссонансе» новую выразительность и красоту.

Экспрессионизм в целом оказал значительное влияние на формирование различных направлений художественной жизни XX столетия. Оно особенно усиливается в межвоенный период и сказывается на развитии не только отдельных авангардистских школ, но и реалистической литературы и искусства различных стран мира.

Рассмотренные выше многообразные художественные направления начала XX века сближал ряд черт. Глубокое разочарование в реальности определяли свойственный им фатализм, воинствующий антитрадиционализм, недоверие к возможности рационалистического познания мира и переоценку роли интуиции в этом процессе. Однако лишь немногие из этих движений заслуживают упрека в крайнем пессимизме, социальной и духовной пассивности. Напротив, их настойчивые и мучительные искания свидетельствовали об огромной творческой энергии, отсутствии самоуспокоенности. Они были подлинными авангардистами, ибо активно искали новые функции и формы искусства, решительно вторгаясь в реальную жизнь, стремясь внести свой вклад в ее преобразование.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1867, 21 июля — Принятие парламентом Австрии (Цислейтании) закона о дуалистическом соглашении
- 1867, 21 декабря — Принятие конституции Австрии
- 1868, 6 декабря — Закон о равноправии национальностей в Венгрии
- 1868—1874 — Первый либеральный кабинет У. Гладстона в Англии
- 1870, 19 июля — Франко-прусская война
- 1871, 28 января —
- 1870, 4 сентября — Революция во Франции. Крушение Второй империи и провозглашение республики. Формирование правительства национальной обороны
- 1870, сентябрь — Присоединение к Италии Рима и ликвидация светской власти папы
- 1870, октябрь — Циркулярная нота А.М. Горчакова по вопросу о восстановлении суверенных прав России на Черном море
- 1871, 18 января — Провозглашение Германской империи
- 1871, январь—март — Международная конференция в Лондоне, Лондонская конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы
- 1871, 26 февраля — Подписание прелиминарного мирного договора между Францией и Германией
- 1871, 18 марта — Парижская Коммуна
- 28 мая —
- 1871, март — Принятие в Италии «Закона о гарантиях» (об отношениях с папством)
- 1871, 16 апреля — Принятие конституции Германской империи
- 1871, 10 мая — Франкфуртский мирный договор между Францией и Германией
- 1871, сентябрь — Лондонская конференция I Интернационала
- 1872, сентябрь — Гаагский конгресс I Интернационала
- 1872 — Принятие закона о тайном голосовании на выборах в парламент Англии
- 1872—1876 — Вторая карлистская война в Испании
- 1873, май—октябрь — Подписание соглашений между Германией, Австро-Венгрией и Россией: образование «Союза трех императоров»
- 1874, 28—31 декабря — Восстановление монархии в Испании и окончание пятой буржуазной революции
- 1874—1880 — Консервативное правительство Б. Дизраэли в Англии
- 1875, март—май — «Военная тревога»: угроза новой франко-германской войны
- 1875, апрель — Восстание в Боснии и Герцеговине против турецкого господства (начало восточного кризиса 1875—1878 гг.)

1875, май —	Объединение эйзенахцев и лассальянцев на съезде в Готе. Образование Социалистической рабочей партии Германии
1875 —	Одобрение Национальным собранием конституционных законов Третьей республики во Франции
1876, март —	Конец правления «правой» (у власти с 1861 г.) и начало правления «левой» в Италии
1876, июль —	Роспуск I Интернационала по решению конференции в Филадельфии
1876, июль —	Образование Рабочей партии Соединенных Штатов (с 1877 г. — Социалистическая рабочая партия США)
1876 —	Принятие Конституции Испании
1877, январь —	Заключение Будапештской конвенции по балканскому вопросу между Россией и Австро-Венгрией
1877, 24 апреля— 1878, 3 марта —	Русско-турецкая война
1877—1911 —	Диктатура П. Диаса в Мексике
1878, 3 марта —	Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией
1878, 30 мая —	Русско-английское соглашение (меморандум) по восточному вопросу
1878, 13 июня— 13 июля —	Берлинский конгресс европейских держав по пересмотру условий Сан-Стефанского договора. Подписание Берлинского трактата. Завершение восточного кризиса
1878, июнь —	Подписание англо-турецкого союзного договора и приобретение Англией острова Кипр
1878, 21 октября —	Принятие «исключительного закона» против социалистов в Германии
1878, ноябрь—1880, июль —	Вторая англо-афганская война (1879 г. — установление протектората Англии над Афганистаном)
1878 —	Смерть папы Пия IX и начало понтификата Льва XIII (до 1903 г.)
1879, 7 октября —	Заклучение союзного договора между Германией и Австро-Венгрией
1879 —	Создание Испанской социалистической рабочей партии
1880, 16—17 мая —	Социал-демократический съезд в Будапеште; образование Всеобщей рабочей партии Венгрии
1880, ноябрь—1881, февраль —	Первая англо-бурская война
1880 —	Создание Рабочей партии во Франции
1880 —	Отмена рабства на Кубе
1880—1885 —	Второй либеральный кабинет У. Гладстона в Англии
1881, 18 июня —	Австро-германо-русское соглашение о нейтралитете

1881, июнь —	Установление французского протектората над Тунисом
1882, май —	Присоединение Италии к австро-германскому союзу и образование Тройственного союза
1882, июль—сентябрь —	Оккупация Египта Англией. Подавление национально-освободительного движения под руководством Араби-паши
1882 —	Избирательная реформа в Италии
1883, 14 марта —	Смерть К. Маркса
1883—1884 —	Принятие социального законодательства в Германии
1884 —	Установление протектората Германии над Юго-Западной Африкой
1884 —	Основание Социал-демократической федерации в Англии
1884 —	Третья избирательная реформа в Англии
1884 —	Основание Фабианского общества в Англии
1884—1885 —	Первая война Англии против Судана. Поражение английских войск под Хартумом
1884—1885 —	Военные действия Франции в Индокитае. Франко-китайская война
1884, ноябрь—1885, февраль —	Берлинская конференция 14 государств по колониальным вопросам. Создание «независимого государства Конго» во главе с бельгийским королем Леопольдом II
1885, июнь —	Подписание Тяньцзиньского мирного договора между Францией и Китаем. Установление французского протектората над Аннамом
1885, сентябрь —	Англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке
1885 —	Установление протектората Германии над Восточной Африкой
1885—1886 —	Первый консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии
1886, 1—4 мая —	Массовые выступления за 8-часовой рабочий день в США. Расстрел рабочей демонстрации в Чикаго
1886, декабрь —	Образование АФТ (ранее, с ноября 1881 г. — Федерация организованных тред-юнионов и рабочих союзов США и Канады)
1886 —	Третий либеральный кабинет У. Гладстона в Англии
1886 —	Раскол в либеральной партии Англии
1886—1892 —	Второй консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии
1887, февраль—декабрь —	Подписание соглашений по ближневосточным и средиземноморским вопросам между Англией, Италией и Австро-Венгрией (так называемая Восточная, или Средиземноморская, Антанта)

1887, апрель —	«Военная тревога»: обострение отношений между Германией и Францией. Инцидент Шнебеле
1887, 18 июня —	«Перестраховочный договор» между Германией и Россией
1887 —	Первая конференция стран Британской империи
1887, август—1896, март —	Правление Ф. Криспи в Италии (с перерывом с февраля 1891 г. по декабрь 1893 г.)
1888, 30 декабря—1889, 1 января —	Учредительный съезд Австрийской социал-демократической партии в Хайнфельде и принятие ее программы
1888 —	Создание Всеобщего союза трудящихся в Испании
1888 —	Отмена рабства в Бразилии
1888—1889 —	Буланжистский кризис во Франции
1888—1918 —	Правление кайзера Вильгельма II в Германии
1889, 2 мая —	Уччиалийский договор между Италией и Абиссинией (Эфиопией) о «вечной дружбе»
1889, июль —	Международные социалистические конгрессы в Париже (марксистский и POSSИБИЛИСТСКИЙ); основание II Интернационала
1889, октябрь—1890, апрель —	Первая панамериканская конференция в Вашингтоне
1889 —	«Великая стачка» докеров в Англии
1890, 20 марта —	Отставка канцлера О. фон Бисмарка
1890, 1 июля —	Берлинский договор между Англией и Германией о разграничении сфер интересов в Восточной и Юго-Западной Африке
1890 —	Введение в Испании всеобщего избирательного права для мужчин
1890 —	Принятие конгрессом США закона Шермана против трестов
1890—1891 —	Законы о защите труда в Германии
1890—1894 —	«Новый курс» канцлера Л. Каприви в Германии
1891, август —	Конгресс II Интернационала в Брюсселе
1891, август—1893, декабрь —	Образование франко-русского союза
1891, октябрь —	Эрфуртская программа СДПГ
1891 —	Создание Пангерманского союза
1891 —	Принятие первой республиканской конституции Бразилии
1891 —	Энциклика папы Льва XIII « <i>Rerum novarum</i> » (основа социальной доктрины католицизма)
1891—1893 —	Панамский скандал во Франции
1892, 22 февраля —	Образование в США партии популистов
1892, июль—ноябрь —	Гомстедские забастовки в США
1892 —	Образование Партии итальянских трудящихся (в дальнейшем — Итальянская социалистическая партия)
1892—1894 —	Четвертое либеральное правительство У. Гладстона в Англии

1893, август — 1893 —	Конгресс II Интернационала в Цюрихе Установление французского протектората над Лаосом
1893 —	Образование Независимой рабочей партии в Англии
1893—1894 —	Движение крестьянских Союзов трудящихся в Сицилии
1893—1894 —	«Злодейские законы» против анархистов и террористов во Франции
1894, май—июль — 1894, июль—1895, апрель —	Пульмановская забастовка в США Японо-китайская война
1894 —	Начало дела Дрейфуса во Франции
1894—1895 —	Либеральный кабинет А. Розбери в Англии
1895, 22 января —	Основание Национальной ассоциации промышленников в США
1895, 17 апреля —	Симоносекский мирный договор между Японией и Китаем
1895 —	Первый Венесуэльский кризис; 20 июля — провозглашение доктрины Р. Олни («Америка для Соединенных Штатов»)
1895, 5 августа — 1895, декабрь —	Смерть Ф. Энгельса Набег английского отряда под командованием Л. Джемсона на Трансвааль
1895 —	Образование Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) во Франции
1895—1896 —	Итало-абиссинская война. Поражение итальянских войск в битве при Адуа (март 1896)
1895—1896 —	Установление французского протектората над Мадагаскаром
1895—1902 —	Третий консервативный кабинет лорда Солсбери в Англии.
1896, июль—август — 1896—1898 —	Конгресс II Интернационала в Лондоне Вторая война Англии против Судана и его покорение
1897 —	Установление французского протектората над Тонкином
1898, 27 марта —	Заключение русско-китайской конвенции о передаче в аренду России Ляодунского полуострова
1898, май —	Восстание рабочих в Милане
1898, июнь—1900, июль —	Правление Л. Пеллу в Италии, попытки введения чрезвычайных законов
1898, октябрь —	Фашодский инцидент между Англией и Францией
1898, 21 апреля —	Начало испано-американской войны
1898, 10 декабря —	Подписание Парижского мирного договора между Испанией и США
1898—1899 —	Подписание соглашений между Японией и Россией, Англией и Германией, Россией и Англией о разделе сфер интересов в Китае

1898—1900 —	Принятие флотских законов в Германии
1899, май—июль —	Первая Гаагская конференция мира
1899, 6 сентября —	Провозглашение Соединенными Штатами доктрины «открытых дверей» в Китае (доктрина Дж. Хэя)
1899, 9 октября—	Вторая англо-бурская война
1902, 1 июня —	
1899—1902 —	Подавление антиамериканского восстания на Филиппинах; установление протектората США над Филиппинами
1900, сентябрь —	Конгресс II Интернационала в Париже; основание Международного социалистического бюро
1900 —	Образование Комитета рабочего представительства в Англии
1900 —	Предоставление Англией статуса доминиона Австралии
1900—1901 —	Подавление объединенными силами великих держав восстания Ихэтуань в Китае
1900—1909 —	Канцлерство Б. Бюлова в Германии
1901, 29 июля —	Образование Социалистической партии США
1901—1909 —	Президентство Т. Рузвельта в США
1901 —	Создание Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов и Республиканско-демократического альянса во Франции
1901—1902 —	Второй Венесуэльский кризис
1901, октябрь—1902, январь —	Вторая панамериканская конференция в Мехико
1901, ноябрь —	Договор между США и Англией (договор Хэя—Панунсфота) по вопросу о строительстве межокееанского канала
1901—1914 —	«Либеральная эра» в Италии
1902, 30 января —	Заключение англо-японского союза
1902, ноябрь —	Секретное франко-итальянское соглашение о взаимном нейтралитете
1902 —	Формирование «левого блока» во Франции
1902—1905 —	Консервативный кабинет А. Бэлфура в Англии
1903, 3 октября —	Мюрцштегское соглашение между Австро-Венгрией и Россией о совместных действиях в македонском вопросе
1903, ноябрь —	Провозглашение Панамской республики. Заключение американо-панамского договора об условиях строительства Соединенными Штатами межокееанского канала
1903 —	Создание в Англии Комитета имперской обороны
1903—1914 —	Понтификат папы Пия X
1904, 9 февраля—	Русско-японская война
1905, 5 сентября —	
1904, 8 апреля —	Заключение англо-французского соглашения о Египте, Марокко и других колониальных владениях («Сердечное согласие»)

1904, август —	Конгресс II Интернационала в Амстердаме
1904, сентябрь —	Всеобщая политическая стачка в Италии
1904, 3 октября —	Подписание тайного соглашения между Францией и Испанией о разделе Марокко на сферы влияния
1904, декабрь —	Конфликт великих держав из-за долгов Доминиканской Республики. Провозглашение доктрины Т. Рузвельта (политика «большой дубинки»)
1905, март—1906, январь —	Первый марокканский кризис (1906, январь—апрель — международная конференция в Альхесирасе по вопросу о Марокко)
1905, июль —	Свидание в Бьёрке Вильгельма II и Николая II. Подписание русско-германского союзного договора (в силу не вступил)
1905, 5 сентября —	Портсмутский мирный договор между Россией и Японией
1905 —	Образование во Франции Объединенной социалистической партии (Французская секция рабочего Интернационала — СФИО)
1905 —	Закон об отделении церкви от государства во Франции
1905—1908 —	Либеральный кабинет Г. Кэмпбелла-Баннермана в Англии
1906 —	Принятие ВКТ Амьенской хартии
1906 —	Преобразование Комитета рабочего представительства в лейбористскую партию Англии
1906 —	Победа либералов на всеобщих выборах в Англии
1906—1911 —	Принятие серии законов в рамках социальных реформ Д. Ллойд-Джорджа в Англии
1906—1912 —	Вооруженные интервенции США на Кубу, в Никарагуа и Доминиканскую Республику
1906, 10 февраля —	Спуск на воду в Англии первого дредноута
1906, 29 июня —	Закон Хэпберна о государственном регулировании железных дорог в США
1906, июль—август —	Третья панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро
1907, 26 января —	Закон о всеобщем избирательном праве в Австрии
1907, июнь—октябрь —	Вторая Гагская конференция мира
1907, август —	Конгресс II Интернационала в Штутгарте
1907, 31 августа —	Англо-русское соглашение по вопросу об Иране, Афганистане и Тибете. Завершение формирования Тройственного Соглашения (Антанты)
1907 —	Предоставление Англией статуса доминиона Новой Зеландии
1908, октябрь—1909, март —	Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Боснийский кризис
1908 — 1915 —	Либеральный кабинет Г. Асквита в Англии
1909, 26 июля—2 августа —	«Трагическая неделя» в Барселоне

1909 —	Итало-русское соглашение в Раккониджи
1909—1913 —	Президентство У. Тафта в США
1910, июль—август —	Четвертая межамериканская конференция в Буэнос-Айресе. Завершение формирования Панамериканского союза
1910, август—сентябрь —	Конгресс II Интернационала в Копенгагене
1910, 31 августа —	Выступление Т. Рузвельта с программой «нового национализма»
1910 —	Предоставление Англией статуса доминиона Южно-Африканскому Союзу
1910—1917 —	Буржуазно-демократическая революция в Мексике
1911, май—ноябрь —	Второй марокканский кризис
1911 —	Проведение парламентской реформы в Англии (ограничение прав палаты лордов)
1911 —	Образование Британской социалистической партии
1911 —	Образование Национальной конфедерации труда в Испании
1911, сентябрь—1912, октябрь —	Итало-турецкая (ливийская) война. Аннексия Италией Триполитании и Киренаики; 18 октября 1912 г. — Лозаннский мирный договор между Италией и Турцией
1912, 3 марта —	Фесский договор: установление французского протектората над Марокко
1912, май —	Съезд Итальянской социалистической партии в Реджо-Эмилии и исключение правых реформистов
1912, 31 июля —	Создание прогрессивной партии в США
1912, октябрь—1913, май —	Первая Балканская война
1912, ноябрь —	Чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле; манифест об угрозе войны
1912 —	Всеобщая стачка горняков в Англии
1912—1914 —	Политический кризис в Англии в связи с вопросом о «гомруле» для Ирландии
1913—1921 —	Президентство В. Вильсона в США
1913, 30 мая —	Лондонский мирный договор между Турцией и Балканским союзом
1913, июнь—август —	Вторая Балканская война
1913, 10 августа —	Бухарестский мирный договор между Болгарией и балканской коалицией (Сербией, Румынией и Грецией)
1913, 29 сентября —	Константинопольский мирный договор между Болгарией и Турцией
1913, 23 декабря —	Закон о создании Федеральной резервной системы в США
1913 —	Предоставление самоуправления Каталонии

1914, март—1916, июнь —	Кабинет А. Саландры в Италии
1914, апрель—ноябрь —	Интервенция США в Мексике
1914, июнь —	«Красная неделя» в Италии
1914, 28 июня —	Убийство в Сараево (Босния) наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда
1914, 23 июля —	Австро-венгерский ультиматум Сербии
1914, 28 июля —	Объявление Австро-Венгрии войны Сербии
1914, 1 августа —	Объявление Германией войны России. Начало Первой мировой войны
1914, 3 августа —	Объявление Германией войны Франции
1914, 4 августа —	Вторжение германских войск в Бельгию. Объявление Англией войны Германии
1914, 8 августа —	Принятие парламентом Великобритании первого Акта о защите королевства
1914, 15 августа —	Открытие Панамского канала
1914, 4—9 сентября —	Битва на Марне. Переход на Западном фронте к позиционной войне
1914, 26 сентября —	Закон о создании Федеральной торговой комиссии в США
1914, 15 октября —	Антитрестовский закон Клейтона в США
1915, 26 апреля —	Лондонский договор Италии со странами Антанты об участии в войне на их стороне
1915, май —	«Лучезарные майские дни» в Италии; 23 мая вступление Италии в войну
1915, май —	Правительственный кризис в Великобритании. Образование коалиционного правительства во главе с Г. Асквитом (с участием либералов, консерваторов и лейбористов)
1915, 2 июня —	Принятие Акта о производстве вооружений в Великобритании, учредившего Министерство вооружений во главе с Д. Ллойд-Джорджем
1915, сентябрь —	Переход к позиционной войне на Восточном фронте
1915—1917 —	Деятельность Циммервальдского объединения (конференции: I - Циммервальд, сентябрь 1915; II - Кинталь, апрель 1916; III ... Стокгольм, сентябрь 1917)
1916, январь —	Разгром сербской армии; оккупация Сербии войсками Центральных держав
1916, февраль—июнь —	Бои под Верденом
1916, 24—29 апреля —	Восстание в Дублине (Ирландия)
1916, 16 мая —	Вступление в силу Закона о всеобщей воинской повинности в Великобритании («Акт о конскрипции»)
1916, 31 мая—1 июня —	Ютландское морское сражение

- 1916, 4 июня — Наступление русских войск на Юго-Западном фронте (Брусиловский прорыв)
- 1916, июнь — Отставка кабинета А. Саландры и образование кабинета П. Бозелли в Италии
- 1916, июль—ноябрь — Бои на реке Сомме
- 1916, 3 сентября — Принятие в США закона Адамса о 8-часовым рабочем дне на железных дорогах
- 1916, 5 декабря — Принятие в Германии закона «О вспомогательной службе отечеству»
- 1916, 5—10 декабря — Правительственный кризис в Великобритании. Образование коалиционного правительства во главе с Д. Ллойд-Джорджем
- 1917, 1 февраля — Объявление Германией неограниченной подводной войны
- 1917, апрель — Образование Независимой социал-демократической партии Германии
- 1917, 6 апреля — Вступление в войну Соединенных Штатов Америки
- 1917, апрель—май — Поражение французских войск на Западном фронте («Бойня Нивеля»)
- 1917, май—июнь — Волнения во французской армии
- 1917, август — Антивоенное восстание в Турине
- 1917, август — «Революционная забастовка» в Испании
- 1917, октябрь — Развал итальянского фронта под Капоретто; отставка кабинета П. Бозелли и образование кабинета В.Э. Орландо в Италии
- 1917, 16 ноября — Формирование кабинета Ж. Клемансо во Франции
- 1918, 8 января — «14 пунктов» В. Вильсона
- 1918, февраль — Восстание на кораблях австро-венгерского флота
- 1918, февраль — Принятие в Великобритании нового избирательного закона (предоставление права голоса женщинам старше 30 лет)
- 1918, февраль — Принятие в Великобритании Акта об угольных шахтах
- 1918, февраль — Внеочередная конференция лейбористской партии Великобритании (признание одной из целей партии «обобществления средств производства»)
- 1918, 3 марта — Брестский мирный договор между Россией и Центральными державами
- 1918, март—июль — Попытка наступления германских войск на Западном фронте
- 1918, 7 мая — Бухарестский мирный договор между Румынией и Центральными державами
- 1918, 8 августа — Начало наступления войск Антанты по всему Западному фронту
- 1918, 29 сентября — Капитуляция Болгарии

- 1918, 3 октября —** Образование парламентского правительства Макса Баденского в Германии
- 1918, 20 октября —** Решение правительства Венгрии о персональной унии (денонсация австро-венгерского дуалистического соглашения 1867 г.)
- 1918, 30—31 октября —** Победа революции в Вене, буржуазно-демократическая революция в Венгрии, распад империи Габсбургов
- 1918, 31 октября —** Капитуляция Турции
- 1918, 3 ноября —** Капитуляция австро-венгерской армии, подписание в Падуе (Северная Италия) перемирия с Антантой
- 1918, 3 ноября —** Начало революции в Германии
- 1918, 9 ноября —** Победа революции в Берлине, низложение династии Гогенцоллернов
- 1918, 11 ноября —** Компьенское перемирие. Окончание Первой мировой войны

Библиография

Источники и литература ко всему курсу¹

Источники

Конституции буржуазных стран: В 4 т. Т. 1—2, 4. М.; Л., 1935—1936.

Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия. Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. М., 1957.

Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870—1914 гг. / Сост. П.И. Остриков, П.П. Вандель. М., 1989.

Учебники

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева. М., 1990.

Новая история. 1870—1918 / Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова. М., 1973.

Новая история. 1871—1917 / Под ред. Н.Е. Овчаренко. М., 1984.

Новая история стран Европы и Америки. Второй период / Под ред. Е.Е. Юровской, И.М. Кривогуза. М., 1998.

Литература

Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. М., 1991:

Виноградов В.Н., Карпещенко Е.Д., Лебедев Н.И., Язкова А.А. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964.

Всемирная история: В 10 т. Т. 7—8. М., 1960—1961.

Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. Т. 1. М., 1970.

Европейский либерализм в новое время: Теория и практика / Под ред. С.П. Пожарской. М., 1995.

История Венгрии: В 3 т. Т. 2. М., 1972.

История дипломатии: В 5 т. Т. 2-3 / Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова, В.А. Зорина и др. М., 1963—1965.

История Италии: В 3 т. Т. 2. М., 1970.

История Латинской Америки. 70-е годы XIX в. — 1918 г. / Под ред. Е.А. Ларина. М., 1993.

История Румынии. 1848—1918 / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1971.

История США: В 4 т. Т. 2. М., 1985.

---

¹ Названия книг, указанных в этом разделе, как правило, в литературе к отдельным общим и страноведческим главам не повторяются.

История Франции: В 3 т. Т. 2. М., 1973.

Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время: В 7 т. Т. 6 (ч. 1—2), 7 (ч. 1—2). СПб., 1909—1917.

Кертман Л.Е., Рахмиров П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX—XX веков (на путях к общему кризису капитализма). М., 1984.

Либерализм Запада XVII—XX вв. Авторский коллектив: *В.В. Согрин, А.И. Патрушев, Е.С. Токарева, Т.М. Фадеева*. М., 1995.

Максаковский В.П. Историческая география мира. М., 1997.

Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. Опыт междисциплинарного исследования. М., 1993.

Рахмиров П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

Источники и литература к отдельным главам

ФРАНЦИЯ

Источники

Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.: В 2 т. М., 1959—1960.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего Императорского Российского Министерства иностранных дел. М., 1922.

Литература

Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1986.

Вилар К. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 гг. (Гедисты). М., 1969.

Гурвич С.Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в. М., 1976.

Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

Наринский А.М. Шарль Моррас и «Аксьон франсез» до первой мировой войны // Французский ежегодник, 1976. М., 1978.

Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983.

Ревякин А.В. Кризис «священного единения» во Франции // Вестник МГУ. Сер. История. 1976. № 2.

АНГЛИЯ

Источники

Ллойд Джордж Дэвид. Военные мемуары. Т. 1—6. М., 1934—1938.

Манн Т. Воспоминания. М.; Л., 1924.

- Мишль Дж. Ст.* О свободе. СПб., 1906.
Рапопорт С. Деловая Англия. М., 1903.
Семюзль Г. Либерализм. М., 1906.
Сили Дж. Расширение Англии. СПб., 1903.
Спенсер Г. Основания социологии. Т. I, II. СПб., 1898.
Спенсер Г. Личность и государство. СПб., 1908.
 Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке...
 1899—1900 гг. Вып. III, VI / Под ред. полковника *Артамонова*. СПб.,
 1900.

Литература

- Виноградов В.Н.* У истоков лейбористской партии (1889—1900). М.,
 1965.
Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. Т. 1. М., 1937.
Галкина Л.А. К критике идеологии фабианства. М., 1984.
Дубинский Л.С. Монополии и экономика Англии (до Второй миро-
 вой войны). М., 1960.
Ирвин У. Обезьяны, ангелы и викторианцы. Дарвин, Гексли и
 эволюция. М., 1973.
Карлинер М.М. Рабочее движение в Англии в годы первой миро-
 вой войны. (1914—1918). М., 1961.
Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Велико-
 британии в 80-е годы XIX века. М., 1985.
Кон И.С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л.,
 1964.
Мадор Ю.П. Подъем рабочего движения в Англии в 1910—1913 гг.
 М., 1966.
Мижухев П.Г. Вильям Гладстон. СПб., 1893.
Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960.
Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899—1902 гг.).
 М., 1970.
Парфенов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегирован-
 ные компании и колониальная экспансия 80—90-х годов XIX века.
 Саратов, 1980.
Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капита-
 лизма в Англии в годы первой мировой войны. М., 1985.
Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов-на-Дону, 1999.
Тимирязев К.А. Дарвин и его учение // Соч. Т. 7. М., 1919.
Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной неве-
 роятной карьеры. М., 1993.

ГЕРМАНИЯ

Источники

Бebel А. Из моей жизни. М., 1963.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1—3. М., 1940—1941.

Бюлов Б. Воспоминания. М.;Л., 1935.

Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. Т. 1—2. М., 1923—1924.

Науман Ф. Срединная Европа. Пг., 1918.

Русско-германские отношения. 1873—1914. Секретные документы. М., 1922.

Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

Эрцбергер М. Германия и Антанта. М., 1923.

Литература

Айзин Б.А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны (1907—1914). М., 1974.

Бартель В. Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959.

Гейдorn Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964.

Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.

Исследования по истории германского империализма начала XX века / Отв. ред. Б.А. Айзин, В. Гуче. М., 1987.

История германского колониализма в Африке. М., 1983.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.

Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX века. М., 1992.

Овчаренко Н.Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. (Идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма). М., 1975.

Оггер Г. Магнаты... Начало биографии. М., 1985.

Палмер А. Бисмарк. Смоленск, 1997.

Петряев К.Д. Очерки по истории Германии начала XX века (1900—1914 гг.). Одесса, 1959.

Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.

Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX в. М., 1991.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961.

Хмельницкая Е.Л. Военная экономика Германии, 1914—1918 гг. М., 1924.

Чубинский В.В. Бисмарк: Политическая биография. СПб., 1997.

Эггерт З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 г. — октябрь 1917 г.). М., 1957.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Источники

Де-Леон Д. Избранные произведения. М.; Л., 1932.

Дюбуа У. Воспоминания. М., 1962.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю М.; Л., 1941.

Хейвуд У.Д. Книга Билля Хейвуда: Автобиография Вильяма Д. Хейвуда. М.; Л., 1932.

Хилкуит М. История социализма в Соединенных Штатах. Пг., 1919.

Хауз Э. Архив полковника Хауза: Дневники и переписка с В. Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914—1917 гг. В 4 т. М., 1937—1944.

Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах Америки. СПб., 1907.

Петтигрю Р.Ф. Торжествующая плутократия. М., 1922.

Литература

Аскольдова С.М. Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966.

Аскольдова С.М. Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976.

Байбакова Л.В. Двухпартийная система США в период «позолоченного века». М., 1996.

Байбакова Л.В. У идейных истоков прогрессизма // Исторический образ Америки. М., 1994.

Беляская И.А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968.

Беляская И.А. Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956.

Беляская И.А. Роберт М. Лафоллет: цена независимости. (1855—1925). М., 1995. Ч. I.

Беляская И.А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.

Югина Ш.А. Иммигрантское население США, 1865—1900 гг. Л., 1976.

Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984.

Бродский Р.М. Дальневосточная политика США накануне первой мировой войны. М., 1968.

Владимиров Л.С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957.

Ганелин Р.Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914—1917. Л., 1969.

Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983.

- Гершов З.М.* «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.
- Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.
- Зубок Л.И.* Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962.
- Зубок Л.И.* Очерки истории США. (1877—1918). М., 1956.
- Зубок Л.И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969.
- История внешней политики и дипломатии США. 1867—1918.* М., 1997.
- Кислова А.А.* Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли. 90-е годы XIX в. — 30-е годы XX в. М., 1974.
- Козенко Б.Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США (1914—1917). Саратов, 1980.
- Кравченко И.Н.* США: внешняя политика в начале эпохи империализма. М., 1988.
- Куропятник Г.П.* Фермерское движение в США от грейнджеров к Народной партии. 1867—1896. М., 1971.
- Лан В.И.* США: от испано-американской войны до первой мировой войны. М., 1975.
- Либеральная традиция в США и ее творцы.* М., 1997.
- Нитобург Э.Л.* Негры США (XVII — начало XX вв.). Историко-этнографический очерк. М., 1979.
- Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997.
- Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли: В 3 т. Т. 3. М., 1963.
- Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Ч. I. Конец XVII в. — 1917 г. / Отв. ред. Е.Ф. Языков.* М., 1988.
- Сивачев Н.В.* США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982.
- Согрин В.В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
- Согрин В.В.* Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.
- Уткин А.И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
- Уткин А.И.* Теодор Рузвельт. Политический портрет. Свердловск. 1989.
- Фонер Ф.С.* Испано-кубино-американская война и рождение американского империализма. 1895—1902. Т. 1—2. М., 1977.
- Фонер Ф.С.* История рабочего движения в США: В 6 т. Т. 2, 3, 4. М., 1958, 1966, 1969.
- Фостер У.З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
- Фурсенко А.А.* Нефтяные войны (конец XIX — начало XX вв.). Л., 1985.

Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. М., 1992.

Шустов К.С. Освободительная война на Кубе (1895—1898) и политика США. М., 1970.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ

Литература

Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959.

Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906—1914. М., 1972.

Исламов Т.М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.

Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991.

Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962.

Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952.

Рубинштейн Е.И. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963.

ИТАЛИЯ

Литература

Григорьева И.В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.

Канделоро Дж. История современной Италии: В 7 т. Т. 5, 6. М., 1971, 1975.

Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.

Кин Ц.И. Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1978.

Кин Ц.И. Италия на рубеже веков. Из истории общественно-политической мысли. М., 1980.

Кирова К.Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М., 1973.

Любин В.П. Италия накануне вступления в первую мировую войну (на пути к краху либерального государства). М., 1982.

Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955.

Мизиано К.Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976.

Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне. М., 1951.

Серова О.В. От Тройственного союза к Антанте (Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века). М., 1983.

Трофимов В.А. Итальянский колониализм и неоколониализм (История и современность). М., 1979.

Трофимов В.А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX в. (Эфиопия и Сомали). М., 1962.

Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX—начале XX века. М., 1958.

Шейнман М.М. От Пия IX до Павла VI. М., 1979.

Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М., 1967.

Яхимович З.П. Внешняя политика Италии в 1908—1914 гг. М., 1973.

Яхимович З.П. Рабочий класс против империализма и милитаризма (конец XIX—начало XX в.). М., 1986.

Яхимович З.П. Становление концепции прогрессивного либерализма Джованни Джолитти (1882—1900 гг.) // Проблемы итальянской истории. М., 1993.

Яхимович З.П. Трудный диалог: возможности и перспективы сотрудничества России и Италии (1902—1909 гг.) // Россия и Италия. Вып. 3: XX век. М., 1998.

ИСПАНИЯ

Литература

Майский И.М. Испания. 1808—1917. Исторический очерк. М., 1957.

Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. М., 1989.

Эпштейн А.Л. Барселонская «трагическая неделя» 1909 г. // Вопросы истории. 1983. № 8.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Источники

Рид Дж. Восставшая Мексика. М., 1959.

Литература

Бандейра М. Проникновение США в Бразилию. (Два века истории). М., 1982.

Григулевич И.Р. (Лаврецкий И.Р.) Хосе Марти — предвестник Кубинской революции. М., 1979.

Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М., 1987.

Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975.

Королев Н.В. Страны Латинской Америки в международных отношениях. (1898—1962). Кишинев, 1962.

Королев Н.В. Страны Южной Америки и Россия. (1890—1917). Кишинев, 1972.

Лаарецкий И.Р. Панчо Вилья. М., 1962.

Лааров Н.М. Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972.

Латинская Америка. Энциклопедический словарь. Т. 1—2. М., 1979, 1982.

Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.

Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка, XIX век. (История экспансии США). М., 1974.

Очерки истории Аргентины. М., 1961.

Очерки истории Бразилии. М., 1962.

Очерки истории Кубы. М., 1978.

Очерки истории Чили. М., 1967.

Очерки новой и новейшей истории Мексики (1810—1945). М., 1960.

Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. М., 1967.

Паркс Г. История Мексики. М., 1949.

Сea Л. Философия латиноамериканской истории. Судьбы Латинской Америки. М., 1984.

Томас А.Б. История Латинской Америки. М., 1960.

Фонер Ф. История Кубы и ее отношения с США, 1845—1895. (От эры аннексионизма до начала второй войны за независимость). М., 1964.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Источники

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.

Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. I. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925.

Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871—1957). М., 1957.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. М., 1952.

Литература

Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952.

Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Пролог первой мировой войны. М., 1964.

Виноградов К.Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди. М., 1991.

- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века. М., 1978.
- Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960.
- Гвоздарев Б.И.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966.
- Ерусалимский А.С.* Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв. М., 1974.
- Золотухин М.Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885—1888). М., 1993.
- История внешней политики России (конец XV в. — начало 1917 г.). Вторая половина XIX века. М., 1997.
- История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). Конец XIX — начало XX вв. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999.
- История войн. Т. 2. Тридцатилетняя война. Войны эпохи нового времени. Первая мировая война 1914—1918 гг. Ростов-на-Дону; М., 1997.
- Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994.
- Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952.
- Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975.
- Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1949). 2 изд. М., 1956.
- Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.
- Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М., 1956.
- Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960.
- Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.
- Фурсенко А.А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900. М.; Л., 1956.
- Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
- Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. // Избранные труды. М., 1977.
- Хвостов В.М.* Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Источники

Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Западной Европы и США. М., 1985.

Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетий. Хрестоматия. Вып. I. М., 1990.

Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX — 70-е годы XX в. (Статистика). М., 1980.

Литература

Второй Интернационал: социально-философские причины раскола социалистического движения / Под ред. Б.Н. Бессонова. М., 1991.

История Второго Интернационала. Т. 1—2. М., 1965—1966.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: В 8 т. Т. 2—3. М., 1976, 1978.

Первый Интернационал. Ч. 2: 1870—1876. М., 1965.

Айрапетов А.Г. Вступая в индустриальный мир: венгерские рабочие на рубеже XIX—XX веков. Тамбов, 1997.

Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм М., 1986.

Евзеров Р.Я. Современная историография II Интернационала: переосмысление прошлого // Новая и новейшая история. 1993. № 1.

Кретиинин С.В. Карл Каутский (1854—1938): опыт переосмысления // Новая и новейшая история. 1995. № 1, 2.

Мадор Ю.П. Немецкие рабочие: Образ мира и общества // Одиссей. Человек в истории. М., 1995.

Овчаренко Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история. 1994. № 3, 4—5.

Петренко Е.Л. Карл Каутский: очерк социалистических воззрений. М., 1991.

Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. М., 1990.

Самарская Е.А. Второй Интернационал: революционные надежды и иллюзии // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4.

Самарская Е.А. Жорж Сорель — вечный сретик // Новая и новейшая история. 1994. № 2.

Тютюкин С.В. Политическая драма Г.В. Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ НАЧАЛА XX В. В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И В США

Источники

Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм: Экономический очерк. М.; Л., 1927 (или в кн.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989).

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959.

Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927.

Гобсон Дж.А. Развитие современного капитализма. Машинное производство. М.; Л., 1926. (Гобсон Дж.А. Эволюция современного капитализма. СПб, 1898).

Каутский К. Империализм. Харьков, б. г.

Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М., 1917.

Каутский К. Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию). Славяне и революция. М., 1959.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк) // ПСС. Т. 27.

Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // ПСС. Т. 30.

Ленин В.И. Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // ПСС. Т. 27.

Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1—2. М.; Л., 1934.

Мархлевский Ю. Империализм или социализм? // Мархлевский Ю. За что и как бороться? М., 1959.

Литература

Евзеров Р.Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. 1995. № 3.

Карлинер М.М. Джон Гобсон: легенда и действительность // Проблемы британской истории. М., 1971.

Леонов С.Л. Проблемы политэкономии капитализма в трудах Н.И. Бухарина // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990.

Рузавина Е.И. Роза Люксембург. М., 1989.

Черняк Е.Б. Монополистический капитализм первой четверти XX века в исторической ретроспективе // Цивилизация. Вып. 1. М., 1992 (или: Новая и новейшая история. 1990. № 2).

Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма (Запад и Восток). М., 1998.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Источники

Берти Ф.Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.; Л., 1927.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за 9 лет. М., 1935.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

Фош Ф. Воспоминания (Война 1914—1918 гг.). М., 1939.

Литература

Зайончковский А.М. Мировая война. 1914—1918. В 3 т. М., 1938—1939.

История Первой мировой войны. 1914—1918.: В 2 т. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975.

Первая мировая война. 1914—1918 / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1968.

Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.А. Мальков. М., 1994.

Первая мировая война: политика, идеология, историография / Отв. ред. Б.Д. Козенко. Куйбышев, 1990.

Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. В.И. Беляев. М., 1991.

Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990.

Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX в. СПб., 1994.

Царев Н.Т. От Шлиффена до Гинденбурга. (О провале военной доктрины кайзеровской Германии в 1914—1918 гг.). М., 1956.

КУЛЬТУРА СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Общие работы

Божович В.И. Традиции и взаимодействие искусств. Франция. Конец XIX — начало XX века. М., 1987.

Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. 1870—1917. М., 1987.

Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.

Техника и естествознание

Белькинд Л.Д., Конфедератов И.Я., Шнейберг Я.А. История техники. М.; Л., 1956.

Бернал Дж.Д. Наука в истории общества. М., 1956.

Васильев С. Очерки по истории естествознания. Л., 1925.

Очерки развития основных физических идей. М., 1959.

Философия

Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974.

Буржуазная философия XX века. М., 1974.

Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Буржуазная философия середины XIX — начала XX века. М., 1988.

История философии: Запад — Россия — Восток. Кн. 3. Философия XIX—XX вв. М., 1998.

Нарский И.С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976.

Рассел Б. Мудрость Запада: исторические исследования западной философии в связи с общими и политическими обстоятельствами. М., 1998.

Современная западная философия. Словарь. М., 1991, 1998.

Философы XX века. М., 1999.

Литература

Андреев Л.Г., Козлова Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. М., 1987.

Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. М., 1985.

Аникст А. История английской литературы. М., 1956.

Гуляев Н.А., Шибанов И.П. и др. История немецкой литературы. М., 1975.

История американской литературы. Ч. 1. М., 1971.

История зарубежной литературы конца XIX — начала XX в. (1871—1917). М., 1968.

История немецкой литературы: В 3 т. Т. 2, 3. М., 1986.

Театр и музыка

Зингерман Б.И. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979.

История зарубежного театра: В 4 ч. Ч. 2. Театр Западной Европы и США (1789—1917). М., 1984.

История зарубежной музыки. Вып. 4. Вторая половина XIX века. М., 1983.; Вып. 5. Конец XIX — начало XX в. М., 1988.

Конен В.Д. Очерки по истории зарубежной музыки. М., 1997.

Конен В.Д. Пути американской музыки: Очерки по истории музыкальной культуры США. М., 1977.

Музыка XX века, 1890—1945. Очерки: В 2 ч. Ч. 1. М., 1976.

Кино

Звезды немого кино. М., 1968.

Комаров С.В. История зарубежного кино. Т.1. Немое кино. М., 1965.

Кукаркин А.В. Чарли Чаплин. М., 1988.

Садуль Ж. История киноискусства от его зарождения до наших дней. М., 1957.

Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 2. 1909—1914. М., 1958.

Теплиц Е. История киноискусства, 1895—1927. М., 1968.

Юрнев Р.Н. Краткая история киноискусства. М., 1997.

Архитектура и изобразительное искусство

Вентури Л. От Мане до Лотрека. М., 1958.

Всеобщая история архитектуры: В 12 т. Т. 10. Архитектура XIX — начала XX в. М., 1972.

Гомбрих Э. История искусства. М., 1998.

Горюнов В.С., Тубли М.П. Архитектура эпохи модерна: Концепции. Направления. Мастера. СПб., 1994.

Европейское искусство XIX века (1789—1871). М., 1975.

Ёдике Ю. История современной архитектуры. М., 1972.

Импрессионизм. Письма художников. Воспоминания Дюран-Рюэля. Документы. Л., 1969.

История зарубежного искусства. М., 1983.

Калитина Н.Н. «Эпоха реализма» во французской живописи XIX века. М., 1972.

Креспель Ж.П. Повседневная жизнь импрессионистов: 1863—1883. М., 1999.

Модернизм: Анализ и критика основных направлений. М., 1987.

Полевой В.М. Двадцатый век: Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. М., 1989.

Ревалд Д. История импрессионизма. М., 1995.

Ревалд Д. Постимпрессионизм. М., 1996.

Сарабьянов Д.В. Стиль модерн: истоки, история, проблемы. М., 1989.

Фремpton К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития. М., 1990.

Оглавление

Предисловие	3
-----------------------	---

Раздел I. Европа и Америка в последней трети XIX в.

Введение (Григорьева И.В.)	
Глава 1. Франция в последней трети XIX в. (Ревякин А.В.)	
Глава 2. Германская империя в 1871—1890 гг. (Патрушев А.И.)	
Глава 3. Англия в 1870—1900 гг. (Мещерякова Н.М.)	
Глава 4. Соединенные Штаты Америки в последней четверти XIX в. (Дементьев И.П.)	
Глава 5. Австро-Венгерская монархия в 1867—1900 гг. (Исламов Т.М.)	
Глава 6. Италия в 1870—1900 гг. (Григорьева И.В.)	
Глава 7. Испания в 1875—1898 гг. (Кирсанова Н.В.)	
Глава 8. Международные отношения в 1871—1898 гг. (Горохов В.Н.)	
Глава 9. Международное рабочее и социалистическое движение в последней трети XIX в. (Григорьева И.В.)	

Раздел II. Европа и Америка в начале XX в.

Введение (Григорьева И.В.)	
Глава 10. Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США (Соловьев С.А., Евзеров Р.Я.)	
Глава 11. Англия в 1900—1914 гг. (Мещерякова Н.М.)	
Глава 12. Германия в 1890—1914 гг. (Патрушев А.И.)	
Глава 13. Франция в начале XX в. (Ревякин А.В.)	
Глава 14. Соединенные Штаты Америки в начале XX в. (Язьков Е.Ф.)	
Глава 15. Австро-Венгрия в 1900—1914 гг. (Исламов Т.М.)	379
Глава 16. Италия в 1900—1914 гг. (Григорьева И.В.)	390

Глава 17. Испания в 1898—1914 гг. (<i>Кирсанова Н.В.</i>)	402
Глава 18. Страны Латинской Америки во второй половине XIX — начале XX в. (<i>Литаврина Э.Э., Строганов А.И.</i>)	409
Глава 19. Международные отношения в 1898—1914 гг. (<i>Горохов В.Н.</i>)	442
Глава 20. Международное рабочее и социалистическое движение с конца 90-х годов до Первой мировой войны (<i>Григорьева И.В.</i>)	488
Глава 21. Первая мировая война: ход военных действий и дипломатическая борьба (<i>Терехов В.И.</i>)	517
Глава 22. Основные страны Европы и США в период мировой войны	597
Англия (<i>Соловьев С.А.</i>)	597
Франция (<i>Ревякин А.В.</i>)	606
Соединенные Штаты Америки (<i>Дементьев И.П.</i>)	613
Италия (<i>Григорьева И.В.</i>)	621
Германия (<i>Патрушев А.И.</i>)	625
Австро-Венгрия (<i>Исламов Т.М.</i>)	633
Испания (<i>Кирсанова Н.В.</i>)	637
Война и международная социал-демократия (<i>Григорьева И.В.</i>) . .	640
Глава 23. Культура стран Европы и Америки в конце XIX — начале XX в. (<i>Ушкевич Н.Ф.</i>)	644
Хронология	689
Библиография	700

Учебное издание

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ:
начало 1870-х годов—1918 г.**

Под ред. *И.В. Григорьевой*

Зав. редакцией *Г.М. Степаненко*

Редактор *Г.В. Кошелева*

Переплет художника *В.А. Чернецова*

Технический редактор *Г.Д. Колоскова*

Корректоры *А.В. Яковлев*

Верстка на компьютере *И.В. Капранова, С.Ю. Воронина*

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.
Подписано в печать 16.10.2001
Формат 60×90/16. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 45,0. Уч.-изд. л. 46,88.
Тираж 5000 экз. Заказ. № 4659 . Изд. № 6989

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Большая Никитская, 5/7.
Отпечатано с оригинал-макета в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат». 143200, Можайск, ул. Мира, 93.